ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

1

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА. КИЕВСКАЯ РУСЬ /ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в./

АКАДЕМИЯ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. Ю. КОНДУФОР (главный редактор),
И. И. АРТЕМЕНКО, Б. М. БАБИЙ, И. К. БЕЛОДЕД,
П. П. ГУДЗЕНКО, В. И. КЛОКОВ, Б. П. КОВАЛЕВСКИЙ,
С. В. КУЛЬЧИЦКИЙ (ответственный секретарь),
И. Ф. КУРАС, Н. Н. ЛЕЩЕНКО, А. В. ЛИХОЛАТ,
И. И. ЛУКИНОВ, И. Н. МЕЛЬНИКОВА, И. И. МИНЦ,
А. Г. МИТЮКОВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Б. А. РЫБАКОВ,
А. В. САНЦЕВИЧ (заместитель главного редактора),
В. Г. САРБЕЙ, Г. Я. СЕРГИЕНКО, Р. Г. СИМОНЕНКО,
И. С. СЛАБЕЕВ, П. С. СОХАНЬ (заместитель главного редактора),
Н. И. СУПРУНЕНКО, П. Т. ТРОНЬКО, И. С. ХМЕЛЬ,
В. П. ЧУГАЕВ, Ф. П. ШЕВЧЕНКО, А. Н. ШЛЕПАКОВ,
В. И. ЮРЧУК

«НАУКОВА ДУМКА»

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

ТОМ ПЕРВЫЙ

Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь

(До второй половины XIII в.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. АРТЕМЕНКО (ответственный редактор),
В. Д. БАРАН, С. Н. БИБИКОВ, Н. Ф. КОТЛЯР,
С. П. ПАЧКОВА (ответственный секретарь),
А. И. ТЕРЕНОЖКИН, П. П. ТОЛОЧКО

КИЕВ. 1981

Освещается исторический процесс становления первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формаций на территории Украинской ССР. Рассматриваются вопросы социально-экономического и этнокультурного развития древних цивилизаций, проблемы славянского этногенеза, становления и развития Древнерусского государства — Киевской Руси.

Редакция исторической литературы

И $\frac{10604-426}{М221(04)-81}$ подписное 0505040000

© Издательство «Наукова думка», 1981

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многотомная «История Украинской ССР» освещает богатое историческое прошлое и современные героические свершения украинского народа. Его история, истоки которой уходят в глубь веков, неотделима от истории великого русского народа, братских народов СССР. Ее сегодняшние страницы — это величественная летопись активного участия трудящихся Советской Украины в строительстве коммунизма в нашей стране.

Борьба народных масс Украины за социальное и национальное освобождение, за установление и упрочение Советской власти, их успехи в создании бесклассового общества неразрывно связаны с огромной политической и организаторской деятельностью Коммунистической партии, с именем основателя и руководителя партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина. Став на путь социализма, рабочие и крестьяне Украины вместе с трудящимися других республик отстояли свободу и независимость Советской Родины в годы гражданской и Великой Отечественной войн. В едином строю народов Союза ССР украинский народ уверенно идет к коммунизму.

Достижения Украинской ССР в развитии народного хозяйства, науки и культуры — это результат вдохновенного творческого труда ее рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, яркое свидетельство великой жизненной силы дружбы, сотрудничества и взаимопомощи всех народов СССР, торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии. «...Только в содружестве советских республик, объединившись с ними и удесятерив тем самым собственные силы, смог по-настоящему расправить свои плечи, найти простор своей трудовой энергии и талантам народ Украины!» [1].

Работая над настоящим изданием, авторский коллектив видел главную цель в том, чтобы всесторонне осветить славный исторический путь украинского народа, сохранившего в условиях длительного чужеземного господства и бережно пронесшего через долгие столетия высокое сознание единства происхождения, близости языка и культуры, чувство общности и нерасторжимости судеб с русским народом; раскрыть единство действий трудящихся нашей Родины в революционной борьбе; показать расцвет Украинской ССР в братской семье советских республик. Десятитомная «История Украинской ССР» — фундаментальное издание, в котором эти проблемы решаются во взаимосвязи и взаимообусловленности исторических явлений, на основе марксистско-ленинской методологии.

История Украинской ССР — это история трудящихся всех национальностей, населяющих ее территорию. Интернациональное братство трудящихся республики развивалось и крепло в ходе революционной борьбы

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 55.

против самодержавия, господства помещиков и капиталистов, за построение социализма и коммунизма в нашей стране.

Предлагаемый читателю труд основан на разнообразных источниках. Широко использованы археологические памятники, письменные источники — летописи, средневековые акты и хроники, дневники и мемуары современников исторических событий, периодическая печать, сборники документов и материалов, документы государственных и партийных архивов, многие из которых введены в научный оборот впервые. Создание «Истории Украинской ССР» стало возможным в результате накопления и творческого осмысления в монографических трудах советских историков обширного и разнообразного фактического материала. Всесторонне использованы также труды советских ученых, работающих в области экономической истории, этнографии, литературоведения и других общественных наук.

Подлинно научное освещение всей многогранности мирового исторического процесса возможно лишь на основе марксистско-ленинского учения, которое позволяет установить как общие закономерности, так и специфические особенности исторического развития в разных странах, дать научную оценку явлениям и событиям прошлого и настоящего. Важнейшие положения учения марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях, определяющей роли способа производства в развитии общества, о классах и классовой борьбе, о решающей роли народных масс как истинных творцов истории, об исторической миссии рабочего класса и его ведущей роли в социалистическом и коммунистическом строительстве, о руководящей и направляющей роли партии рабочего класса во всей жизни советского общества дают ключ к всестороннему и глубокому познанию исторического процесса.

Особое значение для исследования закономерностей исторического процесса имеют принципы историзма, объективности и партийности в научном анализе, классовый подход к оценке исторических явлений и событий, образцом чего являются произведения основоположников марксизма-ленинизма.

Разрабатывая теорию научного коммунизма и непосредственно руководя революционной борьбой пролетариата, основоположники марксизма-ленинизма тщательно анализировали исторический опыт человечества. К. Маркс и Ф. Энгельс проявляли большой интерес к историческому прошлому народов нашей страны, в том числе к истории украинского народа. Руководя революционной борьбой всероссийского пролетариата, творчески разрабатывая марксистское учение, Владимир Ильич Ленин постоянно оказывал большую практическую помощь трудящимся Украины в их борьбе против помещиков и капиталистов. В. И. Ленин подчеркивал, что только «при едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина *возможна,* без такого единства о ней не может быть и речи» [1]. Эти бессмертные ленинские слова являются программным положением при научной разработке истории Украины.

В настоящем труде должное внимание уделено освещению узловых проблем исторического прошлого украинского народа, в том числе истории Древнерусского государства (Киевской Руси) — колыбели трех братских народов. Многочисленные археологические и письменные источники убе-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 128.

дительно свидетельствуют о том, что возникновение Киевской Руси было закономерным следствием формирования классового феодального общества у восточных славян.

В «Истории Украинской ССР» показано, что уходящая в глубь веков экономическая и политическая общность России и Украины, единство развития культуры русского и украинского народов ведут свое начало со времени существования древнерусской народности — единого корня русского, украинского и белорусского народов. Эти исторические факторы определили характер процесса формирования русской, украинской и белорусской народностей (XIV—XVI вв.). Единство исторического пути русского и украинского народов, «...столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории» [1], нашло свое выражение в богатой материальной и духовной культуре братских народов.

Многовековая борьба народных масс Украины с иноземными угнетателями за свободу и независимость, за единение с братским русским народом вылилась в середине XVII в. в мощную народно-освободительную войну, которую возглавил Богдан Хмельницкий — великий сын своей эпохи, поднявшийся до понимания коренных национальных интересов народа. Героическая борьба украинского народа завершилась историческим актом воссоединения Украины с Россией, провозглашенным Переяславской радой.

В ходе освободительной войны начала складываться украинская государственность. Однако этот процесс тогда не завершился и объективно не мог завершиться в условиях непрекращавшейся турецко-татарской и польско-шляхетской агрессии.

Воссоединение Украины с Россией способствовало более тесному единению народных масс в борьбе против социального гнета, в усилении отпора иноземной агрессии. Важную роль в этой борьбе сыграло донское и запорожское казачество. По своему социальному составу казачество было неоднородным. Беднейшее казачество («голытьба») активно участвовало в антифеодальных восстаниях и крестьянских войнах.

Ярким проявлением единства классовых интересов, цементировавшего братскую дружбу русского и украинского народов, трудящихся всех национальностей России, явились социальные движения, выливавшиеся в могучие крестьянские войны под руководством И. Болотникова, С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева. В этих войнах принимали самое активное участие крестьянско-казацкие массы Украины. В антифеодальных восстаниях на Украине, особенно в гайдамацком движении, Колиивщине, участвовали сыны русского, белорусского, молдавского, польского и других народов.

Крупным очагом антифеодальных движений, наряду с другими казацкими областями, была Запорожская Сечь. Напуганное размахом антифеодальных выступлений, царское правительство предприняло ряд мер, направленных на укрепление абсолютистской монархии. В частности, после подавления крестьянской войны под руководством Е. Пугачева оно ликвидировало Запорожскую Сечь. Было реорганизовано управление казацкими областями Дона, Поволжья и Приуралья.

В первой половине XIX в. на Украине, как и во всей России, углубился процесс разложения феодального строя, обострились противоречия

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.

внутри господствующего класса. В стране развернулось освободительное движение. Первыми против самодержавия выступили дворянские революционеры — декабристы.

Нарастание классовой борьбы крестьянства было одним из главных факторов, которые вынудили царское правительство провести реформу 1861 г., отменившую крепостное право. Несмотря на ограниченный и половинчатый характер, эта реформа открыла путь капитализму. Развивалась капиталистическая промышленность, множились и укреплялись экономические связи между различными регионами, завершился процесс формирования единого общероссийского рынка. По определению В. И. Ленина, «...после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [1].

После реформы 1861 г. начался второй этап освободительного движения. Эстафету освободительной борьбы от декабристов приняло новое поколение борцов — революционеры-разночинцы, революционные народники.

Развитие капитализма обусловило быстрый рост рядов рабочего класса. На Украине рабочий класс складывался, закалялся и проходил школу революционной борьбы как составная часть единого всероссийского пролетариата. Рабочий класс был выразителем социальных и национальных устремлений всех трудящихся России. Он формировался из представителей различных наций и народностей, населявших страну.

Для многонационального пролетариата Украины, как и для всероссийского рабочего класса, был характерен высокий уровень концентрации на крупных промышленных предприятиях. Это благоприятствовало сплочению рабочих, развитию революционного движения. Ведущую роль в развертывании революционного движения на Украине играли такие пролетарские центры, как Харьков, Екатеринослав, Киев, Луганск, Юзовка, Одесса, Николаев.

На рубеже XIX—XX вв. капитализм вступил в завершающую стадию своего развития — империализм. Центр мирового революционного движения переместился в Россию, превратившуюся в узел всех противоречий капитализма.

С выходом пролетариата на арену революционной борьбы наступил третий, завершающий этап освободительного движения. В стране множились рабочие и социал-демократические организации, проводившие активную революционную работу. Созданный В. И. Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» стал зародышем пролетарской партии в России. Вслед за петербургским возникли «Союзы борьбы» в Москве, Киеве, Екатеринославе.

Неоценимый творческий вклад в развитие марксистской теории внес В. И. Ленин. Ленинизм — это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества.

Марксизм-ленинизм развивался в бескомпромиссной борьбе против либерального народничества, различных оппортунистических течений в рабочем движении, буржуазно-националистических взглядов. Важнейшей

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

задачей нараставшего рабочего движения являлось создание боевой пролетарской партии — партии нового типа. Огромная роль в создании партии пролетариата принадлежала газете «Искра». Активную работу по созданию революционной рабочей партии провели руководимые и направляемые ленинской «Искрой» социал-демократические организации Украины. Такая революционная партия — партия большевиков — была создана в 1903 г. на II съезде РСДРП в результате объединения марксистских организаций на основе идейно-политических и организационных принципов, выработанных В. И. Лениным. Образование большевистской партии открыло новый этап в российском и международном рабочем движении.

Объединив в своих рядах передовых представителей рабочего класса многонациональной страны, ленинская партия возглавила революционное движение трудящихся всех наций и народностей России за их социальное и национальное освобождение, против самодержавия и капитализма. Она решительно отстаивала марксизм в борьбе с ревизионизмом, творчески развивала марксистское учение, соединяя его в ходе революционной борьбы с массовым пролетарским движением. Большевистские организации Украины вели решительную борьбу с оппортунизмом, за единство рабочего движения, разоблачали украинских буржуазных националистов и сионистов, мелкобуржуазные националистические партии, пытавшиеся расколоть рабочий класс по национальному признаку.

Под руководством большевистской партии рабочий класс многонациональной России выступил в революции 1905—1907 гг. как самостоятельная политическая сила, как ее гегемон, способный повести за собой на борьбу широкие трудящиеся массы. Это была первая народная революция эпохи империализма. Она подорвала устои самодержавия, вызвала широкий международный резонанс, пробудила к активной политической борьбе угнетенные народы Востока.

В совместной борьбе против эксплуататоров росло и крепло братское содружество трудящихся всех народов страны. Процесс дальнейшей революционизации масс ускорила империалистическая война. В февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., которая свергла царизм и открыла путь для борьбы за победу социалистической революции, рабочий класс Украины выступил как боевой отряд многонационального пролетариата России.

В борьбе за победу социалистической революции впервые в истории сложился союз рабочего класса и беднейшего крестьянства при руководящей роли пролетариата — решающая общественно-политическая сила, способная свергнуть власть буржуазии и помещиков, осуществить коренные преобразования во всех сферах общественной жизни. С этой силой народные массы Украины связывали осуществление своих вековых социальных и национальных чаяний.

Единство революционных действий пролетариата и беднейшего крестьянства всех национальностей России, руководство партии большевиков массами явились важнейшими факторами победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла новую эру всемирной истории. **«Победа Октября — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»** [1].

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (дальше — КПСС в резолюциях...). М., 1978, т. 12, с. 426.

Победа Великого Октября и установление власти Советов в нашей стране стали возможными благодаря тому, что партия большевиков сумела объединить в единый мощный революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, борьбу крестьян за землю, национально-освободительное движение угнетенных народов России, всенародное движение за мир и прекращение империалистической войны. Пролетарская по своему содержанию, Великая Октябрьская социалистическая революция была глубоко народной. С ее победой украинский народ, как и все народы бывшей царской России, впервые обрел возможность самостоятельно определить собственную историческую судьбу. Главнейшим выражением народного характера Октябрьской революции явились союз рабочего класса и крестьянства, совместная борьба против угнетателей и братское сотрудничество трудящихся всех наций. Революция победила под знаменем пролетарского интернационализма и дружбы народов.

Всемирно-историческое значение Октября состоит в том, что он открыл путь к созданию цивилизации нового типа, явив миру образец решения коренных общественных проблем: свержения власти эксплуататоров и установления диктатуры пролетариата, ликвидации буржуазно-помещичьей собственности и утверждения новой, социалистической собственности на средства производства, справедливого решения аграрного вопроса, освобождения народов от социального и национального угнетения, создания политических и социально-экономических предпосылок построения социализма.

С победой Октября украинский народ впервые за всю свою историю создал суверенное национальное государство. Социалистическая государственность украинского народа — детище Великого Октября, торжество принципа пролетарского интернационализма, мудрой ленинской национальной политики Коммунистической партии. Последовательное проведение в жизнь ленинской национальной политики убедительно продемонстрировало несостоятельность всех антимарксистских концепций. Оно нанесло сокрушительный удар по буржуазной идеологии, в частности идеологии украинского буржуазного национализма.

В социальном и национальном освобождении украинского народа огромная роль принадлежала В. И. Ленину. Великий Ленин был вдохновителем создания Украинской Советской Социалистической Республики. В соответствии с ленинскими принципами партийного строительства была создана Коммунистическая партия (большевиков) Украины — составная и неотъемлемая часть единой Российской Коммунистической партии (большевиков). Компартия Украины под руководством ленинского ЦК РКП(б) возглавила борьбу трудящихся республики против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции, за осуществление коренных социально-экономических преобразований.

В непримиримой борьбе с классовыми врагами, с оппортунистами всех мастей и оттенков крепли монолитность, единство и авторитет Коммунистической партии Украины, ее неразрывная связь с народными массами.

В. И. Ленин непосредственно направлял партийное и государственное строительство на Украине в годы гражданской войны, оказывал большую помощь украинским рабочим и крестьянам в борьбе против сил внутренней контрреволюции и иностранных интервентов. Испытанное ленинское руководство, беззаветный героизм сынов и дочерей украинского народа,

поднявшихся на защиту октябрьских завоеваний, огромная помощь русского, всех братских народов стали решающими факторами разгрома иностранных интервентов, белогвардейцев, украинских буржуазных националистов и других контрреволюционеров.

В борьбе за победу социалистической революции, в огне гражданской войны укрепились единство действий пролетариев России, Украины и других советских республик, военно-политический и экономический союз народов, сбросивших цепи социального и национального гнета. Процесс интернационального сплочения трудящихся достойно увенчался образованием Союза Советских Социалистических Республик, одним из инициаторов которого была Советская Украина. Гениальным стратегом создания СССР был великий Ленин, во главе объединительного движения шла партия большевиков, партийные организации советских республик. Образование Союза ССР было продолжением дела Великого Октября. Перед украинским народом, всеми народами СССР открылись грандиозные перспективы социально-экономического, политического и культурного развития.

Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным вооружила трудящихся всех республик научно обоснованным планом построения социализма и коммунизма. Ликвидация эксплуататорских классов, социалистическая индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, решение национального вопроса, развитие социалистической государственности, укрепление обороноспособности страны и проведение активной внешнеполитической линии на мирное сосуществование государств с различными социальными системами — таковы были главные элементы гениального ленинского плана. Партия подняла советских людей на творческий труд по воплощению в жизнь ленинских начертаний, обеспечила полный разгром капитулянтов, троцкистов, правых оппортунистов, национал-уклонистов и других врагов социализма.

Основы плановой системы развития народного хозяйства страны были заложены в ленинском плане ГОЭЛРО и первом пятилетнем плане, обеспечивших создание прочного материального фундамента для строительства социалистического общества. **«Планирование развития народного хозяйства,**— отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР»,— **одно из важнейших научных и социальных завоеваний XX века и революционной практики преобразования общественной жизни»** [1].

Результатом осуществления коренных экономических и социальных преобразований в годы первой и второй пятилеток явилась всемирно-историческая победа советского народа — построение в основном социалистического общества. Эту великую победу законодательно закрепили новая Конституция СССР, принятая в 1936 г., конституции союзных республик, в том числе Конституция УССР 1937 года.

Важнейшим завоеванием ленинской национальной политики партии в период строительства социализма была ликвидация экономического и культурного неравенства народов. Революционное творчество трудящихся показало со всей убедительностью, что решение национального вопроса возможно только путем построения социализма, в ходе индустриализации

[1] КПСС в резолюциях... М., 1981, т. 13, с. 336.

страны, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции, создания морально-политического единства всех наций и классов общества, последовательного проведения в жизнь принципа пролетарского интернационализма.

В процессе строительства социализма, братского сотрудничества народов под руководством Коммунистической партии сформировался новый, советский образ жизни, создался единый народнохозяйственный комплекс СССР. Сформировались новые, социалистические нации, в том числе украинская социалистическая нация. Их характеризуют социальное и идейно-политическое единство, общность цели — построение коммунистического общества.

Сформирование социалистических наций было прямым результатом создания новой экономики, ликвидации национального угнетения, воспитания трудящихся масс в духе дружбы народов и пролетарского интернационализма. Решение национального вопроса — одно из великих достижений социализма, «...которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция» [1].

Утверждение социалистических общественных отношений, формирование социалистических наций, однотипной социальной структуры советского общества, наличие общих интересов братских классов и социальных групп стали базой, на которой активно формировалась новая историческая общность людей — советский народ.

В 1939—1940 гг. осуществилась мечта украинского народа о воссоединении его земель в едином Советском государстве. Воссоединение западноукраинских земель с Советской Украиной стало возможным в результате укрепления экономического и военного могущества СССР, благодаря последовательному проведению ленинской внешней политики Коммунистической партии, учитывавшей горячее стремление западноукраинских трудящихся к воссоединению. В братской семье советских народов для трудящихся воссоединенных украинских земель открылся светлый путь к социализму. Процесс воссоединения украинских земель завершился вхождением в 1945 г. Закарпатья в состав Союза ССР.

Неоспоримые преимущества социализма, монолитность и нерушимое единство советских народов с особой силой проявились в тяжелые и героические годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Вместе со всеми братскими народами Страны Советов внес свой вклад в разгром фашистских захватчиков украинский народ. Трудящиеся Украины героически боролись на фронте, в партийном подполье и партизанских отрядах, самоотверженно несли трудовую вахту. В битвах с немецко-фашистскими захватчиками ярко проявились боевое братство и дружба народов СССР. В рядах Советской Армии, защищавшей и освободившей Советскую Украину от фашистского порабощения, храбро сражались сыновья и дочери всех народов Союза ССР.

Всемирно-историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была закономерным следствием исторических преимуществ социалистической системы, результатом многогранной деятельности Коммунистической партии по организации всенародной борьбы против фашистских захватчиков, морально-политического единства советского обще-

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 4, с. 50.

ства, нерушимой дружбы народов СССР, триумфом идеологии марксизма-ленинизма.

Решающая роль СССР в разгроме германского фашизма и японского милитаризма, освободительная миссия Советской Армии, исторические успехи нашей социалистической Родины в послевоенном строительстве способствовали ускорению мирового революционного процесса, победе народно-демократических и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии. Социализм превратился в мировую систему. Это было крупнейшим после победы Великого Октября всемирно-историческим событием. Мировая социалистическая система стала главной революционной силой современной эпохи.

Героические годы восстановления разрушенного войной хозяйства еще больше укрепили дружбу и интернациональную сплоченность народов СССР. Восстановление производительных сил Украинской ССР осуществлялось украинским народом в тесном содружестве с русским и всеми братскими народами страны, за счет материальных ресурсов всего Советского государства.

Историческим итогом самоотверженного труда народов СССР стало построенное в нашей стране общество развитого социализма. В условиях развитого социализма еще больше укрепляется, обогащается новыми яркими гранями дружба всех наций и народностей, составляющих могучий Союз ССР. Прочной материальной основой их дружбы и братского сотрудничества стал единый хозяйственный организм, который сложился и развивается в масштабах всей страны. Высокоразвитое многоотраслевое народное хозяйство Советской Украины — неотъемлемая составная часть единой общесоюзной экономики.

На современном этапе все более углубляются процессы интернационализации всей экономической и общественно-политической жизни. Основной социальной силой, обеспечивающей расцвет и сближение наций и народностей, выступает рабочий класс. Происходит дальнейшее стирание классовых различий, усиливается социальная однородность советского общества. В ходе коммунистического строительства на основе дальнейшего укрепления союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса окончательно сформировалась и развивается новая социально-экономическая и интернациональная общность людей — советский народ.

Нынешний этап в жизни советского общества характеризуется развитием и укреплением общенародного Советского государства, последовательным развертыванием социалистической демократии. Подлинным манифестом общества развитого социализма стала новая Конституция СССР, принятая после всенародного обсуждения в канун 60-летия Великого Октября.

Итоги общественно-политического, народнохозяйственного и культурного развития республики законодательно закреплены в новой Конституции (Основном Законе) Украинской ССР, принятой Верховным Советом УССР в апреле 1978 г.

На современном этапе возрастает руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в обществе, усиливается ее теоретическая, политическая и организаторская деятельность. «Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики

СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма» [1],— говорится в новой Конституции СССР.

Под испытанным руководством Коммунистической партии советский народ прошел путь, равный столетиям. Создано общество, подобного которому человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы, общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение, общество твердой уверенности в будущем, светлых коммунистических перспектив.

Сложился советский образ жизни, основанный на подлинном коллективизме, товариществе и взаимопомощи трудящихся, уважении к человеку труда, каждому члену общества, на сплоченности, дружбе всех наций и народностей страны, крепнущих день ото дня.

Рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция Украинской ССР своим самоотверженным трудом вносят достойный вклад в выполнение главной задачи советского народа — создание материально-технической базы коммунизма.

Успехи нашей республики убедительно опровергают домыслы зарубежных фальсификаторов истории, идеологов империализма и их слуг — маоистов, сионистов и украинских буржуазных националистов, которые всячески пытаются опорочить исторический путь, пройденный украинским народом, и его славное настоящее.

На собственном историческом опыте трудящиеся Украинской ССР познали благотворные результаты ленинской национальной политики Коммунистической партии, животворную силу идей пролетарского интернационализма и дружбы народов, которые были и есть могучим фактором социального прогресса, залогом дальнейших побед в коммунистическом строительстве. «Для новых высоких взлетов — и в экономике, и в духовном развитии — мы имеем все необходимое,— говорил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий.— И прежде всего, мы имеем два таких могучих крыла, как социалистический строй и нерушимая дружба народов» [2].

Дальнейшее укрепление единства партии и народа убедительно продемонстрировал XXVI съезд КПСС. Высший форум коммунистов подвел итоги деятельности партии, всего советского народа в десятой пятилетке, сформулировал очередные задачи в области внутренней и внешней политики. С удовлетворением и гордостью говорили делегаты съезда о том, что за пять лет значительно увеличилось национальное богатство страны, вырос ее производственный и научно-технический потенциал, укрепилась обороноспособность Советского государства, повысился уровень благосостояния и культуры трудящихся. Подчеркивая огромное международное значение исторического опыта, приобретенного советским народом со времени установления диктатуры пролетариата, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев заявил: «Двадцатый век принес с собой больше перемен, чем любое предшествовавшее ему столетие. И ни одна страна не внесла в эти перемены

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 7.

[2] *Щербицкий В. В.* Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 375.

более весомого вклада, чем Союз Советских Социалистических Республик — родина Великого Октября, первая страна победившего социализма»[1].

Велики и ответственны задачи, поставленные съездом перед советскими людьми на одиннадцатую пятилетку и на перспективу до 1990 г. От их выполнения во многом будет зависеть облик нашей Родины в конце XX в., на пороге нового тысячелетия в истории человечества. Вдохновленные величием задач, поставленных КПСС, рабочий класс, колхозное крестьянство и народная интеллигенция Украинской ССР плечом к плечу с трудящимися всех союзных республик успешно строят коммунизм.

Исследуя славное прошлое украинского народа и его героическое настоящее, рассматривая историю Украины как составную часть истории СССР, авторский коллектив многотомной «Истории Украинской ССР» стремился, чтобы этот научный труд способствовал дальнейшему укреплению дружбы и братства народов, великому делу коммунистического воспитания трудящихся. Все содержание многотомной «Истории Украинской ССР» убедительно опровергает домыслы и извращения буржуазных и буржуазно-националистических фальсификаторов.

«История Украинской ССР» состоит из 10 томов:

Том I. Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь. (До второй половины XIII в.).

Том II. Развитие феодализма. Нарастание антифеодальной и освободительной борьбы. (Вторая половина XIII — первая половина XVII в.).

Том III. Освободительная война и воссоединение Украины с Россией. Начало разложения феодализма и зарождение капиталистических отношений. (Вторая половина XVII—XVIII в.).

Том IV. Украина в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Отмена крепостного права и развитие капитализма (XIX в.).

Том V. Украина в период империализма. (Начало XX в.).

Том VI. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Украине (1917—1920).

Том VII. Украинская ССР в период строительства и укрепления социалистического общества (1921—1941).

Том VIII. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941—1945).

Том IX. Украинская ССР в период укрепления социализма (1945—начало 60-х годов).

Том X. Украинская ССР в период развитого социализма и строительства коммунизма (60-е — начало 80-х годов).

Десятитомное издание «Истории Украинской ССР» подготовлено коллективами Института истории АН УССР, Института археологии АН УССР (т. I) с участием ученых других научных учреждений и вузов республики.

В издании помещен обширный иллюстративный и картографический материал. Большинство карт и схем изготовлено специально для этого издания.

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 79.

Ценную помощь в выявлении и использовании новых архивных документов оказали Главное архивное управление при Совете Министров УССР и подведомственные ему учреждения.

Иллюстративный материал подобран в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов СССР, Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов УССР, ТАСС, РАТАУ, Украинском обществе дружбы и культурной связи с зарубежными странами, в архиве Министерства иностранных дел УССР.

Главная редакционная коллегия и авторский коллектив выражают искреннюю благодарность за помощь в подготовке этого издания Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институту истории СССР АН СССР и Институту археологии АН СССР, Институту истории партии при ЦК Компартии Украины — филиалу Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институту военной истории МО СССР, Институту общественных наук АН УССР, институтам истории академий наук Белорусской и Молдавской ССР. Главная редакционная коллегия признательна Отделению истории АН СССР за оказание помощи в подготовке издания.

Главная редакционная коллегия

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ

В томе освещается период с древнейших времен до середины XIII в. В нем рассказывается о возникновении и развитии первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формаций на современной территории Украинской ССР.

Указанный период был освещен в первой книге многотомного издания «Истории Украинской ССР» на украинском языке, опубликованной в 1977 г., которая получила высокую оценку специалистов и общественности. В настоящем издании учтены последние достижения советской археологической науки, высказанные пожелания и замечания, издание дополнено иллюстративным материалом.

Книга написана на основе археологических и письменных источников, исторического анализа многочисленных вещественных остатков древних культур различных эпох, являющихся единственными источниками для изучения древнейших, дописьменных периодов истории.

Известно, что письменность на Земле появилась немногим более 5 тыс. лет назад, а человечество существует более 2 млн. лет. На протяжении сотен тысячелетий дописьменного периода человек вел упорную борьбу с силами природы за свое существование. В этой борьбе он не только преобразовывал окружающий мир, но и сам развивался и совершенствовался. В основе существования человеческого общества лежал непрерывный и упорный творческий труд, создавший самого человека [1].

Следы деятельности древних людей сохранились в земле в виде остатков поселений и жилищ, погребений, мастерских, разнообразных орудий труда, оружия, предметов домашнего обихода, произведений искусства и т. п.

Проведение широких исследований археологических памятников и изучение разнообразных вещественных материалов дают возможность представить, как жили первобытные люди, восстановить исторические события дописьменного периода. Археологические материалы не теряют своего значения и при изучении позднейших эпох. Они значительно дополняют письменные источники, дают возможность полнее осветить исторические процессы, происходившие в древности, а также уровень развития экономики и культуры различных племен и народов.

Территория Украины относится к наиболее изученным в археологическом отношении регионам Советского Союза. Археологические раскопки на Украине проводятся уже более полутора столетий. Советская археология получила в наследство от дореволюционного времени значительный археологический материал. Однако идеалистическая направленность дореволюционной археологии, ее классовая ограниченность, вещеведенье

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 491.

и описательность не дали ей возможности подняться до уровня объективного освещения исторических событий. По-настоящему археология как наука стала развиваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. В советский период благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства о развитии археологии она заняла достойное место среди общественных наук.

Особенно значительные по своим масштабам археологические исследования на территории Украинской ССР развернулись в последние десятилетия. Для всестороннего изучения вещественных остатков древнейших культур археология все более широко использует новейшие данные естественных наук — геологии, палеозоологии, палеоботаники, металловедения, химии, физики, математики. Археология тесно связана с этнографией, антропологией, лингвистикой, исторической географией.

Однако археолог — прежде всего историк. Его задачи заключаются в том, чтобы, использовав современные достижения различных наук, получить от вещественных остатков древнейших культур максимум исторической информации, восстановить исторические события, которые происходили в далеком прошлом, написать древнейшую историю современных народов. Благодаря развитию археологии, геологии, палеонтологии, антропологии и этнографии опровергнуты мифы о сотворении человека богом, об извечности религии, частной собственности и государства.

К. Маркс и Ф. Энгельс большое внимание уделяли древнейшей истории, использовали ее данные при разработке теории исторического материализма. Имея в виду самую древнюю из изучаемых археологами эпох — эпоху палеолита, Ф. Энгельс писал: «...Эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям» [1]. В известном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанном в 1884 г., Ф. Энгельс разработал принципы периодизации истории первобытного общества, основанной на развитии производственных отношений, и прежде всего форм собственности.

Неоценимый вклад в методологию истории древнейшего общества внес В. И. Ленин. В своих работах В. И. Ленин поставил на реальную основу изучение законов народонаселения, указал пути исследования древней экономики, внес принципиально новое в разработку сложной проблемы происхождения религии.

Основоположники научного коммунизма создали учение о социально-экономических формациях, закономерно сменявших друг друга в ходе поступательного развития человечества, раскрыли объективные законы исторического развития. Применяя марксистско-ленинскую методологию, авторский коллектив данной работы на основании изучения археологических материалов и письменных источников стремился воссоздать древнейшую историю Украинской ССР, являющуюся составной частью древнейшей истории Советского Союза. В главах, посвященных истории первобытного общества, материал изложен в соответствии с принципами периоди-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 118.

зации, разработанной Ф. Энгельсом, а также с учетом археологической периодизации, которая базируется на исследовании постоянно совершенствующихся орудий производства, анализе трудовых процессов, т. е. на анализе самого труда, создавшего человека.

Подготовке книги предшествовали многолетняя исследовательская работа Института археологии АН УССР, издание монографий и коллективных обобщающих трудов по древнейшей истории и археологии Украинской ССР, в частности «Очерков древней истории Украинской ССР» (Киев, 1957 г.) и «Археологии Украинской ССР» в трех томах (Киев, т. I—II, 1971 г.; т. III, 1975 г.), удостоенной в 1977 г. Государственной премии Украинской ССР в области науки и техники.

Первый том «Истории Украинской ССР» состоит из трех частей.

В первой части, посвященной первобытнообщинному строю (главы I—III), освещается история первобытного населения современной территории Украинской ССР от начала ее заселения до конца бронзового века. Это был период постепенного освоения нашими предками современной территории Украинской ССР, формирования человека современного физического типа, становления первых форм его общественной организации, развития человеческого общества. В процессе развития производительных сил и производственных отношений происходил переход от простого присвоения человеком готовых продуктов природы к производящим формам хозяйства — земледелию и скотоводству, с дальнейшим развитием которых произошло первое крупное общественное разделение труда — отделение скотоводства от земледелия. Это было время развития обмена, открытия и использования металла (меди и бронзы), межплеменных войн, завоевания одних племен другими, возникновения имущественного неравенства. Все это подрывало основы первобытнообщинного строя и создавало предпосылки для разделения общества на два антагонистических класса — имущих и неимущих, богатых и бедных. Формировались большие этнические и культурные общности, на основе которых возникло большинство современных народов.

Возникновение первого классового — рабовладельческого — общества в Северном Причерноморье — тема второй части книги (главы IV—V). В ней рассказывается о племенах Северного Причерноморья — киммерийцах, чье имя дошло до нас благодаря письменным источникам, освещается история скифов и сарматов, а также земледельческих племен лесостепной и полесской территорий Украины, в среде которых происходил сложный и еще не до конца изученный процесс этногенеза восточных славян. Исследуются причины значительных изменений, происшедших у племен на территории Украины в I тысячелетии до н. э. и связанных с открытием железа, освоением технологии его производства и массовым применением железных орудий труда и оружия. Освоение железа способствовало ускоренному развитию производительных сил, общему прогрессу общества. Произошло второе крупное общественное разделение труда — ремесло отделилось от земледелия. Коренной ломкой старых основ экономики и быта племен начался процесс разложения первобытнообщинного строя и переход к раннеклассовому обществу. В этой же части излагается история возникновения и развития античных рабовладельческих городов-государств в Северном Причерноморье, существование которых было могучим стимулом ускорения процесса социально-экономического развития местных племен, разложения у них родоплеменных и формирования классовых

отношений. Рабовладельческий строй, несмотря на наличие классового антагонизма, был более высоким и прогрессивным этапом развития человеческого общества по сравнению с первобытнообщинным.

Возникновение и развитие феодального способа производства освещено в третьей части книги (главы VI—IX). Здесь рассказывается о происхождении и развитии восточнославянских племен, разложении у них первобытнообщинных и зарождении феодальных отношений, возникновении классов и первых государственных образований. Большое внимание уделяется освещению истории образования и развития одного из могущественнейших государств средневековой Европы — Киевской Руси, развитию в нем феодальных производственных отношений, сложению единой древнерусской народности — общего предка трех братских восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского. Исследуется период феодальной раздробленности, рассказывается о первых выступлениях народных масс против феодального угнетения, о героической борьбе народа Руси против монголо-татарского нашествия. В тяжелый период ига Золотой Орды древнерусский народ сумел сохранить силы, освободиться от ненавистного иноземного господства и преодолеть его последствия. Освещаются также формирование и развитие культуры Древней Руси, находившейся на уровне культуры передовых стран Европы и влиявшей на развитие культуры многих соседних народов. Культура Древней Руси была основой формирования культур трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Первый том «Истории Украинской ССР» подготовлен к печати авторским коллективом Института археологии АН Украинской ССР в составе И. И. Артеменко (предисловие); С. Н. Бибикова (§ 1, 2 главы I); В. И. Бидзили (§ 1 главы VI); С. А. Высоцкого (глава IX); М. И. Вязьмитиной (§ 5, 6 главы IV); В. И. Довженка (глава VII); Ю. Н. Захарука (глава II); В. А. Ильинской (§ 1—4 главы IV); С. Д. Крыжицкого (глава V), М. М. Славина (глава V); А. Т. Смиленко (§ 2, 3 главы VI, заключение); Д. Я. Телегина (§ 3—6 главы I, заключение); П. П. Толочко (главы VII, VIII); О. Г. Шапошниковой (глава III).

Хронологический, именной и географический указатели составили А. С. Беляев и С. А. Беляева.

Карты подготовили С. Н. Бибиков («Основные памятники эпох палеолита и мезолита»); Д. Я. Телегин («Племена неолитической эпохи»); О. Г. Шапошникова и Т. Г. Мовша («Племена медного века»); О. Г. Шапошникова («Племена бронзового века»); А. Т. Смиленко и В. И. Бидзиля («Славянские племена и их соседи на рубеже н. э. и в первой половине I тыс. н. э. (на современной территории Украинской ССР»); В. А. Ильинская и С. Д. Крыжицкий («Скифия. Сарматы. Античные города Северного Причерноморья»); П. П. Толочко («Территория древнего Киева с расположением памятников каменной архитектуры»; «Русские княжества в XII—XIII вв. Борьба против монголо-татарских завоевателей»).

Редакционную обработку и подготовку карт к печати осуществил Е. В. Мержвинский.

Иллюстрации подобрали С. М. Мазарати и С. С. Русяева.

Первобытнообщинный строй

Глава I

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР

Открытия последних лет, сделанные в области изучения приматов, позволяют внести существенные изменения в прежние представления о первых семействах гоминид — родоначальниках человека.

Археологические, палеонтологические и геологические исследования в южной половине Восточного полушария планеты привели к обнаружению остатков высокоразвитых двуногих высших приматов, возраст которых определяется в 2—2,5 млн. лет (Танзания, Кения, Эфиопия). Таким образом, семейство гоминид, отличавшееся прямохождением, этим важнейшим признаком, предопределившим и процесс очеловечения приматов, появилось задолго до первых людей — создателей устойчиво оформленных орудий труда.

Следовательно, история человечества восходит к тому очень отдаленному времени, когда, повинуясь еще не во всем разгаданным объективным законам необходимости, обезьяна-примат стала на задние конечности. Передние конечности перестали быть только средством передвижения, органами опорно-двигательной системы. С течением длительного прогрессирующего эволюционного процесса передние конечности все больше приспосабливались к выполнению производственных функций. Это были действия, прежде всего совершенствующие добычу средств существования с помощью искусственного посредника, т. е. орудия труда. С этого времени и начинается осознанная и планомерная деятельность человека-обезьяны, направленная на улучшение удовлетворения своих потребностей с помощью усиления добычливости лапы-руки.

Изготовление и использование орудий труда значительно увеличивало жизнестойкость обезьянолюдей, способствовало изменению их биологической и психологической структуры, ускоряло отрыв от животного состояния, развивало зачатки социальных качеств. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству» [1],— писал Ф. Энгельс.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 490.

1. ЭПОХА ПАЛЕОЛИТА

Ранний палеолит. Вероятно, не менее миллиона лет прошло с тех пор, как началось продвижение древнейших человеческих сообществ из южной половины Восточного полушария, из Африки и, возможно, из Юго-Восточной Азии, на север. Уже в раннем палеолите стал осваиваться древнейшими людьми, получившими собирательное название питекантропов, европейский материк. Путь пришельцев лежал через Кавказский перешеек, Восточное Средиземноморье, Гибралтар.

Чем были вызваны постоянные передвижения древнейших сообществ — не всегда объяснимо. Во всяком случае, здесь должно было оказывать стимулирующее влияние относительное перенаселение на единицу площади, т. е. ситуации, открытые К. Марксом, приводившие к давлению избытка населения на производительные силы при низком уровне развития последних [1]. Экономическая необходимость таких вынужденных миграций, являвшихся следствием истощения жизненных ресурсов, всегда довлела над обществами с присваивающим способом хозяйства.

Следует при этом иметь в виду, что древние миграции никогда не были бессистемным шествием человеческих групп. Такие передвижения подчинялись строгим требованиям определенной организации переселения, наличия водных источников в пути, обеспечения охотничьими угодьями и безопасности передвижения.

Таким образом, положение К. Маркса о вынужденных миграциях применительно к обществам с низким уровнем развития производительных сил имеет силу закона, содержание и действие которого переходит в свою противоположность в развитых антагонистических классовых обществах.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 568.

Появление древнего человека на территории современной Украины падает на первую половину раннего палеолита — ашельское время *. Оно совпадает с первой половиной среднего плейстоцена, или антропогена с лихвинским (миндель-рисским) межледниковьем (около 300 тыс. лет тому назад). В Восточной Европе господствовал в то время теплый, несколько влажный климат с периодическими похолоданиями, предвестниками наступающего днепровского (рисского) оледенения.

На равнинах, в речных долинах и на взгорьях нынешней южной половины Европейской части СССР, покрытых растительностью умеренных широт, паслись стада бизонов, гигантских оленей, антилоп, древних слонов, носорогов.

В камышах, кустарниковых зарослях и лесных дебрях водились хищники — львы, медведи, гиены, волки, часто устраивавшие свои логова в пещерах.

Численно небольшие группы первобытных людей, уже познавших пользу огня для обогрева, размягчения пищи и борьбы с хищниками, бродили в поисках удачливой охоты, возможности поимки грызунов и других мелких животных, ящериц, насекомых, сбора естественных даров природы — съедобных плодов, листьев, кореньев, яиц птиц, моллюсков.

Люди были вооружены самыми простейшими орудиями труда — заостренными палками-копалками, ду-

* Палеолит делится на ранний, средний и поздний (или на ранний и поздний). Ранний палеолит состоит из шелльской и ашельской эпох, средний палеолит — это мустьерская эпоха, поздний палеолит включает оринъякскую, солютрейскую и мадленскую эпохи. Эти культурно-исторические этапы имеют несколько условное значение, т. к. не везде характеризуются стойкими признаками и хронологическими соответствиями.

бинами и массивными кремневыми ручными рубилами. Последние употреблялись для различных бытовых надобностей. Человеческие коллективы уже начали осваивать пещерные убежища, служившие им укрытиями от непогоды, прибегая в случаях необходимости к устройству внутренних дополнительных сооружений — примитивных заслонов и загородок с наветренных сторон и даже шалашей из ветвей и шкур, улучшающих условия быта.

В социальной организации этих древних сообществ еще действовали непреодоленные инстинкты звериного индивидуализма. В то же время нарождались и некоторые общественные черты в сознании, проявившие себя в укреплении взаимосвязи внутри кровнородственных сообществ, совместном освоении и постройке жилых убежищ, в коллективизме добычи и распределения средств существования. Весьма вероятно, что в таких кровнородственных общинах уже созрели экзогамные порядки, т. е. запрет брачных отношений внутри общины.

На Украине обнаружено не много достоверных местонахождений с остатками культуры человека ашельского возраста. Видимо, это объясняется слабой заселенностью территории в то время. В Донбассе, в районе г. Амвросиевки, было найдено крупное кремневое ручное рубило, не вызывающее сомнения в том, что оно изготовлено ашельским человеком. На берегу Днестра у с. Лука-Врубловецкая, недалеко от Каменца-Подольского, были найдены архаические кремни и среди них несколько ашельских ручных рубил. Хорошо выраженным ашельским местонахождением является Житомирская стоянка в бассейне р. Свинолужки. Здесь обнаружено множество расщепленных кремней, употреблявшихся в качестве режущих и скоблящих орудий, а также типичные ручные рубила.

Исследования, проведенные (особенно в последние годы) в Закарпатской области, увенчались большим успехом в изучении палеолитических культур. В ряде пунктов, в районе Южных и Юго-Восточных Карпат, вдоль р. Тисы и ее притоков, на террасах и возвышенностях найдены остатки палеолитических поселений ашельского и мустьерского возрастов. Одно из 20 таких местонахождений обнаружено в районе Хустских ворот и принадлежит многослойному поселению Королево (Виноградовский район). Расположено Королево на высокой (100 м) террасе левого берега р. Тисы. Здесь в десятиметровой толще суглинистых отложений прослежено восемь переотложенных остатков палеолитических поселений. Самые древние из них, соответственно 7-й и 8-й культурные горизонты, датируются ашельским возрастом. Археологические собрания из ашельских горизонтов залегания состоят из множества примитивных изделий, выполненных в так называемой клектонской технике из андезита, обсидиана, сланцев и других горных пород. Своеобразными и крупными изделиями здесь представлены скребла, чопперы и чоппинги — орудия ударного и ударно-режущего действия, характерные для раннего палеолита.

Несмотря на редкую заселенность территории Украины в ашельское время, нельзя считать, что ашельцы были совершенно обособлены и изолированы от других подобных им сообществ. В ашельское время были довольно плотно заселены Кавказский перешеек и Западная Европа. Следовательно, ашельские сообщества, расселившиеся на землях нынешней Украины, находились как бы в сопряженных, смежных ареалах и, видимо, поддерживали связи со своими кавказскими сородичами и европейскими группами ашельцев. Общения эти были, вероятно, эпизодическими и сопровождались инфильтрациями

ашельского населения в Восточную Европу со стороны Кавказа и Западной Европы.

Средний палеолит. Уже в конце ашельского времени, возможно, под влиянием все усиливающегося похолодания, наступившего в связи с распространением днепровского оледенения, вначале более заметного в горных областях Европы и Кавказа, начались передвижения человеческих коллективов во всей ойкумене расселения человека в Евразии. В Восточной Европе время это охватывает конец лихвинского межледниковья, днепровское оледенение, микулинское межледниковье и самое начало валдайского оледенения (конец миндель-рисса, рисс, рисс-вюрм, начало вюрма). Этот огромный промежуток времени, начавшийся около 100—120 тыс. лет и закончившийся примерно около 40 тыс. лет назад, вмещает в себя весь средний палеолит, в основном представленный мустьерской эпохой.

В мустьерский период происходит интенсивное заселение человеком почти всей южной половины Восточной Европы. Основным резервуаром, откуда шло заселение, был Кавказ. Однако вовсе не исключается и проникновение отдельных групп мустьерцев в Восточную Европу из Западной Европы через Карпаты и из Балкан через Добруджу. Из южных областей Европейской части СССР расселение шло к северу и достигало бассейна Десны и, вероятно, далее к северу.

Микулинское межледниковье для Восточной Европы — это время сравнительно мягкого климатического оптимума, хотя и со своими выраженными чертами континентальности, впрочем, все более усиливавшейся в связи с наступлением на северную часть Европейской половины СССР валдайского (вюрмского) оледенения.

На территории Украины получили распространение степи. Они перемежались с лиственными и хвойными лесами, изобиловавшими разнообразной дичью. Дикие лошади, бизоны, гигантские олени, сайгаки, дикие ослы являлись постоянными промысловыми животными. Распространились мамонты и шерстистые носороги. В лесных чащобах и буераках, в степях и в горных теснинах водились хищники. Медведи, волки, пещерные гиены, львы, лисы тоже часто становились охотничьей добычей, главным образом ради меха. Собирательство различных дикорастущих плодов, ягод и т. п. продолжало играть немаловажную роль в экономике мустьерского человека.

В мустьерское время люди расселились почти по всей нынешней территории Украины. Среднепалеолитические поселения известны в Донбассе, Крыму, Поднепровье и на Десне, в Поднестровье, в западных областях Украины — по обе стороны Карпат. Сейчас известно более 80 мустьерских местонахождений. Плотность населения на Украине в это время была значительно бóльшей, чем заселенность ее в ашельский период. Наиболее полно изучен средний палеолит в Крыму. Здесь обследовано около тысячи скалистых образований — пещер, гротов, навесов. Из них только в 10—12 найдены остатки культуры мустьерского человека, т. е. заселена была всего лишь около 1/100 скалистых полостей, могущих служить убежищем для человека. Каждое пещерное поселение являлось осенне-зимним обиталищем в укрытых узких долинах горных рек, недалеко от выхода их на пониженные участки рельефа — основные охотничьи угодья.

Подсчеты обжитых площадей в скалистых убежищах, количество и размеры обнаруженных в них очагов и другие данные показывают, что в пещерных поселениях проживало по

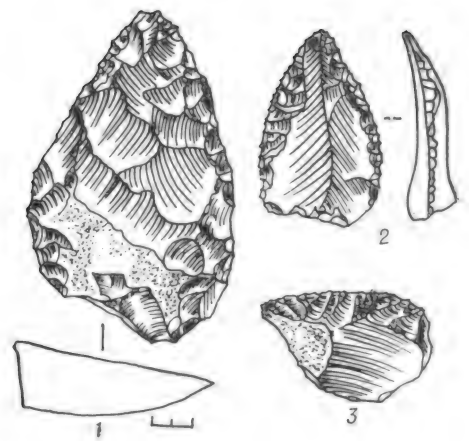
2—4 семьи, численностью по 6—7 человек в каждой. Пещеры посещались многие десятки и сотни лет. Есть основания заключить, что в Крыму в мустьерский период проживало 200—250 человек. Примерная плотность населения составляла около 1 человека на 60 км^2 (ориентируясь на подсчет полезных охотничьих угодий).

Сравнительно высокая плотность мустьерского населения на единицу площади в Крыму объясняется рядом его преимуществ перед другими более северными территориями. Крым отличался от них сравнительно мягким климатом, более длительным вегетативным периодом растений и сезонными скоплениями здесь мигрирующих с севера копытных животных.

В мустьерское время наблюдается значительный рост экономического благосостояния человеческих сообществ и их культуры.

В среднем плейстоцене в связи с все нарастающим наступлением ледникового похолодания совершенствуется и технически усложняется домостроительство. Используя крупные кости мамонта и других млекопитающих, а также дерево для возведения остова или каркаса жилых конструкций с последующим перекрытием его шкурами, человек строит наземные жилища. По форме и внутреннему устройству они очень напоминают яранги северных народностей. Такие жилища иногда сооружались возле пещерных убежищ; они служили утепленными пристанищами для семейных групп.

Численно возраставшие охотничьи коллективы нуждались в совершенствовании и обновлении охотничьего вооружения. Вырабатываются два основных орудия из кремня — остроконечник и скребло. Изготовляются они в различных технических вариантах, в соответствии с местными производственными традициями. Остроконечник — это орудие повседневного мужского труда (употреблялся он и как



Каменные орудия труда:
1 — ашельское рубило. Житомирская стоянка; *2* — мустьерский остроконечник; *3* — скребло. Пещерная стоянка Шайтан-Коба в Крыму

орудие метательного назначения и в качестве ножа для свежевания дичи). Скребло — по преимуществу орудие женского труда. Оно служило для обработки шкур и самых различных хозяйственных надобностей. Очень широко использовались и плоские кремневые отщепы. Края таких орудий служили для резания, скобления, строгания и т. п.

Важным техническим достижением мустьерцев было внедрение в качестве метательного орудия дротика, оснащенного кремневым остроконечником. Это, пожалуй, первое целенаправленное, специально изготовленное орудие дистанционного действия и многократного употребления. Изготовление и применение такого орудия требовало прочных, устойчивых трудовых навыков и мастерства, физической приспособленности и совершенства руки.

Сравнительно высоким производственным функциям, включающим и такие процессы, как сооружение жилищ и точная отделка метательных орудий, и само действие копьеметания, должна была соответствовать определенная физическая организация самого человека. Биологический

тип неандертальца — носителя мустьерской культуры, видимо, вполне отвечал уровню развития создаваемых им самим производительных сил. Физический облик неандертальского человека восстанавливается по костям скелетов, найденных в Европе, на Ближнем Востоке, в Узбекистане и в Крыму. Внешность неандертальца еще не утратила некоторых звероподобных, атавистических черт. Невысокого роста, заметно сутулый, с массивной головой, тяжелой нижней челюстью и покатым кзади лбом — таков был вид палеоантропа.

Производственные навыки и проявления интеллекта неандертальца — это значительный шаг вперед. Постоянная борьба с суровой природой, величайшие трудности добычи средств существования вырабатывали у неандертальца качества, способствовавшие преодолению невзгод, активную приспособляемость, усиливали социальную сплоченность, коллективизм. Рефлекторность на внешние раздражители, присущая животным, уступает место сознательным реакциям, определившим весь социально-психологический склад палеоантропа. Звуковая речь неандертальца, даже в самом примитивном ее проявлении, послужила объединяющим началом, укреплявшим социальную сущность общинной организации. Система конкретного мышления, возникшая в результате тесного взаимодействия человека с природой, дает уже ростки отвлеченных представлений, связанных в первую очередь с производством и бытовым устройством, с необходимостью совершенствовать планомерность и целенаправленность действий. Словом, физическая и психологическая организация палеоантропов составляла уже во многих отношениях сформировавшийся человеческий комплекс. «Человек,— писал В. И. Ленин,— не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней» [1].

Несмотря на низкий уровень состояния производительных сил и крайне еще слабое развитие положительных знаний, неандертальцу были свойственны иррациональные формы мышления, как-то объяснявшие для него сущность некоторых непонятных явлений. Сейчас уже нет сомнений в том, например, что погребения палеоантропов в пещерах сопровождались определенными ритуалами, выражавшими озабоченность судьбою умерших, захоронением усопших на месте жилья, в среде сородичей, у очагов. В Крыму при раскопках мустьерских поселений в гроте Киик-Коба и в навесах Заскальных (оба местонахождения расположены в Восточном Крыму, недалеко от г. Белогорска), а также в скалистом убежище Староселье, что в пригороде Бахчисарая, обнаружены костные останки по меньшей мере шести палеоантропов; все особи разного возраста и различной сохранности. Крымские останки палеоантропов — это самое большое собрание костей неандертальцев в СССР. Изучение ископаемых костей неандертальцев из Крыма, помимо важных выводов биологического порядка, позволило установить и ряд черт социального значения.

В гроте Киик-Коба обнаружена часть скелета женщины, захороненной в несколько согнутом положении, на боку, в специально выдолбленной в скалистом полу яме. Около захоронения женщины был погребен почти годовалый ребенок, тоже положенный в скорченном, «утробном» положении. Подросток в Заскальном тоже был захоронен в скорченном положении в погребальной яме. Преднамеренность захоронений и сопровождение их определенным ритуалом здесь очевидны. Очевидно и то, что

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 185.

погребения произведены на месте жилья. Стало быть, у палеоантропов в Крыму уже выработалась определенная обрядность при захоронениях. Очень возможно, что обрядность эта связана с ранними формами анимистических представлений, с идеями возрождения, обратимости, охватившими почти все древнее человечество. Размещение усопших на месте жилья предполагало сохранение кровнородственной их связи с живущими и отражало отсутствие страха перед умершими или, по древним представлениям, отошедшими ко сну. Интересно, что аналогичная обрядность существовала почти во всех ареалах расселения неандертальского человека. Является ли это следствием трансконтинентальных миграций палеоантропов или результатом стадиальности в развитии иррационального, вотивного мышления, остается пока не решенной проблемой.

Обращают на себя внимание и другие наблюдения, сделанные при изучении захоронений палеоантропов. Анализируя половозрастной состав неандертальских погребений, например в зонах расселения их в Европе, можно заметить тенденцию предпочтительности захоронений детей и женщин в скалистых убежищах, на месте жилья. Оперируя малыми числами определимых индивидов, можно говорить только о тенденции к такой избирательности, выраженной в пропорции 20 (дети) : 8 (женщины) : : 4 (мужчины). Даже крымские палеоантропы представлены тремя женскими особями и тремя детскими. Можно предположить, что традиция захоронения женщин на месте жилья, в скалистых убежищах, отражает матрилокальные * и матрилинейные ** социальные порядки, не обязательно гинекократические в среде палеоантропов. При экзогамных внутриобщинных отношениях, которые только и могли быть в малых обществах, мужчина принадлежал к чужеродной половине общины. Погребение женщин и детей на месте обитания большой семьи или малого рода было освещено матрилокально-родовыми социальными нормами, в основе которых лежали экзогамные порядки.

Как было сказано, среднепалеолитические неандертальские сообщества были численно невелики и состояли обычно из 2—4 семей. В таких семейно-родовых объединениях только треть населения могла участвовать в активном охотничьем труде. Остальная часть обитателей поселения оставалась в поселке — это женщины, дети, старики.

Социальная организация палеоантропов основывалась, таким образом, на кровнородственных внутриобщинных отношениях. Община состояла из малых семей и управлялась порядками большой семьи или малого рода. Главным в таком социальном объединении оставался коллективистский характер основного производства, т. е. охоты, распределение же добычи могло быть посемейным. Локализация отдельных очагов на местах мустьерских поселений, их рассредоточенность как будто подтверждает сказанное.

В условиях не слишком большой разобщенности между мустьерскими общинами уже должны были сложиться постоянные связи между отдельными группами общин. Связи эти основывались не столько на поддержании экономических контактов, вероятно, возникавших в критические периоды недостатка в продуктах питания, сколько на семейно-брачных отношениях, обеспечивавших жизнедеятельность каждого из родовых объединений. Имели ли место групповые брачные отношения или уже

* Матрилокальные социальные порядки — когда муж поселяется в родовой общине жены.

** Матрилинейные социальные порядки — при них счет родства ведется по материнской линии.

складывалась парная семья в ее классическом понимании ячейки, целиком зависимой и входившей в общинное коллективистское хозяйство, сказать трудно.

В мустьерской общине было непременным естественное половое и возрастное разделение труда. Очень схематично разделение двух основных орудий — остроконечника для мужского труда и скребла для женского — служит только намеком на фактическое обоснование полового разделения труда у палеоантропов. И все же таковое должно было существовать вследствие биологических различий между полами и необходимости выполнять разные по своему содержанию работы по поддержанию жизни семьи, рода. Все, что связано с охотой, принадлежало мужчине. Домашнее хозяйство, воспитание детей, сохранение очага — это области применения женского труда.

Анатомическое и рентгенологическое изучение костей женщины из грота Киик-Коба установило патологические изменения в ее коленном сочленении. В области наколенника выявлено наличие костного вещества, разросшегося, как полагают анатомы, в результате продолжительного стояния на коленях во время тяжелых и длительных работ. Это явление связывают с трудовой домашней деятельностью женщины. Попутно при изучении останков женского костяка из грота Киик-Коба было обращено внимание и на дефектность костей на трех фалангах пальцев ноги. Состояние костей может свидетельствовать о перенесенном обморожении пальцев ног. Сам по себе это небольшой бытовой штрих, но в сумме с другими фактами он напоминает о суровом климатическом режиме в среднем и позднем антропогене.

Среднепалеолитические памятники Украины составляют важнейший исторический источник и не только из-за своей многочисленности. Они очень разнообразны по своим типам— это открытые поселения, пещерные убежища, кратковременные стойбища и охотничьи привалы, места добычи кремня и мастерские, где обрабатывали кремень. Весьма разнообразны мустьерские памятники и по своей культурно-этнографической окраске, что уже дает возможность группировать их по родственным отношениям. Различия или тождества в технике производства кремневых орудий свидетельствуют, таким образом, о различиях или общности этнографических традиций, свойственных мустьерским социальным объединениям.

В Донбассе (в бассейнах рек Волчья и Сухие Ялы) были найдены скопления расщепленных кремней и законченные орудия. Множество нуклеусов, или ядрищ, с которых скалывались плоские отщепы — заготовки для орудий, остроконечники, скребла и другие изделия из кремня, обнаружены в толще террасообразного берегового уступа у с. Антоновка. Среднепалеолитическое поселение у с. Антоновка — это наиболее крупный из немногих известных мустьерских памятников на востоке Украины. Он вместе с другими дает представление о достаточно прочной заселенности в среднем антропогене восточной половины Европейской части СССР.

Самым известным (не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами) районом распространения мустьерских местонахождений, как отмечалось, является Крым. Здесь сосредоточены поселения в пещерах, сохранивших слои с культурными остатками палеоантропов, залегающие в стратиграфическом порядке, т. е. последовательно снизу вверх, от наиболее древних к поздним. В этих слоях часто заметны линзы очагов с золой и угольками, множество костей животных, ставших охотничьей добычей неандертальцев, вкрапления красной охры, употреблявшейся

людьми для татуировки тела. Палеоботанический анализ содержания культурных слоев выявил в них и пыльцу древних растений, занесенную ветром и как бы законсервированную в сухих суглинистых отложениях пещер.

В 1924 г. в результате систематических поисков палеолита в Крыму был открыт грот Киик-Коба. В нем помимо большого количества различных остатков деятельности древнего человека были обнаружены и сами части скелетов палеоантропов. Грот Киик-Коба образовался под воздействием просачивания грунтовых вод и выветривания породы. Размещается грот под карнизом высокого плоскогорья, одного из отрогов Долгоруковской яйлы, на высоте около 90 м над быстрой горной речкой Зуей. Грот хорошо скрыт в лесных зарослях и среди скалистых обвалов известняковой кромки плато. Общая площадь грота несколько превышает 100 м². В среднем палеолите грот заселялся дважды. Причем обитателями, оставившими нижний культурный слой, было освоено около 70 м² площади, верхний — не более 50 м². Недалеко от грота вытекает источник, которым, несомненно, пользовались неандертальцы.

На жилой площади грота, перекрытой нависающим скальным потолком, сохранились и следы древних очагов. В нижнем слое выявлен один очаг, в верхнем — три очажка. Повсюду в границах жилой площади встречается расколотый кремень, орудия, кости животных, угольки. Орудия из нижнего слоя более примитивны, чем из верхнего. На них лежит печать аморфности, отмечается примитивность приемов раскалывания кремневых желваков, общее техническое несовершенство заготовок и самих орудий. Для верхнего культурного слоя характерно присутствие уже выработанных форм кремневых орудий, представленных остроконечниками и скреблами.

Материальная культура поселенцев верхнего культурного слоя грота Киик-Коба, с которым, кстати, и связывают оба обнаруженных здесь погребения, достигла уже довольно высокого уровня в сравнении с культурой обитателей грота, оставивших нижний культурный слой. Об этом можно судить по мастерству овладения приемами обработки кремня, тонкости отделки орудий и умению придавать им необходимую форму. Следует иметь в виду, что кремень — это твердая и хрупкая порода, малоподатливая для формовки.

Кости животных у палеоантропов не шли на изготовление орудий труда, хотя использовались в качестве наковаленок при отделке орудий. К концу мустье уже были сделаны первые опыты выделки орудий, в первую очередь прокалывающих (шильца и др.) из костей.

В процессе раскопок в Киик-Коба и анализа распространения археологического материала по жилой площадке удалось установить и некоторые бытовые детали, связанные с использованием грота как убежища. Замечено, что палеоантропы верхнего слоя оградили свое пещерное жилье от холодных ветров каким-то заслоном, быть может, сооруженным из ветвей, укрепленных в основании камнями. В одной из боковых ниш грота сохранились кости от частей туш, служивших, вероятно, запасом мяса.

Палеоантропы верхнего слоя из Киик-Коба, видимо, хорошо освоили различные способы охоты на крупную и мелкую дичь. Пользуясь дротиком, а, возможно, и огнем, они широко применяли загонную охоту на обрывы скал. По найденным в гроте костям определено более 110 видов различных животных, в их числе около 50 видов птиц, а также различных грызунов, часть которых попала

в отложения грота помимо участия человека.

Основными промысловыми животными были мамонт, крупный первобытный зубр, сайгак, гигантский и благородный олени, шерстистый носорог, дикая лошадь, дикий осел, дикий кабан. Добычей становились и хищники — медведь, волк, лисица, пещерная гиена. О масштабах охоты можно судить по костным остаткам животных, найденным при раскопках навеса Староселье. Подсчитано, что старосельскими палеоантропами было забито по меньшей мере 300 особей дикого осла. Но, по провизорным данным, они истребили более тысячи голов этого вида. Интересно, что обитатели мустьерского поселения близ станицы Ильской на Северном Кавказе добыли не менее 50 бизонов.

В целом фаунистический комплекс из грота Киик-Коба, впрочем, так же как и старосельский, имеет ярко выраженный степной характер с примесью лесных форм. Он как бы отражает географическое положение самого мустьерского поселения на границе степи и лесных предгорий. Малочисленность собранных в Киик-Коба угольков, пригодных для видовых определений растений, а также несовершенство методики определений их в то время дали ограниченный «спектр» растительности. Тут определены: можжевельник, крушина, клен.

Природная обстановка, сложившаяся в Крыму, способствовала развитию охоты на лесного и степного зверя и широкому собирательству диких растений, особенно в лесах. Фауна и флора Крыма дают представление о климатическом режиме с умеренно выраженной континентальностью и развитием степей и даже полупустынь. Однако появление во второй половине среднего антропогена, или эпохи мустье, в фаунистических собраниях редко встречающихся в этот период холодолюбивых форм — песца, северного оленя, шерстистого носорога, альпийской галки (Киик-Коба — верхний слой, Староселье) — указывает на приближение нового наступления похолодания, связанного с распространением с севера ледника. О наступлении уже во второй половине мустьерского времени новых, более суровых условий для жизни, имеются собственно археологические свидетельства. При раскопках Чокурчинского грота в Симферополе были встречены очень своеобразные завалы крупных костей, особенно мамонта, сосредоточенные возле самого грота. То же самое отмечается и при раскопках Волчьего грота в Восточном Крыму, недалеко от пгт Зуя. Внимательное изучение этих завалов привело к заключению, что они представляют собою руины жилых сооружений, существовавших у палеоантропов одновременно с пещерными укрытиями. Ими пользовалась, по-видимому, физически наиболее слабая часть семейных общин, в сезоны стужи и непогоды.

Подтверждением тому, что уже в эпоху мустье, во второй половине развития этой культуры, существовали у палеоантропов округлые жилища типа недавних северных яранг, служат находки при раскопках в Молодове V на Днестре (Кельменецкий район Черновицкой области). Здесь на глубине более 10 м найдены остатки долговременного жилища округлой формы диаметром 5—8 м. Кроме основной центральной жилой камеры, оно имело еще две боковых пристройки. Все эти сооружения типа яранги широко распространились в позднем палеолите в связи с похолоданием и необходимостью уберечься от губительного его действия.

Большой интерес вызывают и раскопки среднепалеолитических поселений в Закарпатье. Особенно выделяются здесь исследования названных палеолитических местонахождений в Королево. Помимо двух нижних горизонтов ашельского возраста

к этой же свите отложений относятся и шесть других культурных горизонтов. В них содержится огромное количество уникальных по своей научной значимости каменных изделий, изготовленных в так называемой леваллуазской технике раскалывания кремня. Это скребла, остроконечники, орудия ударного действия, выделанные из андезита и других пород камня.

Анализ форм и состава кремневых изделий дает представление о мастерстве древних умельцев, об орудиях и технических приемах обработки их. Он также свидетельствует и о древних межобщинных связях, о взаимообогащающих контактах между первобытными коллективами.

Культурные остатки, залегающие во всей толще отложений в Королево, дают пример преемственности производственных традиций в изготовлении орудий труда из камня в течение ашельского времени и почти всего среднего палеолита. Четкое стратиграфическое залегание археологических остатков, массовость находок в культурных горизонтах и большие научно-информативные возможности, связанные с комплексным изучением королевского палеолитического местонахождения, делают его опорным памятником в исследовании палеолита Центрально-Европейского региона.

Поздний палеолит. Поздний палеолит охватывает более 20—25 тыс. лет. Время это по историко-хронологической схеме, установленной уже давно для памятников Западной Европы, совпадает с ориньякской, солютрейской и мадленской эпохами. Правда, употребление этих наименований для эпох и эпонимных им культур человека стало уже во многом условным и потеряло свою универсальность даже для западноевропейской периодизации позднепалеолитических культур.

Развитие методики, связанной с внедрением радиоактивного анализа ископаемых углей и других органических остатков из древних очагов на содержание радиоактивного углерода (С-14), позволило уточнить абсолютную хронологизацию памятников палеолита в целом и позднего палеолита в частности.

Поздний палеолит отличает резкое изменение климата во всей Европе в сторону значительного похолодания. Понижение температуры в Европе, начавшееся уже в конце среднего палеолита, распространялось с севера и северо-запада (Фенноскандии), а в северо-восточной половине СССР — с севера. Это новое наступление ледниковых явлений свидетельствовало о продвижении последнего, довольно крупного по своим масштабам, валдайского оледенения.

Воздействие оледенения сказалось и на природе Юго-Восточной Европы. Среднерусская, Приднепровская, Волыно-Подольская возвышенности вместе со степями Северного Причерноморья и Приазовья превратились в холодные равнины и мелкогорья, кое-где принявшие вид тундры. Уменьшились и лесные массивы. Ими были заняты только долины рек и защищенные от холодного веяния ледника складчатые участки рельефа. Среди лесных форм лиственных пород получили распространение хвойные, а также и другие холодолюбивые породы. Они продвинулись далеко на юг, а береза, например, стала типичной и для растительности Крыма.

В позднем палеолите преобразуется и состав европейской фауны. На юго-западе СССР обитают животные умеренных широт вместе с северными формами. Многочисленные стада мамонтов становятся неотъемлемой частью лесо-тундрового пейзажа. Шерстистый носорог, северный олень, овцебык заселяют холодные степи и тундровые участки. Здесь же появля-

ются пришельцы с севера — песцы и небольшие грызуны — лемминги. Тут же пасутся древние аборигены этих мест — дикие лошади, дикие ослы, зубры, сайгаки. Иногда встречаются и гигантские олени — уже исчезающий вид животных. Из хищников самыми распространенными в то время были волки и песцы, не редкими были медведи и росомахи.

В позднем палеолите отмечается интенсивное заселение человеком средних и даже высоких широт Восточного полушария. Человеческие коллективы продвигаются далеко на север, вплоть до арктических зон, достигая Ледовитого океана. Столь широкие миграции палеолитического человека могли осуществляться только при достаточно высокой их организации и надлежащем материальном обеспечении. Продвижения эти проходили подчас в очень сложных условиях низких температур даже в среднем поясе Старого Света, не говоря уже о северных широтах, где жизнедеятельность коллективов еще больше ограничивалась сокращенным световым днем или полярной ночью.

Причины, побуждавшие позднепалеолитического человека совершать столь длительные и небезопасные путешествия, еще пока не раскрыты. Однако очевидно, что продвижения человека далеко на север были очень растянуты во времени и осуществлялись многими поколениями. Пути миграций обычно пролегали по берегам рек, не слишком удалялись в глубь материка, на водоразделы, в лесные чащобы и на заболоченные низины. На таких сравнительно ограниченных, но необходимых для поддержания жизни территориях периодически возникали условия, которые неотвратимо требовали перемены мест обитания, вели к поискам новых охотничьих угодий. Следовательно, и в позднем палеолите имели место закономерности, приводившие к вынужденным миграциям, обусловленным давлением избытка населения на производительные силы при низком уровне развития последних.

Сказанное вовсе не означает, что позднепалеолитический человек вел в основном кочевой или даже полукочевой образ жизни. Наоборот, характерной особенностью позднепалеолитических сообществ была их относительная оседлость, долговременность существования жилищ и поселений, что связано с более или менее стабильной обеспеченностью коллективов питанием и возможностью активного приспособления к окружающей среде.

В позднем палеолите человек занял почти всю Восточную Европу. Сейчас только на Украине известно около 500 позднепалеолитических памятников. Данные изучения их материальной культуры дают возможность выделить отдельные этнокультурные области, в которых проживали близкие по уровню развития, образу жизни и социальному укладу племена. Очень населенной зоной обитания человека в позднем палеолите было Прикарпатье, особенно Поднестровье.

Примерный подсчет народонаселения на территории Украины в позднем палеолите, сделанный на основании фактологических данных, с внесением ряда поправок, дал ориентировочную цифру в 20 тыс. человек. В расчете на площадь Украины, равную 603 500 км^2, это составляет более 3 км^2 на одного человека, или около 0,033 человека на 1 км^2*. Показатель этот более всего относится ко второй половине позднего палеолита — к мадленскому времени. Приведенный подсчет численности и плотности населения на территории Украины в позднем антропогене дан в абсолютном выражении. В действительности же население довольно плотно

* Современное население Украины — 75,5 человека на 1 км^2.

Древнее жилище из костей мамонта. 20—18 тыс. лет до н. э.

Палеолитические музыкальные инструменты. 20—18 тыс. лет до н. э.

группировалось на отдельных участках по берегам рек и не выходило на водораздельные плато или в безводные, сухие, холодные степи.

В позднем палеолите в Европе, а также в Северо-Восточной Азии произошли крупные изменения в сфере деятельности человека. Отмечается быстрый рост в области совершенствования производственной деятельности, значительное повышение обеспеченности коллективов. Имеет место и материальное самовыражение духовной культуры человека, запечатленное в памятниках искусства.

Казалось бы, ухудшение климатической обстановки, связанной с распространением оледенения, должно было угнетающе сказаться на развитии человеческих обществ в зонах воздействия ледника. Однако в действительности произошло обратное. Стремление человека к сохранению жизни, забота о потомстве, уже сложившиеся навыки борьбы с природой развивали в нем стойкость и сметливость, умение противостоять трудностям, преодолевать их. Слова В. И. Ленина о подавленности человека трудностями существования и борьбы с природой в древности совсем не означают пассивного склонения человека перед силами природы [1]. Ведь всякая борьба обязательно предполагает противоборство активных начал, в данном случае человека с природой, что и являлось движущим фактором, совершенствующим его социально-экономическую организацию. Известно, что слишком благоприятные для жизни природные условия создают замедленные темпы общественного развития.

Суровые условия жизни в приледниковых зонах особенно способствовали ускоренному совершенствованию средств, обеспечивавших существование. Это касается прежде всего организации охоты и орудий труда, связанных с ней. Охота в позднем палеолите становится безраздельно господствующим производством. Особенно развивается охота на мамонта, самого крупного растительноядного животного. Убойный вес мамонта достигал 1,5—2 т. При умелом хранении его мясо могло надолго обеспечить пищей даже большой коллектив палеолитического поселка. Охота на шерстистых носорогов, лошадей, быков, северных оленей занимала значительно меньшее место в хозяйстве человека. К концу палеолита еще осуществлялись облавные охоты крупного масштаба. Очень своеобразным и во многом неповторимым остается позднемадленское местонахождение, обнаруженное недалеко от г. Амвросиевка, в Донбассе. Здесь открыто залегание остатков более тысячи зубров. Среди костей животных встречены и орудия уничтожения их — различные метательные острия, сделанные из кости. Столь большое скопление зубров — это след крупной сезонной охоты, приведшей к массовой гибели животных.

Добыча хищников, особенно волков и песцов, в позднем палеолите имела главной целью обеспечить человека мехом для одежды и других бытовых надобностей. Мясо хищников — волков, песцов, корсаков, как правило, не употреблялось в пищу, так же как и у современных арктических народностей. Скелеты мелких хищников и волков находятся в анатомическом порядке на многих палеолитических поселениях и возле них. Это выброшенные туши животных после снятия с них шкур.

Охота на мамонта, естественно, требовала четких организационных форм, а также соответствующего этому трудному и небезопасному делу снаряжения и вооружения охотников. Зато результаты такой коллективной охоты создавали прочную и сравнительно длительную обеспеченность

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 103.

человека продуктами первой необходимости — мясом, жиром для обогрева и освещения, костями, бивнями и шкурой, нашедшими применение даже в домостроительстве.

Экологическое равновесие между человеком и возможностями, создаваемыми для него природой, сохранялось очень долго и наглядно выступает в позднем палеолите до первой половины мадленского времени во всей Европе и Северо-Восточной Азии. Только, быть может, в самых южных зонах Европы, особенно в ее гористых областях, создаются иные, более трудные условия жизни, подготовившие иной путь социально-экономического развития, иногда называемый капсийским.

Есть серьезные основания полагать, что, например, в Крыму в позднем палеолите сложилось довольно критическое положение с возможностями добычи средств существования для родовых объединений. В зону средних предгорий Крыма мамонт проникал или доставлялся охотниками не часто. Им приходилось довольствоваться трудной и не всегда добычливой охотой на быстроногих копытных (сайгак и др.), к тому же имеющих и сравнительно небольшой убойный вес.

Повсеместно сократилось и собирательство, что было связано с общим похолоданием в Европе. Буйная растительность на горных массивах Крыма и в долинах рек уступила место редколесью в холодных условиях горного рельефа. Резко снизилось поступление растительных продуктов собирательства и моллюсков. Горы для человека стали малодоступными и посещение их экономически неоправданным. Человек изредка пробирался к морскому побережью для сборов продуктов, выброшенных морем. В пещере Аджи-Коба в Восточном Крыму среди позднепалеолитических костей животных была найдена кость тюленя.

Чтобы поддержать условия существования на минимальном уровне, кроманьонцы Крыма изыскивали все возможные и доступные способы добычи питания. В позднем палеолите Крыма появилась новая отрасль хозяйства — охота на рыбу в быстротечных водах крымских рек. Добывались: лосось, форель, голавль. И эта возникшая отрасль экономики или, вернее, род эпизодических сезонных занятий, если судить по крайней малочисленности собранных при раскопках костей рыб, не принесла кроманьонцам Крыма большого экономического эффекта. Позднепалеолитические охотники Крыма, видимо, были вынуждены покидать насиженные места, искать лучшие условия жизни к северу от полуострова, места с богатыми охотничьими угодьями, особенно заселенными мамонтом.

В Крыму оставались немногие аборигены, вынужденные объединяться в более или менее значительные по численности коллективы для загонной охоты, особенно в степях Юго-Западного Крыма.

Нельзя считать случайным, что в мустьерское время существовали десятки поселений и стоянок в Крыму — в степи, в предгорьях, на высокогорье и даже на южном побережье у моря, а в позднем палеолите их было всего лишь два довольно крупных на реках Каче и Бельбеке (Качинский и Сюреньский навесы). Поселение же в пещере Аджи-Коба, видимо, было небольшим стойбищем. Интересно, что все три местонахождения соседствовали с открытыми просторами, где и велась охота. В предгорьях и на горах следов посещения их кроманьонцами почти не встречено.

Природная обстановка во второй половине антропогена, иные формы деятельности человека и многие другие естественные и социальные факторы способствовали изменению физического облика самого человека.

В процессе длительной эволюции вырабатывался новый тип человека, получивший в Европе название Homo sapiens, или кроманьонца. Антропологический тип кроманьонца в основном совпадает с современным человеком и только некоторые особенности строения черепа и длинных костей генетически связывают его с неандертальцем.

Поселения позднепалеолитических людей открыты в Европе почти повсеместно, за исключением северо-западных областей. Особенно много обнаружено их на Украине. Поселки кроманьонцев продолжали оставаться сравнительно небольшими, хотя и много бóльшими по сравнению со среднепалеолитическими. Они состояли из 5—8 сооружений типа яранг, располагавшихся поблизости от реки, на мысах, местах, защищенных оврагами. Возможно, что некоторые поселения кроманьонцев имели ограждения из ветвей, костей и меховой ветоши, отпугивавших диких животных.

Жилища кроманьонцев представлены двумя типами — зимними и летними. Зимние жилища — это довольно сложные сооружения, рассчитанные на длительное использование их. Каркас таких сооружений состоял из взаимопересекающихся гнутых жердей, из черепов и челюстей мамонтов, положенных в основание. Опорными конструкциями служили отдельно стоящие крупные длинные кости мамонта. Ближе к верху жилья укладывались более мелкие кости. Венчали постройку сплетенные рога северных оленей. В конструкцию входили и бивни мамонта, поддерживающие отдельные элементы жилья, особенно арочный вход. Каркас покрывался шкурами животных. В кровле оставалось отверстие для выхода дыма. В строительстве каркаса применялось дерево в виде, главным образом, жердей, связывающих опорные части конструкций. Они также клались горизонтально в самом жилище для усиления жесткости соединения строительных деталей, выделения пологов для семей, сушки одежды, провяливания мяса и других хозяйственных надобностей. Такие жилища, внутри которых помещался один, а иногда два-три очага, отапливались по преимуществу деревом. Свет и тепло давали жирники — вместилища из выдолбленной кости или камня, наполненные жиром. Вход или лаз в жилище прикрывался шкурами. Возможно, перед входом были небольшие сени. В целом такие жилища имели округлые или овальные очертания и полусферическую объемность, подтверждающими мысль об их сходстве с ярангами, еще недавно бытовавшими у северных народностей.

Около долговременных жилищ размещались летние постройки, от которых сохранились очаги. Это были, вероятно, навесы с легким покрытием, оберегающим огонь и защищающим ютившихся вокруг него людей в ненастье. Тут же, на жилой площадке, в определенных местах производилась обработка кремня и кости, изготовлялись украшения и т. д. Почти у каждого жилища имелись специальные ямы, предназначенные для хранения костей и бивней, укрытых здесь про запас для различных бытовых надобностей. Жилища, места изготовления орудий и, вероятно, обработки продуктов охоты, ямы-хранилища составляли единый хозяйственно-бытовой комплекс.

Основываясь на палеоэкономических расчетах и этнографических свидетельствах, почерпнутых у северных охотничьих народностей, можно заключить, что в каждом палеолитическом поселении обитало от 25 до 50 человек. Причем только одна треть всего населения поселка занималась непосредственно охотой. Треть населения выполняла различные домашние работы, воспитывала детей, приготовляла пищу, поддерживала огонь в очаге и т. д. Остальные обитатели

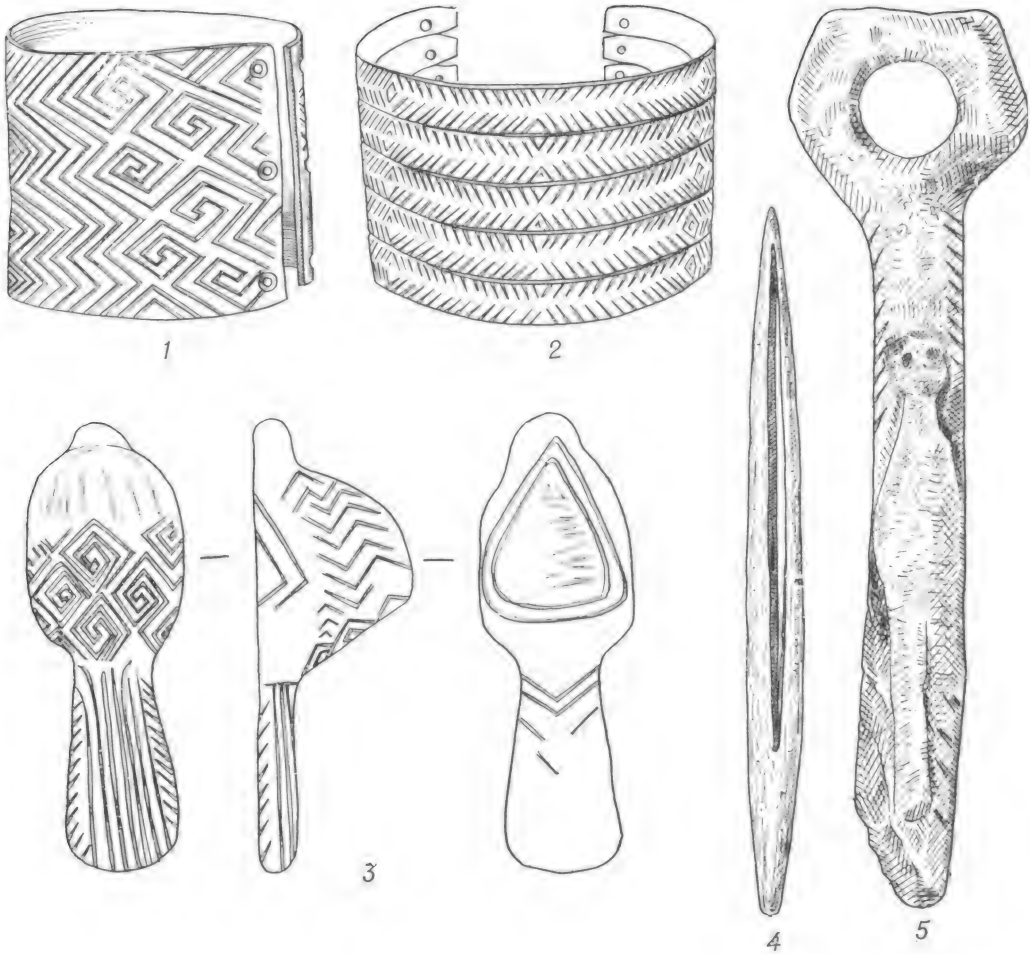
поселка составляли нетрудоспособную его часть. Это были главным образом дети. Кроманьонцы редко доживали до преклонного возраста. Видимо, можно довериться данным антропологов, установивших примерный средний показатель продолжительности жизни позднепалеолитического человека в 20—23 года.

Палеоэкономические расчеты, в том числе демографические и примерное восстановление количества биомассы убитых и съеденных животных, суммарно подсчитанной по ископаемым костям, собранным при раскопках, а также и весовым категориям животных, дают возможность определить, что продолжительность существования позднепалеолитических поселений едва ли превышала 20—25 лет.

Ярким показателем роста производительных сил и усложнения предметов быта у людей в позднем палеолите являются орудия труда. Они поражают разнообразием форм и умением обрабатывать кремень и кость. Прежде всего совершенствуется, по сравнению со средним палеолитом, сама система, или технические приемы изготовления кремневых заготовок для орудий. Система эта заключается в скалывании с ядрища (нуклеуса) удлиненных ножевидных пластин. Поэтому и сам нуклеус приобретает призматическую форму. Различные скребки и скребла, употреблявшиеся при обработке кож, для снятия мездры и для многих других функций там, где требуется главным образом скобление и строгание, множество резцов, служивших для раскройки кож, разделки кости и дерева, проколки, сверла и многие другие орудия составляют богатый набор кремневых инструментов, обращавшихся в производстве и в домашнем быту. Нужно отметить и присутствие среди инструментов так называемых микропластинок из кремня. Эти миниатюрные изделия тщательно отделаны мельчайшей обивкой краев (ретушью). Большинство микропластинок служили вставками (бородками) в метательные орудия, усиливая их разящую способность, и сверлами.

Кроманьонец впервые в истории человечества стал широко применять костяные орудия и пользоваться костью как строительным материалом для изготовления различных бытовых и художественных изделий. Ассортимент орудий из кости тоже был достаточно широк. Прекрасно изготовленные наконечники копий и дротиков, шилья, проколки и иглы составляют вполне обычный набор орудий, найденных при раскопках. Реже встречаются так называемые жезлы начальников или выпрямители, мотыги, различные лопатки и лощила, служившие для разглаживания швов при шитье меховой одежды. На некоторых предметах имеются фигурная резьба и орнамент.

Искусство, духовный мир и социальная организация человека позднего палеолита. Широкой известностью пользуется изобразительное искусство позднего палеолита. Пещерная настенная роспись, особенно анималистическая, гравюра по кости, скульптура из бивня мамонта, из мягких минералов, сама сюжетность искусства всегда привлекали к себе самое пристальное внимание. В Советском Союзе совсем недавно на Южном Урале, на границе двух континентов, были обнаружены в Каповой пещере позднепалеолитические живописные настенные изображения животных. В Европейской части СССР, в том числе и в Крыму, а также на Кавказе таких наскальных росписей пока не встречено. Зато позднепалеолитическая скульптура и гравюра на бивне мамонта представлены широко. На Украине в ряде позднепалеолитических местонахождений найдены скульптурные изображения. Стилизованные фигурки женщин и птиц, часто снабженные замысловатым гео-



Костяные предметы:
1,2 — браслеты; *3* — стилизованная статуэтка женщины. Мезинская стоянка (Черниговская область); *4* — наконечник копья. Мезинская стоянка; *5*— выпрямитель дротиков. Стоянка Молодово V (Черновицкая область)

метрическим узором, известны из Мезина — поселения, пользующегося мировой известностью. Отсюда же происходят и очень схематические графические произведения, смысл которых пока остается загадочным. В давние годы в Мезине был обнаружен браслет из бивня мамонта, покрытый гравированным узором в виде меандра. В последние годы находки в Мезине значительно приумножены. Многие из них являются классическими примерами геометрической орнаментации, органически слитой с предметом, точно рассчитанной на плоскости и созвучной с назначением предмета.

При раскопках в Мезине и Межирич на Каневщине были открыты и живописные изображения. Они встречены на лопатке, бедренной кости и двух челюстях, на обломках таза и черепе мамонта. Изображения эти нанесены красной краской (минеральной охрой). Установлено, что меандровый орнамент в виде грави-

рованного узора на ряде археологических объектов из Мезина и других местонахождений в более упрощенной форме восходит в своем происхождении к естественному рисунку дентина бивня мамонта, видимого на срезе невооруженным глазом. Реалистическая подоснова происхождения орнамента в виде меандра стало бесспорной. Умение же видеть и воспроизводить с ювелирной точностью необходимое в создаваемом предмете хорошо представлено в производстве кремневых микропластинок.

В крымских позднепалеолитических поселениях предметы искусства почти не встречались. Только очень скромный резной криволинейный узор, замеченный на маленьком обломке рога оленя, представляет графическое искусство кроманьонцев Крыма. Причину отсутствия искусства в Крыму, вероятно, следует искать в трудных условиях быта, в непрестанных поисках и заботах людей о пропитании, сковывавших иные, духовные помыслы. Впрочем, такое же явление наблюдается во всем южном ареале позднепалеолитических культур.

Многое из области духовной и социальной жизни кроманьонцев остается неизвестным, но материалы, найденные в последние десятилетия в СССР, и в частности на Украине, позволяют увидеть духовный мир кроманьонцев в новом свете.

Одним из высших проявлений духовной культуры человека, отражающих глубины эмоциональных чувств, психики и общественного мировоззрения, является музыка. Она представляет важнейшее после мышления, труда и речи и составляющее с ними единое целое слагаемое в комплексе социальных качеств человека. Музыка — это социальное явление, подвластное закономерностям общественного развития, цементирующее коллективизм, укрепляющее социальный прогресс. Даже в самом примитивном голосовом или инструментально-голосовом ритме или мелодии содержится символика реальной действительности, тем более понятной, если звуковая тональность сопровождается действием, танцем. В пещерных позднепалеолитических поселениях Западной Европы на стенах пещер были обнаружены изображения пляшущих антропоморфных существ, обряженных в звериные шкуры (пещеры Трех Братьев, Комбарелль и др.). Но танец связан с музыкой. И этот вид искусства тоже представлен в находках из позднепалеолитических поселений. Помимо простейших, найденных во Франции, Англии, Венгрии, Чехословакии, свистулек обнаружены и довольно сложные изделия из кости и рога. Они близки по своему устройству к флейтам и свирелям. В слоях, относящихся к позднему палеолиту известного поселения Молодово V на Днестре были обнаружены музыкальные инструменты в виде флейт или свирелей с пятью и большим числом боковых отверстий, определяющих высоту звука. Такие находки свидетельствуют о том, что кроманьонец уже обладал сложным эмоциональным восприятием окружающего мира. Он умел извлекать мелодию, т. е. основное выразительное средство музыки. Диапазон звучания одноголосой музыкальной тональности ждет специальных профессиональных исследований. Однако и сейчас можно отметить, что кроманьонец владел элементами музыкальной тональности, воспринимал мелодичность построения музыкальной фразы, отвечающей воображаемому сюжету, действия.

Музыкальная культура кроманьонца вместе с уже разработанными канонами танца — это не начальные шаги искусства. Им предшествовали музыкальные ритмы, извлекаемые из ударных инструментов. Последние до недавнего времени совсем не были известны в палеолите, но очень широ-

ко представлены почти у всех современных народов земного шара, независимо от уровня развития их общей культуры.

Новые исследования материалов из Мезинского палеолитического поселения в лабораторных условиях и с помощью специальной экспертизы привели к важным заключениям. Оказалось, что самое крупное сооружение Мезинского поселения, построенное из костей мамонта и рогов северного оленя, сначала было обычным жилым помещением. Затем оно пришло в ветхость и было оставлено. Позднее сооружение это основательно укрепили с помощью внутренних подпорок, поддерживавших свод, и устроили здесь «дом обрядов», празднеств. Такие дома, тоже размещавшиеся в старых жилищах, ярангах или чумах, вплоть до революции бытовали в поселках северных народностей (у чукчей, эскимосов и др.).

Мезинский обрядовый дом со временем рухнул, прикрыв мощным слоем строительных костей все то, что находилось в нем. Установлено, что в сооружении не было предметов хозяйственно-бытового обихода, но были обнаружены предметы, отражавшие идеологическую сферу деятельности кроманьонца. В руинах нашли кости мамонта: лопатку, две челюсти, бедро, крупный фрагмент черепа и большой обломок таза. Все эти кости на определенных участках покрыты геометрическими узорами, выполненными красной краской в виде зигзагов, прямых и параллельных линий, уголков. Раскрашенные кости находились все вместе в отдаленной от входа части дома. Здесь же обнаружены и другие предметы, в их числе: наборный «шумящий» браслет, состоящий из пяти отдельных пластин из бивня мамонта, с великолепным резным орнаментом; два крупных изделия, напоминающие антропоморфные фигуры, каждая из которых имеет закругленный верхний конец и утонченный нижний. Эти изделия очень хорошо размещаются в зажатой ладони. В доме также найден молоток из рога северного оленя, восемь костяных проколок и сломанная костяная игла. На полу находилось множество раковин морских моллюсков, из которых составлялись ожерелья. Из руин сооружения было извлечено около 10 кг красной и желтой охры, залегавшей на полу отдельными скоплениями по 2—3 кг в каждом. Таким образом, праздничное или обрядовое назначение всего найденного в мезинском обрядовом доме — несомненно.

На отдельных орнаментированных частях раскрашенных костей мамонта выявлены определенно локализованные участки с явными нарушениями целости поверхностного слоя. Они опознаются по сглаженной и залощенной поверхности, по сработанному верхнему слою, резкому отличию состояния поверхностного слоя кости от окружающих естественных плоскостей ее и т. д. Все эти поверхностные нарушения на костях, по заключению ученых, появились в результате сосредоточенных ударов по кости, производившихся длительное время. Не остается сомнения в том, что все окрашенные кости служили ударными музыкальными инструментами. Один из них — бедро мамонта для лучшего резонирования было изнутри частично очищено от костной губчатой ткани. Интересно, что набор этих инструментов давал разную тональность, разную звуковую шумовую гамму.

С этими предметами связан и молоток из рога северного оленя. Им пользовались как ударником для извлечения звука при постукивании по костям. Эту же функцию выполняли и два изделия из кости мамонта с округлыми и утонченными концами. Ими пользовались как звуковыми колотушками. Наборный «шумящий» браслет, безусловно, должен быть отнесен к звуковым инструментам типа

своеобразных кастаньет, сопровождавших танцы. Этот инструмент является первой материальной находкой такого рода вообще, а для памятников палеолита СССР единственной, подтверждающей распространение искусства танца среди палеолитического населения Восточной Европы. Остальные предметы могут рассматриваться как своеобразный «театральный реквизит». Восемь костяных проколок и костяная игла были необходимыми для облачения в одежды из шкур. Кстати, палеолитические рисунки, найденные в пещерах Франции, часто передают танцующие фигуры обряженными в звериные шкуры. Запас охры в доме служил обрядовым, праздничным целям. Охра шла на окраску тела, гримирование и пр.

При раскопках позднепалеолитического поселения Межирич на Каневщине было установлено, что у входа в жилище, во многом аналогичное мезинскому, стоял череп мамонта, украшенный сложным геометрическим рисунком на лбу. В самом жилище нашли вместе со множеством хозяйственно-бытовых и ритуальных предметов несколько поврежденных и один целый ударный молоток. Череп мамонта являлся очень хорошим звуковым резонирующим инструментом типа барабана. Молотки могли предназначаться и для него. Вероятно в Мезине в обрядовом доме находился такой же инструмент, представленный обломком черепа мамонта с росписью красного цвета.

Мезинский обрядово-праздничный дом вместе с предметами, найденными в нем, а также межиричский расписной череп мамонта являются уникальными находками. Это пока первое в мире собрание древнейших ударных музыкальных инструментов. Исследование их раскрывает одну из важнейших сторон психологии кроманьонца, его мироощущение, эмоциональность, поведение. Следует подчеркнуть еще одну из сторон социальной значимости найденных костяных музыкальных инструментов. Пять раскрашенных костей мамонта, обнаруженных в Мезине, вместе представляли собою функционально единый музыкальный комплекс. Но с ним должны были быть связаны две звуковые колотушки и «шумящий» браслет-кастаньеты. К этому же набору принадлежал и орнаментированный череп мамонта — барабан, сохранившийся, как обычно черепа этого животного, фрагментарно.

Весь этот инструментально-музыкальный набор, т. е. все инструменты использовались одновременно эпизодически. Количество участников «ансамбля» было не меньше 6—7 человек. Такой коллектив исполнителей едва ли предназначал свое искусство для ограниченного состава слушателей и участников празднеств. Скорее всего, торжествами и различного рода обрядностями охватывался широкий круг людей, может быть, и не одного мезинского поселка, насчитывавшего по демографическим данным не менее 50 человек. Таким образом, набор музыкальных предметов, найденных в мезинском обрядово-праздничном доме, представляет собой наиболее яркое материальное подтверждение теоретических положений и логических выводов о первобытнообщинной организации палеолитических сообществ, о коллективистской сущности родовых или племенных социальных структур.

Исследования археологических материалов, собранных в давние годы на некоторых позднепалеолитических поселениях, показали, что мезинские музыкальные предметы являются не единственными находками костяных музыкальных инструментов. Еще в дореволюционные годы на раскопках позднепалеолитического поселения Городок близ Ровно, на глубине 11 м был найден крупный фрагмент лопатки мамонта. На поверхности этой кости имеется линейный орнамент и

установлены следы от многочисленных ударов в тех же местах, что и на мезинской «музыкальной» лопатке мамонта. Не остается сомнений в принадлежности и городокской лопатки к палеолитическим музыкальным инструментам.

На известном позднепалеолитическом поселении Пшедмост в Чехословакии в разные годы были найдены фрагмент лопатки мамонта, расписанной красной краской, и обломок таза с гравированным орнаментом. Имеются все основания видеть в этих находках обломки музыкальных инструментов из костей мамонта, близких к мезинским и городокской. Не менее важной остается и другая находка из Пшедмоста конца прошлого века. Здесь был найден концевой отрезок бивня мамонта с графическим изображением женщины, выполненным в очень своеобразном схематично-геометрическом стиле, с помощью тонких параллельных линий, создающих довольно динамичный абрис фигуры человека. Изображение множество раз издавалось в мировой археологической и искусствоведческой печати и стало хрестоматийным.

Этот шедевр палеолитического искусства затмил собою определение функционального назначения самого предмета, на который нанесена женская гравюра. Только сейчас, сопоставляя пшедмостскую находку с одной из мезинских музыкальных колотушек из концевого отрезка бивня мамонта, стали очевидными их морфологическая связь и сходство в трассологических наблюдениях. Удалось установить и сюжетное совпадение на обеих музыкальных колотушках, но выполненных в различной художественной манере. На мезинской музыкальной колотушке имеется гравированное изображение женского символа в виде углового шеврона, не оставляющего сомнений в его семантике. Только по недоразумению этот женский знак был когда-то принят за ворот одеяния вроде рубахи.

Хронологическое соответствие Мезина, Городка и Пшедмоста позволяет поставить вопрос о принадлежности всех этих трех местонахождений к мезинско-павловской культуре позднего палеолита. Пример такого огромного культурно-исторического ареала являет собою виллендорфо-авдевско-костенковская общность. Каждый из названных пунктов находок костей мамонта музыкального назначения отделен один от другого сотнями километров, что само по себе говорит о широте распространения инструментов такого типа.

Дальнейшее исследование костей мамонта под углом зрения выявления музыкальных объектов обещает внести много нового в понимание духовной жизни палеолитического человека, несмотря на 20—25 тыс. лет, отделяющих нашу современность от позднего палеолита.

Другим историческим источником, раскрывающим некоторые идеологические представления кроманьонцев Восточной Европы, являются погребения людей. На территории Украины пока не встречены захоронения кроманьонцев. Однако открытия, сделанные в Центральной России — в Костенках на Дону и на поселении Сунгирь, недалеко от Владимира, а также в ряде местонахождений Западной Европы, говорят об определенной сложности мировоззрения кроманьонцев, вероятности развития у них некоторых иррациональных, космогонических представлений, культов, связанных с анимизмом и домашним очагом, с охотничьей магией, с верой в возрождение, обратимость. «...Бессилие дикаря в борьбе с природой,— писал В. И. Ленин,— порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» [1] Погребение кроманьонца в Костенках в имитированном жилище из костей,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.

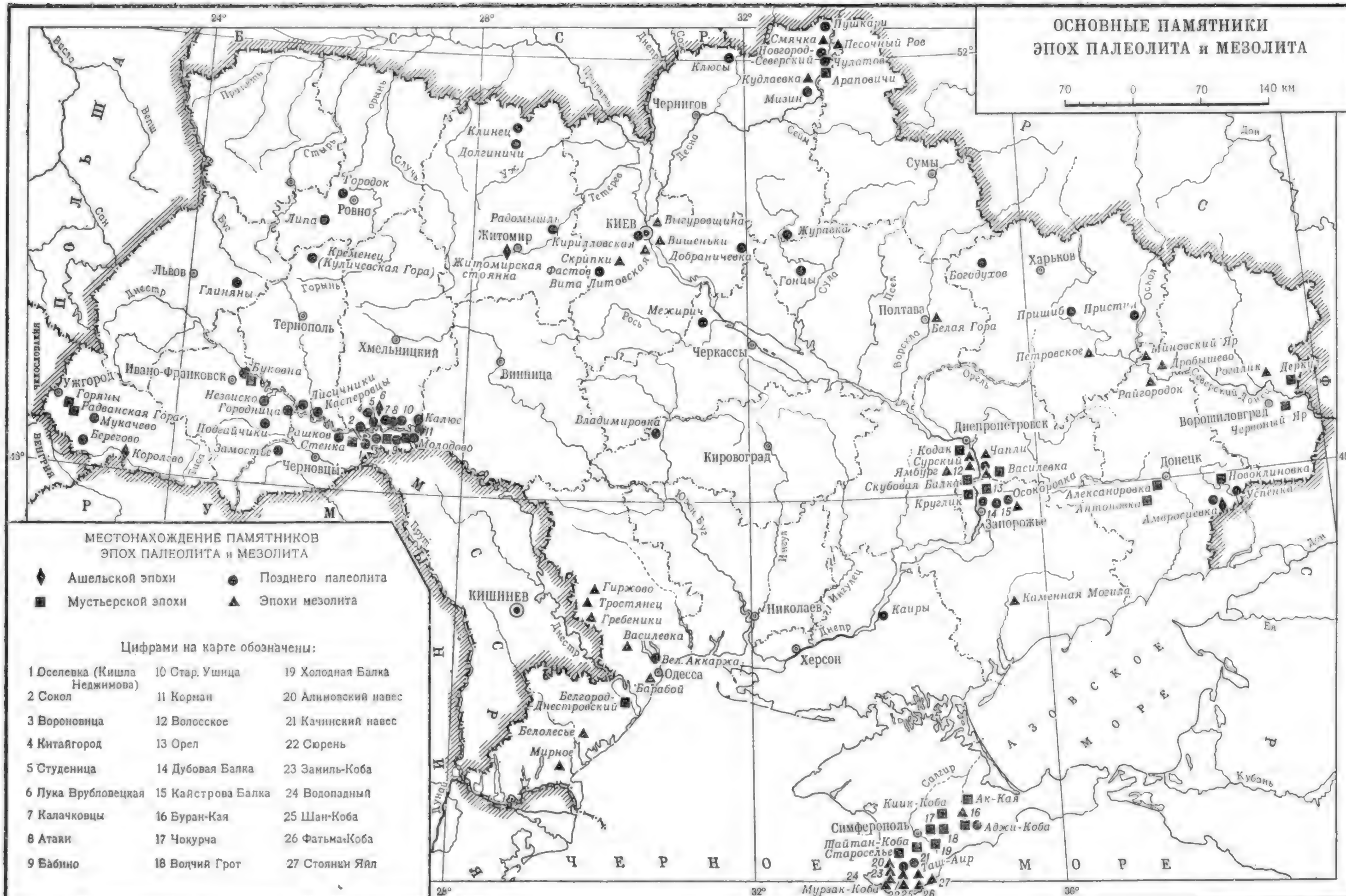
богатейшие погребения подростков, усыпанные костяными или из бивня мамонта бусами и к тому же снабженные не имеющими себе подобных большими, цельными копьями из бивня мамонта, подчеркивают, в частности, сложность представлений, сопровождавших заупокойную обрядность.

Преимущественное захоронение женщин и детей в позднепалеолитических скалистых убежищах запада Европы вновь возвращает к мысли о существовании у позднепалеолитических племен матриархально-родовых отношений. Сложной и разносторонней материальной и духовной жизни кроманьонцев должны были соответствовать достаточно развитые формы социальной организации, выработанный строй звуковой речи, должно быть, с немалым словарным запасом, устойчивые психологические качества, проявлявшие себя во всех сферах их деятельности. Вероятнее всего, парная семья составляла первое звено, основную ячейку социальной организации родовой общины. Каждая такая семья вела свое, так сказать, потребительское хозяйство, но, безусловно, связанное с общими целями деятельности общины. В семьях готовилась пища, изготовлялись орудия, проявлялись свои заботы о воспитании потомства и сохранения традиций и порядков, принятых в родовой общине. Таким образом, каждая семья кроманьонцев, являясь органической частью родовой общины, оставалась свободной только в проявлении узко семейных интересов.

Условия жизни кроманьонцев, особенно обитавших в зоне приледниковья, сложились так, что отдельная семья не могла существовать как самостоятельная социально-экономическая организация. Добыча крупного зверя, проведение облавных охот, сооружение ловчих ям, доставка охотничьих трофеев, в том числе и расчлененных туш мамонтов с помощью, вероятно, волокуш, строительство зимнего жилья и другие виды трудоемких хозяйственных работ требовали кооперации, усилий всей родовой общины. Но распределялись продукты коллективного труда по семьям, согласно потребностям семьи и в соответствии с долей ее участия в общественном труде, т. е. в охотничьем производстве. Следовательно, основным ядром социально-экономической организации кроманьонцев оставалась родовая община, построенная на коллективистских, общинных порядках с матрилокальными и матрилинейными институциями, определявшими социальное положение семьи и каждого члена общины.

Внутрисемейное и внутриобщинное разделение труда осуществлялось преимущественно по полу и возрасту, т. е. было естественным. Мужчина выполнял все, что относилось к охотничьему производству, женщина возглавляла домашние работы и занималась воспитанием детей. Не исключено, однако, что уже намечались и некоторые тенденции к специализации чем-то одаренных членов общины в определенных направлениях, которые требовали приложения индивидуальных способностей. Имеется в виду, например, искусство гравировки, изготовление скульптур, «свирелей» или «флейт» и даже мастерство обработки шкур, выделки предметов вооружения и т. п., проявлявшиеся у отдельных индивидов. Но эти достоинства отдельных членов общины едва ли выделяли их в особую привилегированную часть общины. Таким правом, возможно, пользовались только родовые старейшины, племенные вожди, руководившие всем укладом жизни общин.

Однако и сама по себе община при небольшой численности ее членов не могла существовать самостоятельно при обязательности действия запрета браков внутри общины (экзогамия). Следовательно, наряду с одной общиной должна была существовать дру-


ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ
ЭПОХ ПАЛЕОЛИТА и МЕЗОЛИТА
70 0 70 140 км
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХ ПАЛЕОЛИТА и МЕЗОЛИТА
Ашельской эпохи
Мустьерской эпохи
Позднего палеолита
Эпохи мезолита
Цифрами на карте обозначены:
1 Оселевка (Кишла Неджимова)
2 Сокол
3 Вороновица
4 Китайгород
5 Студеница
6 Лука Врубловецкая
7 Калачковцы
8 Атаки
9 Бабино
10 Стар. Ушица
11 Корман
12 Волосское
13 Орел
14 Дубовая Балка
15 Кайстрова Балка
16 Буран-Кая
17 Чокурча
18 Волчий Грот
19 Холодная Балка
20 Алимовский навес
21 Качинский навес
22 Сюрень
23 Замиль-Коба
24 Водопадный
25 Шан-Коба
26 Фатьма-Коба
27 Стоянки Яйл
Пушкари
Смячка
Песочный Ров
Новгород-Северский
Чулатов
Кудлаевка
Арапович
Мизин
Клюсы
Чернигов
Клинец
Долгиничи
Городок
Ровно
Липа
Кременец (Куличевская Гора)
Львов
Глиняны
Тернополь
Хмельницкий
Ивано-Франковск
Буковна
Незвиско
Городница
Лисичники
Касперовцы
Подгайчики
Рашков
Стенка
Замостье
Черновцы
Калюс
Молодово
Ужгород
Горяны
Радванская Гора
Мукачево
Берегово
Королево
Радомышль
Житомир
Житомирская стоянка
КИЕВ
Кирилловская
Выгуровщина
Вишеньки
Скрипки
Фастов
Вита Литовская
Добраничевка
Журавка
Гонцы
Межирич
Черкассы
Винница
Владимировка
Кировоград
Сумы
Полтава
Белая Гора
Харьков
Богодухов
Пришиб
Пристин
Петровское
Миновский Яр
Дробышево
Райгородок
Рогалик
Деркул
Ворошиловград
Черноный Яр
Днепропетровск
Кодак
Сурский
Ямбург
Скубовая Балка
Круглик
Чапли
Василевка
Осокоровка
Запорожье
Александровка
Антоновка
Амвросиевка
Донецк
Новоклиновка
Успенка
Каменная Могила
КИШИНЕВ
Гиржово
Тростянец
Гребеники
Василевка
Вел. Аккаржа
Одесса
Барабой
Белгород-Днестровский
Белолесье
Мирное
Николаев
Кайры
Херсон
Симферополь
Киик-Коба
Ак-Кая
Аджи-Коба
Шайтан-Коба
Староселье
Таш-Аир
Мурзак-Коба

гая, брачующаяся с первой. Такая система, обеспечивавшая родовые сегментации общин, их разделение и отселение новых дочерних общин с притоками чужеродцев, вела к образованию племенных социально-экономических организаций. В них существовали эндогамные порядки, допускались межродовые браки на широкой социальной основе.

Известно, что там, где проводились систематические и широко организованные исследования памятников позднего палеолита, установлено их размещение как бы «кустами», отражающими определенную племенную сгруппированность населения на удобных природных участках. Такое топографическое распределение позднепалеолитических памятников замечено на Среднем Днестре, особенно в Кельменецком и смежных районах Черновицкой области, в Гремячском районе Воронежской области у с. Костенки на правом берегу Дона. Такая же сгруппированность, подчеркивающая семейно-родовую общность населения поселка, наблюдается в планировке и размещении построек на позднепалеолитических поселениях типа Радомышля на Житомирщине, Пушкарей I, а также Мезина на Черниговщине, Добраничевки на р. Супой (Киевская область), Мальты в Восточной Сибири (Иркутская область).

Топографическая рассредоточенность очагов внутри зимних жилищ и надворных огнищ, производственных мест и ям-хранилищ, составлявших единый с жилищем хозяйственно-бытовой комплекс, свидетельствует о принадлежности каждого такого комплекса к одной парной семье или малой семейной общине, объединявшей ближайших кровных родственников. Все вместе такие семьи составляли экзогамную родовую общину, входившую в племенное объединение, занимавшее сравнительно большую территорию, представленную теперь групповыми скоплениями памятников.

Сказанное должно быть понято не как искусственно сконструированный и предложенный постулат для реконструкции социально-экономических отношений в позднепалеолитических сообществах, а как вывод, вытекающий из анализа имеющихся археологических и этнографических источников.

Таким образом, в позднем палеолите экономическое состояние обществ, освоивших большую часть Европы, было довольно устойчивым, и охота, особенно на мамонта, обеспечивала жизнедеятельность коллективов. При таких, в общем благоприятных, обстоятельствах население численно увеличивалось, создавались лучшие возможности для сохранения потомства.

Ближе к концу палеолита наблюдается заметное истощение охотничьих ресурсов, особенно уменьшается численность мамонтов. Это приводит к поиску новых охотничьих площадей, значительным миграциям позднепалеолитических сообществ, особенно в северном направлении, т. е. в том, куда под воздействием изменявшихся природных условий устремлялись стада северных промысловых животных, главным образом северного оленя. Последний на завершающем этапе палеолита занимал в хозяйстве человека иногда основное место и превосходил по своему экономическому значению даже мамонта.

2. ЭПОХА МЕЗОЛИТА (ЭПИПАЛЕОЛИТА)

Природная среда и расселение человека в эпоху мезолита. В конце среднего плейстоцена, совпадающего с заключительной фазой валдайского (вюрмского) оледенения, отмечаются значительные изменения в природной обстановке в большом географическом масштабе. Последний ледник, постепенно отступая в области своего первоначального образования, к северным окраинам Европы и далее, в арктические широты, покинул пределы Европы 8—10 тыс. лет назад. Он оставил после себя пустынный ландшафт дюнных всхолмлений, морены с островками хвойного мелколесья, нагромождения валунов и множество озер. Начинается голоценовое время.

С наступлением голоцена человек все более заселяет обширные пространства Восточного полушария планеты, занимает площади, покрытые прежде ледником или близко соприкасавшиеся с ним территории. Люди мезолитического периода проникают в степи Восточной Азии, в Южную Сибирь и Казахстан, достигают пустынь и полупустынь Средней Азии. Они довольно плотно заселяют особенно северную и восточную окраину Африки, субконтинент Юго-Восточной Азии. Мезолитические сообщества осваивают почти всю Европейскую часть СССР, Кавказ и Урал.

По данным археологических исследований обширных площадей Восточной Европы можно выделить три крупных ареала расселения мезолитических племен: южный — степи Северного Причерноморья, Приазовья и Крым; лесостепной — зона Среднего Поднепровья, бассейн Северского Донца; лесной — лесная зона северной части Украины, Белоруссия, юго-восточная часть Прибалтики.

Заметные различия в материальной культуре мезолитического населения, отмечающие каждый из названных ареалов, объединяет все же больше сходства черт, чем различий. Причем общность признаков в материальной культуре мезолитического населения не ограничивается только названными ареалами, а приобретает действительно огромнейшие размеры. Здесь уместны сопоставления культур мезолита южного пояса Старого Света с северной его половиной. Речь идет не о культурно-исторической адекватности между столь отдаленными друг от друга историческими общностями, а о проявлении у них схожих стадиальных процессов в образовании культур в близких по своему воздействию природных условий и связанных с ними социально-экономических факторов.

Однако нельзя недооценивать и непосредственных или связующих звеньевых контактов между населением мезолита, ведущих к некоторой нивелировке уровней развития, и прежде всего материальной культуры. Именно с мезолитом с давних пор связывают большие миграции коллективов, а с ними и быстрый перенос культурных достижений в разные зоны расселения человека. Так было, например, с распространением лука со стрелами. Конкретные археологические исследования показывают связи мезолитических племен Северо-Восточной Европы и Прибалтики с Крымом через территорию Украины и с Западной Европой, а также контакты Крыма с Кавказом, Северо-Западным Причерноморьем, с Западной, Средней и Южной Европой, быть может, и со Средиземноморьем. И все же всеобщее сходство между мезолитическими культурами совсем не означает отсутствия у них своих хорошо выраженных черт, этнографической пестроты в их среде. Но признаки эти скорее рецессивные, чем доминирующие.

В пределах современной Украины открыты сотни мезолитических памятников. Однако неблагоприятные условия залегания большинства из них — малая глубина в почвенном или подпочвенном горизонтах, на выдувах или слоях, смещенных оползневыми явлениями,— снижают степень их сохранности. Исключение составляют мезолитические памятники в скалистых убежищах Крыма. Условия залегания культурных остатков в сухих пещерных отложениях обеспечили хорошую сохранность не только минеральных остатков, но и органических — костей животных, углей из кострищ и т. п. Непотревоженность культурных залеганий дает возможность проследить количество и размещение очагов в пещерных поселениях, обнаружить производственные участки, места выделки орудий и сохранения запасов кремня как сырья для изделий. Крымские пещерные мезолитические поселения стали своего рода культурно-стратиграфическим эталоном для хронологизации или периодизации мезолита Северного Причерноморья. Археологические памятники эпохи мезолита принадлежат раннему и позднему периодам *.

Наступившее голоценовое потепление климата в Восточной Европе преобразило всю физико-географическую обстановку в южной половине Европейской части СССР. Здесь сложились географо-ландшафтные зоны, близкие к современным. Иным стал животный мир. Южные степи Причерноморья населеляли крупные копытные, главным образом первобытные быки-туры и лошади. Кое-где в начале голоцена сохранились стада сайгаков. В долинных лесах и степях с разнотравьем появились косули и олени. Они же заняли предгорья и горные районы Крыма. На юге, где было много дубовых лесов, во множестве водились дикие кабаны, животные, не терпящие длительных зим с плотным и глубоким снежным покровом. Влажность и умеренность климата способствовали необычайному распространению по всей Европе обыкновенных улиток рода Helix. В реках Юго-Восточной Европы, в частности Крыма, водились лососи, вырезубы, судаки, сомы, а также форели и голавли. Сравнительно быстрая трансформация природных условий в конце среднего плейстоцена и начале голоцена незамедлительно отразилась на всем облике материальной и духовной культуры мезолитического человека.

И вновь, как это было при переходе от среднего к позднему палеолиту, возникают новые, трудные ситуации для жизни человека в новых, еще неведомых ему естественно-исторических условиях. И человек опять проявил свои качества в борьбе с природой — изобретательность, активную и гибкую приспособляемость к окружающей обстановке, умение в какой-то мере изменять ее в свою пользу.

Поселения и хозяйство человека эпохи мезолита. Пока немного известно о поселениях и типах жилищ мезолитического времени. При раскопках поселения мезолитического возраста у с. Белолесье на р. Сарата в Одесской области исследователи обратили внимание на залегание в ряд отдельных скоплений кремней и костей животных. В центре одного из скоплений оказался очаг. Полагают, что это след от трех расположенных здесь мезолитических жилищ. В другом пункте, у с. Осокоровка в Надпорожье в слое V были обнаружены остатки пяти жилищ, имевших прямоугольную форму и поставленных по кругу. В центре одного из них, пло-

* Первая половина мезолита хронологически, а во многом и культурно-исторически совпадает с азильским временем западноевропейской периодизации мезолита, вторая половина — с тарденуазским временем.

щадью до 30 м², находился очаг. Вне жилищ размещались надворные очаги. Такие постройки имели опорные деревянные столбы. Стены оплетались лозняком и обмазывались глиной. Легкая крыша жилища перекрывалась растительностью или шкурами животных. Следы мезолитических жилищ, немного углубленных в землю и имеющих прямоугольную или близкую к квадрату форму, обнаружены в Среднем Поволжье, в Прикамской его части. На Деуковском поселении открыто три таких жилища. Тут же находились и надворные очаги. Мезолитические остатки жилищ, несколько углубленных в грунт, были встречены и при раскопках поселений в Ражичах и Ташовичах в Чехословакии. В их конструкцию тоже входило дерево.

Судя по массовости культурных остатков поселения в Белолесье, Гиржево, Мирное на Одесчине и другие аналогичные мезолитические местонахождения принадлежали относительно оседлому населению, промышлявшему охотой и собирательством. Так же можно оценить и пещерные мезолитические поселения в Крыму, отмеченные довольно мощными толщами культурных отложений, накопившихся в пещерах в результате долговременного пребывания в них человека.

Наряду с такими относительно крупными и обжитыми поселениями эпохи мезолита открыто множество малых стоянок охотников-собирателей. Стало быть, и в мезолите бытовали два типа поселений. Первый, преимущественно зимний, представлял собой 3—5 утепленных жилищ или удобных для обитания сухих скалистых убежищ и площадки возле них. Нередко в таких убежищах устраивались искусственные заслоны с наветренных сторон, видимо, из ветвей, укрепленных в основании навалом камней (навесы Шан-Коба и Фатьма-Коба в Крыму). Второй — временные охотничьи пристанища, с наскоро поставленными шалашами из растительных материалов. Следы таких стоянок охотников на боровую, степную и перелетную дичь в большом количестве встречены на плоскогорьях крымских яйл, а также на севере в крымской степи и на Керченском полуострове. Немало их было и в степях Причерноморья и Приазовья.

Убедительным примером для выяснения экологических условий обитания человека в мезолите являются крымские скалистые убежища. Число хорошо обжитых долговременных поселений, содержащих крупные очаги и значительные скопления культурных остатков, в общем невелико и не превышает 12—15 поселений. Их примерно столько же, как и в благоприятную, сравнительно теплую пору среднего палеолита, в эпоху мустье в Крыму. Количество же мелких стойбищ, включая и стоянки в скалистых убежищах, в том числе и таких известных, как Киик-Коба, Сюрень I и другие, приближается к 200. Приведенные данные не свидетельствуют об общей подвижности охотничьих коллективов, о кочевом или бродяжническом образе жизни общин. Скорее всего эти жилища возникли в результате рассредоточения общин на небольшие производственные группы вследствие охоты на мелких животных. Уменьшение дичи заставляло людей посещать труднодоступные охотничьи угодья.

Надо полагать, опираясь на палеоэкономические расчеты, что численность населения в эпоху мезолита в Крыму едва ли превышала 300—350 человек. Количество населения, как и прежде, жестко регулировалось величиной охотничьих угодий и насыщенностью их промысловыми животными.

С эпохой мезолита связываются исключительно важные перемены в экономической жизни общества. Прежде всего, в мезолите было сделано

величайшее изобретение очень сложного по тому времени механического приспособления — лука со стрелами. Появление этого инструмента охоты и войны высоко оценил Ф. Энгельс как достижение, обеспечившее постоянный приток в охотничьи коллективы мясной пищи [1]. Применение этого орудия привело и к другим последствиям в организации самой охоты и в социальной структуре общин. Усложнение охоты в мезолите требовало усовершенствования самих орудий охоты на зверя, а с этим было связано и совершенствование всей техники производства орудий труда из кремня и кости. И действительно, технические приемы изготовления заготовок для орудий приобретают формы некоторой стандартизации, возникшей на очень высокой основе многовекового опыта обработки кремня и умелого использования всех свойств этой породы.

Очень широко внедряется техника изготовления составных орудий из дерева или кости с кремнем. Применение этой комбинированной техники позволяло быстро заменять сломанную часть орудия или восполнять утраченную его деталь. Охотник мог всегда носить при себе постоянный запас деталей для оснащения метательных или режущих орудий. Такими частями, деталями орудий служили так называемые микролиты. Это очень мелкие, подчас великолепно обработанные кремешки в виде сегментов, трапеций, а иногда и ромбов, во множестве встречающиеся на поселениях и стоянках. Служили они вставками (бородками), вкладышами в деревянные и костяные стержни наконечников стрел или дротиков. Небольшие удлиненные пластинки вкладывались в прорезанные пазы костяных или деревянных стержней, составляя, таким образом, лезвия режущих инструментов. Тончайшие, прозрачные пластиночки кремня в виде сильно вытянутых трапеций с выработанными на них выемками для крепления нити, очень напоминающие по форме рыбку-малька, служили блеснами. Это самые древние из известных приманок. Такие блесны встречаются часто, особенно в крымских мезолитических поселениях.

В целом кремневый инвентарь эпохи мезолита, сохраняя в основном своем наборе позднепалеолитический комплекс — скребки, резцы, ножевидные пластины и прочее, дополняется серией микролитов геометрических очертаний. В дело идет и кость. Различные прокалывающие инструменты и заготовки из поверхностной, плотной части рога благородного оленя изготовляются повсюду. Из них, а также из трубчатых костей животных выделываются наконечники гарпунов. Они отличаются легкостью и прочностью. Мастерство изготовления кремневых и некоторых изделий из кости (гарпунов, наконечников стрел и копий) явилось естественным следствием необходимости совершенствовать орудия охоты.

В мезолите значительно развивается и собирательство, принимающее усложненную форму заготовок природных даров впрок. В навесе Шан-Коба, например, был обнаружен целый склад улиток рода Helix, расположенный тут же, в естественной камере, образовавшейся в скале. В толщу аккуратно уложенных улиток были воткнуты длинный обломок рога благородного оленя и бедро дрофы. Служили эти предметы для выгребания улиток, когда они нужны были для питания. Аналогичные места хранения этих моллюсков обнаружены и на других мезолитических поселениях. Был разработан и специальный способ приготовления улиток в пищу, отличный от современного. Их не варили, как это делают некоторые европейские народы. В мезолите ули-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 29.

Глиняная модель жилья трипольской культуры из поселения вблизи с. Россоховатка Черкасской области. III тысячелетие до н. э.

Биноклеподобный сосуд из трипольского поселения вблизи с. Шкаровка Киевской области. III тысячелетие до н. э.

Деталь украшения скифского убранства — головка богини Деметры из кургана вблизи с. Великая Белозерка Запорожской области. IV в. до н. э.

ток запекали в небольших ямках, т. е. применяли обычный в древности способ приготовления мяса — в пекарских ямках. Только в относительно постоянных или долговременных поселениях могла успешно развиваться такая усложненная технология сохранения и обработки продуктов собирательства.

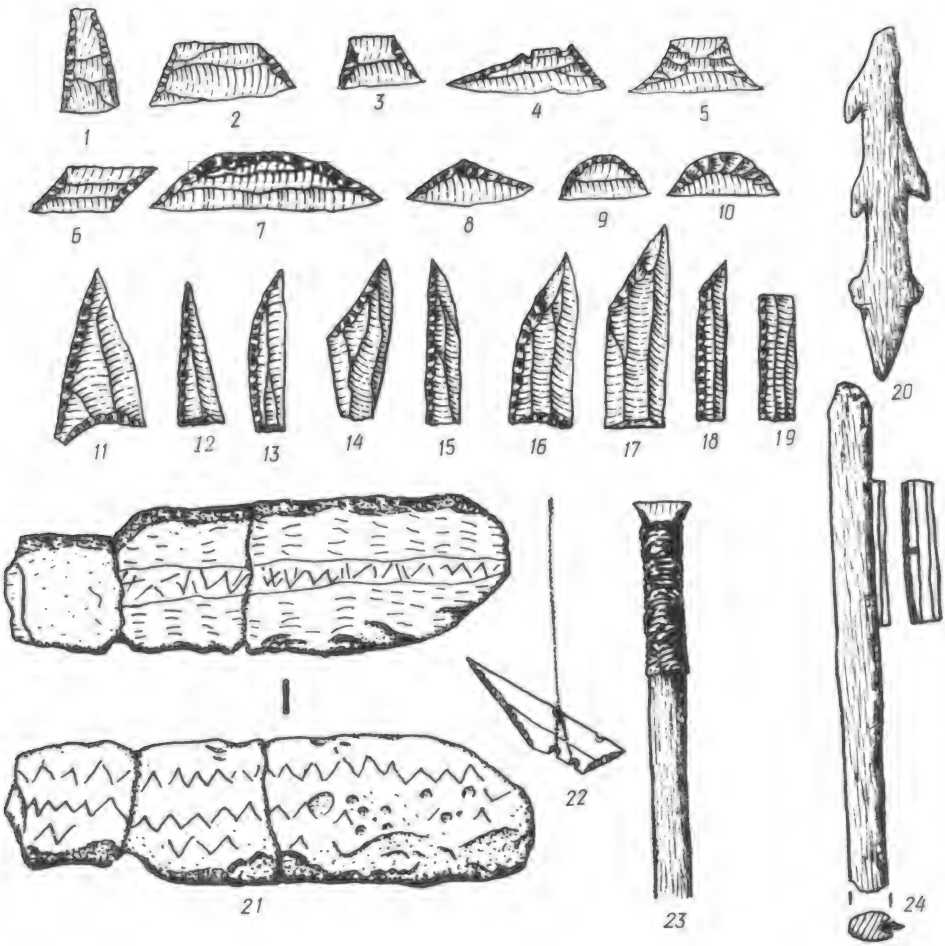
В мезолите возникло и другое явление, также связанное с относительной оседлостью, значение которого невозможно переоценить. Это начало приручения животных. В мезолитических слоях пещерных поселений найдены кости домашней собаки, еще не утратившей некоторых признаков своего родича — волка, и кости свиньи, особенно молодых особей, содержавшихся на поселениях в качестве запаса мяса.

Первые опыты приручения животных, ловля рыбы, а не только охота на рыбу, развитие собирательства и, вероятно, начальных форм растениеводства с целью заготовки продуктов впрок, сама охота с помощью лука со стрелами — все это возникло в мезолите не случайно, а было подчинено строгим требованиям времени, определенным экологическим закономерностям.

Наметившееся в самом конце позднего палеолита истощение охотничьих ресурсов, особенно уменьшение стад мамонта, дающего основную часть биомассы для питания человека, с течением времени все больше усиливается. В мезолите вместе с прогрессирующим нарастанием биоценозных изменений в растительном и животном мире, видимо, имеет уже место и нарушение экологического соответствия между потребностями человека в мясной пище и возможностями добычи ее в нужном для поддержания жизни объеме. Исчезновение крупных стадных животных и несовершенство прежних орудий охоты в новых условиях привели к экономическим затруднениям. Человек стремится к возможно большей утилизации продуктов охоты, измельчает, например, кости промысловых животных до состояния максимальной возможности извлечения из них костного мозга. О недостатке в мясной пище свидетельствует поедание людьми мяса хищников, собак и различных грызунов. В экономике мезолитического человека четко намечается упадок экономического значения охоты.

Нехватка мяса для все возрастающего населения ведет к совершенствованию приемов охоты, к повышению эффективности орудий промысла. Но такое усовершенствование средств добычи дичи приводит к еще большему ее истреблению, к сокращению природных ресурсов. Этот диалектически развивающийся процесс, осложненный рассредоточением и большой подвижностью охотничьих групп, вероятно, с межобщинными стычками за обладание угодьями, приводит в конце концов к кризисному состоянию самого охотничьего производства как основного источника существования мезолитического человека. И никакие развивающиеся хозяйственные занятия, в том числе собирательство и рыболовство (последнее особенно малопродуктивно в южных степях или гористых областях), не могли покрыть жизненно необходимых потребностей человека в мясной пище в условиях присваивающего хозяйства. Созревают необходимые факторы, ведущие к возникновению производящей экономики — животноводства и первичным формам растениеводства — и овладению в лесостепной и лесной зонах сетевым ловом рыбы. Таково было общее направление развития экономики в эпоху мезолита, подготовившее коренной экономический переворот в истории человечества.

Пока еще точно не установлено время появления на юго-востоке Европы глиняной посуды в ее первич-



Орудия труда из мезолитических стоянок Украины:
1—19 — микролиты; *22—24* — способы их использования; *20* — костяной гарпун; *21* — «чуринга»

ном виде. Однако можно с уверенностью говорить о том, что в мезолите изготовлялись «предшественники» глиняной посуды, преобразившиеся уже в раннем неолите в завершенные формы настоящих керамических изделий с относительно сложной технологией их производства. В мезолите, вероятно, бытовали глиняные вместилища, изготовленные на прутяной, сетчатой основе. Очень возможно, что употреблялись и сосуды из глины самой примитивной лепки и слабого обжига, не оставившие отчетливых следов во времени, хотя обломки сосудов, найденных на крымских яйлах, близки по своей выразительности к мезолитическим комплексам и признаются таковыми многими исследователями.

Появление керамических сосудов уже в мезолите было необходимостью, вызванной состоянием развития экономики в целом и сменой состава питания у человека. Кризис охотничьего хозяйства заставил мезолитиче-

ские общины обратиться к новым источникам питания и совершенствованию тех, которые были известны и раньше. Широкое хозяйственное развитие собирательства в мезолите должно было привести к растениеводству и в первую очередь к разведению злаковых культур, наиболее питательных и хорошо сберегаемых. Зерна злаковых могли употребляться только в виде каш — самых древних земледельческих блюд, для изготовления которых была нужна жароустойчивая и влагонепроницаемая посуда.

Недостаток в мясной пище требовал и полной утилизации охотничьей добычи, что связано с варкой мяса и вываривании костей тоже во влагонепроницаемых вместилищах. Эти новые потребности человека стали стимулирующими факторами, способствовавшими изобретению керамики уже в мезолите, что явилось крупнейшим техническим достижением, наложившим свой отпечаток на общий прогресс человечества.

Надо полагать, что и приручение собаки в мезолите было вызвано необходимостью совершенствования приемов добычи зверя. Выслеживание и преследование промысловых, особенно быстроногих копытных, могло осуществляться с помощью собак, что обеспечивало добычливость охоты, пополнение мясного запаса.

Социальная организация, духовный и культурный мир человека эпохи мезолита. О социальной жизни мезолитического человека известно немного, впрочем, не меньше, чем о других древнейших дописьменных сообществах. По самому наличию постоянных мест поселений, или зимников, можно судить о том, что именно там проходили сезонные общинные сборища, организовывались облавные охоты на мигрирующую с севера дичь, устраивались, вероятно, празднества, заключались брачные союзы. С такими постоянными местами жительства, очевидно, были связаны первые успехи в приручении животных — волка и дикой свиньи.

В сообществах, где имела место индивидуализация охоты, рассредоточие охотничьих коллективов, вероятнее всего по семьям, основной социально-экономической ячейкой оставалась парная семья. Парные семьи или объединения двух-трех парных семей в малые роды вели самостоятельное хозяйство, добывая пропитание своим трудом, и распоряжались продуктом своего труда в каждой семье по своему усмотрению. Это, конечно, не значит, что такие семьи или объединения максимального числа семей были изолированными социальными организациями. Закон экзогамии давал им, экономически замкнутым семейным ячейкам, выход на относительно широкую социальную арену. Перекрестные браки с другими малыми сообществами обеспечивали общественные связи внутри довольно крупных социальных объединений, построенных на племенных началах. Там, где развивалось рыболовство и приморское собирательство, например в лесостепной зоне Поднепровья или на южном побережье Крыма, больше проявляли себя принципы коллективизма в самом производстве и распределении продукта, чем в местах, где сообщества жили за счет охоты.

Важные данные для восстановления физического облика людей, характеристики социального устройства, состояния общественных отношений, вотивного мировоззрения мезолитического человека дают погребения. Мезолитические могильники и отдельные погребения предоставляют обильный материал для собственно антропологических исследований — по истории сложения современного типа человека, возникновению рас, различным аспектам филогенетической проблематики. Антропологичес-

кие исследования завершаются важными историческими заключениями. Например, о том, что в мезолите Восточной Европы обитало в основном население, генетически связанное с позднепалеолитическим кроманьонским типом. Последний являлся основным биологическим субстратом в сложении мезолитического человека, представлявшего несколько модифицированный тип средне- и западноевропейского кроманьонца. Не менее важно и то, что юго- и восточноевропейские мезолитические кроманьонцы имеют и средиземноморские антропологические черты. Отсюда делается заключение о возможных контактах позднепалеолитического населения Украины, продолженных и в мезолите, с населением районов Средиземноморья. Этот вывод совпадает с археологическими свидетельствами.

В Крыму, в скалистых убежищах Мурзак-Коба, на р. Черной, найдено парное захоронение мужчины и женщины. В навесе Фатьма-Коба, расположенном в балке у Байдарской долины, обнаружено женское погребение. Эти захоронения отличаются друг от друга положениями скелетов. Скелеты мужчины и женщины в Мурзак-Коба были положены на спину. Скелет женщины в Фатьма-Коба находился в сильно скорченном положении на боку. Создается впечатление, что тело усопшей было уложено в могилу в связанном состоянии. Столь различные погребальные ритуалы в обоих захоронениях свидетельствуют о различных проявлениях заупокойных культов у обществ, живущих по соседству и в одно время. Общим заупокойным ритуалом для обоих погребений был завал их камнями. Этот обряд выполнялся, по представлениям древних, с целью помешать возврату душ усопших в среду живущих и тем самым обезвредить вредоносное действие их. Той же идеей руководствовались люди, хоронившие женщину в связанном состоянии. Размещение захоронений на месте жилья продолжает очень древнюю традицию, сохраняющую в мезолите символическое значение о связи усопших с их родичами, с очагом их семьи, рода. Одновременность захоронения мужчины и женщины в положении, подчеркивающем их родственную близость,— рука мужчины положена под руку женщины,— вызывает предположение о насильственной смерти женщины, последовавшей, по древним поверьям, вслед за своим супругом в загробный мир.

И еще одно важное и интересное наблюдение, связанное с древнейшими формами религиозного мировоззрения, сделано при изучении скелета женщины из Мурзак-Коба. Анализ состояния костей, произведенный судебно-медицинскими патологоанатомами, установил, что женщина умерла в расцвете сил, в возрасте около 25 лет. Обе конечные фаланги на мизинцах рук были умело и без осложнений отсечены за год или за несколько лет до ее смерти. Предполагается, что перед операцией ее, вероятно, оглушили ударом по голове тупым орудием. Во всей этой драматической истории бесспорным фактом является преднамеренное отсечение фаланг на мизинцах рук, совершенное при жизни женщины. Религиозная церемония отсечения частей пальцев на руках бытовала у многих, еще недавно отсталых племен современности. У отдельных племен Индии, Африки, Австралии, Северной Америки она выполнялась в знак траура по умершему ребенку, при инициациях (посвящении в совершеннолетие) и в других случаях.

Интересно, что на стенах позднепалеолитических пещер во Франции и Испании встречаются отпечатки рук палеолитического человека. На этих отпечатках нередко отсутствуют конечные фаланги пальцев. По этому поводу высказывались различные

предположения. Находка женского скелета с отсеченными фалангами на мизинцах рук в Мурзак-Коба впервые на скелетном материале подтверждает существование жестокого обычая в каменном веке. Что же касается причины смерти женщины из Мурзак-Коба, то вследствие отсутствия полной уверенности в происхождении вмятины на черепе, образовавшейся в результате удара тупым орудием, более правдоподобным кажется предположение, что этот удар и был причиной смерти. Акт умерщвления ее был насильственным и подчинялся каким-то поверьям, отражающим, возможно, складывавшиеся патриархально-родовые порядки. Захоронение мужчины и женщины одновременно, рядом, сначала мужчины, а затем женщины, территориальная неотчужденность женского скелета от мужского, может быть, и служит, правда глухим, указанием на некоторое социальное их равенство, одинаковое общественное положение в мезолитическом обществе.

Несколько иная картина наблюдается при изучении мезолитических могильников, открытых в Надпорожье. Здесь обнаружено три могильника: один из них — у с. Волосское, два других — вблизи г. Васильевка. В могильниках открыто около 90 погребений. В поисках исторической интерпретации наблюдений, сделанных при изучении этих могильников, следует прежде всего отметить, что все они представляют собой групповые захоронения, сосредоточенные па небольшой площади. Эта сгруппированность погребений в каждом из могильников как бы подчеркивает их принадлежность к единой социальной организации — роду или племени. Большинство погребенных—мужчины. Некоторые из них погибли в результате каких-то военных столкновений. У одного из них в шейном позвонке торчал наконечник метательного орудия. В костях скелетов других индивидов застряли обломки кремневых орудий дистанционного действия. Не исключено, принимая во внимание экономическое состояние мезолитических обществ, что в надпорожских могильниках захоронены жертвы военных столкновений за обладание охотничьими и рыболовными угодьями. Жертвы эти нашли свое пристанище и заботу о них в родовых усыпальницах, очень возможно, отмеченных какими-нибудь знаками, наземными сооружениями, насыпями, столбами, стертыми временем.

Об анимистических, вотивных представлениях мезолитического человека свидетельствуют и другие факты. На крымской яйле, например, были найдены интересные гальки с нацарапанными на них геометрическими узорами. Одна из таких галек покрыта резным зигзагообразным орнаментом. Аналогичные гальки с узором, выполненным красной краской, неоднократно встречались на мезолитических поселениях, особенно во Франции. Полагают, что это так называемые чуринги, которые, по поверьям аборигенов Австралии, являлись вместилищами душ. Такое объяснение галек по сходству имеет широкое распространение.

На основании изучения совокупности фактов можно полагать, что в мезолите ранее разрозненные анимистические представления уже оформились в систему верований, в примитивное религиозное мировоззрение, ограниченное рамками сравнительно еще низкого состояния общественного прогресса.

В эпоху мезолита происходит резкая трансформация в области изобразительного искусства. Почти исчезают гравюра и скульптура. Если припять за произведение искусства раскрашенные или покрытые резным узором гальки или просверленные зубы животных, служившие для ожерелья, то они могут составить основ-

ную коллекцию предметов искусства эпохи мезолита. В раскрашенных гальках иногда дешифруются очень схематические изображения человека в разных позах, водная стихия, солярные (солнечные) и лунарные (лунные) знаки. Они свидетельствуют о крайней стилизации искусства, стилистической условности его, о проявлении в этой изобразительной манере отвлеченных форм мышления, сходных космогонических и иных представлений.

Многие исследователи считают, что в мезолите наблюдается упадок культуры вообще и в частности искусства как формы, выражающей действительность. Утверждение о всеобщем упадке культуры в мезолите неверно по существу и легко опровергается наличием значительных сдвигов в экономическом и социальном состоянии общественного прогресса. В искусстве же наблюдается падение реалистических канонов, характерных для позднего палеолита, отход от передачи натуры. Почти общеевропейским шаблоном становится простейшая гравюра, отмеченная еще в позднепалеолитическом искусстве. Имеются в виду ритмично повторяющиеся парные, тройные (и больше по количеству) короткие насечки или нарезки, часто наносившиеся на метательные орудия и различные бытовые костяные предметы. Имели ли эти насечки орнаментальное или какое-то смысловое значение — определить трудно. Во всяком случае, отрицать предположение о том, что некоторые из них могли служить знаками личной принадлежности предмета, выражать счет или отметки событий, нет оснований.

Вскрыть же причины утраты в мезолите реалистической стилистики и замены ее сюжетно бедной и технически небрежной раскраской очень ограниченных размерами плоскостей галек пока не удается. Однако смысловая условность рисунков на гальках, видимо, должна была больше соответствовать их магическому содержанию, чем эстетическим запросам.

Из всего сказанного о мезолите следует, что это была важная в истории человечества эпоха, связанная с самыми начальными ступенями становления воспроизводящего хозяйства. Возникновение воспроизводящей экономики явилось следствием закономерно возникшего кризиса охотничьего производства, подготовленного всем ходом социально-экономического развития племен, начиная со второй половины позднего палеолита и особенно бурно развивавшегося в конце мезолита. Процесс этот проходил не везде одинаково и одновременно. Даже в пределах Европейской части СССР переход от позднего палеолита к мезолиту и само развитие мезолитических культур проходили с некоторыми различиями. Природно-ландшафтные зоны и источники питания мезолитического человека на севере и юге Европейской части СССР имели свои отличия. В лесостепной и лесной зонах наряду с охотой сравнительно рано, в мезолите, стало определяться рыболовное направление хозяйства. На юге долго удерживалась охота, даже при малой ее продуктивности. Эти производственные различия в мезолите северной и южной части Восточной Европы придали несколько различную окраску состоянию материальной культуры у мезолитических обществ, в целом же сохранивших много схожих культурно-исторических черт.

Главным содержанием мезолита являются кризисное состояние охотничьего присваивающего хозяйства, зарождение воспроизводящего хозяйства и вместе с тем сложение новых форм в социальном укладе мезолитических племен.

3. ПЛЕМЕНА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Во второй половине VI тысячелетия до н. э. в жизни первобытного населения Восточной Европы, и в частности населения, жившего на современной территории Украинской ССР, произошли значительные изменения, особенно в его экономике. В это время наряду с традиционными формами хозяйства — охотой, рыболовством и собирательством — стали развиваться скотоводство и земледелие. Переход населения от присвоения даров природы к сознательному их производству был важным этапом в истории человечества, значение которого трудно переоценить. Новые способы добычи продуктов питания путем выращивания культурных растений и разведения домашних животных стали залогом существования и дальнейшего развития человечества, которое количественно неизменно увеличивалось. «За самкой дикого буйвола,— писал Ф. Энгельс,— нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко» [1].

Открытие человеком новых, более прогрессивных и надежных способов пополнения пищевых ресурсов — земледелия и скотоводства — иногда называют «неолитической революцией». В области экономики первобытного общества это действительно была революция, которая длилась, однако, на протяжении многих тысячелетий. Началась она еще в мезолитический период, когда человек приручил первое домашнее животное — собаку — и делал первые попытки одомашнить свинью и быка. В целом же названные выше преобразования в хозяйстве приходятся на эпоху неолита, которая в пределах современной территории Украинской ССР длилась со второй половины VI до III тысячелетия до н. э. включительно.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 159.

Неолитическая эпоха, по периодизации Ф. Энгельса, отвечает низшей и средней ступеням варварства [1], когда началось приручение домашних животных, выращивание злаков и появилось гончарство.

Природная среда. Прогресс экономики. Ландшафт, растительный и животный мир эпохи неолита были очень близки к современным. Преобладала лесная растительность. В то время переход от Степи к лесной зоне прослеживался намного четче, чем теперь. Зоны Лесостепи в теперешнем понимании слова не было. Так, среди фаунистических остатков неолитического поселения Бузки в Ирклеевском районе Черкасской области, расположенном на современной границе Степи и Лесостепи, преобладают типичные представители лесной фауны — благородный олень, косуля, бобр и т. п.

Преобладанию лесной растительности способствовала большая полноводность рек летом. На огромных просторах Лесостепи и Полесья под деревьями снег весной таял медленнее; вода в основном просачивалась в землю: ею питались реки летом. В связи с изменением режима рек в наше время, в частности с наличием высоких весенних разливов, места расположения многих неолитических поселений нередко бывают залиты.

В неолитическую эпоху человек основывал свои поселения по берегам рек, непосредственно возле воды, но на сухих, не затапливаемых во время разлива, местах. Такие участки чаще всего встречаются на мысах песчаных (боровых) террас, которые далеко врезаются в луга и подходят близко к руслам рек. Нередко неолитические поселения размещались и на песча-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 30—32.

ных возвышениях в поймах рек или на островах. На севере Украины, в Полесье, неолитические племена нередко расселялись по берегам полноводных озер, богатых рыбой.

На неолитических поселениях строились жилища, возможно, типа шалашей. В их конструкции использовались лоза, камыш, глина. Следы неолитических жилищ удается зафиксировать только в случае, если они были хотя бы немного углублены в землю. Такие следы жилищ прямоугольной формы найдены и исследованы, в частности, на неолитических поселениях возле пгт Саврань Одесской области, вблизи сел Торское Залещицкого района Тернопольской области и Незвиско Городенковского района Ивано-Франковской области и т. д. А в Надпорожье, недалеко от Днепропетровска, на о. Сурском, раскопано небольшое поселение, состоявшее из трех жилищ, размещенных вокруг общего дворика.

Более детальная планировка поселений и строительство жилищ неолитической эпохи на Украине из-за отсутствия материала изучены еще очень слабо.

По последним археологическим данным, в пределах Восточной Европы в эпоху неолита скотоводство предшествовало земледелию. Эти новые формы хозяйства сложились здесь на несколько тысячелетий позже, чем в странах Древнего Востока, откуда, очевидно, и проникла сама идея этих занятий. С Древнего Востока, вероятно, были занесены, в частности, все культурные злаки, дикие предки которых в пределах Восточной Европы не росли. Однако развитие скотоводства на современной территории Украинской ССР происходило несколько иначе, чем на Востоке. Если там одомашнивание животных началось с овцы и козы, то в пределах современной Украины такими животными были свинья и бык. Их диких предков, которые в большом количестве водились в Европе, на современной территории Украины начали приручать еще в позднемезолитическое время (VII—VI тысячелетия до н. э.). Овца и коза, дикие предки которых на Украине не известны, попали сюда только в конце V—IV тысячелетия до н. э., возможно, уже прирученными. Значительно позже была одомашнена лошадь. Использование ее в хозяйстве первобытного общества началось лишь в эпоху меди.

Освоение земледелия, в частности выращивание злаков, на юго-западе Восточной Европы (Украина, Молдавия) приходится на ранние этапы неолита, т. е. на вторую половину VI—V тысячелетия до н. э. Во время раскопок поселений племен буго-днестровской неолитической культуры найдены керамические изделия с отпечатками зерен и мякины злаков. По определению ботаников, отпечатаны пшеница, ячмень и просо. Племена другой неолитической культуры, которая получила в археологии название культуры линейно-ленточной керамики, или дунайской, выращивали еще рожь, овес и вику.

Размещение неолитических поселений по берегам рек и озер свидетельствует о том, что наряду с земледелием и скотоводством в те времена важную роль в жизни людей продолжали играть прежние формы хозяйства — рыболовство, охота и собирательство.

Значительного развития в неолите достигло рыболовство. Приемы и способы отлова рыбы стали более совершенными. Возник, в частности, способ подледной рыбной ловли, что значительно облегчало существование людей в зимнее время. В распоряжении неолитических рыболовов были сети, удочки с костяными крючками, орудия для прорубания отверстий во льду и т. п.

Люди неолитической эпохи уже знали различные средства передви-

жения по воде, в частности челны. Изготовляли их из одного ствола дерева, выжигая в нем пустоты и стесывая горелый слой каменным теслом. Именно так был изготовлен челн, обнаруженный под многометровой толщей отложений р. Оскол. На его внутренних стенках следы обработки орудием прослеживаются очень хорошо.

В северных лесных районах Украины, где в долинах полноводных рек было много неглубоких заливов и озер, рыбу ловили преимущественно с помощью «заколов» — специальных ограждений, напоминавших плетни из лозы. Таким способом заранее отгораживали от основного русла реки залив, куда осенью и ранней весной во время разлива проникала рыба. Стремясь вернуться назад во время спада воды, она попадала в расставленные сети и верши. Этот способ давал возможность регулировать отлов рыбы в зависимости от конкретных потребностей коллектива. При особо удачном лове рыбу, очевидно, заготавливали впрок.

Наряду с рыболовством заметную роль играла охота. Среди фаунистических остатков, найденных на поселениях, встречено много костей благородного оленя, косули, дикого кабана, бобра, зайца и т. п. Охотились с помощью лука, стрел и копий с кремневыми наконечниками. Рыболовство, охота и собирательство на протяжении всего года обеспечивали потребности населения в продуктах питания. Поэтому лесные племена в современных пределах Украины, как и на более северных территориях Восточной Европы, почти до самого конца неолитической эпохи так и не перешли к скотоводству и земледелию.

Таким образом, «неолитическая революция», или переход населения к воспроизводящим формам хозяйства, охватила не всю современную территорию Украины. Она не затронула северо-восточные ее районы, хотя керамическое производство у населения этой территории достигло уже довольно значительного развития, а набор орудий труда полностью отвечал неолитическому.

Прогресс экономики неолитического общества сказался не только на ведении хозяйства, но и отразился на многих других областях производственной деятельности и быта. В эпоху неолита появились новые типы орудий труда (топоры, большие каменные ножи) и предметов вооружения (кремневые наконечники дротиков и копий с двусторонней обработкой и т. п.), значительно усовершенствовалась техника их изготовления. Возникли новые способы обработки каменного сырья — шлифовка, сверление и распиловка. Особо важное значение имело распространение орудий для обработки дерева — топоров, долот и тесел, использовавшихся в строительстве жилых и хозяйственных сооружений, плотов, челнов и т. п. Топоры и тесла из кремня или других пород камня имели уже достаточно совершенную клиновидную форму, тщательно отшлифованное острое лезвие.

Важным шагом человечества на пути познания природы и овладения ее ресурсами стало изобретение в эпоху неолита керамической посуды. Некоторые исследователи предполагают, что первые попытки изготовления глиняной посуды, возможно, делались еще в мезолите. Открытие секрета превращения изделий из мягкой и пластичной глины в твердые «каменистые» предметы дало людям многое. Керамическая огнеупорная посуда сразу стала незаменимой в быту и хозяйстве. С ее появлением впервые создались условия для приготовления достаточного количества вареной пищи и более надежного сохранения пищевых запасов.

Новые, более эффективные способы ведения хозяйства, как и совершен-

Внешний вид людей эпохи неолита и энеолита. Надпорожье. *Реконструкция М. М. Герасимова*

ствование старых, традиционных форм добывания продуктов питания — охоты, рыболовства, способствовали заметному увеличению в неолитическую эпоху численности населения. В современных пределах Украины обнаружено около 500 неолитических поселений и временных стоянок. Размещены они в долинах Днепра, Северского Донца, Южного Буга, Днестра, Десны, Припяти, Ворсклы, Псла, Сулы и др. Не найдены таковые только на побережье небольших рек и в безводных степных пространствах, очевидно, малопригодных тогда для жизни. Наиболее густо заселенными были территории с обширными охотничье-рыболовными угодьями, с богатыми запасами кремневого сырья, необходимого для изготовления орудий труда. Это долина Северского Донца, Волынь, Средняя Десна и др. Много неолитических памятников обнаружено и в Поднепровье.

Несмотря на значительное усовершенствование орудий труда, распространение новых форм хозяйства, условия жизни в неолите оставались довольно тяжелыми. Средний возраст жизни человека неолитической эпохи на современной территории Советской Украины, по данным подсчетов по Дериевскому I, Вильяновскому и Вовничскому I могильниках, составлял 30—32 года.

Важные достижения в экономике неолитического населения почти не отразились на социальной структуре первобытного общества. По мнению исследователей, еще в конце мезолита возникают племена, складывается

родо-племенная организация первобытного общества. Район распространения отдельных таких племен и их групп для неолитической эпохи определяется на основании изучения остатков материальной культуры. Это, прежде всего, керамика, орудия труда, предметы искусства, погребения и т. п.

Группы стоянок, поселений, могильников, где обнаружены общие типы находок, выделяются в археологические культуры. Принято считать, что каждая культура отвечает отдельному племени или группе родственных племен.

Для понимания культурно-этнического состава населения эпохи неолита наиболее важное значение имеет изучение керамики — особенностей форм посуды, ее орнамента, технологии изготовления. Если провести сравнение, то можно сказать, что глиняная посуда с ее разнообразным орнаментом и формой имеет для понимания этнического состава неолитического населения приблизительно то же значение, что и национальная одежда для изучения этнических черт народов.

Следовательно, изучая неолитические культуры, археологи тем самым приближаются к пониманию конкретной этнической истории населения современной территории Украинской ССР в VI—III тысячелетии до н. э.

Культурно-хозяйственные районы и основные периоды развития неолитических племен. На основании изложенного выше, можно сделать вывод, что хозяйство и культура неолитических племен современной территории Украинской ССР развивались неравномерно. В то время как на юго-западе современной территории Украины в эпоху неолита преобладали воспроизводящие формы хозяйства — земледелие и скотоводство, на северо-востоке продолжали существовать старые, традиционные присваивающие способы добычи продуктов питания — рыболовство, охота, собирательство. Таким образом, на современной территории Украины в неолитическую эпоху прослеживаются две культурно-хозяйственные зоны: юго-западная земледельческо-скотоводческая и северо-восточная охотничье-рыболовецкая.

Первая зона охватывала Лесостепное Правобережье, Западную Волынь, Поднестровье и Закарпатье, где жили носители буго-днестровской, дунайской, буковогорской и тисской культур. Вторую зону — Поднепровье, Лесостепное Левобережье и Полесье — населяли племена сурско-днепровской, днепро-донецкой культур и культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Население названных культурно-хозяйственных зон отличалось не только способом ведения хозяйства (что очень важно); оно, по сути, представляло собой два разных мира, для материальной культуры которых были характерны совершенно различные типы орудий труда, керамика, поселения и жилища. Различными у него были и проявления духовной культуры, верования, прикладное искусство, погребальные обряды и т. п. Население этих зон в определенной мере отличалось и антропологическими чертами.

Для материальной культуры земледельческо-скотоводческого населения юго-западной территории Украины были характерны шлифованные топоры и тесла, разнообразные типы достаточно совершенных форм плоскодонной (изредка — круглодонной) посуды. У племен дунайской и буго-днестровской культур сложился меандрово-волютовый тип орнамента. Поселения здесь обычно имели большие размеры, были долговременными, жилища — наземными, прямоугольных очертаний. Население юго-западного ареала культур — дунай-

ской, буго-днестровской и других — принадлежало преимущественно к разным группам так называемого средиземноморского антропологического типа. Представители его отличались сравнительно низким ростом, узким лицом и, возможно, более темной, чем у неолитического населения севера, пигментацией волос и кожи. Хоронили они умерших в скорченном положении, на левом или правом боку, с руками, согнутыми так, что кисти находились перед лицом. В могилу клали орудия труда и ставили посуду с едой или питьем.

Поселения охотничье-рыболовецких племен были обычно небольших размеров. Топоры и тесла здесь изготовлялись преимущественно из кремня. Чаще всего они были только обиты, без шлифовки. Глиняная посуда, как правило, остродонная, украшенная штампованным орнаментом — ямками, наколами и оттисками гребенки. Остродонность посуды, как считают исследователи, свидетельствует об отсутствии у населения этой зоны печей с плоским подом, а также стола. Вообще культура племен северо-восточных районов была более примитивной в сравнении с культурой населения Причерноморья, Поднестровья и Побужья.

На севере и северо-востоке современной территории Украинской ССР — в Поднепровье, на Левобережье и в Полесье, как и на более северных территориях всей Восточной Европы, жили так называемые позднекроманьонские племена. Это были высокорослые крепкие люди (средний рост человека превышал 170 см, а его средний вес достигал 75,5 кг), с заметной скуластостью и, очевидно, относительно светлой пигментацией волос и кожи. Население это принадлежало к группе северных европеоидов. У него выработался свой обряд погребения. Хоронили умерших в вытянутом положении, на спине. Рядом нередко клали не посуду, а орудия труда и предметы вооружения. По верованиям этих племен еда и питье в могилу, очевидно, не ставились. Здесь возникли коллективные могильники с широким применением в ритуале окрашивания красной охрой.

Отмеченная неравномерность культурно-исторического развития населения юго-западных и северо-восточных районов современной территории Украины объясняется как особенностями их географического положения, так и факторами исторического порядка. На юге Восточной Европы в связи с увеличением численности населения при относительно бедном пищевыми ресурсами природном окружении раньше всего возникла необходимость перехода племен к скотоводству и земледелию. Этому способствовала также близость центров ранних высокоразвитых культур Средиземноморья и Ближнего Востока. Племена юго-западных районов Украины—буго-днестровской, дунайской культур — были, кроме того, генетически близки населению Балкан и Средиземноморья. Все это, естественно, привело к более быстрому восприятию ими культурных достижений Древнего Востока.

Совершенно в иных условиях жили племена северных районов современной территории Украинской ССР, особенно носители культуры ямочно-гребенчатой керамики. Здесь, в лесном и озерном крае, были более благоприятные условия для охоты и рыболовства, поэтому потребность в земледелии и скотоводстве еще не возникала. К тому же население этих районов было удалено от центров передовых в то время культур. Все эти факторы явились причиной более медленного развития культуры населения северо-восточной зоны УССР.

Граница между названными этнокультурными районами проходила через лесостепную зону современной территории Украинской ССР, однако

она никогда не была постоянной. В результате межплеменных контактов расширялись культурные приобретения, смещались и переселялись племена, что приводило к изменению границы этих зон. Именно здесь, в лесостепной зоне, расселялись племена, для культуры которых были характерны признаки как одного, так и другого этнокультурного массивов.

Племена днепро-донецкой культуры, например, принадлежали к поздним кроманьонцам и были северного происхождения, но они, как и население юго-запада современной территории Украины, уже знали скотоводство и земледелие. Буго-днестровские племена, наоборот, происходили с юга, но основной формой хозяйства у них были охота и рыболовство. Под влиянием культуры Поднепровья здесь наряду с плоскодонной долго существовала остродонная посуда, украшенная прямолинейно-геометрическим орнаментом. Наличие охотничье-рыболовецкого и скотоводческого типов хозяйства было присуще и сурским племенам.

Изучение материальной и духовной культуры неолитических племен дает возможность проследить основные исторические события, которые произошли на современной территории Украины в VI—III тысячелетиях до н. э.

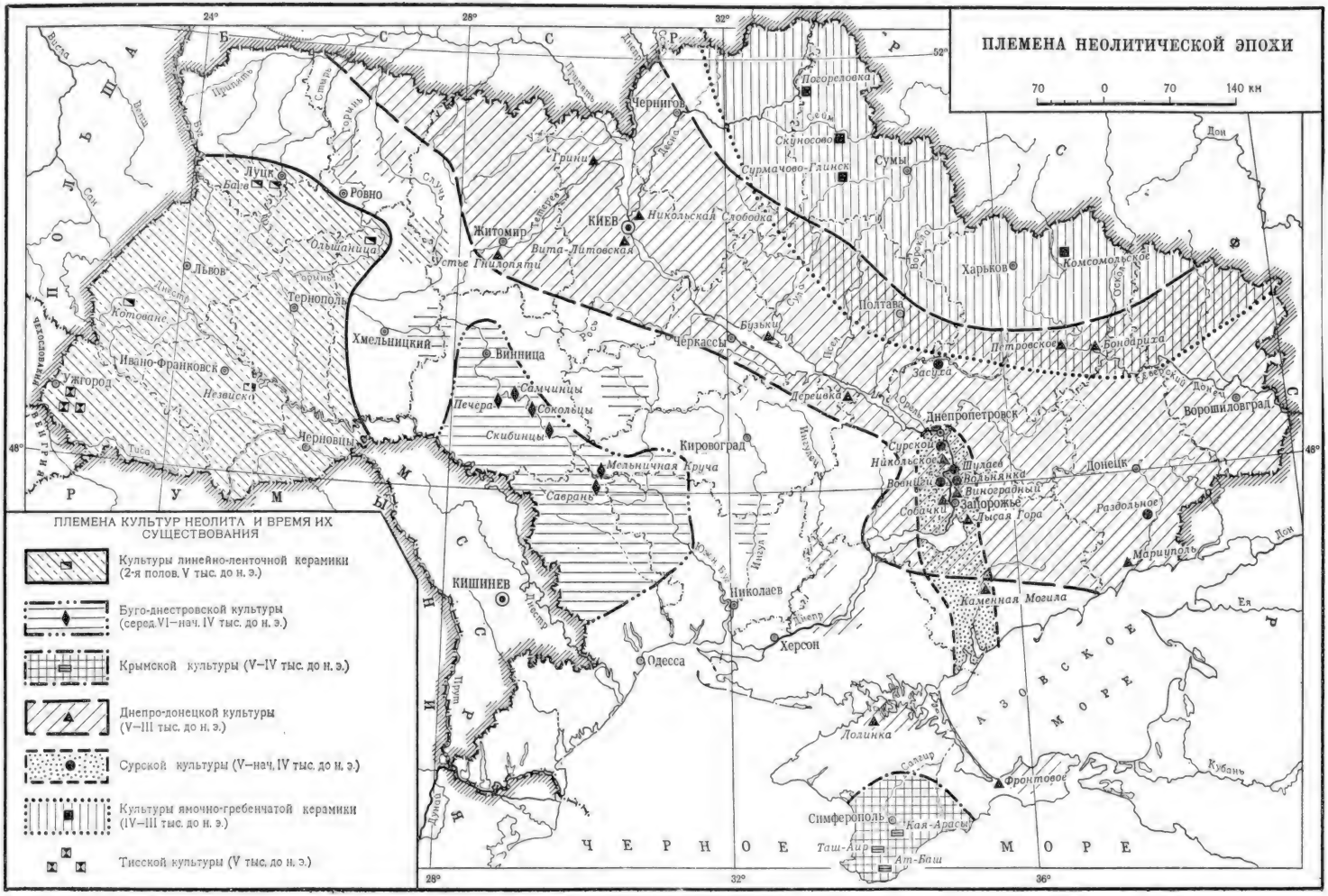
На основании анализа вещественных находок и проявлений духовной культуры в современных пределах Украины исследователи выделяют группы населения, соответствующие отдельным племенам и группам родственных племен. К сожалению, их культура и история изучены еще с неодинаковой полнотой. Лучше всего исследованы памятники племен долин Днепра, Северского Донца, Южного Буга, Днестра и полесских районов северо-востока республики. Меньше известно о населении Крыма, Приазовья, Причерноморья и Волыни. На территории Украины также слабо изучена культура неолитических племен Закарпатья, куда проникали племена тисской и буковогорской культур, основной район расселения которых находился на современной территории Чехословакии и Венгрии.

Изучение истории неолитических племен территории Украинской ССР дает возможность выделить здесь пять их основных групп: буго-днестровскую, дунайскую, сурско-днепровскую, днепро-донецкую и культуру ямочно-гребенчатой керамики. Эти племена, появившиеся на исторической арене в различное время, занимали значительные территории, а их культура развивалась на протяжении одного-двух тысячелетий.

Историю неолитического населения VI—III тысячелетий до н. э., жившего на территории Украинской ССР, можно разделить на три основных периода: ранний, средний и поздний, продолжительностью от 800—900 до 2000 лет каждый. Основными факторами, которые определяли границы этих периодов, были, прежде всего, значительные сдвиги в социально-экономическом развитии современного им общества или заметные изменения в этническом составе населения.

4. РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Ранний период истории неолитического населения, жившего в современных пределах Украины, длился со второй половины VI до начала IV тысячелетия до н. э. В это время происходил переход от мезолита к неолиту только у племен, живших на юго-западе и на юге Украины, где вначале сложилась буго-днестровская культура, а немного позднее —


ПЛЕМЕНА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ
70 0 70 140 км
ПЛЕМЕНА КУЛЬТУР НЕОЛИТА И ВРЕМЯ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ
Культуры линейно-ленточной керамики (2-я полов. V тыс. до н. э.)
Буго-днестровской культуры (серед. VI—нач. IV тыс. до н. э.)
Крымской культуры (V—IV тыс. до н. э.)
Днепро-донецкой культуры (V—III тыс. до н. э.)
Сурской культуры (V—нач. IV тыс. до н. э.)
Культуры ямочно-гребенчатой керамики (IV—III тыс. до н. э.)
Тисской культуры (V тыс. до н. э.)
Б С С Р
Р С Ф С Р
П О Л Ь Ш А
Р У М Ы Н И Я
М С С Р
Ч Е Р Н О Е М О Р Е
А З О В С К О Е М О Р Е
Чехословакия
Венгрия
Чернигов
Погореловка
Скуносово
Сурмачово-Глинск
Сумы
Грини
Житомир
Устье Гнилопяти
Вита-Литовская
КИЕВ
Никольская Слободка
Луцк
Баев
Ровно
Ольшаница
Львов
Тернополь
Котоване
Хмельницкий
Винница
Самчинцы
Печера
Сокольцы
Скибинцы
Черкассы
Бузьки
Полтава
Харьков
Комсомольское
Петровское
Бондариха
Засуха
Дерейвка
Днепропетровск
Сурской
Никольское
Шулаев
Вовнуги
Вольнянка
Виноградный
Запорожье
Собачки
Лысая Гора
Раздольное
Мариуполь
Донецк
Ворошиловград
Ивано-Франковск
Ужгород
Незвиско
Черновцы
Кировоград
Мельничная Круча
Саврань
КИШИНЕВ
Николаев
Херсон
Одесса
Каменная Могила
Долинка
Фронтовое
Симферополь
Кая-Арасы
Таш-Аир
Ат-Баш
Висла
Вепш
Сан
Буг
Припять
Стырь
Горынь
Случь
Тетерев
Десна
Сейм
Сула
Псел
Ворскла
Оскол
Дон
Ея
Кубань
Днестр
Прут
Дунай
Тиса
Рось
Ингулец
Ингул
Южн. Буг
Днепр
Салгир
Орель
Северский Донец
24°
28°
32°
36°
48°
52°

дунайская культура, или культура линейно-ленточной керамики.

Племена буго-днестровской культуры. Территория, на которой расселились племена буго-днестровской культуры, охватывала все среднее течение Южного Буга и значительные районы в долине Днестра, в современных пределах Молдавии. На Украине, главным образом в пределах Винницкой области, в частности, возле сел Печера Тульчинского района, Скибинцы Тростянецкого района, Сокольцы Гайсинского района и других, найдены и исследованы остатки около 60 поселений племен буго-днестровской культуры. Эти племена частично занимали и территорию современных Кировоградской и Одесской областей, где обнаружены поселения Сабатиновка, Саврань и др.

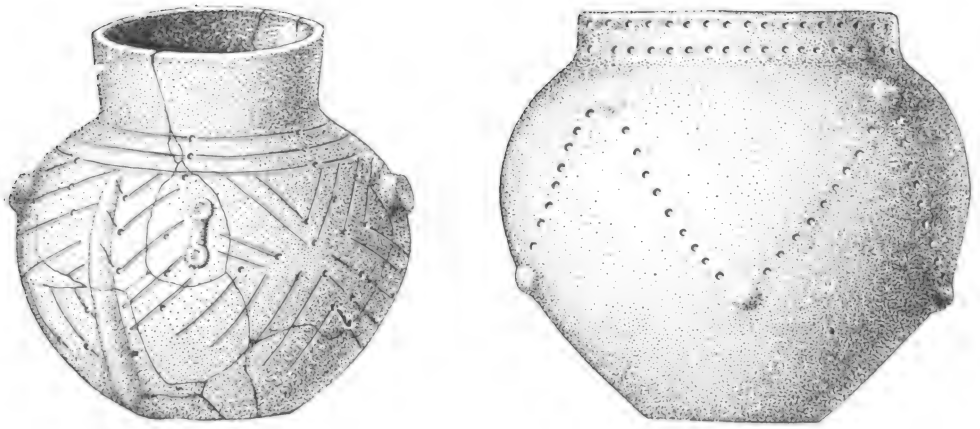
Буго-днестровская культура является наиболее ранней культурой эпохи неолита на современной территории Украинской ССР. Она сложилась на основе культуры местных мезолитических племен приблизительно во второй половине VI тысячелетия до н. э. На ее развитие оказали значительное влияние неолитические племена Балкан и Нижнего Подунавья, откуда проникали воспроизводящие формы ведения хозяйства — земледелие и скотоводство. Однако охота и рыболовство также не утратили своего прежнего значения.

Посуда буго-днестровских племен представлена горшками и мисками-чашами, форма, технология изготовления и особенно мотивы орнамента которых свидетельствуют об этнической самобытности их культуры. Эти племена выработали свои оригинальные орнаментальные мотивы, основу которых составляют криволинейные композиции с точечным или прочерченным заполнением между полосами основы композиции. Картографирование найденной посуды с таким орнаментом четко очерчивает район расселения буго-днестровских племен.

Во второй половине раннего неолита направление культурных связей, однако, значительно изменяется. Происходит заметное проникновение влияний с Поднепровья в район Южного Буга. Это сказывается на характере орнамента. Вместо господствовавшего раньше зигзаго-меандрового орнамента здесь складывается геометрически-прямолинейный стиль, характерный для населения северо-восточного этнокультурного района. Меняется и способ нанесения узора — вместо линейно-прочерченного все чаще применяется штампованный орнамент (в частности, нанесение оттисков гребенки), характерный для населения Поднепровья.

В конце V — начале IV тысячелетия до н. э. буго-днестровская культура после более тысячелетнего развития прекращает свое существование, а ее носители сходят с исторической арены.

Дунайские племена культуры линейно-ленточной керамики. В середине V тысячелетия до н. э. в пределах Украины появились дунайские племена, для которых была характерна глиняная посуда, украшенная линейно-ленточным орнаментом. Проникнув из Центральной Европы, дунайские племена расселились на территории западных областей Украинской ССР, где просуществовали приблизительно 400—500 лет. Дунайские племена культуры линейно-ленточной керамики на современной территории Украины занимали относительно небольшой район. Их памятники обнаружены в Верхнем и Среднем Поднестровье, а также на Западной Волыни. Это единственная из неолитических культур на территории Украины, которая считается полностью пришлой. Культура племен линейно-ленточной керамики сложилась где-то в Подунавье и в



Глиняная посуда из поселений культуры линейно-ленточной керамики вблизи с. Незвиско Ивано-Франковской области

V тысячелетии до н. э. распространилась на громадных просторах Европы: от Франции и Голландии на западе до Молдавии и западных областей Украины на востоке.

В пределах Украины известно около 30 поселений племен культуры линейно-ленточной керамики. Наиболее полно исследованы поселения возле сел Незвиско, Торское, Катованъ (на Верхнем Днестре), в уроч. Гнидава возле Луцка (бассейн р. Стырь). У сел Незвиско и Баев возле Луцка найдено по одному погребению с посудой, типичной для культуры этих племен. Самым восточным пунктом проникновения такой посуды является недавно открытое поселение с линейно-ленточной керамикой возле с. Ольшаница на р. Горынь.

Район распространения дунайских племен легко устанавливается по керамике с оригинальным, единственным в своем роде меандрово-волютовым орнаментом, который состоит из лент и тонких линий, прочерченных каким-то острым инструментом. Поражает исключительное однообразие посуды с таким орнаментом на значительных территориях Европы. Характерными здесь были и другие предметы, в частности каменные шлифованные топоры в виде башмачной колодки, не применявшиеся ни одним из племен неолитического и более позднего времени. На поселениях культуры линейно-ленточной керамики найдено много вкладышей к серпам, а также зернотерки. Это доказательство того, что экономика дунайских племен уже почти полностью базировалась на земледелии и скотоводстве. Она была одной из «классических» земледельческо-скотоводческих неолитических культур Европы.

Линейно-ленточная керамика, тесла в виде башмачной колодки, высокий уровень развития земледелия и домостроительства являются этнографическими признаками культуры дунайских племен современной территории Украинской ССР и соседних более западных районов Европы. На поселениях племен этой культуры найдены прясла и грузики от ткацких станков, что свидетельствует об умении прясть пряжу и изготовлять из нее ткань. По антропологическим признакам дунайские племена, как упоминалось, принадлежали к средиземноморскому антропологическому типу. Умерших они хоронили в индивидуальных ямах, в скорченном положении, на боку, посыпая порош-

ком минеральной краски — красной охры. В могилу ставили глиняную посуду и клали орудия труда.

Дунайское население с высокоразвитым земледельческо-скотоводческим хозяйством долгое время соседствовало с племенами буго-днестровской культуры. Районы распространения этих культур на Среднем Днестре сходятся довольно близко, хотя между ними, очевидно, лежала полоса «ничейной» земли шириной около 50—70 км. Носители обеих культур вступали в межплеменные контакты, о чем свидетельствуют находки керамических импортов: буго-днестровских на поселениях дунайских племен и наоборот, линейно-ленточной керамики на поселениях буго-днестровских племен.

В современных пределах Украины дунайские племена культуры линейно-ленточной керамики жили до конца V тысячелетия до н. э.

Почти одновременно с дунайскими племенами в Закарпатье появилось население тисской и буковогорской культур, изученные, к сожалению, еще очень слабо. Можно только сказать, что это были земледельческо-скотоводческие племена. На территории их распространения находятся большие отложения обсидиана, из которого они изготовляли орудия труда и предметы вооружения. Отсюда обсидиан попадал ко всем соседним племенам.

Названные земледельческо-скотоводческие культуры юго-запада развивались в то время, когда вся северная территория современной Украинской ССР (и Восточной Европы) еще была заселена мезолитическими племенами, занимавшимися охотой и рыболовством.

В середине V тысячелетия до н. э. «неолитическая революция» охватила и Поднепровье, где вначале появились неолитические племена сурско-днепровской культуры, а немного позднее — племена днепро-донецкой культуры.

Племена сурско-днепровской культуры. Сурско-днепровские племена заселяли преимущественно Надпорожье *. Здесь на островах и прибрежных скалах обнаружено около 20 их поселений. На о. Сурском, вблизи Днепропетровска, раскопано небольшое поселение с наземными жилищами типа шалашей. Жилище сурской культуры исследовано также на о. Шулаевом, в том же районе. Территория расселения племен сурско-днепровской культуры в основном ограничивалась порожистой частью Днепра, хотя следы их пребывания зафиксированы и в Приазовье, в частности, на поселении вблизи Каменной Могилы. Дальше, в северные лесостепные районы Поднепровья эти племена, очевидно, почти не проникали. Находок, свидетельствующих о их пребывании в названных районах, до сих пор еще не найдено. Исключением является долина р. Орели, где в последние годы вблизи с. Перещепино Днепропетровской области обнаружено временное поселение с керамикой сурского типа.

Племена сурско-днепровской культуры занимались преимущественно рыболовством, хотя уже знали и домашних животных. Особенно привлекает внимание исследователей высокая техника обработки кости и изготовления из нее разнообразных изделий: рыболовных крючков, наконечников стрел, гарпунов, кинжаловидных орудий. Кость шла также на лощила, иголки и т. п. Встречаются и изделия, в которых исследователи видят иголки для плетения сетей. Таким образом, по совершенству техники изготовления костяных орудий и их ассортименту сурско-днепровская

* Культура названа по первым находкам на о. Сурском на Днепре, где было раскопано одно из поселений этого типа.

культура не имеет себе равных среди неолитических культур территории Украины.

Своеобразной была у сурско-днепровских племен и посуда. Заслуживает внимания прежде всего то, что в отличие от соседнего неолитического населения они достаточно широко использовали посуду, изготовленную из мягких пород камня. Отпечаток самобытности лежит и на керамических изделиях. Глиняные горшки изготовлялись только остродонными. По хорошо заглаженной поверхности посуды наносился своеобразный, присущий только этой культуре орнамент, включавший в себя чаще всего широкие линии, ряды углублений неправильных очертаний, зигзагообразные фигуры и т. п.

Сурско-днепровское население, очевидно, было немногочисленным. Это подтверждается, в частности, ограниченностью территории распространения культуры и относительно небольшим количеством поселений. О происхождении этих племен сказать что-либо определенное трудно. Возможно, эта культура сложилась на основе культуры местных мезолитических племен Нижнего Поднепровья и Приазовья, но этот вопрос еще ожидает своего решения. Несомненным является лишь то, что район сложения сурско-днепровской культуры связывают со степным югом Украины.

Интересно, что неолитические племена, в какой-то мере родственные сурско-днепровским, проживали и в горной части Крыма, где обнаружено поселение типа Кая-Арасы. Они расселялись по берегам рек, где люди жили в гротах под навесами (Таш-Аир, Замиль-Коба) или на открытых местах в наземных сооружениях. Неолитические поселения найдены также на крымских яйлах (Ат-Баш, Балин-Кош).

Сурско-днепровские племена рано вступили в непосредственный контакт с позднекроманьонским днепро-донецким населением. Какими были отношения между этими этнически разными группами населения — мирными или враждебными, сказать трудно. Возможно, первых позднекроманьонских пришельцев, которые начали проникать на юг еще в мезолитическое время, аборигены Надпорожья встречали враждебно. Об этом свидетельствуют наблюдения над погребениями в мезолитических могильниках, где обнаружено значительное количество скелетов людей, погибших от стрел и копий в каком-то вооруженном столкновении. Среди наконечников копий, найденных в костях, имеются острия, типичные для сурско-днепровской культуры. Постепенно отношения между северными пришельцами и аборигенами, которые в конце раннего неолита жили уже не обособленно, значительно улучшились. Об этом свидетельствуют возникшие черты общности в развитии обеих культур. Днепро-донецкое население позаимствовало у сурско-днепровского способ изготовления каменных топоров и тесел. Сурско-днепровские племена в свою очередь переняли от днепро-донецких приемы орнаментации посуды с помощью гребенчатого штампа.

Сурско-днепровские и днепро-донецкие племена сосуществовали до начала IV тысячелетия до н. э., когда культура первых исчезла. В это же время (конец V — начало IV тысячелетия до н. э.), как отмечалось, сошли с исторической арены и племена буго-днестровской и дунайской культур. Эти достаточно важные изменения в этническом составе населения эпохи неолита, как и появление на юго-западе современной территории Украинской ССР первых культур медного века, знаменуют конец раннего и начало среднего периодов в развитии неолитических племен Украины.

5. СРЕДНИЙ И ПОЗДНИЙ ПЕРИОДЫ НЕОЛИТА

Средний период истории неолитического населения территории Украинской ССР охватывает IV — начало III тысячелетия до н. э., а поздний — III тысячелетие до н. э. Это время характеризуется важными событиями, связанными прежде всего со значительным усилением роли племен днепро-донецкой культуры.

Племена днепро-донецкой культуры. В IV тысячелетии до н. э. племена днепро-донецкой культуры заселяли долину Среднего Поднепровья, Надпорожье, Левобережье Украины, среднее течение Северского Донца и значительную часть Полесья. Поселения этих племен известны и в южных районах Белоруссии. Только в пределах Украины обнаружено более 200 поселений днепро-донецких племен. Исследовано около 20 могильников — Мариупольский в Приазовье, Никольский, Лысогорский, Вовнигский I и II, Вильяновский в Надпорожье, Дериевский на Среднем Днепре, погребение возле с. Осиповка на р. Орели и др. Из числа днепро-донецких поселений, давших наиболее полную коллекцию находок — орудий труда, оружия, украшений и т. д.— можно назвать Бондариху на Северском Донце, Собачки в Надпорожье, Бузки вблизи Черкасс, Никольскую Слободку в Киеве, Грини на р. Тетерев, Моству в Восточной Волыни, Пустынку V на Днепре, в пределах Черниговской области и др.

Район распространения днепро-донецких племен определяется в основном по наличию своеобразной керамики с так называемым гребенчато-накольчатым орнаментом. В целом глиняная посуда еще очень примитивна, нередко остродонная, но уже хорошо орнаментирована различными узорами прямолинейно-геометрического стиля. Орнамент выполнен по сырой глине оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа, наколами или насечками кремневой пластинкой, иногда прочерчен острой палочкой.

Своеобразный тип гребенчато-накольчатой керамики, особый тип погребальных сооружений в виде коллективных усыпальниц, обряд погребения и ряд других признаков выделяют днепро-донецкие племена в отдельный этнографический комплекс неолитического времени. Территориально он был самым большим в пределах современной территории Украины.

Днепро-донецкие племена занимались охотой и рыболовством, а также скотоводством. Роль последнего в жизни населения отдельных районов днепро-донецкой культуры была неодинаковой — от минимальной на севере до значительной на юге. На поселениях Надпорожья того времени спрос на мясо на 80—95% удовлетворялся за счет домашнего стада, поэтому охота носила здесь эпизодический характер. На фрагментах керамики с поселения Вита-Литовская в районе Киева найдены отпечатки культурного ячменя, что свидетельствует о существовании начальной формы земледелия.

Многочисленное население днепро-донецкой культуры еще во второй половине раннего неолита начало продвигаться по Днепру на юг, в частности в Надпорожье, заселенное в то время племенами сурско-днепровской культуры. Происходил сложный процесс ассимиляции и вытеснения аборигенов, который в итоге завершился победой северных пришельцев. В середине IV тысячелетия до н. э. днепро-донецкие племена проникли дальше на юг — дошли до Приазовья и Северного Крыма.

Остродонный и плоскодонный сосуды населения днепро-донецкой культуры из поселений Бузьки Черкасской области (1) и Никольского могильника в Надпорожье (2)

Таким образом, средний период неолита на территории Украинской ССР был временем значительного преобладания среди первобытного населения северного кроманьонского элемента, в частности племен днепро-донецкой культуры, заселивших все Поднепровье и прилегавшие районы, вытеснив оттуда носителей более южных культур.

Продвинувшись далеко на юг, днепро-донецкие племена установили контакты с неолитическим населением Кавказа и племенами трипольской культуры, которые в начале IV тысячелетия до н. э. расселились на территории племен буго-днестровской культуры.

С развитием межплеменных связей на днепро-донецких поселениях в пределах современных Черкасской области и Надпорожья появляется типичная трипольская посуда, а в могильниках Надпорожья, в частности Никольском, обнаружены первые украшения из трипольской меди. Очевидно, с Кавказа в Приазовье и Поднепровье попадают и такие вещи, как каменные булавы, украшения из гешира — минерала, известного только на Кавказе. В Надпорожье найдены и первые украшения из золота. Все это, безусловно, свидетельствует о развитии обмена и, возможно, о значительных изменениях в социальной структуре днепро-донецких племен, у которых, видимо, уже сложился институт старейшин и патриархальные отношения были довольно развитыми.

История днепро-донецких племен насчитывает около 2 тыс. лет. Возникнув во второй половине V тысячелетия до н. э., они существовали до середины второй половины III тысячелетия до н. э., а в более северных районах Украины и в Белоруссии, очевидно, до конца III тысячелетия до н. э.

Днепро-донецкие племена Надпорожья и Приазовья, у которых ведущей отраслью хозяйства стало скотоводство и появились в обиходе изделия из меди, уже начали переходить к энеолитическому этапу исторического развития. Этот процесс, однако, был прерван в начале позднего неолита появлением в Поднепровье новых групп населения.

В позднем неолите, который охватывает почти все III тысячелетие до н. э., роль днепро-донецких племен в истории первобытного населения современной Украины резко уменьшается. Значительно сокращается и территория их расселения. Весь юг и средние широты, в том числе и Поднепровье, вплоть до Киева включительно, теперь заселяют трипольские и среднестоговские племена медного века юго-западного и юго-восточного происхождения. Местное днепро-донецкое население частично ассимилируется, частично, очевидно, вытесняется.

Таким образом, если средний период неолита, особенно его первая половина, в истории Украинской ССР был временем значительного преобладания северных кроманьонцев, то в конце среднего и в позднем периодах неолита, т. е. в конце IV—в III тысячелетии до н. э., доминирующее положение занимали южные племена. Волна проникновения последних по Днепру на север, которая остановилась где-то возле современного Киева, не достигла, однако, северо-восточных районов Украины — места распространения культуры лесных охотников и рыболовов ямочно-гребенчатой керамики.

Племена культуры ямочно-гребенчатой керамики. Эти племена появились на современной территории Украины приблизительно во второй половине IV тысячелетия до н. э., где заселили долины рек северо-восточных районов. Их многочисленные поселения размещались вдоль среднего течения Северского Донца, Ворсклы, Псла, Сулы, Десны и Сейма. Исследованных здесь поселений, однако, очень мало, а могильников и отдельных погребений вовсе не обнаружено. Среди наиболее изученных поселений этих племен можно назвать Гришевку, Погореловку, уроч. Мыс Очкинский на Средней Десне, Комсомольское на Северском Донце, Скунсово и Волынцево на Сейме.

Надежным подтверждением принадлежности всех этих памятников населению одной культуры является керамика. Она представлена только широко открытыми остродонными горшками, поверхность которых покрыта орнаментом. Наличие в нем глубоких, большей частью округлых ямок и оттисков гребенки дает название как керамике, так и самой культуре.

Район распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики охватывал северо-восток Украинской ССР. Близкородственное население с такой же керамикой заселяло и более северные территории Восточной Европы — Волго-Окский бассейн, восточную часть Прибалтики, Карелию и др. Основным занятием этих племен была охота и рыболовство.

Некоторые племена культуры ямочно-гребенчатой керамики на северо-востоке Украины граничили с днепро-донецкими племенами. Возможно, какое-то время они жили на одной территории, взаимообогащаясь опытом в области производства орудий труда и керамики. Так, днепро-донецкие гончары нередко заимствовали у северо-восточных соседей мотивы ямочного орнамента, а последние в свою очередь использовали прием украшения посуды узорами наколов.

С ослаблением роли днепро-донецких племен носители лесных культур начали проникать на юг, в Лесостепь, вытесняя или, возможно, частично ассимилируя аборигенов. Расселяясь в пределах Украины, племена культуры ямочно-гребенчатой керамики вышли приблизительно к линии современных городов Изюм — Полтава — Чернигов. А немного дальше на юг, в частности по р. Орели, закрепилось, очевидно, смешанное население обеих культур.

Лесные племена культуры ямочно-

гребенчатой керамики, как и поздние днепро-донецкие племена, просуществовали до конца неолита, завершив таким образом развитие неолитических культур на нынешней территории Украинской ССР.

6. СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Многочисленные данные, полученные в процессе раскопок неолитических поселений и могильников на территории современной Украины и соседних районов, свидетельствуют о том, что для неолитического общества были характерны признаки, присущие всей первобытнообщинной формации человечества. Основой производственных отношений была общая собственность на средства производства и продукты труда. Еще не существовало частной собственности и не сложились социально-экономические условия для эксплуатации человека человеком. Несовершенство орудий производства и низкая производительность труда исключали индивидуальный способ ведения хозяйства.

Основной производственной ячейкой неолитического общества был род. Отдельные поселения этой эпохи и могильники вблизи них принадлежали, очевидно, родам или кровнородственным общинам. Собственностью таких родственных групп были жилые сооружения, домашние животные и т. д. Возможно, лишь некоторые отдельные орудия — лук, стрелы, копья — становились личным достоянием неолитического человека. К тому времени уже сложилась определенная специализация труда, которая подчинялась потребностям общественного производства и была его составной частью. Признаки специализации прослеживаются по находкам из неолитических погребений. Так, в одном из погребений известного Мариупольского могильника обнаружен набор различной формы скребков, ножевидных пластин, резец и небольшое шлифовадло. Исследователи считают, что это погребение мастера по изготовлению мелких изделий из кости, в том числе и очень распространенных тогда украшений, сделанных из эмали клыков кабана. С дальнейшим накоплением технических достижений, усилением межплеменных связей в конце неолитической эпохи в отдельных районах возникает и некоторая хозяйственная специализация. В среднем течении Северского Донца и на Волыни в неолите и в период раннего металла появляется значительное количество мастерских по обработке кремня. В Надпорожье, где найдены многочисленные шлифовадла, изготовляли шлифованные топоры и тесла из камня, часть которых шла для обмена. Так, шлифованные каменные топоры из Надпорожья были распространены в Поднепровье, вплоть до Десны и устья Припяти включительно.

Раскопки неолитических могильников на Украине убедительно свидетельствуют об отсутствии у тогдашнего населения имущественного неравенства. Среди многих изученных погребений трудно найти такое, которое бы выделялось какими-то ценностями или особенностями погребального обряда. Равноправие членов неолитических коллективов Поднепровья подтверждается, в известной мере, обычаем у племен днепро-донецкой культуры создавать коллективные усыпальницы, в которых нередко насчитываются десятки погребений.

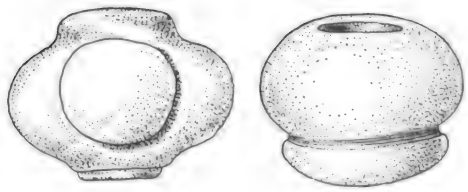
Необходимо отметить, что в некоторых погребениях Мариупольского и Никольского могильников обнаружены каменные навершия булав не-

местного изготовления. Они попали к днепро-донецким племенам, скорее всего, из Закавказья или стран Древнего Востока, где им можно найти близкие аналогии. Появление в это время на территории Украины таких предметов следует расценивать как признак зарождения института родовых старейшин.

Наличие булав, которые, вероятно, являлись оружием и одновременно символом власти, свидетельствует о возросшей роли мужчины в родовом коллективе. Эта мысль подтверждается и тем, что днепро-донецкое население Надпорожья и Приазовья, где были найдены булавы, знало скотоводство, развитие которого, как известно, является одним из важнейших условий усиления патриархальных отношений.

Археологические исследования на территории Украинской ССР дают богатый материал для понимания верований и религиозных представлений неолитического населения Восточной Европы. Таким материалом являются находки в Мариупольском, Никольском и Лысогорском могильниках. В них обнаружены коллективные могильные ямы, которые, вероятно, были укрыты какими-то примитивными сооружениями. Умерших клали рядами в заранее выкопанную яму больших размеров и посыпали красной охрой. Среди инвентаря, сопровождавшего умерших,— орудия труда, украшения. Вокруг усыпальниц иногда прослеживаются следы тризны в виде остатков разбитой посуды и костей животных.

Вещи, найденные в погребениях, в частности орудия труда, оружие, символы власти, а на Днестре — еще и керамика, свидетельствуют о вере в загробную жизнь. В конце неолита — в начале эпохи меди, возможно, возникает вера в загробное существование не самого человека, а его души. Это подтверждается, в частности, наличием обряда трупосожжения. В погребениях с трупосожжением найдено вещей, «необходимых» для загробного существования души умершего, не меньше, чем в могилах с трупоположениями. Так, в неолитическом погребении с трупосожжением культуры линейно-ленточной керамики в с. Незвиско на Днестре стояло около 20 глиняных сосудов.

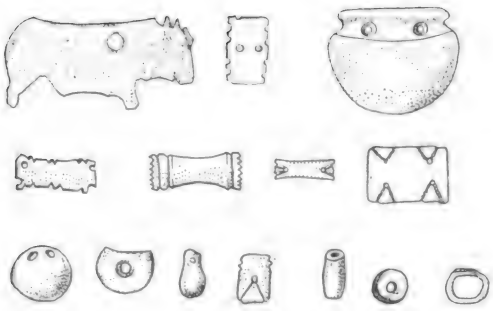


Каменные навершия булав — символов власти и подчинения у племен днепро-донецкой культуры из Мариупольского и Никольского могильников

В неолите, как и в период палеолита и мезолита, при погребальном обряде широко применялась красная охра. Имеются определенные основания считать реальным наличие культа огня и черепов предков у неолитического населения Поднепровья. Культ огня подтверждается большим количеством красной охры в коллективных и индивидуальных могильных ямах. Согласно мнению большинства исследователей красная охра символизировала огонь и домашний очаг умершего.

Во время раскопок Никольского и Лысогорского могильников обнаружены также бесспорные следы использования во время погребения и реального очистительного огня. Перед очередным погребением огонь раскладывали в центре усыпальницы на выравненной площадке над всеми предыдущими погребениями, засыпанными охрой. Огонь был достаточно сильным, о чем свидетельствует обугленность костей на значительной глубине.

Существование же культа черепов предков подтверждается обычаем сохранять в коллективных усыпальни-



Украшения днепро-донецких племен, изготовленные из зубов животных, кости, камня и меди

цах Поднепровья не целые скелеты умерших, а только их черепа. Так, в одной из ям Никольского могильника лежало около 40 черепов, а все другие кости были прикопаны поблизости.

Имеются и некоторые другие данные, свидетельствующие о сложности представлений и верований неолитического населения Поднепровья. Во многих могильниках обнаружены погребения взрослых, которых перед ингумацией крепко связывали или во что-то пеленали. С этим фактом можно связывать мнение о страхе живых перед мертвыми.

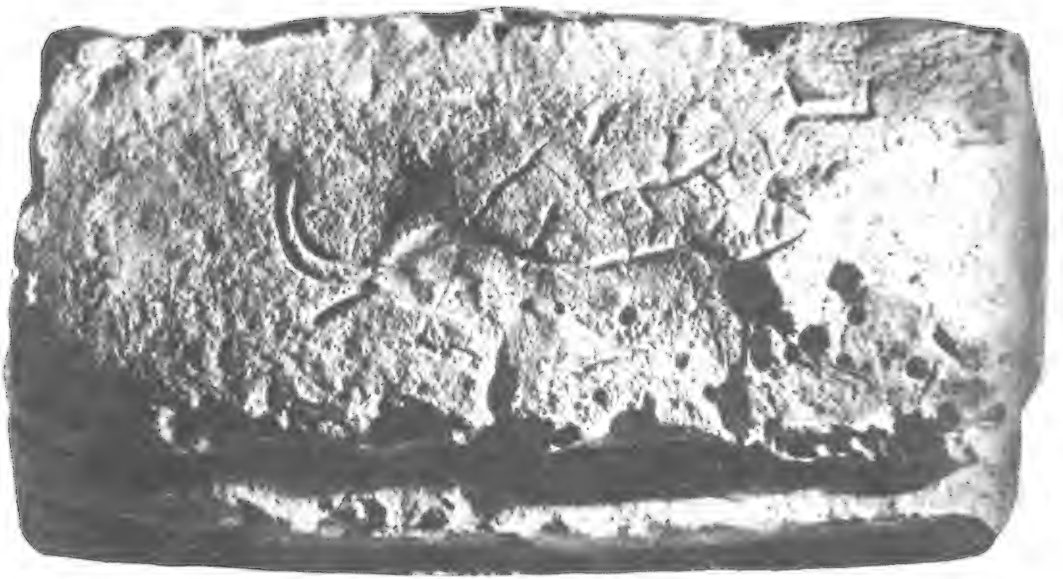
Ладьевидная форма ям и их размещение вдоль течения реки позволяет допускать возможность существования у племен днепро-донецкой культуры культа реки. Население Приазовья, очевидно, верило также и в силу магических заклинаний, что подтверждается изображениями на плитах Каменной Могилы возле Мелитополя.

Таким образом, религиозные представления неолитического населения нынешней Украины, включавшие элементы анимизма, фетишизма, первобытной магии и т. п., имели достаточно сложный характер.

Несмотря на тяжелые условия жизни, неолитическое население уделяло много внимания деятельности, которая не имела прямого отношения к добыванию пищи. Речь идет о прикладном и изобразительном искусстве и определенных эстетических понятиях и представлениях. Так, свою одежду люди днепро-донецкой культуры пышно украшали пластинами, вырезанными из блестящей эмали клыков кабана. Пластины имели разнообразную форму, покрывались орнаментом в виде насечек, линий или ямок. Ряды таких пластин нашивались на верхнюю часть одежды, головной убор, на подол длинных «рубашек». Ими, как и пронизками, изготовленными из створок раковин, расшивали пояс. Женщины украшали себя многочисленными рядами бус, изготовленными из полированных костей, раковин или камня, в том числе из полудрагоценных камней — сердолика, гешира, яшмы и т. п. В конце неолита, как уже упоминалось, появились первые украшения из меди и золота. В Никольском могильнике найдена золотая подвеска, которая является древнейшим украшением из благородного металла в пределах Восточной Европы.

Белые блестящие пластинки, перламутровые пронизки, зубы животных, нашитые на кожаную одежду, делали ее оригинальной и богатой, несколько похожей на национальную одежду современных северных народов. Тканей неолитическое население Поднепровья, возможно, еще не знало, так как прясел здесь не обнаружено.

Развитию прикладного и изобразительного искусства в неолите способствовало появление керамики. Глиняная посуда стала идеальным материалом для воплощения художественных замыслов первобытных мастеров. В эпоху неолита на современной территории Украинской ССР существовали, как уже упоминалось, два орнаментальных стиля: прямолинейно-геометрический и меандрово-волютовый.



Изображение быка на плите Каменной Могилы. Село Терпенье Запорожской области

Первый был преимущественно штампованным и состоял из рядов ямок, наколов, оттисков гребенчатого штампа, насечек и т. п. Такими способами создавались горизонтальные ряды, реже — геометрические фигуры: треугольники, ромбы и т. д. Встречался зигзаг, но криволинейных композиций, как правило, не было. Прямолинейно-геометрический орнамент получил распространение у племен Поднепровья, Левобережной Украины и Полесья, в частности у носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики и днепро-донецкой культуры. Меандрово-волютовый орнамент выполнялся главным образом с помощью прочерченных линий, создававших иногда целые ленты. Узор нередко имел достаточно сложный характер и включал в себя криволинейные композиции — меандр, свисающие волюты, а также зигзаг и т. п.

В неолитический период орнаментировалась не только керамика. Простые узоры нередко встречаются и на орудиях из кости — гарпунах, кинжалах, более сложные рисунки — на изделиях из камня. К ним относятся так называемые «челноки», изготовленные из мягкой тальковой породы камня, старательно отшлифованные. Эти «челноки», которым иногда придавали зооморфный вид, являются образцами своеобразного искусства эпохи неолита Поднепровья. Назначение таких изделий (их найдено более 100), к сожалению, неизвестно. Некоторые исследователи считают их приспособлениями для шлифовки древков к стрелам.

Нет сомнения в том, что сохранившиеся образцы прикладного искусства неолитического населения составляют всего лишь небольшую часть богатого набора орнаментов, которыми украшались вещи, изготовленные из органических веществ — шкуры, дерева и др.

В могильниках и на поселениях эпохи неолита на современной территории Украинской ССР обнаружены и образцы изобразительного искусства. У земледельческо-скотоводческих племен, например, появляют-

ся первые антропоморфные статуэтки. На более северных территориях Восточной Европы известны изображения человека, вырезанные из кости или дерева. В Мариупольском могильнике найдено несколько изображений животных, выполненных в такой же технике резьбы по кости. Однако настоящим достижением в изобразительном искусстве неолитического человека являются изображения на плитах Каменной Могилы возле Мелитополя.

Каменная Могила — живописный холм, состоящий из гигантских глыб песчаника, привлекала к себе пристальное внимание первобытных художников. В ее гротах и под навесами открыты многочисленные изображения животных, людей, разнообразные геометрические композиции. Наибольшее количество этих изображений сосредоточено в так называемом Гроте Мамонта. Ими покрыты потолок и стены грота. На переднем плане потолка изображены четыре быка, создавших оборонительный круг, а немного дальше — группа из трех ланей, идущих друг за другом. Всего в Гроте Мамонта насчитывается до 15 отдельных фигур. Все они имеют следы окрашивания охрой. Интересно, что в гроте, как и на Каменной Могиле вообще, не обнаружено никаких признаков обитания первобытного человека. В данном случае мы имеем дело со святилищем неолитического времени. Сюда, на гору, поднимались только служители культа — шаманы или жрецы — для проведения таинства охотничье-ловческой магии. Очевидно, не случайно все изображенные животные «ранены» каким-то острым орудием, а в их телах «торчат» копья и стрелы. Эти картины символически передают процесс охоты на диких животных.

Значение изображений Каменной Могилы для понимания проявлений изобразительного искусства и верований неолитического населения Украины очень велико. Как исторический источник, этот памятник может быть поставлен в один ряд с известными карельскими петроглифами, сибирскими писаницами и т. п.

В IV—III тысячелетиях до н. э. на современной территории Украинской ССР произошел переход к эпохе меди.

Историческая судьба различных неолитических племен была неодинаковой. Население буго-днестровской культуры, которая прекратила свое существование еще в конце раннего неолита, возможно, приняло некоторое участие в формировании трипольской культуры. Дунайские племена культуры линейно-ленточной керамики Поднестровья, Прикарпатья и Западной Волыни исчезли так же, как и появились; продолжение их культуры на этой территории в более позднее время не прослеживается. Сурско-днепровские племена, возможно, сыграли определенную роль в формировании среднестоговской культуры эпохи меди.

Население отдельных районов днепро-донецкой культуры сошло с исторической арены в разные времена. Первым, еще в начале позднего неолита, было вытеснено или ассимилировано племенами среднестоговской культуры население Надпорожья и лесостепных районов Поднепровья, которое, очевидно, вместе с пришельцами приняло определенное участие в формировании ямной культуры эпохи меди — бронзы. Племена из бассейна Северского Донца в результате проникновения в Лесостепное Левобережье племен лесных охотников создали совместно с ними своеобразную смешанную культуру, просуществовавшую здесь до эпохи бронзы. Дольше всех и в сравнительно чистом виде сохранили свою культуру днепро-донецкие племена Киевского и Гомельского Поднепровья, хотя и здесь они испытывали значительное влияние со стороны трипольских племен и носителей культуры ямочно-

гребенчатой керамики. Племена днепро-донецкой культуры в Киевском Поднепровье и Юго-Восточной Белоруссии просуществовали до расселения здесь племен эпохи бронзы, в частности племен среднеднепровской культуры шнуровой керамики. Днепро-донецкие племена вместе с носителями других культур гребенчато-накольчатой керамики территории Белоруссии и Северо-Восточной Польши приняли участие в формировании культуры эпохи бронзы второй половины II тысячелетия до н. э., которая сыграла определенную роль в процессе этногенеза славян.

Племена лесных охотников культуры ямочно-гребенчатой керамики в Подесенье также дожили до эпохи бронзы и вместе с племенами среднеднепровской культуры шнуровой керамики первой половины II тысячелетия до н. э. принимали участие в формировании культуры эпохи бронзы второй половины II тысячелетия до н. э., носителей которой некоторые исследователи связывают с предками балтов.

Таким образом, в каменном веке современная территория Украинской ССР была уже относительно густо заселена человеком. В это время возник родовой строй и сложилась племенная организация общества. Основой социального развития была коллективная собственность на средства труда, что исключало имущественное и социальное неравенство членов общества.

На протяжении всей эпохи медленно, но непрерывно развивалась техника изготовления каменных, костяных, деревянных и тому подобных орудий труда, возникали новые приемы их изготовления. Весьма важным событием в развитии производительных сил и истории человечества вообще был переход в начале неолита от присваивающих способов добывания продуктов питания — охоты, рыболовства и собирательства — к воспроизводящему хозяйству — скотоводству и земледелию.

В первобытную эпоху возникали и развивались положительные знания, изобразительное и прикладное искусство, верования и сложились примитивные формы религии. Всем ходом развития культуры в каменном веке были подготовлены условия для перехода человечества к новой исторической эпохе — эпохе металла.

Глава II

ПЛЕМЕНА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (МЕДНЫЙ ВЕК)

Энеолит (от латинского aeneus — медный и греческого λιτος — камень) — медно-каменная эпоха, которая была переходной от каменного века к эпохе бронзы. На современной территории Украинской ССР энеолитическая эпоха приходится на IV—III тысячелетия до н. э. Это был качественно новый период развития производительных сил и производственных отношений первобытного общества, время дальнейшего совершенствования производящих форм хозяйства — земледелия и скотоводства. На смену примитивному, мотыжному земледелию неолитической эпохи пришло более продуктивное земледелие с использованием рала и тягловой силы. Дальнейшее развитие скотоводства обусловило необходимость его специализации: появилось овцеводство и коневодство. Наряду с традиционным домашним ремеслом возникли специализированные отрасли общинного ремесла, продукция которых шла на удовлетворение потребностей первобытной общины в целом. Ярким показателем уровня развития энеолитических племен является то, что они освоили новое сырье, овладели первым металлом — медью. Добыча меди, особая технология ее обработки вызвали к жизни новую отрасль производственной деятельности — первобытную металлургию меди.

Рост общего объема общественного производства способствовал накоплению общинного богатства, что в свою очередь открывало широкие возможности для межплеменного обмена. Дальнейшее развитие общественного производства, улучшение на его основе общинного благосостояния стимулировали увеличение численности населения. Соответственно становились больше и размеры энеолитических поселений, возрастало их количество.

Значительное увеличение количества поселений и относительное перенаселение вызвали сегментацию энеолитических племен и их расселение на новые земли. Все это не могло не сказаться на изменении общественной организации энеолитических племен.

Энеолит был периодом развития патриархальных общественных и семейных отношений, что в конечном итоге явилось причиной формирования больших, общих по происхождению, межплеменных объединений, занимавших значительные территории. Относительное перенаселение при низком уровне развития производительных сил обусловило возникновение межплеменных стычек и войн. Об этом свидетельствует как возросшая подвижность энеолитических племен, так и появление значительного количества каменного и металлического оружия, сооружение первых укреплений. Большие сдвиги в экономической и общественной жизни энеолитического населения нашли соответственное отражение и в сложных идеологических представлениях, а также в развитии искусства.

Энеолитическая эпоха, как и эпоха неолита, характеризуется неравно-

мерностью хозяйственного и общественного развития современного ей населения. В лесостепной и степной зонах Правобережной Украины проживали земледельческо-скотоводческие племена трипольской и гумельницкой культур, воронковидной керамики и шаровидных амфор; в той же степной зоне, захватывая частично и Лесостепь, жили также скотоводческие племена среднестоговской и ямной и скотоводческо-земледельческие племена кеми-обинской культур. В эпоху энеолита в северной лесостепной и полесской зонах современной территории Украинской ССР, как и в эпоху неолита, продолжало жить охотничье-рыболовецкое население днепро-донецкой культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Ведущая роль среди энеолитических племен не только современной территории Украинской ССР, но и всей Восточной Европы принадлежала племенам трипольской культуры. Это объясняется, прежде всего, промежуточным географическим положением трипольцев между энеолитическими племенами Центральной Европы и Балкан, с одной стороны, и многочисленными энеолитическими племенами Восточной Европы — с другой. Именно поэтому, а также благодаря связям с соседними племенами история трипольцев связала в единую цепь исторического развития западноевропейские и восточноевропейские энеолитические племена.

Трипольские племена прошли долгий путь развития, на протяжении которого произошли значительные изменения в характере их материальной культуры, в территориальном размещении и расселении, а также в их окружении. Поэтому историю трипольских племен, как и остальных племен энеолитической эпохи современной территории Украинской ССР, ученые делят на отдельные хронологические периоды: ранний, средний и поздний.

1. РАННИЙ ПЕРИОД ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Начало энеолитической эпохи на Украине характеризуется значительной этнической пестротой населения, неравномерностью хозяйственного, культурного и общественного развития, сложными взаимоотношениями и связями между отдельными племенами.

Во второй четверти IV тысячелетия до н. э. на современной территории Украинской ССР обитало несколько племенных группировок, которые отличались друг от друга как уровнем, так и характером материальной и духовной культуры и быта, своеобразными формами хозяйственной деятельности, идеологическими представлениями, происхождением и, надо думать, языком.

В Побужье и Среднем Поднестровье и далее на юго-запад, в современных пределах Молдавской ССР и Румынии, жили родственные по происхождению раннетрипольские племена. На востоке, по течению Днепра и далее на Левобережье, их соседями были племена днепро-донецкой культуры. На северо-запад от раннетрипольских племен, на территории современной Волыни, также проживало энеолитическое население, которое, однако, до сих пор остается очень слабо изученным. В юго-западной части современной территории Украинской ССР, на Нижнем Дунае, расселились племена гумельницкой культуры, близкие по своей материальной культуре к раннетрипольским. История этих племенных группировок и определила содержание раннего этапа энеолитической эпохи на Украине.

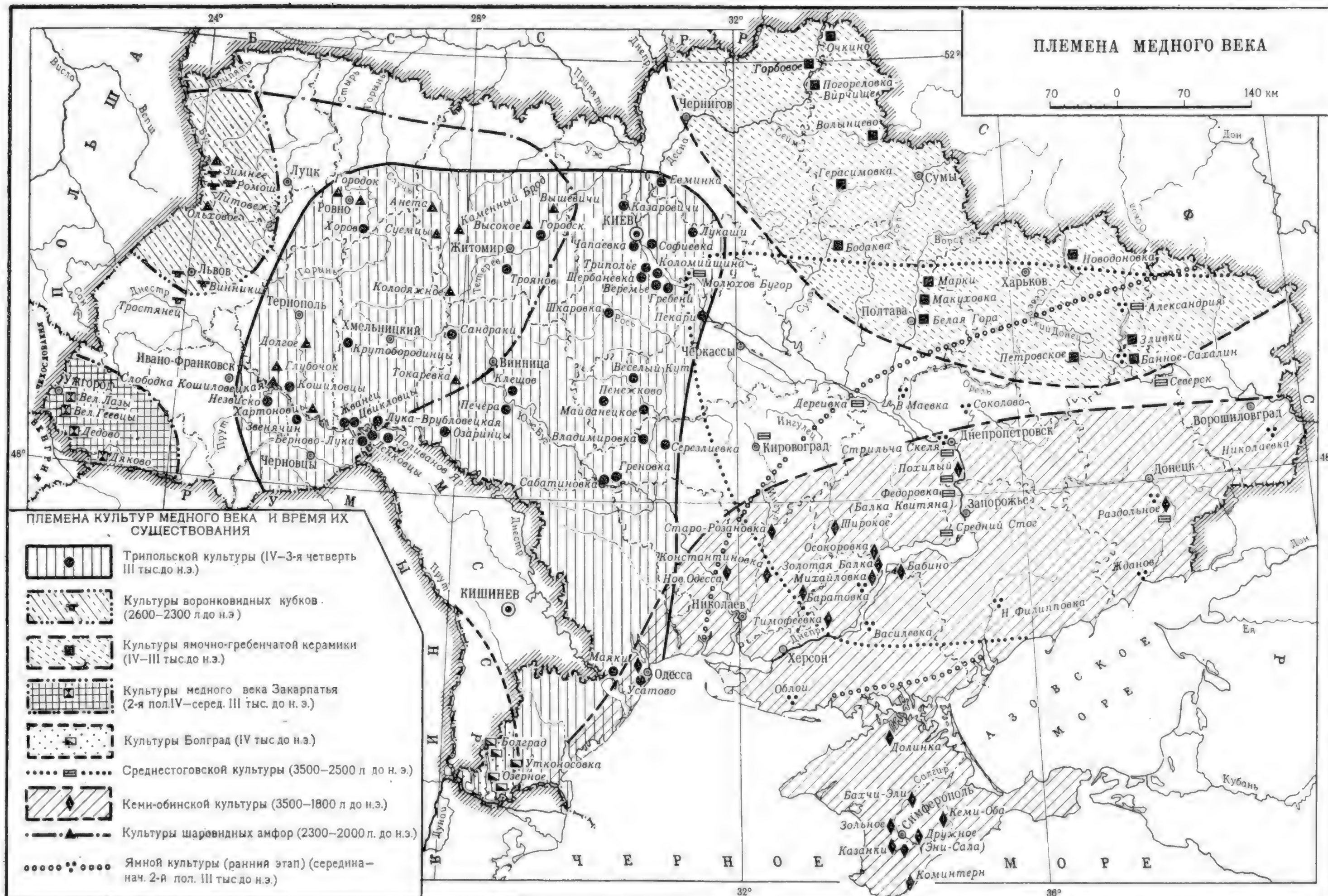
Раннетрипольские племена. Трипольская культура получила свое название от с. Триполье на Киевщине (здесь в конце прошлого века впервые были обнаружены археологические памятники этой культуры). Существует несколько точек зрения относительно ее происхождения. Некоторые ученые считают, что трипольская культура возникла на основе местной неолитической буго-днестровской культуры. Другие придерживаются мнения, что истоки трипольской культуры следует искать где-то на Балканах или в Восточном Средиземноморье, откуда она в более-менее сформированном виде появилась в междуречье Днестра и Южного Буга. Наиболее вероятным является мнение, согласно которому трипольская культура на современной территории Украины возникла в результате слияния местных и пришлых элементов. Не вызывает сомнения лишь то, что уже во второй четверти IV тысячелетия до н. э. в Среднем Поднестровье и на Южном Буге проживали несколько групп оседлого трипольского населения. Все они в целом характеризуются общими чертами в культуре и быте, отличными от черт культуры и быта многочисленных соседних племен раннего периода энеолита.

Раннетрипольские племена жили на поселениях, которые размещались вблизи рек, на мысах первых надпойменных террас. Селились они также и на высоких берегах рек, там, где были источники воды. Поселения насчитывали по нескольку десятков жилищ и хозяйственных сооружений, размещавшихся несколькими рядами или кругами. На поселении жило несколько сот человек.

К наиболее изученным принадлежит раннетрипольское поселение вблизи Луки-Врублевецкой на Днестре. Здесь открыто семь жилищ-полуземлянок длиной 6—12 м и одно трехкамерное полуземляночное сооружение длиной 43 м с 11 очагами. Раннетрипольские племена строили жилища двух типов: углубленные, напоминающие очень распространенные в неолитическую эпоху сооружения типа землянок, и достаточно сложной конструкции наземные (наиболее типичные для трипольского населения). Пол в последних выкладывался глиняными обожженными блоками, обмазанными сверху глиной. Он хорошо защищал жилища от влаги. Наземные жилища имели прямоугольную форму. Их глиняные стены сооружались на деревянном каркасе. Чаще всего строения состояли из двух или трех комнат, с одной глинобитной печью. В каждом жилище проживали соответственно две или три родственные по происхождению парные семьи.

Ведущими отраслями хозяйственной деятельности трипольских племен были земледелие и скотоводство. Благодаря применению первобытного рала повысилась по сравнению с неолитической эпохой общая культура земледелия, возникла возможность перехода к переложной системе землепользования, а также к введению яровых и озимых посевов. Земельные угодья трипольцев находились вблизи их поселений. Обработанные первобытным ралом земли засевались пшеницей, ячменем и просом. Имеются все основания думать, что трипольцы выращивали также бобовые и лен.

Скотоводство, тесно связанное с земледелием, предполагало приусадебное разведение преимущественно крупного, а также мелкого рогатого скота и свиней. Для выпаса использовали пастбища на плато, заливных лугах рек и их притоков. Продукты животноводства шли на удовлетворение потребностей трипольцев в мясе, молоке и коже. Кроме того, овцеводство обеспечивало население шерстью. Крупный рогатый скот использовали как тягловую силу при вспашке земли, для перевозки урожая, строительных материалов и т. п.


ПЛЕМЕНА МЕДНОГО ВЕКА
70 0 70 140 км
ПЛЕМЕНА КУЛЬТУР МЕДНОГО ВЕКА И ВРЕМЯ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ
Трипольской культуры (IV–3-я четверть III тыс. до н.э.)
Культуры воронковидных кубков (2600–2300 л. до н.э.)
Культуры ямочно-гребенчатой керамики (IV–III тыс. до н.э.)
Культуры медного века Закарпатья (2-я пол. IV–серед. III тыс. до н. э.)
Культуры Болград (IV тыс. до н.э.)
Среднестоговской культуры (3500–2500 л. до н. э.)
Кеми-обинской культуры (3500–1800 л. до н.э.)
Культуры шаровидных амфор (2300–2000 л. до н.э.)
Ямной культуры (ранний этап) (середина–нач. 2-я пол. III тыс. до н.э.)
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КИЕВ
КИШИНЕВ

Раннетрипольское население, в отличие от трипольских племен более позднего времени, в значительной степени сохраняло также такие формы хозяйства, как рыболовство и охота. Трипольцы охотились на благородного оленя, косулю, кабана, реже — лося и тура, на различных хищников (медведя, лисицу и др.), грызунов (бобра, зайца, белку) и птиц. На костяные и медные крючки они ловили в реках вирезуба, щуку, судака, сома и другую рыбу.

Многоотраслевое хозяйство раннетрипольских племен требовало постоянного изготовления значительного количества разнообразных орудий труда, охотничьего оружия, а также предметов быта. Основным сырьем (как и в неолитическую эпоху) были кремень и камень. Большой спрос у трипольских племен Поднестровья на кремневое сырье способствовал возникновению отдельной отрасли производства, связанной с добычей кремня. Свидетельством этому являются многочисленные штольни, в частности на Белой Горе возле с. Студеницы в Среднем Поднестровье. Добытый кремень перевозился к трипольским поселениям, где работали специальные мастера по изготовлению кремневых изделий. Хотя в эпоху энеолита первобытный человек уже начал пользоваться медными вещами, потребность в изделиях из кремня и камня не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла. Трипольские каменщики изготовляли широкий ассортимент кремневых изделий, применявшихся в различных отраслях хозяйства, а также в быту. К ним принадлежат кремневые и каменные отбойники, ретушеры, точильные камни, без которых не могла обойтись ни одна кремне- и камнеобрабатывающая мастерская. Для обработки дерева, которое использовалось в домостроительстве, из камня и кремня изготовлялись топоры, долота, тесла, сверла, скобели и другие орудия. Трипольское население широко пользовалось серпом. Он состоял из небольшой кремневой пластины-вкладыша, вставленной в изогнутую роговую или деревянную оправу. Разнообразные орудия труда изготовляли также из кости, рога, дерева и глины. Это были инструменты для обработки шкур, пошива одежды, для плетения и вязания.

Раннетрипольские племена применяли первое механическое устройство — ручную лучковую дрель для сверления различных материалов. Они в числе первых в энеолитическую эпоху на современной территории Украинской ССР пользовались изделиями из меди. Поскольку месторождения меди на территории трипольских племен отсутствовали, медные изделия были привозными. Среди них главным образом можно назвать шилья, рыболовные крючки и украшения. Ближайшим центром, где существовали месторождения меди и где металлургия меди в энеолитическую эпоху приобретала значительное развитие, был Балкано-Карпатский район.

У трипольских племен высокого технического и художественного уровня достигло изготовление керамики. Трипольские гончары в совершенстве владели сложной технологией ее изготовления. Существовало производство хозяйственной и бытовой посуды, для чего использовалось различного качества сырье — глина и примеси. Несмотря на то, что трипольские гончары не знали гончарного круга, их изделия поражают разнообразием и утонченностью форм. В отличие от неолитической керамики, которую обжигали на открытых кострах, трипольская посуда обжигалась в специальных печах. Посуда изготовлялась двух типов: кухонная и столовая.

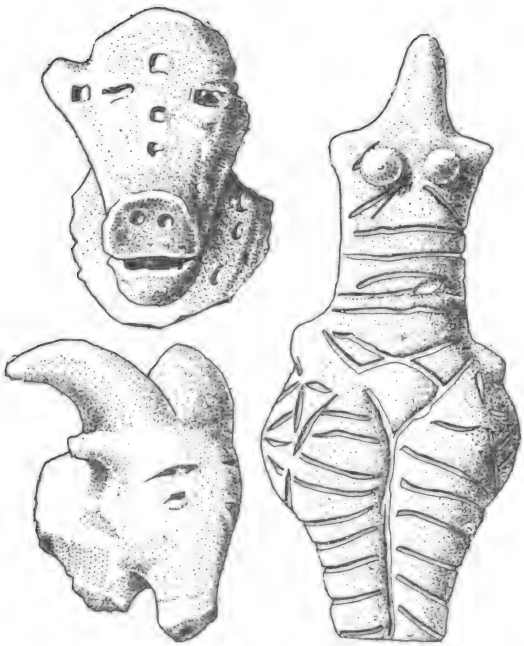
Керамические изделия трипольцев шли на удовлетворение хозяйственных и бытовых потребностей не отдельной семьи или поселения, а це-

Гончарная печь. Поселение трипольской культуры в с. Жванец Хмельницкой области

лой группы поселений определенного района. Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что именно в керамической продукции трипольских племен так ярко выражены местные этнографические особенности отдельных племенных групп трипольского населения. Сказанное свидетельствует о том, что изготовление оригинальной глиняной посуды у трипольцев было делом мастеров-профессионалов, а керамическое производство — специализированной отраслью общинного ремесла.

Существенные сдвиги в различных отраслях хозяйственной деятельности, накопление производственного и общественного опыта — все это нашло соответственное отражение как в самом мышлении, так и в достаточно сложных идеологических представлениях раннетрипольских племен. Эти представления были непосредственно связаны с потребностями земледельческо-скотоводческого хозяйства, его успешным развитием. Основными условиями развития земледельческо-скотоводческого хозяйства были, естественно, урожайность, плодородие земли. Поэтому идея плодородия приобретает доминирующее значение в представлениях древних земледельцев. С культом плодородия связана целая система религиозно-магических обрядов трипольских племен. Именно культу плодородия обязана своим возникновением и высоким художественным развитием оригинальная антропоморфная и зооморфная пластика.

Одно из центральных мест в идеологических представлениях, и соответственно в антропоморфной глиняной пластике, занимала богиня плодородия — Великая Мать, значительное количество схематических скульп-



Зооморфная и антропоморфная пластика трипольской культуры. Поселение Лука Врублевецкая Хмельницкой области

турных изображений которой осталось на каждом раннетрипольском поселении. О специфическом земледельческом характере антропоморфных изображений богини плодородия свидетельствуют специальные примеси муки и зерен злаков в глине, из которой они вылеплены, что имело магическое значение. С изготовлением и магическим использованием изображений богини плодородия связаны религиозные обряды, исполняемые во время зимне-весенних празднеств трипольских земледельцев. С этим обрядом были также связаны глиняные мужские фигурки.

Идею плодородия воплощают также глиняные скульптурные изображения домашних животных, преимущественно быка, свиньи, собаки, а также птиц. С этой же идеей был тесно связан обряд культовых погребений людей в жилищах, обычно под полом. Тут имелось в виду сохранение семьи, продолжение рода и т. п. Культом плодородия объясняются религиозно-мистические обряды погребений в пределах жилищ черепов домашних животных: быка (или его рогов), собаки, свиньи.

Сложная система хозяйства раннетрипольских племен обусловила и соответствующую социальную организацию, базировавшуюся, возможно, на патриархально-родовых отношениях. В каждом трипольском поселении жили члены одного рода, разделенные на большие патриархальные семьи, которые в свою очередь состояли из отдельных парных семей. Во главе рода стоял старейшина, который руководил всей хозяйственной и общественной жизнью родовой общины. Каждое племя имело свою территорию, являвшуюся собственностью племени и делившуюся между отдельными родовыми поселениями. Язык каждого племени был диалектом общего межплеменного языка. Отдельные племена отличались от других родственных трипольских племен не только своим диалектом, но определенными этнографическими особенностями культуры. На современной территории Украинской ССР, в Подпестровье и на Южном Буге, в раннетрипольское время проживало несколько таких групп.

Племена гумельницкой культуры. На юго-западе Украины, в придунайской части современной территории Измаильщины, в энеолитическое время жили племена гумельницкой культуры. Культура получила свое название от поселения Гумельница в Румынии по первым обнаруженным там и исследованным памятникам. Гумельницкие земледельческие племена по характеру хозяйственной деятельности и быту во многом схожи с раннетрипольскими. Однако их своеобразная культура отличается от трипольской.

Гумельницкие племена проживали на долговременных поселениях, где

сооружали как наземные, так и углубленные жилища. Наземные жилища при общей схожести с трипольскими отличались от последних некоторыми конструктивными особенностями. Основными отраслями хозяйства гумельницких племен были земледелие и скотоводство. Для обработки земли эти племена так же, как и трипольцы, использовали рало и быков в качестве тягловой силы. Урожай собирали серпами с кремневыми вкладышами. Благоприятный степной ландшафт их территории обусловил преимущественное развитие в хозяйстве скотоводства. Охота играла меньшую роль, чем у раннетрипольских племен. Почти одинаковым с раннетрипольским был ассортимент изделий из камня, кремня, кости, а также меди.

У гумельницких племен высокого уровня достигло изготовление глиняной посуды. Она характеризуется своеобразными формами и орнаментацией с использованием краски. С культом плодородия связаны схематизированные глиняные статуэтки, амулеты, алтари, а также погребения людей непосредственно в пределах жилища или поселений.

Раннетрипольские и раннегумельницкие племена были тесно связаны между собой в хозяйственном и культурном отношениях. Именно этим в значительной степени объясняется общность их материальной и духовной культуры. Гумельницкие племена были теми посредниками, через которых трипольское население получало медь как в виде сырья, так и в виде готовой продукции. Оживленные взаимоотношения обусловили заимствование трипольскими племенами у гумельницких некоторых производственных и культурных приобретений. Таким образом, гумельницкие племена были важным промежуточным звеном, связывавшим племена трипольской культуры с земледельческо-скотоводческой энеолитической культурой Балкан и Восточного Средиземноморья.

2. СРЕДНИЙ ПЕРИОД ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Следующий, средний, период энеолитической эпохи приходится на вторую половину IV тысячелетия до н. э. В это время племена трипольской культуры достигли новых успехов в хозяйственном и культурном развитии. Расширилась территория их расселения.

Многочисленные скотоводческие племена среднестоговской культуры, продвинувшись на Левобережье с востока, в Поднепровье столкнулись с племенами днепро-донецкой культуры и довольно быстро вытеснили их. Со временем среднестоговские и среднетрипольские племена вступили в непосредственный контакт друг с другом. Взаимоотношения между ними не только оказали заметное влияние на развитие их культуры, но и в значительной степени определили общее направление исторического развития племен, которые населяли тогда современную территорию Украины.

В конце среднего периода энеолита в степной полосе Украины, включая степи Крыма, появились новые скотоводческо-земледельческие племена кеми-обинской культуры (памятники типа нижнего слоя поселения Михайловка). На север от среднестоговских племен проживали, как и в предшествующее время, охотничье-рыболовецкие племена культуры ямочно-гребенчатой керамики.

На север от трипольских племен, в пределах Волыни и дальше, на сов-

ременной территории Польши, проживала группа энеолитических племен культуры позднеленточной расписной керамики, имевшая тесную связь с племенами родственных культур Центральной Европы и среднетрипольскими племенами. Еще одна группа энеолитических племен, тесно связанных происхождением и историческим развитием с энеолитическими племенами Подунавья, проживала в Закарпатье. Культура этих племен заметно отличалась от других энеолитических культур Украины.

Средний период энеолита характеризуется двумя достаточно выразительными, тесно связанными и взаимообусловленными тенденциями исторического развития. С одной стороны, это — всевозрастающая культурно-этническая пестрота энеолитического населения современной территории Украинской ССР, а с другой — заметное уменьшение удельного веса охотничье-рыболовецкого населения с неолитическим укладом хозяйства, быта и культуры. Если историческое содержание раннего периода энеолита определялось взаимоотношениями земледельческо-скотоводческих племен трипольской культуры и охотничье-рыболовецких неолитических племен, то средний период энеолита характеризуется доминирующей ролью населения с более прогрессивными производящими формами хозяйства, прежде всего среднетрипольских и среднестоговских племен.

Среднетрипольские племена. Средний период энеолита был периодом дальнейших заметных сдвигов в хозяйственной и общественной жизни трипольских племен, дальнейшего увеличения количества населения. Относительная перенаселенность заставляла трипольские племена осваивать соседние земли. Трипольские племена Среднего Поднестровья расселились на территории Верхнего Поднестровья. Трипольские племена Южного Побужья продвинулись дальше вверх по Южному Бугу и на северо-восток, вдоль течения Роси, достигли Среднего Днепра, вытеснив оттуда племена днепро-донецкой культуры. Вследствие увеличения трипольского населения и его расселения в средний период энеолита на новых землях на значительных пространствах между Прутом и Днепром уже проживало какое-то количество трипольских племен, каждое из которых характеризовалось присущими им этнографическими особенностями материальной культуры.

В это время заметно увеличиваются размеры трипольских поселений, жилых и хозяйственных сооружений. В отдельных поселениях, как, например, в с. Владимировка на Южном Буге, насчитывалось уже более 200 глинобитных жилищ, а количество жителей достигало 2 тыс.

У трипольских племен Побужья и Поднепровья прослеживается определенная закономерность в размещении поселений. Они располагались преимущественно на удобных для обороны местах. Наряду с большими (многосемейными) жилищами строились и малые (односемейные). Каждое помещение, где проживала отдельная семья, было снабжено печью, соответствующим хозяйственным и бытовым инвентарем. Кроме того, в отдельных камерах из обожженной глины сооружались жертвенники, которые расписывались разнообразными красками. В этом, в частности, проявилась одна из типичных особенностей культуры среднетрипольских племен Побужья.

Произошли изменения и в ассортименте орудий труда. Стали изготовлять больше оружия (наконечников стрел и копий), что было обусловлено возрастающими хозяйственными и бытовыми потребностями.

Сооружение многочисленных долговременных жилищ, основным строительным материалом которых кроме

глины было и дерево, требовало дальнейшего усовершенствования старых и изготовления более производительных новых деревообрабатывающих инструментов. Появилось больше топоров и тесел из твердых пород камня и кремня. О возрастании спроса на кремневые топоры свидетельствует налаженное их массовое производство в специальных кремнеобрабатывающих мастерских. Для хозяйственных и бытовых надобностей трипольцы широко использовали такие породы дерева, как дуб, ясень, граб, клен, вяз, ива и др.

Несмотря на то что в хозяйство и быт трипольских племен все больше входили изделия из меди, обработка кремня и камня продолжала оставаться преобладающей в изготовлении основных орудий труда, оружия и предметов быта. Увеличивался ассортимент кремневых изделий, совершенствовалась технология обработки кремня. Соответственно возрастало значение специализированных кремнеобрабатывающих мастерских, которые своей разнообразной продукцией обеспечивали потребности не только трипольских племен Поднестровья, но и население других районов, в частности Среднего Поднепровья, где отсутствовали месторождения кремня хорошего качества.

Высокого уровня достигло в среднетрипольский период изготовление глиняной посуды. Именно в это время приобрело значительное развитие изготовление самобытной трипольской расписной керамики. Если в раннетрипольское время разноцветная роспись посуды применялась не так широко, то в среднетрипольский период значительное распространение приобрел многоцветный орнамент, создаваемый с помощью белой, желтой, красной и черной красок. Трипольские племена не только в совершенстве владели сложной технологией разноцветной росписи посуды, но были настоящими мастерами орнаментальных композиций и сюжетов.

Особую изобретательность в этом отношении проявили трипольские племена Поднестровья. Каждое из них создало своеобразный стиль росписи бытовой посуды. Высокое художественное мастерство трипольской керамической росписи становилось еще значительней благодаря его магическому содержанию и символическим значениям отдельных орнаментальных сюжетов и композиций. Не случайно в чисто орнаментальные схемы вписываются достаточно реалистические изображения различных животных, растений, а также людей. О непосредственном ритуально-маги-

Глиняная посуда. Трипольское поселение вблизи с. Владимировка Кировоградской области

Глиняные изделия из трипольских поселений:
1 — Веремье Киевской области; *2* — Пянишково Черкасской области

ческом назначении трипольской керамики свидетельствуют культовые изображения женских фигур с чашами на коленях, которые, безусловно, связаны с различными обрядами «колдовства». Насыщенность прикладного искусства религиозно-магическим содержанием является наглядным отражением идеологических представлений, мировоззрения первобытных земледельцев.

Главными направлениями хозяйственной деятельности, в основе которой лежали коллективная форма обработки земли и общинное содержание скота, как и раньше, оставались пашенное земледелие и приселищное скотоводство. Удельный вес охоты и рыболовства в экономике трипольцев в сравнении с раннетрипольским периодом заметно уменьшился. Дальнейшее развитие получили различные виды домашнего общинного ремесла.

С ростом трипольского населения, выделением новых племенных групп и расширением территории, с одной стороны, и увеличением внутриобщинного и межобщинного разделения труда и обмена — с другой, хозяйственно-общественная структура трипольских племен усложняется.

Наиболее удаленные трипольские племена в среднетрипольское время не могли поддерживать непосредственные контакты друг с другом, таким образом начали возникать межплеменные объединения ряда племен определенного района. Кроме этнографических особенностей материальной культуры отдельных трипольских племен уже прослеживаются некоторые особенности культуры группы племен отдельных районов. В частности, для трипольских племен Поднестровья было характерным массовое производство глиняной расписной посуды, а для трипольских племен Среднего Поднепровья — почти полное его отсутствие.

В среднетрипольское время было не менее трех межплеменных объединений: в Поднепровье, Южном Побужье и Поднестровье. Они складывались из отдельных племен, каждое из которых имело свои особенности материальной и духовной культуры. Своеобразие материальной и духовной культуры отдельных трипольских межплеменных объединений обусловливалось их культурно-исторической средой. Так, подпепровские племена кроме тесных связей с соседними родственными трипольскими племенами Южного Побужья поддерживали непосредственные контакты с соседями на севере — племенами днепро-донецкой культуры. В свою очередь, трипольские племена Среднего Поднепровья и Южного Побужья вступали иногда в мирные отношения, а иногда враждовали с воинственными среднестоговскими племенами Левобережья. Эти новые для трипольских, особенно поднепровских, племен контакты и взаимовлияния не могли не

сказаться на характере их культуры, вобравшей в себя ряд неорганичных для нее черт. Среднетрипольские племена Поднестровья, жившие почти исключительно в окружении родственных, общих по происхождению трипольских племен, имели благоприятные условия для развития своей самобытной, яркой культуры; именно поэтому они дольше всех сохраняли и развивали дальше ее традиционные элементы.

Среднестоговские племена. В середине IV тысячелетия до н. э. на современной территории Восточной Украины, в бассейне Северского Донца, появились многочисленные племена среднестоговской культуры. Свое название они получили от о. Средний Стог на Днепре возле Запорожья по первым обнаруженным там и исследованным памятникам. Неолитические племена днепро-донецкой культуры, которые в то время проживали на Левобережье, со временем были вытеснены среднестоговскими племенами почти со всей территории и задержались только в пределах Киевского Полесья.

Овладев степной и южной частью лесостепной полосы Левобережья, среднестоговские племена в исключительно благоприятных условиях степного ландшафта очень быстро освоили табунное коневодство, которое составляло основу их хозяйства. Охоте и рыболовству отводилась незначительная вспомогательная роль. Среднестоговские коневоды применяли простые, но совершенно необходимые для верховой езды, роговые псалии, ставшие неизменной составной частью конской сбруи — уздечки. Для изготовления орудий труда, оружия и предметов быта использовались кремень, кость и рог, реже — медь.

Характерной категорией изделий являлась керамика. По сравнению с трипольской она более примитивна, несравненно беднее формами и орнаментацией. Для раннего этапа развития среднестоговской керамики универсальной формой был остродонный горшок, применявшийся для разных хозяйственных и бытовых нужд.

Если в степях можно было осуществлять летний выпас лошадей, то соседняя лесостепная полоса была удобной для размещения поселений-зимовок. Передвигаясь с места на место вместе с табунами лошадей, среднестоговские племена зимовали на временных поселениях, где сооружались небольшие прямоугольные наземные жилища. Западные периферийные поселения, размещавшиеся на высоких, труднодоступных островах или останцах на Днепре, играли роль пограничных сторожевых пунктов.

Основу общинного богатства среднестоговцев составляли многочисленные табуны лошадей, хотя они разводили также овец и коз. Для защиты от нападения и ограбления среднестоговские конники были вооружены копьями и луками. Они являлись для того времени грозной военной силой.

Среднестоговские племена поддерживали контакты с соседними земледельческо-скотоводческими трипольскими племенами. В обмен на лошадей, а возможно, и шерсть они получали от трипольцев хлеб, крупный рогатый скот, свиней. Трипольские племена заимствовали у среднестоговцев некоторые технологические приемы керамического производства (в частности, подмешивание в керамическую массу толченых ракушек). В свою очередь, среднестоговцы переняли от трипольцев глиняную антропоморфную и зооморфную пластику. Все эти и другие факты хозяйственного и культурного взаимообогащения трипольских и среднестоговских племен свидетельствуют о том, что между ними существовали, по крайней мере на протяжении определенного времени, добрососедские отношения.

Об идеологических представлениях среднестоговских племен известно мало. У них существовал культ предков, о чем свидетельствуют бескурганные одиночные погребения; мертвых посыпали красной охрой, иногда ставили рядом глиняную посуду, а также клали уздечки, от которых сохранились роговые псалии.

Кеми-обинские племена. В то время, когда степную и лесостепную полосы Левобережья занимали скотоводческие племена среднестоговской культуры, с Северного Кавказа в Приазовье и Нижнее Поднепровье, а также в Крым продвинулись новые племена, культура которых была очень близка к культуре энеолитических племен Кавказа.

Часть племен, заселивших Приазовье и Поднепровье, вступила в контакт со среднестоговскими племенами. Со временем эти племена частично смешались, вследствие чего на левобережном юге Украины сформировались новые племенные образования с культурой смешанного характера. Культура и история этих племен изучены благодаря археологическим исследованиям нижнего слоя известного Михайловского поселения в Нижнем Поднепровье.

Группа кавказских племен, которая через Керченский пролив проникла в Крым, оставила после себя оригинальные памятники, получившие название кеми-обинских — от кургана Кеми-Оба вблизи г. Белогорска. При определенных различиях в характере культуры крымских и степных энеолитических племен они, однако, оставались достаточно близкими друг к другу, что обусловливалось их общим происхождением.

Кеми-обинские племена проживали на небольших поселениях, которые нередко размещались на возвышениях и на островах рек, в частности Днепра и его притоков. Поселения состояли из ряда жилищ земляночного типа с двускатной крышей, которая поддерживалась деревянными столбами. Кроме открытых поселений в горной части Крыма известны также небольшие кратковременные стоянки в пещерах и гротах. Значительную роль в хозяйстве кеми-обинских племен играло скотоводство, в частности овцеводство. Вполне вероятно, что кратковременные стоянки кеми-обинских скотоводов в предгорных и горных районах Крыма связаны с сезонным выпасом здесь отар овец. Кроме овцеводства кеми-обинцы занимались коневодством и разведением крупного рогатого скота. Имеются бесспорные данные о том, что в хозяйстве они использовали лошадь и домашнего быка. Кеми-обинские племена занимались и земледелием. Об этом свидетельствуют находки кремневых вкладышей к серпам.

Как и другие энеолитические племена, кеми-обинцы пользовались разнообразными орудиями из кремня, камня, рога и металла. Оригинальными изделиями из кости были так называемые коньки и игральные кости. Вещи из металла (шилья, ножи, топоры, тесла и др.), надо полагать, кавказского происхождения.

Кеми-обинские племена изготовляли своеобразную по форме посуду, которая отличалась от посуды других энеолитических племен, проживавших на современной территории Украинской ССР, в том числе горшки нескольких типов, а также чаши на невысоком поддоне и на ножках — так называемые курильницы. Глиняная кеми-обинская посуда была сравнительно бедно и однообразно орнаментирована.

Кеми-обинские племена хоронили умерших под курганами в погребальной камере. Нередко это были достаточно сложные сооружения, для строительства которых широко применялись камень и дерево. Для погребальной камеры выкапывалась четырехугольная яма. Стены ямы чаще всего

обкладывались хорошо обработанными и подогнанными одна к другой каменными или деревянными плахами. Внутренние стены каменной или деревянной камеры нередко расписывались красками, которые, очевидно, имитировали разноцветные ковры. На дно камеры, посыпанной мелкой галькой, морскими ракушками или раздробленной известью, клали умершего на спину, с подогнутыми ногами, или на бок, в скорченном положении.

В погребальной камере оставляли глиняную посуду, разнообразные предметы из камня, кости, металла, которые согласно верованиям того времени могли понадобиться умершему в потустороннем мире. Затем погребальная камера перекрывалась каменными плитами или деревянными плахами и обмазывалась глиной. Над погребением возводилась земляная насыпь, которая нередко обкладывалась камнями. Вокруг центрального сооружения, иногда на определенном расстоянии, выкладывали каменный круг, так называемый кромлех, после чего все сооружения засыпали землей. Когда кеми-обинцы хотели особенно почтить умершую особу, на кургане устанавливали каменную антропоморфную стелу или вертикально поставленный неотесанный удлиненный камень — менгир.

Кеми-обинские племена были создателями оригинального декоративно-прикладного искусства, связанного с оформлением и росписью погребальных камер. У них зародилась также первобытная скульптура, связанная с изготовлением антропоморфных стел — различных размеров каменных плит, на которых условно обозначалась голова человека, схематически изображались отдельные детали человеческого лица, рук и ног. В нижней части некоторых антропоморфных стел иногда высекались изображения людей, животных, а также разнообразные орудия труда, оружие и т. п.

Оригинальная культура кеми-обинских племен пока еще исследована недостаточно. В отличие от среднестоговских племен, исчезнувших приблизительно в середине III тысячелетия до н. э., кеми-обинские племена продолжали обитать в Крыму на протяжении всего III тысячелетия до н. э.

Энеолитические племена на современной территории западных областей УССР. История энеолитических племен на территории современных западных областей УССР, в частности тех, которые принадлежали к среднетрипольскому периоду, пока еще исследована недостаточно. Фрагментарные данные, которыми располагает наука, дают основания утверждать, что в Прикарпатье и Закарпатье в среднетрипольское время проживало несколько групп энеолитических племен, по характеру своей культуры тесно связанных с родственными племенами, населявшими территорию современной Польши, Словакии и Венгрии.

На северо-запад от территории распространения среднетрипольских племен, в Верхнем Поднестровье и на Волыни, известны поселения и погребения культуры позднеленточной расписной керамики. Эта культура резко отличалась от среднетрипольской. Погребения принадлежали оседлым энеолитическим племенам, которые проживали на небольших, но долговременных поселениях в жилищах типа землянок. Эти племена занимались земледелием и скотоводством. На некоторых поселениях обнаружены рвы с ямками от столбов, что, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о наличии у них загонов для скота.

Производственный и бытовой инвентарь этих племен как ассортиментом, так и техникой изготовления мало чем отличался от среднетрипольского, однако форма и орнамен-

тация посуды были другими. Энеолитические племена Прикарпатья и Волыни, в отличие от трипольцев, расписывали свою посуду только белой краской. Более простой была и сама система орнаментации. Прикарпатские племена знали глиняную пластику, правда, несколько отличавшуюся от трипольской. В обиходе и хозяйстве были распространены также металлические изделия. Близкие по характеру хозяйственной деятельности и быта к трипольцам племена Прикарпатья (Верхнего Поднестровья) и Волыни поддерживали тесные отношения с соседними трипольскими племенами.

В среднетрипольское время в Закарпатье известны периферийные памятники тисаполгарской культуры, распространенной главным образом на современной территории Венгрии. Тисаполгарские племена изготовляли оригинальную, отличавшуюся от керамики других энеолитических племен современной территории Украинской ССР, посуду, в частности сосуды редкой четырехугольной формы. На поселениях тисаполгарской культуры найдены многочисленные глиняные пряслица, каменные и кремневые изделия, орудия труда из меди, а также украшения из меди и золота.

3. ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Поздний период энеолитической эпохи приходится почти полностью на III тысячелетие до н. э. В это время происходят дальнейшие изменения в культурно-этнической среде и истории племен. Это касается прежде всего хозяйственной и общественной жизни позднетрипольских племен. Постоянное возрастание численности населения заставляло трипольцев расширять свою территорию, заселять новые земли. Расселение происходило в новых исторических условиях, в новом культурно-этническом окружении. В первой половине III тысячелетия до н. э. на современной территории Волыни, вытесняя энеолитические племена культуры позднеленточной расписной керамики, с северо-запада продвигались племена культуры воронковидных кубков. А во второй половине III тысячелетия до н. э. на Левобережье, на территории скотоводческих племен среднестоговской культуры, расселились многочисленные скотоводческие племена ямной * культуры. Последние сумели не только противостоять расселению трипольских племен непосредственно за Днепр, но и частично вытеснить их с земель, которые они занимали на правобережье Среднего Поднепровья. Трипольские племена впервые в истории вынуждены были оставлять свои земли и переселяться на север, в полесские районы, занятые племенами с неолитическим укладом хозяйства, и на юг, в непривычные для первобытных земледельцев степи.

Поздний период энеолита был периодом значительных перемещений разноэтничных массивов, межплеменных столкновений и войн, вытеснения и подчинения одних племен другими, о чем, в частности, свидетельствует увеличение количества оружия. В конце третьей четверти III тысячелетия до н. э. с северо-запада переместились племена культуры шаровидных амфор, которые на протяжении нескольких столетий владели значительной территорией Лесостепного Правобережья, вытеснив или покорив племена культуры воронковидных кубков и позднетрипольские племена.

* Характеристика племен ямной культуры дается в главе III.

Позднетрипольские племена. В начале позднего периода энеолита позднетрипольские племена продолжали развивать традиционные формы хозяйства и культуры, характерные для предыдущего времени. Возрастала численность трипольского населения, а также размеры его поселений. Это подтверждают открытые в Южном Побужье большие позднетрипольские поселения около сел Доброводы, Тальянка, Майданецкое, Нобелевка. Площадь каждого из них достигала 250—400 га. На этих поселениях зафиксировано от 1 до 1,5 тыс. жилищ. Однако увеличение размеров поселений не спасло трипольские племена. Под давлением степных скотоводческих племен они вынуждены были оставлять свои поселения и переселяться на новые земли.

Новые трипольские поселения возникали на территории Восточной Волыни, в северных районах Среднего Поднепровья, на Полесском Левобережье. Часть трипольских племен переселилась с Среднего Поднестровья и освоила степи Северо-Западного Причерноморья. Возникали новые племенные группы, что усложняло межплеменную организацию позднетрипольских племен, которые в то время представляли собой одно из самых больших энеолитических объединений в Восточной Европе. Духовная и материальная культура каждой племенной группы этого объединения имела свои особенности. Наиболее выразительно они проявились у периферийных позднетрипольских племен, в частности у племен Степного Юга (усатовские племена), Волыни (городокские племена), Киевщины (софиевские племена). Несколько групп племен известно также в Верхнем и Среднем Поднестровье, среднем и верхнем течении Южного Буга.

История позднетрипольских племен Верхнего Поднестровья изучена в результате исследования памятников кошиловецкого и касперовского типов, отражающих отдельные фазы их исторического развития. Позднетрипольские племена Верхнего Поднестровья дольше всех сохраняли характерные черты трипольской культуры предшествующего периода.

Поселения кошиловецкого типа размещались в неодинаковых топографических условиях: на низких берегах рек, на плато коренного берега Днестра и его притоков. Типичные трипольские наземные жилища на этих поселениях строились преимущественно в один ряд и были однокамерными, что свидетельствует о выделении в пределах патриархальных родовых коллективов отдельных семей в самостоятельные хозяйственные единицы. Кроме жилищ и хозяйственных ям на поселении открыты керамические горны для обжига посуды и печи для обжига глиняных вальков — основного материала, который использовался при строительстве жилищ.

Неизменным оставалось земледельческо-скотоводческое направление хозяйства. Дальнейшее развитие приобрели традиционные формы домашнего и общинного ремесла и, в частности, изготовление керамики бытового и хозяйственного назначения. Большую часть керамической посуды составляла расписная трипольская посуда. В связи с развитием ткачества в большом количестве изготавливались глиняные пряслица, веретена и разнообразные по размерам и формам глиняные грузики для ткацких станков. Основным сырьем для изготовления орудий труда, оружия и предметов обихода оставались камень, кремень, кость и рог.

Усложнялись идеологические представления трипольских племен, шла дальнейшая дифференциация у них культа плодородия. Об этом свидетельствуют многочисленные находки глиняной антропоморфной и зооморфной пластики, а также амулеты полимастического характера.

Трипольские племена Верхнего Поднестровья, жившие в окружении только родственных племен и не имевшие непосредственных контактов с соседними племенами других культур, сохранили в наиболее чистой форме традиции хозяйства, культуры, быта и идеологические представления своих предков. Со временем, когда произошли изменения во внешнем окружении трипольских племен, они также испытали общее культурное нивелирование.

Совсем по-иному сложилась историческая судьба соседних трипольских племен Среднего Поднестровья. В середине III тысячелетия до н. э. какая-то их часть вынуждена была оставить свои земли и переселиться в степные районы Северного Причерноморья и Румынии. Непривычные для трипольцев условия Степного Юга оказались малопригодными для земледелия, которое базировалось на примитивной ральной технике. В то же время в причерноморских степях условия способствовали развитию скотоводства, которое и стало ведущей отраслью хозяйственной деятельности усатовской (от с. Усатово под Одессой, где впервые открыты и исследованы памятники этого типа) группы племен.

Усатовские поселения были окружены рвами, иногда в несколько рядов. В укрепленных таким способом поселениях при малейшей опасности пряталось население вместе со скотом. Кроме небольших поселений или укрепленных стойбищ у усатовцев были и достаточно большие поселения с разнообразными каменными хозяйственными и культовыми сооружениями, которые, вероятнее всего, представляли собой межплеменные и культовые центры. Вокруг поселения, открытого возле с. Усатово, размещалось несколько курганных и бескурганных могильников. Под курганами, имевшими достаточно сложную конструкцию, с каменными куполами и кромлехами, усатовцы хоронили племенных вождей и родовых старейшин. Умершим в погребальные камеры клали расписанную по трипольскому образцу керамическую посуду, украшения из кости, меди и серебра, медные плоские топоры, кинжалы и т. п. В одном курганном погребении вождя найдена каменная плита с изображением людей и животных — обычные для скотоводов сюжеты. Рядовых членов племени усатовцы хоронили в бескурганных могильниках, в небольших ямах, иногда перекрытых камепными плитами или каменными закладами. Погребенных обычно сопровождал бедный погребальный инвентарь. Традиционно трипольский обычай погребения в небольших ямах, перекрытых каменными плитами и закладами, был распространен у трипольских племен Поднестровья, откуда происходили усатовцы.

Усатовцы разводили большой рогатый скот и лошадей, а также коз и овец. Скотоводство имело отгонный характер, однако базировалось оно на упомянутых укрепленных поселениях. Охота и рыболовство не играли значительной роли в хозяйстве.

Как и остальные позднетрипольские племена, усатовцы занимались различными видами домашнего и общинного ремесла. Высокого технологического и художественного уровня у них достигло изготовление керамики, которая отличалась от керамических изделий других позднетрипольских племен. Местные мастера из сырья, поступавшего с Балкано-Карпатского рудного бассейна или Кавказа, изготовляли разнообразные металлические изделия, в том числе оружие. Усатовцам были хорошо известны ткачество и обработка камня.

Усатовские скотоводы поддерживали тесные хозяйственные и культурные связи как со своими ближайшими соседями, так и с племенами

более отдаленных территорий. Под влиянием именно этих связей в их культуре и быте возникло немало черт, не характерных для остальных трипольских племен. Вполне возможно, что усатовские племена заимствовали у кеми-обинцев обряд погребения под курганами и опыт сооружения сложных каменных конструкций. От юго-западных племен, обитавших в Дунайском понизовье, усатовские племена получали сырье для изготовления металлических изделий. Несомненно, что они поддерживали самые тесные контакты с трипольскими племенами Среднего Поднестровья.

Играя роль форпоста трипольского объединения племен на южной границе, усатовские племена некоторое время удерживали натиск скотоводческих племен ямной культуры, постоянно нападавших на трипольцев. Но в конце III тысячелетия до н. э. усатовские племена были покорены и со временем ассимилированы воинственными племенами ямной культуры.

Другой путь развития прошли позднетрипольские племена Среднего Поднепровья — наиболее отдаленные на северо-восток от основного массива трипольского населения. На заселенных еще на среднем этапе развития трипольской культурой землях, несмотря на периферийность размещения, позднетрипольские племена Среднего Поднепровья продолжали развивать характерные для трипольской культуры традиции хозяйства и быта.

Позднетрипольские поселения располагались на высоких участках плато правого берега Днепра. Это были довольно большие долговременные поселения, имевшие на своей территории до полусотни различных по размерам жилых и хозяйственных сооружений. Дома размещались по кругу. По своей конструкции они почти не отличались от типичных трипольских наземных жилищ предыдущего времени. Материальная культура в целом продолжала развиваться в духе местных традиций, сохраняя свои особенности. Земледелие и скотоводство, как и раньше, оставались ведущими формами хозяйства. Развивались ремесла. Местные племена поддерживали постоянные связи с остальными трипольскими племенами. Это был период спокойного хозяйственного и культурного развития. Однако около середины III тысячелетия до н. э. под давлением степных скотоводческих племен ямной культуры, продвинувшихся на правобережье Среднего Поднепровья, трипольские племена вынуждены были переселиться на новые земли. С востока, на Левобережье, трипольцам противостояли воинственные степные скотоводческие племена. Поэтому местное трипольское население двинулось дальше на север и северо-восток, в районы, где обитали более низкие по уровню развития племена с неолитическим укладом хозяйства, культуры и быта. Отдельные родовые общины трипольцев постепенно продвигались далее на север от устья Стугны, осваивая новые земли в Поднепровье.

Оказавшись в среде, хотя и более слабых, но чужих и враждебных племен, позднетрипольские родовые общины для постройки своих поселений выбирали хорошо защищенные места. Поселения были небольшими. В них насчитывалось до десятка жилищ. Сначала сооружались углубленные жилища земляночного типа, а со временем, прижившись в этих местах, переселенцы начали строить типичные для трипольцев наземные жилища. Постепенно трипольские племена, продвигаясь все дальше на север и северо-восток, дошли до устья Припяти, перешли на левый берег Днепра и основали свои поселения на Нижней Десне; на юго-востоке они достигли р. Трубеж (поселение возле с. Лукашевка).

Со временем в этом районе возникло еще одно родоплеменное объединение с достаточно своеобразной, во многом отличавшейся от других позднетрипольских племен, материальной культурой, которая получила название софиевской (от с. Софиевка вблизи Киева, где впервые был открыт и исследован позднетрипольский могильник).

Софиевские племена кроме изготовления обычных для энеолитических племен орудий труда и предметов быта много внимания уделяли изготовлению оружия. Это были преимущественно оригинальные по форме боевые каменные топоры и молоты, а также небольшие, хорошо обработанные кремневые наконечники стрел. Из меди изготовлялись кинжалы, наконечники копий и дротиков. Медными были и украшения-пронизки, височные кольца.

О тревожном, неспокойном времени и особенном почитании воинов свидетельствуют богатые погребения воинов с оружием. Именно тогда появились массовые родовые могильники с трупосожжениями (Софиевка, Чернин, Красный Хутор, Заваловка возле Киева). Распространение у софиевских племен обряда трупосожжения было характерным только для них. Вместе с тем в материальной культуре софиевские племена сохранили специфические черты, присущие трипольской культуре в целом. В частности, у них еще прослеживается трипольская традиция расписывать красками глиняную посуду. Сохранилась также традиционная трипольская антропоморфная пластика.

Софиевские племена продолжали развивать земледельческо-скотоводческое хозяйство. Особого мастерства они достигли в изготовлении серпов из больших кремневых пластин. Путем обмена софиевские племена получали разнообразные изделия, преимущественно украшения, с Кавказа, а также сырье и медные изделия с Балкан и Прикарпатья.

Немногое известно об исторической судьбе софиевских племен. Вполне возможно, что они приблизительно в конце III тысячелетия до н. э. были подчинены и со временем ассимилированы другими племенами, вероятно, племенами среднеднепровской культуры.

На протяжении определенного времени позднетрипольские племена в других районах, в частности на Волыни и в Южном Побужье, еще сохранили некоторые особенности своей культуры и быта. Однако во второй половине III тысячелетия до н. э. в материальной культуре всех позднетрипольских племен прослеживается нивелирование. Такие в прошлом достаточно своеобразные в этнографическом отношении районы, как Верхнее Поднестровье, Побужье и Волынь, на финальном этапе истории трипольских племен по характеру материальной культуры уже мало чем отличались друг от друга. Под влиянием нависшей опасности как с запада (со стороны племен культуры шаровидных амфор), так и с востока (со стороны племен ямной культуры) произошел процесс консолидации позднетрипольских племен, нашедший свое отражение в однотипности материальной культуры по всей территории их распространения.

Племена культуры воронковидных кубков. В начале III тысячелетия до н. э. на современной территории Западной Волыни, в бассейне Западного Буга и далее на запад (в современных пределах Польши) проживала группа племен с очень своеобразной, оригинальной культурой, резко отличавшейся от культуры соседних позднетрипольских племен. Она принадлежала к одному из самых больших энеолитических племенных объединений Центральной Европы, памятники которого от характерной

формы посуды с воронковидной шейкой получили условное название культуры воронковидных кубков.

Население этой культуры, которое пришло на территорию Западной Волыни с северо-запада, обычно выбирало для своих поселений места, удобные для защиты от возможного нападения чужих племен. Для большей безопасности свои периферийные поселения вдоль Западного Буга люди укрепляли рвами и валами. Основными отраслями хозяйства племен этой культуры были земледелие и скотоводство. Как и у трипольских племен, земледелие у них велось с использованием рала и тягловой силы. Несомненным доказательством использования скота в хозяйстве являются находки на поселениях этих племен большого количества костей крупного рогатого скота, а также скульптурного изображения спаренных в ярме быков. Для хранения зерна на поселениях выкапывались специальные зерновые ямы, стены которых обжигались. Охота и рыболовство имели вспомогательный характер. Ассортимент производственного и бытового инвентаря племен культуры воронковидных кубков почти аналогичен позднетрипольскому, что объясняется однотипностью их хозяйственной деятельности. Зато совсем иной как по форме, так и по орнаментации была керамика. В отличие от яркой трипольской керамики, глиняные сосуды культуры воронковидных кубков поражают своей строгостью, сдержанностью форм и орнаментального стиля. Гончары культуры воронковидных кубков создали серию самобытных, характерных только для этой культуры форм посуды, преимущественно кубков с очень оригинальными крыльевидными ручками, сосудов с узким горлом и рельефными дисковидными выступами на них — воротничками. Углубленный, нередко заполненный белой пастой орнамент на черной лощеной поверхности сосудов выглядел четко, контрастно. Как и у других энеолитических земледельческо-скотоводческих племен, у населения культуры воронковидных кубков кроме керамики развивались обработка кремня, камня, металла и ткачество. Мастера по изготовлению кремневых изделий хорошо разбирались в разновидностях кремня, соответственно используя его для изготовления разнообразных орудий труда и оружия. Найденные на поселениях культуры воронковидных кубков литейные формочки свидетельствуют также о местном изготовлении медных орудий и украшений.

Население культуры воронковидных кубков по уровню своего хозяйственного и культурного развития мало в чем уступало позднетрипольским соседям. Со временем между населением этих культур установились контакты, которые, очевидно, вначале имели только форму обмена. Так, на поселениях культуры воронковидных кубков были найдены шлифовальные плитки, изготовленные из песчаника, месторождения которого находились в Верхнем Поднестровье, где тогда проживали позднетрипольские племена. Со временем связи обеих культур становились все более тесными и приобретали характер постоянных непосредственных контактов. Имеются неоспоримые данные, свидетельствующие о проживании на поселениях культуры воронковидных кубков представителей трипольцев. Почти на всех периферийных поселениях культуры воронковидных кубков кроме расписных позднетрипольских сосудов стала распространенной и типичная трипольская роспись коричневой краской на воронковидных сосудах. Здесь строятся наземные жилые постройки трипольского образца. Не исключено, что эти контакты между населением обеих культур имели и форму брачных отношений. Историческая судьба племен культу-

ры воронковидных кубков была общей с судьбой позднетрипольских племен в течение длительного времени. Приблизительно в конце III тысячелетия до н. э. их покорили пришедшие с запада племена культуры шаровидных амфор.

Племена культуры шаровидных амфор. Свое название племена этой культуры получили от характерной для них посуды — шаровидных амфор. Это были подвижные племена, которые пришли с запада, с территории современной Польши и довольно быстро покорили вначале племена культуры воронковидных кубков, а затем — и позднетрипольские племена Волыни и Подолии. Со временем они заняли значительную территорию Днепровского Правобережья, продвинувшись на юге к трипольским землям в междуречье Прута и Серета.

История племен культуры шаровидных амфор пока еще изучена слабо. Это объясняется, прежде всего, состоянием имеющихся в наличии археологических источников. На современной территории Украины до сих пор еще недостаточно исследованы поселения этой культуры. Материалы отдельных погребений дают одностороннее, неполное представление о жизни и деятельности этих, во многом загадочных, племен.

Умерших племена культуры шаровидных амфор хоронили в так называемых каменных ящиках. Над погребениями не сохранилось (возможно, их и не было) никаких внешних обозначений. Поэтому погребения культуры шаровидных амфор встречаются лишь случайно, и данные о них очень фрагментарны. В нескольких местах исследовано по нескольку каменных ящиков, которые, надо полагать, использовались как могильники. В каменных ящиках захоронения совершались как обычные, так и групповые. В тех редких случаях, когда удавалось определить пол погребенных, выяснилось, что это были мужчины или мужчины с женщинами, а иногда с детьми.

Большой интерес представляет погребальный каменный ящик из двух камер, найденный возле с. Колодяжное Житомирской области. В большей камере было погребено девять человек, в меньшей — один. В большей камере посредине, под лицевой стенкой ящика, в сидячем положении обнаружен скелет мужчины. По бокам от него, в скорченном положении на боку, лицом к мужчине, были погребены две женщины, каждая с двумя маленькими детьми. В ногах женщин, в скорченном положении, головой к середине камеры, лежали на боку скелеты двух подростков. В меньшей камере лежал еще один скелет в скорченном положении, на боку, спиной к остальным погребенным, лицом к входу. Двухкамерность погребального сооружения, присутствие погребального инвентаря в большей камере и отсутствие его в меньшей свидетельствуют о неодинаковом семейном и общественном положении умерших. Каменная гробница из Колодяжного — яркое свидетельство существования у племен культуры шаровидных амфор семейных усыпальниц и патриархального уклада жизни.

В погребальных каменных ящиках найдены глиняная посуда, кремневые, каменные и костяные изделия. Своеобразна по форме и орнаментация керамики племен культуры шаровидных амфор. Тщательно отшлифованные по всей поверхности кремневые топоры и долота легко отличаются от аналогичных изделий населения других энеолитических культур. Неповторимыми являются костяные пряжки к поясам. Подвески из клыков кабана и янтаря дополняют представление о самобытном характере материальной культуры племен культуры шаровидных амфор. На основании некоторых местных особенностей, выражающихся как в форме погребальных

сооружений, так и в обряде погребения, выделяются несколько отдельных племенных групп этого населения. И все же существующие данные недостаточны для характеристики хозяйства племен культуры шаровидных амфор и для понимания уклада их жизни.

Соседями племен культуры шаровидных амфор на юге, в причерноморских степях, были племена ямной культуры, а на востоке, на правобережье Среднего Поднепровья,— племена среднеднепровской культуры. Об их взаимоотношениях, из-за отсутствия необходимых данных, трудно что-либо сказать. Племена культуры шаровидных амфор, захватив большую территорию на Правобережье Украины, просуществовали здесь сравнительно недолго, всего несколько столетий. На смену им пришли новые племенные образования культур шнуровой керамики, которые уже относятся к бронзовому веку.

Историческое значение эпохи энеолита в древней истории современной территории Украинской ССР очень велико. В эту эпоху произошло становление производящего хозяйства — скотоводства и земледелия, т. е. осуществился переход к новым формам прогрессивной экономики, представлявшей собою скачок в развитии производительных сил. С развитием производящего хозяйства человек начинает активно воздействовать на природу, стремясь подчинить ее своим интересам.

Огромным техническим достижением этой эпохи является открытие возможности использования металлов и изготовления орудий труда. Первым таким металлом была медь. Распространение меди обусловило крупный сдвиг в первобытной технологии — появилась ковка, а затем и литье металла. И все же медные орудия труда не вытеснили каменные. Но сам факт появления металла имел огромное значение. Это была новая ступень в развитии производительных сил, в развитии техники. Начинается эпоха металлов, продолжившаяся в бронзовом, а затем в железном веках.

В эпоху энеолита произошли кардинальные изменения общественных отношений. С развитием скотоводства, земледелия и обработки металлов выросла роль мужского труда. Хозяйственной основой стала патриархальная семья, в которой главенствующая роль перешла от матери к отцу. Это привело к тому, что на смену матриархату пришел отцовский родовой строй — патриархат.

С развитием производящих форм хозяйства в эпоху энеолита происходил рост численности населения, что в условиях первобытнообщинного строя приводило к давлению «избытка населения на производительные силы». Этот фактор, значение которого раскрыл К. Маркс, оказывал большое влияние на развитие первобытного общества. Избыточное население в поисках плодородных земель и пастбищ расселялось на обширной территории, главным образом на территории неолитических племен с присваивающим хозяйством или на редко заселенных в то время землях. На современной территории Украины в эту эпоху особенно значительным было расселение племен трипольской культуры. Благодаря своему культурному превосходству эти племена относительно легко заняли огромную территорию неолитических племен в междуречье Днестра и Днепра, вытесняя или ассимилируя их.

Племена эпохи энеолита территории Украины не исчезли бесследно. Их культура явилась основой сложения культур бронзового века или вошла в их состав.

Глава III

ПЛЕМЕНА БРОНЗОВОГО ВЕКА

На территории Восточной Европы, и в частности Украины, бронзовый век занимает вторую половину III — начало I тысячелетия до н. э. Этот период характеризуется дальнейшим развитием скотоводства и земледелия (начавшимся еще в эпоху энеолита), что способствовало завершению здесь процесса выделения скотоводческих племен из массы остальных. «...Это было *первое крупное общественное разделение труда*» [1],— писал Ф. Энгельс. Окончательный переход к новым формам хозяйства явился важным этапом в развитии производительных сил. В результате увеличения численности населения усилился процесс дифференциации племен, ускорилось их расселение на еще не занятые территории.

Основанием для выделения бронзового века послужило значительное распространение изделий из бронзы (сплава меди с оловом и другими металлами, в частности со свинцом, цинком, а также с мышьяком). Бронза — первый искусственно созданный человеком сплав. Этот новый сплав был высококачественным материалом. Бронза тверже меди, для ее выплавки необходима более низкая температура (700—900°), что значительно облегчало литье. Это давало возможность плавить руду в примитивных печах и даже на открытых очагах. Поэтому изготовление изделий из бронзы стало доступным для многих племен. Открытие способов литья бронзы и распространение из нее изделий в отдельных странах Старого Света происходило при разных условиях и неодновременно.

Впервые бронза стала известна в странах Древнего Востока, в Средней Азии, Средиземноморье и Египте. Во второй половине III тысячелетия до н. э. бронза вошла в обиход также в Европе.

По сравнению с энеолитической эпохой ассортимент изделий в бронзовом веке значительно расширился за счет металла, орудия труда и оружие усовершенствовались. Однако бронза все же не смогла полностью заменить изделий из камня: ими продолжали пользоваться на протяжении всего бронзового века. Более того, в это время техника изготовления орудий из камня достигает наиболее высокого уровня развития.

«...Бронза давала пригодные орудия и оружие,— писал Ф. Энгельс,— но не могла вытеснить каменные орудия; это было под силу только железу, а добывать железо еще не умели» [1].

Наиболее широкое применение изделий из бронзы на территории нашей страны приходится на II тысячелетие до н. э. Их изготовляли в Закавказье, на Среднем Кавказе, в Закарпатье, на Алтае, Урале, в Средней Азии, Казахстане, Северном Причерноморье — именно в названных районах существовали большие металлообрабатывающие центры. В бронзовом веке увеличение спроса на металлические

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 160.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 161.

изделия обусловило развитие горного дела, добывание руды в открытых карьерах и шахтах.

На современную территорию Украины первые металлические изделия, а со временем и сырье, поступали с Кавказа. В позднюю пору бронзового века развился Карпато-Дунайский металлообрабатывающий центр. В степных районах на протяжении всего бронзового века ощущалось заметное влияние кавказской металлургии, а в лесостепных — карпато-дунайской. В современных пределах Украины следы древних разработок окисленных кварцитовых руд обнаружены в Донецком бассейне, преимущественно в западной части Славяно-Бахмутской котловины. Однако удовлетворить потребность в металле местное производство не могло. Поэтому развитие металлургии на территории Украины главным образом базировалось на привозном сырье.

Расцвет бронзолитейного дела в конце бронзового века (середина II — начало I тысячелетия до н. э.) вызвал определенные изменения в общественном производстве. Литье бронзы требовало соответствующих навыков, что обусловило появление в составе общин мастеров, исключительно занимавшихся обработкой металла. Выделение больших металлообрабатывающих центров ускорило процесс общественного разделения труда, повлияло на развитие межплеменного обмена, который обрел теперь систематический характер. Он превратился в «жизненную необходимость» [1].

Одним из показателей развития обмена и специализации внутри общины в области металлургического производства являются клады. Особенно большое количество их относится к концу бронзового века. Они нередко состоят из нескольких десятков однотипных изделий, отлитых в одной и той же литейной форме.

Развитию обмена способствовала также возможность быстрого передвижения благодаря наличию повозок и мобильных конных отрядов, которые могли осуществлять далекие переходы. В бронзовом веке племена, населявшие современную территорию Украинской ССР, поддерживали тесные связи с племенами Северного Кавказа, Средней Европы и Средиземноморья. Некоторые изделия свидетельствуют о связях племен поздней поры бронзового века территории Украины с эгейским миром. В степной полосе Украины найдено много металлических изделий, украшений, а также посуды, близких к кавказским, которые в свою очередь аналогичны соответствующим вещам Ближнего Востока. Кавказ на протяжении всего бронзового века играл важную роль в древней истории юга нашей страны — он был связующим звеном между населением этой территории и передовыми центрами Древнего Востока.

Бронзовый век коснулся всех племен того времени, населявших современную территорию Украинской ССР. Однако в это время проявились различия в направлении развития хозяйства племен отдельных ее районов, прежде всего лесостепной и степной зон, что определялось естественными и историческими факторами.

В степной зоне Украины естественные условия были благоприятными для развития пастушеского скотоводства. Скотоводческие племена начали осваивать далекие от водоемов и больших рек степные пространства. Однако степные пастушеские племена не были чисто скотоводческими. Хозяйство их было комплексным, в котором определенную роль играло земледелие. Находки рала в погребении вблизи с. Балки Запорожской области, а также наскальные изображения быков в ярме и плуга на плитах Камен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 165.

ной Могилы свидетельствуют о существовании пашенного земледелия с использованием тягловой силы. В конце бронзового века в связи с развитием металлургии даже в степной полосе значительно увеличилась интенсивность земледелия. В обиход вошли совершенные орудия из бронзы — топоры, мотыги и особенно серпы.

В бронзовом веке коллективы подвижных скотоводов быстро росли, увеличивались их стада, что требовало постоянного расширения пастбищ. Поэтому поиски новых земель стали жизненной необходимостью для степных племен. Взаимоотношения степных скотоводческих племен с соседними земледельческими племенами не всегда были мирными. Степные племена расширяли пастбища и территорию своего расселения путем военных столкновений. В начале бронзового века скотоводческие племена начали теснить своих соседей, проникая не только на север, в лесостепную зону, но и далеко на запад, в глубину территории, занятой земледельческими племенами, в районы Подунавья и Балкан.

В лесостепной зоне, где развитие хозяйства базировалось на гармоничном соединении земледелия и скотоводства, имевших здесь давние традиции еще со времени трипольских племен, использование тягловой силы для обработки земли способствовало освоению новых посевных площадей. Вполне возможно, что уже в позднем бронзовом веке применялась переложная система земледелия.

Изменения, происшедшие в жизни населения бронзового века, когда с победой производящих форм хозяйства, резким увеличением численности населения, накоплением общественного богатства возникла необходимость в расширении пастбищ, обусловили обострение межплеменных отношений и усиление вооруженных столкновений. И для скотоводов и для земледельцев особое значение приобретали защита освоенной территории, защита пастбищ и земельных угодий, а также скота — главного богатства племен. Накапливавшиеся богатства вызывали желание ими завладеть. Начинались грабежи, что явилось одной из причин появления в раннем периоде бронзового века укрепленных поселений.

В бронзовом веке с общим ростом производительных сил происходят прогрессивные изменения социальных и политических форм жизни. Главенствующая роль во всех областях хозяйства — скотоводстве, земледелии, металлургии, обмене, а также в общественной жизни, принадлежала главам больших патриархальных семей. Стада становятся собственностью отдельных семей и патриархов, возглавлявших эти семьи. Семья стала отдельной производственной единицей, это привело к постепенному разложению первобытного коллективного хозяйства. Развитие семейной собственности породило имущественное неравенство среди семей. В связи с характером взаимоотношений между племенами, сложившимися в то время (с одной стороны, борьба за территорию, с другой — развитие обмена, рост населения и крепнущие связи между племенами), привели к созданию больших племенных союзов, что усилило роль племенных вождей. Вследствие накопления богатств в руках отдельных семей, родовой и племенной знати, выделилась племенная верхушка. Археологически это нашло свое отражение в появлении богатых погребений и большого количества кладов с оружием. Выделение богатых патриархальных семей расшатывало основы первобытнообщинного строя.

Самобытное искусство бронзового века отражало возрастание роли человека в процессе развития производящих форм хозяйства. Идея возвеличивания человека воплощена в антропо-

морфных стелах — первых схематических скульптурных изображениях человека, появившихся у племен степной полосы Украины в середине III тысячелетия до н. э.

Ни один предыдущий этап первобытной истории Восточной Европы не характеризовался таким значительным количеством археологических культур, принадлежавших различным группам племен, как эпоха бронзы. Такое разнообразие обусловлено возрастанием хозяйственной специализации, мобильностью племен, ломкой сложившихся систем, культурным и этническим развитием отдельных групп первобытного населения.

В последнее время ранний бронзовый век некоторые исследователи называют периодом первого великого переселения народов, которое сыграло важную роль в формировании древнего населения Европы. Считают, что эпоха бронзы была тем историческим периодом, когда произошло сложение языковых групп, в котором та или иная археологическая культура могла быть ранним этническим образованием.

1. СКОТОВОДЧЕСКО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА СТЕПНОЙ ЗОНЫ

Степная зона, протянувшаяся далеко на восток, в пределы Средней Азии и Южной Сибири, а на западе — к Подунавью и Балканам, еще в глубокой древности играла важную роль в истории населения Восточной Европы. Степь связывала между собой отдаленные племена, отличавшиеся этнически, но имевшие общее направление хозяйственного развития.

Племена ямной культуры. В конце энеолита и раннюю пору бронзового века степную и частично лесостепную зоны Восточной Европы занимали многочисленные племена ямной культуры *. Название эта культура получила от характера погребений — в ямах под курганной насыпью.

Племена ямной культуры занимали широкие степные пространства от Эмбы на востоке до Дуная на западе, а также территорию Лесостепи, достигавшую широты Самарской луки на Волге, Воронежа и Киева на севере.

Освоение этой огромной территории происходило постепенно. В частности, на современной территории Украинской ССР племена ямной культуры в середине III тысячелетия до н. э. занимали главным образом Левобережье, за исключением Полесья, а во второй половине III — в начале II тысячелетия до н. э., в период своего наивысшего развития, они заселили почти все Степное Правобережье. Отсюда они продвигались на юго-запад, к Балканскому полуострову, через земли, занятые трипольскими усатовскими племенами. Эти передвижения прослеживаются по подкурганным погребениям в Поднестровье и на Балканах. Такие переселения, не будучи одноразовым актом, безусловно способствовали культурному и этническому сближению населения этих территорий. Далекие продвижения, как и борьба за пастбища, были не под силу отдельным, разрозненным племенам; они требовали согласованного действия ряда племен, создания больших объединений — союзов племен. Это диктовалось также необходимостью защиты своих богатств.

Расселившись на значительной территории, племена ямной культуры

* В научной литературе эти племена известны также под названием: «Племена древнеямной культурно-исторической общности».

Остатки оборонительной стены поселения вблизи с. Михайловка Херсонской области

испытали на себе влияние местных племен и их соседей, значительные группы которых сохранились, сохранив и традиции в культуре.

Племена ямной культуры были одним из самых больших человеческих объединений раннего периода бронзового века в Восточной Европе. В их состав входили несколько союзов племен. В современных пределах Украины известны донецкая, степная приднепровская, бугская, среднеднепровская и приазовско-крымская группы племен.

В пределах громадной территории Степи были разные климатические и ландшафтные зоны — полупустыни, ковыльные степи, а также речные долины с плодородными поймами, в какой-то мере определившие специфику ведения хозяйства в различных ее районах и наложившие отпечаток на быт племен. Однако общее направление экономического развития, в котором скотоводство играло ведущую роль, было единым. Это нашло свое отражение и в погребальном культе — курганном обряде, который как бы нивелировал племенные различия.

Обычай сооружать курганы возник у скотоводческих племен еще в эпоху энеолита и существовал на протяжении всего бронзового века, отражая патриархальный культ, который все время усложнялся. Курганы насыпались в открытой степи, но всегда вблизи источника воды. Еще и теперь стоят тысячи курганов, которые, очевидно, фиксируют границы родоплеменных территорий.

В речных долинах встречаются разбросанные следы временных стоянок первобытных пастухов — сезонные стойбища; за все время открыты всего два постоянных укрепленных поселения, бывшие, надо полагать, своеобразными племенными центрами. Они объединяли ямные племена, крепили экономическое, социальное и ре-

лигиозное общение между ними. Исследования этих поселений дает возможность восстановить картину жизни ямных племен.

Из двух поселений уникальным является укрепленное поселение возле с. Михайловка на Херсонщине. Оно расположено на высоком берегу р. Подпольной. Поселение размещалось на двух возвышениях — на холмах с крутыми и труднодоступными склонами и примыкающей к ним части плато. Основную часть поселения занимал центральный, самый большой холм. Позже были освоены еще два холма с частью плато. В общей сложности поселение занимало площадь около 1,5 га. Вокруг поселения были оборонительные сооружения. Наиболее укрепленной частью поселения был центральный холм. Целая система стен и рвов, сооруженных у подножья, защищала поселение со стороны реки. Со стороны плато по склону холма была воздвигнута стена длиной 60 м. Для лучшей защиты наиболее уязвимой, прилегающей к плато части поселения построено дополнительно еще несколько стен, расположенных с противоположной стороны седловины. Только преодолев эти преграды, можно было оказаться перед главной линией обороны, которая защищала поселение. Здесь кроме жилищ размещались сооружения общественного и культового назначения. Сюда во время опасности могло прятаться все население. Оборонительная система была замкнутой. Каменные стены и рвы могли перемежаться в ней с деревянным частоколом. От некоторых оборонительных стен сохранилась только нижняя часть — цоколь. Местами высота остатков стен превышает 2 м. Мощные оборонительные стены были сложены из больших плит известняка или известнякового туфа. Для сооружения стен использовались преимущественно необработанные камни различных размеров

(только изредка прослеживаются следы грубой обтески).

Жилища располагались на укрепленной стенами площадке, часть которых примыкала к оборонительным стенам. Это были наземные прямоугольные жилища, разделенные перегородками на несколько помещений, принадлежащих отдельным семьям. Нижняя часть жилища высотой до 1 м возводилась из камня, а верхняя — была глинобитной. Этот способ строительства применялся в степной зоне Украины на протяжении всего бронзового века. Небольшие очаги были наружными и выкладывались из мелкого камня. Кроме наземных строили и полуземляночные жилища. Впервые при сооружении жилищ начали применять двухрядную кладку стен с перевязкой швов на земляном растворе — так называемую «кладку на грязи».

Остатки больших и сложных оборонительных сооружений дают основание уверенно говорить о значительном развитии у племен ямной культуры строительного дела. А укрепленный характер таких поселений, как Михайловка, свидетельствует о сложной исторической обстановке в Степи.

Второе открытое укрепленное поселение раннего периода бронзового века находилось в Надпорожье, возле с. Волосское. Возможно, что в этих двух укрепленных поселениях, расположенных на значительном расстоянии друг от друга, сосредоточивались богатства степных племен.

Этнографическими чертами материальной культуры ямных племен была глиняная посуда, в частности горшки яйцевидной формы, украшенные оттисками шнура и гребенчатого штампа, костяные изделия — молоточковидные булавки, которые нередко находят вместе с костяными бусами и подвески-амулеты из клыков хищников. Использование клыков и зубов убитых животных для бус имело широкое распространение в древности. Эти амулеты, по тогдашним представлениям, охраняли людей от злых сил при жизни и в потустороннем мире после смерти.

Большие долговременные поселения свидетельствуют об оседлости племен ямной культуры Нижнего Поднепровья. Основным занятием населения ямной культуры было скотоводство. На поселениях найдены тысячи костей домашних животных, среди которых преобладали кости крупного рогатого скота.

Преобладание скотоводства в хозяйстве племен ямной культуры Поднепровья не исключало занятия земледелием. Об этом свидетельствуют находки зернотерок, растиральников, вкладышей для серпов. Но удельный вес земледелия был незначительным.

В погребениях ямной культуры второй половины III тысячелетия до н. э. найдены остатки деревянных повозок. В качестве тягловой силы использовали быков. Остатки древнейших повозок обнаружены в кургане Сторожевая Могила возле Днепропетровска, в курганах вблизи совхоза «Аккермень» на Мелитопольщине, недалеко от с. Софиевка Новобугского района и пгт. Новой Одессы Николаевской области, а также во многих других местах.

У племен ямной культуры были развиты домашние промыслы — гончарство, ткачество, изготовление каменных орудий труда и оружия. Высокого уровня достигло строительное дело, связанное с возведением оборонительных сооружений и жилищ. Имеются данные, свидетельствующие о наличии специализации у племен ямной культуры. Так, в Надпорожье, в пределах поселений Скеля-Каменоломня и Стрильча Скеля, обнаружены мастерские, в которых изготовлялись топоры-молоты не только для обеспечения потребностей местного населения, но и для обмена.

Ямные племена владели и металлообработкой. Найденные на поселе-

Кромлех вместе с каменной гробницей. Кичкас, окраина Запорожья

ниях каменные орудия — ступы, песты и глиняные сопла — подтверждают это неоспоримо. Но она была несовершенной. Поэтому Северный Кавказ надо считать основным районом, откуда степное население в ранний период бронзового века получало металлические изделия и сырье. Форма орудий и химический состав металла красноречиво подтверждают такую точку зрения.

На поздний период существования племен ямной культуры, на время их наибольшего расцвета и мобильности, когда они достигли Балканского полуострова, приходятся и связи со Средиземноморьем, но не ослабляются и связи с Кавказом. Одним из доказательств этого может быть находка в ямном погребении вблизи с. Старогороженное (Николаевская область) кинжала, близкого к аналогичному оружию из Сачхерских могильников (Грузия). Племена ямной культуры поддерживали также контакты с племенами трипольской культуры.

Племена ямной культуры имели высокую для того времени общественную организацию патриархального типа. Материалы курганных могильников, где основным (центральным) было погребение мужчины — главы семьи, патриарха (над его погребением нередко насыпали курган), подтверждают главенствующее положение мужчин в жизни племен ямной культуры. В то же время погребения ямной культуры еще не дают достаточных материалов, свидетельствующих о существовании имущественной дифференциации у этих племен. Только некоторые находки (булавы, кинжалы) могут рассматриваться как символы власти племенных вождей.

В идеологии племен заметное место занимал культ предков. Умерших они хоронили под курганами, возведение которых требовало усилий большого коллектива. Некоторые исследователи считают, что курганы степной полосы Украины можно рассматривать как сложные архитектурные сооружения. Курган — это еще и священное место. На вершинах некоторых курганов были святилища, что свидетельствует об усложнении идеологических

Антропоморфная стела, так называемый керносовский идол:
1 — вид стелы спереди; *2* — вид стелы сзади. Село Керносовка Днепропетровской области

представлений у степных скотоводческих племен. Для погребения выкапывали глубокие ямы, на дно клали умершего в скорченном положении и посыпали охрой. Красный цвет охры — цвет солнца, огня и крови — символизировал жизнь, свет, очищение. Погребальные ямы чаще всего перекрывались деревянным накатом и камышом. В зависимости от местных традиций наблюдаются особенности как в строительстве погребальных сооружений, так и в погребальном ритуале. В частности, у ямных племен, которые обитали на Северском Донце, был распространен обычай обжигать деревянные плахи, что связано с культом очистительной силы огня. Племена Поднепровья, Приазовья и Крыма для строительства погребальных сооружений — кромлехов и перекрытий погребальных ям широко использовали камень.

С племенами ямной культуры связывают и монументальную скульптуру — антропоморфные стелы. Каменные стелы имеют большое значение для изучения истории религии и верований. Некоторые исследователи усматривают в них надгробные памятники, на которых в грубой форме зафиксированы черты умерших родственников, другие считают, что это вожди или идолы, и связывают их появление с укреплением власти патриархального предка, которому придавали черты божества. Однако во всех случаях антропоморфные стелы выражают идею возвеличивания человека.

Ведущая роль скотоводства в хозяйстве ямных племен обусловила возникновение соответствующих культов. В частности, у них, как и у многих древнейших народов мира, священным животным считался бык (так, в одном из курганов вблизи Красноперекопска над перекрытием погребальной ямы обнаружены черепа 12 быков). Кроме того, у племен ямной культуры существовал культ солнца, огня. Их творчество отразилось в орнаментации посуды, а найденные флейты раскрыли одну из сторон духовной жизни ямных племен — мир музыки.

Неодинаковой была историческая судьба отдельных племен ямной культуры. В Нижнем Поднепровье продолжалось внутреннее развитие самих ямных племен, тогда как в бассейне Северского Донца, Приазовья они вступили в сложный контакт с племенами катакомбной культуры. Одна из групп ямных племен в Среднем Поднепровье приняла участие в сложении среднеднепровской культуры. Однако единство их огромного массива на больших просторах сыграло важную роль в истории населения середины III — в начале II тысячелетия до н. э. на современной территории Украинской ССР и соседних с ней стран Европы.

Племена катакомбной культуры. В начале II тысячелетия до н. э. на

значительной части Левобережной Украины, занятой ранее племенами ямной культуры, появились новые племена. Материальная культура этого населения имела свои характерные черты. В частности, своеобразным был обряд погребения: умерших хоронили в подземных пещероподобных камерах, глубоких подбоях, что послужило основанием для условного названия этих племен — племена катакомбной культуры.

Племена катакомбной культуры* расселились на территории степей от Волги до Южного Буга.

В первой половине II тысячелетия до н. э. в Восточной Европе произошел сложный процесс миграции племен, в который были втянуты все группы племен катакомбной культуры. Так, в Степное Поднепровье, занятое племенами ямной культуры, продвинулись катакомбные племена с Северского Донца. Продвижение их зафиксировано наличием погребальных сооружений в виде катакомб и находками посуды, характерной только для племен Северского Донца. Сложный процесс взаимодействия между ямными и пришлыми катакомбными племенами закончился ассимиляцией в одних случаях ямных племен, а в других — катакомбных, или смешением обеих культур.

Катакомбные племена от Северского Донца продвинулись на Средний Дон и в Приазовье. Они достигли Северного Кавказа, оказав заметное влияние на культуру северокавказских племен. На Нижний Дон проникали племена из Степного Поднепровья. Почти одновременно происходило движение племен из волго-манычских и прикубанских степей на север и на запад. Отдельные группы катакомбных племен проникли также

Посуда из погребений племен катакомбной культуры:
1 — с. Ковалевка Ворошиловградской области; *2* — Ворошиловград

в Крым и Северо-Западное Причерноморье, в междуречье Ингула и Южного Буга. В результате этих миграций происходило сближение различных племен катакомбной культуры.

На всей территории расселения племен катакомбной культуры до сих пор еще не открыты долговременные поселения. Найдены только кратковременные поселения пастухов-скотоводов, которые чаще всего размещались по краю надпойменной террасы или в поймах рек, на высоких песчаных холмах. Следы таких поселений известны вблизи сел Пески Ясиноватского района Донецкой области, Студенки Изюмского района Харьковской области и с. Матвеевка Николаевской области. Наиболее полно исследовано поселение возле с. Ливенцовка под

* В научной литературе эти племена известны также под названием: «Племена катакомбной культурно-исторической общности».

Ростовом-на-Дону. Таким образом, данные о племенах катакомбной культуры базируются преимущественно на материалах многочисленных могильников.

Расселение племен катакомбной культуры в степной полосе, отсутствие долговременных поселений и довольно большое количество находок в погребениях повозок, кибиток наводит на мысль о подвижном образе их жизни, основной причиной которого была потребность в обеспечении увеличивающихся стад пастбищами. Очевидно, летом скот перегоняли далеко на север, а зимой — на юг, где в долинах степных рек в условиях малоснежных зим его относительно легко было прокормить. При такой форме скотоводства только какая-то часть населения вела оседлый образ жизни, занимаясь приселищным скотоводством, земледелием и различными отраслями общинного хозяйства. Все остальное население большее время года вместе со скотом передвигалось на значительные расстояния. В связи с возрастанием численности стад в степных районах возникает кочевое скотоводство. Исторические и этнографические материалы подтверждают возможность одновременного существования на одной и той же территории оседлых и кочевых племен.

В скотоводстве катакомбных племен заметно новое направление — специализация в овцеводстве. С развитием скотоводства увеличивались количественно и развивались разнообразные домашние ремесла. У них также было развито ткачество. Об этом свидетельствуют остатки ткани (окрашенной полосами черной и красной красками) полотняной системы тканья, найденные в погребении вблизи совхоза «Аккермень» Запорожской области. В другом погребении вблизи с. Старогорожено Николаевской области катакомба была застелена дерюгой, на которой светлые полосы чередовались с темно-коричневыми. Эти детали дают представление о ткачестве катакомбных племен. Эти племена приобрели значительный опыт также в обработке шкуры и меха. Так, в катакомбном погребении недалеко от с. Черевковское Донецкой области найдены остатки одежды, сшитой из мелких кусочков меха.

Значительное место в хозяйстве племен катакомбной культуры занимало изготовление посуды. Богатство орнаментов, выполненных с настоящим художественным вкусом, поражает не меньше, чем полихромная роспись посуды у трипольцев. Катакомбные племена изготовляли плоскодонные горшки с зауженной шейкой и раздутыми боками, которые украшали орнаментом из оттисков шнура и тесьмы, реже — гребенчатого штампа. Эти оттиски образовывали то елочку, то концентрические круги и фестоны, то треугольники. Узор настолько сложный, что его расшифровка требует специального исследования. У катакомбных племен Правобережья на посуде встречаются и схематические изображения человеческих фигур, и роспись красной краской, что, очевидно, можно рассматривать как глухой отзвук трипольских традиций.

У катакомбных племен важное место занимало также изготовление каменных орудий. Среди них наиболее характерными являются сверленные полированные топоры. Они разнообразны по форме. Некоторые из них орнаментированы. Выделяются боевые топоры, колуны с характерной отделкой поверхности гранями. В погребениях обнаружено много металлических изделий — орудий труда, оружия и украшений. Последние представляют собой изделия из низкопробного серебра и меди, разнообразные бусы. У племен, живших на Северском Донце, было значительно больше металлических изделий, чем у соседнего населения Подонья или Приазовья. Это объясняется тесными связями названных племен с северо-

кавказскими металлургическими центрами, а также наличием у них собственной металлообработки, что подтверждается находкой в кургане возле Краматорска Донецкой области погребения литейщика. Это погребение имеет важное значение не только для выяснения техники изготовления бронзовых орудий, но и свидетельствует о выделении в это время мастеров-специалистов.

Возникновению металлообработки у племен катакомбной культуры, живших на Северском Донце, способствовало наличие сырья. В Донецком бассейне имеются залежи медных руд, разработка которых началась довольно рано, и не исключено, что и племена катакомбной культуры использовали их.

Однако несмотря на развитие местной металлообработки, зависимость племен катакомбной культуры от кавказского металлургического центра, безусловно, все еще была значительной; более того, в это время связи катакомбных племен с племенами Северного Кавказа особенно активизировались. Именно с Северного Кавказа катакомбные племена получали в обмен на скот и продукты животноводства металлические изделия, а со временем и сырье; отсюда и заимствован опыт металлообработки.

Племена катакомбной культуры сыграли значительную роль в истории причерноморских степей. Они были тесно связаны с племенами Северного Кавказа, стоявшими тогда на более высоком уровне развития и общавшимися с более развитыми племенами Передней Азии и Востока. Именно благодаря связям с населением Северного Кавказа у катакомбных племен появились некоторые переднеазиатские изделия и украшения из ляпислазури, бирюзы и иранского сердолика. Племена катакомбной культуры выступали своеобразными распространителями культурных приобретений северокавказских племен.

Каменные топоры-молоты:
1 — погребение вблизи с. Баратовка Николаевской области; *2* — погребение вблизи с. Лиманцы Николаевской области

Основным богатством катакомбных племен являлся скот, который уже был собственностью отдельных патриархальных семей. Его необходимо было охранять. Для этого интенсивно вооружали мужское население. Такая мысль подтверждается наличием большого количества оружия в местах погребения.

Понять общественную организацию племен катакомбной культуры помогают одновременные погребения мужчины и женщины. При раскопках обнаруживают следы насильственных захоронений женщин. Такие совместные захоронения свидетельствуют об усложнении патриархальных отношений у катакомбных племен. Возросшая роль мужчины в хозяйстве обусловливается его единовластием в семье.

Племена катакомбной культуры хоронили умерших чаще всего в уже существующих курганах, где основными были погребения ямной культуры. Погребальное сооружение, как правило, состояло из входной ямы, в одной из стенок которой выкапывали подбой в виде высокого купола, куда клали умершего, в скорченном положении на боку и посыпали охрой.

Идеологические представления и верования племен катакомбной культуры, как и всего первобытного общества, обусловливались, прежде всего, их образом жизни и хозяйственной деятельности. Забота об умершем, проявлявшаяся в том, что в могилу ставили сосуд, клали оружие, орудия труда, еду и украшения, свидетельствует о существовании анимизма. Очевидно, с этим же культом связано и строительство сложных погребальных сооружений.

У этих племен существовал обычай класть в погребения части туш домашних животных, что следует рассматривать как запасы еды, оставленные умершему, или головы овец, быков, ноги, отрубленные в коленном сочленении, шкуры животных с головами и ногами, что, очевидно, символизировало животное. Достаточно частые находки в погребениях костей животных, в частности овцы, в определенной мере проливают свет на характер хозяйства этих племен, особенно, если учитывать находки в катакомбных могилах остатков повозок и кибиток.

Вопрос о том, откуда появились племена катакомбной культуры на современной территории Украинской ССР, пока еще окончательно не решен. Одни исследователи считают, что катакомбная культура является продолжением ямной культуры; по мнению других — племена катакомбной культуры переселились из Средиземноморья; часть исследователей считает, что культура этих племен сформировалась в предкавказских степях.

В этом плане представляет интерес вывод антропологов о том, что племена катакомбной культуры по своему физическому типу далеки от ямных племен и, таким образом, не связаны с ними.

Скорее всего, именно степи Предкавказья были районом формирования культуры катакомбных племен, откуда они расселились в Подонье и на современной территории Украины. Племена катакомбной культуры на

Посуда из погребений катакомбной культуры племен Степного Правобережья:
1 — с. Антоновка Николаевской области; *2* — с. Яблоня Николаевской области

заключительном этапе своего существования вступили в сложнейший процесс создания культуры племен многоваликовой керамики.

Племена культуры многоваликовой керамики. В XVII—XV вв. до н. э. на значительной территории Восточной Европы, в лесостепной и степной зонах, известна еще одна группа племен. На историческую арену выходят племена культуры многоваликовой керамики, отличающейся своеобразием.

Безусловно, занимая большую территорию, племена культуры многоваликовой керамики едва ли были однородными. В состав этого большого объединения входило, очевидно, несколько племенных групп со своими этнографическими особенностями. К сожалению, состояние памятников, оставленных этими племенами, еще не позволяет с уверенностью определить такие группы, хотя и заметно некоторое различие в материальной культуре племен, живших, например, на Нижнем Днепре и Сейме.

Племена культуры многоваликовой керамики оставили большое количество поселений, расположенных в долинах рек, на высоких коренных берегах или на возвышениях в поймах. Однако недостаточная изученность их дает возможность лишь в общих чертах определить развитие хозяйства этих племен. Вне сомнения, что племена, проживавшие в степной полосе, по характеру ведения хозяйства отличались от лесостепных и особенно полесских племен. Главным для них было приселищное скотоводство. Находки же круглых роговых псалий, схожих с ближневосточными, свидетельствуют о развитии всадничества.

Кроме скотоводства эти племена занимались земледелием. Рыбная ловля и охота в хозяйственной жизни населения занимали второстепенное значение.

Одно из самых больших поселений племен культуры многоваликовой керамики исследовано на Нижнем Днепре, вблизи с. Бабино Верхнерогачикского района Херсонской области. Оно расположено на прибрежном участке надпойменной террасы р. Конки — притока Днепра. На поселении обнаружены остатки полуземлянок и глинобитных наземных жилищ. Последние строились из деревянных столбов, пустоты между которыми заполнялись глиняными вальками.

Население пользовалось орудиями труда и оружием преимущественно из камня, реже — из кости и металла. Некоторые металлические предметы попадали сюда путем обмена. Это был период широких связей между очень отдаленными районами. На поселении Бабино III найдены египетские пастовые бусы.

Умерших хоронили в курганах, оставленных предшествующими племенами, иногда в каменных гробницах. Их клали в скорченном положении, как правило, на левом боку. Согласно с верованиями, умершим ставили посуду с едой, клали куски мяса, орудия труда, оружие и украшения.

С временем существования культуры многоваликовой керамики связываются и клады металлических изделий. Одним из самых интересных среди них является Бородинский, обнаруженный вблизи пгт. Бородино Тарутинского района Одесской области. Пока еще трудно определить этническую принадлежность клада. Можно только отметить, что его датировка XVI—XV вв. до н. э. совпадает по времени с существованием племен культуры многоваликовой керамики. В состав клада входило 17 предметов: серебряные копья и кинжалы, шпильки для одежды, боевые топоры из цветного камня, три була-

вы из алебастра и несколько пластин. Копья, кинжалы, шпильки, украшенные золотой инкрустацией, были для того времени выдающимися произведениями искусства. Это, безусловно, парадное оружие, символ власти вождя и военачальника.

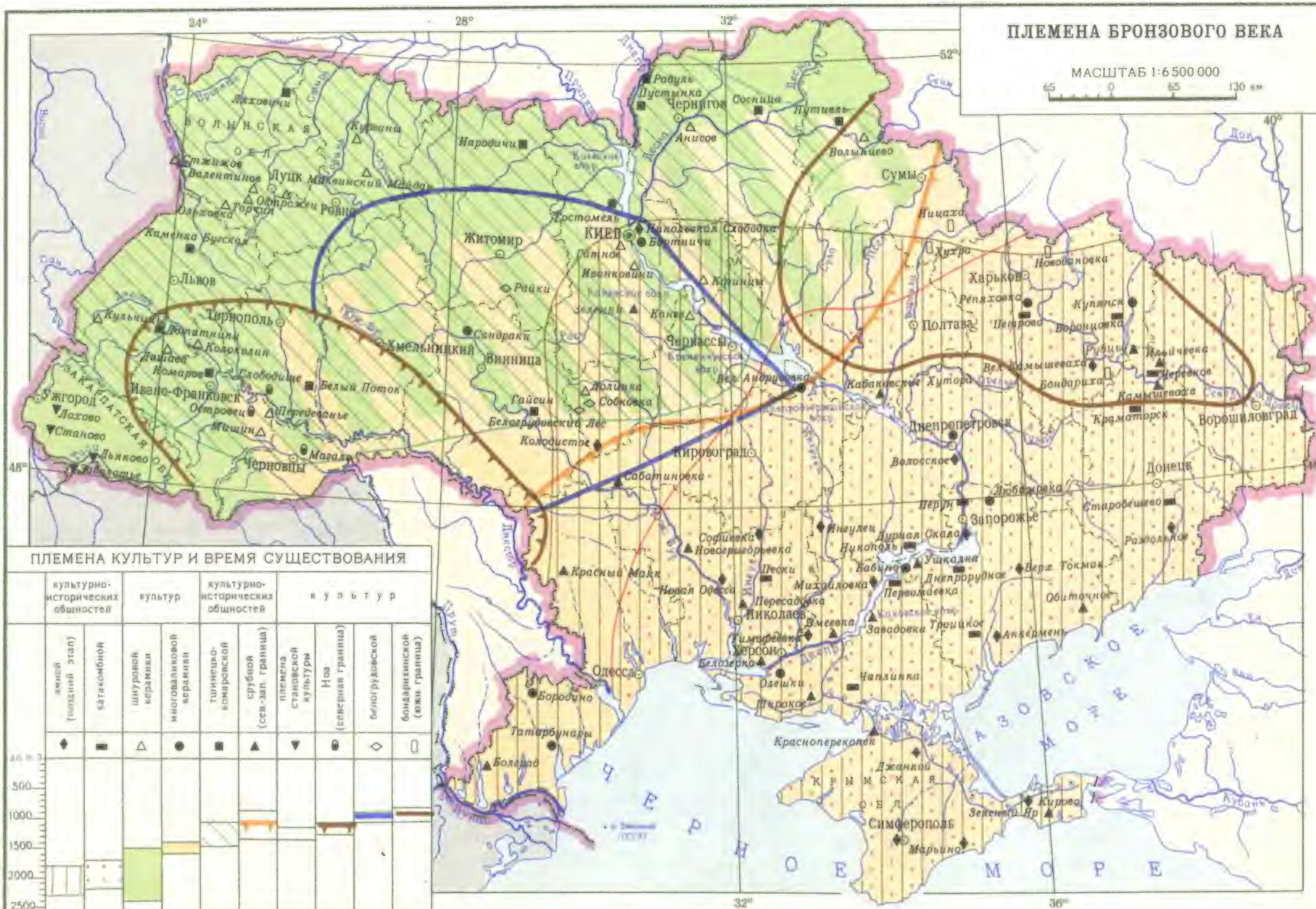
Изучение вещей из клада свидетельствует о том, что они имеют многочисленные аналогии на громадной территории. Подобного типа копья были распространены в Поволжье, Прикамье, Западной Сибири; такие же кинжалы найдены на Кавказе и в Средиземноморье, однако украшены они в стиле крито-микенского искусства. Каменные шлифованные топоры и булавы, очевидно, кавказского происхождения. Серебряная, инкрустированная золотом шпилька с ромбической головкой украшена орнаментом, сходным с микенским. Бородинский клад стал общеизвестным как важный источник для изучения истории населения Степного Причерноморья бронзового века. Есть основания предполагать наличие широких связей микенской цивилизации со степными восточноевропейскими племенами эпохи бронзы. В IV шахтовой гробнице Микен обнаружен псалий с шипами, подобный тем, которые были широко распространены у племен культуры многоваликовой керамики.

Племена срубной культуры. Поздний период бронзового века, охватывающий вторую половину II тысячелетия до н. э.— начало I тысячелетия н. э., связывают с племенами срубной культуры, а его заключительный период определяется как киммерийский. Однако последнее определение не может быть распространено на всю современную территорию Украинской ССР, поскольку на Левобережье и Правобережье, а также в ее северной части исторический процесс шел несколько другими путями.

Наиболее могущественным племенным объединением в поздний период бронзового века, которое складывалось из нескольких близких по культуре, а возможно, и этносу групп, были племена срубной культуры. Название происходит от обычая этих племен хоронить умерших в деревянных срубах. Исследователи считают, что племена срубной культуры были носителями североиранского этноса. Они занимали громадные пространства Восточной Европы: на востоке дошли до Урала, а на западе отдельные племена проникли до Днестра, южная граница их теряется где-то в прикаспийских, северокавказских степях и в Крыму, на севере они достигли Камы и Средней Оки. Нет сомнений в том, что освоение этой громадной территории происходило не одновременно.

По мнению ученых, срубные племена уже в XV в. до н. э. переселились из Среднего Поволжья на территорию Левобережной Украины. Переселение этих племен представляло собой сложный процесс взаимодействия с местным населением, в частности с племенами абашевской культуры и племенами культуры многоваликовой керамики. Продвигаясь в Подонье, срубные племена вытеснили племена многоваликовой керамики. В Приазовье же, в результате меньшей напряженности во взаимоотношениях с племенами культуры многоваликовой керамики, срубные племена испытали влияние со стороны последних.

Тип поселений, характер жилищ и найденный в них инвентарь свидетельствуют об оседлом характере жизни срубных племен. Они расселялись по берегам рек, на надпойменных террасах. Строили жилища земляночного типа — одно- и двукамерные, с двускатной крышей. Сооружали и бревенчатые срубы. Поселения этого времени открыты в бассейне Северского Донца, вблизи


ПЛЕМЕНА БРОНЗОВОГО ВЕКА
МАСШТАБ 1:6 500 000
65 0 65 130 км
ПЛЕМЕНА КУЛЬТУР И ВРЕМЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ
культурно-исторических общностей
культур
культурно-исторических общностей
культур
ямной (поздний этап)
катакомбной
шнуровой керамики
многоваликовой керамики
тшинецко-комаровской
срубной (сев.-зап. граница)
племена становской культуры
Ноа (северная граница)
белогрудовской
бондарихинской (юж. граница)
до н. э.
500
1000
1500
2000
2500
24°
28°
32°
36°
40°
48°
52°
ВОЛЫНСКАЯ ОБЛ.
ЗАКАРПАТСКАЯ ОБЛ.
КРЫМСКАЯ ОБЛ.
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Днестр
Прут
Днепр
Десна
Припять
Дон
Кубань
Сейм
Южный Буг
Ингулец
Лаховичи
Стжижов
Валентинов
Луцк
Мизинский Майдан
Острожец
Горшки
Ровно
Ольховка
Каменка Бугская
Львов
Кульчицы
Лопатницы
Колоколин
Дашава
Комаров
Ивано-Франковск
Слободище
Островец
Передеванье
Мышин
Черновцы
Магала
Ужгород
Лохово
Станово
Льяково
Белый Поток
Тернополь
Хмельницкий
Сандраки
Винница
Народичи
Житомир
Райки
Гайсин
Белогрудовский Лес
Долинка
Собковка
Колодистое
Радуль
Пустынка
Чернигов
Анисов
Сосница
Путивль
Волынцево
Сумы
Ницаха
Хухра
Гостомель
Николаевская Слободка
Бортничи
КИЕВ
Иванковичи
Зеленки
Канев
Кирилицы
Черкассы
Вел. Андрусовка
Кировоград
Сабатиновка
Красный Маяк
Новая Одесса
Софиевка
Новогригорьевка
Пески
Пересадовка
Николаев
Михайловка
Змеевка
Тимофеевка
Херсон
Белозерка
Олешки
Широкое
Одесса
Бородино
Татарбунары
Болград
Полтава
Харьков
Репяховка
Петрово
Новодановка
Купянск
Бороновка
Рубцы
Вел. Камышеваха
Бондариха
Камышеваха
Ильичевка
Черкасов
Краматорск
Ворошиловград
Кабаковские Хутора
Днепропетровск
Волосское
Донецк
Любимовка
Перун
Запорожье
Старобешево
Разнополье
Ингулец
Никополь
Дурная Скала
Бабино
Ушкалка
Днепрорудное
Первомаевка
Верх. Токмак
Обиточное
Троицкое
Завадовка
Аккермень
Чаплинка
Красноперекопск
Джанкой
Зеленый Яр
Киров
Симферополь
Марьино

СКИФИЯ. САРМАТЫ. АНТИЧНЫЕ ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
МАСШТАБ 1:6 500 000
Античные города Причерноморья
Племена Скифии
Другие племена
Современные границы Украинской ССР
ПЛЕМЕНА, КУЛЬТУРЫ, ВРЕМЯ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ
Территория распространения
Век
Скифия
Малая Скифия
сарматских памятников
куштано-вицкой культуры
кызыл-кобинской культуры
Боспорское царство
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЕРНОЕ МОРЕ)
МЕОТИДА (АЗОВСКОЕ МОРЕ)
МЕОТИДА
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
СКИФЫ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ
СКИФЫ-КОЧЕВНИКИ
СКИФЫ-ПАХАРИ
СКИФЫ-ЦАРСКИЕ
НЕВРЫ
Песочный Ров
Юхново
Шабалиново
Казаровичи
Волковцы
Басовка
Аксютинцы
Сеньковка
Рудяки
Хотов
Глеваха
Мал. Офирна
Трояново
Куриловка
Сивки
Ивано-Пусте
Северинов
Островец
Перебыковцы
Ленковцы
Ильинцы
Немировское
Рыжановка
Перепятиха
Грищинцы
Трахтемиров
Песчаное
Крещатик
Бобрица
Синявка
Матусов
Константиновка
Пастырское
Жаботин
Мотронинское
Бирты
Мельгунов
Журовка
Медерово
Кишовское городище
Бельск
Пожарная Балка
Мачехи
Вел. Гомольша
Люботин
Островерховка
Балаклея
Старобельск
Яремовка
Перезадное
Александрополь
Чертомлык
Никополь
Григоровка
Толстая Могила
Золотая Балка
Гавриловка
Солоха
Гаймановa Могила
Чмырев курган
Огуз
Любимовка
Новопилиповка
Мелитопольский курган
Мелитополь
Бердянский курган
Казачьи Лагери
Нововасилевка
Кошары
Надлиманское
Николаевка
Новороза́новка
Отрадное
Новопетровка
Калос-Лимен
Керкинитида
Неаполь скифский
Золотой курган
Кызыл-Коба
Темир-гора
Караул-Оба
Мал-Мин
Куль-Оба
Царский курган
Юз-Оба
Тиритака
Тира
Ольвия
о. Березань
Гипанис (Южн. Буг)
Борисфен (Днепр)
Тирас (Днестр)
Пората (Прут)
Истр (Дунай)
Танаис (Дон)
24°
28°
32°
36°
40°
48°
52°

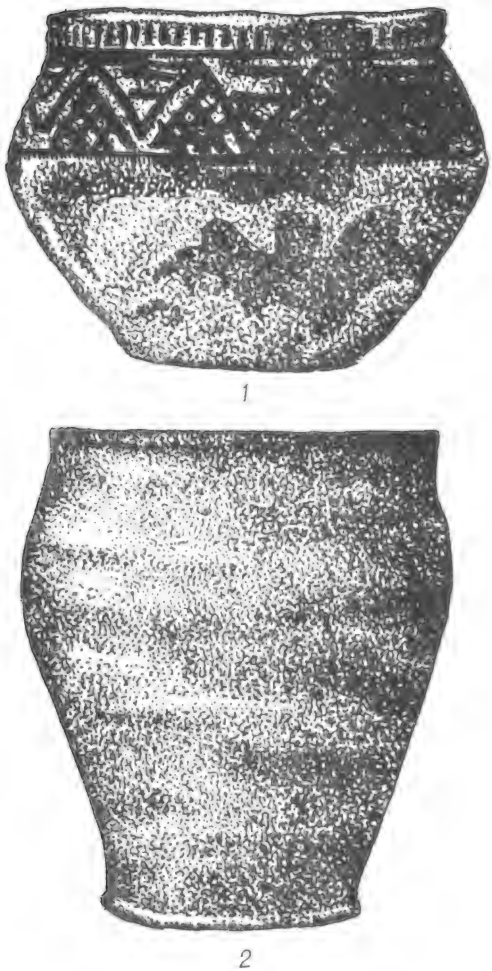
сел Василевка Боровского района Харьковской области, Рубцово, Усово Озеро, Ильичевка Донецкой области.

В Степи, в частности в Приазовье, для строительства использовали камень и глину. На поселении возле с. Раздольное Старобешевского района Донецкой области открыты наземные одно- и многокамерные жилища с каменным цоколем и глинобитными стенами. Жилища обогревались открытыми очагами, обложенными камнями.

Племена срубной культуры были оседлыми скотоводами-земледельцами; занимались они также охотой и рыболовством и различными домашними промыслами. Высокого уровня достигло строительное дело. Мастерство срубных племен в обработке дерева нашло свое проявление и в погребальных памятниках. Совершенная для того времени техника плотницкого дела стала возможной благодаря применению твердых и острых бронзовых орудий, в частности вислообушных топоров, долот, тесел, ножей и т. п.

Открытия последних лет позволяют утверждать наличие у срубных племен Северского Донца местной металлообработки, достигшей широкого распространения. В районе г. Артемовска исследовано несколько десятков древних выработок. Недалеко от них располагались поселения — производственные места по добыче и первичной обработке руды. Здесь найдены куски руды, шлаки, горны, льячки. О высоком уровне развития металлообработки у срубных племен свидетельствуют также материалы из раскопанных поселений (Ильичевка, Капитаново, Калиновка, Усово Озеро и др.).

Племена срубной культуры поддерживали активные связи с племенами Поволжья, Подонья и Северного Кавказа, откуда на раннем этапе получали металл (Колонтаевский клад,



Керамика раннего этапа срубной культуры: *1* — с. Шевченко Херсонской области; *2* — с. Подлиман Харьковской области

с. Колонтаев Краснокутского района Харьковской области).

В отличие от племен предыдущего периода племена срубной культуры изготовляли более простую посуду — баночную и остроребериые горшки, украшенные углубленными линиями, оттисками гребенчатого штампа и т. п.

Умерших хоронили в срубах под курганной насыпью. Типичным является погребение, найденное вблизи

с. Великая Камышеваха Харьковской области. В неглубокой яме обнаружили сруб с двускатным перекрытием из веток и камыша. Все сооружение было засыпано землей. В срубе лежал умерший в скорченном положении; возле него находились сосуд, ожерелье и жертвенная пища — часть туши быка. За срубом во всех четырех углах ямы были положены кости быка. Сверху сруба найдены еще три перевернутых вверх дном сосуда, а в насыпи кургана — остатки костра, череп быка и точильный камень.

Далеко не всем умершим уделялось столько внимания. Чаще всего их хоронили в обычных ямах и каменных ящиках без вещей или же ставили один горшок. Относительное богатство погребального инвентаря, сложные погребальные сооружения — безусловное свидетельство особого общественного положения умершего, доказательство существования имущественной дифференциации среди населения.

В хозяйстве, материальной культуре и быте племен Степного Поднепровья и некоторых правобережных лесостепных районов Украины, в частности бассейна Южного Буга, прослеживаются отчетливые особенности. В этих племенах некоторые исследователи усматривают киммерийцев, в культуре которых наравне с чертами срубной культуры особенно ощутима близость к обитавшим здесь в предшествующее время племенам культуры многоваликовой керамики.

На позднем этапе бронзового века значительно увеличилась плотность населения (особенно в южных степных районах), появилась густая сеть долговременных, больших по размерам поселений (площадью от 0,5 до 3—4 га). Они размещались преимущественно на пойменных и надпойменных террасах, реже на мысах плато и не имели укреплений. На поселениях обнаружены наземные и полуземляночные одно- и многокамерные жилища. Для сооружения жилищ и хозяйственных построек использовались камень, глина и дерево.

Одно из долговременных поселений было обнаружено и исследовано на правом берегу Днепра, недалеко от с. Змеевка Бериславского района Херсонской области. Оно занимало площадь около 4 га. Жилища относились к типу наземных на каменной основе, верхняя их часть была глинобитная, на деревянном каркасе. Часто у жилищ находились разные хозяйственные постройки. Жилища обогревались открытыми очагами, обложенными камнями, и печами со сводами. Подобный тип жилищ зафиксирован в Крыму и на значительной территории Северного Причерноморья.

Племена Степного Поднепровья унаследовали местные традиции погребения — умерших хоронили не только в курганных, но и в грунтовых могильниках. Покойника клали на бок в скорченном положении. В могилу ставили посуду, клали бронзовые и костяные изделия, а также разные украшения. В одном из курганов недалеко от с. Лукьяновка Херсонской области в погребении обнаружены бусы из прибалтийского янтаря и египетской пасты. Однако чаще встречаются бедные погребения, в которых отсутствует погребальный инвентарь.

Одновременное существование у одного и того же населения таких разных погребений, как курганы и грунтовые могильники, представляет особый интерес. Подобное отличие в погребальном обряде племен срубной культуры Степного Поднепровья свидетельствует, очевидно, о разноэтничном составе населения.

В этот период происходила специализация скотоводческо-земледельческого хозяйства. Коневодство

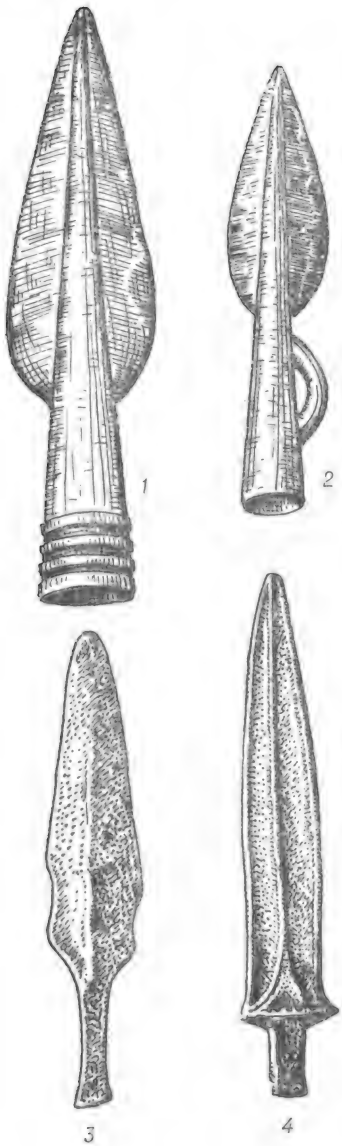
Бронзовые серпы из с. Курячьи Лозы Николаевской области

становится одной из ведущих его отраслей. Это подтверждается, например, фаунистическими остатками, обнаруженными на поселении возле с. Анатольевка Березанского района Николаевской области, а также находками конского снаряжения и схематическими изображениями колесниц и колес на сосудах срубной культуры.

Племена позднего бронзового века Степного Поднепровья занимались и земледелием, продуктивность которого по сравнению с предыдущим периодом увеличилась. В составе кладов того времени основным типом орудия были серпы. Только в Антоновском кладе (Новоодесский район Николаевской области) найдено 85 серпов, что свидетельствует о массовости их изготовления, вызванной хозяйственными потребностями. Роль земледелия в хозяйстве нашла свое отражение в религиозных представлениях. На многих поселениях вблизи кострищ найдены глиняные «хлебцы», связанные с культом возрождения, плодородия, характерным для земледельческо-скотоводческих племен.

Значительное развитие у племен Северного Причерноморья получило литейное производство, бесспорным доказательством чего являются находки большого количества литейных форм из талькового сланца. Этот минерал отличается не только мягкостью, но и термостойкостью, он способен выдержать несколько плавок.

Для того чтобы овладеть изготовлением литейных форм, необходим был большой опыт обработки талькового сланца. Древние литейщики



Оружие племен срубной культуры:
1 — с. Михайловка Херсонской области;
2 — с. Каменная Балка Николаевской области;
3 — с. Подлиман Харьковской области; *4* — с. Малые Копани Херсонской области

обходились с ним очень бережно: использовалась каждая свободная площадь бруска, часто на всех четырех гранях формы имелась литейная полость. Создается впечатление, что тальковый сланец был таким же дорогим, как и металл. Этот минерал добывали только на Криворожье, откуда его вывозили в другие районы. Литейные формы, изготовленные из криворожского сланца, шли на обмен, в частности в Лесостепное Поднепровье.

XIII—XI вв. до н. э.— время наивысшего расцвета Трансильванского металлургического центра, под влиянием которого находилась почти вся Центральная Европа. В Степном Правобережье Украины и частично в Лесостепи встречается много изделий из этого центра — орудия труда, оружие, украшения. В этих же XIII—XI вв. до н. э. в Северном Причерноморье на привозном сырье возникает один из наиболее крупных в Восточной Европе металлообрабатывающих центров, изделия которого распространяются от Поднестровья до Кавказа. Примером местного бронзолитейного производства являются литейные мастерские. Одна из таких мастерских открыта вблизи с. Волосское Днепропетровской области. Тут обнаружено около 70 каменных литейных форм для изготовления наконечников копий, кинжалов, долот, топоров, кельтов и других бронзовых изделий, а также ложка-льячка. Подобные литейные мастерские выявлены и исследованы также в других районах Северного Причерноморья, в частности вблизи с. Кардашинка Голопристанского района Херсонской области. К этому периоду относится много кладов бронзовых изделий, которые иногда включали по нескольку десятков однотипных предметов. Так, в состав Антоновского клада кроме серпов входили топоры-кельты, браслет, кинжал, 20 слитков бронзы и т. д.

С расширением территории металлообработки и увеличением количества изделий происходил процесс их стандартизации. В этом необходимо усматривать предпосылки большого

общественного разделения труда. Металлообработка приобрела большие масштабы, превратившись в общинное ремесло. Высокий уровень развития металлообработки обеспечивал не только внутренние потребности: часть предметов шла на обмен.

Постоянный межплеменной обмен осуществлялся отдельной категорией людей, своеобразными посредниками — «торговцами», что обусловило дальнейшее углубление социальной дифференциации. Развитие металлургии способствовало усилению экономических связей племен эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с другими племенами. Наиболее тесные связи установились с лесостепными племенами Поднепровья, в частности с белогрудовскими. Предметы, изготовленные в Степном Поднепровье, известны также на Северном Кавказе и Балканах. В то же время в Степи распространялись предметы балканского, средиземноморского и итальянского происхождения. Так, топоры с двумя лезвиями (Щитковский и Козорезовский клады) свидетельствуют о существовании связей с эгейским миром, где подобные изделия приобрели широкое распространение. Особенно тесные связи установились между племенами Степного Поднепровья и племенами культуры Ноа. Наряду с этим ослабели связи с прикубанскими и приуральскими металлургическими центрами.

Таким образом, в поздний период бронзового века в Северном Причерноморье жили племена, которые достигли высокого уровня экономического развития и имели широкие связи не только с соседними, но и с отдаленными племенами.

В племенах, которые в поздний период бронзового века населяли Степное Поднепровье и некоторые правобережные степные районы Украины, в частности Южного Буга, усматривают киммерийцев.

2. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ И ПОЛЕСЬЯ

Для правильного понимания сущности исторического процесса на современной территории Украинской ССР в эпоху бронзы важно прежде всего определить различные направления исторических связей населения двух основных частей — лесостепной и степной зон.

В то время, когда степные племена формой хозяйственной деятельности, характером быта и уровнем культуры тяготели к населению восточных областей — Поволжья, Кавказа, Южной Сибири, племена Правобережной и частично Левобережной Лесостепи были близки к населению территории Подунавья и Средней Европы.

В эпоху бронзы (во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э.) обширная территория Восточной и Западной Европы, от Волги на востоке до Рейна на западе, от среднего Днепра на юге до южной части Скандинавии на севере, была заселена земледельческо-скотоводческими племенами, которые в науке получили общее название племен культур шнуровой керамики, или культур боевых топоров.

Племена культур шнуровой керамики. Вопрос о происхождении и историческом развитии племен культур шнуровой керамики остается одним из острых в истории древней Европы, поскольку речь идет об этнических корнях многих европейских народов. По мнению многих лингвистов и археологов, эти племена при-

Металлические украшения племен среднеднепровской культуры. Киев

надлежали к одной из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев.

Исследователи считают, что формирование культур шнуровой керамики представляло собой сложный диалектический процесс, в котором наряду с местными племенами не последнее место принадлежало степным племенам Восточной Европы. Черты общности племен культур шнуровой керамики со степным миром особенно заметны на раннем этапе их существования. Эти черты проявились, в частности, в увеличении удельного веса скотоводства, возникновении и оформлении шнуровой орнаментации на глиняной посуде, распространении ритуального окрашивания умерших, которых засыпали красной охрой как символом очищающего огня, т. е. в том, что объединяло все культуры Восточной Европы еще в медном веке. Племена культур шнуровой керамики восприняли от степных племен и курганный обряд погребения умерших.

На современной территории Украины известны племена культур шнуровой керамики: среднеднепровской, подкарпатской, городокско-здолбицкой и стжижовской.

Племена *среднеднепровской культуры* занимали лесные районы Верхнего и Среднего Поднепровья и граничили со степными скотоводческими племенами. Эта группа племен основывала свои поселения на высоких холмах днепровских берегов, на возвышенностях в поймах, а также на боровых террасах. Жилища строили наземные, прямоугольной формы. Некоторые из них были разделены перегородками на две части. Двускатная крыша держалась на столбах. Для обогрева выкладывали очаги из камня. В жилищах и возле них открыты хозяйственные ямы. Одно из таких поселений исследовано в урочище Исковщина, вблизи г. Канева. Племена среднеднепровской культуры изготовляли круглодонные и плоскодонные горшки, сосуды колоколовидной формы, кубки, миски, украшенные углубленным геометрическим орнаментом и оттиском шнура.

Погребальный обряд среднеднепровских племен (трупоположение и трупосожжение в курганах и грунтовых могильниках) свидетельствует об их этнической неоднородности.

Среднеднепровские племена вели обмен с соседними и отдаленными

племенами. Путем обмена они получали бронзовые изделия, изготовленные из кавказского и прикарпатского металла. Это преимущественно орудия труда (шилья, ножи, топоры), оружие (листовидные наконечники копий) и украшения. В Киеве найден набор металлических украшений, что свидетельствует о существовании связей между среднеднепровскими племенами Поднепровья и племенами культур шнуровой керамики Волыни и Западного Подолья. Среднеднепровские племена поддерживали тесные связи со степными племенами катакомбной культуры Северного Причерноморья, от которых получали металлические изделия, а также с близким им населением фатьяновской культуры Волго-Окского бассейна.

Одно из объединений племен культур шнуровой керамики занимало территорию польского и украинского Прикарпатья и соседние с ним районы Подольской возвышенности. В его состав входили краковско-сандомирская, верхнеднестровская, любачевская и подольская группы племен, получившие название *подкарпатской культуры.*

Основные сведения об этих племенах дают погребальные памятники. До сих пор открыты лишь следы кратковременного поселения вблизи с. Кавское Львовской области. У племен верхнеднестровской и любачевской групп существовал обычай хоронить умерших под курганными насыпями. Подобно племенам среднеднепровской культуры, они хоронили умерших по обряду трупоположения и трупосожжения, а в подольской группе обнаружены погребения в каменных гробницах, которые, вероятно, были семейными усыпальницами.

Племена подкарпатской культуры шнуровой керамики имели связи как с близкими, так и отдаленными племенами. В погребениях встречаются металлические топоры кавказского типа, височные подвески иволистной формы, которые были распространены у племен межановицкой культуры на современной территории Польши, а также египетские фаянсовые бусы.

Значительная часть территории Волыни была заселена племенами *городокско-здолбицкой культуры* шнуровой керамики. Их поселения располагались на высоких берегах рек и озер, а в Полесье — на возвышениях в пойме.

Поселения, открытые у сел Городок, Зозов, Здолбица Ровенской области, имели наземные жилища из дерева и глины, которые разделялись перегородками на две части. Встречается и более сложный тип жилищ, построенных из двух частей — наземной и углубленной. На некоторых поселениях обнаружены остатки мастерских кремневых орудий. Известны и шахты, где добывали кремень. Одна из них находилась на Городокском поселении.

Племена городокско-здолбицкой культуры хоронили умерших под курганными насыпями, в грунтовых ямах и каменных гробницах, а последние свидетельствуют о генетических связях с предшествующими местными племенами культуры шаровидных амфор. Общим признаком племен городокско-здолбицкой культуры следует считать наличие однотипной посуды — амфор с ручками и кубков, украшенных оттисками шнура.

Еще одна группа племен так называемой *стжижовской культуры* занимала северо-западную часть Волыни и восточную часть Люблинской возвышенности, где расселялась на склонах берегов рек, мысах и на возвышенностях среди болот. Для нее, как и для описанных выше племен, был характерен активный обмен. Находки в селах Стеблевка и Липа на Волыни кладов металлических изделий, аналогичных изделиям племен

Центральной Европы, занимавших современную территорию Чехословакии и Польши, свидетельствуют о межплеменном обмене значительного территориального масштаба. Это подтверждается и находками в погребениях вблизи сел Рациборовица и Малые Скоморохи (ПНР) египетских пастовых бус, которые датируются XVIII династией, т. е. временем около 1567—1320 гг. до н. э.

Расселение племен культур шнуровой керамики в районы с разными природно-географическими условиями и историческими традициями обусловило некоторую специфику их хозяйства и быта, хотя они и стояли на одинаковом уровне экономического и общественного развития. В основе их хозяйства лежало приселищное скотоводство и мотыжное земледелие при подсечно-огневой системе. Сеяли пшеницу, отпечатки зерен которой найдены на горшках в погребениях возле с. Долинка Черкасской области, а также ячмень, просо, горох и бобы. Собирали урожай при помощи кремневых серпов.

Характер хозяйственной деятельности требовал постоянного изготовления определенного количества разнообразных орудий труда. У этих племен значительного уровня достигла обработка камня и кремня. Подобно тому, как у степных племен металлообработка, развившись в отдельную отрасль, требовала овладения довольно сложной техникой, у племен культур шнуровой керамики обработка камня тоже требовала специальных навыков и умения, высокого мастерства. Остатки мастерских на месте добычи камня найдены возле г. Ровно. Особенно тщательно обрабатывали каменные клиновидные шлифованные топоры, молоты, тесла. Из кремня делали серпы, скребки, ножи, сверла, наконечники стрел и копий. Изготовление их в большом количестве не только обеспечивало собственные нужды, но и давало излишки для обмена с другими племенами, в частности на Подолии, в Прикарпатье и на территории современной Польши.

Вспомогательную роль в хозяйстве играли рыболовство, охота и собирательство. Племена культур шнуровой керамики жили в условиях патриархально-родовых отношений. Погребальный ритуал свидетельствует об особом положении мужчин. Некоторые погребения выделяются богатством инвентаря, что указывает на существование имущественной дифференциации.

Идеологические представления племен культур шнуровой керамики связаны с верой в потустороннюю жизнь как продолжение земной. У них существовали культы, связанные со скотоводством, земледелием и охотой. Поклонялись они солнцу и верили в очистительную силу огня.

Племена тшинецко-комаровской культуры. На территории, ранее занятой племенами культур шнуровой керамики, сложились новые племенные образования, одним из которых были племена тшинецко-комаровской общности.

Значительная часть современной территории Северной Украины, Южной Белоруссии и Восточной Польши в XV—XI вв. до н. э. была заселена группой племен, близких между собой культурой и, вероятно, этническим составом, которые получили название тшинецких (от могильника Тшинца вблизи г. Пулавы в Польше). Группа родственных им комаровских племен занимала в это время Прикарпатье и Поднестровье (свое название они получили от с. Комаров Галичского района Ивано-Франковской области, неподалеку от которого впервые обнаружены поселение и могильник этой культуры).

По мнению многих исследователей, племена тшинецко-комаровской общности полесских районов современ-

ных Украины, Белоруссии и Польши были древними праславянами и прабалтами — предшественниками восточных и западных славян и балтов.

Материальная культура тшинецких и комаровских племен настолько близка, что исследователи не всегда могут точно определить, к какой из них следует отнести тот или другой памятник. Но все же в культуре племен, которые входили в состав тшинецко-комаровской общности, в отдельных районах их распространения имеются некоторые отличия. Особенно выразительны они у племен Верхнего Поднепровья, Подесенья и Сейма, получивших название сосницких. Здесь довольно долго существовали традиции неолитических племен, которые пережили медный век и как отголосок далекого прошлого развились в культуре сосницких племен.

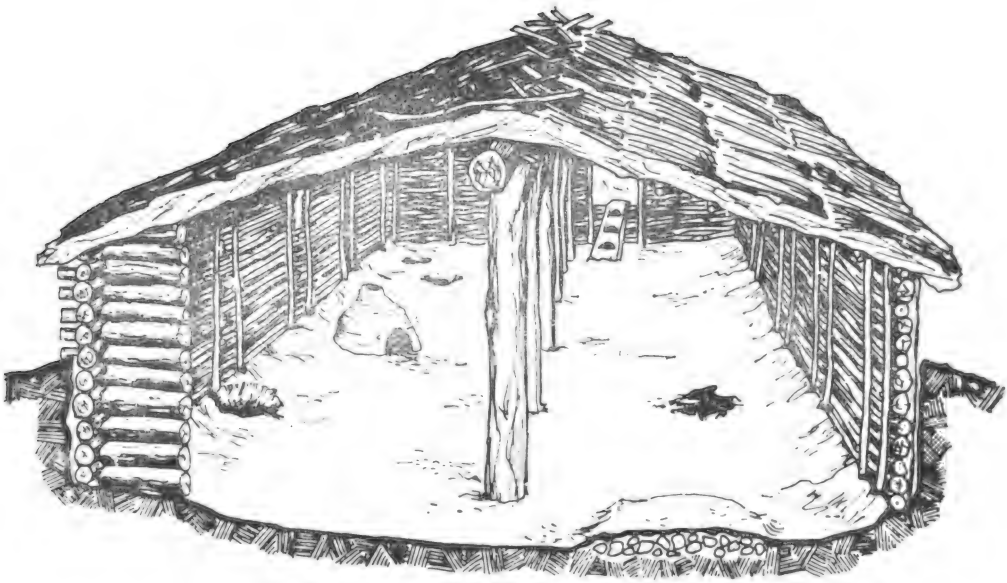
Население тшинецко-комаровской культуры селилось вблизи водоемов, на дюнных возвышенностях и останцах, в поймах рек или же на боровых террасах. Среди большого количества поселений сравнительно хорошо сохранились немногие — большей частью они разрушены. Исследованные поселения дают возможность восстановить их планировку, размеры и характер жилищ.

Эталонным памятником не только для этой полосы является поселение Пустынка вблизи с. Мнево Черниговской области. Оно было расположено на древнем острововидном образовании среди заболоченной старицы левого берега Днепра. Длина поселения — 600 м, ширина — 200 м. На нем обнаружены остатки 35 построек, из которых 20 — жилые, остальные — хозяйственные. Характерна уличная планировка жилищ. Они располагались вдоль берега двумя рядами, с незастроенной площадкой в центре. Жилища представляли собой большие прямоугольной формы землянки, состоявшие из двух помещений. Площадь таких жилищ составляла 50—70 м². Несколько обособленно строились культовые сооружения. Внутри одного из них обнаружен небольшой ров, заполненный разбитыми и целыми зернотерками и кальцинированными костями. Во втором найден жертвенник. Наличие этих предметов дает возможность говорить о проявлении земледельческого культа.

Для строительства жилищ широко использовали дерево. Деревянный каркас составлял основу стен и крыши. Внутри стены обмазывались глиной. Двускатная крыша покрывалась камышом. Земляной пол в отдельных местах выкладывался глиняными вальками — своеобразным кирпичем, обмазанным сверху глиной. В каждом жилище проживало 10—15 человек, т. е. практически в нем размещалась одна большая семья. Следовательно, всего на поселении могло быть около 300 человек. Если учесть следы многих поселений и в пойме, и на боровых террасах, напрашивается вывод, что густота населения здесь была не меньшей, чем в степной полосе. Племена, жившие в Прикарпатье и Поднестровье, строили наземные жилища прямоугольной формы, представлявшие собой большие по размерам однокамерные помещения, нижняя часть которых выкладывалась камнем, а стены были из дерева (с. Комаров).

Территория, которую занимали тшинецко-комаровские племена (Лесостепь и Полесье), характеризовалась умеренно влажным климатом и практически не знала стойких, присущих Степи, засух. Лесостепные районы были почти одинаково пригодны для развития как земледелия, так и скотоводства. Богатством Полесья были леса и пастбища.

Доказательством существования земледелия у тшинецко-комаровских племен являются отпечатки на кусках глины зерен пшеницы двух сортов и ячменя (с. Комаров), а также



Жилище из поселения Пустынка вблизи с. Мнев Черниговской области. XII—XI вв. до н. э. *Реконструкция С. С. Березанской*

наличие орудий, связанных с этой отраслью: серпов, зернотерок, растиральников. Земледелие являлось основой хозяйства. Такой характер нашел отражение и в культе. На поселении Пустынка открыто помещение, где совершались отправления земледельческого культа: здесь найдено много разбитых и целых зернотерок. У племен, живших в Прикарпатье и Поднестровье, этот культ нашел отражение в погребальных памятниках. Приобрел распространение обычай окружать погребения кромлехами, символизировавшими солнце. Поклонение солнцу было перенесено и на предметы быта, в частности на посуду. На некоторых горшках есть изображения солярных знаков. Как считают исследователи, Северная Украина — это один из районов, в которых распространение пашенного земледелия можно отнести к концу III тысячелетия до н. э.

Наряду с земледелием тшинецко-комаровские племена занимались приселищным скотоводством — разводили крупный рогатый скот и лошадей. В Полесье, где росли густые дубовые рощи, развивалось свиноводство. Большое количество лесов и водоемов давало возможность заниматься охотой и рыболовством. Развитым было прядение и ткачество. Среди других домашних промыслов следует выделить гончарство. Оно давало разнообразную посуду. Это тюльпановидные горшки, украшенные преимущественно прочерченно-линейным орнаментом, миски, черпаки, кубки, дуршлаги.

Имеются сведения, свидетельствующие о наличии местной металлообработки, хотя она не достигла такого уровня, как у срубных племен. На некоторых поселениях (Зазимье Киевской области, Волынцево Сумской области) найдены литейные формы для отливки кельтов, долот, топоров. Но основное количество металлических изделий поступало путем обмена. Это прежде всего украшения — булавки, браслеты, бусы. Непосредственная близость тшинецко-кома-

ровских племен Прикарпатья и Поднестровья к карпато-дунайскому металлургическому центру не могла не сказаться на количестве найденных здесь металлических изделий.

Вместе с тем высокого уровня достигает обработка камня. Существовали специальные мастерские по изготовлению каменных орудий. Они были исследованы в районе Кременца Тернопольской области. Некоторые из них имели специализированный характер: орудия там делали только одного типа. Характерно, что изготовление в это время серпов, как продолжение развития подобных изделий, распространенных раньше у племен культур шнуровой керамики, достигло наивысшего совершенства. В Полесье на протяжении всего бронзового века основным материалом для изготовления орудий труда и оружия был камень.

Умерших хоронили под курганами и в грунтовых могильниках по обряду трупоположения и трупосожжения. Последний был известен на этой территории еще у трипольских племен. Кроме того, в Поднестровье и Прикарпатье был также распространен обычай хоронить умерших в каменных гробницах. Рядом с покойником ставили посуду, клали орудия труда, оружие и разнообразные украшения. В одном из погребений найдены даже золотые вещи (с. Комаров). Однако часто в могилу вещей не клали. Наличие богатых и бедных погребений свидетельствует о существовании у тшинецко-комаровских племен имущественной и социальной дифференциации.

Со временем в разных районах, занятых тшинецкими и комаровскими племенами, все более четко прослеживаются отличия, приведшие наконец к появлению новых культурных образований. Племена тшинецкой культуры приняли участие в сложении лужицкой культуры. Считают, что на основе культуры комаровских племен в Лесостепном Правобережье Украины сформировалась белогрудовская культура.

Племена белогрудовской культуры. В XI—IX вв. до н. э. южная часть лесостепной полосы Правобережной Украины (от Среднего Днепра до Збруча) была заселена белогрудовскими племенами, родственными племенам комаровской культуры. Расселялись они неравномерно; наибольшая концентрация поселений обнаружена в районе Умани, в чем усматривается наличие племенного объединения (типа союза племен).

Носители белогрудовской культуры основывали свои поселения в местах, удобных для земледелия. Они строили большие по размеру деревянные полуземляночного типа жилища с земляным полом, иногда обмазанным глиной. В таких жилищах могла проживать большая патриархальная семья.

Многое еще в культуре этих племен остается загадочным, например, холмовидные скопления золы, получившие название зольников, пепелищ. В них находят обломки посуды, каменные топоры, серпы, зернотерки, орудия из кости, реже из металла. Зольники, как предполагают, существовали с XII—XI вв. до I тысячелетия до н. э. Ученые связывают их с разными культурами эпохи поздней бронзы. Относительно определения характера этих зольников существуют разные взгляды. Одни исследователи считают их погребальными памятниками с трупосожжением; другие усматривают в них остатки наземных жилищ; третьи полагают, что это культовые сооружения. Не исключено, что часть зольников связана с определенными религиозными представлениями людей, с верой в сверхъестественную силу огня, домашнего очага и с земледельческим культом, хотя значительная часть их

Посуда племен тшинецко-комаровской культуры:
1 — с. Здвижка Житомирской области;
2 — Ровенская область

могла быть остатками бытовых комплексов.

Основу хозяйства белогрудовских племен составляло пашенное земледелие с применением тягловой силы. Урожай собирали преимущественно кремневыми серпами, на лезвиях многих из них имеются следы заполировки от длительного использования. Племена белогрудовской культуры занимались также скотоводством — разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Важную роль играло коневодство. Белогрудовские племена, как и другие племена эпохи поздней бронзы, использовали лошадей для верховой езды, что засвидетельствовано находками костяных псалий и уздечек. Изготовляли кухонную, столовую и ритуальную посуду. Очень распространенными в быту были тюльпановидные горшки, кубки, черпаки и миски с хорошо заглаженной поверхностью. Белогрудовские племена занимались также прядением и ткачеством.

Определенное развитие у них приобрело бронзолитейное дело. О местном производстве некоторых изделий — топоров, кельтов, кинжалов и браслетов — свидетельствуют находки литейных форм. Часть из них подобна литейным формам позднесрубных племен. Литейное производство у белогрудовцев возникло в результате связей с племенами срубной культуры. Орудия отливали в глиняных литейных формах, тогда как у степных племен литейные формы изготовлялись из талька.

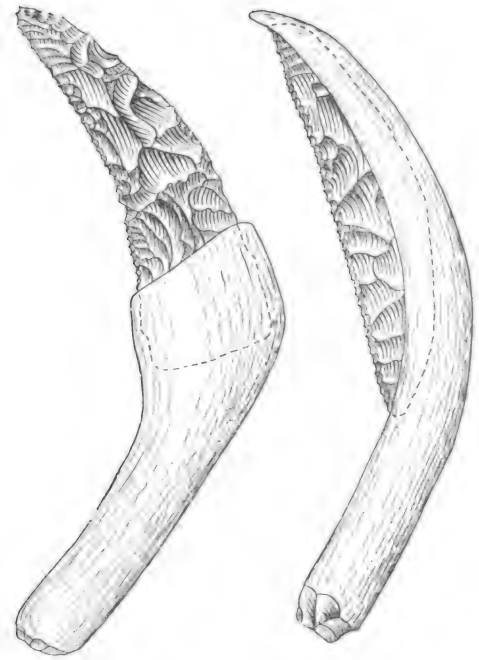
Своеобразными у белогрудовских племен были культы, особенно земледельческий, что подтверждается изготовленными из глины моделями зерен, «хлебцов», «лепешек». Сложность идеологических представлений передают и погребальные памятники. Белогрудовские племена хоронили умерших в бескурганных могильниках, по обряду трупосожжения. Но одновременно существовал и обряд трупоположения.

Белогрудовские племена имели связи со срубными племенами и племенами культуры Ноа. У них уже наметился распад родового строя, что хорошо прослеживается на поздней стадии их развития — в раннюю пору железного века. Некоторые исследователи в племенах белогрудовской культуры усматривают составную часть той этнической основы, на которой со временем сформировались восточные славяне.

Племена культуры Ноа. В поздний период бронзового века (XIII—XI вв. до н. э.) на запад от Днестра жили племена культуры Ноа, связанные с фракийским миром. Регион их расселения охватывал современную территорию Северо-Восточной Трансильвании, припрутской Румынии, лесостепной части Молдавской ССР. В пределах Украины они появились в Среднем Поднестровье на территории, занятой племенами комаровской культуры.

Это были оседлые племена, которые проживали на неукрепленных поселениях, в наземных жилищах. Возле жилищ располагались хозяйственные сооружения. На поселении в с. Островец Ивано-Франковской области открыт значительный производственный комплекс из печей-горнов, где найдено много литейных форм для отливки бронзовых орудий труда, оружия и украшений.

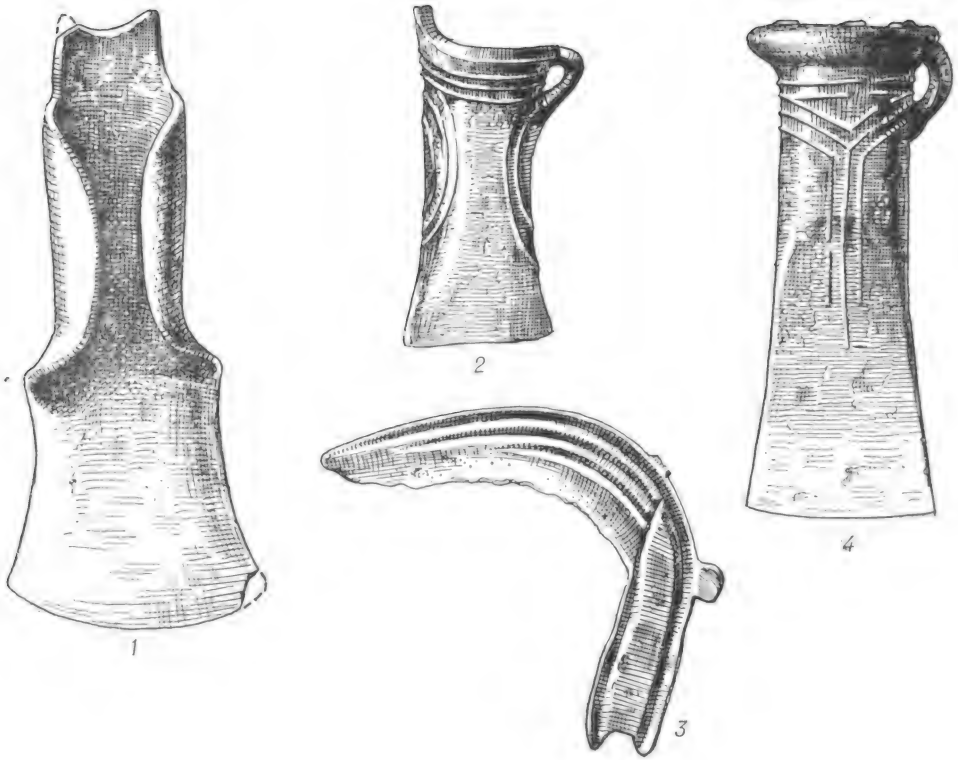
Население занималось земледелием и скотоводством. С земледелием связаны многочисленные находки кремневых и особенно бронзовых серпов. Именно с развитием земледелия связано местное производство бронзовых серпов с заостренными концами. Племена культуры Ноа разводили также крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней. Со скотоводством связаны домашние промыслы, в частности обработка кож. Определенное место в хозяйстве отводилось местной металлообработке. Изготовляли серпы, разного рода шпильки, зеркала, оловянные бусы. Часть изделий (серпы, орнаментированные браслеты) попадали сюда также из Карпато-Дунайского ареала, а тесла, кельты, лавролистные наконечники копий — из Северного Причерноморья. Племена культуры Ноа, занимая промежуточное положение между двумя большими культурными районами Восточной и Центральной Европы, имели широкие межплеменные связи не только с близкими племенами Трансильвании и Закарпатья, но и с более отдаленными, о чем свидетельствуют бронзовые изделия центральноевропейского происхождения.



Реконструкция серпов из поселений племен белогрудовской культуры

Племена культуры Ноа находились в тесных хозяйственно-культурных связях с племенами позднего бронзового века Северного Причерноморья. Продвижение племен фракийского гальштата с юга обусловило новый этап культурного развития местного населения, его более тесный контакт с племенами Нижнего Подунавья.

Племена становской культуры. О племенах, живших в ранний период бронзового века на территории Закарпатья, все еще известно очень мало. В XIV—XII вв. до н. э. на современной территории Закарпатья, Северо-Восточной Венгрии, Северной Трансильвании и Восточной Словакии были распространены племена ста-



Орудия труда среднего и позднего периодов эпохи бронзы племен Закарпатья: *1* — мотыга; *2,4* — кельты; *3* — серп

новской (или фельшесеч-становской) культуры.

Население становской культуры обитало на долговременных поселениях, застроенных наземными и полуземляночными жилищами. Основными отраслями хозяйства были земледелие и скотоводство. Становские племена выращивали пшеницу, ячмень и просо. Урожай собирали бронзовыми серпами. Разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. Находки псалий свидетельствуют об использовании лошади для верховой езды. Важной отраслью хозяйства было бронзолитейное дело. Развитие земледелия, скотоводства и металлургии, несомненно, привело к расширению обмена. С временем существования становских племен в Закарпатье связаны многочисленные клады (их известно более полутораста). Бронзовые изделия из них свидетельствуют о высоком уровне развития металлургического производства в Верхнем Потисье, а также о широких связях населения Закарпатья в конце II тысячелетия до н. э. с племенами Восточной и Центральной Европы. Среди изделий из бронзы встречаются серпы нескольких типов, кельты, мотыги, молоты, долота, ножи, довольно разнообразное оружие — мечи, кинжалы, чекано-молоты, булавы, наконечники копий; отдельную группу бронзовых изделий составляют псалии. Ассортимент украшений — браслетов, шпилек, перстней, гривн — довольно широк. Поистине высокохудожественны изделия с роскошным

орнаментом — диадемы и пояса, которые встречаются во многих кладах.

Несомненно, не все бронзовые изделия имели местное происхождение, некоторые из них, например чеканомолоты, шпильки с утолщением, завезены из Трансильвании. Не исключено, что племена Закарпатья часть бронзовых изделий изготовляли для обмена. Однако бронзовые изделия полностью не вытеснили изделий из камня.

Хоронили умерших по обряду трупосожжения в глиняных урнах или в небольших грунтовых ямах, очевидно, без обозначений на поверхности. В могилу ставили посуду, клали орудия труда и украшения.

Военные столкновения между племенами вызывали необходимость укреплять поселения рвами и валами (с. Дедово, уроч. Товар), а также увеличивать количество разнообразного оружия — мечей, булав, боевых чеканов, кинжалов. Среди мечей встречаются высокохудожественные изделия. Такие мечи, наверное, принадлежали знатным лицам. Племена становской культуры переживали распад патриархально-родовых отношений.

По мнению исследователей, племена становской культуры сыграли определенную роль в формировании фракийской этнической общности карпатского ареала.

Племена бондарихинской культуры. В Левобережной Лесостепи, в бассейне среднего и верхнего течения Сулы, Псла, Ворсклы и Северского Донца в поздний период бронзового века жили племена бондарихинской культуры (названные по уроч. Бондариха на Северском Донце, возле Изюма). Это были древние жители края, последовательные этапы развития культуры которых прослеживаются на протяжении второй половины II тысячелетия до н. э. Густота населения была сравнительно небольшой, окружение, в котором проживало бондарихинское население, довольно мирным. Некоторые поселения из нескольких хозяйств располагались на краю боровых террас и останцах вблизи озер и стариц. Основу хозяйственной деятельности бондарихинских племен составляли земледелие и скотоводство. На поселениях найдены каменные зернотерки, кремневые вкладыши к серпам. В составе бытового инвентаря много костяных орудий для обработки меха, кожи, шерсти; имеются орудия, связанные с ткачеством, изготовлением обуви и одежды. Существовало и бронзолитейное производство. В каменных литейных формах отливались бронзовые кельты и другие орудия труда. На бондарихинских поселениях найдены также железные орудия труда: шило и нож, которые датируются началом I тысячелетия до н. э. Эти находки свидетельствуют об очень раннем появлении здесь железообрабатывающего и кузнечного ремесел.

Своеобразием отличались изделия местных гончаров. В орнаментации посуды они широко использовали отпечатки деревянных штампов разных форм.

В начале VI в. до н. э. на территории бондарихинских племен расселились скифские племена. Взаимоотношения их пока не изучены. Таким образом, прекратилось самостоятельное существование бондарихинских племен.

Некоторые исследователи усматривают в бондарихинских племенах население древней финно-угорской группы. Существует также мнение, что бондарихинские племена принадлежали к числу балтских по языку племен.

Бронзовый век ознаменовался исключительной ролью в истории древнего населения, проживавшего в современных пределах Украины. Он стал веком формирования древнейших

этнических массивов. В племенах срубной культуры современное языкознание усматривает ирано-язычное население. На западе, за Днестром, жили племена северных фракийцев, к которым относят племена культур становской и Ноа. Многие ученые связывают с комаровскими и их потомками — белогрудовскими племенами — восточных праславян. Исходя из археологических и лингвистических исследований (данных сравнительного языкознания и ономастики), прародиной славян они называют территорию между Одером на западе и Днепром на востоке.

В конце бронзового века в Северном Причерноморье начали образовываться большие племенные союзы. Одно из таких объединений представляли киммерийцы, которые уже упоминаются в письменных источниках, в частности в трудах Геродота, клинописях Ассирии, а также в «Одиссее» Гомера. В состав объединений входили многочисленные племена. В связи с этим ускоряется сближение отдельных племенных диалектов, возникает необходимость в общем языке.

Поздний период бронзового века на современной территории Украинской ССР ознаменовался важными сдвигами во всех отраслях жизни. Это было время дальнейшего развития производительных сил, связанное не только с большими успехами пашенного земледелия и пастушеского скотоводства, но и бурным развитием местной металлургии бронзы. На территории Украины возникло несколько металлообрабатывающих центров, в частности один из наиболее известных в Восточной Европе — в Степном Поднепровье. В составе общин выделялись отдельные категории населения — специалисты - литейщики, кузнецы; создавались предпосылки для отделения ремесла от земледелия.

Развитие скотоводства, земледелия и бронзолитейного дела обусловило определенные изменения в обществе. Возникла социальная дифференциация, возросла роль и усилилась власть племенных вождей и военачальников. Стремление к накоплению богатства порождало новые войны. «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения,— писал Ф. Энгельс,— или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» [1].

Формирование влиятельной племенной верхушки, с одной стороны, и развитие патриархального рабства — с другой,— это те новые общественные явления, которые разрушили первобытнообщинный строй.

У степных племен, наверное, значительно раньше, чем у населения Лесостепи, выделилась и сформировалась господствующая верхушка, в руках которой сосредоточивались власть и богатство. Это подтверждается археологическими данными — открытиями богатых погребений представителей знатных родов в больших курганах (таких, как Широкий возле Каховки). В этих сравнительно редко встречающихся курганах следует усматривать усыпальницы степных властелинов, своего рода «царей». Более распространенными были погребения простых общинников, что свидетельствует об усилении социального и имущественного неравенства, зарождении классового общества, установлении неравноправных отношений между знатью и массами эксплуатируемого рядового населения.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164.

Рабовладельческий строй

Глава IV
КИММЕРИЙЦЫ. СКИФЫ. САРМАТЫ

В начале I тысячелетия до н. э. в развитии производительных сил у племен, живших на современной территории Украинской ССР, произошли большие изменения. Они были связаны с открытием железа и освоением технологии его изготовления.

Появление железоделательного и железообрабатывающего производства на территории нашей страны относится приблизительно к середине II тысячелетия до н. э. Это произошло независимо от внешних влияний, в том числе и со стороны цивилизаций Переднего Востока. Следы древнейшего производства железа были открыты на поселениях ранней срубной культуры вблизи Воронежа (1500—1400 гг. до н. э.). Здесь рядом с остатками бронзолитейного ремесла были найдены железное шило и железные шлаки. Временем окончательного утверждения железа является IX—VIII вв. до н. э. В этот период из железа начали изготавливать все основные орудия труда, предметы обихода и оружие.

Освоение технологии производства железа способствовало ускорению развития производительных сил, всему прогрессу общества. «Железо,— отмечал Ф. Энгельс,— сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» [1]. Благодаря распространению различных ремесел и успехам земледелия произошло второе крупное общественное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия.

Овладение железом и изготовление из него орудий труда совпало с другим важным событием, происшедшим на юге Восточной Европы — отделением скотоводства от земледелия и переходом к кочевому скотоводству пастушеских племен. Этот процесс созревал постепенно. Он начался еще в конце бронзового века и происходил повсеместно на широких просторах евразийских степей — от Монголии и Китая до Днестра и Подунавья, включая степные и полупустынные зоны Средней Азии, степи Южного Приуралья, Среднего и Нижнего Поволжья, Приазовья и Причерноморья.

В условиях степей перспективы развития основных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства — были разными. Развитие земледелия тормозилось низким уровнем технических приемов обработки тяжелых степных почв. Наряду с этим бескрайняя, покрытая богатой травянистой растительностью степь пред-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 163.

ставляла собой большой резерв природных ресурсов для скотоводства. Но оседлый образ жизни ограничивал эффективное использование таких возможностей. Увеличение поголовья скота и всевозрастающее значение скотоводства в хозяйстве принуждало население в поисках новых пастбищ передвигаться со стадами.

Так, на основе жизненного опыта многих поколений возникло кочевое скотоводство. Освоение больших степных просторов сделало работу человека более продуктивной. Сосредоточение большого количества скота в руках отдельных семей создавало условия для быстрейшего накопления богатства, расширения обмена, возникновения имущественного неравенства, способствовало дальнейшему развитию социальной структуры общества.

Постоянные заботы о сохранении пастбищ и стад, а также стремление захватить скот, имущество и земли соседей определяли военный уклад жизни кочевых общин. Они пребывали в состоянии беспрерывных военных действий: либо отражали нападения враждебных кочевых орд, либо осуществляли набеги на соседей. В ходе этих столкновений возникали большие союзы племен, объединявшихся с целью нападения или защиты. Все это вело к миграциям, передвижению больших этнических массивов. Выдвигались сильнейшие союзы племен, которые создавали более-менее постоянные политические объединения. Между господствующими племенами, подчиненными им группировками и соседними народами происходил непрестанный процесс военного, хозяйственного и культурного взаимодействия.

Скот представлял собой легко отчуждаемое имущество, что способствовало расширению внутриплеменного и межплеменного обмена. Одновременно развивалось товарное производство. Значительно возросла торговля. Устанавливались торговые и культурные связи кочевников с соседними племенами и народами. Кочевники Евразии одними из первых вступили в контакт со странами древних рабовладельческих цивилизаций Переднего Востока и античного мира.

Благодаря специфическим условиям жизни и быта, а также значительному расширению контактов у кочевых народов сложилась яркая и самобытная культура, многие особенности которой стали общими для степных народов на огромных территориях.

С открытием и распространением железа началась новая эра в истории племен, которые населяли современную территорию Украинской ССР. Происходила коренная ломка старых основ экономики, культуры и быта племен, завершался процесс разложения первобытнообщинного строя и происходил переход к раннеклассовому обществу. С началом железного века на арену всемирной истории вышли племена и народности юга Европы — киммерийцы, скифы, сарматы, тавры, фракийцы и протославяне.

1. КИММЕРИЙЦЫ

Древнейшие известия о киммерийцах. Древнейшим из известных по своему названию народом, обитавшим на юге Европейской части СССР, в том числе и на территории Украины, были киммерийцы. Наиболее давние упоминания о них, восходящие к последним векам II тысячелетия до н. э., мы находим в творениях великого греческого поэта-эпика Гомера. Так, в «Одиссее» говорится, что земля киммерийцев находится у крайних границ обитаемого мира, у входа в подземное царство Аида. Герой Одис-

сей во время своего странствования с острова Эя, при устье реки Риона в Колхиде проник и в эту почти потустороннюю таинственную по отдаленности и малой известности для греков страну. «Закатилось солнце и покрылись тьмою все пути,— говорится в поэме,— а судно наше достигло пределов глубокого океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» (Одиссея, XI, 12—19). К киммерийцам относится упомянутый в «Илиаде» народ «удивительных доильщиков кобылиц — млекоедов, бедных и справедливейших из смертных», живших к северу от Трои, за «конеборными фракийцами и сражающимися врукопашную мисийцами» (Илиада, XIII, 5), следовательно, в степях Северного Причерноморья. «Доильщики кобылиц» Гомера у более поздних античных писателей называются то скифами (Гесиод, VII в. до н. э.), то киммерийцами (Каллимах, 310—235 гг. до н. э.), последнее, безусловно, правильнее.

Геродот (середина V в. до н. э.) очень интересовался вопросом об исторических предшественниках скифов в Северном Причерноморье. Его информаторы (скифы и греки) единодушно сообщали, что вся страна, которая была в его время занята скифами, раньше принадлежала киммерийцам. В подтверждение этого он писал: «И теперь еще есть в Скифии киммерийские стены, киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор» (Геродот, IV, 12). При устье р. Тираса (Днестра) Геродоту показывали курган, в котором, по преданию, были погребены последние киммерийские цари. Во многом подобные сведения о пребывании киммерийцев в Северном Причерноморье сообщает и великий географ древности Страбон (63 г. до н. э.— 23 г. н. э.). У него, в частности, сказано, что киммерийцы совершали свои походы и в страны Восточного Средиземноморья еще во времена Гомера или даже до него.

Стало очевидным, что киммерийцы жили еще в эпоху бронзы, поэтому их ранее всего и отождествили на юге Европейской части СССР с племенами срубной культуры, которые вели оседлый образ жизни и имели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. К началу I тысячелетия до н. э. киммерийцы, подобно многим народам Азии, перешли к прогрессивному в то время кочевому скотоводству, позволившему с наименьшими затратами труда овладеть обширнейшими и богатейшими пастбищными угодьями страны. С прекращением оседлости единственными памятниками киммерийцев стали их захоронения в курганах.

В течение IX—VIII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР накануне вторжения скифов в Причерноморье произошли и другие чрезвычайно важные изменения в развитии производительных сил. Таким изменением был переход от бронзового к железному веку. Киммерийцы овладели секретом получения железа из болотной руды в XVI—XV вв. до н. э. Но это производство, о котором уже упоминалось выше, оставалось еще несколько столетий примитивным: железо извлекалось из руды тигельным способом, в простых горшках на кострах. Оно получалось в виде маленьких криц, годных для изготовления самых небольших железных изделий в виде шильев и ножичков. Лишь к концу бронзового века из них научились делать кинжальчики. Решительный перелом произошел к исходу X в. до н. э., когда железо из руды стали получать с помощью

Бронзовая секира. Курган вблизи с. Львово Херсонской области. IV в. до н. э. *Раскопки А. И. Кубышева (1976)*

сыродутного горна и древние кузнецы овладели сваркой железа и изготовлением высококачественной стали. Всем этим ознаменовался переход от бронзового к железному веку, в чем киммерийцы решительно превзошли все другие народы Восточной и Средней Европы. Об уровне, достигнутом в железоделательном производстве и кузнечном ремесле позднейшего киммерийского периода, можно судить по находке в кладе на Суботовском городище в Чигиринском районе великолепного стального меча с бронзовой крестовидной рукоятью, длина которого равняется 1 м 8 см. В эту пору у киммерийцев получило распространение цельножелезное оружие.

По найденным в могилах вещам киммериец последнего периода предстает перед нами как легко вооруженный конный воин. Его боевое снаряжение состояло из меча или кинжала, круглой, чаще всего фигурной булавы, имевшей навершие в виде каменного и реже бронзового цилиндрического молотка, иногда бронзовой секиры или боевого каменного топорика. Важнейшим предметом вооружения киммерийца служил также сложный лук с втульчатыми наконечниками стрел, которые вначале изготавливались из бронзы и кости, а позднее из железа. Киммерийский лук отличался превосходными боевыми качествами и не имел себе равного в древности. Он, по-видимому, по своим достоинствам не уступал прославленному античными авторами скифскому луку. Такой лук является изобретением племен Евразии позднего бронзового века. Никаких остатков защитных доспехов в виде щитов, шлемов, панцирей и тому подобного в киммерийских могилах не обнаружено. Над могилами было принято ставить памятные каменные антропоморфные стелы (без головы), на верхней части которых изображались ожерелья и разные символические значки. На стелах, стоявших над могилами воинов, обычно изображен широкий пояс, при котором выгравированы кинжал или меч, лук в горите и точильный брусок.

Из ассирийских источников конца VIII в. до н. э. известно, что киммерийцы нанесли поражение урартскому царю Русе и появились на северных границах Ассирии. Существует мнение, что ассирийский царь Саргон II погиб в бою с киммерийцами в 705 г. до н. э. В источниках, относящихся ко времени ассирийского царя Асаргаддона (681—668 гг. до н. э.), киммерийцы фигурируют наряду со скифами среди народов, которые сыграли большую роль в войнах времен падения ассирийского могущества и

возвышения Мидии. Часть из них выступала на стороне врагов Ассирии, а часть — в числе ее союзников.

Письменные источники о взаимоотношениях киммерийцев и скифов. По сообщению Геродота, поздняя волна вторжения киммерийцев в Переднюю Азию была вызвана тем, что их вытеснили из степей Северного Причерноморья скифы, которые в свою очередь были вытеснены из глубин Азии массагетами. По версии Аристея из Проконниса (VII в. до н. э.), переданной Геродотом, народом, вытеснившим скифов, были иссидоны, подвергшиеся нападению со стороны аримаспов. Любопытным в этих рассказах является то, что причина передвижения скифов на запад в обоих случаях связывается с волной миграций, военными столкновениями, которые подобно цепной реакции прокатывались с востока на запад. Таким образом, первоначальная родина скифов локализуется к северу от массагетов, населявших обширные пространства к востоку от Каспийского моря и к югу от иссидонов, обитавших, вероятнее всего, в бассейне р. Оби, к востоку от Уральских гор. Диодор Сицилийский (вторая половина I в. до н. э.) также считает, что скифы первоначально обитали возле р. Аракса (Сыр-Дарья или Аму-Дарья), потом расширили свои владения до Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря), а затем завоевали Северное Причерноморье до Истра (Дуная), подчинив себе многие племена, населявшие эту территорию.

При появлении скифов, как повествует предание, переданное Геродотом, киммерийцы, опасаясь борьбы с грозным врагом, отступили по проторенным ранее путям через Кавказ, вдоль восточного побережья Черного моря в Переднюю Азию. А киммерийские «цари», не желая покидать свои земли, перебили друг друга во взаимной битве и были похоронены в низовьях Днестра.

Киммерийская стела из кургана близ Джанкоя в Крымской области. IX в. до н. э. *Раскопки В. Н. Корпусовой (1977)*

Преследуя киммерийцев, скифы прошли вдоль Каспийского побережья через Кавказ и тоже вторглись в страны Передней Азии. Когда именно произошло столкновение скифов с киммерийцами и изгнание последних из Причерноморья, сказать трудно. Во всяком случае, в VII в. до н. э. оба эти народа уже находились в Передней Азии, наводя ужас на местное население.

В речах библейских авторов читаем: «Вот идет народ из северной страны... держит лук и короткое копье, жесток он!.. Они не сжалятся! Голос их ревет, как море, скачут на

конях, выстроились как один человек...». «Народ издалека... Народ древний.., языка которого ты не знаешь... колчан его, как открытый гроб, все они люди храбрые»... «Он пожрет твою жатву и хлеб твой, истребит сынов и дочерей твоих, пожрет овец и коров твоих, пожрет виноград твой и смоковницы твои и разрушит мечом города твои, на которые ты надеешься». В этих эмоциональных характеристиках образно отражены особенности и природа вторжения кочевников, страшные последствия этого вторжения, воспринимавшиеся как «божья кара».

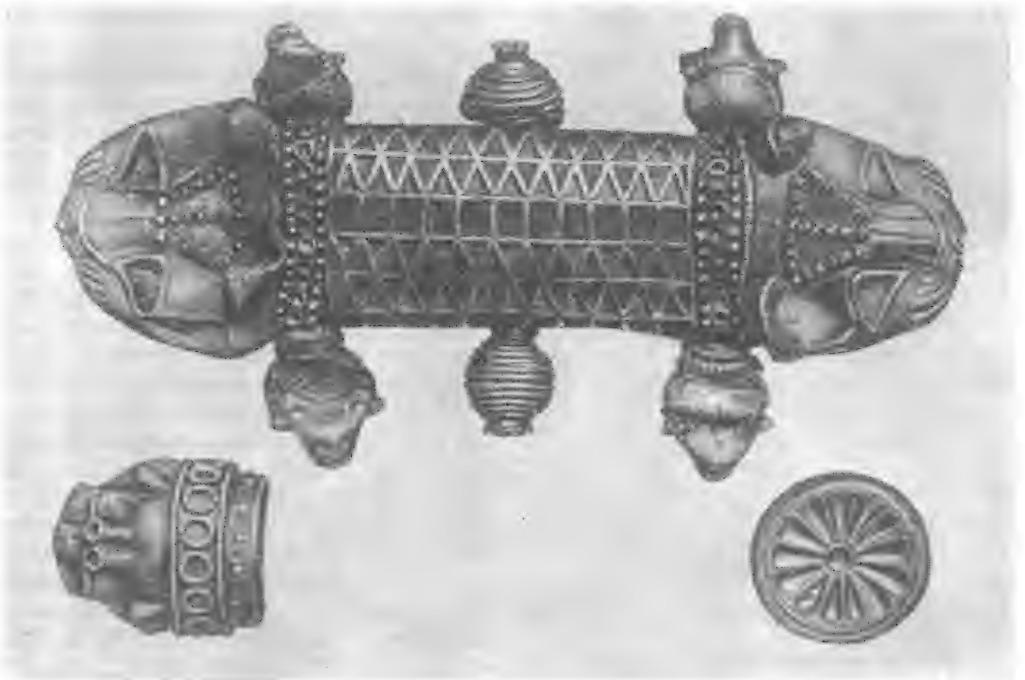
Скифы и киммерийцы принимали деятельное участие в событиях, которые разворачивались в то время в странах Переднего Востока. Киммерийцы в основном поддерживали антиассирийскую коалицию. В анналах Асаргаддона, относящихся к 679—678 гг. до н. э., сообщается о победе, одержанной им над киммерийцами во главе с вождем Теушпой. В числе противников Ассирии оказались также скифы во главе с вождем Ишпакой. И они потерпели поражение от ассирийцев в 673 г. до н. э. Асаргаддону, очевидно, удалось расколоть вражескую коалицию и привлечь на свою сторону основные силы скифов. При этом одна из дочерей ассирийского царя, по-видимому, была выдана замуж за скифского царя Бартатуа (Прототия греческих авторов).

Киммерийцы основной удар направили против государств Малой Азии. В союзе с Урарту они разгромили Фригию (676—674 гг. до н. э.), а в середине VII в. до н. э. вторглись в Лидию и захватили ее столицу Сарды. С этого времени Лидия попала под власть киммерийцев, освободиться от которых ей удалось только в конце VII в. до н. э. После лидийского похода киммерийцы фактически исчезают с исторической арены.

Что касается скифов, то дальнейшая история их походов в Переднюю Азию связана с именем царя Мадия, сына Бартатуа (Прототия). Подобно своему отцу, он был союзником Ассирии и сражался с ее врагами. Он нанес поражение враждебному Ассирии киммерийскому царю Лигдамису. Противником скифов оказался также один из главных врагов Ассирии мидийский царь Киаксар. Войска скифов во главе с Мадием оказались под Ниневией, столицей Ассирии, в то самое время, когда Киаксар осаждал ее.

В битве с мидийцами Мадий одержал решительную победу, и это положило начало господству скифов в Передней Азии, длившемуся 28 лет. За это время скифы не создали здесь крепкого государственного объединения типа восточных держав, хотя и владели определенной территорией на землях Мана к югу от озера Урмии, служившей им плацдармом для организации походов. Скифское государство было менее прочным. Оставаясь кочевниками и опираясь на свою военную силу, они совершали опустошительные походы с целью захвата военной добычи и получения дани. По словам Геродота, скифы «...все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того, что они взимали с каждого народа наложенную ими дань, они совершали набеги и грабили, что было у каждого народа». Скифы совершали походы в Сирию, Палестину, дошли и до владений Египта. Чтобы предотвратить их вторжение, египетский фараон Псамметих вышел им навстречу и откупился богатыми дарами.

Лишил господства скифов в Передней Азии тот же мидийский царь Киаксар. Он пригласил на празднество скифских вождей и предательски умертвил их во время пира. Очевидно, этот удар был весьма чувствителен, поскольку после этого скифы оставили Мидию и вернулись в Причерноморье, которое к этому времени



Золотые украшения тронных ассирийских табуретов. Курган вблизи станицы Келермесской на Кубани. Конец VII в. до н. э.

они уже считали «своей родиной». Следы пребывания скифов и киммерийцев в странах Древнего Востока хорошо прослеживаются в археологических памятниках. Скифское оружие и снаряжение верховых коней встречаются на путях скифских проникновений — в памятниках Кавказа VII—VI вв. до н. э. При раскопках ряда городов Древнего Востока — в Вавилонии, Ассирии, Сирии, Палестине — в слоях этой поры были найдены скифские бронзовые наконечники стрел. В Иранском Курдистане, вблизи г. Саккыза, открыто богатейшее погребение скифского царя, относящееся к концу VII в. до н. э. В нем оказался ряд предметов древневосточного производства, полученных как добыча, подарки или дань, а также скифское оружие, предметы конской узды, украшенные в раннескифском зверином стиле. По мнению ученых, именно Иранский Курдистан мог быть опорным пунктом скифских царей времени их переднеазиатских походов.

Одним из последних действий скифов при их возвращении из Передней Азии через Кавказ, как устанавливает Б. Б. Пиотровский, считается разрушение урартской крепости Тейшебаини (городище Кармир-Блур) близ г. Еревана в Армении приблизительно на рубеже VII—VI вв. до н. э. Крепость погибла в огне. В стенах цитадели найдены скифские наконечники стрел. В помещениях оказалось много вещей, связанных с пребыванием здесь скифов.

В погребениях скифской знати конца VII — начала VI в. до н. э. на Кубани и в Причерноморье встречаются древневосточные предметы дворцовой утвари: драгоценные сосуды, украшения мебели, являвшиеся трофе-

ями скифов, добытыми во время походов.

Переднеазиатские походы оказали глубокое влияние на формирование социальной структуры и культуры скифского общества. Кочевые племена Причерноморья впервые вступили в непосредственный контакт со странами наиболее развитых цивилизаций Древнего Востока. Походы ускорили формирование военной организации скифов, направленной на покорение других племен и народов. Усилилась власть царей и родоплеменной аристократии, возросло их богатство, стремление к роскоши. Военное могущество скифов поднимало их вождей до уровня древневосточных владык. Для изготовления парадного убранства они привлекали не только скифских мастеров, но и ремесленников стран Востока — урартов, ионийских греков.

Походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию имели значительное влияние на страны Древнего Востока. Они способствовали перекройке политической карты Переднего Востока, что приводило в упадок одни страны и усиливало другие. Так, в результате этих походов были сначала поддержаны, а затем погибли государство Урарту и деспотическая Ассирия.

Скифские походы в Переднюю Азию не были эпизодичными. Они продолжались в течение почти всего VII в. до н. э.: в них приняли участие минимум два поколения. Все новые и новые отряды воинов отправлялись из степей Северного Кавказа и Причерноморья дорогами своих предшественников в поисках добычи и новых подвластных им земель.

Контакты с народами Кавказа и Древнего Востока обогатили материальную культуру и искусство скифов, владевших первоклассным для своего времени оружием. Основу их войска составляли подвижные отряды конницы. Воинские доспехи состояли из железных мечей и кинжалов, копий с железными наконечниками, луков и стрел. Скифские луки в древнем мире не имели себе равных по дальнобойности и меткости.

Во время военных походов скифы пользовались железными боевыми топорами, позаимствовав их у народов Кавказа. Шлемы и панцири из железных или бронзовых пластин, приспособленные к условиям конного боя, перешли к ним с Востока. В украшении одежды и оружия сугубо скифские, их древние исконные мотивы (изображения оленя, пантеры, лошади, барана, орла) переплетаются с художественными образами, заимствованными из искусства стран Древнего Востока (грифонами, львами, чудовищами и др.).

Нет сомнения в том, что названия «киммерийцы» и «скифы» («гимирри» и «ишкуза» восточных источников) означали конкретные названия групп племен, каждое из которых составляло определенную этническую общность, один народ. Что касается скифов, то они принадлежали к числу народов, говоривших на одном из диалектов иранского языка, относящегося к той большой языковой семье, в которую входили также савроматы, саки, массагеты, согдийцы, хорезмийцы, а на территории Древнего Востока — мидийцы и персы. Такое определение устанавливается по скифским собственным именам, племенным и топонимическим названиям, отдельным словам, обнаруженным при исследовании, большинство из которых находит соответствие в иранских языках. Эти народы сформировались на основе родственных племен срубной, андроновской и других культур бронзового века евразийских степей.

Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев долгое время оставался невыясненным. На основе некоторых письменных свидетельств их относили к числу народов фрако-

язычной группы. Однако в настоящее время появляется все больше данных, позволяющих считать, что киммерийцы принадлежали к той же группе ираноязычных народов, что и скифы, составляя западную ветвь этого огромного мира.

Названия «киммерийцы» и «скифы» (особенно «скифы») не только означали этническую принадлежность, но и употреблялись в самом обобщающем смысле. Древние источники периода походов нередко путают названия этих народов, называя киммерийцев скифами и наоборот. Название «скифы» использовали также для обозначения всех среднеазиатских и причерноморских народов, близких к скифам по кочевому образу жизни. Скифскими назывались также племена, оказавшиеся покоренными скифами и жившими в пределах Скифии.

Поэтому в каждом отдельном случае следует четко различать сущность вкладываемого в это определение понятия.

Племена Правобережной Лесостепи IX—VII вв. до н. э. В то время как в степях Причерноморья устанавливалось кочевое хозяйство, происходили военные столкновения между киммерийцами и скифами, в лесостепной части Украины, к западу от Днепра, продолжали обитать племена, стойко сохранившие земледельческо-скотоводческий образ жизни и местную культурную преемственность.

Правобережную Лесостепь между Днепром и Днестром населяла большая группа племен, аборигенов края, корни которых уходят в глубь бронзового века. Поскольку их собственное название отсутствует в письменных источниках, в науке они называются племенами чернолесской культуры по названию городища в Черном лесу в верховьях Ингульца Кировоградской области.

К началу железного века эти племена достигли весьма высокой степени развития. Густая сеть поселений свидетельствует о значительной плотности населения, большая группа которого жила в южной части Правобережной Лесостепи, в бассейнах рек Тясмина и Роси, поднимаясь вверх по Днепру до Припяти и широты Киева. Поселения размещались обычно на невысоких, прилегавших к долинам и удобных для земледелия участках плато. Жителями каждого такого поселения была родовая группа или группа родственных семей. Жилищами служили деревянные дома с углубленным в грунт основанием (полуземлянки). Довольно крупные размеры жилищ свидетельствуют о существовании большой патриархальной семьи.

Землю обрабатывали деревянными плугами, в которые запрягали волов. Орудиями земледелия служили также костяные мотыжки и коленчатые орудия с плоскими железными наконечниками в виде тесла. Урожай собирали серпами, сначала бронзовыми, затем деревянными с кремневыми вкладышами, позднее — железными. Хлеб мололи каменными ручными зернотерками. Зерно и другие продукты питания сохраняли в больших глиняных сосудах.

Развивались прядение и ткачество. Шерсть и пух с овец и коз собирали костяными гребнями; постоянно находятся орудия, предназначавшиеся для обработки кож и мехов. Широко использовались бронзовые, а позднее железные втулчатые топорики, так называемые кельты, имевшие деревянные коленчатые рукояти.

Высокоразвитым было бронзолитейное мастерство, что подтверждается постоянными находками глиняных и каменных литейных форм и множеством предметов, отлитых в формах по восковым моделям. На Правобережье, в бассейне Тясмина сложился собственный бронзолитейный

центр производства орудий труда и различных украшений. Успешно развивалось железоделательное ремесло. Из железа и стали изготовляли по киммерийским образцам с бронзовыми рукоятками и цельножелезные кинжалы и мечи, а также наконечники копий, ножи, шилья и пр. Из кости вырезали разнообразные принадлежности конской узды, делали наконечники стрел, гарпуны и многие другие вещи.

Большого искусства достигли чернолесские гончары в изготовлении разнообразной посуды, имевшей оригинальный и изысканный вид. Формы ее развивались на местной традиционной основе.

Имущественные и социальные различия у населения в ранний период были выражены слабо, что точно подтверждается составом погребального инвентаря. Умерших хоронили по обряду трупосожжения в бескурганных могильниках, зачастую в урнах. В могилу, как требовал обычай, ставили несколько сосудов с напутственной пищей и клали бронзовые украшения: серьги, браслеты, булавки.

Существенные изменения произошли в конце IX—VIII вв. до н. э., когда степные киммерийцы начали проявлять особую военную активность. Экспансия кочевников — киммерийцев, а позднее и скифов — тяжело отразилась на жизни оседлых лесостепных племен. Опасность, грозившая с южной границы, заставляла чернолесские племена покидать удобные для жизни долинные урочища, селиться на возвышенностях и обносить их крепостными сооружениями в виде валов, деревянных оплотов и рвов.

Большинство чернолесских городищ было расположено вдоль южной окраины Лесостепи, на мысах и холмах по берегам Тясмина и его притоков. Городища эти — небольшие, как правило, не более 100 м в поперечнике. Они имели круглую форму, с напольной стороны обводились дополнительными валами, рвами, бревенчатыми частоколами.

Строительство оборонительных сооружений было трудным делом, требовавшим объединенных усилий всего населения, часто, по-видимому, вопреки существовавшей родоплеменной розни. Возникновение городищ способствовало усилению племенной консолидации чернолесского населения, направленной на обеспечение новых политических, культурных и всех других усилий, обеспечивавших его сопротивляемость воинственным и хорошо вооруженным кочевникам. Центром ремесла стало городище в с. Субботово вблизи Чигирина, где обнаружены массовые остатки бронзолитейного, костерезного дела, обработки камня. В военном отношении таким центром, вероятно, было Чернолесское городище в верховьях Ингульца, отличавшееся большими размерами и особой крепостью своих оборонительных сооружений.

Непрерывная угроза нападения со стороны степных киммерийцев, их все возрастающее политическое влияние способствовали укреплению военной организации чернолесских племен. Об этом свидетельствуют, в частности, захоронения. В VIII в. до н. э. у чернолесцев появляются захоронения в курганах по степному обряду. В них обнаружены могилы воинов с предметами вооружения, а также и снаряжением верхового коня. Наиболее яркой в этом отношении является воинская могила в кургане у с. Носачево к северо-западу от Смелы на Черкасчине, где в деревянном склепе найден скелет мужчины, при котором были железный меч, наконечники копий, колчанный набор с бронзовыми наконечниками стрел, остатки конских уздечек с бронзовыми и костяными украшениями. Среди них особенно замечательны бронзовые бляхи от нагрудных ремней, подобных тем, которые из-

вестны на изображениях лошадей на ассирийских дворцовых рельефах. Детали ассирийской узды, найденные в могиле воина, свидетельствуют о том, что чернолесское население не стояло в стороне от событий, связанных с переднеазиатскими походами киммерийцев и скифов.

Еще более богатое, можно сказать «княжеское», воинское захоронение было открыто в кургане у с. Квитки близ Корсуня-Шевченковского в 1979 г. Оружие в нем имело дорогую золотую отделку.

Существует плодотворная гипотеза, согласно которой белогрудовские племена конца бронзового века и сменившие их чернолесские племена, при которых устанавливается в производстве господство железа, являются праславянами, что прародина славян находится к югу от Приняти в лесостепи между Днестром и Днепром. На этой территории, особенно на севере, менее затронутой интенсивными передвижениями населения и постоянными сменами разнородных этнических групп, стойко сохранились древнейшие из известных славянских речных наименований (гидронимов). Непрерывная культурно-историческая преемственность сохраняется здесь с конца эпохи бронзы и до начала нашей эры, до поры зарубинецких племен начального славянского периода, ознаменовавшегося расселением славян из Среднего Поднепровья в Верхнее Поднепровье, на юго-запад, юг и запад.

В течение второй половины I тысячелетия до н. э. земледельческо-скотоводческие племена Среднего Поднепровья испытали на себе сильнейшее культурное влияние степных скифов, а также и языковое воздействие иранских по принадлежности скифских и сарматских кочевников.

Племена Левобережной Лесостепи и западных территорий Украины IX—VII вв. до н. э. Левобережная Лесостепь в конце бронзового века (время белозерской ступени срубной культуры в степи, XI—X вв. до н. э.) была заселена племенами бондарихинской культуры. Население занималось земледелием и скотоводством, вело оседлый образ жизни. Этническая особенность названной культуры ярче всего определилась в местном своеобразии керамики и ее орнаментации. В находках известны обычные бронзовые орудия белозерского круга (кельты, кинжалы с параллельными лезвиями, шилья), появляются и изделия из железа в виде ножей и шильев.

Некоторые исследователи предполагают, что около начала IX в. до н. э. бондарихинские племена покидают занятые ими земли и, мигрируя, смещаются на север, в зону Полесья, где на их основе сформировались племена юхновской культуры (пос. Юхново близ Новгорода-Северского) раннего железного века (VI—III вв. до н. э.). Судя по топонимике земель, на которых обитали племена юхновской культуры, они, вероятнее всего, принадлежали к числу балтских по языку племен, родственных по своему этносу современным латвийцам и литовцам.

На земли Левобережной Лесостепи из Днепровского Правобережья начинают с IX в. до н. э. расселяться разнородные группы чернолесских племен. Древнейшие их памятники ныне обнаружены на Левобережье в бассейне рек Орели и Самары. По-видимому, такое передвижение части чернолесского населения на восток было вызвано вторжениями в Правобережную Лесостепь киммерийцев. Наиболее сплоченная группа чернолесцев сконцентрировалась в бассейне Ворсклы, где в скифское время, с конца VI в. до н. э., сложилось племя, весьма близкое по культуре к земледельцам той же поры на правом берегу Днепра. Жизнь этого населе-

ния в мирных условиях протекала в небольших неукрепленных поселках.

Среди чернолесских памятников на Ворскле значительный интерес представляет погребение воина, открытое в с. Бутенки Кобелякского района Полтавской области. Погребение было совершено по чернолесскому обряду трупосожжения, прах ссыпан в яму. В нем найдены железные наконечники копий, бронзовые наконечники стрел, остатки уздечек, чернолесские браслеты. Это погребение, как и другие подобные, свидетельствует о появлении в среде чернолесских племен отрядов вооруженной по-киммерийски конницы.

Река Днестр была своеобразной границей, к западу от которой жили племена, связанные с фракийским, карпато-дунайским миром. Основные центры расселения этих племен находились на запад от современной территории Украинской ССР, в пределах Молдавской ССР, Болгарии, Румынии и Венгрии. В археологической науке это население известно под названием племен культуры фракийского гальштата. Это название указывает на этническую принадлежность народа, вместе с тем и на некоторую близость его к культурам иллирийского населения южной части Центральной Европы, известного по памятникам гальштатской культуры в пределах территории Австрии и Югославии.

Район Поднестровья сыграл роль контактной зоны между степным скифским и лесостепным чернолесским миром с востока и фракийскими племенами Карпато-Дунайского бассейна — с юга и запада. Вследствие тесных культурных связей и изменчивых политических ситуаций влияние скифской культуры распространялось далеко на запад, в пределы Днестро-Дунайского междуречья. В свою очередь фракийские элементы сказались на культуре населения Северного Причерноморья.

На территории Украины в начале железного века племена фракийского гальштата проживали в пределах нынешних Тернопольской, Черновицкой и Ивано-Франковской областей. Они жили в небольших неукрепленных поселениях, расположенных чаще всего на береговых возвышениях, в наземных жилищах с глинобитными каркасными стенами или землянках. Умерших хоронили по обряду трупосожжения, прах ссыпали в глиняные урны.

Посуда этих племен отличалась высоким качеством. Большие корчаги, чаши и миски снаружи подвергались лощению и украшались рельефным орнаментом в виде выпуклин, различных налепов и каннелюр. Металлические украшения и бытовые предметы представлены в основном изделиями карпато-дунайского происхождения.

В конце прошлого века в с. Михалково ныне Тернопольской области был найден большой клад (до 7 кг) золотых вещей, состоящий из чаш, диадемы, фибул, блях, браслетов и пр. Большинство из них украшено спиралями, концентрическими кругами, крестовидными фигурами и другими эмблемами, связанными с культом солнца. Этот клад, несомненно, принадлежал фракийскому царю.

В северо-западных районах УССР, на территории нынешней Львовской области и Западной Волыни, жили племена лужицкой культуры (территория Польши), имевшие много общего с населением конца эпохи бронзы и раннего железа. Возможно, проникая на восток, население лужицкой культуры достигло крайних западных пределов Украины, где столкнулось с западноволынской группой населения чернолесской, а позже скифской культур. В результате взаимных контактов этих двух народов на границе между ними возник своеобразный ареал, на котором сосредо-

точились элементы обеих культур, получившие название высоцкой культуры. Район распространения этой культуры (верховья Западного Буга на Львовщине) имел около 100 км в поперечнике. Памятниками его населения являются открытые поселения и большие бескурганные могильники с трупоположениями и значительно реже урновыми сожжениями в сопровождении посуды и бронзовых украшений.

2. СКИФИЯ VI—III ВВ. ДО Н. Э.

Этногеография Скифии. Сообщение Геродота о том, что все киммерийское население якобы покинуло степи Причерноморья и скифы заняли пустую страну, является явным преувеличением. Часть киммерийцев, безусловно, осталась на месте и была ассимилирована скифами. Об этом убедительно свидетельствует преемственность ряда форм материальной культуры, а также две легенды о происхождении скифов, в которых можно уловить местные традиционные элементы, восходящие к бронзовому веку.

Согласно одной из этих легенд, скифы считали своим праотцом «первого человека» Таргитая, родителями которого были Зевс (очевидно, верховное скифское божество — Папай) и дочь реки Борисфена (Днепра). От Таргитая родилось три сына: Липоксай, Арпоксай и Колоксай, что в переводе с иранского могло означать соответственно «Гора-царь», «Вода-царь» и «Солнце-царь», т. е. владетели трех основных сфер — земли, воды и неба. При них на землю упали золотые дары: плуг, ярмо, секира и чаша. Когда к золоту подходили старшие братья, оно загоралось, не даваясь в руки; овладеть священными дарами удалось только младшему брату Колоксаю. Поняв значение этого чуда, старшие братья передали младшему царство. От Колоксая пошел род скифских царей; в наибольшем из их владений хранилось священное золото, с которым были связаны ежегодные празднества.

Во втором, греческом, варианте легенды прародителями скифов были Геракл и полудева-полузмея, обитавшая в лесистой местности Гилее — в плавнях Нижнего Днепра. Из трех сыновей от этого брака главным был признан младший сын Скиф, который выдержал назначенные Гераклом испытания — подпоясался поясом отца и натянул его лук.

В обоих случаях происхождение скифов по материнской линии связано с Поднепровьем. В первой легенде особо почетное место занимают обожествленные орудия земледелия: плуг, ярмо и секира. С местной земледельческой средой связана и священная чаша — особый ритуальный сосуд.

Сопоставление легенд и исторических сведений приводит к выводу, что скифское население территории Украины сложилось из кочевых скифов, вторгнувшихся с востока, из-за Дона, и аборигенов. Близость языка и культуры тех и других способствовала естественному процессу их слияния.

Хотя решающую победу над киммерийцами скифы одержали еще в период, предшествовавший их переднеазиатским походам, при возвращении в Причерноморье им пришлось снова выдержать тяжелую борьбу за окончательное утверждение своего господства. Сохранившийся в эпической форме рассказ, переданный Геродотом, повествует о том, что противником скифов выступило молодое поколение народа, населявшего Боспор Киммерийский (Керченский полуостров). В свое время обитатели

Сцена боя старых конных скифов с молодыми воинами. Изображение на налучии. Курган Солоха. Запорожская область. IV в. до н. э.

этого полуострова были покорены скифами и считались их рабами. Восстановив свои силы во время длительного отсутствия основной части скифов, этот народ (очевидно, потомки киммерийцев) сделал попытку вернуть утраченную независимость. Был выкопан ров «от Таврических гор до озера Меотиды» (Азовского моря), произошла жестокая битва, в которой скифам удалось снова победить этот народ. Исследователи полагают, что на электровом налучии из кургана Солоха как раз и изображена сцена этой битвы престарелых, вернувшихся из похода скифов с молодыми противниками, потомками рабов.

Этот рассказ, а также упоминание Диодора о том, что скифы в своем продвижении на запад до Дуная покорили многие обитавшие здесь племена, ограничивают сообщения античных авторов о событиях, связанных с образованием Скифии к северу от Черного моря.

Античные писатели, и прежде всего Геродот, оставили описание земель и состава населения Скифии. Современники считали Скифию страной с четкими географическими границами. В пределах этой территории имела силу власть скифов. Скифской называлась земля, назывались текущие по ней реки, обитавшие в пределах их территории племена, независимо от того, были они действительно скифскими или только оказались в подчинении скифов.

Вдоль морского побережья Скифия занимала пространство от Танаиса (Дона) до Истра (Дуная), и пример-

но такую же протяженность (600—700 км) имела в глубь страны на север. Главной рекой Скифии являлся Борисфен (Днепр). К западу от него через земли Скифии протекали Гипанис (Южный Буг) и Тирас (Днестр). Истр служил границей, отделявшей Скифию от Фракии. Через скифскую территорию текли пять левобережных притоков Истра: Пората, Тиарант, Арар, Напарис и Ордесс, из которых на современной карте отчетливо опознаются реки Прут и Серет.

Трудней всего оказалось сопоставить реки к востоку от Борисфена. Местоположение таких рек, как Пантикап, Гипакирис и Герррос, точно не определено. Река Танаис, служившая восточной границей, отделявшей скифскую землю от земли савроматов, несомненно Дон; Сиргис, приток Танаиса, отождествляют с Северским Донцом. Не имея четкого представления об истоках и течениях рек, Геродот считал, что все они берут начало из больших озер и текут с севера на юг.

Геродот дает следующую общую картину расселения племен в Скифии и за ее пределами. В низовьях Буга, непосредственно к северу от Ольвии, обитали каллипиды («прекрасноконные»), которых называли также эллино-скифами. К северу от них, вдоль Буга, в месте наибольшего сближения его с Днестром, жили алазоны. Еще дальше на север территорию между Днепром и Днестром заселяли скифы-пахари; границей их земли с землей алазонов был один из левобережных притоков Буга, который назывался Эксампей, в переводе — «Святые пути». Вода в этом притоке была горькой и непригодной для питья. На современной карте его отождествляют с р. Синюхой. Каллипиды, алазоны и скифы-пахари занимались земледелием, причем скифы-пахари выращивали хлеб на продажу: вывозили его в греческие колонии, преимущественно в Ольвию.

Из описания западных и северо-западных земель Скифии становится ясным, что в пределах ее территории жили племена Правобережной Лесостепи, потомки племен чернолесской культуры — скифы-пахари. Алазонов, вероятнее всего, можно сопоставить с группой фракийских племен, живших в Поднестровье — на современной территории Молдавской ССР. В пользу данного предположения говорит и то, что на этой широте не было другого народа с оседлой земледельческой культурой. Что касается каллипидов, то этот земледельческий народ со смешанной эллино-скифской культурой хорошо локализуется в Нижнем Побужье, к северу от Ольвии.

Степь к западу и востоку от Днепра являлась территорией господства кочевников. Среди них Геродот называет скифов-кочевников и царских скифов. Последние занимали район левобережных степей до Азовского моря и Дона, а также степной Крым. Скифам-кочевникам принадлежала более западная часть степей. Выделить археологические признаки, позволяющие отличить культуру царских скифов от скифов-кочевников, не представляется возможным.

К востоку от Днепра Геродот называет еще один народ — скифов-земледельцев, само название которых отражает их образ жизни и занятий. Существовало предположение, что скифы-земледельцы жили в прибрежной части степного течения Днепра, на правом и левом его берегах. Однако широкие и тщательные археологические исследования, проведенные на этой территории, не выявили никаких следов земледельческого населения VI—V вв. до н. э. Поэтому условно скифами-земледельцами можно считать оседлые племена Лесостепного Левобережья, связанные культурой, происхождением и этнической принадлежностью со степными кочевыми скифами.

Таким образом, в пределы Скифии кроме ираноязычных племен, к числу которых относятся царские скифы, скифы-кочевники и скифы-земледельцы, можно включить также группу смешанного эллино-скифского населения в окрестностях Ольвии, часть фракийских (вероятнее всего — гетских) племен между Днестром и Дунаем и часть предполагаемых праславянских племен Лесостепного Правобережья.

Скифия была окружена многими народами, культурная и этническая принадлежность которых в основных чертах уже выяснена. К югу от Дуная жили фракийские племена. На р. Марош в Трансильвании западными соседями Скифии были агафирсы. Согласно приводимой Геродотом легенде, агафирсы родственны скифам, а археологически — они близки фракийцам. Границы северо-западной окраины Скифии доходили до территории лужицких племен, основной массив которых находился в нынешней Польше, племен высоцкой культуры, существование которых прекращается не позже конца VI в. до н. э. На севере скифы-пахари граничили с неврами, населявшими бассейн Припяти и земли современной Южной Белоруссии, где жили племена милоградской культуры, которых одни исследователи считают праславянами, а другие, что более вероятно,— древними балтами. Северными соседями скифов в Левобережном Полесье были меланхлены (черноризцы), которых сопоставляют с племенами юхновской культуры, сосредоточенными в бассейнах рек Десны и Сейма. Меланхлены были близки к скифам по образу жизни и обычаям. К северу за обширным пустынным пространством обитали андрофаги (людоеды), считавшиеся особенно дикими племенами. Их культура и памятники еще не выявлены.

В степях за Доном, к востоку от Скифии, жили родственные скифам иранские племена савроматов, занимавшихся кочевым скотоводством. Тамань и Прикубанье населяли синдо-меотские племена, входившие в состав кавказских народов. В Горном Крыму жили тавры (носители кизилкобинской культуры). Они были известны как пираты и отличались дикостью.

Скифы и причерноморские греки сообщали о важном торговом пути, который шел из Скифии на северо-восток. Путь этот, по которому ходили скифские купцы, начинался за Доном и простирался через савроматскую степь на 15 дней от Азовского моря. За владениями савроматов начинались земли будинов, древнего местного кочевого народа, покрытые сплошным лесом. В стране будинов обитали гелоны, которые считались выходцами из греческих причерноморских городов. Рассказывали, что у гелонов, занимавшихся земледелием и садоводством, был огромный деревянный город Гелон со святилищами и храмами богов. Предполагается, что будины и гелоны расселялись в Среднем Подонье, но они еще не отождествлены прочно с какой-нибудь древней культурой. Далее к северо-востоку находились земли охотников — фиссагетов и иирков, и каких-то других скифов, происходивших от царских, а в предгорьях Урала жили аргиппеи (плешивые). О еще более отдаленных северных народах информаторы могли сообщить лишь сказочные сведения: речь шла о людях с козлиными ногами, о людях, спавших по 6 месяцев. Где-то за Уралом жили исседоны, за ними аримаспы (одноглазые) и стерегущие золото грифы. В науке существуют и другие представления об этногеографии Скифии. Они рассмотрены в книге Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия». В ней автор дает иную аргументацию этой проблемы и устанавливает другие координаты речных бассейнов. Так, будины и гелоны, по его мнению, размещались к востоку

Золотая пектораль из кургана Толстая Могила. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

Литая бронзовая монета с изображением Медузы. Ольвия. IV в. до н. э.

Хиосский кубок. Березань. VI в. до н. э.

от Днепра в пределах Левобережной Лесостепи и севернее, в бассейнах Десны и Сейма. Город Гелон Геродота отождествляется им (так же, как М. И. Артамоновым, Б. Н. Граковым, Б. А. Шрамко и др.) с огромным Бельским городищем на Ворскле.

Поход Дария I Гистаспа в Скифию. Самым знаменательным событием в ранней истории Скифии явилось вторжение в ее пределы персидского царя Дария I Гистаспа в 513 г. до н. э. Поводом к этому грандиозному походу, как утверждали, послужило якобы стремление Дария наказать скифов за их предшествующие вторжения в Азию и за поражение, нанесенное ими мидийцам. В действительности же, осуществляя широкую завоевательную политику против греков, Дарий имел намерение покорить и скифов, сделать их своими данниками и тем самым устранить опасность их новых посягательств на страны Переднего Востока.

С огромным войском Дарий вступил в Скифию из Фракии, построив мосты через Боспор Фракийский и Истр. Перед лицом нависшей опасности скифы обратились за помощью к соседним народам, но только савроматы, будины и гелоны согласились их поддержать. Другие отказались помочь, мотивируя тем, что поход персов направлен не против них. В действительности же они были заинтересованы в ослаблении скифов — своего могущественного и агрессивного соседа.

Не имея достаточных сил, чтобы вступить с персами в открытый бой, скифы применили тактику отступления и заманивания противника в глубь страны. На своем пути они засыпали колодцы и источники, уничтожали траву. Свое имущество и большую часть скота скифы отправили вместе с семьями на север, в земледельческие районы Лесостепной Скифии.

Главным противником персов в этой войне выступили царские скифы. Они разделили свои силы на три отряда соответственно племенной организации. Основные силы скифов возглавлял царь Иданфирс; второй отряд под началом царя Скопасиса включал союзные силы савроматов; третий отряд, возглавляемый Таксакисом, соединился с гелонами и будинами. Двигаясь вслед за арьергардом скифов, войско Дария переправилось за Дон и достигло Волги (могучей Оар). (По мнению Б. А. Рыбакова, персы во главе с царем Дарием до Волги не дошли, а достигли только малой речки Оар, впадающей в Азовское море, известной по Птолемею).

Далее скифы двинулись на север и запад, через земли народов, отказавших им в помощи, чтобы втянуть их в войну. Истощив силы в бесплодных преследованиях, Дарий I послал к Иданфирсу гонца с предложением прекратить отступление и начать битву или, признав себя более слабым, покориться и стать его данником. На это царь Иданфирс ответил: «...Знай, перс, каков я: и прежде никогда не бежал я из страха ни от кого из людей, и теперь не бегу от тебя; ныне я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время, а почему я не тороплюсь сражаться с тобой, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которой мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты и опустошены. Если бы нужно было во что бы то ни стало ускорить бой, то у нас есть могилы предков: вот попробуйте разыскать их и разорить — тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за гробниц или не станем; раньше мы не сразимся, если нам не заблагорассудится. Это относительно сражения; владыками же своими я признаю только Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов. А тебе вместо даров земли и воды я пошлю

Военное снаряжение и убранство конных скифских воинов. *Реконструкция М. В. Горелика* по материалам раскопок из кургана № 2 вблизи с. Аксютинцы; кургана № 2 вблизи с. Волковцы на р. Суле; скифской стелы из Краснодара

такие дары, какие приличествует тебе получить; наконец, за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне поплатишься».

Скифы прислали Дарию символические оскорбительные «дары»: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Эти дары означали следующее: «Если вы, персы, не улетите в небеса, превратившись в птиц, или не скроетесь в земле, подобно мышам, или не прыгнете в озера, превратившись в лягушек, то не вернетесь назад, будучи поражены этими стрелами».

Вынужденный признать свою неудачу в войне, Дарий I поспешил покинуть Скифию. Скифский поход не принес славы могущественному Ахемениду. Для скифов же успешное окончание кампании имело огромное значение: оно укрепило их политический авторитет и принесло славу «непобедимых». За 60—70 лет, прошедших со времени похода, сказания о нем приобрели характер народного героического эпоса. В таком же плане они и были описаны Геродотом.

Скифия VI—IV вв. до н. э. В VI—V вв. до н. э. границей между Скифией и Фракией служил Дунай. Скифам приходилось считаться с могуществом западных соседей, создавших сильное политическое объединение. Известно, что скифский царь Ариапейт (начало V в. до н. э.) был женат на дочери фракийского царя Тирея. Таким образом, добрососедские отношения скифов и фракийцев скреплялись узами династических браков. После смерти Ариапейта отношения между скифами и фракийцами усложнились. Царь Скил, изменивший обычаям своей страны, был изгнан из Скифии, и, спасаясь от преследования своего брата Октамасада, бежал во Фракию. В то же время у скифов нашел приют брат фракийского царя Ситалка. Эти обстоятельства едва не привели к войне. Однако в этом случае конфликт был улажен взаимной выдачей враждебных родственников. Отсюда следует, что обе стороны принимали активное участие в политических интригах и династических распрях своих соседей, стремясь использовать их в собственных интересах.

В конце V — начале IV в. до н. э. на невольничьем рынке в Афинах появилось большое количество рабов — гетов и трибалов из числа фракийских народов. Причиной этому был усилившийся нажим скифов во Фракию.

В IV в. до н. э. во главе Скифии стал царь Атей, объединивший под своей властью все скифские племена. Борьба с фракийцами на западе составила основное содержание его долголетнего правления. Известно, что скифы, во главе с Атеем, в союзе с македонским царем Филиппом II (отцом Александра Македонского), нанесли поражение царству одрисов и расширили свои владения за Дунай. Позднее отношения между Атеем

и Филиппом Македонским резко ухудшились и стали враждебными. В конце концов победу одержал Филипп Македонский, который в генеральной битве в 339 г. до н. э. разбил войско скифов. В этой битве погиб 90-летний царь Атей. Македонцы взяли в плен 20 тыс. женщин и детей и 20 тыс. племенных кобылиц.

Около 331 г. до н. э. наместник Александра Македонского во Фракии Зопирион совершил поход в Скифию и осадил Ольвию, однако на обратном пути 30-тысячное войско Зопириона было уничтожено скифами. В свою очередь, Лисимаху, ставшему после смерти Александра Македонского правителем Фракии, удалось разбить скифов и захватить большую добычу. Таким образом, борьба на западной границе не прекращалась на протяжении всего IV в. до н. э.

Поражение, нанесенное Филиппом Македонским, послужило началом конца могущества скифов, открыв целую эпоху последующих неудач и поражений. После этой битвы область к западу от Днестра практически уже не контролировалась скифами и оказалась во власти гетских племен.

В IV в. до н. э. экспансия скифов простиралась не только на запад. Постоянным объектом нападения стали лесостепные племена, в том числе входившие в состав Скифии. Для личной защиты и защиты своего имущества от опустошительных кочевнических набегов население этой территории вынуждено было создать оборонительную систему из больших городищ, где могли укрыться люди вместе со скотом. Натиск скифов на север особенно усилился в IV в. до н. э. В этот период наблюдается запустение целого ряда городищ Правобережной Лесостепи. Одновременно с этим здесь появляются скифские степные погребения в катакомбах, свидетельствующие о проникновении сюда кочевого скифского населения. Вдоль левого берега Днепра скифы проникали далеко на север, вплоть до широты Киева. Расширением экспансии скифов объясняется возникновение ряда новых городищ на Ворскле, Северском Донце и в других местах.

Известно, что скифы совершали походы в страну синдов, в Прикубанье. На какое-то время им удалось подчинить себе племена меотов. Но, несмотря на большое культурное влияние, власть их над этими народами не была долговременной и прочной.

Отношения скифов с античными городами Северного Причерноморья в VI—V вв. до н. э. носили преимущественно мирный характер и регулировались договорами. Скифы были заинтересованы в постоянных торговых связях с греческими колониями и метрополией. Однако в конце скифского периода отношения эти резко ухудшились. В III в. до н. э. царь Сайтофарн требовал с Ольвии непосильную дань для себя и своих военачальников, угрожая в противном случае захватить и разрушить город. Позднее скифы заставили Ольвию признать свою зависимость от них.

Боспорское царство, несмотря на свое могущество, также вынуждено было выплачивать скифам регулярную дань. В одной из новелл Лукиана Самосатского (II в. н. э.) рассказывается о скифском посольстве на Боспор по поводу трехмесячной задержки в уплате дани. Неуплата дани могла привести к войне. Об одной из таких войн при Перисаде сообщает в своей речи Демосфен (IV в. до н. э.).

Таким образом, скифское объединение до конца сохраняло свой завоевательный характер, основанный на прямом военном подчинении окружающего населения. В IV в. до н. э. гнет и военное давление скифов на подвластные племена и античные города становится особенно суровым и разорительным.

Конец господству скифов в Северном Причерноморье положили в III в. до н. э. пришедшие из-за Дона пле-

Скифский воин в полном боевом снаряжении. *Реконструкция М. В. Горелика* по материалам раскопок из кургана вблизи с. Новорозановка Николаевской области

мена сарматов. Ослабленная войнами и внутренними противоречиями Скифия как мощное государственное образование распалось. Скифы были вытеснены в Крым и Добруджу (Румыния), они сохранили за собой также небольшую территорию на Нижнем Днепре. На этих землях скифы продолжали держаться еще в течение нескольких столетий.

Быт и обычаи скифов. Кочевой образ жизни и военная организация общества наложили неизгладимый отпечаток на все стороны жизни и идеологию скифов. «Каждый из них — конный стрелок»,— эта короткая и выразительная характеристика Геродота выражает истинную сущность образа жизни скифов. Оружие составляло непременную принадлежность каждого мужчины, а нередко и женщины. Оружие присутствует на всех изображениях скифов, даже в сценах быта и труда. Неизменным спутником кочевника, начиная с детства, служил конь. Экипировка скифских воинов была сложна, разнообразна и находилась в прямой зависимости от возраста, имущественного и социального положения.

У скифов выше всего ценилась воинская доблесть и мужество в бою, преданность своему народу и друзьям. По числу убитых врагов скиф получал свою долю военной добычи и почетную чашу вина. Дружба у скифов скреплялась особым обрядом побратимства. Суть его заключалась в том, что в сосуд, в котором находилось вино и кровь двух людей, дающих обет, погружалось оружие: меч, стрелы, секира и дротик, после чего оба они одновременно пили из чаши. Скрепленная таким образом дружба считалась крепче и неразрывнее любых уз родства.

Значение войны в жизни общества и почитание воинской доблести привело к возникновению культа бога войны, символом которого служил старинный железный меч. С этим же культом у скифов было связано существование ряда суровых обычаев, направленных на воспитание беспощадности к противникам и их устрашение (пили кровь первого убитого врага, снимали скальпы и проч.).

Представление о бессмертии души и существовании потустороннего мира, распространенное у скифов, как и у других народов древности, породило сложный погребальный ритуал, хорошо известный по описанию Геродота и по многочисленным раскопкам курганов.

Тело умершего знатного скифа бальзамировали так, чтобы оно могло сохраниться на установленный обы-

чаем срок проводов, продолжавшийся в течение сорока дней. Покойника, одетого в роскошные одежды, клали на колесницу и возили по многочисленной родне покойного, где умершему воздавались соответствующие почести и выражалась скорбь по поводу его кончины. Особой пышностью отличались похороны скифских царей. В этом случае траурный кортеж был особенно многолюдным. Тело умершего обвозили по всем подвластным ему племенам, которые присоединялись к погребальной процессии. В знак скорби скифы обрезали волосы, наносили себе увечья.

Затем все направлялись в землю Герр, которая находилась на отдаленной окраине Скифии. Здесь протекала р. Герр и обитал один из подвластных народов, носивших то же название — герры. В этой земле и находилось кладбище скифских царей, воинов и знати в VI—V вв. до н. э. Погребения совершались в обширных и глубоких ямах с сооруженным в них деревянным склепом. Вместе с умершим клали его оружие, парадное убранство, снаряжение верховых лошадей, сосуды с напутственной пищей, обязательно деревянное блюдо с мясом, амфоры с вином. Погребение воина сопровождалось жертвоприношением младшей жены или наложницы. Часто вместе с умершим клали убитых рабов, приниженное социальное положение которых подчеркивалось их местом в ногах владыки, в скорченном виде без вещей.

В могилы высшей скифской знати клали много оружия, ценных украшений личного убора, сосудов из драгоценных металлов. Вместе с умершим хоронили его слуг и верховых лошадей, количество которых достигало десятков, а то и сотен голов (курганы у станицы Келермесской и Ульского аула на Кубани). По сообщениям Геродота, лица, которых хоронили вместе со скифскими царями, были не рабами, а свободными скифами, служившими владыкам при жизни. Могилу закрывали бревенчатым накатом и насыпали над нею курган, стремясь сделать его как можно выше. Во время сооружения насыпи у могилы справлялись тризны.

Снаряжение скифского царя. *Реконструкция М. В. Горелика* по материалам раскопок из кургана Толстая Могила. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

Пышность и богатство погребальной обстановки, размеры гробницы, высота кургана находились в прямом соответствии с имущественным и социальным положением умершего. Чем знатнее он был, тем выше сооружали насыпь кургана. Следует отметить, что скифские курганы с самого раннего времени выступают как памятники сословных групп. Чаще всего в них

Уздечные уборы. *Реконструкция Б. Н. Мозолевского* по материалам раскопок из кургана Хомина Могила. Днепропетровская область. IV—III вв. до н. э.

хоронили воинов-мужчин, значительно реже — женщин и совсем редко — детей. Рядовых женщин, наложниц, детей, рабов хоронили в простых грунтовых могильниках без курганных насыпей.

Через год после погребения царя на его могиле справляли новый обряд кровавой тризны. В жертву умершему приносили пятьдесят юных воинов, тела которых сажали на убитых лошадей и расставляли вокруг кургана в виде всадников-охранителей.

К IV в. до н. э. погребальный ритуал у степных скифов изменился. Они отказались от обычая хоронить умерших на особой, специально для этого предназначенной земле и стали сооружать курганы в местах своего постоянного пребывания, в степи (особенно это относится к Поднепровью). На высоких водораздельных участках плато возникли курганные некрополи, которые, как правило, состояли из нескольких больших насыпей и многих курганов среднего и небольшого размера. Такие могильники принадлежали определенным родовым группам, кочевья которых пролегали через эти земли.

Изменилось и устройство гробниц. Вместо грунтовых ям скифы стали сооружать подземные помещения — катакомбы, которые состояли из глубокой (более 12 м) входной ямы и боковой погребальной камеры, вход в которую закрывали каменным или деревянным заслоном, часто разобранными колесницами. Подземелье гробницы могло иметь протяженность до 10 м и больше. В больших курганах насыпь сооружали из пластов нарезанного дерна или из илистых вальков и обкладывали по основанию камнями.

Скифские курганы IV в. до н. э. выступают как усыпальницы членов отдельных семей, где в последовательном порядке хоронили главу дома, одну из его жен, детей и пр.

Погребальные памятники свидетельствуют о возросшем социальном и имущественном неравенстве внутри родовых групп. Исключительным богатством выделяются погребения представителей высших слоев родоплеменной аристократии — скифских царей, знати. В Степном Поднепровье находятся такие знаменитые своим богатством курганы скифских царей, как Солоха, Чертомлык, Александрополь, на Керченском полуострове — один из богатейших скифских царских курганов Куль-Оба. За последние десятилетия стали известны погребения знатных скифов в Мелитопольском кургане, курганах Гайманова Могила вблизи с. Балки под Запорожьем, Толстая Могила в окрестности г. Орджоникидзе Днепропетровской области.

В этих и других курганах знатных скифов найдены роскошные головные уборы, золотые диадемы, гривны (шейные обручи), ожерелья, браслеты, сотни и тысячи золотых бляшек, которыми была обшита парадная одежда; железное, богато отделанное золотом оружие и снаряжение верховых

Гегелина (Нечаева) Могила — один из самых больших курганов Степной Скифии. Нынешняя высота 17 м. Днепропетровская область

лошадей; разная утварь: бронзовая и деревянная посуда, большие бронзовые котлы для приготовления пищи, амфоры для вина и оливкового масла, а также высоко ценившиеся скифами чаши из серебра, электра и золота, служившие своего рода мерилом богатства и знатности умершего. Золотые уборы, оружие и сбруя, драгоценная посуда обычно украшались высокохудожественными изображениями, выполненными выдающимися греческими мастерами Ольвии и Пантикапея.

К числу бесценных произведений искусства скифских гробниц относят золотой гребень из кургана Солоха с изображением битвы скифов; серебряную чертомлыкскую амфору, на фризе которой изображены скифы, укрощающие лошадей; электровый кубок из Куль-Обы, где в высоком рельефе изображены жанровые сцены из военного быта скифов. К этой замечательной серии в 1969 г. прибавилась серебряная чаша с изображениями скифов из Гайматовой Могилы, а в 1971 г.— найденная в Толстой Могиле знаменитая пектораль (нагрудное украшение) с изображением сцен из кочевого быта скифов.

Резко отличаются от богатых погребений царей и знати могилы простых скифов. Положенное с ними имущество обычно состоит из оружия: лука, колчана со стрелами, копья и меча. В могилах были амфоры и греческие чернолаковые канфары. В погребениях простых скифянок находят обычно небольшое количество украшений: ожерелья из пастовых бус, бронзовые сережки, перстни, браслеты, отдельные недорогие золотые украшения, бронзовые зеркала и другие предметы бытового обихода.

В могилах знатных и простых скифов нередко находят остатки повозок, на которых умерших доставляли к месту захоронения.

Хозяйство кочевых скифов. Скотоводство составляло основную отрасль хозяйства кочевых скифов. Скот являлся одновременно средством производства, орудием труда и продуктом (результатом) труда; он же был основным средством к существованию и давал прибавочный продукт. Главная забота кочевников сводилась к сохранению и увеличению поголовья и улучшению организации пастбищного хозяйства.

Скифы. *Реконструкция М. В. Горелика* по материалам раскопок из кургана Толстая Могила. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

Основу кочевого хозяйства в степях составляло коневодство. В состав стада входили также крупный рогатый скот, овцы, небольшое количество коз. Свиней, непригодных для перекочевок, скифы (как и другие кочевые народы) не разводили. Крупный рогатый скот был низкорослый, комолый или короткорогий. Скифские лошади также были небольшими, однако отличались резвостью и выносливостью. «Их вначале трудно разогнать,— пишет Арриан (II в. н. э.),— так что можно отнестись к ним с полным презрением, если увидишь, как их сравнивают с конем фессалийским, сицилийским или пелопонесским, но зато они переносят любые трудности; и тогда можно видеть, как тот борзый, рослый и горячий конь выбивается из сил, а эта малорослая и шелудивая лошаденка сначала перегоняет его и затем оставляет далеко позади себя».

Скифы кочевали большими группами, соответствующими определенным подразделениям родоплеменной структуры. Зимники их находились в южной приморской полосе степей. Скот круглый год содержался на подножном корму. В самое трудное вре-

мя зимовки лошади своими копытами разбивали снег и лед, добывая сохранившуюся траву для себя и для других животных. С наступлением весны скифы оставляли зимники, чтобы за лето там восстановился травостой. Пастьба велась в направлении с юга на север, что лучше всего обеспечивало нормальный годовой цикл хозяйства. На одном месте скифы оставались столько времени, сколько хватало травы для стад, а затем переходили на новые пастбища.

Поскольку земля, пастбища, угодья находились в общинной собственности, вероятнее всего, каждая родоплеменная группа имела твердо определенные маршруты своих ежегодных перекочевок. Очевидно, в ходе летних перекочевок скифы из степей проникали в глубь Лесостепи. Лукиан сообщает о том, что скифам постоянно приходилось выдерживать нападения и вступать в схватки «из-за пастбищ и добычи». Выпасом стад занимались мужчины.

Жилищами у скифов служили войлочные помещения на повозках с четырьмя или шестью колесами. Глиняные модели таких кочевнических жилищ сарматского времени найдены при раскопках на Керченском полуострове. Остатки деревянных повозок нередко встречаются при раскопках скифских курганов. Кибитки, защищавшие от ветра, дождя и снега, предназначались для женщин и маленьких детей; в них также хранилось имущество. Жизнь мужчин с детства была связана с верховой лошадью.

Одежда и экипировка скифов были хорошо приспособлены к условиям кочевой жизни. В их быту большое место занимали различные изделия из кожи, шкур, войлока, шерсти. Из этих материалов изготовлялись кошмы, бурдюки, одежда, обувь и множество других вещей домашнего обихода. Изготовлением их занимались в основном женщины.

Головной убор скифской царицы. *Реконструкция Б. Н. Мозолевского* по материалам раскопок из кургана Толстая Могила. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

В курганах скифского времени на Алтае, в условиях вечной мерзлоты, сохранились вещи из кожи, войлока, шерстяных тканей, изготовленные с большим мастерством и художественно оформленные аппликациями, вышивками и пр. Рукоделие имело общее распространение в кочевой среде. Очень удобной была одежда скифов — короткие, туго перетянутые поясом кожаные (мехом внутрь) кафтаны, плотно облегающие кожаные штаны или широкие шерстяные шаровары, мягкие, перевязанные у щиколотки полусапожки («скифики»), остроконечные башлыки, хорошо защищавшие голову. Одежда украша-

Бой скифов. Изображение на гребне. Курган Солоха. Запорожская область. IV в. до н. э.

лась вышивкой, а парадная одежда богатых скифов расшивалась множеством золотых украшений.

В могилах скифянок (даже цариц, например в курганах Чертомлык, Куль-Оба, Александрополь) встречаются веретена — орудия женского труда. У богатых женщин веретена были греческие с костяным набором художественной работы. У простых скифянок — деревянные с глиняным или свинцовым пряслицем-грузиком. Столь же незаменимыми женскими орудиями являлись шилья, проколки, иглы. У знатных скифянок (Мелитопольский курган и Гайманова Могила) оказался целый рабочий «несессер» — около ста шильев.

Посуда, использовавшаяся в кочевом быту скифов, была преимущественно деревянной и металлической: бронзовые котлы для приготовления мясной пищи, бронзовые миски, деревянные подносы и чаши, причем многие из последних были украшены золотыми оковками с изображениями в зверином стиле. Местной глиняной посуды было немного, в основном были простые горшки грубой лепки.

Скифы в большом количестве приобретали греческое оливковое масло и вино в амфорах, а также сосуды для вина: канфары, килики, скифосы и пр. Богатые скифы охотно покупали также бронзовую посуду греческого производства.

Нет сомнения в том, что в кочевьях скифов существовали оружейные, литейные, кузнечные, ювелирные и другие мастерские. Изделия их широко представлены в разнообразном составе предметов скифской материальной культуры. Однако большинство отрас-

Сцена из скифской жизни. Фриз чертомлыкской вазы. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

лей ремесла носило характер домашнего производства, обслуживавшего нужды только своей общины. Оно не приобрело значения товарного ремесла, специализировавшегося на изготовлении продукции для обмена.

Обособление ремесла еще находилось в начальной стадии и больше всего коснулось самой важной его отрасли — изготовления железа. Одним из центров такого рода производства было Каменское городище на Днепре, возникшее в V в. до н. э. Раскопки городища показали, что многие его жители занимались изготовлением железа из руды в сыродутных горнах, а также кузнечными и бронзолитейными работами. Изготовляемое здесь оружие, принадлежности конской узды, орудия труда и прочее находили сбыт у кочевников.

Металлургические мастерские были неразрывно связаны с жилым домом и хозяйством ремесленников; они не представляли особых специализированных предприятий. Обитатели Каменского городища были лично свободными и вели самостоятельное хозяйство, торговлю, владели оружием. Они являлись полноправными членами скифской общины, их оседлая жизнь и занятия ремеслом были обусловлены непосредственными потребностями общества в изделиях ремесла. Каменское городище представляло собой центр ремесла и торговли — нечто вроде зарождающегося города.

Важно отметить, что жители Каменского городища занимались не только привычным для них скотоводством, но также и земледелием, о чем свидетельствуют находки таких орудий, как железных серпов, мотыг, ка-

Сцены из военного быта скифов:
1 — скифы беседуют; *2* — скиф натягивает лук; *3* — скиф перевязывает ногу товарищу; *4* — скифская «стоматология». Курган Куль-Оба близ Керчи. IV в. до н. э.

менных зернотерок, а также отпечатки зерен проса и пшеницы на стенах лепной глиняной посуды местного изготовления. Каменское городище свидетельствует о начале процесса постепенного перехода части степного скифского населения к оседлости, что в свою очередь является показателем глубоких внутренних изменений в скифской среде.

Земледельческие племена Скифии. Основным земледельческим населением Скифии были племена, которые обитали в лесостепной полосе Среднего Поднепровья. В их составе выделяются два крупных этнокультурных массива. К первому из них относятся племена, которые жили к западу от Днепра, между Днепром и Днестром (скифы-пахари Геродота), и связанное с ними по культурным и этническим признакам племенное образование, населявшее среднее течение Ворсклы. Те и другие происходили от чернолесских племен начала железного века и, вероятнее всего, были праславянами.

Ко второму массиву можно причислить племена, жившие в Левобережной Лесостепи, на Нижнем Сейме, в среднем и верхнем течении рек Сулы, Псла, Северского Донца (вероятно, скифы-земледельцы). В отличие от населения Правобережья эти племена были народом пришлым, появившимся в Левобережье в начале VI в. до н. э. и принесшим с собой полный развитый комплекс раннескифской культуры. Они, вероятнее всего, принадлежали к той же ветви ираноязычного населения, что и кочевые скифы, представляя собой земледельческий народ скифской культуры и этноса.

По уровню своего социального развития, способу ведения хозяйства, уровню развития ремесла и торговли земледельческие племена правобережной и левобережной частей Лесостепи были близки между собой. Однако исторические судьбы и процессы

Утварь. Курган Гайманова Могила. Запорожская область. IV в. до н. э.

развития у племен Правобережной и Левобережной Лесостепи оказались различными.

Племена Правобережной Лесостепи. Господство скифов в Северном Причерноморье оказывало глубокое воздействие на экономику, социальный уклад, материальную культуру, идеологические представления и на многие другие стороны жизни населения Правобережной Лесостепи. Особенно сильно это влияние степных соседей отразилось на обитателях приднепровской и южной части этих земель, граничивших со Степью (северная часть нынешней Кировоградщины, Черкасчина, Киевщина). Далее на север и северо-запад скифское влияние заметно уменьшается, местные доскифские черты сохраняются здесь отчетливее. В соответствии с этим в скифское время на Правобережье могут быть выделены территории отдельных племен, различавшихся между собой определенными этнографическими признаками, особенностями быта и обычаев. К числу таких культурно-племенных подразделений относятся: киево-черкасский регион, объединяющий тясминскую, каневскую и киевскую группы памятников; восточно-подольский регион — в среднем течении Южного Буга на Винничине; западноподольский регион, который соответствует территории современных Тернопольской, Черновицкой и Хмельницкой областей; волынский регион, охватывающий южную часть Полесья — современные Ровенскую, Житомирскую и северную часть Хмельницкой областей.

Наиболее обжитым, густо заселенным и развитым в экономическом и культурном отношении был приднепровский, киево-черкасский регион. В период с конца VII — начала VI в. до н. э. местное население здесь постепенно лишалось старых доскифских черт чернолесской культуры и приобретало различные элементы скифской культуры.

На смену погребальному обряду с преобладанием урновых трупосожжений в бескурганных могильниках приходит новый обряд трупоположения в грунтовых ямах с сооружением деревянных гробниц под насыпью кургана, по скифскому обычаю. В погребениях все чаще встречаются вещи скифского типа. Сначала их было немного — наконечники стрел, пастовые бусины, железные ножи; со временем появились панцири, копья, мечи, колчаны со стрелами, луки, уздечки.

В середине VI в. до н. э. местное население пользовалось уже полным набором скифского вооружения и конского снаряжения. Общими для всех племен Скифии становятся основные типы орудий труда (железные топоры, тесла, серпы, мотыги и т. д.), украшения, предметы туалета, металлическая посуда, вещи культового обихода. В художественном оформлении предметов из металла и кости широко распространяется общий для всех скифских племен звериный стиль.

Резко возросло имущественное и социальное неравенство. Мужские захоронения уже имеют предметы вооружения и сбрую верхового коня. Появляются курганы с захоронениями знатных воинов в сопровождении полного комплекта скифского воинского снаряжения, золотых украшений, предметов культа. В ряде случаев вместе с умершим клали насильственно умерщвленных женщин и слуг, появляются жертвоприношения коней.

Все это говорит об установлении тесных контактов земледельческого населения со степным скифским миром, об интенсивно протекающей перестройке родовой организации в направлении военизации жизненного уклада, как это было у степных скифов. Складывалось воинское сословие, включавшее все взрослое мужское свободнорожденное население. Усили-

валась власть и увеличивалось богатство родовых и племенных вождей, которые одновременно становились военачальниками.

Местное население усвоило скифский, общеевразийский обычай сжигать деревянные склепы вместе с находящимися в них погребениями. Когда дерево склепа разгоралось, его тушили, забрасывая огонь землей. Этот момент служил началом сооружения курганной насыпи.

Керамика племен Правобережной Лесостепи конца VII — начала VI в. до н. э. отличалась большим разнообразием форм, тщательностью отделки, богатством орнаментации. Традиционную форму сохранили высокие кухонные горшки, украшенные налепным валиком под венчиком и на поясе. Поверхность столовой посуды покрывалась черным лощением. В большом ходу были биконические корчаги, миски, кубки с округлым корпусом, черпаки с высокими ручками. По лощеной ровной поверхности посуды наносился резной геометрический орнамент сложной композиции, который покрывался белой пастой. Разнообразию форм и богатству орнаментальной отделки керамики, очевидно, благоприятствовали оживленные связи с земледельческими фракийскими племенами Днестро-Дунайского бассейна, прослеживающиеся еще со времен позднего чернолесья. Однако этот подъем гончарного ремесла не был продолжительным. В результате укрепления связей со степным скифским миром, где керамическое производство не принадлежало к числу ведущих, а также вследствие широкого распространения импортной греческой керамики, начиная с середины VI в. до н. э. происходит упрощение и обеднение форм употреблявшейся в быту местной лепной посуды. В ходе этого процесса исчезали доскифские традиции и распространялись стандартизированные формы простых кухонных горшков и столовых мисок, которыми пользовались все земледельческие (отчасти и кочевые) племена скифской культуры.

VI—V вв. до н. э. в истории племен Правобережной Лесостепи ознаменовались большим экономическим и культурным подъемом. В это время возникли большие укрепленные поселения. Внедрение железных орудий труда способствовало развитию земледелия и различных видов ремесла. Это подтверждается находками при раскопках значительного количества зерновых ям и различных орудий, связанных с земледелием и переработкой земледельческих продуктов. Значительно расширились торговые связи с греческими городами Северного Причерноморья, прежде всего с Ольвией. На поселениях и в курганах южной части Правобережной Лесостепи (по Тясмину, Роси, Южному Бугу) найдено особенно большое количество предметов античного импорта, поступавшего как из греческой метрополии, так и из ремесленных мастерских северопричерноморских центров. Все это подтверждает свидетельство Геродота о том, что скифы-пахари имели торговые отношения с греками.

Таким образом, вхождение местных земледельческих племен в состав политического объединения Скифии, несмотря на определенные тяготы, связанные с уплатой дани, открывало перед господствующей верхушкой определенные выгоды и перспективы. Они состояли прежде всего в значительном расширении культурных и торговых связей, стимулировавших развитие земледелия и представлявших возможности дополнительного обогащения.

Какими бы ни были формы политических взаимоотношений между степными племенами Скифии и населением лесостепной полосы, они не устраняли постоянной угрозы военных нападений степняков, во время которых кочевники угоняли скот, грабили

имущество, брали пленных, обращая их в рабов. Поэтому жители южной, пограничной со Степью, приднепровской зоны вынуждены были окружать свои поселения мощными укреплениями. В систему укреплений включали также большую свободную площадь, служившую загоном для скота, овраги с родниками и речки, необходимые как источники воды на случай осады.

Сосредоточение таких поселений-городищ (Пастырское, Шарповское, Буда-Макеевское, Мотронинское) находится на Тясмине и его притоках. Далее на север на берегу Днепра, возле Канева, расположены Трахтемировское, Григоровское, Большое Каневское городища; под Киевом — Хотовское и Ходосовское. Расположение их над долиной Днепра свидетельствует о том, что угроза нападения шла не только с юга, но и с востока — со стороны левобережной равнины, также служившей ареной кочевий степных скифов. Группа городищ возникла и в Восточной Подолии. Среди них наиболее известным является Немировское городище в окрестностях Винницы. Население этой территории изготовляло высококачественную глиняную столовую посуду, украшенную пластическим орнаментом.

В позднечернолесское и раннескифское время происходило расселение земледельческих племен из Побужья и Поднепровья к Днестру. Во время этого переселения на запад пришельцы частично вытеснили, частично ассимилировали местные племена, положив начало существованию западноподольского региона скифской культуры.

Количество вещей скифского обихода в памятниках западноподольской группы (особенно относящихся к V—IV вв. до н. э.) сравнительно невелико; мало и предметов, художественно оформленных в духе скифского звериного стиля. В погребальном обряде сохраняются черты доскифского периода (погребения в скорченном положении, обряд трупосожжения). В материальной культуре населения этого региона прослеживается контакт с фракийскими племенами Карпато-Дунайского бассейна.

Миграция значительных групп населения из Среднеднепровской Лесостепи в район Верхнего Поднестровья, начавшаяся еще в чернолесское время, привела к исчезновению здесь населения высоцкой и лужицкой культур.

На основе племен чернолесской культуры на территории Волыни сложилась локальная племенная группа, особенно интересная тем, что она в наименьшей степени оказалась затронутой скифским влиянием. Тут продолжали существовать неукрепленные родовые поселки. Стойко сохранялся древний обряд трупосожжения с урновыми захоронениями в бескурганных могильниках. В формах посуды продолжали существовать слабо измененные доскифские образцы. Предметов скифского обихода найдено очень немного. Население этой территории оказалось в стороне также от торговых связей с греческими колониями. Определенная отсталость экономики подтверждается тем, что тут в течение раннего скифского времени продолжают употребляться кремневые серпы, давно уже вытесненные на всей остальной территории Скифии. Социальная и имущественная дифференциация у населения скифского времени на Волыни выражена очень слабо.

Племена, обитавшие на Волыни, поддерживали контакты с населением милоградской культуры Припятского Полесья. Встречаются смешанные поселения и погребения обеих этих групп населения в пределах одной территории. Очевидно, между ними сохранялись мирные добрососедские отношения.

Племена же Среднего Поднепровья попали в водоворот бурных событий,

Глиняный кувшин из могильника черняховской культуры с символическими знаками. Село Войсковое Киевской области. III—IV вв.

Серебряные пряжки и фибулы из могильника в с. Скалистое Крымской области. VI—VII вв.

Золотое нагрудное украшение из захоронения в с. Глодосы Кировоградской области. VII в.

происходивших в Степной Скифии, и все более втягивались в орбиту скифского мира. Местные особенности доскифского времени постепенно сглаживаются. В жизни, быту, торговых связях, характере социальных отношений и отправлениях культа преобладающими становятся черты, свойственные кочевникам. В составе инвентаря утрачивается грань между степными скифами и земледельческим населением правобережной группы. Вполне вероятно, что столь сильное культурное, социальное и экономическое воздействие и тесные политические связи могли привести к ассимиляции какой-то группы населения южной части среднеднепровской лесостепной зоны Правобережья степными скифскими племенами.

Выше уже отмечалось, что в IV в. до н. э. политика кочевых скифов по отношению к окружающим племенам и народам, в том числе и подвластным, стала особенно суровой. Появление на южной окраине Лесостепи, в бассейне Тясмина, курганов с погребениями в катакомбах степного типа свидетельствует о проникновении сюда скифского населения. Одновременно пришли в упадок, а в ряде случаев и вовсе прекратили существование многие из больших скифских городищ на Правобережье (Пастырское, Шарповское, Трахтемировское, Немировское и пр.). Вместо опустевших возникает несколько новых укреплений (например, Плискачевское городище), но жизнь в них теплится слабо и скоро совсем обрывается. Очевидно, политическое объединение с кочевыми скифами, под их властью превратилось в непосильное бремя, подорвавшее нормальную хозяйственную жизнь и приведшее к упадку и запустению края, особенно в его южной части. Несмотря на это, в IV в. до н. э. здесь хоронят отдельных лиц в сопровождении оружия, украшений, оседланных коней, рабов и пр. Однако в отношении большинства погребений трудно даже сказать, принадлежали они степным скифам или же представителям местной (лесостепной) знати, тесно связавшим себя со знатью кочевых скифов, господствовавших в стране.

Глубокие изменения в жизни населения Правобережной Лесостепи наступили с падением могущества степных скифов в III в. до н. э. Начиная с этого времени из обихода исчезли все основные элементы скифской культуры (оружие, украшения, конская узда, звериный стиль и пр.); это свидетельствует о том, что при всей распространенности эти элементы не стали органичными, а продолжали быть воспринятыми под влиянием, идущим извне. В некоторой степени возродились старые доскифские традиции. Восстановился старый обряд погребения с трупосожжением в бескурганных могильниках. В лепной керамике вновь появились некоторые старые доскифские формы.

Сарматы, сменившие скифов в степях, не создали здесь мощного политического объединения, и лесостепные племена надолго обособились от степного мира.

Население Правобережной Лесостепи установило контакт с кельтскими племенами Средней Европы и гето-дакийскими племенами фракийского мира. Одновременно продолжалась традиционная связь с античными центрами Северного Причерноморья позднеэллинистического и римского времени. Все это, вместе с исчезновением скифского комплекса, внесло в черты материальной культуры местного населения новую струю, существенно изменив их по сравнению со скифским временем.

Сарматские племена, по-видимому, не оказывали столь сильного давления на земледельческое население, как скифы. Потребность поддерживать и сооружать укрепленные городища почти отпала. Возобновилась жизнь в неукрепленных поселениях,

которые возникали главным образом на возвышенных и естественно защищенных участках плато. Все это знаменовало собой переход к новому, послескифскому этапу развития местного населения, связанного с так называемой зарубинецкой культурой.

Племена Левобережной Лесостепи. К началу VI в. до н. э. территория Левобережной Лесостепи была уже заселена скотоводческо-земледельческими племенами, принесшими сюда скифскую культуру во всей полноте и многогранности ее архаического комплекса. В отличие от Правобережья здесь не прослеживается постепенно нарастающий процесс проникновения скифского культурного элемента в местную среду.

Население Левобережной Лесостепи концентрировалось несколькими группами по течению основных рек. Одна из них занимала нижнее течение Сейма, другая — бассейн Сулы и Псла, третья заселила лесостепное течение Северского Донца. Очевидно, в таком размещении отразилось естественное их деление на племена. Каждое из этих территориальных племенных подразделений имело определенные особенности материальной культуры, составлявшие их этнографические признаки; это, однако, не нарушает представления об этнокультурной общности населения основной левобережной части Скифии.

В названных районах появились городища и неукрепленные поселения, а также курганные могильники с погребениями по скифскому обряду трупоположения в больших грунтовых ямах с деревянными склепами, куда вместе с умершим клали скифское оружие, конское снаряжение, украшения, бытовую утварь и другие предметы, во многих случаях с преобладанием орнамента в зверином стиле. Погребальный ритуал отличается стойкостью и единообразием, что свидетельствует об определенности обрядов, связанных с анимистическим культом.

Культура племен Посульско-Донецкого Левобережья отличается от культуры правобережных племен источниками своего происхождения, постоянством погребального ритуала, обилием вещей раннескифского обихода, особенностями планировки и устройства городищ, приемами домостроительства, а также своеобразием местной лепной посуды. Местные мастера придерживались простоты форм в изделиях, очень близких к формам, присущим гончарам кочевой Скифии.

Центром сосредоточения племенной группировки в бассейне Сулы было городище у с. Басовка в окрестностях г. Ромны. Главной особенностью посульской группы является наличие тут большого количества курганных некрополей, содержащих в основном захоронения воинов-дружинников VI—V вв. до н. э. Курганы представителей племенной знати и вождей (Старшая Могила, курган у хут. Шумейко) достигали двадцатиметровой высоты и содержали захоронения знатнейших воинов («царей») с обилием оружия и конских уздечек.

Особенно густо был заселен бассейн Северского Донца (в пределах нынешней Харьковской области). Тут обнаружено 19 городищ и более 50 неукрепленных поселений. Последние в большинстве своем были расположены вблизи городищ. Во время военной опасности жители этих поселений, по-видимому, находили убежище за рвами и стенами городищ. Укрепленное городище, расположенные возле него поселения и курганные могильники составляли родовые патриархальные общины. Исследования на городищах и поселениях Северского Донца воссоздают картину высокоразвитого земледелия и пастушеского скотоводства, а также разнообразия ремесел и домашних промыслов.

Очевидно, скотоводческо-земледельческие племена скифской культуры, населявшие Левобережье, были народом воинственным. Это подтверждается не только большим количеством оружия и снаряжения верховых лошадей в погребениях, но также и теми отношениями, которые сложились у этих племен с северо-восточными соседями. Граничившие с ними по Десне и Среднему Сейму носители юхновской культуры с VI в. до н. э. вынуждены были создать оборонительную линию укрепленных поселений, против которых стояла, находившаяся на Нижнем Сейме, линия скифских городищ. Очевидно, отношения между этими двумя народами с начала и до конца скифского периода оставались довольно напряженными.

Весьма сложными оказались также отношения между посульско-донецкими племенами скифской культуры и ворсклинской группой племен, что переселилась с правого берега Днепра в бассейн среднего течения Ворсклы за два века до этого. При продвижении на север эта группа оказалась в окружении многочисленного и воинственного инородного населения. Все это привело к тому, что в конце VII — начале VI в. до н. э. тут исчезли неукрепленные поселения и возник ряд городищ. Самое большое из них — Бельское городище — было основано на месте одного из существовавших ранее поселений при впадении в Ворсклу р. Сухая Грунь. Протяженность внешних валов Бельского городища достигала 30 км. В его оборонительную систему входили три укрепленных валами участка, являющихся как бы самостоятельными городищами, соединенными между собой внешним валом Большого Бельского городища. Это так называемые Западное, Восточное и Северное, или Куземинское, городища. На обширной, окруженной большим валом площади, имеются остатки заселенных участков. Во время военной опасности сюда, очевидно, загонялись стада.

По всей вероятности, между выходцами из Правобережья на Ворскле и посульско-донецкими племенами рано установился союзнический контакт. Имеются основания полагать, что в сооружении укреплений Большого Бельского городища принимали участие как ворсклинские, так и посульско-донецкие племена, причем в дальнейшем здесь продолжали жить и те и другие, сохраняя, однако, территориальное размежевание. На Западном городище обитало население с культурой правобережно-ворсклинского, а на Восточном — с культурой посульско-донецкого типа. Это интереснейшее явление, ставшее известным в результате исследований последнего десятилетия, привлекает к себе пристальное внимание современной науки.

Так или иначе, население ворсклинской группировки, оказавшееся в окружении инородных племен, не было уничтожено. Оно продолжало существовать на протяжении всего скифского периода. Однако с течением времени специфические, близкие к правобережным, черты его материальной культуры постепенно утрачивались, сливаясь с чертами культуры остальных групп населения Левобережья. К концу V в. до н. э. этот процесс ассимиляции уже завершился.

Говоря о племенах скифского времени Левобережной Лесостепи, следует отметить еще одну существенную их особенность. В IV в. до н. э., в пору наивысшей агрессии кочевых скифов, этот народ, его культура и хозяйственная жизнь не пришли в упадок, как это произошло на Правобережье. Наоборот, в IV в. до н. э. здесь наблюдается рост и расцвет хозяйственной и культурной деятельности. Культурные слои IV в. до н. э. большинства городищ и поселений

отличаются наличием большого количества остатков жилых и хозяйственных построек, вещевых находок. К этому периоду относится много предметов античного (преимущественно боспорского) происхождения, что свидетельствует об оживленных меновых отношениях.

По-видимому, население этой территории в меньшей степени, чем его западные соседи, подвергалось опустошительным набегам степняков. Этому могло способствовать их этническое родство, влияющее на регулирование взаимоотношений. Во всяком случае, подъем всех областей экономики — земледелия, ремесел, торговли пастушеского хозяйства — у племен Левобережья шел параллельно с развитием жизни в Степной Скифии.

Хозяйство племен Лесостепной Скифии. Племена, населявшие Лесостепь, были близки между собой типами хозяйства, уровнем развития производительных сил. Все достижения земледелия (орудия труда, набор культурных злаков, способы хранения и переработки сельскохозяйственных продуктов) были общими для народов одной географической зоны, одного уровня культуры.

Господствующим было пашенное земледелие. Это нашло отражение в названии одной из ведущих групп земледельческого населения Скифии (скифы-пахари), в легенде об упавшем с неба золотом плуге и ярме.

Сохранилось несколько деревянных плугов скифского времени. Они представляют собой кривогрядильные рала, подобные современным им в Западной Европе. Рала эти не имели металлических наконечников и чересел для отвала земляного пласта. Для взрыхления земли использовались роговые мотыги и мотыги с железными наконечниками в виде тесла. Собирали урожай железными серпами. Мололи зерно ручными зернотерками. В числе возделываемых культур были пшеница (твердая и мягкая), просо, ячмень, рожь, горох, чечевица, нут, чуфа, вика, лук, чеснок. Есть данные о существовании в Скифии садоводства.

Обильные остеологические материалы, полученные при раскопках, свидетельствуют о весьма существенной роли скотоводства. Преобладающее место в стаде занимал крупный и мелкий рогатый скот. В большом количестве разводили лошадей, мясо которых также употреблялось в пищу, и свиней.

Охота и рыбная ловля были вспомогательными промыслами. На городищах, как правило, встречаются в небольшом количестве кости лося, благородного оленя, косули, кабана, медведя, волка, лисы, бобра, зайца и других диких животных.

Жилищами служили деревянные постройки. У населения Правобережья весьма распространенными были жилища с углубленным основанием (полуземлянки), стены которых состояли из брусьев или из жердей, сплетенных прутьями и обмазанных глиной. У племен Левобережья преобладали наземные столбовые жилища с глинобитными полами и куполообразными очагами, сделанными из глины на каркасе из прутьев.

Уровень обработки металлов был не ниже, чем у степных кочевников. Железо получали из бурого железняка, озерной и болотной железной руды. Руду обогащали посредством обжига и промывки. В качестве флюса в горн добавляли известняк. Топливом служил древесный уголь.

Твердость железных изделий достигалась путем цементации с помощью науглероживания их поверхности. Другим способом являлось науглероживание железа до состояния стали. Скифские кузнецы хорошо владели технологией сварки, наваривая стальные лезвия. Умение изго-

товлять сталь и правильно использовать ее свойства являлось чрезвычайно важным достижением.

Бронза шла на изготовление большого количества наконечников стрел. Из нее же отливали принадлежности конской узды, котлы, украшения, предметы культа и пр. Местные мастера владели такими приемами, как литье в постоянных формах, литье по восковой модели, сложное литье в больших формах с разъемом их составных частей. Они владели также сваркой, ковкой, клепкой и покрытием изделий из бронзы другими металлами. Литейщики хорошо разбирались в свойствах различных сплавов, используя тот или иной состав в зависимости от назначения изделия.

Значительного развития достигли кожевенное производство, прядение, ткачество, обработка дерева, кости и пр. Шкуры животных кроме механической очистки и размягчения обрабатывались при помощи высококачественных растительных дубителей. Изготовлялись разные сорта кожи.

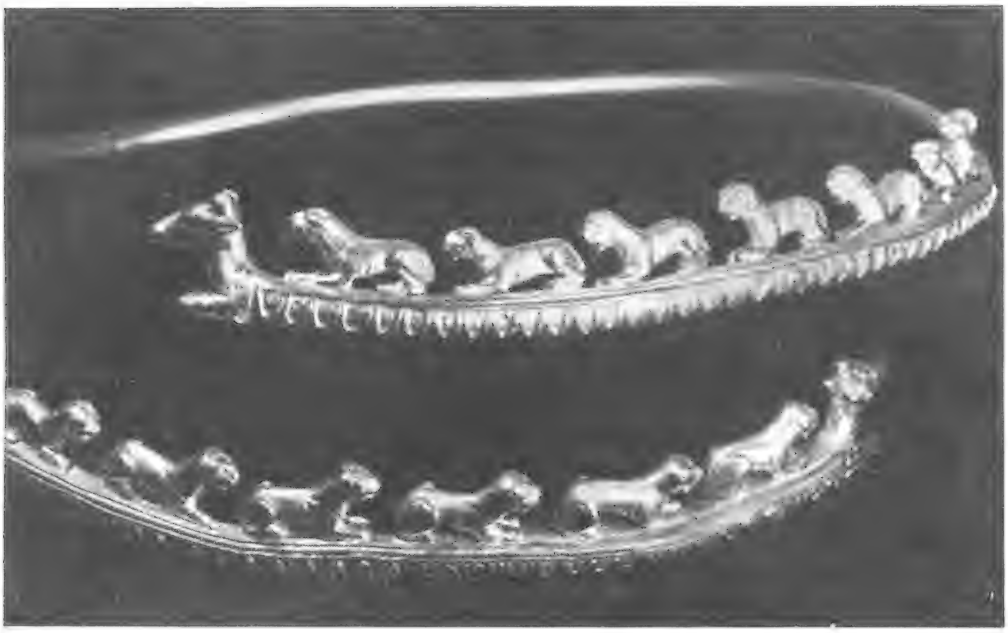
Среди тканей были известны изделия из конопли, льна и шерсти с полотняным и более сложными — репсовым и саржевым — переплетениями. Ткани окрашивали в синий, красный, желтый, лиловый и другие цвета. Красители использовались местные, преимущественно растительного происхождения.

Орудиями плотника и столяра были проушные топоры, тесла, долота, стамески, ножи. Имеются данные об употреблении небольших пил с мелкими зубьями, сверл и буравов. Бревна раскалывали на доски и брусья при помощи клиньев. Доски часто идеально выстругивались.

Высокого уровня развития достигло гончарство. Посуду лепили вручную, с помощью обычных приемов накладывания лент. В качестве отощающих примесей в глину добавляли песок и толченую керамику. Обжигали готовые изделия чаще всего на костре открытым способом при температуре 800—850°. Мастера умело использовали особенности местных глин и, применяя примеси, добивались необходимого состава теста. Гончары отдельных племен владели целым комплексом навыков и традиций в изготовлении посуды определенных типов и форм. Особым мастерством отличались умельцы раннескифского времени на Правобережье. Они изготовляли красивую и разнообразную посуду, которую окрашивали в черный цвет и заглаживали лощилами.

На основе изучения хозяйства племен Лесостепной Скифии можно прийти к заключению, что они в то время находились в числе наиболее развитых народов Восточной Европы.

Торговля у племен Скифии. На ранних этапах своего развития, в VII—VI вв. до н. э., племена Скифии вступили в оживленные меновые отношения между собой, а также со многими другими соседними народами. Развитию внутренней торговли способствовало наличие больших территориально обособленных групп, кочевых и земледельческих племен, нуждающихся во взаимном обмене продуктами своего производства. Обмен этот облегчался тем, что земледелие и скотоводство на этом этапе их развития уже давали значительное количество продукции сверх того, что необходимо было для удовлетворения собственных потребностей. Особенно много излишков имела разбогатевшая верхушка скифского общества. Взаимная заинтересованность в меновых связях в значительной степени содействовала укреплению внутренней консолидации и сложению общих экономических интересов у разных племен Скифии. Развитие обмена обусловило распространение одинаковых форм материальной культуры; хозяйственные усовершенство-



Шейный золотой обруч (гривна). Курган Толстая Могила. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

вания и нововведения становились общим достоянием.

Огромное значение имели и торговые связи с населением Кавказа, через который проходил путь киммерийцев и скифов в Переднюю Азию. К числу предметов кавказского производства, имевших спрос в Северном Причерноморье, принадлежат украшения конской узды, металлическая посуда и пр.

Важными были и установившиеся в VII в. до н. э. торговые связи с греческим миром. В курганах и на поселениях в различных частях Скифии (в Степи, Крыму, на Тамани, в Лесостепи) найдены греческие сосуды (целые и обломки) родосско-милетского происхождения, импортированные еще в доколониальный период. Основание греческих колоний на северном побережье Черного моря способствовало дальнейшему расширению таких связей. Во второй половине VI—V в. до н. э. главная роль в товарном обмене с местным населением принадлежала милетской колонии — Ольвии. Позднее, с конца V, и особенно в IV в. до н. э., торговая инициатива перешла к греческим городам Боспора.

Из Скифии вывозились скот, хлеб, мед, воск, рыба, кожа, а также «огромное количество безусловно отличных рабов» (Полибий), захваченных в походах. Главным невольничьим рынком в Северном Причерноморье был Танаис — город, расположенный в устье Дона.

В Скифию ввозились вино и оливковое масло в амфорах, ткани, различные изделия греческого ремесла, в частности посуда, предметы туалета, украшения и пр. В мастерских греческих колоний, особенно в Ольвии и на Боспоре, предприимчивые мастера изготавливали предметы скифского обихода, предназначенные для сбыта в местной среде. Они отливали из бронзы посуду, в том

числе котлы, зеркала, принадлежности уздечек и пр. Широкое распространение получило изготовление различных украшений и ювелирных изделий: золотых бляшек на одежду, ожерелий, браслетов, колец, золотых и серебряных чаш, а также деталей отделки из золота для оружия.

Скифы поддерживали меновую торговлю с ахеменидским Ираном. В одном из Семибратних (синдо-меотских) курганов на Тамани найден прекрасный серебряный ритон (сосуд для вина в виде рога) древнеиранской работы. На протяжении всего скифского времени развивались торговые связи с фракийскими племенами Карпато-Дунайского бассейна, особенно усилившиеся в IV—III вв. до н. э.

О торговом пути из Скифии на восток, вплоть до Уральских гор и далее в страну исседонов, и на север, по которому ходили скифские купцы, сообщалось выше. Существование его подтверждается и археологическими находками, свидетельствующими о торговых связях скифов с племенами Прикамья, савроматами Поволжья и Приуралья. Вещи скифского типа, полученные в результате обмена, встречаются у племен скифской периферии: у синдо-меотов Прикубанья, тавров Горного Крыма, фракийских народов, населения милоградской и юхновской культур Полесья. Из стран Малой Азии в Скифию поступало большое количество бус из финикийского стекла и пасты. Из Прибалтики ввозился янтарь. Торговля у скифов оставалась меновой. Эквивалентом обмена, как и у многих других древних народов, очевидно, служил скот.

Развитие обмена породило стремление к увеличению его объема как путем расширения хозяйственной деятельности, так и насильственным присвоением чужого имущества в результате походов и получения дани. Все это не могло не содействовать

Золотые ножны меча. Курган Толстая Могила. Днепропетровская область. IV в. до н. э.

накоплению богатства в руках отдельных лиц и углублению, таким образом, социально-имущественной дифференциации. Подобное положение вещей отметили современники

скифов. Вот что пишет Страбон: «Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, пристрастие к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность нравов в значительной степени проникла к варварам, между прочим, и к номадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимать у них роскошь и торгашество».

Широкое проникновение в Скифию изделий греческого ремесла обусловило упадок отдельных видов местных ремесел, таких, как гончарное, косторезное, бронзолитейное и ювелирное.

Общественный строй Скифии. В Скифии господствующее положение занимали царские скифы. Они составляли основную силу во время скифских походов в Переднюю Азию и при сдерживании полчищ персидского царя Дария I. На ранних этапах своей истории царские скифы представляли собой, по-видимому, союз племен, включавший три подразделения, каждое из которых имело собственную территорию и находилось под властью своего царя. Такое деление племен отражено в рассказе о трех соединениях скифского войска во время войны с Дарием I. Причем предводитель самого большого и наиболее мощного воинского соединения скифов Иданфирс считался старшим.

В IV в. до н. э. власть над всеми скифскими племенами сосредоточилась в руках одного царя — Атея. Концентрация власти была важным шагом на пути превращения союза племен в единую народность, объединенную под единым управлением.

Царские скифы считали себя «лучшими и самыми многочисленными»; современники называют их также «свободными скифами», или собственно скифами. По отношению к этой господствующей группе остальные племена были зависимыми, «подвластными», «рабами». В основе этой зависимости, безусловно, лежали отношения данничества, опиравшиеся на военное принуждение. Неуплата дани являлась прямым поводом к войне со всеми ее последствиями — разграблением имущества, пленом, рабством и пр. Но даже выполнение даннических обязательств не гарантировало от набегов. В таких случаях действовали отдельные отряды по собственной инициативе, а не по «общему решению». Прекрасная иллюстрация подобного положения содержится в рассказе Лукиана. В ответ на жалобы боспорцев об участившихся набегах скифские послы отвечали, что эти отряды «не высылаются по общему решению, а каждый из них занимается грабежом на свой страх, ради прибыли», и что в этом случае обороняющаяся сторона сама может наказать их, если сумеет.

Форма зависимости подвластных народов от царских скифов, по-видимому, была различной. В одних случаях она могла быть более мягкой, такой, к примеру, как во взаимоотношениях со скифами-кочевниками и скифами-земледельцами, в других — более жесткой, как со скифами-пахарями и фракийскими племенами. Прямое влияние на характер взаимоотношений могла иметь степень этнического родства, когда близкие по этносу и культуре народы находились в более привилегированном положении, нежели этнически чуждые.

В сообщениях Клеарха Солийского (IV в. до н. э.) имеются свидетельства об особой жестокости по отношению к покоренным народам, в частности к подвластным фракийцам. «Предавшись же роскоши и притом весьма сильно... они (скифы.— *Ред.*) дошли

Золотая оковка горита (футляра для лука). Мелитопольский курган. Запорожская область. IV в. до н. э.

до такой степени жестокости и высокомерия, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали отрезать концы носов... Женщины же их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и северу... Над всеми же они господствовали так надменно, что рабское служение у них, ни для кого не бесслезное, перенесло и в следующие поколения выражение «от скифов», показывая этим каким оно было».

Уже на заре своей истории скифское общество выступало как весьма сложное образование. Внешней формой общественных отношений оставалась родоплеменная структура, однако основы ее уже были подорваны и видоизменены ростом частной собственности, имущественного неравенства, выделением богатой аристократической верхушки, сильной власти царя и окружающей его дружины.

Основу скифского общества составляла малая индивидуальная семья, собственностью которой был скот и домашнее имущество. Но семьи были разными. В руках богачей сосредоточивались огромные стада, в то время как другая часть населения находилась в бедственном положении, не имея даже того минимума скота, который мог бы обеспечить ведение самостоятельного кочевого хозяйства.

Мерилом богатства у скифов с весьма раннего времени являлись также золотые украшения, предметы оружия и узды, золотые чаши и утварь. Источники, например, сообщают, что одно из знатных лиц в Прикубанье владело десятью золотыми чашами, восемью-десятью четырехместными повозками, множеством табунов лошадей, стад крупного рогатого скота и отар овец. Скифской знати противостояла масса рядового населения, большинство которого имело по одной повозке, запряженной парой волов, и поэтому называлось «восьминогим». Но были еще более бедные. Об одном из них рассказал греческий поэт Пиндар (V в. до н. э.): «Среди кочевников-скифов блуждает Стратон, не имеющий дома, перевозимого

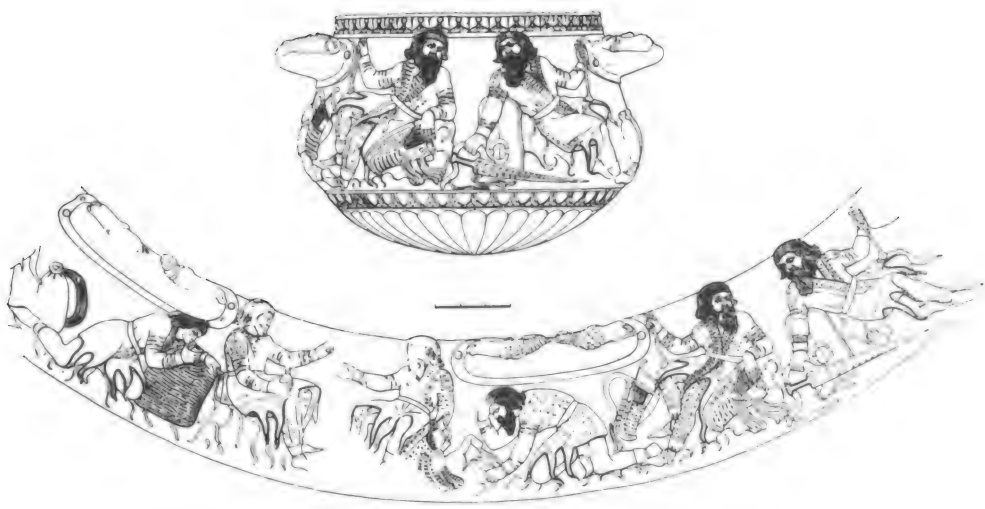
на повозке». «Не имеющий там повозки считается бесчестным (неуважаемым)»,— добавляет к этому комментатор. Псевдо-Гиппократ (V в. до н. э.) упоминает о скифских богачах, которые считались «самыми благородными и пользующимися наибольшим могуществом» людьми в Скифии. У него же сказано и о существовании скифской безлошадной бедноты, принадлежащей к числу людей «самого низкого происхождения».

Скифские курганы дают представление о многогранной жизни и сложной социальной структуре скифского общества. Среди них — погребения скифских царей, представителей военно-родовой аристократической верхушки, знатных и богатых скифов, зажиточных людей, представителей рядового населения, бедноты и рабов. Такое социальное и имущественное деление несло в себе зависимость одной части населения Скифии от другой, с сохранением, однако, внешних форм родовых отношений. Замечательной иллюстрацией такому утверждению является серебряная с позолотой чаша из Гайманової Могилы, на которой изображены скифские вельможи и раболепно прислуживающие рядовые скифы. Пожалуй, это единственное произведение, которое так выразительно передает социальное неравенство, существовавшее в скифском обществе.

Скифы вели счет родства по мужской линии. Старшие сыновья получали долю имущества еще при жизни главы дома. Наследником отцовского хозяйства становился младший из сыновей.

Женщины занимали подчиненное положение. Их жизнь была посвящена домашним занятиям и обслуживанию семьи. У скифов существовало многоженство, и старшая жена занимала более привилегированное по-

Золотая и серебряная посуда. Курган Гайманова Могила. Запорожская область. IV в. до н. э.



Скифы. Курган Гайманова Могила. Запорожская область. IV в. до н. э.
Прорисовка Г. С. Ковпаненко

ложение. Об этом можно судить при рассмотрении состава лиц, погребенных в скифских курганах. В униженном положении находились наложницы.

В среде скифянок поощрялись военные упражнения и владение оружием. В курганах Степной и Лесостепной Скифии найдено немало погребений женщин (преимущественно молодых), при которых помимо женских принадлежностей (украшений, зеркал, пряслиц от веретен) встречаются также и предметы вооружения, такие, как колчаны со стрелами, копья и камни от пращей. Этот факт в определенной степени изменяет сложившееся представление о бесправии и замкнутом образе жизни скифских женщин, о чем пишут античные авторы.

Людей, захваченных в плен, скифы превращали в рабов и продавали грекам. Однако часть оставалась в услужении скифов. Рабство в скифской среде было весьма обычным. Рабы использовались на различных работах по уходу за скотом и особенно в хозяйстве, в быту, в качестве личных слуг. Рабство было очень суровым. В скифских курганах, причем не только в могилах знати, но и в могилах представителей средних и рядовых слоев общества, часто встречаются захоронения людей, положенных в ногах господ, за стенками могил, без вещей, нередко в скорченном положении. Вся обстановка погребального ритуала таких лиц свидетельствует о полном их рабском бесправии и униженности как при жизни, так и после смерти. В условиях натурального хозяйства кочевников рабство у скифов, хотя оставалось патриархальным, домашним, охватывало большое число людей, но не составляло основы производства.

Самим скифам, которые попадали в плен, угрожали смерть или рабство. Спасением от такой участи мог служить выкуп. Паролем, означавшим отправку посольства с целью переговора о выкупе, являлось слово «зирин», что означало «золото». Естественно, что оказаться спасенными в таком положении могли преимущественно скифские богачи и знать, а не рядовые скифы.

Для поддержания своего господствующего положения скифы должны

Золотое украшение щита — «келермесская пантера». Курган вблизи станицы Келермесской на Кубани. VI в. до н. э.

были иметь большое, хорошо вооруженное и дисциплинированное войско. Естественной формой такой военной организации было всенародное ополчение, созданное на основе деления по родам и племенам, стимулирующее сохранение военных традиций, коллективной чести и выработанных нравственных норм. Так, родоплеменная структура, утратив в значительной степени свои первоначальные социальные и производственные функции, продолжала стойко сохраняться в форме военной организации общества. Другим фактором, который способствовал сохранению родовых устоев, являлась общинная собственность на землю.

Во главе страны стояли цари (сначала — три, потом — один) и родовые старейшины, которые являлись также начальниками воинских подразделений. Власть царей была наследственной, сильной и деспотичной. Существовало представление о божественном происхождении царского рода. Цари исполняли судебные, а частично и жреческие функции. Неповиновение приказу царя каралось смертью. Тягчайшим преступлением считалось покушение на жизнь царя путем колдовства. Ближайшим окружением царя являлась его личная дружина, отобранная из числа лучших воинов, независимо от родового деления.

В то же время власть царя в какой-то степени ограничивалась институтами родового строя. Высшим законодательным органом было народное собрание — «совет скифов», имевший право смещать царей и назначать новых из числа членов царского рода. Характерно, что в рассказах Геродота все важнейшие решения принимались не от имени царя, а от «всех скифов».

Со временем власть царя и его ближайшего окружения усилилась, а значение органов родового строя ослабело. Известно, что царь Атей самостоятельно и единолично решал вопросы престолонаследия. Так, он обещал Филиппу Македонскому за оказание военной помощи в войне с Истрией сделать его своим «сыном», «преемником», т. е. царем Скифии. В данном случае это был лишь дипломатический маневр. От своего обещания Атей отказался, как только отпала в этом необходимость, однако сама возможность такого факта указывает на то, как окрепло единовластие скифских царей, расширилось их право решать кардинальные вопросы скифского общества.

Атей понимал, что могущество скифов в значительной степени зависит от сохранения демократических традиций военно-родовой организации, которая к тому времени была уже подорвана обострением социальных противоречий, и делал все возможное,

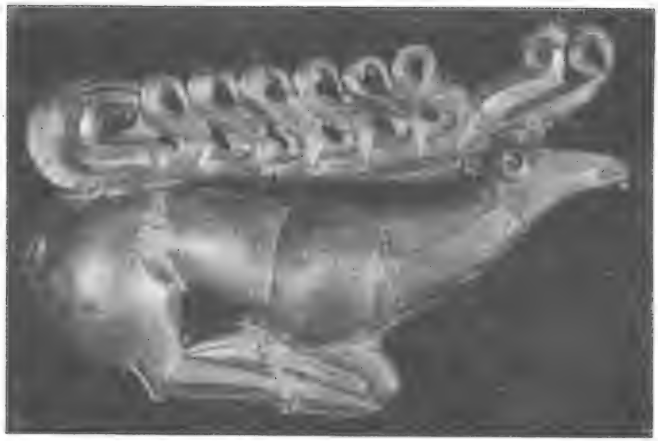
чтобы сохранить их. Эта политическая тенденция нашла отражение в письменных источниках и изобразительном искусстве того времени.

Плутарх (около 46 — около 120 г. н. э.) наделяет Атея героическими чертами варварской простоты и военной доблести. В своих сочинениях он рассказывает, что Атей, чистя коня, спросил у присутствующих при этом македонских послов, делает ли это царь Филипп. Выслушав чудесную игру взятого в плен флейтиста, он сказал, что с бóльшим удовольствием слушает ржание коня. В письме к Филиппу Атей писал: «Ты имеешь власть над македонцами, умеющими воевать с людьми, а я — над скифами, которые могут бороться и с голодом, и с жаждой». Идейная направленность этих противопоставлений едва ли требует объяснения.

Не случайно на монетах, которые выпускал Атей для поддержания своего политического престижа, он изображен в виде простого воина, на коне, с луком в руках, без каких-либо украшений и атрибутов царской власти. Очевидно, эти же идеи отражены в сценах из жизни скифов на чертомлыкской вазе и на золотой пекторали из Толстой Могилы. В первом случае художник изобразил ловлю, укрощение и седловку лошадей. На пекторали изображено стойбище кочевников. Сцены мирного повседневного труда. Юноши доят овец и сливают молоко. Два взрослых скифа, отложив в сторону гориты, шьют одежду из овчины. Люди окружены овцами, козами, лошадьми, коровами с молодняком. Чудесный растительный орнамент служит фоном для этих сцен. Все изображение проникнуто лиризмом, любовью к людям, природе и животным, к привольной кочевой жизни.

Кочевой быт и патриархальные обычаи не могли задержать развития процесса разложения общества, которое сохраняло только внешние формы родоплеменных связей. Именно этот процесс стал одной из причин упадка скифского могущества и распада Скифии.

Вопрос о существовании государства у скифов и времени его возникновения остается дискуссионным. Наиболее вероятным следует считать мнение, что скифское общество в своем развитии достигло раннеклассовых отношений и государственности, основанной на эксплуатации рабов, обедневших сородичей и, самое главное, даннической зависимости покоренных племен. В этом отношении общественный строй скифов мог быть близким к государственному устройству многих других кочевых народов древнего мира и средневековья.



Золотое украшение щита — «костромской олень». Курган вблизи станицы Костромской на Кубани. VI в. до н. э.

Бронзовая бляха с изображением свернувшегося хищника. Курган Кулаковского в Крыму. V в. до н. э.

Социальный строй земледельческих племен Скифии по внешним признакам мало чем отличался от социального строя степных кочевников. У земледельческих племен также существовала военная организация с ополчением из всего вооруженного свободного мужского населения. Власть вождя и родовой аристократии усилилась. Основу войска составляла тяжеловооруженная конница. Существовало патриархальное рабство, формы и проявления которого были такими же, как и у степных скифов.

Однако имущественные и социальные различия у земледельческих племен проявлялись менее резко, чем у степных кочевников. При оседлом ведении хозяйства количество скота в частном владении было ограниченным. Обрабатываемая земля находилась в собственности родовой общины и периодически перераспределялась между отдельными семьями. Этот порядок землепользования мог способствовать сохранению экономического значения больших патриархальных семей и сдерживал рост частной собственности. В таких условиях родоплеменной уклад сохранял не только внешнюю форму, но и реальную экономическую сущность, оставаясь главной формой общественных отношений.

Земледельческие племена находились в даннической зависимости от степных скифов, что, несомненно, ложилось на них тяжким бременем. Стремясь максимально обезопасить себя и сохранить определенную независимость, они вынуждены были создавать и поддерживать систему укрепленных поселений.

Яркую характеристику взаимоотношений земледельческого населения, обитавшего в Крыму, со степными скифами дает Страбон. «Номады,— пишет он,— занимаются больше войной, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение привыкшим заниматься земледелием, они довольствуются получением установленной умеренной дани... в случае же неуплаты... начинают с ними войну... А не платят им те, кто уверен в своих силах так, что может или легко отразить нападающих или воспрепятствовать вторжению... Земледельцы же, хотя и слывут в отношении воинственности людьми более мирными и более цивилизованными, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных средств обогащения».

Этот рассказ античного автора, очевидно, полностью соответствует отношениям, которые существовали между кочевыми скифами и земледельческим населением Лесостепи.

Несмотря на зависимое положение, земледельческие племена Скифии не утратили самоуправления и сохраняли самостоятельность во внутренней хозяйственной жизни. Они владели оружием, имели своих вождей, знать и старейшин, жили по своим законам.

Военно-родовая верхушка поддерживала союзнические отношения с господствующими слоями скифского общества для того, чтобы получать

определенные выгоды от совместного участия в военных походах, а также от торговых контактов, осуществляемых при их посредничестве с кочевым населением степей, с греческими колониями Северного Причерноморья, фракийцами, савроматами и др.

Религия. В своих религиозных представлениях скифы достигли достаточно высокой степени обожествления сил и явлений природы в антропоморфных образах. Пантеон скифских божеств был схожим с пантеонами большинства древних народов. Главной богиней скифского пантеона была Табити, так же как и греческая Гестия,— богиня домашнего очага. В ней, как полагают ученые, воплощалось представление о семейном и родовом единстве. Клятва «божествами царского очага» считалась величайшей клятвой скифов. Главным мужским божеством был бог Папай, отождествляемый с Зевсом. Согласно этногенической легенде, он являлся родоначальником скифов. Супругой Папая названа богиня земли Апи — прародительница скифов.

Бог солнца Гойтосир отождествлялся с греческим Аполлоном, богиня Аргимпаса — с Афродитой. Бог Фагимасад, отождествляемый с Посейдоном, был олицетворением водной стихии и покровителем коневодства. Среди скифских божеств почетное место занимал греческий Геракл, близкий по этногенетической легенде к первому человеку Таргитаю. Антропоморфные изображения Папая, Апи, Аргимпасы, Таргитая имеются на золотых бляхах и бронзовых навершиях скифов. В других образах можно видеть символы бога солнца Гойтосира (изображения орла, оленя, лошади, солнечного знака). Каких-либо специальных храмов у скифов не существовало; в жертву богам приносили скот, чаще всего лошадей.

Особое место в религии скифов занимал бог войны, названный у Геродота по-гречески Арес; по-скифски в письменных античных источниках он не назван. Воплощением его (кумиром) служил старинный железный меч. Только в честь этого божества сооружались специальные святилища в виде высоких возвышений из хвороста с площадкой по верху, на которой устанавливался меч. В жертву богу войны приносили не только скот, но и людей — каждого сотого из числа военнопленных. В честь бога войны ежегодно проводились празднества, на которых особо отличившиеся в боях воины награждались почетной чашей вина. На таких празднествах исполнялись ритуальные танцы и устраивались состязания (борьба, стрельба из лука), сцены из которых изображены на некоторых золотых бляшках.

У скифов существовали священные места. Одно из них связано с Гилеей (Полесьем) в низовьях Днепра, по преданию, местом обитания змеиногой прародительницы скифов. Другое святилище находилось в местности Эксампей (Святые пути), где протекал впадающий в Гипанис (Южный Буг) горький источник, носивший то же название. В этой местности стоял огромный бронзовый котел, вмещавший 600 амфор, с толщиною стенок в шесть пальцев. По преданию, он был отлит из множества наконечников стрел, собранных по одному от каждого скифа по приказу царя Ариапта, пожелавшего узнать численность своего народа. Функции жрецов выполняли цари и представители родоплеменной аристократии.

Целый ряд обрядов и магических действий был связан с земледелием и культом плодородия. Ежегодные большие празднества устраивались в честь «священных даров»: плуга, ярма, секиры и чаши, якобы упавших с неба. Это был праздник, связанный с пробуждением природы, когда, как

Изображение сирены на пластинке из кости. Курган Гайманова Могила. Запорожская область. IV в. до н. э. *Прорисовка Г. С. Ковпаненко*

полагали, совершился брак бога Папая и богини Апи (земли). Праздник носил общескифский характер и был близок как кочевым, так и земледельческим народам Скифии.

У оседлого населения Лесостепи особое значение получили земледельческие культы. При раскопках ряда городищ найдены жертвенники со следами огня. Жертвенники, открытые на городищах Черкасчины (Пастырском, Мотронинском), представляли собой цилиндрическое по форме возвышение из глины диаметром около 1 м, верх которого имел мискообразное углубление с семью концентрическими кругами. Поверхность жертвенников была обожжена; вокруг найдено много углей, горелые колосья пшеницы, кости животных. На городище в бассейне Северского Донца открыт жертвенник, представляющий собой глиняную «тарелку» диаметром 1,5 м, высотой 25 см, к которому вела дорожка из камней. На жертвеннике сохранился толстый слой обгорелой соломы, а рядом лежала куча пепла, в которой найдены «лепешечки» из глины с примесью злаков и модели зерен хлебных злаков и бобовых растений, вылепленных из глины с примесью муки. Идея плодородия была воплощена также в сделанных из глины примитивных фигурках различных домашних животных.

В идеологии скифов значительное место занимал анимизм — культ предков и почитание умерших, связанный с верой в бессмертие души и существование потустороннего мира. Иногда на скифских курганах устанавливались своеобразные скульптуры — стелы, являющиеся древними памятниками монументального искусства. Это, как правило, грубо обработанные гранитные или известняковые плиты, на которых невысоким рельефом высечен скифский воин. На лице обозначены глаза, нос, рот, усы и борода. На шее обычно изображена гривна. Из других деталей экипировки чаще всего бывает выделен пояс, к которому слева подвешен горит с луком, а спереди короткий меч-акинак. Руки согнуты в локтях. В левой руке (реже — в правой) изображен ритон, поднятый к подбородку. На некоторых стелах набор скифских атрибутов бывает более полным. Иногда голова воина покрыта шлемом, а корпус — панцирем. Справа у пояса — боевой топор и второй длинный меч. Встречаются стелы, на которых изо-

Сцена из скифской мифологии: борьба скифов с чудовищем. Костяная пластинка. Курган Гайманова Могила. Запорожская область. IV в. до н. э. *Прорисовка Г. С. Ковпаненко*

бражены подвешенные к поясу длинный нож, оселок, нагайка и чаша. По всей вероятности, эти каменные стелы поставленные в честь предков, воплощали образ божественного прародителя скифов—основоположника господствовавшей группы царских скифов и родоначальника скифских царей.

Большинство предметов бытового обихода из металла, кости, а также, очевидно, из дерева, тканей, войлока и кожи у кочевых и земледельческих племен Скифии художественно оформлялись с определенным своеобразием. Мотивы такого оформления были заимствованы из зооморфного мира и находили свое воплощение в изображениях фигурок или каких-то частей животных, птиц или рыб. Этот вид изящного прикладного искусства получил название скифского звериного стиля.

Среди образов раннескифского искусства излюбленными были изображения оленя, барана, пантеры, лося, горного козла. Достаточно часто использовались мотивы головок коня, орла, грифобарана, когти птиц и пр. Животные изображались, как правило, в спокойном состоянии. Подчеркнутые черты свирепости и силы встречаются преимущественно в образах, заимствованных из искусства древневосточного мира (львы, грифоны, фантастические чудовища).

В конце VI и особенно в V в. до н. э. под влиянием греческого искусства изображения животных в скифском стиле становятся более декоративными, орнаментальными, утрачивают первоначальную суть звериного образа. В оформление сюжета включаются такие элементы, как розетки, пальметты, симметрично загнутые волюты. Нередко в контур одного образа вписывается элемент другого.

В IV в. до н. э. наблюдается упадок местных мотивов, вырождение их в малопонятную схему, в которой уже трудно становится угадать первоначальное значение образа. В то же время получают распространение реалистические греческие сюжеты — сцены борьбы и терзания зверей и изображения разных животных.

Изображения в зверином стиле не только отвечали эстетическим вкусам скифского населения, но и воплощали определенную магическую символику. Они играли роль амулетов-оберегов, призванных защищать их собственников от враждебных сил и привле-

кать покровительство и помощь доброжелательных божеств.

Соседи скифов. В состав Скифии на территории УССР не входили племена, обитавшие в Горном Крыму, в Закарпатье, в южной части Полесья — в бассейне Припяти на Правобережье и Десны на левом берегу Днепра.

Современники скифов — тавры, жители Горного Крыма и побережья Черного моря, были одним из наиболее диких и отсталых в культурном отношении народов той эпохи. Они жили небольшими замкнутыми общинами в неукрепленных поселениях. Убежищами во время военной опасности им служили специальные укрепления, сооруженные на неприступных скалах Таврии. Одни из немногих народов того времени, они использовали для жилья пещеры и другие естественные укрытия.

Вплоть до начала железного века тавры пользовались каменными орудиями — кремневыми вкладышами для серпов, каменными шлифованными топорами. В VI в. до н. э. у них появились скифские наконечники стрел, копья, некоторые другие виды оружия, а также предметы снаряжения верховой лошади. Однако количество вещей скифского типа в употреблении у тавров было небольшим.

В предгорных районах и в долинах рек тавры занимались земледелием и скотоводством с преимущественным разведением мелкого рогатого скота. Немаловажную роль играли рыболовство и охота. Хозяйство и быт тавров имели весьма замкнутый характер. Несмотря на непосредственное соседство Херсонеса и близость Боспора, на их поселениях и в могилах почти не встречаются предметы античного импорта. Несколько увеличился импорт античной посуды лишь в поздний период. У тавров устойчиво сохранялся родовой строй.

Чтобы воспрепятствовать установлению контактов с греками и другими иноземцами, они приносили в жертву всех потерпевших кораблекрушение и захваченных в плен. Эти жертвоприношения совершались в честь главного божества тавров — великой богини Девы, которую древние писатели отождествляли то с Артемидой, владычицей зверей, то с Ифигенией, дочерью Агамемнона.

Отличительными чертами культуры тавров, получившей название *кизилкобинской,* являются: ее своеобразная керамика, набор украшений и специфический погребальный обряд. Тавры хоронили умерших в каменных ящиках, пристроенных один к другому и расположенных цепочкой на возвышениях. Сверху они обычно засыпались землей, образуя параллельные гряды. Эти дольменообразные сооружения служили коллективными усыпальницами для членов отдельных семей и использовались в течение продолжительного времени. Отдельные гробницы содержат останки нескольких десятков умерших. Цепочка из каменных ящиков представляла собой кладбище родовой группы.

Полагают, что тавры проникли в Крым через Тамань и Керченский полуостров из горных районов западного побережья Кавказа в конце бронзового века.

В период раннего железного века территорию Закарпатья довольно плотно заселяло население, памятниками которого являются многочисленные курганы так называемой *куштановицкой культуры.* Погребения совершались по обряду трупосожжения. Прах ссыпали в урну или же в неглубокую ямку. Погребения сопровождались незначительным количеством инвентаря (украшения, ножи, иногда — предметы вооружения) и множеством горшков с напутственной пищей. Над погребением высился небольшой курган из земли и камней.

Анализируя вещественный состав находок из куштановицких курганов,

особенно глиняную посуду, представленную биконическими корчагами, мисками, черпаками, горшками с валиковым налепом и прочим, ученые пришли к выводу, что это население образовалось в результате слияния двух различных этнических групп. Первоначальную основу его составляли обитавшие здесь ранее фракийские племена, затем к ним присоединилась значительная часть населения, переселившегося сюда из областей Украинской Лесостепи, с территории Западной Подолии. В результате местные традиции сохранились только в обряде кремации и некоторых типах керамики. Привнесенные с востока элементы коренным образом преобразовали культуру фракийского гальштата и приблизили ее к культуре Лесостепного Правобережья.

Невры, основная территория которых находилась к западу от Днепра, в Белоруссии, небольшими группами проникали на юг от Припяти, вплоть до верховий Южного Буга и р. Стугны. Здесь они жили мирно, зачастую вперемежку с племенами скифов-пахарей и подверглись их сильному культурному влиянию, так что их местную группу стало принято выделять в качестве *подгорцевской.* Селились они небольшими неукрепленными поселениями на низких берегах рек и озер. Как и у других народов этой зоны, основу их хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Открыты остатки бронзолитейных мастерских, в которых изготовляли своеобразные ажурные украшения, не имевшие ничего общего со скифскими. Аналогии им находят на севере и северо-востоке, в кругу культур балтского и финно-угорского мира. Своеобразными чертами отличается керамика, в основе которой преобладают горшки с круглым дном и венчиком, украшенным под краем наколами или ямками.

В целом культура подгорцевского населения может быть охарактеризована как южная ветвь милоградской культуры, попавшей под сильное влияние скифской. У милоградских племен на территории Белоруссии господствовал обряд погребения с трупосожжением в бескурганных могильниках, что также характерно для подгорцевского населения в границах современной Украины. Однако в отдельных случаях встречаются погребения с трупоположением в курганах, в чем сказалось влияние культуры южных соседей. Очевидно, эта часть племен довольно рано установила дружественные отношения со своими южными соседями, попала в сферу их влияния и, в конце концов, была ассимилирована племенами зарубинецкой культуры, с распространением которых на север и северо-восток исследователи связывают продвижение древнеславянского населения.

Аналогичный процесс произошел на южной границе Левобережного Полесья, где земледельческие скифские племена поддерживали контакты с населением юхновской культуры, обитавшим на Десне и в Курском Посеймье. Они назывались меланхленами, т. е. черноризцами. Потомки бондарихинских племен — *юхновские племена,* вытесненные скифами далеко на север, защитили свою территорию от скифского мира системой укрепленных городищ на Десне, расположенных на высоких мысах плато над долиной реки. Они окружались валами и окапывались рвами, особенно с напольной стороны. Большинство городищ существовало в течение долгого времени, вплоть до конца скифского периода. В хозяйстве юхновских племен наряду с земледелием и скотоводством видное место занимали рыболовство и охота. Керамика юхновской культуры сохраняла традиции бондарихинской культуры. Преобладали высокие слабопрофилированные горшки с плоским дном, украшенные на шейке и срезе венчи-

ка горизонтальным рядом отпечатков, сделанных концом щепки или палочки.

Среди украшений встречаются ажурные подвески, несколько напоминающие украшения подгорцевского населения. Изготовлялись они на месте, о чем свидетельствуют находки форм для их отливки. Своеобразными местными формами являются глиняные «рогатые кирпичи» для очагов, большие грузила для рыбацких сетей и глиняные побрякушки. Большинство предметов вооружения, конское снаряжение и некоторые виды украшений были позаимствованы у скифов.

На территории, занятой юхновскими племенами, наряду с городищами существовали открытые неукрепленные поселения. Жилища там были наземные, столбовые, стены — плетневые, обмазанные с обеих сторон глиной. На юхновских памятниках Курского Посеймья найдено небольшое количество античной керамики, в том числе и обломки ранних черно-фигурных сосудов VI в. до н. э. Однако в целом торговые контакты с античным миром у населения юхновской культуры выражены слабо.

Памятники юхновской культуры прослеживаются до конца скифского периода. В последние века до нашей эры — в начале нового летоисчисления эта культура постепенно исчезает, уступая место зарубинецкой, которая сохраняет некоторые юхновские черты. Подобное явление наиболее соответствует процессу постепенного сближения и ассимиляции местного населения в результате контактов с пришлыми племенами.

Сарматы (савроматы), являющиеся восточными соседями Скифии, рассмотрены в параграфе 4 данной главы.

3. МАЛАЯ СКИФИЯ

С III в. до н. э. начинается заключительный период истории скифов Северного Причерноморья, характеризующийся дальнейшим развитием у них государственности и переходом к городской жизни. После смерти Атея (339 г. до н. э.) могущество Скифии ослабевает и владения ее на востоке и западе значительно сокращаются. Основная часть земледельческого и кочевого населения под натиском сарматов отходит на Таврический полуостров. По свидетельству Страбона, территория Степного Крыма вместе с прилегающей к ней областью за Перекопским перешейком до Днепра стала называться Малой Скифией. Остальная часть скифского населения перекочевывает «за Тиру и Истр» в область Добруджи, также получившей название Малой Скифии. Территория Каменского городища сокращается до пределов акрополя. Центр скифов переносится в Крым, где, как и на Нижнем Днепре, какая-то часть их оседает, остальные продолжают вести кочевой образ жизни, занимаясь войной и сбором дани.

В III в. до н. э. на перекрестке древних торговых путей в долине Салгира скифы основывают значительный укрепленный пункт, защищенный каменными оборонительными стенами, получивший греческое название Неаполь (Новый город). После утверждения скифов в равнинной части Крыма оживляются их торговые связи с греческими городами Северного Причерноморья. Главными пунктами ввоза были Херсонес и города западного побережья.

В связи с изменением экономической конъюнктуры в Восточном Средиземноморье и наступлением сарматских племен в III в. до н. э. происходит временное ослабление греческих городов Северного Причерноморья. Ярким доказательством этого

служит декрет в честь Протогена, в котором описывается тяжелое экономическое положение Ольвии, обусловленное постоянным натиском кочевников.

Воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией, скифские цари подчиняют Ольвию, налагают дань на Боспор и начинают вести активное наступление на причерноморские города западного побережья Крыма. Свободный доступ к морю открывал для них возможность вступить в непосредственные сношения с греческими государствами Средиземноморья и Причерноморья и расширить сферу своей торговой деятельности, избавившись от посредничества Херсонеса и Боспора. Первыми подверглись нападению греческие города на северо-западном берегу полуострова, основанные Херсонесом для контролирования прилегающей к ним земледельческой окраины. Это привело к военным столкновениям скифов с Херсонесом и положило начало их длительной борьбе.

После одного из очередных набегов скифов Херсонес обратился за помощью к сарматской царице Амаге, жене царя Медосакка. В это время сарматы в Причерноморье представляли собой уже значительную политическую и военную силу. Освободив Херсонес от скифов, Амага убивает скифского царя и передает царскую власть его сыну, обязав его прекратить нападения на Херсонес. Крымские скифы на некоторое время попадают в зависимость от сарматов. Однако вскоре они восстанавливают свои силы и освобождаются от нее.

Наибольшего расцвета Малая Скифия достигает во II в. до н. э. в годы правления царя Скилура, имя которого называет ряд античных авторов. Известно оно и по эпиграфическим надписям и монетам. Скульптурные портреты Скилура и его сына Палака сохранились на мраморном рельефе, обнаруженном в Неаполе скифском. В то время скифское государство на востоке граничило с Боспорским царством; на юге — доходило до предгорий Крыма, населенных таврами; на севере в него входили области на Нижнем Днепре, в том числе и Ольвия, где скифский царь Скилур стал чеканить свою монету. На западном берегу полуострова скифы захватили главные гавани — Керкинитиду, Калос Лимен — и ряд других греческих укрепленных пунктов, превратив их в свои крепости.

Неаполь, ставший в это время главной резиденцией скифских царей, превращается в крупную крепость и дополнительно укрепляется защитной стеной и прямоугольной башней у главных ворот. В городе воздвигаются дворцовые здания с портиками, украшенными мраморными и бронзовыми статуями. Стены некоторых зданий покрываются красочной росписью. На главной площади устанавливается конная статуя царя Скилура. Там же находились статуи Зевса, Афины и Ахилла Понтарха, поставленные в честь этих богов выходцем из Родоса греком Посидеем, переселившимся в Неаполь скифский из Ольвии. Как видно из надписей на этих статуях, он исполнял обязанности наварха—командующего скифским флотом — и одержал победу над сатархеями, занимавшимися пиратством. Возле главных ворот Неаполя был построен каменный мавзолей, ставший усыпальницей скифских царей и представителей знати. Против ворот находилось общественное зернохранилище, а на восточной окраине города — большой искусственный водоем.

В это же время скифы возводят ряд укрепленных поселений в центральных предгорьях Крыма. В античных источниках кроме Неаполя скифского упоминается еще три укрепления: Хабеи, Палакий и Напит, служившие Скилуру и Палаку опорными пунктами во время войны с

Рельеф с изображением Скилура и Палака. Неаполь скифский. II в. до н. э.

Митридатом. В Западном Крыму сохранились до нашего времени остатки четырех крупных скифских укрепленных поселений городского типа с двойной линией обороны в виде рвов, валов и каменных стен с башнями.

Укрепленные поселения появляются в конце III — во II в. до н. э. и на северной окраине Малой Скифии, по обоим берегам Нижнего Днепра; многие из них возникли на месте более ранних скифских поселений IV—III вв. до н. э. Названия ряда населенных пунктов на берегах Днепра приводятся у Птолемея (II в. н. э.). Это — Азагарий, Амадока, Сар, Серим, Метрополь, Ольвия или Борисфен, а по рукаву Днепра: Леин, Сарбак и Ниос. В настоящее время на берегах Днепра и его притоках известно 16 укрепленных поселений. Шесть из них подвергались раскопкам: у сел Золотая Балка, Гавриловка, Николаевка и Красный Маяк — на правом берегу и у сел Знаменка и Любимовка — на левом. Площадь каждого из них варьируется от 3 до 32 га. Вблизи сел Золотая Балка, Николаевка и Красный Маяк раскапывались могильники.

Находясь во враждебном окружении надвигавшихся с востока сарматов, а с запада — кельских и гетских племен, основатели нижнеднепровских укрепленных поселений превратили их в стройную оборонительную систему, контролируемую с обоих берегов. Подобно крымским укрепленным поселениям, они располагались на выгодных в стратегическом отношении высоких берегах и прибрежных холмах Днепра и были окружены двойной линией обороны, состоявшей из акрополя и внешнего города, защищенных каменными оборонительными стенами двухпанцирной кладки с башнями, а также валами и рвами.

Во II в. до н. э. Скифское царство входит в более оживленные торговые связи с приморскими центрами. При

посредничестве Херсонеса оно завязывает сношения с Косом, Книдом, Синопой и Родосом, занимавшим преобладающее место. В это время налаживаются тесные взаимосвязи Неаполя с Ольвией, с которой поддерживали оживленный товарообмен и обитатели нижнеднепровских укрепленных поселений. Ольвия служила для них основным посредником в сношениях с античным миром. Из Ольвии ввозились: малоазийская краснолаковая посуда, дешевое косское вино и другие товары. Все это при посредстве жителей нижнеднепровских укрепленных поселений переправлялось далее на север, в глубь страны — к носителям зарубинецкой культуры.

Сын Скилура Палак продолжал внешнюю политику своего отца. Во время его правления участились вооруженные столкновения с Херсонесом, которые постепенно перешли в открытые военные действия. Отряды скифов подступили к стенам Херсонеса. Это вынудило его жителей обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору, который стал на сторону Херсонеса и Боспора.

Война велась с переменным успехом. Наконец, Диофанту, полководцу Митридата, удалось нанести решительное поражение Палаку, выступавшему в союзе с роксоланами. Войска Диофанта овладели скифскими крепостями Хабеями и Неаполем. Херсонес и Боспор признали протекторат Понтийского царства.

Немного позднее Рим одержал победу над войсками Митридата и с 63 г. до н. э. установил контроль над Боспором.

После поражения в войне Скифское царство в Крыму переживает временный упадок. От него отпала Ольвия. Боспор прекращает платить дань. С подчинением античных городов могущественной Римской империи скифы, ослабленные в борьбе с Диофантом, не в силах уже были продолжать на них активное наступление. Возможно, их отдельные разрозненные группы еще совершали набеги на соседние греческие города, о чем может свидетельствовать сооружение боспорским царем Асандром в конце I в. до н. э. земляного вала для защиты западных границ своего государства. Но никаких сведений о важных событиях в жизни Скифского государства и его политических деятелей в источниках этого времени нет. По-видимому, скифы постепенно накапливали силы после поражения, нанесенного им Диофантом. В I в. н. э. они опять предпринимают военные действия против Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Ольвия снова попадает в зависимость от Скифского царства. Заинтересованные в торговле скифы принимают участие в ее восстановлении после гетского разгрома. В правление Фарзоя и Инисмея, чеканивших в течение 35—45 гг. в Ольвии золотые и серебряные монеты, наблюдается новый политический и экономический подъем Скифского государства. Подтверждением этому могут служить монеты, надписи и археологические материалы.

В долинах рек, на возвышенных местах в Крыму возникает большая сеть укрепленных поселений и селищ. Названия шести городов и целого ряда других населенных пунктов приводит Плиний Старший (I в. н. э.), который Малую Скифию именует Таврикой. Он отмечает, что внутри страны живет 23 племени, а по горному хребту — скифо-тавры, что указывает на происшедшее этническое их смешение. В это время на Перекопском перешейке был сооружен ров и вал. Там, по Плинию, находился город Тафры. В наше время в Крыму открыто 34 городища и почти столько же селищ. Они расположены главным образом в предгорьях центральной и юго-западной части Крыма. Большинство из них относится к первым векам н. э.

Столица скифов — Неаполь скифский укрепляется новыми панцирными стенами. В нем сооружаются новые здания с фресками в стиле боспорской живописи. На северной окраине появляются вырубленные в скалах семейные усыпальницы для царских дружинников и их семей.

В первых веках нашей эры снова устанавливаются тесные связи скифов с южнопонтийскими центрами. Из них в Неаполь скифский доставлялись черепица, амфоры, краснолаковая посуда, разные металлические изделия и украшения. Значительное место в торговле Неаполя занимала херсонесская продукция. Возобновляются торговые связи с Ольвией. Как сообщает Дион Хрисостом (I — начало II в. н. э.), «Ольвия продавала соль большинству варваров, а также эллинам и скифам, живущим на Таврическом полуострове». Оживляется товарообмен между Ольвией и нижнеднепровскими укрепленными поселениями. На рубеже нашей эры здесь получает развитие каменное домостроительство; проводится частичная реконструкция и дополнительное укрепление оборонительных стен. Увеличивается приток краснолаковых изделий из Пергама, Самоса, а также местных ольвийских изделий и завоз вина и оливкового масла из южнопонтийских центров.

Укрепив свои политические и экономические позиции во время правления Фарзоя, скифы возобновляют наступление на Херсонес. Они вторично отнимают у него Калос Лимен и Керкенитиду, которые Арриан называет уже «скифскими крепостями». Это вынуждает Херсонес обратиться за помощью на этот раз к Риму. В 62 г. н. э. Нерон высылает в Крым военную экспедицию во главе с легатом (правителем) Нижней Мезии Плавтием Сильваном. Последний отразил натиск скифов, но Херсонес поплатился за это своей независимостью, подпав под власть Рима.

С середины II в. н. э. мирные отношения Ольвии со скифами снова нарушаются. В целом ряде эпиграфических источников того времени упоминается о неоднократных нападениях на Ольвию скифов и сарматов и «встречах» ольвийских деятелей со скифскими и сарматскими царями. В одной из ольвийских надписей II в. н. э. сообщается, что ольвийским стратегам удалось «свести на толпы супостатов трофейную победу». Однако им не всегда удавалось справляться с натиском врагов собственными силами. После очередного набега тавро-скифов, как сообщает Юлий Капитолин, римский император Антонин Пий (138—161) посылает из Нижней Мезии подкрепление ольвийскому гарнизону для защиты города. Один из римских отрядов, входивших в состав XI Клавдиевого легиона, проник в глубь Крыма (его стоянка обнаружена на поселении Альма-Кермен, на левом берегу Альмы). В конце II в. н. э. в Ольвии усиливается римское влияние, и при Септимии Севере (193—211) она включается в состав римской провинции.

В первых веках нашей эры Скифское царство продолжало соперничать с Боспором, что приводило к столкновениям между ними. Постоянная военная опасность со стороны скифов и сарматов вынуждала боспорских царей заботиться об охране своих границ, ремонтировать оборонительные стены и возводить новые крепости. Одной из них на Боспоре в I—III вв. н. э. был Илурат. Столкновения между скифами и жителями Боспора нашли отражение в ряде надписей боспорских царей Аспурга, Котиса II и Савромата II. В них говорится о победе над скифами, таврами и сираками и о присоединении «по договору» Таврики к боспорским владениям. Как видно из этих источников, скифы терпели поражения и постепенно теряли свое былое политическое значение.

Занятия и материальная культура. Скифское население, обитавшее в сельской местности, продолжало заниматься земледелием, которое в первые века нашей эры оставалось основой экономической жизни во всем Северном Причерноморье. Скифы выращивали ячмень, пшеницу, просо, полбу двузернянку, виноград. Занимались садоводством и виноделием, применяя виноградные давильни. Зерно размалывали зернотерками и более усовершенствованными орудиями — круглыми и четырехугольными жерновами эллинистической и римской формы — и толкли в каменных ступах. Для обработки земли использовали плуг с железным сошником и железные мотыги. Жатву производили железными серпами. Помимо земледелия население занималось разведением главным образом мелкого рогатого скота, в меньшей мере — крупного рогатого скота и свиней.

Развивалось также домашнее ремесленное производство: изготовление лепной и гончарной посуды, прядение и ткачество, бронзолитейное дело, обработка камня, косторезное дело.

Усовершенствование орудий труда и технических приемов способствовало увеличению производства сельскохозяйственной продукции и развитию торговли, которая носила в основном меновый характер. В качестве эквивалента стоимости товара начали вводить в обращение деньги, но их роль в торговле была еще незначительной.

Наряду с привычными для скифов предметами быта изготовляли и новые вещи, заимствованные у сарматских и других племен, что внесло определенные изменения в их материальную культуру на ее позднем этапе.

В мужской и женской одежде широкое применение в качестве застежек получили железные и бронзовые фибулы. В женском костюме ворот, рукава и подол обшивали бусами. В состав украшений помимо ожерелий из разноцветных бус вошли браслеты со змеиными головками на концах, перстни со стеклянными вставками и геммами, различной формы серьги и подвески. Обилием золотых украшений со вставками из драгоценных камней отличалась женская одежда кочевой знати. Яркий пример — Нойгачинский курган на севере Крыма и курган Соколова Могила в низовьях Южного Буга.

Из предметов туалета вошли в обиход костяные пиксиды для белил и румян и цилиндрические стеклянные флаконы для благовоний. Появляется новая форма дисковидного зеркальца с боковым выступом для подвешивания, обычно украшенная тамгообразными знаками, имеющими символический характер.

С приходом сарматов в Северное Причерноморье широкое распространение получили тамгообразные, так называемые загадочные знаки. Они встречаются на антропоморфных стелах, стенах склепов и зданий, монетах, бронзовых котлах, глиняных сосудах, конской упряжи и на различных изделиях художественного ремесла: зеркалах, пряжках, браслетах и др. Одни из них употреблялись в качестве гербов боспорских династий, другие служили родовыми и семейными знаками и знаками собственности, в частности применялись как тавро для скота. С тамгообразными знаками связывались также религиозно-культовые представления.

Военное дело. В связи с изменением военной тактики и введением конного боя на близком расстоянии изменяется форма вооружения воина и снаряжение коня. Основным наступательным оружием становится меч, копье и стрелы. В конном бою решающим оружием служат длинный меч и копье с вытянутой листовидной формы пером. Для метания употребляются дротики. Более широко распространяется и ко-

роткая форма меча с кольцевидным навершием, который носили и конные и пешие воины. Из защитного вооружения употребляются железные и бронзовые шлемы, чешуйчатые панцири, поножи, обшитые кожей щиты круглой, овальной и прямоугольной формы. Знаком отличия служат металлические навершия. В снаряжение коня вводятся железные удила сарматского типа с кольцами, круглые фалары, бляшки круглой формы, иногда покрытые золотой фольгой.

Общественный строй и верования. Для характеристики общественного строя поздних скифов мы располагаем очень скудными сведениями. Скифское государство принято рассматривать преимущественно как раннеклассовое государство, подвергшееся определенной эллинизации, сохранившее пережитки военной демократии. Политическая власть в стране находилась в руках царя. Она была наследственной. Царь опирался на военную дружину. В производственных отношениях населения, по-видимому, существовали различные формы зависимости — свободные общинники, зависимые земледельцы, облагаемые принудительной данью, и рабы.

В скифской столице и городах в обиходе была разноязычная речь. В официальных сношениях скифы пользовались греческим языком и греческой письменностью. Образцы ее сохранились в надписях на каменных базах греческих статуй и многочисленных граффити на сосудах, обнаруженных в Неаполе скифском.

Наряду с изменениями, происшедшими в материальной культуре поздних скифов, меняется характер их погребального обряда и становятся другими формы погребальных сооружений. Основной тип скифского погребального сооружения — курган — во II в. до н. э. в связи с переходом скифов к оседлой жизни заменяется бескурганным грунтовым могильником. Однако сохраняются еще и курганы с родовыми и семейными коллективными захоронениями, в которых иногда насчитывается до 170 погребенных. Внутри курганов сооружаются каменные гробницы. Ранние курганные захоронения датируются III в. до н. э. Наиболее поздние — I—II вв. н. э.

В Неаполе скифском существовало три типа погребальных сооружений. В мавзолее у городских ворот, в течение 300 лет служившем усыпальницей скифских царей и представителей знати, был погребен один из первых скифских царей — Скилур, а в резном античном, красочно расписанном и позолоченном деревянном саркофаге — царица. Остальные погребения находились в деревянных ящиках, они принадлежали представителям знати с их семьями и слугами. Вторым типом были склепы, вырубленные в скалах. В них хоронили дружинников с их семьями. Третьим типом были грунтовые могильники для рядового населения. В городе преобладали семейные земляные склепы с входным вертикальным колодцем, засыпанным камнями — черта, характерная для скифских погребений. Меньше было грунтовых могил. Новой формой, занесенной сарматами, был подбой. Ряд сарматских черт наблюдается и в особенностях погребального ритуала: захоронение в колодах, завертывание погребенного в кошму, обряд разбивания зеркал, помещение в могилу угольков, кусков мела, скрещение ног в щиколотках, деформирование черепа. Встречаются погребения с покойником в скорченном положении, характерном для тавров. Разнообразие типов погребальных сооружений и погребального ритуала отмечается и в других могильниках Юго-Западного Крыма, где обнаружены плитовые могилы, захоронения в амфорах. Наряду с трупоположением встречается и обряд тру-

посожжения с захоронением праха в урнах и каменных саркофагах.

Наличие в погребальном ритуале наряду со скифскими греческих, таврских, римских и сарматских черт свидетельствует о многоэтничности обитателей Скифского царства в Крыму. Численность его населения значительно увеличилась во II—III вв. н. э. в связи с новым притоком сарматов с Боспора. Это способствовало усилению культурного взаимодействия, нивелировке культуры и распространению идентичных изделий на всей обширной территории Северного Причерноморья. Если на раннем этапе развития культуры скифов доминировали эллинистические влияния, то в первых веках нашей эры преобладающими стали сарматские.

Синкретизм, существовавший в материальной культуре поздних скифов, характерен и для их религии и искусства. На смену звериным образам раннего периода, насыщенным различными символами и космогоническими представлениями, появляются изображения очеловеченных божеств и людей, взятых из генеалогических мифов и героических сказаний. Изображения зверей утрачивают прежнюю стилизацию и принимают более реалистический характер, хотя формы при этом несколько упрощаются.

Главным божеством продолжает оставаться великая богиня плодородия, владычица зверей. Иногда ее изображают между двумя крылатыми конями, что характерно для сарматского и фракийского искусства. Существует связанный с нею культ коня и всадника, культ солнца и солнечных светил. С солярным культом связано изображение скифского главного бога Папая. Солнечные символы можно видеть на лепных курильницах, пряслах, бляшках поясного набора, а также в настенных росписях склепов. В сочетании антропоморфных и космогонических представлений наиболее ярко выступает синкретический характер позднескифской религии.

Каменная стела с изображением сарматского воина. Могильник вблизи с. Заветное в Крыму. Начало нашей эры

В Малой Скифии почитались также и греческие боги. Кроме упомянутых Зевса, Афины, Ахилла Понтарха встречаются имена и изображения Диониса, Деметры, Геракла, Аполлона, Артемиды, Гермеса, братьев Диоскуров.

Сочетание различных культурных направлений отражается и в искусстве поздних скифов. Оно обогащается такими новыми видами, как скульптурный портрет и настенная жи-

вопись. Особое развитие получили антропоморфные стелы со схематически переданной человеческой фигурой, обычно изображавшей обожествленного предка или героизированного воина и двухъ- и трехъярусные надгробные рельефы (II—I вв. до. н. э.— II в. н. э.) с изображением всадников, сцен боя и охоты. В последних наблюдаются яркие признаки греческого влияния и некоторая примесь сарматских и фракийских черт. В настенной росписи общественных зданий и склепов, выполненных красной и желтой охрой и сажей, эпические изображения и сценки позднескифского стиля (всадник в остроконечном шлеме с копьем, лучник, скиф с лирой, охота на кабана) сочетаются с фигурами сарматского геометрического стиля (танцовщицы, олени, скиф с конем, тамгообразные знаки), процарапанными по штукатурке. В архитектуре Неаполя скифского, где наиболее ярко отразилось греческое влияние, наряду с пережиточными формами примитивных жилищ в виде круглой юрты на деревянном каркасе и прямоугольной полуземлянки из необработанного камня с глинобитным покрытием сосуществуют сырцовые и каменные здания с оштукатуренными стенами, крытые черепицей.

Во II—III вв. н. э. в связи с усиливающимися внутренними противоречиями, натиском сарматов и постоянными войнами с античными городами Скифское царство переживает период политического и экономического упадка. После ряда побед над скифами боспорский царь Рискупорид III (210/211—226/227) окончательно подчиняет скифов, провозгласив себя «царем всего Боспора и тавро-скифов». В это время прекращают свое существование многие из укрепленных убежищ с прилегающими к ним селищами в предгорьях Крыма. Разрушаются главные ворота Неаполя скифского, царский мавзолей и отдельные участки оборонительных стен. Во второй половине III в. н. э. столица скифов прекращает свое существование, о чем свидетельствуют следы пожаров, наличие отдельных скелетов как на самом городище, так и на его окраине. В одной из ям обнаружено свыше 40 черепов со следами смертельных травм. Некоторые из них деформированы. К этому же времени, по-видимому, относится и погребение знатного аланского военачальника с боевым конем и богатым набором конской упряжи, погибшего у стен Неаполя скифского.

С приходом готов в огне пожаров гибнут и другие скифские поселения. Жители их, преследуемые вторгшимися в Северное Причерноморье готами, в союзе с которыми выступали и некоторые сарматские, а позже и гуннские племена, бросив на произвол судьбы весь свой домашний скарб, бегут в горы, где смешиваются с таврскими племенами. Уцелевшая часть скифского населения вливается в общий поток великого переселения народов и передвигается на запад. Под натиском готов и гуннов прекращают свое существование и нижнеднепровские укрепленные поселения.

Термин «скифы» теряет свое этническое значение и превращается в географическое наименование племен, живших в северо-западной части Причерноморья.

4. САРМАТСКИЕ ПЛЕМЕНА

С ослаблением скифского могущества в III в. до н. э. главенствующая роль в исторической и культурной жизни на юге Восточной Европы переходит от скифов к сарматам. С ними связан целый период древней ис-

тории юга нашей страны. Сарматы были активными участниками великого переселения народов. Они в течение шести веков занимали господствующее положение в приазовских и причерноморских степях.

Сарматы были восточными соседями скифов. Ранние античные авторы называли их савроматами (от иранского слова «саоромант», что значит — «опоясанный мечом»). Наименование «сарматы» появляется в античных источниках с III в. до н. э. как собирательное название для разных племен, которые, как сообщают Плиний и Мела, «составляли одно племя, но разделенное на несколько народов с разными названиями».

Этническая принадлежность. Язык. Геродот отмечает родство сарматов со скифами, ссылаясь на близость их языка, «хотя издревле и искаженного». Он приводит легенду об амазонках, от брака которых со скифами якобы произошли сарматы, переселившиеся вслед за своими женами к востоку от Дона. По свидетельству Геродота, «за рекой Танаисом уже не скифская земля: первый из тамошних участков принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу». Из других сообщений Геродотовой «Истории» можно заключить о давности пребывания их на указанной территории. Как известно, савроматы принимали активное участие в борьбе с Дарием на стороне скифов. Диодор и Плиний считают сарматов переселенцами из Мидии.

Язык сарматов, как и язык скифов, принадлежит к северо-восточной группе иранских языков. Отзвуки его, по мнению лингвистов, можно найти в современном осетинском языке. Что касается «загадочных знаков Причерноморья», широко распространенных в I—IV вв. н. э., частично признанных сарматскими и аланскими, в которых некоторые ученые усматривали зачатки сарматской письменности, то они, как отмечалось, имеют различное значение.

Сарматский катафрактарий — конный воин в полном боевом снаряжении. *Реконструкция М. В. Горелика*

От античных авторов мы узнаем и о названиях отдельных племен. Основные из них: аорсы, сираки, роксоланы, языги, аланы, возглавлявшие крупные союзы племен.

В результате раскопок сарматских курганов в Степном Поволжье, Приуралье и в степях к востоку от Дона установлено, что в VIII—VII вв. до н. э. там происходило первоначальное формирование культуры этих племен. Обнаружены две большие локальные группы родственных племен: волго-донская (савроматы, яксаматы, сирматы) и самаро-уральская (протоаорсы и протороксоланы). На востоке сарматские племена поддерживали свя-

зи с хорезмийцами и сако-массагетским миром Средней Азии, на западе — со скифами, а на юге — с племенами Северного Кавказа: синдами, меотами и рядом других.

Древнейший период истории сарматов, савроматский (VI—IV вв. до н. э.) характеризуется развитием коневодства и всадничества. В это время происходит образование союзов родственных племен во главе с вождями. Складывается и совершенствуется новый тип железного оружия и снаряжения боевого коня. К концу этого периода союзы племен вышли на историческую арену как сильные в военном отношении политические объединения, стремившиеся к расширению пастбищной территории, к ближайшему соседству с причерноморскими городами.

В результате увеличения численности населения и поголовья скота происходит миграция части сарматских племен. Начинается проникновение их на правый берег Дона и продвижение в глубь скифских владений.

Эти события связываются со вторым (раннесарматским) периодом истории сарматских племен (IV—II вв. до н. э.).

Раннесарматский период. Вначале проникновение сарматов происходило мирным путем, хотя были и одиночные грабительские набеги. Гиппократ (V в. до н. э.) указывает на расселение савроматов «вокруг озера Меотиды» в Европе, т. е. западнее Дона, считавшегося в то время границей между Европой и Азией. Псевдо-Скилак (IV в. до н. э.) упоминает о сарматах — на правом берегу Дона. О присутствии сарматов в степях Северного Причерноморья в конце III в. до н. э. свидетельствует декрет в честь ольвийского общественного деятеля Протогена. В нем среди «варварских» племен, нападавших на Ольвию, наряду со скифами перечисляются фисаматы и сайи — племена иранского происхождения, возможно, принадлежавшие к сарматам.

Сведения о сарматах находятся и в переданной Полиеном легенде о сарматской царице Амаге (середина или конец III в. до н. э.), выступившей со своим войском в защиту Херсонеса против скифов.

Массовый характер передвижение сарматов на запад приняло во II в. до н. э. Греческие писатели Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) и Лукиан Самосатский (II в. н. э.) изображают это передвижение в виде опустошительных набегов, превративших значительную часть Скифии в пустыню. С этого времени название «Скифия» перестает существовать. Оно заменяется новым названием «Сарматия», западная граница которой до I в. н. э. (на карте Агриппы) проходила еще по левому берегу Днепра, а позже (на карте Птолемея, II в. н. э.) — по Висле. Птолемей первый поделил Сарматию на азиатскую и европейскую, границей между которыми был Дон. Название «Сарматия» становится географическим определением большой территории, занятой различными по этническому происхождению племенами.

Наиболее раннее из достоверных исторических свидетельств о пребывании сарматов во II в. до н. э. в «Европейской Сарматии» содержится в третьей книге «Истории» Полибия (205—123 гг. до н. э.). Он сообщает, что в мирном договоре 179 г. до н. э. между понтийским царем Фарнаком I и пергамским царем Евменом в числе «европейских» союзников Фарнака I принимал участие и «Гатал, царь сарматский». О нахождении сарматов во II в. до н. э. в междуречье Дона — Днепра известно также из сообщений Страбона.

Часть кочующих в степях Приазовья сарматов проникала и на Таврический полуостров, где оказывала активное влияние на политическую

жизнь Крыма. Это проникновение происходило двумя путями: с севера — через Перекопский перешеек и с востока, из Тамани,— через Керченский пролив. Особенно оно усилилось в первые века нашей эры. Сарматские племена продвинулись через причерноморские степи и достигли Дуная. Отношения сарматов со скифами носили попеременно то враждебный, то мирный характер.

В своем перечислении племен, живших в западной части Северного Причерноморья и занимавших пространство между Истром и Борисфеном, на восток от Истра после гетской пустыни и тирагетов Страбон упоминает «языгов — сарматов, так называемых царских, и ургов». «Все они большей частью кочевники, но немногие занимаются и земледелием: эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко по обоим берегам его», а «равнины между Танаисом и Борисфеном занимают роксоланы».

В этом перечислении племен обращает на себя внимание упоминание Страбоном царских сарматов. Из сообщений Аппиана (II в. до н. э.) можно заключить, что царские сарматы, как и языги, во II в. до н. э. продвинулись через степи Северного Причерноморья к Дунаю, где в конце II в. до н. э. присоединились к войскам Митридата. В это время, как сообщает посол Митридата Пелопид, друзьями Митридата были «скифы, тавры, бастарны, фракийцы, сарматы и все племена, живущие от Танаиса до Истра и вокруг Меотийского озера».

Кроме приведенных кратких упоминаний, никаких других сведений о царских сарматах в источниках нет. Однако было бы неправильным считать их остатками царских скифов. Аппиан совершенно точно отмечает, что «из числа савроматов» союзниками Митридата были «царские, языги и кораллы», этим подтверждая вполне реальное существование царских сарматов.

Как и царские скифы — воинственные конники, господствовавшие над остальными скифами,— царские сарматы были одним из наиболее сильных и воинственных племен, возглавивших политическое объединение сарматов во время их передвижения на запад. Конные отряды царских сарматов быстро прошли через причерноморские степи, не оставив там глубоких следов своего пребывания. Однако определенное их культурное влияние можно отметить в некоторых позднескифских курганах, таких, как Александропольский (Днепропетровская область), где среди конской упряжи найдены круглые сарматского типа фалары с рельефными украшениями. На золотой бляхе из Геремесового кургана (Запорожье) показательно изображение борьбы закованных в панцири пешего и конного воина с длинным копьем наперевес, что характерно для сарматского боевого снаряжения.

Во II в. до н. э. довольно быстро передвинулись в междуречье Днепра и Днестра языги. Они вместе с царскими сарматами и кораллами принимали участие в войнах Митридата. Появление сарматов около 76 г. до н. э. к югу от Дуная отмечает Флор (II в. н. э.) при упоминании о направленном против них походе Аппия Клавдия Пульхра. Видел языгов на побережье Понта и Овидий в первой четверти I в. н. э., когда они на быстрых конях переправлялись по скованному льдом Истру и опустошали «жалкие богатства» соседних деревень: «скот, скрипучие повозки и пожитки бедного поселянина», «уводя жителей в плен или пронзая их пропитанными ядом стрелами».

Плиний застает языгов уже на Среднем Дунае, куда они пришли в середине I в. н. э. и заняли страну «между Данувием и Гирканским хребтом до Паннонских стоянок в Кар-

нунте и до полей и равнин живущих там в соседстве с германцами даков», прогнав их в «горные хребты и ущелья». О пребывании на Среднем Дунае язигов упоминает и Тацит (55—120). Интересно замечание Плиния, что в это время «имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев».

О продвижении царских сарматов и язигов в междуречье Днепра и Днестра свидетельствуют, можно думать, также и некоторые ольвийские надписи: в честь Никерата, защищавшего своих сограждан и погибшего в Гилее во время нападения кочевников; в честь архитектора Эпикрата, который восстанавливал разрушенные варварами укрепления города. (В это время приходит в упадок целый ряд поселений вокруг Ольвии и по берегам лиманов до устья Тираса (Днестра). О том же говорят и надписи из западных греческих городов Истрии и Томи. В них упоминается об уходе жителей из этих городов и мерах, предпринятых для их укрепления. В это же время полководец Митридата Неоптелем в устье Днестра возводит башню, известную под его именем.

Отдельные исследователи связывают с царскими сарматами так называемые «клады» с фаларами, обнаруженные на Левобережье Днепра и у с. Галич в Болгарии — в стране трибаллов.

В степях к западу от Днепра, за исключением впускных погребений III—II вв. до н. э. в более ранние курганы, расположенные у хутора Хмельницкого, с. Грушевка и с. Кут в бассейне р. Базавлук, пока еще не найдено курганных сарматских захоронений этого времени. По-видимому, в своем стремлении на запад сарматы не задерживались надолго в этих областях.

Гораздо более заметные следы оставили язиги в пределах Венгрии, где раскопаны многочисленные курганы первых веков нашей эры, в которых отмечаются уже следы гетской культуры.

Среднесарматский период. Во II в. до н. э. в степях Поволжья и Приуралья возникло новое сильное племенное объединение, возглавлявшееся роксоланами. Перейдя Дон, роксоланы заняли междуречье Дона и Днепра. Вдоль левого берега последнего обнаружены наиболее ранние сарматские погребения, в основном вооруженных воинов.

Обосновавшись в степях Левобережья, роксоланы начинают оттуда предпринимать набеги в пределы Таврического полуострова. По сообщению Страбона, роксоланы в количестве 50 тыс. воинов во главе со своим царем Тасием выступали на стороне скифского царя Палака в его борьбе с полководцем Митридата Диофантом. По-видимому, стоянка (зимовье) роксоланов находилась на р. Молочной, где открыт большой могильник возле с. Новофилипповка, возникший там еще во II в. до н. э. Другой могильник, возникший в то же время, открыт в междуречьи Орели и Самары на левом берегу Днепра.

Дальнейшее продвижение роксоланов на запад, возможно, на некоторое время было задержано линией укрепленных поселений, воздвигнутых по обоим берегам Нижнего Днепра в конце III—II в. до н. э. На рубеже нашей эры они переплавляются в междуречье Днепра и Днестра, где их в середине I в. н. э. упоминают античные авторы. Очевидно, первый удар роксоланы нанесли левобережным укрепленным поселениям, раньше других прекратившим свое существование. На одном из правых рукавов Днепра — Базавлуке, к северу от линии укрепленных поселений, возникает новая стоянка сарматов, о чем свидетельствует большой курганный могильник у с. Усть-Каменка Днепропетровской области, датируе-

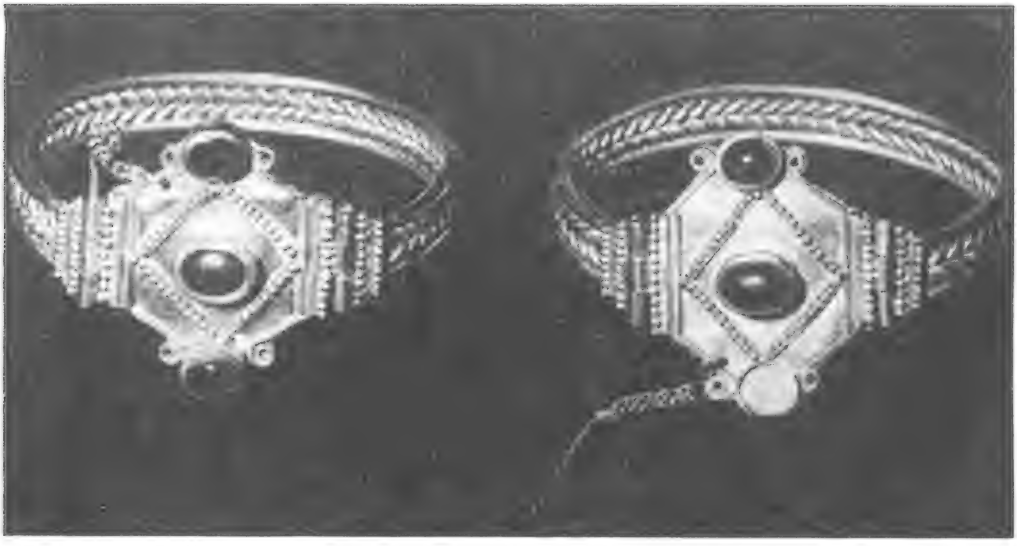
мый первыми веками нашей эры. Часть сарматов проникает на север в Лесостепное Правобережье (бассейн Роси и Тясмина), где они начинают хоронить своих сородичей в курганах более раннего времени и в отдельных грунтовых могилах по примеру местного земледельческого населения, очевидно, смешавшись с ним (Колонтаевский могильник).

В это время возобновляются нападения сарматских племен на Ольвию, которая, как сообщает Дион Хрисостом (Борисфенитская речь), вынуждена держать свои ворота на запоре и вывешивать на стене военное знамя. Возникают новые укрепленные пункты на побережье Днепро-Бугского лимана. На Очаковском мысу воздвигается сарматское укрепление Алектор.

У сарматов неистребимой оставалась лишь воинственность. Культура же их по мере передвижения на запад теряла свои этнические особенности и приобретала черты тех народов, с которыми они вступали в контакт.

Следы сарматов в междуречье Днепра и Днестра отмечены большей частью рядовыми погребениями и случайными находками в бассейне Ингула, Ингульца, Буга и Днестра. Исключение составляет Соколова Могила у с. Ковалевка на правом берегу Буга. В ней была погребена знатная женщина — жрица в расшитой золотом одежде, с большим набором богатого бытового инвентаря, предметов культа и драгоценных украшений.

В 1 в. н. э. роксоланы предпринимают набеги на римскую провинцию Мезию. Для отражения их нападений вдоль берегов Дуная, сделавшегося северной границей римской империи, римляне воздвигают длинную цепь укреплений. После смерти Нерона Рим переходит к оборонительной политике. Для охраны границ от беспокойного соседства «номадов» в Крыму и Ольвии расквартировываются римские гарнизоны. При императоре Веспасиане роксоланы «в большом количестве тайно переправились через Истр в Мезию и потом обрушившись с большой силой» на римский гарнизон, пронеслись по всей стране,



Золотые браслеты с цветными вставками из захоронения знатной сарматки. Курган Соколова Могила вблизи с. Ковалевка Николаевской области. Начало нашей эры

«уводя и унося все, с чем они встречались». В следующем году они снова «вторглись в Мезию», но были разбиты. Причиной легкой победы римлян была «обремененность их (роксоланов.— *Ред.*) вьюками» и «тяжестью их (роксоланов.— *Ред.*) катафракт» (доспехов.— *Ред.*). Вместе с другими народами роксоланы продолжали нападать на римские границы и заставляли Рим платить себе дань.

Позже других прошло через причерноморские степи третье крупное объединение сарматских племен — аланы. О пребывании аланов в районе северного Прикаспия упоминают китайские источники еще во II в. до н. э., называя их яньцай. У античных авторов наиболее раннее упоминание о них относится к I в. н. э. В нем говорится о восточных и западных аланах.

Как сообщает Иосиф Флавий, аланы около 36 г. н. э. занимали области Меотиды — вокруг р. Танаиса. Часть их спустя некоторое время начинает продвигаться к Дунаю; оставшиеся на месте в 72 и 135 гг. предпринимают воинственные походы в Мидию и Армению, подвергая их опустошительному разрушению. «С большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств аланы возвращаются домой». Яркое свидетельство этих событий дают богатые наборы золотых и серебряных чаш, различных украшений и других вещей из раскопок кубанских и донских курганов. Писатели I в. н. э. помещают западных аланов уже у Нижнего Дуная.

Позднесарматский период. Во II в. н. э., по-видимому, на основе объединения аорсов и сираков аланы образуют мощный союз племен, кочевья восточной части которого доходят до Аральского моря. Этот союз занял господствующее положение среди других сарматских племен и дал свое наименование сарматскому племенному объединению. По словам Аммиана Марцеллина (330—394), «они (аланы.— *Ред.*) мало-помалу изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам». Эта перемена нашла отражение в китайской хронике младших Хань, заменившей название яньцай на аланья.

Пребывание аланов в Крыму, куда они переселились из Прикубанья и Тамани, находит свое подтверждение в ряде памятников. На Боспоре учреждается институт особых переводчиков с аланского языка. В Тамани обнаружена стела с именем «главного переводчика аланов» — Ирака (208). Передвижения аланов через степи Северного Причерноморья отразились и в топонимике и эпиграфике причерноморских городов. Наименование, например, Феодосии, замененное аланским словом Ардабда (что значит «семибожный»), приводится в перипле Арриана. В Ольвии среди «варварских» имен в надписях II в. н. э. встречается и аланское имя Респендиал.

Учащение военных столкновений с сарматами в конце I — во II в. н. э. нашло свое отображение в изобразительном искусстве Боспора и причерноморских городов. Яркими памятниками этих бурных событий служат росписи пантикапейских склепов, передающих сцены поединков греков с кочевниками. На каменных надгробных рельефах, терракотовых статуэтках, монетах встречаем изображения пеших и конных воинов, одетых в панцирные доспехи, скачущих всадников, пылающие крепости с привязанными к их стенам пленными варварами и ряд других сюжетов. У воинов, изображенных на этих памятниках, характерные для сарматского вооружения мечи с кольцевым навершием, длинные копья, развевающиеся плащи и круглые фалары на крупах коней.

Продвинувшись в области Дуная, аланы принимают деятельное участие в маркоманской войне. Античные авторы характеризуют их, как «храбрых», «сильных и многоконных» воинов. Совместно с роксоланами, костобоками, бастарнами и многими другими племенами они участвуют в нападении на римские провинции.

С середины III в. н. э. в причерноморские степи надвигаются с северо-запада готы, в союз с которыми вступают и другие племена. В числе их были и аланы, занимавшие не последнее место в руководстве армии готов. Пребывание готов в Северном Причерноморье сопровождалось опустошительными набегами на прибрежные области, подорвавшими экономическое развитие причерноморских городов. В это время Ольвия перестает чеканить свою монету (253); приходит в упадок торговля черноморских городов с населением степей и укрепленными поселениями Нижнего Днепра; часть последних прекращает свое существование, возможно, из-за совместных действий аланов и готов.

В IV в. н. э. восточная часть аланов подверглась нападению новых кочевников — гуннов. «Пройдя через земли аланов,— сообщает Аммиан Марцеллин,— которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами», гунны «произвели в них страшное опустошение, а с уцелевшими жителями заключили союз и присоединили их к себе».

В стремительном движении на запад гунны увлекают за собою часть восточных аланов, втягивая их в борьбу с готским племенным союзом во главе с Германарихом. Главное торжище сарматских племен Танаис подвергается разрушению. Прекращает свое существование и Боспорское царство. О дальнейших совместных действиях аланской конницы и гуннов на среднем Дунае и Тисе рассказывают позднейшие римские историки. Аланы проходят через всю Европу, проникают на Рейн, Британские острова, в Галлию и Испанию, переправляются морем в Африку, распространяя среди других народов свои военные приемы. Оставшаяся часть восточных аланов, по-видимому, переселилась в бассейн Северского Донца.

Аланы хоронили умерших в узких подкурганных могилах или в подбоях, в более позднее время — в катакомбах с северной ориентацией. Некоторые исследователи связывают с аланами обычай искусственной деформации черепов, известный из погребений Поволжья с I в. н. э. Общее распространение в Поволжье и Южном Приуралье он получает во II в. н. э., в то время, когда аланы заняли там преобладающее положение. Погребения с деформированными черепами в позднесарматское время (II—III вв. н. э.) отмечены также на Дону, в Прикубанье, Крыму и Ольвии. На территории Степной Украины они обнаружены на Левобережье Днепра и в бассейне Северского Донца.

Позднесарматский период на Украине, в конце которого отмечены совместные действия аланов и гуннов, еще недостаточно изучен. К этому времени относится ряд курганных погребений, локализируемых по границе с левобережной лесостепью, в междуречье Орели и Самары, левых притоков Днепра, а также в южной части приазовских степей и песках Нижнего Днепра. В основном это погребения в подбоях и катакомбах. Для них характерна деформация черепов, северная ориентация погребенных и появление новых форм вооружения (длинные мечи без перекрестия и навершия) и конской упряжи, а также сокращение античного импорта и более бедный погребальный инвентарь.

С середины III в. н. э. сарматы теряют господствующее положение в причерноморских степях. Заканчивается сарматский период древней истории юга нашей страны.

Степная полоса современной территории Украины в сарматское время представляла собой довольно пеструю картину. Помимо перечисленных выше кочевых сарматских племен античные авторы упоминают и ряд других мелких племен (ассиаки, кровиги) и местных оседлых жителей, проживавших вокруг городов и получивших соименные им названия, как: торрекады, навары, амадоки, а также обитателей укрепленных поселений Нижнего Днепра и античных городов: тиритов, борисфенитов (ольвиополитов), танаитов, боспорян, херсонеситов.

Хозяйство, быт и культура сарматских племен. В степях Северного Причерноморья сарматы продолжали заниматься скотоводством и вести кочевой образ жизни, совершая в течение года замкнутый цикл перекочевок по определенным маршрутам. «Они следуют за своими стадами»,— свидетельствует Страбон,— «выбирая всегда местности с хорошими пастбищами, зимой — в болотах возле Меотиды (Азовское море), а летом — на равнинах». Сарматы разводили крупный рогатый скот, овец и «мелкую породу лошадей». Дополнительным промыслом была охота на диких зверей, в которой вместе с мужчинами принимали участие и женщины, тренируясь в стрельбе из лука и верховой езде.

Зеркало из захоронения знатной сарматки. Курган Соколова Могила вблизи с. Ковалевка Николаевской области. Начало нашей эры

Жилищем для кочевников служили кибитки, сделанные из войлока и поставленные на повозки. Основной пищей их было мясо, сыр и молоко. По свидетельству Плиния, сарматы питались также просяной кашей.

Мужская одежда сарматов мало чем отличалась от скифской. Самым распространенным был плащ греческого типа, скрепленный на плече фибулой. Головным убором служил остроконечный башлык. Женщины носили длинную одежду, часто стянутую поясом и скрепленную на груди и плечах фибулами, употребление которых с приходом сарматов распространилось и на юге Восточной Европы, а также длинные шаровары. Ворот, рукава и подол одежды обшивался мелкими бусами. Платье знатных женщин украшалось вышивкой золотом. Обувь с острыми носами также расшивалась бусами. Весь убор дополнялся диадемами, ожерельями, серьгами, подвесками, браслетами, кольцами и перстнями с геммами. Признаком знатности были золотые гривны и венцы.

Разнообразный ассортимент предметов быта, вооружения и украше-

ний, обнаруженный при раскопках, говорит о существовании у сарматов различных домашних ремесел: кузнечного, бронзолитейного, кожевенного, деревообделочного и т. д. Сарматские женщины занимались прядением, ткачеством, вышиванием, изготовлением войлочных изделий, простой лепной посуды.

Большое значение в жизни сарматов имели войны, которые велись из-за пастбищ или с целью захвата добычи. Особенно возросла роль войны в ходе передвижения сарматов на запад. Она вызвала к жизни образование крупных союзов племен. В это время совершенствуются организация войска, военная тактика, вооружение. Налаживается массовое изготовление железных черешковых наконечников стрел, сменивших втульчатые бронзовые. Входит в обиход новая форма короткого меча с кольцевым навершием. Совершенствуется и защитное вооружение. Появляются панцири с комбинированным набором из чешуек, пластин и кольчужного плетения. Во II—IV вв. н. э. распространяются кольчуги. Изготовленные из прутьев щиты украшались круглыми металлическими умбонами. В снаряжении коня, помимо позднескифских дуговидной формы псалий с шишечками на концах, появляются колесовидные кавказского типа.

Решающую роль у сарматов играл конный бой. В первые века нашей эры особое значение получает тяжеловооруженная конница катафрактариев. Они были вооружены длинными копьями, которые держали двумя руками наперевес, и длинными прямыми мечами для удара с коня. Тацит отмечает внезапность и неожиданность атаки сарматов, особый способ метания дротиков, набрасывание аркана на противника. Он описывает тактику переменного боя, когда конные сарматы, оставив лук, набрасывались на противника с копьями.

С переселением сарматских племен в степи Северного Причерноморья значительно расширились их связи с причерноморскими городами, в частности с Ольвией, тесно связанной с нижнеднепровскими укрепленными поселениями, с которыми сарматы находились в постоянных контактах. Процесс имущественной дифференциации и накопление богатства в руках родоплеменной знати способствовал развитию у сарматов меновой торговли с античными городами и соседними народностями.

Главным торговым местом для европейских и азиатских кочевников и тех, кто приезжал морем с Боспора, продолжал оставаться Танаис в устье Дона. «Первые (сарматы) доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие (греки) взамен привозили на судах одежду, вино и другие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» (Страбон). Среди них были предметы местного и заморского производства, античные остродонные амфоры, краснолаковая посуда и ювелирные изделия: серьги, геммы, браслеты и др. Торговым пунктом был и Фасис на восточном берегу Черного моря.

Сарматы установили контроль над торговлей с восточными странами. Роль посредников в караванной тор-

Мраморный сосуд из захоронения знатной сарматки. Курган Соколова Могила вблизи с. Ковалевка Николаевской области. Начало нашей эры

Рельеф с изображением Трифона из Танаиса. Начало III в. н. э.

говле принадлежала аорсам и сиракам, которые «торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от мидян, и перевозили на верблюдах» (Страбон). Из Китая получали шелковые ткани, бронзовые зеркала, изделия из нефрита; из Индии — бирюзу и кораллы для ожерелий, ракушки каури; из Ирана — полудрагоценные камни сердолик и альмандин и др.; из Египта — пастовые амулеты, золотые фибулы; из Средней Азии — фалары и костяные изделия; с Кавказа — хрустальные и гешировые бусы. К сарматам попадали и изделия западного производства: латенские и галло-романские фибулы и браслеты с шишечками на концах; италийские бронзовые ковши, чаши и ойнохои из драгоценных металлов; римские стеклянные сосуды, широко распространившиеся в I—II вв. н. э.

Экономические и культурные связи с античным миром способствовали углублению у сарматов процесса классообразования и усиления племенной знати. У них, как и у скифов, существовала частная собственность на скот, который составлял главное их богатство и основное средство производства. Значительную роль в их домашнем производстве играл труд рабов, которых они захватывали во время беспрерывных войн. Из окружающих Понт стран вывозилось большое количество рабов. Главным пунктом их сбыта был Танаис.

Постоянные грабительские войны усилили власть вождя — «царя», вокруг которого группировалась военная дружина. Уже в последние века до н. э. сарматы представляли собой большую политическую и военную силу. Они вели дипломатические переговоры с главами европейских государств, принимали участие в международных договорах и военных союзах, засылали посольства к римскому императору Августу. Однако родоплеменной строй у сарматов держался довольно стойко, и в своем политическом развитии они не перешли к созданию единого государства.

Отличительной особенностью сарматского общественного строя, особенно на раннем этапе его развития, было наличие пережитков матриархата. Ряд античных авторов называет сарматов «гюнайкократуменами» (управляемыми женщинами). В античных источниках упоминаются также сарматские царицы Амага, Томирис и др. Женщины-сарматки отличались смелым и воинственным характером. Они ходили на войну вместе со своими мужьями. Находки в женских погребениях, помимо предметов вооружения, каменных жертвенников со следами красной краски свидетельствуют о том, что сарматские женщины выполняли и функции жриц, которых с почетом хоронили в высоких курганах. Укоренившиеся пережитки матриархата не исчезли и в I в. н. э. (Соколова Могила).

Ряд изменений произошел у сарматов и в характере погребальных сооружений и в погребальном ритуале. Вместо широких грунтовых ям с деревянными сооружениями, характерными для савроматского периода, появляются новые типы подкурганных сооружений с различной ориентаци-

ей: узкие прямоугольные ямы, могилы с заплечиками, квадратные ямы с диагональным положением погребенного, подбои, катакомбы. Такое разнообразие типов свидетельствует о разнородном составе погребенных, входивших в отдельные союзы племен, что подтверждается и антропологически.

Характерные черты погребального сарматского ритуала: вытянутое положение погребенного на спине, часто с согнутыми в локтях руками, с кистью правой или левой руки, лежащей в области живота, скрещение ног в ступнях или голенях, деформация черепа. Здесь отразился культ мертвых и предков, вера в загробную жизнь. В могилу с погребенными кроме бытового инвентаря клали различные обереги — амулеты, жертвенную пищу. Дно могилы с очистительной целью посыпали золой, угольками, кусками мела; над могилой совершали жертвоприношение коня, устраивали тризны. С ритуальной целью разбивали зеркала.

Главным предметом культа у сарматов, как и у скифов, был меч, олицетворявший бога войны. По словам Аммиана Марцеллина, сарматы «втыкают в землю меч и с благоговением поклоняются ему, как Марсу». Они почитали великую богиню (богиню плодородия), которая была и покровительницей коней. Изображения богини между двух коней сохранились на сарматских гребнях и серьгах. С нею же связан и культ солнца и огня, хранительницами которого были специальные жрицы. Их захоронения обнаружены в Поволжье и Приуралье, а также в бассейне Южного Буга. Есть упоминания в античных источниках и о почитании сарматами водных божеств.

Находки в сарматских могилах антропоморфных каменных и бронзовых мужских и костяных женских статуэток свидетельствуют о наличии у сарматов и культа производительных сил природы.

Большое место в художественном оформлении вещей у сарматов занимало украшение их разноцветными стеклами, полудрагоценными камнями и эмалью, вкрапленными в гнезда и, как правило, обрамленными псевдозернью, псевдосканью и филигранным узором. Эта любовь к полихромии, издавна присущая восточным народам, получила распространение в I в. н. э., а особенно во II—III вв. н. э. Вместе с готами и гуннами сарматы способствовали перенесению полихромного стиля в Западную Европу, где он получил своеобразное претворение в готском и меровингском искусстве. Предметы в зверином стиле встречаются у сарматов гораздо реже, чем у скифов. Пристрастие к полихромии вносит в него заметные изменения, насыщая фигуры животных красочными вставками. Однако изображения зверей передаются в более реалистических свободных позах: стоящие олени, идущая пантера, лежащий лев.

Кочевой образ жизни сарматов и широкие торговые связи содействовали вовлечению их в сферу разнообразных культурных влияний: Востока, античного Юга и Запада, наложивших особый отпечаток на их культуру.

С приходом сарматов во многом изменился состав населения Северного Причерноморья, включившего в себя новые этнические элементы. Об этом свидетельствует увеличение количества «варварских» имен в надписях черноморских городов. Проникновение сарматов в причерноморские города и вхождение их в число правящих династий на Боспоре привело к дальнейшей сарматизации античной культуры и общей нивелировке изделий городского ремесла. Сарматы оказали большое влияние на экономику и общественную жизнь, способствовали изменению общего облика ко-

стюма, распространению новых типов вооружения и применению новых приемов военной тактики; внедрению в художественные изделия особой разновидности полихромного стиля и техники псевдозерни и псевдоскани, получивших дальнейшее развитие в средневековом искусстве Византии и Запада.

Многовековое соприкосновение сарматов с земледельческим населением украинской Лесостепи способствовало появлению в его культуре новых типов погребальных сооружений, некоторых особенностей погребального инвентаря, новых форм и орнаментации вещей. Ряд художественных мотивов: образ великой богини с конями, адорирующие всадники, тамгообразные знаки и другие изображения, вошедшие в сокровищницу русского и украинского искусства, имеют свои прототипы в сарматском круге образов.

Рассмотренный период, продолжавшийся более тысячи лет, был весьма знаменательным. Не позже IX в. до н. э. в пределах современной Украины заканчивается бронзовый век, на смену которому приходит век железа, материала с наивысшими по тому времени качествами для изготовления орудий труда. В этот период получают развитие все виды ремесел, земледелие и промыслы.

С позднего бронзового века жизнь Восточной Европы оказалась отраженной в античных письменных источниках, благодаря чему безымянные дотоле народы вышли на арену всемирной истории. Ранее всех—киммерийцы, затем скифы, сарматы, а вместе с ними и другие народы и племена. Приоткрылась завеса над подлинной географией, этнографией и историей современной Украины, и этим мы более всего обязаны великому историку древности Геродоту, посвятившему этой территории в V в. до н. э. почти всю четвертую часть своей «Истории».

В Лесостепи и низовьях больших рек продолжали традиционно развиваться пашенное земледелие и скотоводство, сложившиеся еще в эпоху бронзы. Их дальнейший прогресс определялся общим подъемом производительных сил.

Степи Евразии, в том числе и Северного Причерноморья, приблизительно к концу бронзового века оказались охваченными процессом перехода от комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства к кочевому скотоводству. Оно позволило интенсивно и с наименьшими затратами труда использовать безграничные степные пастбища, выпасы по нагорьям и в глубинах гор, способствовало общему подъему хозяйства и прогрессу общества. Огромные табуны лошадей, стада крупного и мелкого рогатого скота — все эти богатства становились достоянием отдельных семейств, что неизбежно вело к социально-экономической дифференциации. Лишь по прошествии веков кочевое скотоводство стало консервативным, приобрело сдерживающее начало в развитии общества и хозяйства.

Еще в киммерийское время в степях юга нашей страны наметились глубокие социально-экономические изменения, обозначился и численный и по уровню богатства рост аристократии у киммерийцев. Состояла эта привилегированная часть населения из лиц, входивших в отряды конных всадников и обогатившихся за счет военных походов во многие страны, в том числе и отдаленные, вплоть до стран Восточного Средиземноморья и государств Переднего Востока.

Скифы, вторгнувшиеся из глубин Азии (территория их родины еще не установлена), проникли через Кавказ в области, подвластные Мидии, и создали свое первое государство —

Ишкузу. С возвращением в степи Европейской части СССР скифы воссоздают свою государственность. Объединив под властью царей огромнейшие пространства степей и лесостепей современной территории Украины, они обложили население тяжелой данью, которая стала основным источником доходов, получаемых царями и скифской аристократией. Государство и общество у скифов было раннеклассовым. Рабство у них, как и у других древневосточных народов, оставалось преимущественно домашним. Основными производителями были рядовые общинники — пастухи и земледельцы, которые находились в кабальной и даннической зависимости от знати. VI—IV вв. до н. э. — период наивысшего могущества и богатства Скифии. Знамением времени служит победа скифов над Дарием I Гистаспом, могучим владыкой Ахеменидского Ирана.

В начале III в. до н. э. началась мощная миграция сарматов из-за Дона, под натиском которой гибнет Скифия, а остатки ее племен сосредоточиваются в Крыму и в Добрудже. Крымская Малая Скифия просуществовала до начала III в. н. э., а затем ее население растворилось в родственной по языку иранской сарматской среде. Главная роль в последние века до нашей эры и первые века нашей эры в Европейской части СССР переходит к сарматам. С приходом готов из Прибалтики, а вслед затем гуннов из глубин Азии в ее пределах начинается средневековье.

Глава V

АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Выдающееся значение в истории человечества имело античное общество, его культура. Многочисленные его достижения в разнообразных отраслях человеческой деятельности вошли составной частью в основу европейской культуры, в частности в философию, искусство, архитектуру, литературу, театр и т. п. Ф. Энгельс, как отмечалось, подчеркивал, что без фундамента, который заложили Греция и Рим, не было бы и современной Европы [1]. Античное влияние испытали почти все племена, населявшие тогда Восточную Европу. Оно проявлялось как в социальной, политической, экономической сферах, способствуя ускорению общественного развития племен, так и в культуре. Именно поэтому большой интерес представляет история античных северопричерноморских государств, которые были органической частью античного мира и развивались в контакте с городами его основных территорий в Восточном Средиземноморье, материковой и островной Греции.

Первые античные поселения появились на северном побережье Черного моря более 2500 лет назад. Установление тесных взаимосвязей с местным населением обусловило возникновение важных особенностей в политическом, экономическом и культурном развитии античных государств этой территории.

В свою очередь, античные города Северного Причерноморья сыграли большую положительную роль в развитии социально-экономических и политических отношений, в появлении новых черт быта и культуры причерноморских племен. Преимущественно через эти города происходили контакты местного населения со всем античным миром. Благодаря греческой торговле, ремеслам, искусству местные племена познакомились с достижениями античной культуры, элементы которой нашли у них широкое распространение. Тесные экономические связи двух миров — античного и варварского (в понимании греков), значительная роль последнего в историческом процессе нашли отражение в военно-политической и этнической истории северопричерноморских племен, отдельных сторонах их культуры и быта в греческой литературной традиции. Искусство греческих мастеров, живших в северопричерноморских городах, сохранило для нас образы рядовых жителей Скифии.

1. ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Причины греческой колонизации. Заселение греками Северного Причерноморья не было единичным, случайным явлением в истории развития античного общества. В VIII—VI вв. до н. э. этот процесс охватил территорию Апеннинского полуострова, а также Северную Африку.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 185.

Миграция населения из Греции в VIII—VI вв. до н. э. происходила в условиях образования новой социально-экономической формации — рабовладельческого строя, перехода к более высокому уровню развития производственных отношений. Колонизация была закономерным следствием относительного перенаселения — давления излишка населения на производительные силы при низком уровне развития последних, когда для сохранения жизнеспособности общества необходимо было ограничить количество населения на единицу площади. «В древних государствах, в Греции и Риме,— писал К. Маркс,— вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации» [1].

Среди непосредственных причин переселения помимо аграрно-экономического важную роль играл социальный фактор, когда в результате острой внутриполисной борьбы, сопровождавшей процесс становления нового, рабовладельческого общества, группы населения, потерпевшие поражение, вынуждены были оставлять родину. Кроме того, определенное значение имел военный фактор. В ряде случаев вражеские нашествия на города и примыкающие к ним сельскохозяйственные зоны и их разорение принуждали жителей иногда целых полисов переселяться в другие местности.

Греческие колонии нельзя сравнивать с колониями эпохи капитализма. Греческие полисы (города-государства), возникшие на колонизованных землях, в экономическом и политическом отношении не зависели от своей метрополии. Взаимоотношения с метрополией были равноправны и осуществлялись на договорных началах. Относительно же осваиваемых территорий сущность греческой колонизации, несмотря на преимущественно мирный характер процесса, состояла в эксплуатации как природных ресурсов этих территорий, так и местного населения.

Основание колоний проходило, как правило, организованно. Обычно метрополия назначала или сами колонисты выбирали руководителя переселения — ойкиста, основной задачей которого было распределение земельных участков на месте нового поселения. Иногда он принимал также участие в выработке определенных законоположений для новой колонии. Колонизационный поток состоял из разных социальных слоев населения — обезземеленных земледельцев, ремесленников и др.

Развитию новых городов способствовала и активная торговля. В то время в Греции быстро росли население и количество городов с довольно развитыми ремеслами, которые требовали регулярного обеспечения их продовольствием, сырьем, рабами. Колониальная периферия греческого мира могла не только удовлетворить эти потребности, но и стать рынком сбыта ремесленной и некоторых видов сельскохозяйственной продукции метрополии.

В ходе колонизации VIII—VI вв. до н. э. определились греческие центры, откуда переселялось наибольшее количество людей. Таким основным районом было малоазийское побережье Греции — Иония, в частности Милет. Значительные масштабы переселения отсюда в VII—VI вв. до н. э. были вызваны почти беспрерывной внутриполисной борьбой, периодическими разрушениями сельскохозяйственных округ, разорением граждан и т. п.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 567.

Заселение греками районов Причерноморья происходило постепенно. Так, в VIII в. до н. э. греческие мореплаватели освоили юго-восточное побережье Черного моря. К этому времени, вероятно, относится возникновение здесь древнейших поселений — Синопы и Трапезунда. Однако основание Синопы как города — колонии Милета — датируется второй половиной VII в. до н. э. В конце VII в. до н. э. здесь возник Амис и на полстолетия позднее — единственная дорийская колония Гераклея Понтийская, выходцы из которой были основателями Херсонеса. С конца VII в. до н. э. началось освоение западного побережья. В этом районе возникли такие города, как Истрия, Аполлония; в первой половине VI в. до н. э.— Томы, еще позднее переселенцы из Гераклеи Понтийской основали Каллатис.

Появление большинства античных городов в Северном Причерноморье датируется VI в. до н. э., хотя, судя по раскопкам поселения на о. Березань (Очаковский район Николаевской области), начало колонизации его следует отнести еще ко второй половине VII в. до н. э., а самое раннее знакомство греков с Северным Причерноморьем — ко времени гомеровской Греции.

Заселялось не только морское побережье, но и берега лиманов, причем местами плотность расположения небольших поселений была довольно высокой. Иногда поселения находились в прямой видимости одно от другого. Выделяются три основных района сосредоточения античных городов и поселений: район Боспора Киммерийского (Керченский и Таманский полуострова) с наиболее крупными городами Пантикапеем (Керчь), Феодосией, Фанагорией (вблизи ст. Сенной на Таманском полуострове), Гермонассой (ст. Таманская), Горгиппией (Анапа); побережье Днепро-Бугского и Березанского лиманов с самым значительным центром Ольвией (у с. Парутино Очаковского района Николаевской области); район Западного Крыма с основным центром Херсонесом (окраина г. Севастополя). Следует назвать и побережье Днестровского лимана с крупным городом Тирой, который по своим экономическим и политическим связям и особенностям развития тяготел к району Ольвии. Большинство названных городов было основано выходцами из Ионии.

Политическая организация античных городов-государств. Формой политической организации новооснованных городов-государств была, как правило, рабовладельческая республика. В. И. Ленин писал: «Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов» [1]. По греческим законам прав гражданства не имели также женщины и иностранцы. Только отдельным иностранцам за большие заслуги перед государством предоставляли такие права. Незначительной была роль в политической жизни и рядовых граждан. Они имели намного меньше реальных возможностей занимать высокие должности, чем их состоятельные сограждане. Следовательно, понятие «демократическая рабовладельческая республика» было достаточно условным.

Обычно под влиянием разных обстоятельств внутренняя организация античных государств со временем могла приобретать те или иные особенности. В частности, это касается Боспорского государства, в состав ко-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 75.

торого вошли некоторые местные племена и в котором на определенных этапах исторического развития существовала монархическая форма правления. Однако она не была типичной для античных городов Северного Причерноморья. В других северопричерноморских государствах происходила аристократизация демократического строя, особенно усилившаяся в первые столетия нашей эры.

Таким образом, основанные на чужих землях города-государства на первых этапах своего существования имели политическую организацию, подобную греческим полисам того времени,— рабовладельческую демократию. Аналогичными были их система и органы власти. Эти государства состояли из города — экономического, политического и культурного центра государства и хоры — сельскохозяйственной округи. В процессе развития городов Северного Причерноморья проявились общие исторические закономерности развития античного общества в целом. Это были государства классового, рабовладельческого общества.

Формирование важных особенностей в жизни тех или иных греческих колоний обусловливалось в значительной степени присутствием местного населения. Уровень развития местных племен и характер их взаимоотношений с античными государствами способствовали появлению определенных отличий в истории, экономике и культуре последних. Это касается и северопричерноморских городов, которые были тесно связаны с окружавшими их племенами. Влияя на них, они одновременно испытывали и обратное влияние. От характера отношений с местными племенами в значительной мере зависели не только экономика и политика, но и само существование северопричерноморских городов. Все это наложило своеобразный отпечаток на историческое развитие и культуру античных городов Северного Причерноморья. В частности, нельзя представить Боспорское государство без его тесных взаимосвязей с племенами синдов, меотов, скифов и др. Эти связи хорошо прослеживаются на протяжении всей истории Боспора, но особенно усиливаются в первые столетия нашей эры.

В составе населения античных, особенно боспорских, городов с течением времени все больше возрастала прослойка местных элементов, которые играли все более заметную роль в их жизни. Вместе с тем происходила определенная эллинизация окружающих племен, ускорялся процесс их социально-экономического развития. В частности, в Боспорском государстве имел место довольно активный переход к оседлости местного кочевого скотоводческого населения.

В истории античных городов-государств Северного Причерноморья можно выделить два основных периода их развития, каждый из которых имеет свою специфику. Первый период охватывает время с VI по II в. до н. э. и характеризуется относительно самостоятельным развитием городов-государств, тесными связями с другими греческими городами. Второй приходится на I в. до н. э.— IV в. н. э. Это время зависимости северопричерноморских городов сначала от Понтийского царства, а затем от Римского государства, время разрушительных набегов гетов, готов, гуннов и других кочевых племен.

2. АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД С VI ПО II В. ДО Н. Э.

Основные этапы развития городов-государств. В жизни северопричерноморских городов VI—II вв. до н. э. прослеживается несколько этапов. Самый ранний из них приходится на VI в. до н. э., когда произошло основание большинства городов и поселений. В это время между городами трех основных районов распространения античной культуры в Северном Причерноморье, вероятно, не существовало постоянных контактов, хотя каждый из них поддерживал тесные связи с греческими городами Малой Азии и материковой Греции. Колонии развивались в целом в благоприятных условиях. Отношения с местным населением носили преимущественно мирный характер, что способствовало закреплению переселенцев на новых землях и появлению большого количества неукрепленных поселений.

Постепенно экономика городов укреплялась, развивалось сельское хозяйство, ремесла, торговля. V — частично IV вв. до н. э. были временем неуклонного развития и укрепления античных государств в Северном Причерноморье, роста их значения в греческом мире. Связям с северопричерноморскими городами придавалось довольно большое значение в греческой метрополии. Так, в 30-е годы V в. до н. э. в Понт Евксинский прибыла афинская эскадра во главе с Периклом. Целью этой экспедиции было обеспечение Афин импортным хлебом. Существует мнение, что в результате прибытия эскадры в Афинский морской союз вошли и некоторые северопричерноморские города. Расширились торговые связи античных городов-государств с Аттикой по сравнению с традиционными центрами торговли — Ионией и островами Родосом, Хиосом, Самосом и др. В это время возрос интерес к северопричерноморским городам со стороны южнопонтийских центров, в частности Гераклеи.

В IV—III вв. до н. э. большую роль в экономике городов Северного Причерноморья начали играть окружающие племена. Такие государства, как Боспор и Херсонес, приобрели некоторые черты, типичные для эллинистических государств античной периферии. Произошла определенная переориентация торговых связей северопричерноморских городов. Все большее значение приобретала торговля с малоазийскими, островными и особенно южнопонтийскими центрами. Наладились более тесные отношения между самими северопричерноморскими городами. Этот этап характеризуется наивысшим расцветом античных городов Северного Причерноморья, развитием их экономики — сельского хозяйства, ремесел, торговли, а также культуры, в частности искусства и архитектуры.

К концу этапа стали постепенно появляться признаки социально-экономического кризиса этих государств, который особенно остро проявился во второй половине II в. до н. э. Он совпал с серьезными изменениями в политической обстановке, происшедшими как в античном мире (в связи с выходом на широкую историческую арену Рима и началом его экспансии), так и в местном окружении. С III в. до н. э. началось и все более усиливалось давление окружающих племен на античные города. Наиболее ярко это проявилось, в частности, в борьбе скифов за подчинение этих городов. Со своей стороны, северопричерноморские государства принимают участие (хотя и не очень активное) в борьбе понтийского царя Митридата VI Евпатора против Рима, в которой Митридат опирался главным образом на припонтийские

государства, объединяя некоторые из них под своей властью. Период войн Митридата стал переломным в историческом развитии большинства севернопричерноморских государств, начавших постепенно терять свою политическую независимость.

Ольвия. Во второй половине VII в. до н. э. первые греческие поселенцы в районе будущего ольвийского полиса обосновались на о. Березань (тогда полуострове). Позднее, в первой половине VI в. до н. э., на правом берегу Бугского лимана, неподалеку от места его впадения в Днепровский лиман, вблизи нынешнего с. Парутино, в 40 км на юг от современного Николаева, возникла Ольвия, которая со временем стала самым значительным античным центром Северо-Западного Причерноморья.

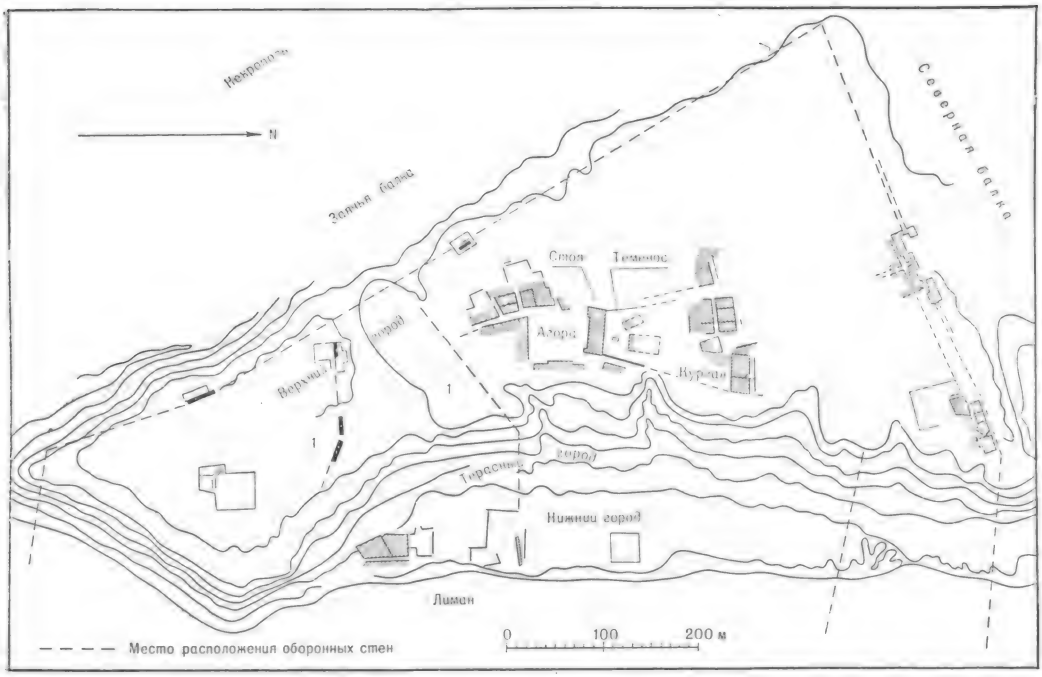
Ольвию основали выходцы из Ионии, главным образом из Милета. Существует мнение, что в этом процессе принимали участие также переселенцы с островов Родоса, Хиоса, Самоса. «Ольвия» в переводе с греческого означает «счастливая». Ее жителей называли ольвиополитами. В произведениях некоторых античных писателей и ученых город именовался Борисфеном (по греческому названию р. Днепр), а его жители — борисфенитами. Вероятно, это объясняется тем, что Ольвия находилась недалеко от устья Днепра.

Самые ранние слои Ольвии исследованы недостаточно. Однако известно, что не позднее второй половины VI в. до н. э. здесь возник священный участок — теменос, на юг от которого располагалась торгово-административная площадь — агора. Наличие религиозных и торгово-административных центров дает основание говорить о возникновении города, возможно, и полиса уже в VI в. до н. э. К этому раннему этапу формирования государства относится и начало выпуска денег. Со второй половины VI в. до н. э. в Ольвии начался выпуск собственной бронзовой литой монеты в виде дельфина.

В это время появляется целый ряд небольших поселений на побережье Бугского и Березанского лиманов. Население их занимается преимущественно сельским хозяйством. Материальная культура жителей этих поселений имеет ярко выраженный эллинский характер, что свидетельствует об их греческом происхождении. Исходя из этого можно предполагать, что в условиях проживания на новоосваиваемых землях греки имели и определенные античные формы объединения. Поэтому, вероятнее всего, поселения могли входить в состав ольвийского полиса как его хора. Если это так, то границы ольвийской хоры в то время на западе проходили по Березанскому лиману, на востоке по левому берегу Бугского лимана, а на севере достигали широты Николаева.

С V до последней трети IV в. до н. э. полис постепенно укреплялся, развивалась его экономика. Развернулось городское строительство: полуземляночные жилища второй половины VI — начала V в. до н. э. сменяются наземными жилищами; развиваются сельское хозяйство и разные ремесла — железоделательное, металлообрабатывающее, гончарное, строительное дело. В начале V в. до н. э. Ольвия начала выпускать литые монеты обычной круглой формы — так называемые ассы, на лицевой стороне которых помещалось изображение Афины, Горгоны или Деметры. Следует отметить, что эти монеты появились намного раньше римских ассов и отличались от них весом.

Существует мнение, что в 30-е годы V в. до н. э., во время понтийской экспедиции Перикла, Ольвия вошла в состав Афинского морского союза, что было связано для нее с некоторыми экономическими ограничения-



План Ольвии эллинистического времени:
1 — размещение северных стен цитадели в первые века нашей эры

ми. Однако уже в предпоследнем десятилетии V в. до н. э. Ольвия была вне этого союза, о чем свидетельствует выпуск собственной серии серебряных монет общегреческого образца (по действующим законам членам Афинского морского союза чеканить серебряные монеты запрещалось). В это время экономика полиса еще более укрепилась, на что указывает, в частности, появление на рубеже V и IV вв. до н. э. монет обычного вида, что несомненно свидетельствует о переходе монетного дела под контроль государства. О мерах, направленных на упорядочение денежного обращения, говорят также эпиграфические данные, в частности декрет середины IV в. до н. э., который обязывал производить все торговые расчеты только в ольвийской монете.

Значительное место в экономике Ольвии в этот период занимала торговля с античными городами Средиземноморья и Понта. На протяжении VI—IV вв. до н. э. постепенно происходила определенная переориентация торговых связей. Так, если в VI в. до н. э. основными контрагентами Ольвии были преимущественно средиземноморские центры Хиос, Самос, Родос, Коринф, район Аттики, то с усилением значения в V в. до н. э. Афин основную роль начала играть торговля именно с ними. В IV в. до н. э., после выхода Ольвии из состава Афинского морского союза, получила развитие торговля Ольвии с южнопонтийскими центрами, в частности с Гераклеей и Синопой.

Выгодное географическое положение Ольвии неподалеку от устья Днепра и Южного Буга способствовало установлению при ее посредничестве тесных контактов античных городов с оседлым населением Лесостепи и кочевыми племенами степной зоны Восточной Европы. О до-

вольно оживленных связях с местными племенами свидетельствует, в частности, рассказ Геродота о скифском царе Скиле, который имел в Ольвии дворец с беломраморными сфинксами и грифонами.

По данным Геродота, с Ольвией соседствовали оседлые племена каллипидов, которых он называет также эллино-скифами; на север от них жили земледельческие племена алазонов и скифов-пахарей. Все они занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и были заинтересованы в сбыте своей сельскохозяйственной продукции в обмен на ремесленные изделия. Торговые связи Ольвии на раннем этапе ее существования прослеживаются до Среднего Поднепровья на севере и Приуралья — на востоке.

С IV в. до н. э. ведущее место в торговле с племенами, жившими на север и восток от Азовского моря, начал играть Боспор.

Ольвия представляла собой типичный античный полис, политическое устройство которого — демократическая рабовладельческая республика. Органы государственного управления разделялись на законодательные и исполнительные. Законодательные функции принадлежали народному собранию (сокращенно — «народу») и совету, от имени которых издавались декреты и постановления. Народное собрание, в котором юридически могли принимать участие все полноправные граждане, решало вопросы внешней политики, обороны государства, взаимоотношений с окружающими племенами, в частности организации посольств. Народное собрание также издавало законы о денежном обращении, решало проблемы обеспечения населения продовольствием в неурожайные годы, принимало постановления о предоставлении привилегий купцам и освобождении их от уплаты пошлины, предоставлении гражданских прав иностранцам. Оно утверждало почетные декреты о награждении граждан, которые оказывали важные услуги своему городу.

В функции совета входило предварительное перед передачей их в народное собрание обсуждение всех наиболее важных вопросов государственной жизни. Кроме того, совет контролировал работу органов исполнительной власти, занимался другими вопросами, в частности проверкой способности кандидатов занимать государственные посты перед их выборами или назначением.

Исполнительную власть осуществляли разные коллегии — магистратуры или отдельные служебные лица — магистраты, которые избирались на народных собраниях открытым голосованием сроком, как правило, на один год. Наивысшей магистратурой была коллегия архонтов из пяти человек. Она не только руководила всеми другими коллегиями, но и могла созывать при необходимости народное собрание, особенно в случае нападения врагов. Архонты наблюдали также за состоянием финансов, чеканкой денег.

Непосредственно финансовыми делами занимались две коллегии: коллегия Девяти и коллегия Семи. Доходы государства состояли из сбора пошлины, добровольных пожертвований, налогов на жертвоприношения, платежей за арендованное государственное имущество, взыскания штрафов и конфискации имущества. Главными статьями расходов были строительство и ремонт городских укреплений и общественных сооружений, устройство общественных праздников и спортивных состязаний, награждение граждан, которые особенно отличились, посольства, «дары» соседним племенам, заготовка продовольствия в неурожайные годы. Сокровищница, священная казна, а какое-то время и чеканка монет находились в ведении коллегии Семи.

Коллегия стратегов из шести человек ведала военным делом, заботилась об обороноспособности и защите государства. Она отвечала за комплектование войска и руководство им. Коллегии агораномов из пяти человек и астиномов следили за порядком на рынках, особенно на агоре, за качеством товаров, правильностью мер и весов. Существовала еще коллегия ситонов, которая должна была заботиться о закупке хлеба на случай неурожая, его сохранении и продаже гражданам по установленным ценам.

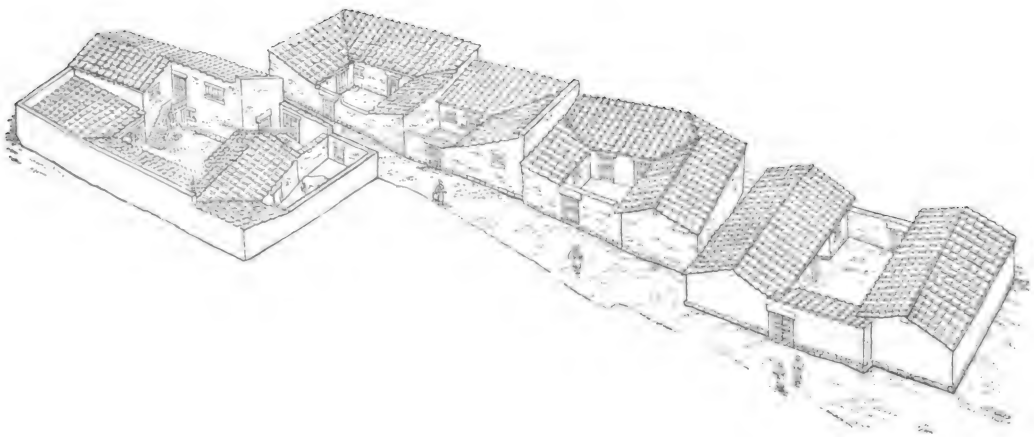
В состав государственного аппарата входили и должности гимнасиарха, который руководил гимнасием и, вероятно, другими формами обучения и физического воспитания юношества, устройством разных соревнований; глашатая, который объявлял на заседании народного собрания, в театре и общественных местах декреты и постановления; секретарей, жрецов и др.

В Ольвии имелся также и суд, состоявший из нескольких отделов; каждый из них ведал определенным кругом вопросов. В судопроизводстве принимали участие судьи, обвинители, свидетели. Признанных виновными штрафовали, иногда мера наказания заключалась в конфискации имущества и т. п. Особенно сурово карали вольноотпущенников, их даже могли снова вернуть в рабство.

Свободная часть населения Ольвии в этническом и экономическом отношении в VI — в начале V в. до н. э. представляла собой, вероятно, более однородную массу, чем в последующее время. В городе не было резкой имущественной дифференциации, среди жителей хоры не существовало собственников больших хозяйств и усадеб. Население периферии в позднеархаическое время слагалось из малосостоятельных людей, очевидно, свободных земледельцев, быт и экономические возможности которых почти не отличались от условий жизни и положения рядовых горожан. Со временем, судя по сообщениям римского грамматика первой половины V в. н. э. Макробия, в городе уже существовали довольно острые социально-экономические противоречия и, вероятно, значительно увеличилось количество рабов.

Все это ярко проявилось во время осложнения внешнеполитического положения Ольвии в последней трети IV в. до н. э. в связи с походами Александра Македонского и образованием его государства. В 331 г. до н. э. Ольвию осадил один из полководцев Александра — Зопирион, который с 30-тысячным войском выступил в завоевательный поход в Северное Причерноморье для покорения Скифии. Город испытывал серьезные трудности: регулярного войска он не имел, военная организация его основывалась на народном ополчении. По Макробию, государству пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы привлечь на свою сторону широкие слои общества: рабам была дарована свобода, иностранцам, жившим в Ольвии, предоставлены права гражданства, все долги были отменены. Эти меры увеличили ряды защитников города и одновременно ослабили внутренние социальные противоречия, повысили заинтересованность всех жителей Ольвийского государства в победе над врагом. Город выстоял в этой борьбе, и Зопирион вынужден был снять осаду. Таким образом, Ольвия сумела не только выдержать это тяжелое испытание, но и сохранить свой экономический потенциал, достаточный для того, чтобы после ухода вражеских войск приняться за переустройство города, развитие его хозяйства, обеспечить подъем торговли.

В последние десятилетия IV в. до н. э. значительно окрепли связи Ольвии с ее бывшей метрополией — Милетом. Жителям обоих городов были предоставлены права исополитии — взаимного гражданства.



Квартал жилых домов III—II вв. до н. э. в Верхнем городе Ольвии. *Реконструкция С. Д. Крыжицкого*

Конец IV—III в. до н. э. были для Ольвии периодом наивысшего расцвета. В это время развернулось большое строительство: как монументальное — культовое и городское, так и частное — иногда перепланировывались и перестраивались целые районы. Территория города достигла максимальных за всю его историю размеров — около 50 га. К концу IV в. до н. э. относится и денежная реформа, в результате которой Ольвия начала чеканить собственную золотую монету.

Развивались гончарное, металлургическое, ткацкое, косторезное и другие ремесла, в определенной мере рыболовство (в Ольвии существовал отдельный рыбный рынок). Значительно расширился ареал торговых связей и объем торговли. Наряду с традиционными для IV в. до н. э. торговыми связями с Синопой и Гераклеей завязались новые отношения с Пергамом, Самосом, Косом, Книдом, которые в это время вышли на историческую арену в связи с образованием новых эллинистических государств.

Особенно важную роль в торговле с Ольвией стал играть Родос. Как и в предыдущее время, главными статьями импорта оставались оливковое масло, вино, парадная посуда, украшения и т. п. Вывозились зерно, скот, кожа и другие сельскохозяйственные товары. В III в. до н. э. Ольвия торговала также с Александрией Египетской, откуда главным образом импортировались ткани, стекло, предметы торевтики (художественная обработка металла), в меньшем объеме — керамическая продукция.

Подъем экономики и культуры города сопровождался развитием его сельскохозяйственной округи — хоры. Возобновлялась жизнь на многих старых поселениях, основывались новые. Расширилось использование в строительстве камня, жилища сооружались по образцу городских. В это время появились довольно большие усадьбы. Однако четкой единой системы землеустройства, существовавшей, например, в Херсонесе, здесь не было. Государство эту деятельность, очевидно, регулировало недостаточно.

Приблизительно с конца III — первой половины II в. до н. э. Ольвия вступила в период социально-экономического и политического кризиса, охватившего почти весь греческий мир. Наблюдается обеднение средних слоев населения и сосредоточение больших богатств в руках отдельных

Уличная сцена в Ольвии. *Рисунок М. В. Горелика*

лиц. О резкой имущественной поляризации ольвийского населения свидетельствует, в частности, один из наиболее ярких лапидарных памятников того времени — декрет в честь ольвийского богача и общественного деятеля Протогена, который дал в долг Ольвии большую сумму денег на покупку хлеба в неурожайные годы, восстановление старых и строительство новых укреплений, приобретение подарков вождям враждебных племен. В среде ольвийских рабовладельцев и богачей Протоген, судя по ряду других декретов, был не единственным «благотворителем». Давая взаймы государству деньги, такие люди, как Протоген, создавали тем самым себе условия для дальнейшего обогащения и эксплуатации населения. Острые социальные противоречия существовали и во второй половине II — первой половине I в. до н. э., что красноречиво подтверждает одна из ольвийских надписей того времени — декрет в честь Никерата.

Наряду с обострением внутренних противоречий, которые раздирали ольвийское общество, значительно ухудшилось и внешнеполитическое положение государства. Это обусловливалось усложнением политической обстановки в античном мире в целом и изменениями в окружении самой Ольвии. В Северное Причерноморье продвинулись сарматские племена, оттеснившие от Ольвии часть ее давних соседей, с которыми город поддерживал в основном мирные отношения.

Новые соседи смотрели на Ольвию как на источник обогащения. Ей постоянно угрожали нападением окружающие племена, вождям которых — Сайтафарну и другим — она платила дань. Ремесла и сельское хозяйство

в Ольвии начали приходить в упадок, сократилась торговля, почти прекратилось городское строительство. Постепенно замирала жизнь на поселениях периферии. Особенно острая ситуация сложилась во время угрозы нападения на Ольвию воинственных племен галатов, которые в конце III в. до н. э. проникли на территорию Фракии. Тяжелое положение Ольвии в очень мрачных тонах обрисовано в декрете в честь Протогена. Часть жителей оставила Ольвию, рабы и миксэллины перешли на сторону врагов.

Соседние племена скифов, фисаматов и савдаратов, опасаясь жестоких галатов, намеревались укрыться за стенами Ольвии. Неизвестно, произошло ли пашествие галатов, но положение Ольвии не улучшилось: во II в. до н. э. она попала под протекторат позднескифского государства Крыма. Наряду с обычной монетой в Ольвии началась чеканка монеты скифского царя Скилура. После поражения Скифского царства (при царе Палаке в его войне с Херсонесом) в последние годы II — первые десятилетия I в. до н. э. Ольвия попала в зависимость от понтийского царя Митридата VI Евпатора (121—63 гг. до н. э.), под властью которого в то время уже находились Боспор и Херсонес. Готовясь к войне с Римом, Митридат VI разместил в Ольвии гарнизон и переселил туда часть жителей южнопонтийского города Армены (вблизи Синопы).

В 70-е годы I в до н. э. Ольвия, вероятно, вышла из-под власти Митридата. Ослабленная, без поддержки она подвергалась нападениям воинственных племен. Об этом известно, в частности, из речи Диона Хрисостома, посетившего Ольвию в конце I в. н. э. которому в Ольвии рассказывали, что город уже несколько раз захватывался врагами. Социально-экономический и политический кризис, охвативший цветущий когда-то полис, завершился в середине I в. до н. э. самым страшным за всю историю Ольвии разгромом. Она подверглась нападению со стороны гетов Днестро-Дунайского междуречья под предводительством Буребисты. После этого нашествия город окончательно потерял значение одного из самых важных торгово-экономических центров Северного Причерноморья.

Тира. В районе Днестровского лимана греческие поселенцы основали несколько городов и поселений — Тиру, Никоний, Гермонакту и др. Античные авторы называют еще одно поселение — Офиуссу. Позднейшие источники свидетельствуют, что Офиусса — это древнее название Тиры. По мнению некоторых ученых, Офиусса — отдельное поселение, существовавшее одновременно с Тирой неподалеку от нее. Среди поселений восточного берега Днестровского лимана следует назвать Никоний (вблизи современного с. Роксоланы). Город возник еще в VI в. до н. э. и, возможно, как и Тира, представлял собой самостоятельный полис, хору которого составляли поселения восточного берега лимана.

Самый значительный город Подпестровья — Тира — располагался на западном берегу Днестровского лимана, в северной части нынешнего Белгорода-Днестровского Одесской области.

Впервые о тиритах упоминает Геродот. О Тире идет речь в нескольких произведениях античных авторов, в частности в перипле псевдо-Скилака наряду с другими поселениями. По псевдо-Скимну, Тиру основали милетяне, о чем может свидетельствовать, в частности, распространение в Тире милетского календаря. Поскольку позднее VI в. до н. э. Милет колоний не основывал, город мог возникнуть в VI в. до н. э., но по археологическим данным Тира как город известна лишь с V в. до н. э.

Тира была обычным греческим полисом, в который входили располо-

женные вокруг нее небольшие поселения. Этот город-государство представлял собой рабовладельческую демократическую республику и имел типичные для античного полиса учреждения. Во главе государства стояли законодательные органы — народное собрание и совет, которые находились в руках рабовладельческой знати. Из исполнительных органов следует назвать коллегию архонтов, должность агонофетов и т. п.

По географическому положению и особенностям экономики Тира больше всего тяготела к Ольвии и Истрии, с которыми поддерживала тесные экономические, политические и культурные связи.

Существует мнение, что в V в. до н. э. она могла входить в состав Афинского морского союза. Но в целом ее роль и значение в жизни античного мира Северного Причерноморья были значительно меньшими, чем ее соседей — Ольвии и Истрии.

Расцвет Тиры приходится на IV—III вв. до н. э. Основу ее экономики составляли сельское хозяйство и ремесла. Исследователи считают, что в тирскую хору входили только правобережные античные поселения, большинство которых датируется IV в. до н. э. О большом значении земледелия, скотоводства, виноградарства, рыболовства свидетельствуют прежде всего монеты с изображением колосьев, быка, взнузданного коня, виноградной грозди, а также богини Деметры, увенчанной колосьями, и бога Диониса. Чеканка монет началась со второй половины IV в. до н. э. В городе получили распространение металлообрабатывающее, гончарное, ткацкое и другие ремесла, развивалось строительное дело и связанные с ним каменотесное и плотническо-столярное ремесла.

Немалая роль в этом городе-государстве принадлежала торговле. Тира находилась на торговом пути из метрополии в Северное Причерноморье, в ее порт заходило много торговых судов из Греции, а также из государств Южного и Западного Понта, которые проходили вдоль западного побережья Черного моря в Ольвию, Херсонес и города Боспора. О значении торговли в экономике Тиры дает представление большое количество амфор и других изделий из разных центров античного мира. Чеканка в конце III — начале II в. до н. э. золотой монеты — статеров — свидетельствует о стремлении Тиры выйти на широкую арену международной торговли.

В торговле Тиры V—IV вв. до н. э. большое место занимали Афины. Позднее, особенно в III—II вв. до н. э., усилились ее связи с малоазийскими и понтийскими центрами, в частности Родосом, Фасосом, Книдом, Кизиком, Гераклеей, Синопой, Ольвией, Херсонесом и Боспором. Довольно тесные торговые отношения Тира имела также с городами западного побережья Понта — Томами, Истрией и др.

Выгодное расположение вблизи устья Днестра позволило Тире установить торговые отношения с разными племенами, жившими на север от нее — до Балтийского моря и на запад — до Дуная, в частности с племенами фракийского и скифского происхождения, тирагетами, бастарнами и др.

С середины II в. до н. э. Тира переживает экономический кризис: замирает жизнь на поселениях хоры, сокращаются ее внешние связи. Торговые отношения поддерживаются главным образом с полисами Западного и Юго-Восточного Причерноморья — Амисом, Томами и другими — и, возможно, с гето-дакийскими племенами. Обострение экономического кризиса обусловливалось усложнением общеполитической ситуации в Северном Причерноморье. В частности, Тира подверглась нападению сарматов.

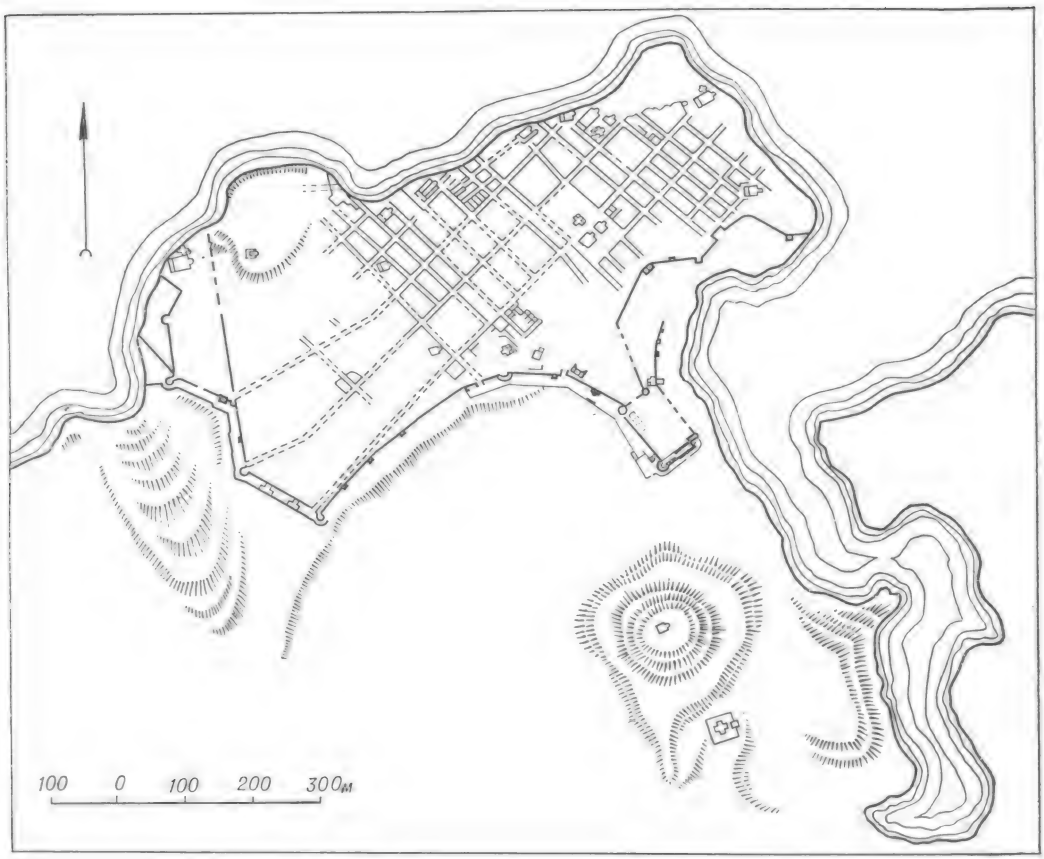
На протяжении последних лет II — первых двух десятилетий I в. до н. э. Тира попала в зависимость от государства Митридата VI Евпатора. Но эта зависимость, как видно, была непродолжительной, поскольку уже в 72—71 гг. до н. э. проконсул Македонии Лукулл подчиняет Риму западнопонтийские города вплоть до Дуная. Поэтому маловероятно, чтобы Тира и в дальнейшем зависела от Митридата VI. В середине I в. до н. э. Тира, как и Ольвия, подверглась разрушительному нашествию гетов.

Херсонес. Вторым большим центром античной цивилизации в Северном Причерноморье было западное побережье Крыма. Самый большой город здесь — Херсонес Таврический (в переводе — полуостров тавров) — основан в 422—421 гг. до н. э. выходцами из дорийского города Гераклеи Понтийской. Он находился в юго-западной части Крыма, на западной окраине современного Севастополя, на берегу Карантинной гавани. Месторасположение Херсонеса на скалистом мысу, окруженном бухтами, удобными для мореплавания, было очень выгодным для обороны. Находки обломков ионийской керамики, датирующиеся VI в. до н. э., дают основание считать, что, возможно, на месте Херсонеса до его основания гераклеотами было небольшое ионийское поселение.

Со времени своего возникновения Херсонес в отличие от других античных городов Северного Причерноморья находился во враждебном окружении: в горах — племен тавров-скотоводов, а в степях Крыма — кочевых скифов, позднее вошедших в состав Скифского царства в Крыму. Положение было настолько опасным, что херсониты вынуждены были укреплять не только город, но и его сельскохозяйственную округу. Существует предположение, что оборонительные стены имела, в частности, древнейшая сельская территория Херсонеса на Маячном полуострове (так называемый Страбоновский Херсонес). Напряженная обстановка сдерживала установление экономических связей Херсонеса с местным населением Крыма. Поэтому хозяйственной основой Херсонеса стало собственное развитое многоотраслевое сельское хозяйство, а со временем и ремёсла.

Приблизительно в конце IV в. до н. э. началось бурное экономическое и политическое развитие Херсонеса, особенно ярко проявившееся в III в. до н. э. Увеличилась основная земледельческая территория полиса. Кроме сельскохозяйственных участков — клеров, возникших в начале IV в. до н. э. на Маячном полуострове и занимавших площадь около 360 га, на рубеже IV—III—в начале III в. до н. э. государство дополнительно освоило территорию Гераклейского полуострова площадью около 12 тыс. га. Общее количество клеров выросло с 80—90 до 450—470. В отличие от клеров Маячного полуострова, площадь каждого из которых составляла 4,5 га, клеры Гераклейского полуострова имели в среднем размеры около 26,4 га каждый. На участках до 50% площади занимали виноградники; зерновых культур выращивали сравнительно мало — только для внутренних потребностей. Каждый клер имел усадьбу. Участки выделялись свободным херсонеситам в частную собственность, в аренду, на откуп и т. п. Для обработки угодий больших клеров использовались рабы. Кроме крупных земледельцев и рабов хору населяли различные группы зависимого и полузависимого разноэтничного населения, а также свободные общинники.

В состав полиса после распада в 339 г. до н. э. Скифского государства Атея вошли земли Северо-Западного Крыма, в том числе Керкинитида — античный город, основанный в конце VI — начале V в. до н. э. Возник но-



План Херсонеса

вый город Калос Лимен и целый ряд поселений различных типов: укрепления, поселения, расположенные рядом с небольшими крепостями, комплексы вилл и неукрепленные усадьбы. Эти районы снабжали Херсонес главным образом хлебом. Следует отметить, что вопрос об обеспечении города хлебом стоял очень остро. Так, в Херсонесской присяге была отдельная статья, которой запрещалось вывозить хлеб с равнины в какие бы то ни было пункты, кроме Херсонеса.

Наряду с сельским хозяйством развивались ткацкое ремесло, керамическое, металлообрабатывающее. Значительное место принадлежало гончарному производству. Во время раскопок в Херсонесе обнаружено несколько керамических мастерских, в которых изготовлялись амфоры, столовая и кухонная посуда, художественная керамика и т. д.

Развивалось также морское рыболовство, рыбозасолочное производство, соляной промысел. Вино, рыба, соль и некоторые другие продукты были основными товарами, шедшими на экспорт во внутренние районы Северного Причерноморья.

Определенную роль в экономике города играла торговля. В конце V — начале IV в. до н. э. установились довольно оживленные связи Херсонеса с Гераклеей Понтийской, Фасосом и Синопой. Велась торговля с Ольвией,

Боспором и средиземноморскими городами. Гераклея Понтийская, активно поддерживавшая Феодосию в ее борьбе за независимость с Боспором, не могла не видеть реальной угрозы и Херсонесу со стороны последнего. Гераклея как метрополия была кровно заинтересована в сохранении независимости Херсонеса от Боспора. Этим, в частности, в значительной мере объясняются дальнейшие тесные связи Херсонеса с Гераклеей. В ряде официальных документов даже первых веков нашей эры херсониты называют Гераклею своей матерью. Значение для экономики Гераклеи торговых отношений с Херсонесом, в частности после установления между ними прямого пути через Черное море, особенно усилилось с утратой влияния Гераклеи на Феодосию после присоединения ее к Боспору. В начале IV в. до н. э. Херсонес начал чеканить собственную мелкую серебряную монету. В целом роль торговли, особенно посреднической, в экономике Херсонеса была не особенно велика по сравнению с другими государствами Северного Причерноморья. Все это способствовало тому, что Херсонес меньше их подвергался влиянию местных племен и продолжал оставаться греческим городом.

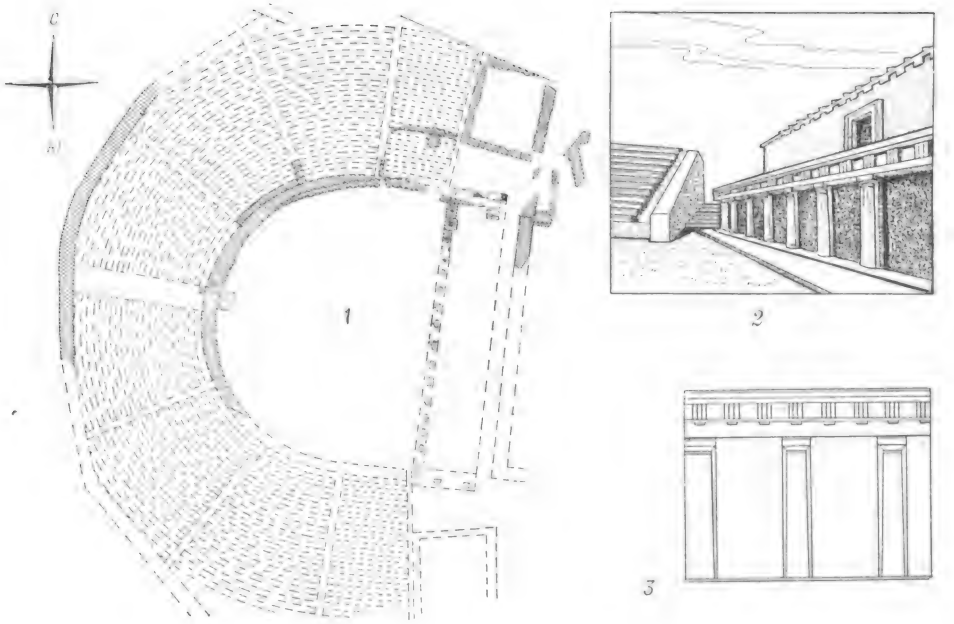
Экономическое укрепление государства способствовало развитию города. Увеличилась его территория. В городе, имевшем регулярную прямоугольную систему планировки, были построены храмы, театр и ряд других монументальных сооружений. Его окружала система мощных оборонительных стен с крепостными воротами и башнями. Особенно надежными были укрепления порта.

Херсонес, представлявший собой на ранних этапах исторического развития по государственному устройству типичный рабовладельческий демократический полис, со временем приобрел некоторые черты централизованного эллинистического государства, хоть и сохранил ряд институтов, характерных для полисной системы. Власть находилась в руках богатых греков-рабовладельцев. Одна из надписей называет их «природными гражданами». Верховные органы — народное собрание и совет — решали вопросы внешней политики и внутренней жизни. Ряд государственных учреждений наследовал формы, типичные для Мегар (метрополии Гераклеи Понтийской). В частности, члены совета или одной из его комиссий, как и в Мегарах, назывались эйсимнетами (рассудительными). В первые века нашей эры это название исчезает, вместо него в эпиграфических памятниках упоминаются проэдры.

Локальной особенностью Херсонеса, выделявшей его среди государств Северного Причерноморья, было также наличие в нем должностного лица, которое называли царем (басилевсом). Название «царь» носило достаточно условный характер. Царь был эпонимом — особой, именем которой при датировке государственных документов назывался год. В его функции входили кроме того и религиозные дела. Позднее титул царя вообще утратил какой-либо практический смысл и был символически перенесен на богиню Деву, называвшуюся «царствующей».

Главной магистратурой была коллегия демиургов или архонтов (вопрос о ее названии окончательно не выяснен). Исполнительную власть осуществляли различные коллегии: номофилаков — «стражей закона», контролировавших исполнение государственных декретов и постановлений; симпамонов, исполнявших обязанности глашатаев и следивших за высеканием соответствующих текстов на каменных плитах.

Экономический расцвет Херсонеса сопровождался усилением имущественной и социальной дифференциации населения, обострением внутрен-



Херсонесский театр:
1 — план; *2* — общий вид проскения и скены; *3* — часть фасада проскения. *Реконструкция О. И. Домбровского*

него кризиса государства. Здесь неоднократно возникали серьезные социальные конфликты, постоянно шла борьба за власть между сторонниками демократической и олигархической форм правления. Об этом свидетельствует, в частности, один из интереснейших памятников, высеченный на мраморной плите,— Херсонесская присяга, которую должен был приносить каждый херсонесит. Появление такой присяги в конце IV — начале III в. до н. э. было, очевидно, обусловлено попыткой свергнуть демократический строй, возможно, существованием кратковременной тирании. В присяге дана яркая характеристика жизни Херсонеса того времени. В ней говорится о верности демократическому устройству Херсонеса, служении народу, борьбе против попыток отторгнуть какие-либо части государства, в состав которого, по тексту, входили Керкинитида, Калос Лимен и другие города. Особое внимание уделено необходимости противодействовать заговорам.

В условиях существования частной собственности на землю, возможности ее купли и продажи, в том числе общественных участков, имел место рост концентрации земельных угодий в руках немногих собственников, что очень четко прослеживается уже на рубеже III и II в. до н. э. Это приводило к дальнейшему расслоению населения, обострению социальных противоречий.

Значительные изменения прослеживаются и во внешнеполитическом положении Херсонеса, в частности в его отношениях с окружающими племенами. Так, в III—II вв. до н. э. у соседей Херсонеса — скифов Крыма — возникло довольно сильное государство во главе со Скилуром. Скифы делали все возможное, чтобы завоевать греческие морские порты и наладить непосредственную морскую торговлю с греческими государствами

Черноморского и Средиземноморского бассейнов.

Очевидно, уже со второй половины — конца III в. до н. э. начались первые столкновения Херсонеса со Скифским государством. Агрессия скифов в то время была направлена главным образом на херсонесские владения в Северо-Западном Крыму. На рубеже III и II вв. до н. э. скифы напали на Херсонес. В таких неблагоприятных для себя условиях Херсонес пытался воспользоваться враждебными отношениями между скифами и сарматами. Последние в то время представляли уже значительную силу. В 179 г. до н. э. Херсонес, заключив договор «о дружбе» с царем Понтийского государства Фарнаком I, подобно сарматскому царю Гаталу, вошел в коалицию припонтийских государств. Возможно, что союзнические отношения с сарматами, а также с Боспорским государством существовали и раньше. Согласно договору Фарнак I обязывался быть «другом» херсонеситам, а в случае, «если соседние варвары выступят походом на Херсонес или подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев», выступить на его защиту.

Однако уже приблизительно в середине II в. до н. э. Северо-Западный Крым оказался во власти скифов, которым в их борьбе против Херсонеса, возможно, помогали тавры. В конце II в. до н. э. Херсонес, оказавшись в трудном положении, вынужден был обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Не исключено, что основанием для этого был упоминавшийся договор, заключенный с царем Фарнаком I. Вмешательство в борьбу между Херсонесом и скифами было выгодно Митридату, имевшему намерение укрепиться на побережье Северного Причерноморья. В 110 г. до н. э. он отправил на помощь Херсонесу войско во главе с полководцем Диофантом. Почетный декрет Херсонесского государства в честь Диофанта рассказывает именно об этих событиях. Во время похода Диофант покорил тавров, вынудил скифов отступить на свою территорию, овладел Неаполем скифским и крепостью Хабеями.

Спустя год скифы вышли из-под власти царя Митридата VI Евпатора. Он снова послал в Крым Диофанта. Во время второй экспедиционной кампании Диофант к своему войску привлек «отборных граждан» Херсонеса. Он уничтожил почти полностью скифское войско и снова двинулся на Хабеи и Неаполь скифский. Очевидно, во время этого похода скифы потерпели окончательное поражение. Однако помощь Понтийского государства обернулась для Херсонеса зависимостью от Боспора, верховным правителем которого стал Митридат VI Евпатор.

Боспор. Ко времени возникновения античных государств в Северо-Восточном Причерноморье эти места заселяли различные племена. На Керченском полуострове, как и во всей степной части Крыма, жили царские скифы, на Таманском полуострове — синды, в нижней части Кубани и в Приазовье — меоты. Часть этих племен вела оседлый образ жизни, занималась земледелием, скотоводством, рыболовством. Античные города Боспора были основаны главным образом в VI в. до н. э. выходцами из ионийских городов.

До объединения в единое государство большинство городов Боспора существовало самостоятельно и, очевидно, имело обыкновенное полисное устройство. Часть из них получила названия по имени ойкистов (Фанагория, Гермонасса), а часть носила негреческие названия (Пантикапей, Тиритака, Китей, Киммерик и др.). Экономическую основу этих городов составляли земледелие, ремесла, рыболовство, а также торговля как с ме-

стными племенами, так и с восточносредиземноморскими центрами — Афинами, Родосом, Самосом, Клазоменами, Коринфом, Хиосом, Навкратисом и др.

В 480 г. до н. э. часть боспорских городов объединили под своей властью Археанактиды. Они представляли собой династию, которая, возможно, происходила от наследственных архонтов (в отличие от выборных в других античных городах-государствах). Однако единого мнения о происхождении этой династии среди ученых нет. Согласно свидетельству греческого историка Диодора Сицилийского, Археанактиды находились у власти в течение 42 лет — до 438 г. до н. э. В состав созданного ими объединения, очевидно, входили Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и небольшие города — Тиритака, Мирмекий, Кепы, Корокондама, Патрей.

Благодаря своему выгодному географическому положению одним из главных центров Боспора был Пантикапей. Город лежал на берегу глубокой удобной бухты, на важном торговом пути, связывающем Меотиду с Понтом Евксинским. Он имел удобную связь и с населением степных территорий Крыма, а через него — с племенами северных районов. Пантикапей, основанный на месте бывшей торговой фактории, ко времени возникновения Боспорского государства представлял собой типичный для периода греческой архаики город, расположенный на террасах укрепленного холма — акрополя. Здесь размещались жилые дома средних и бедных слоев населения. Верхнюю часть холма занимали монументальные сооружения различного назначения. В частности, есть сведения о том, что в конце VI — начале V в. до н. э. здесь был построен величественный храм ионического ордера. Пантикапей стал столицей Боспора, но когда именно — со времени возникновения государства, еще при Археанактидах, или несколько позже — убедительных данных нет.

На первом этапе существования Боспорского государства все города, вошедшие в него, сохраняли местное самоуправление и определенную самостоятельность, особенно в решении внутренних дел. Внешнеполитические, военные и другие важные вопросы находились, очевидно, в ведении главы государства.

В Боспорском государстве в это время сложились предпосылки экономического и политического расцвета. Развивались торговля и сельское хозяйство. Особенно заметные сдвиги в экономике, в частности во внешней торговле, начались приблизительно во второй половине V в. до н. э.

В 438 г. до н. э. Археанактидов сменил Спарток I, преемники которого — Спартокиды — удерживали власть в своих руках до II в. до н. э. О событиях, связанных со сменой власти, ничего не известно. Существуют различные гипотезы о происхождении Спартокидов. Согласно одной из них, Спартокиды — выходцы из знати местных племен фракийского происхождения, которая уже в то время ориентировалась на сближение с греческими купцами и рабовладельцами, что было продиктовано общностью социально-экономических интересов. Однако не исключено, что Спарток мог быть и греком. Спартокиды, как и Археанактиды, вначале назывались архонтами. При них греческие города сохраняли определенное самоуправление. Одной из главных тенденций в правление их династии было активное стремление к расширению территории своего государства. Это обусловливалось экономическими причинами, в частности развитием торговли зерном, что вызывало потребность в увеличении его товарного производства и подчинении конкурирующих городов. Хотя и существует мнение, что боспорские города за исключением, возможно, только Нимфея не входили в состав

Афинского морского союза, однако факты говорят о другом. С конца V в. до н. э. Боспор стал играть значительную роль в торговле хлебом с Афинами, экспорт которого достиг максимума в IV в. до н. э. Расширение торговли хлебом требовало увеличения объема его производства, чего в условиях низкого уровня развития земледелия можно было достичь только за счет расширения территории сельскохозяйственной округи. Таким образом, объем внешней торговли с античным миром, которую активно вели Спартокиды, непосредственно зависел от освоения новых земельных площадей.

Боспор свою территорию расширял постепенно. В V в. до н. э. в его состав вошел город Нимфей. В 80-х годах IV ст. до н. э. после тяжелой войны, продолжавшейся несколько лет, Боспор присоединил Феодосию, несмотря на то что последней довольно активно помогала Гераклея Понтийская. Сама Феодосия была большим торговым центром с хорошей гаванью и имела развитые торговые связи, главным образом с Афинами. Феодосия как один из самых значительных полисов Боспора в VI—V вв. до н. э., безусловно, являлась довольно сильным конкурентом Пантикапея. Война началась при правлении преемника Спартока I — царя Сатира I (433—389 гг. до н. э.), погибшего во время осады Феодосии. Только сыну Спартока I — Левкону I (389—349 гг. до н. э.) удалось победить в этой войне и присоединить к Боспорскому государству весь Керченский полуостров. После войны боспорские цари стали называться «архонтами Боспора и Феодосии».

При Левконе I территория Боспора расширилась и в восточном направлении — были покорены племена, занимавшие южную часть Таманского полуострова (Синдика), а также племена Прикубанья и Восточного Приазовья. Увеличилось количество городов, среди которых один из самых значительных — Горгиппия — находился на месте Синдской Гавани. В первой четверти III в. до н. э. в устье Дона боспоряне основали Танаис, ставший значительным перевалочным центром на торговых путях Северо-Восточного Причерноморья. Владея такими территориями, Левкон I стал титуловать себя «архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов, торетов и дандариев». Титулы боспорских царей ярко отражали их территориальные приобретения. В меру присоединения к Боспору новых племен в состав титула включались новые этнические названия этих племен. Но по отношению к античным городам боспорские цари пытались показать себя не тиранами-узурпаторами и завоевателями, которыми они по существу были, а законными продолжателями республиканской формы правления и поэтому продолжительное время называли себя архонтами. Спарток III (304—284 гг. до н. э.) уже титуловался «царем Боспора». Только по отношению к Пантикапею боспорские цари оставались архонтами до I в. до н. э.

Боспорские цари имели большую власть. Они были верховными владельцами и распорядителями земельных угодий, городов, поселений, наделяли ими своих приближенных; награждали иностранных купцов проксениями и привилегиями; руководили вооруженными силами; им подчинялись также судебные органы. Эту власть Спартокиды распределяли между членами их рода. Многочисленные функции исполнительной власти, управление отдельными районами и городами поручались придворной знати, состоявшей из родственников и приближенных лиц. Полисные формы правления — народное собрание, совет, магистратуры — даже там, где они в какой-то степени сохранились, были со временем настолько ограничены, что, по сути, утратили реальное зна-

чение. Под контролем царей находились наемное войско, военный флот и отряды, предоставлявшиеся в их распоряжение вождями подвластных племен. В особенно опасные моменты к этим силам присоединялось гражданское ополчение.

Зависимость местных племен (скифов, синдов, меотов и др.) состояла в признании ими верховной власти боспорского царя, уплате дани сельскохозяйственной продукцией, участии в военных действиях. Однако они сохраняли свое племенное устройство, свои обычаи, особенности быта. Группами племен руководили вожди.

Наивысший расцвет Боспора приходится на IV в. до н. э. Основу его экономики составляло земледелие. С завершением формирования Боспорского государства в основных границах в середине и во второй половине IV в. до н. э. на его территории возникло большое количество неукрепленных поселений, происходил массовый переход кочевых племен к оседлости. Густая сеть сельских поселений давала возможность не только обеспечивать хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами население государства, но и широко его экспортировать. Здесь были довольно хорошо развиты садоводство, виноградарство и связанное с ним виноделие. Большое место в хозяйстве занимали животноводство, рыболовство и рыбозасолочное производство, соляной промысел. Высокого уровня достигли различные ремесла — металлообрабатывающее, ювелирное и особенно гончарное. Так, в IV в. до н. э. в Пантикапее, Фанагории, Горгиппии известны мастерские — эргастерии, в которых изготовлялись керамические изделия. Подобные мастерские, специализировавшиеся на производстве разных видов керамической продукции, существовали и в других городах. Сельское хозяйство, промыслы, ремесла носили товарный характер.

Все это создавало необходимые условия для широкого развития внешней и внутренней торговли. Боспор был одним из главнейших поставщиков зерна и других продовольственных товаров в Грецию и, особенно, как уже отмечалось, в Афины. Тесные экономические связи между Боспором и Афинами нашли отражение в ряде документов, дошедших до нас. Афинское правительство в честь Спартокидов, властителей Боспора, издавало почетные декреты. Оно награждало их золотыми венками, предоставляло им торговые льготы. О размахе хлебной торговли Боспора с Афинами довольно яркое свидетельство есть у Демосфена, по данным которого ежегодный импорт боспорского зерна в Афины составлял 400 тыс. медимнов (около 16 700 т).

Господствующей формой социальных отношений в Боспорском царстве было рабовладение; рабский труд широко использовался в ремесленном производстве, городском строительстве, домашнем хозяйстве, меньше — в сельском хозяйстве, где преобладали другие формы эксплуатации, прежде всего дань натурой за право обработки земли. Существовали различные источники пополнения армии рабов. Рабами становились пленные, захваченные во время войн или стычек с соседними племенами. Рабов покупали у вождей племен. Очевидно, рабами становились и свободные люди, не имевшие возможности выполнить долговые и другие обязательства. Большая потребность в рабах на Боспоре обусловила развитие работорговли (один из невольничьих рынков Причерноморья находился в Танаисе).

Население Боспора было многочисленным и довольно пестрым по своему этническому составу. В городах и селах проживали греки, а также выходцы из скифского, синдского и меотского окружения. Последние в социальном отношении занимали различное положение — среди них были и

рабы, и собственники земли, и владельцы больших ремесленных мастерских. Туземная часть состоятельных жителей боспорских городов, в определенной степени эллинизированная, вместе с греческой по происхождению верхушкой общества составляла своеобразный греко-туземный рабовладельческий класс, опору боспорских царей, владевших также большими земельными угодьями и ремесленными эргастериями, принимавших активное участие во внешнеторговых операциях.

С конца IV в. до н. э., особенно в III—II вв. до н. э., в жизни Боспорского государства произошли важные изменения, вызванные, очевидно, рядом экономических и политических условий, сложившихся в Северном Причерноморье. Так, Перисад I (349—309 гг. до н. э.), при котором Боспор достиг наивысшего расцвета, в конце своего правления разделил власть со своими сыновьями. После его смерти между наследниками началась упорная борьба за единовластие, в результате которой младший — Евмел — победил своих братьев Сатира и Притана, о чем свидетельствует Диодор Сицилийский. Очевидно, сыновей Перисада I поддерживали различные социальные слои, а также определенные группы племен: к Сатиру присоединились скифы, к Евмелу — фатеи во главе с царем Арифарном.

Значение деятельности Евмела состоит в том, что он впервые в истории Боспора попытался утвердить гегемонию Боспора над всем побережьем Понта. Следует, однако, подчеркнуть, что в отличие от Митридата VI Евпатора все внешнеполитические усилия и акции Евмела, как и его преемников (Спартока III, Перисада II), сосредоточивались в границах собственно понтийской территории. На протяжении небольшого срока своего правления (309—303 гг. до н. э.) Евмел проводил активную внешнюю и внутреннюю политику:

Боспорские воины. III—II вв. до н. э. *Реконструкция М. В. Горелика*

возобновил некоторые привилегии пантикапейского населения (беспошлинность торговли, освобождение от податей и др.), в определенной мере улучшил правление государством и условия морской торговли, разгромив пиратов и присоединив к Боспору новые земли. Уделял Евмел внимание и развитию сельского хозяйства. По свидетельству Диодора, он провел размежевание земель и выделил тысячу усадеб для переселенцев из Каллатии.

Изменения, происшедшие в жизни Боспорского государства, особенно в области ее внешней политики, были связаны с событиями, происходившими в тогдашнем античном мире — с завоеваниями Александра Македонского, возникновением эллинистических монархий, переориентацией торговых и культурных связей, усилением роли в экономике и политике новых районов Средиземноморья.

Эти события и ряд других причин, о которых будет сказано далее, при-

вели к важным изменениям и в области экономики Боспора. Эти изменения касались направления торговых связей, характера экспорта. В частности, в III—II вв. до н. э. значительно сократился хлебный экспорт в Аттику. Последнее можно, очевидно, объяснить не столько конкуренцией на мировом хлебном рынке с Египтом, сколько неспособностью Боспора обеспечить прежний уровень экспорта в Афины при возросших потребностях в зерне как внутри самого государства, так и для вывоза в южнопонтийские центры — Синопу, Гераклею, Амис, которые с конца IV — начала III в. до н. э. стали играть во внешней торговле Боспора значительную роль. Однако связи Боспора с Афинами полностью не прекратились. Так, Афинский декрет 287—286 гг. до н. э. в честь боспорского царя Спартока III свидетельствует о том, что этот царь подарил Афинам по поводу освобождения города от македонского гарнизона 15 тыс. медимнов (около 626 т) хлеба. Афины наградили Спартока III золотым венком и двумя бронзовыми статуями, а также обязались помогать Боспору в случае какого-либо вторжения на его территорию.

В первой половине III в. до н. э. Боспор переживал финансовые затруднения, связанные, как считает ряд исследователей, с тяжелым экономическим положением государства. Прекратилась чеканка золотой и серебряной монеты, широко начали применяться перечеканка и надчеканка медных монет.

Более вероятным все же кажется другое объяснение финансовых затруднений Боспорского государства. Это явление рассматривается частью ученых как следствие перестройки экономики: переориентации торговых связей, в частности расширения торговли с племенами Подонья и Приазовья, некоторых изменений основных статей экспорта, значительного развития рыболовства, виноградарства и виноделия, а также ремесел. Таким образом, в общем III в. до н. э. еще можно отнести к периоду расцвета Боспора. Сокращение объема внешней хлеботорговли в определенной степени компенсировалось увеличением экспорта скота, рыбы, а также рабов на Родос, Делос, Кос, в Синопу, Пергам и в другие города.

Все эти товары Боспор мог получить в достаточном количестве только в результате развития торговли с местными племенами, что, безусловно, способствовало возникновению Танаиса, который находился в окружении варварских племен. Согласно Страбону, главные статьи экспорта Танаиса составляли скот и рабы. На протяжении многих веков этот город, как уже упоминалось, был важнейшим посредническим торговым центром между античными государствами и местными племенами.

В III—II вв. до н. э. для Боспора возник ряд осложнений политического характера. В частности, ухудшились его отношения с окружающими племенами, особенно со скифскими. С северо-востока на Боспорское государство стали наступать сарматские племена. Возможно, часть племен Боспорского царства вышла из-под его власти. В результате положение Боспора настолько ухудшилось, что ему нередко приходилось даже платить дань скифским царям и вождям других племен.

При Левконе II, во второй половине III в. до н. э., Боспор, как можно предполагать, вел борьбу с Гераклеей Понтийской, что требовало напряжения всех сил. Гераклея придерживалась враждебного политического курса в отношении Боспора почти полтораста лет. Еще в IV в. до н. э., когда Боспор вел борьбу за покорение Феодосии, Гераклея выступила на стороне последней. Такая политика обусловливалась, вероятно, не только боязнью за судьбу Херсонеса —

единственной в Северном Причерноморье колонии, основанной Гераклеей, но и торгово-экономическими интересами в районе Боспора. Прежде всего эти интересы касались Феодосии, экспорт товаров в которую занимал довольно значительное место в торговле Гераклеи. Напряженность внешнеполитической ситуации усложнялась еще и другими обстоятельствами, в частности, раздорами между членами династии Спартокидов. Немаловажную роль играли и стремления некоторых боспорских городов к автономии, к выходу из-под власти Боспора.

Существенные изменения в конце III — во II в. до н. э. произошли и в сельскохозяйственной округе Боспора. Одновременно с увеличением количества рыбачьих поселений на морском побережье сокращалось количество поселений земледельческого профиля. Опасность со стороны скифов вынуждала строить укрепленные поселения в степной части государства. Углублялся экономический кризис, что особенно проявилось в середине II в. до н. э.

В этот период еще больше обострились социальные противоречия внутри боспорского общества, прежде всего между рабовладельцами и рабами, а, возможно, также между греческими и местными по происхождению слоями населения. Углублялась имущественная дифференциация. Последний правитель династии Спартокидов Перисад V, сознавая шаткость своего положения, начал переговоры с Диофантом, полководцем понтийского царя Митридата VI Евпатора, прибывшего в Пантикапей после победы над Скифским государством, очевидно, с дипломатической миссией. Наверное, в условиях наступления местных племен и недовольства широких кругов собственного, жестоко эксплуатировавшегося населения речь шла о помощи Митридата Боспору. В результате Перисад V передал власть Митридату VI Евпатору. Это событие явилось, очевидно, непосредственным толчком для широкого освободительного движения порабощенного населения.

Нарастание социального и политического кризиса привело к восстанию в 107 г. до н. э. скифов (по мнению большинства ученых, скифов-рабов) и других обездоленных прослоек населения под руководством Савмака, скифа по происхождению и, очевидно, раба по социальному положению. Восставшие овладели Пантикапеем, Феодосией и другими городами, захватили флот, убили Перисада V; Диофант бежал в Херсонес. Савмак занял царский трон. Восстание широких угнетенных слоев населения Боспора, кроме стремления освободиться от эксплуатации и рабства, вероятно, было направлено также против вмешательства Митридата в дела Боспорского государства, которое, безусловно, привело бы к укреплению власти господствующей династии и к еще большему угнетению трудящихся слоев населения.

Восстание в Боспорском государстве не было единичным явлением. Во II в. до н. э. прокатилась волна восстаний туземного населения в Египте, рабов в Сицилии, Италии, Афинах, на Делосе, рабов и бедноты под руководством Аристоника в Пергаме. Повсеместно восставшие брали на некоторое время власть в свои руки, нередко провозглашали приход «солнечного царства». Все эти восстания были проявлением борьбы непосредственных производителей материальных благ против эксплуатации, произвола рабовладельцев, за освобождение из-под гнета.

Правление Савмака продлилось недолго. К тому же недостаток источников не дает возможности более конкретно говорить о Савмаке и его реформах. Понтийский царь Митридат VI Евпатор в связи с этими событиями послал на Боспор сухопут-

ные и морские силы во главе с Диофантом, который, присоединив к ним еще и отборные части херсонесских воинов, разгромил восставших, захватил в плен Савмака, овладел Пантикапеем и Феодосией.

Событиями, приведшими к потере Боспором политической независимости, начался упадок Боспорского государства, обусловленный как внутренним социально - экономическим кризисом античных городов Северного Причерноморья, так и военно-политической борьбой, развернувшейся в связи с экспансией Римского государства на восток.

3. АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В I В. ДО Н. Э.—IV В. Н. Э.

Северное Причерноморье в конце II в. до́ н. э.—IV в. н. э. Конец II—I в. до н. э. были для античных городов-государств Северного Причерноморья временем общего социально-экономического и политического кризиса. Внутренний социально-экономический кризис этих государств — резкое углубление имущественной дифференциации населения и обострение социальных противоречий — совпал с глубокими изменениями в их внешнеполитическом положении, что привело к упадку ремесел, сельского хозяйства, торговли. Это объясняется, с одной стороны, увеличением давления местных племен, определенными изменениями в составе соседних племен, в частности продвижением сарматов, а с другой — ослаблением и упадком ряда греческих городов в связи с экспансией Рима.

Северопричерноморские города один за другим теряли политическую независимость, попадая под власть Понтийского царства, после распада которого в Северном Причерноморье доминирующим стало влияние Рима. Все это привело к важным изменениям политического и экономического характера. В городах заметно увеличивалось количество выходцев из местных племен, что особенно сильно отражалось на культуре античных городов; эллинистическая в своей основе культура первых веков нашей эры все больше приобретала черты, типичные для культуры окружающих племен, одновременно она воспринимала некоторые элементы римской провинциальной культуры. Но романизация в античных городах Северного Причерноморья оказалась намного слабее, чем, например, в городах Западного Причерноморья. Все эти процессы в первые века нашей эры очень четко прослеживаются в Боспорском государстве. Это время характеризуется относительной общей стабилизацией политического положения, а также определенным ростом экономики.

Период экспансии Понтийского царства и общего кризиса античных городов Северного Причерноморья был относительно недолгим.

Понтийское государство возникло в IV в. до н. э. в северо-восточной Малой Азии, на юго-восточном побережье Понта Евксинского. В 281 г. до н. э. правитель Понтийского царства Митридат III принял царский титул. В среде населения Понтийского царства преобладали каппадокийцы, господствующий класс представляли в основном персы. Ведущую роль в экономической и политической жизни городов, расположенных на побережье Черного моря, играли греческие колонисты. При царе Фарнаке Понтийское царство завоевало Синопу и заключило военно-политические союзы с городами Северного и Западного Причерноморья, а также и с сарматами. В I в. до н. э. Митридат VI Евпатор объединил под своей вла-

стью все причерноморские государства, в том числе Боспор, Ольвию, Тиру, Херсонес, Колхиду.

Естественно, что создание такого большого государственного объединения в районах, представлявших значительный интерес для Римской империи, не могло не встретить противодействия с ее стороны. Под властью Римского государства в то время находились Южная Европа, Северная Африка, острова Эгейского моря, западные районы Малой Азии. Дальнейшему продвижению Рима на восток, в частности в глубь Азии, мешало Понтийское царство. Античные города Северного Причерноморья находились в зоне столкновения интересов этих двух государств, борьба между которыми стала переломным моментом в истории Восточного Средиземноморья.

Первый военный конфликт между враждующими сторонами возник в 89 г. до н. э. Затем он перерос в войну, которая длилась с небольшими перерывами до 63 г. до н. э. (89/88—85/84; 83—82; 74—64/63 гг. до н. э.). На первом этапе борьбы Северное Причерноморье было для Понтийского царства главным источником сырья, продовольствия и людских ресурсов. Митридат VI привлек к участию в войне не только города Боспора, Херсонес, Ольвию, но и множество племен. Война, затянувшаяся на долгие годы, подрывала внешнюю торговлю, ремесла, сельское хозяйство античных городов Северного Причерноморья. Все это тяжелым бременем ложилось на трудящиеся слои населения. В результате в городах Северного Причерноморья ширились антипонтийские настроения, которые впервые проявились еще во время восстания Савмака.

Во время первой войны Митридата VI с Римом Боспор сделал попытку выйти из-под власти Понтийского царства, но потерпел неудачу. Полководец Митридата VI Неоптолем разбил войска Боспора и его союзников. Наместником Митридата VI в Боспорском царстве стал его сын Махар. Однако это привело к негативным для Митридата VI последствиям — Махар вступил в тесные отношения с римлянами. Большое количество продовольствия, заготовленного Боспором для осажденной римлянами Синопы, он отправил своим союзникам — врагам отца.

В ходе войны римляне захватили понтийские территории в Малой Азии, и после битвы около р. Лики в 66 г. до н. э. Митридату VI пришлось отойти через Кавказ к Боспору, в Пантикапей. В то время там находился Махар. Он вынужден был бежать в Херсонес фракийский, где затем и покончил жизнь самоубийством.

Римляне продолжали преследовать Митридата VI. Их полководец Помпей рассчитывал догнать его, пройдя через Закавказье, но продвижение войск Помпея остановили иберийские племена, не захотевшие покориться Риму, и он повернул назад. Митридат VI, чувствуя на Боспоре бóльшую уверенность в своих силах (он считал античные государства Северного Причерноморья своей экономической и политической базой, особенно после потерь в Малой Азии), стал готовиться к новой войне с Римом. Он задумал поход в Италию через Северное Причерноморье, Дунай и Альпы.

Чтобы осуществить свое намерение, Митридат VI заключил военные соглашения с вождями северопричерноморских племен, вступил с ними в родственные связи. Ориентация Митридата VI на местные племена еще больше обострила отношения с населением греческих городов, обремененных поборами, римской блокадой и т. п. По Страбону, население Боспора платило Митридату VI дань зерном — 180 тыс. медимнов (около 7510 т) и серебром — 200 талантов.

Обязательными были также поставки рабочих волов (их жилы использовались на тетивы боевых луков), строительного леса (для сооружения военных машин), рабов. Кроме того, войны Митридата VI с Римом значительно сократили торговые операции античных государств Северного Причерноморья с Грецией и Малой Азией. Все это существенно затрагивало интересы рабовладельческой части общества. В результате в Боспорском государстве снова, как и в период первой войны, начались активные выступления, вылившиеся в ряд восстаний.

Первой против Митридата VI поднялась Фанагория (63 г. до н. э.). К ней присоединились Нимфей, Феодосия, Херсонес. Вспыхнуло восстание и в самом Пантикапее. Его возглавил сын Митридата VI Фарнак, которого войска провозгласили царем. Митридат VI спрятался во дворце на акрополе Пантикапея, где по его просьбе был убит одним из военачальников.

Этими событиями, в результате которых Понтийское государство Митридата VI было окончательно сломлено, окончился период вынужденной понтийской политической ориентации северопричерноморских городов. Города стали в большой степени зависеть от Рима, в частности в военно-политическом отношении. Вскоре Боспор, Ольвия, Херсонес, Тира полностью утратили свою политическую независимость. Античные города Северного Причерноморья в первые века нашей эры стали для Римской империи своеобразным барьером, способным ослабить натиск варварских племен на восточные ее границы.

Глубокие изменения произошли на рубеже нашей эры и в первые ее века в общественной и экономической жизни северопричерноморских городов: шел процесс распада основ рабовладельческого общества, процесс натурализации хозяйства, усиливалась сарматизация культуры. Одновременно в первые века нашей эры имела место некоторая экономическая стабильность. В частности, города продолжали играть существенную роль в посреднических торговых операциях между античным миром и местными племенами. Но уже около середины III в. н. э. начался новый глубокий внутренний экономический кризис большинства античных городов Северного Причерноморья. В это время городское население занималось главным образом сельским хозяйством; города приобретали черты, свойственные сельским поселениям; углубился процесс натурализации хозяйства, что в целом привело к сокращению ремесленного производства, внутренней и внешней торговли. Постепенно менялись формы эксплуатации. Рабство изживало себя, складывались новые формы социальной зависимости, свойственные раннефеодальному обществу.

В Северном Причерноморье процесс качественных социально-экономических изменений совпал с крайним обострением внешнеполитического положения в связи с захватническими походами готов, гуннов, нарушением ими торговых связей, сложившихся в предыдущее время. Все это привело не только к уничтожению рабовладельческого способа производства, но и гибели большинства античных северопричерноморских городов. В III в. н. э. ослабевшие политически и экономически античные государства уже не могли противостоять готским полчищам и были вынуждены идти им на уступки и на соглашения с ними. Даже Боспор, который в военном отношении являлся самым сильным античным государством этого района, должен был разрешить племенам боранов и герулов проходить через Керченский пролив из Азовского в Черное море, откуда они совершали пиратские набеги не только на при-

черноморские, но и на средиземноморские города — Афины, Коринф, Эфес, Кизик, Гераклею и др. Многие города подверглись разорению. Все это наносило большой, иногда непоправимый ущерб экономике античных городов Северного Причерноморья — торговле, ремеслу и особенно сельскому хозяйству. В большинстве городов прекратилась чеканка монет. С середины III в. н. э. наблюдается упадок городской жизни.

Еще более тяжелым для античного мира Северного Причерноморья был IV в. н. э., когда на его территорию вторглись кочевые орды гуннов. Гунны вместе с племенами, примкнувшими к ним, нападали на города и поселения, сохранившиеся после нашествия готов, и в последней четверти IV в. н. э. полностью уничтожили большинство из них. В последующие века жизнь здесь продолжалась только в немногих уцелевших (и то частично) городах. Это, в частности, касается Херсонеса, который стал в эпоху раннего средневековья одним из периферийных городов Византийской империи. Существовало и небольшое поселение на месте Пантикапея. Возможно, одно из поселений славян Поднестровья могло в конце I — начале II тысячелетия н. э. размещаться на остатках Тиры, где в позднейшие времена возник город Белгород.

Таковы общие черты жизни античных городов Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Следует отметить, что различия в развитии отдельных государств в этот период были значительно большими, чем в предыдущее время.

Боспор. После победы над Митридатом VI Евпатором Римское государство особенно большое внимание уделяло Боспору, назначало туда царей (по Страбону). Первым таким царем был Фарнак (63—47 гг. до н. э.), которого Рим провозгласил своим «другом и союзником». Под властью Фарнака находились Боспор и Херсонес. Фанагория, первая поднявшая восстание против Митридата VI, получила автономию. Боспорское государство при правлении Фарнака занимало намного большую территорию, чем в предыдущее время — время своего расцвета. Позднее Фарнак покорил и Фанагорию, его владения в азиатской части Боспора доходили до Танаиса и включали всю Таврику.

Но Фарнак мечтал возродить Понтийское царство. Для этого он, оставив своим наместником в Боспорском государстве Асандра, осуществил поход в Малую Азию, где начал борьбу против римлян. Асандр, получив власть, провозгласил себя независимым правителем Боспора. Это был тяжелый удар для Фарнака. Одновременно римская армия во главе с Юлием Цезарем в 47 г. до н. э. нанесла Фарнаку поражение вблизи города Зелы (Малая Азия). Фарнак бежал в Синопу, где попал в плен к римлянам. Вскоре римляне его отпустили. Фарнак вернулся в Боспор, с помощью скифов и сарматов захватил Феодосию и начал наступление на Пантикапей. В бою с войском Асандра Фарнак погиб.

Активность Асандра вызвала недовольство в Риме. Юлий Цезарь хотел заменить его сыном Митридата VI Евпатора — пергамцем Митридатом, но последний также погиб в битве с Асандром. Асандр остался правителем Боспора; на престоле он был 30 лет (47—17 гг. до н. э.). Сначала Асандр назывался архонтом, а вскоре, после гибели Цезаря в 44 г. до н. э., стал царем. Чтобы еще больше укрепить свое положение, он женился на дочери Фарнака — Динамии.

В годы своего правления Асандр осуществил ряд мероприятий, способствовавших росту экономики Боспора, укреплению обороны государства. В частности, он возродил боспорский флот, соорудил новый оборонный вал

для защиты от кочевников, находившийся, очевидно, в районе современного Перекопа.

После смерти Асандра власть перешла к его жене Динамии. Однако уже в 14 г. до н. э. римляне посадили в Боспоре своего ставленника, правившего частью Понтийского царства, Полемона I, который в том же году захватил престол и женился на Динамии. Правление Полемона, который даже переименовал древние боспорские города Пантикапей и Фанагорию в Кесарию и Агриппию, означало усиление зависимости царства от Рима. Такое положение вызвало недовольство среди населения Боспора. На стороне недовольных выступила Динамия. Она порвала отношения с Полемоном и стала подстрекать против него местные племена азиатской части Боспора. В 8 г. до н. э. в борьбе с одним из племен Полемон погиб. После его гибели Рим признал Динамию правительницей Боспора. После смерти Динамии боспорским царем стал Аспург, очевидно, сын Асандра. При Аспурге, принявшем имя Рескупорида (приблизительно 8—38 гг. н. э.) Боспорское царство значительно окрепло (от него фактически стал зависеть и Херсонес). Так, в одной из надписей, посвященных Аспургу, отмечается, что ему подчиняются Боспор, Феодосия, синды, меоты, тарпиты, псессы, танаиты; речь идет о покорении скифов и тавров.

В политическом отношении Боспор в определенной степени зависел от Рима. Об этом свидетельствуют, в частности, слова «друг римлян», входившие в титул Аспурга, и портреты императоров на золотых боспорских монетах. Эта зависимость оставалась в силе и в более позднее время. В 39 г. н. э. власть Аспурга, вопреки желанию римлян, унаследовал его сын Митридат III (39—45). Римляне, опасаясь, что Митридат в случае военного конфликта сможет поднять против империи местные племена, были вынуждены смириться с его властью. Признавая официально зависимость от Рима, Митридат III в то же время стал готовиться к тому, чтобы отделиться от него. Об этих тайных планах донес императору Клавдию брат Митридата III Котис. В Северное Причерноморье были направлены римские легионы. Митридат III бежал; вместо него престол занял Котис I под именем Тиберия Юлия — в честь римского императора, установил культ римских императоров и стал его жрецом. Вслед за Котисом I имя римского императора носили и другие боспорские цари. Но Рим это не могло удовлетворить. При Нероне, когда разрабатывались планы завоевания Кавказа и выхода к Каспийскому морю, была сделана попытка превратить Боспор в римскую провинцию. В Боспорское государство ввели войска, боспорских царей стали утверждать императоры, на монетах Боспора 60-х годов н. э. чеканились изображения Нерона (позднее — последующих императоров), его имя или монограмма без каких-либо упоминаний о боспорском царе.

После смерти Нерона положение несколько изменилось. Возобновился в общих чертах статус, существовавший ранее. Так, боспорские цари проводили самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, но признавали покровительство и главенство римских императоров, в знак чего носили династическое имя Тиберий Юлий и титул «друг кесаря и друг римлян». Практически это означало признание вассальной зависимости от Рима. Заинтересованный в сохранении системы, обеспечивавшей существование в этом районе оплота рабовладельческого мира против варварских племен, Рим предоставлял Боспору даже субсидии для содержания армии, что полностью отвечало интересам рабовладельческой верхушки Боспора, которая всегда помнила об угрозе восстаний рабов и других слоев угнетен-

ного населения. В этих условиях она не могла полностью отказаться от поддержки со стороны Римского государства. Однако боспорские цари пользовались любой возможностью, чтобы свести к минимуму свою зависимость от Рима. При Рескупориде II (68—92), сыне Котиса I, возобновилась чеканка монет, на которых с одной стороны помещалось изображение боспорского царя с его именем и титулом, а на другой — портрет римского императора. Политическое положение Боспора стабилизировалось и оставалось неизменным до середины III в. н. э.

По своему происхождению и родственным связям боспорские цари были тесно связаны с верхушкой местных племен. Об этом говорят фракийские имена Котиса, Рескупорида, Реметалка, сарматские имена Савроматов и др. Отношения Боспора с местными объединениями племен, входивших в его состав, развивались по-разному. Во время борьбы за боспорский престол определенные группы племен поддерживали того или иного претендента. Так в борьбе Котиса I против Митридата III союз сарматских племен аорсов поддерживал Котиса I и римлян, сираки — Митридата III.

В I—III в. н. э. Боспор настолько окреп, что смог начать наступление на значительную часть Крыма. Успешные походы против скифов осуществлялись не только при Аспурге, но и позднее, при Котисе II (123—132) и Савромате II (174(?)—210). В надписи первой половины III в. н. э. один из Рескупоридов уже называется царем не только Боспора, но и тавро-скифов. В составе Боспорского государства среди других племен, как и раньше, оставались синды и меоты.

Частично также изменился и состав племен, входивших в Боспорское царство. В первые века нашей эры значительную роль в жизни скифских племен, а также античных государств Северного Причерноморья, в частности Боспора, стали играть сарматские племена. Этот период характеризуется увеличением в боспорских городах прослойки туземных элементов. На Боспор, в частности в Пантикапей, переселялись также жители малоазийских городов. В то же время римский элемент в Пантикапее был незначительным.

Укрепление политического положения Боспора в последний период его существования совпало с экономическим подъемом. В Пантикапее и на периферии развернулось большое строительство. В I в. н. э. был построен город-крепость Илурат и ряд других укрепленных пунктов. На большой сельской территории, главным образом на новых местах, возникло значительное количество укрепленных поселений.

В целом сельское хозяйство — земледелие, животноводство, виноградарство, ремесла — керамическое, металлообрабатывающее, деревообрабатывающее, строительное и т. д., виноделие, рыболовство и рыбозасолочное производство, торговля, постепенно возродившиеся после кризиса во второй половине II и в I в. до н. э., достигли значительного развития. Основой экономики оставалось сельское хозяйство. Увеличивался экспорт хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции преимущественно в южнопонтийские города. Особенно оживленные торговые связи поддерживались с Синопой. Продовольствием снабжалась и римская армия.

Емкий рынок представляли собой племена Приазовья, Подонья, Прикубанья. В торговых операциях с ними значительную роль играл, в частности, Танаис, откуда вывозились рабы, кожа, скот, рыба и т. д., а ввозились вино, оливковое масло и ряд предметов домашнего обихода античного производства.

Боспор, как и раньше, оставался рабовладельческим государством. Но в его социально-экономической жизни прослеживаются новые черты, особенно усилившиеся в III—IV вв. н. э. Так, наряду с широким использованием рабского труда растет роль сельского полузависимого населения, занимавшегося земледелием, животноводством, рыболовством. Одновременно происходил распад рабовладельческого хозяйства, началось освобождение рабов (манумиссия), что было связано с недостаточной эффективностью рабского труда.

Значительно изменились по сравнению с временами Спартокидов и формы политической жизни. Автономия и полисные формы управления городов были ликвидированы. Бразды правления полностью находились в руках боспорского царя, который осуществлял верховную власть, командовал войсками, занимался судебными и религиозными делами. Цари окружали себя знатью, из ее среды назначали людей на разные должности.

Царские наместники правили областями, во главе городов стояли политархи (возможно, эта должность была только в Пантикапее). Чиновники ведали определенными отраслями и учреждениями государственного управления. Все эти люди представляли собой верхушку рабовладельческого общества — крупных землевладельцев и купцов, которыми, по существу, были и сами цари. Таким образом, значительно усилилась бюрократизация и аристократизация государственного аппарата.

Определенные особенности имела организация государственной власти в Танаисе: во главе управления стоял посол-легат боспорского царя. Кроме того, эллинскую часть населения — потомков боспорских колонистов, которые основали город, возглавлял элинарх, а туземную — варваров-танаитов — архонт.

Одной из особенностей позднего периода было существование в Боспорском государстве военно-религиозных союзов — фиасов, синодов, объединявших представителей господствующего слоя общества, зажиточных людей, крупных государственных чиновников. Каждый такой союз исповедовал монотеистический культ определенного божества, например, всевышнего бога. По существу это были классовые организации, служившие опорой рабовладельческого строя Боспора в условиях его разрушения.

В середине III в. н. э. в Боспорском царстве начался общий кризис, выйти из которого ему уже не удалось. Беспрерывные внутренние раздоры, в частности борьба за власть, привели к тому, что параллельно с Рескупоридом IV некоторое время правил узурпатор Фарсанз. Нашествие во время правления Рескупорида IV (239—261(?) боранов, герулов и других племен, требовавших у Боспора флот для перехода в Малую Азию, походы в 267 и 275 гг. через Боспор гóтов — все это не могло не сказаться отрицательно на положении Боспорского государства. В это время прекратили свое существование ряд поселений и городов боспорской хоры. Начиная с первой трети III в. н. э. неуклонно снижалось качество металла, использовавшегося для чеканки монеты, что приводило к обесцениванию денег. Временами монеты не чеканились вообще. Экономический и политический кризис достиг кульминации в 250—275 гг.

Положение несколько улучшилось в последней четверти III в. н. э., когда возобновилась чеканка монеты, укрепилась царская власть, оживилась торговля. В это время также значительно увеличился бюрократический аппарат Боспорского царства. Но в целом Боспор шел к упадку. Города все больше теряли черты, характерные для городских центров, усиливалась натурализация хозяйства. При-

близительно к 332 г., при царе Рескупориде VI, окончательно прекратилась чеканка боспорской монеты. После гуннского нашествия в 375—376 гг. Боспорское государство, очевидно, прекратило свое существование. Была частично разрушена гуннами и столица Боспора — Пантикапей. Территория города значительно сократилась, но он все-таки выстоял и в VI в., при императоре Юстиниане I, был включен в состав Византийской империи.

Херсонес. После походов полководца Митридата VI Диофанта Херсонес попал в зависимость от Боспора, освободиться от которой ему не помогло и участие в 63 г. до н. э. в восстании против Митридата VI Евпатора, в результате которого только Фанагория получила независимость. Первые века нашей эры характеризуются глубоким социально-экономическим кризисом Херсонеса, возникшим в значительной мере в результате греко-скифских войн, во время которых была уничтожена полисная система землевладения. В это время из состава Херсонесского государства вышли поселения и города Северо-Западного Крыма. Пришла в упадок торговля: связи с античным миром нарушились. Причиной тому были бесконечные войны Митридата VI Евпатора. Углубились социальные противоречия, усилилась аристократизация управления. Наряду с богачами, типа ольвийского Протогена, Херсонес населяли и неимущие жители, которые в острой борьбе пытались улучшить свое положение. В частности, в I в. н. э. была сделана попытка установить тиранию. При этом тиран в самом городе опирался, очевидно, на эти беднейшие слои населения, называвшиеся в декрете «чернью».

Зависимость от Боспорского государства, которая легла дополнительной тяжестью на плечи херсонеситов, еще больше ухудшила и без того тяжелое положение полиса. Она не была номинальной: Херсонес, очевидно, должен был помогать Боспору в критических ситуациях во время войн. Известно, что Херсонес посылал воинов на помощь царю Полемону I, возможно, для участия в борьбе против Танаиса. В то же время Боспор, несмотря на постепенный рост собственной экономики, не мог в случае необходимости защитить Херсонес от местных племен. В этих сложных условиях Херсонес все-таки систематически предпринимал попытки выйти из-под контроля Боспора.

Единственным государством, которое могло бы реально помочь Херсонесу избавиться от угнетавшей его зависимости от Боспора, был Рим. Ориентация именно на него стала основным внешнеполитическим курсом Херсонеса. Но Рим поддерживал политические связи с Боспором, поскольку был заинтересован в создании надежного барьера против объединений местных племен. Поэтому помощь Римской империи Херсонесу в его борьбе с Боспором была малоэффективной и непоследовательной.

Херсонес установил непосредственные связи с Римом, направив туда в 46 г. до н. э. Гая Юлия Феогена, сына Сатира, с просьбой об элевтерии — освобождении Херсонеса от власти Боспора. Юлий Цезарь удовлетворил эту просьбу, по поводу чего в Херсонесе были выпущены монеты с надписью «Элевтерас». Но приобретенная независимость носила формальный характер, поскольку Херсонес не имел возможности ее реализовать. После смерти Цезаря Херсонес снова оказался в прежнем положении.

Спустя некоторое время в Херсонесе вводится новое летоисчисление; на монетах вместо имени царя-эпонима чеканится имя богини Девы. Существует предположение, что эти события, происшедшие в 25/24 г. до н. э., могли быть связаны с подтверждением Римом независимости Херсонеса от Бос-

пора, но никаких письменных данных об этом нет.

Неустойчивая политическая ситуация в какой-то мере стабилизировалась только в середине I в. н. э. В 45 г. Херсонес, очевидно, принял участие в войне Рима против Боспора, когда против Митридата VIII были направлены римские войска. За эту помощь он получил от Рима право на чеканку золотых монет и, наверное, снова освободился из-под опеки Боспора. Такие действия Рима были направлены на создание силы, способной противостоять Боспору в случае его попытки выйти из подчинения римским императорам.

В середине I в. н. э. Херсонесу стали, как и во время Скилура и Палака, угрожать скифы. Он обратился за помощью к Риму, захватившему к этому времени Грецию и Малую Азию и стремившемуся превратить Северное Причерноморье в римскую провинцию. В 63 г. н. э., когда скифское войско подступило к Херсонесу, сюда морем прибыл сильный военный отряд во главе с правителем римской провинции Нижней Мезии Плавтием Сильваном. Его войска разгромили скифов.

В целом новый период в истории Херсонеса, который характеризуется его зависимостью непосредственно от Рима, а также некоторым экономическим подъемом, начался с середины I в. н. э.

После разгрома скифов Римская империя поставила в ряде пунктов Северного Причерноморья свои гарнизоны. Недалеко от Херсонеса у мыса Ай-Тодор, на месте древнего таврского укрепления, римляне построили крепость Харакс. В Херсонесе и Хараксе стояли гарнизоны из частей I Италийского и XI Клавдиева легионов. В Херсонесской гавани разместилась римская эскадра.

Однако при императоре Домициане (81—96) в связи с борьбой против даков Рим вынужден был вывести свои войска из района Херсонеса. В результате в начале II в. н. э. Херсонес попал под власть боспорского царя Котиса II. Восстановить независимость он смог лишь примерно в середине 40-х годов II в. н. э., при императоре Антонине Пие, благодаря помощи посольства в Рим из Гераклеи Понтийской — метрополии Херсонеса. Так Херсонес перестал зависеть от Боспора. В ознаменование этого события в городе издали почетный декрет в честь Гераклеи, а также выпустили новую серию монет с надписью «Элевтерас».

Освободившись от главенства Боспора, Херсонес попал еще в более тяжелую зависимость от Рима. В Крым, в частности в Херсонес и Харакс, вернулись римские войска. Херсонес стал местом пребывания эскадры мезийского флота, а также командующего римскими войсками в Таврии. Городу приходилось платить торговые пошлины и подати на содержание римских войск. Херсонес фактически стал римским провинциальным городом, руководимым правителем Нижней Мезии, хотя и сохранил видимость местного самоуправления.

Еще больше усложнилось положение Херсонеса во второй половине III в. н. э., когда возникла угроза нападения варварских племен. В конце III в. н. э. римские войска были выведены из Херсонеса в Подунавье для защиты границ Римской империи от готов и вернулись назад только в начале IV в. н. э. Сельская округа Херсонеса окончательно пришла в упадок в результате готского нашествия (III в. н. э.), прекратило свое существование большинство прибрежных земледельческих поселений Северо-Западного Крыма. То же было и в Юго-Западном Крыму в 70-х годах IV в. н. э. во время гуннского нашествия. Однако сам Херсонес все же уцелел. В IV в. н. э. это все еще достаточно значительный, хорошо укрепленный город с сильным гарни-

зоном, основную часть которого составляли баллистарии (прислуга баллист — метательных устройств). Укрепления города неоднократно перестраивались и улучшались даже в конце IV в. н. э. Впоследствии в V в. н. э., Херсонес оказался под властью Византийской империи. Усилившееся в связи с этим его стратегическое значение способствовало продолжению строительства укреплений. В частности, большие работы по усовершенствованию оборонительных сооружений проводились в конце V в. н. э., при императоре Зеноне.

Господство римлян сказалось на государственном устройстве Херсонеса. Усилилась аристократизация управления. Рим опирался главным образом на земледельческую и торговую верхушку населения Херсонеса. Ряд знатных семейств получил права римского гражданства. Сократилось количество членов отдельных коллегий, нередко в руках одного лица сосредоточивались различные государственные должности. В частности, первый архонт, который избирался из среды наиболее знатных семейств, принял на себя одновременно функции «царя» и стратега. Хотя все эти должности, как и раньше, формально оставались выборными, однако круг людей, принимавших активное участие в политической жизни, очень сузился; у кормила государственной власти на протяжении ряда лет часто стояли одни и те же люди или даже семьи. Так, во II в. н. э. государственные должности длительное время занимали члены семьи Флавиев, получившие права римского гражданства и римские имена.

Для Херсонеса I—IV вв. н. э. были периодом временной стабилизации, а затем и роста экономики. В сельском хозяйстве ближайшей херсонесской округи — на Гераклейском полуострове — увеличился удельный вес посевов зерновых культур. Хотя северо-западные земледельческие поселения Крыма в этот период уже, очевидно, не принадлежали Херсонесу, однако их продукция занимала существенное место в его торговле. Развивались и имели товарный характер рыболовецкий и соляной промыслы. Херсонес снова стал большим ремесленным центром. Здесь процветали железоделательное производство, древо- и металлообработка, гончарство, резьба по кости.

Все это создало прочную основу для развития торговых отношений как с античными городами, так и с местными племенами. В конце I в. до н. э. возобновились, а во II в. н. э. значительно расширились связи с южно-причерноморскими городами — Синопой, Гераклеей, Амастрией. В I в. н. э. Херсонес вел активную торговлю также с Пергамом, Эфесом, Амисом, островами Самосом, Косом, Книдом, городами Италии и Паннонии. Из северопричерноморских центров Херсонес в это время вел торговлю с Ольвией и Боспором. Основными статьями импорта были вино, оливковое масло, краснолаковая и стеклянная посуда и т. д. На экспорт шли соленая рыба, рыбный соус, соль, вино и, очевидно, хлеб.

Значительно оживилась также торговля Херсонеса с соседними поселениями Юго-Западного Крыма, куда поступала продукция мастерских не только из Херсонеса, но и при его посредничестве из других античных центров. Торговые связи с поселениями Северо-Западного Крыма были более слабыми. Основным предметом вывоза из этого района в Херсонес был хлеб.

Со второй половины III в. н. э. во внешней торговле Херсонеса происходит некоторый спад, сокращаются торговые операции с малоазийскими центрами, прекращается торговля с Ольвией и, очевидно, с Северо-Западным Крымом. Однако в целом даже и в IV в. н. э. экономика Херсонеса и поселений Юго-Западного Крыма еще

не пришли к полному упадку. Это произошло только в конце IV в. н. э. в результате гуннского нашествия.

Ольвия. Общий кризис античных городов-государств в I в. до н. э. в Северном Причерноморье больше всего отразился на Ольвии. Так, после гетского нашествия территория города сократилась почти в три раза. Хоть в первые века нашей эры здесь в целом происходило определенное оживление ремесленного производства, сельского хозяйства и торговли, город уже никогда не достигал былого расцвета. Его́ роль в этот период намного скромнее, чем, например, Херсонеса.

Возобновление жизни после разрушительного хозяйничания гетов, судя по новым выпускам монет, началось во второй половине I в. до н. э. Постепенно ольвиополиты вернулись на старые места, приступили к обычным занятиям ремеслами, торговлей, сельским хозяйством. Однако сам город отстраивался медленно. Как свидетельствует Дион Хрисостом, в конце I в. н. э., т. е. почти через 150 лет после нашествия, в Ольвии еще довольно сильно были заметны следы разгрома. Он отмечает, что в города, разгромленные гетами, нахлынула масса варваров, что после гетского нашествия борисфениты вновь заселили город по желанию скифов, нуждавшихся в торговле. Последнее обстоятельство особенно ярко раскрывает внешние факторы, способствующие восстановлению Ольвии. Местные племена понимали, что в интересах развития своей экономики им необходимо возобновить и расширить торговые связи с античным миром, в частности с античными городами Северного Причерноморья. К таким важнейшим центрам принадлежала и Ольвия. В возобновлении торговых связей, обеспечении развития ремесел и сельского хозяйства были заинтересованы и сами ольвиополиты.

Однако общая политическая ситуация на протяжении первых веков нашей эры не была благоприятной для осуществления хозяйственных мероприятий. В это время активизировались местные племена, как оседлые, так и кочевые, происходили значительные их пермещения. В течение всего I в. н. э. ольвиополитам приходилось неоднократно вступать в военные конфликты или ликвидировать опасность нападения дипломатическими средствами, включая организацию посольств и задабривание царей соседних племен дарами.

В это же время снова усилилась экспансия крымских скифов, стремившихся покорить Ольвию. В середине I в. н. э., судя по появлению ольвийских монет с именами скифских царей Фарзоя и Инисмея, город, очевидно, признал свою зависимость от позднескифского царства в Крыму.

В городе постепенно усиливалось и римское влияние. Существует мнение, что Ольвия, так же, как и Херсонес, выступила на стороне римлян в войне 45 г. против Боспора, за что получила ряд льгот. В связи с этим ученые высказывают предположения об установлении в Ольвии с 46 г. нового летоисчисления.

Как бы там ни было, но Ольвия, расположенная на важных торговых путях Северного Причерноморья, не могла не привлекать к себе внимания Римской империи. Проникновение в Ольвию во времена Траяна всевозрастающего количества римских монет дает возможность предположить, что уже тогда здесь мог стоять римский гарнизон. При Антонине Пие, чтобы предотвратить тавро-скифское нашествие, в Ольвию были посланы римские войска из Нижней Мезии. Для их размещения в южной части Верхнего города была построена крепость. Городу, имевшему порт и крепость с римским гарнизоном, придавалось стратегическое значение. Об этом можно судить, в частности, по тому, что месторасположение Ольвии отмечено в итинерарии — карте-подорож-

ной (очевидно, копии с римской военной карты) первой половины III в. н. э., исполненной красками на кожаной обивке щита лучника, найденного при раскопках древнего города Дура Европоса (в Сирии). На ней обозначена дорога, ведшая из Фракии через северопричерноморские города — Тиру, Ольвию, Херсонес — к Дура Европосу.

Окончательно политическую независимость Ольвия утратила с подчинением ее наместнику Нижней Мезии при Септимии Севере (193—211). Внешним проявлением зависимости от Рима было изображение римского императора и членов императорского дома на монетах Ольвии, установление в их честь от имени совета и народа статуй, посвящение им новых общественных сооружений и надписей. Известно, в частности, посвящение терм императору Северу и его сыну Каракалле.

Пестрым было население тогдашней Ольвии. Как отмечалось, еще с догетских времен усилился прилив сюда выходцев из окружающих племен, в частности скифских. В первые века нашей эры население города состояло из греков, скифов, сарматов, фракийцев и др. Самые зажиточные из новых жителей Ольвии негреческого происхождения получали права гражданства, прибирали к своим рукам важные должности в местной администрации. Это видно, в частности, из того, что в надписях среди имен архонтов наряду с греческими есть имена скифские и сарматские. Римлян среди населения Ольвии было немного. До сего времени их наличие документально засвидетельствовано только среди воинов гарнизона. Ольвийская знать, с одной стороны, гордилась своим происхождением от основателей города, заслугами своих предков, а с другой — подчеркивала свою проримскую ориентацию. В почетных декретах того времени существовала даже специальная формула — «известные Августам». Можно предполагать, что именно эти круги считали необходимым введение в Ольвию римского гарнизона, который мог не только сдерживать натиск окружающих племен, но и не допускать выступлений народа против аристократии. На эту верхушку, заинтересованную в сохранении существующего строя, опиралась Римская империя.

Государственный строй Ольвии в первые века нашей эры по своей форме оставался таким же, как и в предыдущее время, однако роль народного собрания и совета уменьшилась, а значение магистратов возросло. Представители родовитой знати держали в своих руках магистратские должности по нескольку лет, причем некоторые из них по две одновременно. Так, Теокл, сын Сатира, и Каллисфен, сын Каллисфена, занимали должность первого архонта по четыре раза, к тому же Каллисфен был одновременно еще и стратегом. Это нарушало принцип ежегодной смены служебных лиц, значительно сужало круг политических деятелей. Напряженное внешнеполитическое положение Ольвии обусловило выдвижение на первый план коллегий архонтов и стратегов. Возросла роль первого архонта (главы коллегии), который в первые века нашей эры стал эпонимом.

В экономическом отношении первые века нашей эры в жизни Ольвии ознаменовались определенным подъемом. После гетского нашествия возродилось земледелие на ольвийской периферии. Хотя территория ее по сравнению с эллинистическим временем несколько уменьшилась и жизнь на отдельных поселениях не возобновилась, возник ряд новых укрепленных земледельческих городищ вблизи нынешних сел Козырка, Дмитриевка Очаковского района Николаевской области и др. Характерной чертой сельских поселений этого периода были оборонительные сооружения, состоявшие из комплекса стен и рвов. В это

время происходила определенная натурализация хозяйства, причем основным занятием населения, очевидно, оставалось производство зерна.

В самой Ольвии в I—II вв. н. э. имело место оживление, а потом и некоторый рост экономики и культуры. Возникло много ремесленных мастерских — гончарных, железообрабатывающих, выпускавших довольно много продукции. Намного возрос удельный вес производства зерна и виноделия — на территории разрушенной раньше части города были сооружены большие зернохранилища и винодельни. В отличие от Боспора и Херсонеса рыболовство и рыбообработка в Ольвии в это время не получили значительного развития.

Большую роль стала играть торговля, особенно с районами Западного и Южного Причерноморья, а также с позднескифскими, сарматскими и фракийскими племенами, в частности с жителями поселений Нижнего Поднепровья. Поддерживались торговые связи и с малоазийскими и италийскими центрами. О значительности торговых связей и их ареале можно судить по находкам в городе и за его пределами керамики различных центров, монет, надписей и т. д. Так, в декрете I в. н. э. города Визáнтия в честь ольвиополита Оронта говорится о том, что последний, пребывая в должности магистрата, внимательно и благожелательно относился к иностранным купцам. За это Оронт был удостоен прав гражданства в Визáнтии, и в его честь была установлена в булевтерии города позолоченная бронзовая статуя.

Интересен другой декрет конца II — начала III в. н. э. в честь умершего ольвийского архонта Теокла, сына Сатира, одновременно исполнявшего обязанности жреца и дипломатические поручения. 18 городов, имевших связи с Ольвией, почтили память Теокла золотыми венками. В декрете названы города Северного Причерноморья — Тира, Херсонес, Боспор; Западного Причерноморья — Томы, Каллатис, Истрия, Одес; Южного Причерноморья и Пропонтиды — Византий, Тий, Гераклея, Амастрия, Синопа, Никомидия, Никея, Апамея, Прусы, Кизик и Восточного Средиземноморья — Милет.

Неизвестно, в какой мере коснулось Ольвии готское нашествие (III в. н. э.). Возможно, сама Ольвия и не подвергалась разгрому, поскольку была хорошо укреплена и на ее территории, во всяком случае еще в 248 г., находился римский гарнизон. А это подтверждает находка жертвенника с посвятительной надписью двух римских солдат императору.

Очевидно, еще в первой половине III в. н. э., если судить по более или менее регулярному поступлению римских монет, до правления Галлиена (253—268) включительно, в экономике Ольвии не ощущалось существенных изменений. Однако уже во второй половине III в. н. э. наступил глубокий экономический кризис. Еще раньше пришла в упадок жизнь на поселениях периферии. Какое-то время Ольвия, во всяком случае как пункт пребывания римского гарнизона, продолжала существовать, очевидно, еще и в начале IV в. н. э. Но сведения об этом времени весьма ограничены.

Тира. Несколько иной характер в первые века нашей эры носили исторические события в Тире. Судя по имеющимся данным, Тира в этот период не испытывала заметного упадка сравнительно с догетским периодом. Географическое положение Тиры (возле восточных границ римской провинции Нижней Мезии) не могло не сказаться на ее политическом и культурном развитии. Особенностями этого периода жизни Тиры является тесная связь с Римом и бóльшая романизация культуры и быта, чем в других

городах Северного Причерноморья. Вместе с тем имело место проникновение в культуру Тиры значительных влияний гето-дакийского окружения.

О политической истории Тиры первых веков нашей эры известно немного. Наверное, она благодаря близости к римской провинции с самого начала послегетского периода вряд ли подвергалась значительному натиску со стороны местных племен. В 56/57 г. в Тире было введено новое летоисчисление, что свидетельствует о каких-то важных политических событиях в жизни полиса и, очевидно, об общем его подъеме. В конце правления Траяна (98—117) в Тире находился римский гарнизон, в который входили части I Италийского, XI Клавдиева и V Македонского легионов. Окончательно политическую независимость Тира утратила при императоре Антонине Пие, когда Рим включил ее в число своих провинциальных городов.

По своему устройству Тира в первые века нашей эры оставалась республикой. Совет, народное собрание и архонты, секретарь совета и другие должности, характерные для учреждений греческой демократии, сохранились и после включения Тиры в состав Римской империи. Однако их права были значительно ограничены. Так, в одной из надписей, датированной 201 г., говорилось о том, что вновь принятые в тирскую общину граждане могли пользоваться привилегиями общины только в случае подтверждения их прав декретом правителя Нижней Мезии.

В целом в Тире, как и в других северопричерноморских городах, наблюдается аристократизация правления. Ведущая роль в управлении государством принадлежала богатой романизованной верхушке населения. Ряд основных должностей занимали лица с римскими именами — Флавиев, Ульпиев и др. Принимали участие в управлении и римляне. Так, секретарем совета в 181 г. был римлянин Валерий Руф, архонтом-эпонимом в 201 г.— римлянин Элий Кальпурний.

В этническом отношении население Тиры в своей основе оставалось греческим, хотя в первые века, очевидно, было среди него немало выходцев из местных племен, а также, возможно, и римлян.

В первые века нашей эры в Тире отмечается подъем экономики. Максимальный уровень его приходится на II — начало III в. н. э. Если судить по изображениям на монетах колосьев и виноградных гроздьев, основой экономики, как и прежде, оставалось хлебопашество и виноградарство; город имел сельскохозяйственную округу, которая во II в. н. э., очевидно, расширилась.

Важное место в экономике Тиры в это время занимала торговля, причем не только с античными центрами, но и с местными племенами Поднестровья, в частности с племенами черняховской культуры. Начиная с рубежа нашей эры и в первые ее века активизировались торговые связи с Египтом, Книдом, южнопонтийскими центрами, Малой Азией, в частности с Пергамом. Особую роль Тира играла в торговых связях западнопонтийских центров с Ольвией. В ольвийском декрете (II — начало III в. н. э.) в честь Феокла, сына Сатира, отмечался большой вклад Тиры в укрепление этих связей.

В 240-х годах н. э., очевидно, в результате готского нашествия Тира как античный город прекратила свое существование. Однако на остатках его во второй половине III и IV в. н. э. продолжала теплиться жизнь. Этот период в истории города Тиры практически совсем не изучен. Можно только отметить, что в культуре его было много проявлений черняховского влияния.

Судя по тому, что во второй половине III — в IV в. н. э. дома разме-

щались на остатках крепости, римского гарнизона в Тире в то время уже не было. Окончательно город прекратил свое существование, очевидно, не позднее конца IV в. н. э., во времена гуннского нашествия.

4. КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

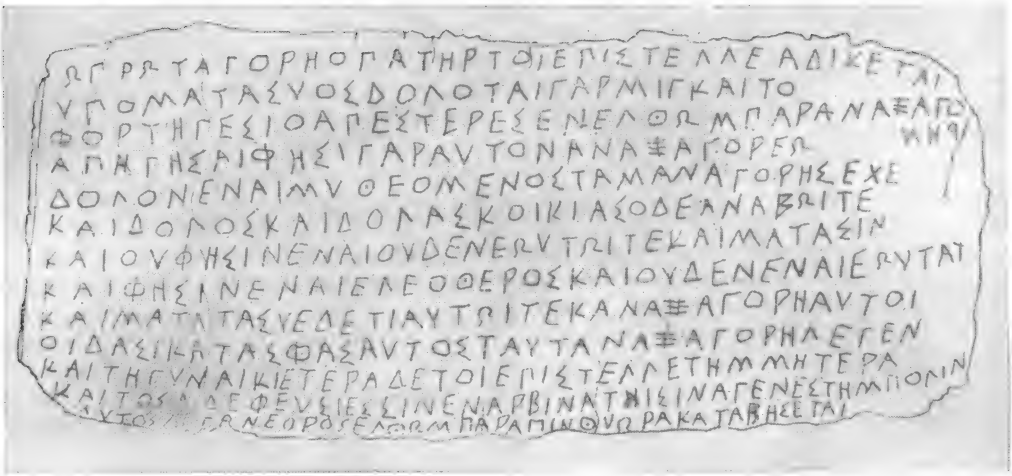
Культура. Античная культура, которую принесли в Северное Причерноморье греческие переселенцы, оказала очень большое влияние на духовный мир и социально-экономическое развитие местных племен.

Античная культура в своей основе была культурой классового общества — культурой рабовладельцев и рабов, богатых и бедных. Деление общества по социально-экономическому признаку нашло определенное проявление почти во всех ее областях. Но особенно ярко этот процесс сказался на дифференциации жилищной застройки городов (в центральных их частях обычно селились наиболее зажиточные граждане), на размерах, типах и декоре жилищ; на характере комплексов предметов быта. Так, дома богачей, такие, как у ольвийского Протогена, имели площадь более 500 м^2 каждый. Их внутренние дворы окружались обычно со всех сторон портиками, в парадных помещениях полы были выложены галькой с сюжетными или орнаментальными мотивами, а стены помещений имели роспись. Однако известны и однокомнатные дома с дворами, не имевшими портиков, и с очень скромным декором помещения. Жителями таких домов, которые могли сдаваться и в наем, очевидно, были свободные, но самые бедные слои городского населения. Раб занимал небольшую каморку в доме своего хозяина.

Портрет юноши на стеле Херсонесского некрополя. IV в. до н. э.

Большая разница в положении богатых и бедных жителей хорошо прослеживается и в погребальных памятниках. Монументальные каменные склепы с курганными насыпями, расписанными стенами, богатым погребальным инвентарем — расписной посудой, ювелирными изделиями, различными украшениями и т. д.— принадлежали представителям высшей знати. Вместе с тем встречаются обыкновенные земляные могилы с одним или несколькими простыми сосудами или вовсе без них — захоронения беднейших жителей, а возможно, и рабов.

Культурную жизнь населения античных городов Северного Причерноморья можно проследить по многочисленным находкам того времени — памятникам официальной лапидарной эпиграфики — надписей, вырезанных

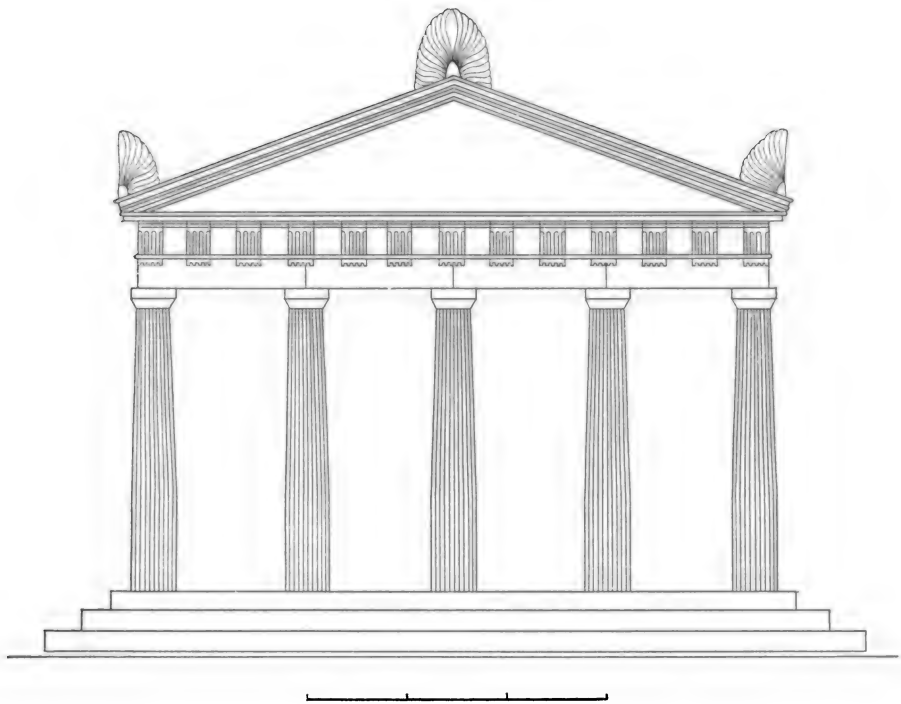


Письмо Ахиллодора на свинцовой пластинке. Березань. Конец VI в. до н. э.

на каменных плитах, содержащих тексты государственных законов, декретов, договоров и т. д. Судя по большому количеству граффити на обломках посуды, стилей — костяных палочек для письма — и других памятников, значительная часть населения античных городов была грамотной. Дети свободных граждан обычно получали начальное образование. Они обучались чтению, письму, счету. Известно, например, что разностороннее образование получил в молодые годы сын вольноотпущенника, представителя низших слоев общества, Бион Борисфенит (III в. до н. э.), впоследствии ставший известным философом. Дети старшего возраста учились в одно- или двухгодичной школах, где им преподавали риторику, философию, музыку. Для занятий спортом существовали специальные гимнасии. В частности, остатки такого гимнасия, построенного в IV — начале III в. до н. э., найдены в Ольвии.

Население северопричерноморских городов было неплохо знакомо с тогдашней литературой, в частности, с лирической и эпической поэзией. По свидетельству Диона Хрисостома, жители Ольвии даже в I в. н. э. читали Гомера, почти все знали напамять «Илиаду». В городе также были свои поэты, которые перед битвами для поднятия боевого духа граждан читали стихи.

Значительного развития достигла музыкальная культура. В городах в театральных сооружениях устраивались концерты. Население охотно посещало выступления приезжих музыкантов. В этом плане интересен рассказ Полиена: в 80-х годах IV в. до н. э. во время войны Пантикапея с Феодосией один из наварков Гераклеи Понтийской, которая помогала Феодосии, родосец Мемнон, чтобы подсчитать количество населения Пантикапея, послал в город известного кифариста, считая что все жители соберутся на его выступление в театр. Были в причерноморских городах и собственные профессиональные музыканты. Судя по надписям, скульптуре, живописи и изображениям на монетах, здесь были распространены лиры, флейты, трубы, кифары. Музыканты Северного Причерноморья были известны и за его пределами. До нас дошло, в частности, имя боспорца Исила (III в. до н. э.), учителя музыки, принимавше-



Фасад храма, посвященного царю Аспургу. Пантикапей. 23 г. н. э. *Реконструкция В. Д. Блаватского*

го участие в дельфийских соревнованиях.

Популярностью пользовались также театральные представления. Из источников известно о существовании театров в Ольвии, Херсонесе и Пантикапее, однако раскопан частично только театр Херсонеса, возникший еще в эллинистическое время и просуществовавший до VI в. н. э. Этот театр вмещал около 3 тыс. зрителей.

Большое значение в греческом обществе придавалось физическому воспитанию. В надписях упоминаются многие виды спорта, по которым проводились соревнования: бег, метание диска, копья и мяча, гимнастика, кулачный бой, плавание, бросание аркана, соревнования конников, а также пятиборцев. Наряду с этими видами спорта, очевидно, значительного развития достигло искусство стрельбы из лука. Из ольвийской надписи IV в. до н. э. известно, что один из лучников пустил стрелу на 282 оргии (521,7 м). Надписи из Ольвии свидетельствуют о том, что занимались спортом и участвовали в спортивных соревнованиях и весьма почтенные люди — архонты, стратеги и др. В Северном Причерноморье найдены панафинейские амфоры, которыми награждались победители панафинейских соревнований в Аттике. Это дает основание считать, что в этих соревнованиях выступали и представители северопричерноморских городов. В них принимали участие атлеты, гребцы и др.

Приобрели славу и некоторые ученые Северного Причерноморья — историки и философы. В частности, в III в. до н. э. в Херсонесе жил Сириск, описавший историю своего города. За свои труды Сириск был

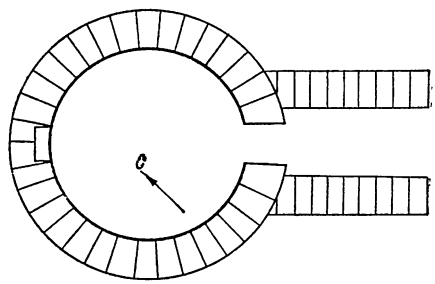
увенчан золотым венком, в его честь издан почетный декрет. В это же время жили уже упомянутый ольвиополит философ Бион Борисфенит и боспорянин философ Смикр. Родом из Ольвии был также автор ряда трудов по философии и истории Посидоний и философ школы стоиков Сфер, автор трудов «Три книги о Ликурге и Сократе» и «О лаконской политии». Популярностью пользовались также выходцы из Северного Причерноморья философ Дифил и Стратоник (I в. н. э.). В целом сведения об этих сторонах культурной жизни Северного Причерноморья весьма ограничены.

Искусство. Более подробны сведения о прикладном и изобразительном искусстве античных городов Северного Причерноморья, в частности, об архитектуре, скульптуре, живописи и особенно об изготовлении металлических, деревянных, каменных, костяных и других художественных изделий. На первых этапах развития городов довольно значительное место занимал импорт художественных изделий из метрополии, сначала преимущественно из Ионии, а в классическое время — из Аттики. Начиная с V в. до н. э. стало развиваться собственное искусство, которое со временем играло все большую роль в жизни северопричерноморских городов и окрестных племен.

В начале существования античных государств искусство в них развивалось в том же направлении, что и в самой Греции. Но со временем здесь стали проявляться новые тенденции во всех областях искусства, в частности в градостроительстве, архитектуре общественных и культовых сооружений, в типах, конструкциях и декоре жилых домов и т. п. Несколько обособленное от античного мира, специфическое развитие северопричерноморских городов обусловило появление в искусстве оригинальных элементов, новых художественных образов. Не могли не сказаться на искусстве и влияния разноплеменного окружения, которые ярко проявились в конце эллинистического времени и особенно в первые века нашей эры. Местные влияния наиболее ярко проявились в искусстве Боспора.

Северопричерноморские греки, в частности ольвиополиты, следовали традициям античного градостроительства — размещения и застройки торгово-административных площадей — агори культовых участков — теменосов. В большинстве городов в границах отдельных районов использовался принцип регулярной прямоугольной планировки, а в Херсонесе это сделано в границах всего города.

От сооружений культового назначения до нас дошли только алтари (один из наиболее интересных открыт в Ольвии на культовом участке — теменосе), остатки фундаментов и отдельные ордерные детали — базы, барабаны стволов колонн, капители, части антаблементов и т. п. Здесь строились храмы антового, перистильного, периптериального и толосового типов, которые решались чаще всего в формах ионического или дорического ордеров. Коринфский ордер применялся ограниченно. Осуществлены научно обоснованные графические реконструкции таких храмов в Ольвии (антовый храм ионического ордера V в. до н. э., посвященный Аполлону Дельфинию), Пантикапее (ионический периптер начала V в. до



Каменный склеп Золотого кургана. Пантикапей. Начало IV в. до н. э.

н. э.) и на Таманском полуострове (толос с внешним портиком дорического ордера, расположенный в перистильном дворе, второй четверти III — середины II в. до н. э.). В архитектурных деталях этих сооружений, однако, не прослеживается специфических северопричерноморских особенностей. Из других реконструированных графически монументальных сооружений представляет интерес пританейон в Пантикапее (II в. до н. э.), двор которого с двух сторон окружен дорическими портиками. На архитектурных деталях этого сооружения остались следы полихромии. В Северном Причерноморье довольно большое распространение имел также аттический ордер, который чаще всего использовался при строительстве небольших зданий общественного назначения (например, гимнасий в Ольвии) и жилых домов. В планировке и объемных решениях последних, в частности, в наличии иногда целых подвальных этажей наиболее полно отображены местные особенности.

Высокого уровня в Северном Причерноморье достигло строительство и декоративное оформление погребальных сооружений — склепов. Самые значительные памятники этого рода открыты на Боспоре. Здесь уже в IV в. до н. э. возводили такие величественные сооружения, как склепы Царского и Золотого курганов с ложными (т. е. не дающими распора) сводами. Со временем распространились склепы с цилиндрическими сводами. Примерно с середины IV в. до н. э. в склепах появляются фресковые росписи. Полихромные росписи имитировали чаще всего обыкновенную кладку стены или ее ордерное оформление (так называемый структурный стиль). Самыми яркими памятниками этого направления являются росписи склепов III в. до н. э. первого кургана Васюринской горы и склепов вблизи Анапы (Таманский полуостров). Позднее над структурной

Мозаичный пол с изображением сцены умывания. Херсонес. III—II вв. до н. э.

росписью нижней части стены стали помещать сюжетные сцены. Так, в одном из пантикапейских склепов II в. до н. э. изображена сцена битвы пигмеев с журавлями. Очень интересным является также изображение всадника и женщины, сидящей около юрты, в склепе Анфестерия (II в. до н. э.— возможно, начало I в. н. э.). Монументальная живопись применялась также в общественных сооружениях и жилых домах.

К памятникам монументального искусства относятся полы с сюжетными или орнаментальными изображениями, выложенными из мелкой разноцветной гальки на известковом растворе. Они украшали парадные помещения богатых домов. Так, в одном из домов Ольвии III—II в. до н. э. в орнаментальной рамке вымощенного галькой пола изображены грифоны, львы, пантеры, кабаны. Пол из гальки со сценой умывания открыт в одном из херсонесских эллинистических домов.

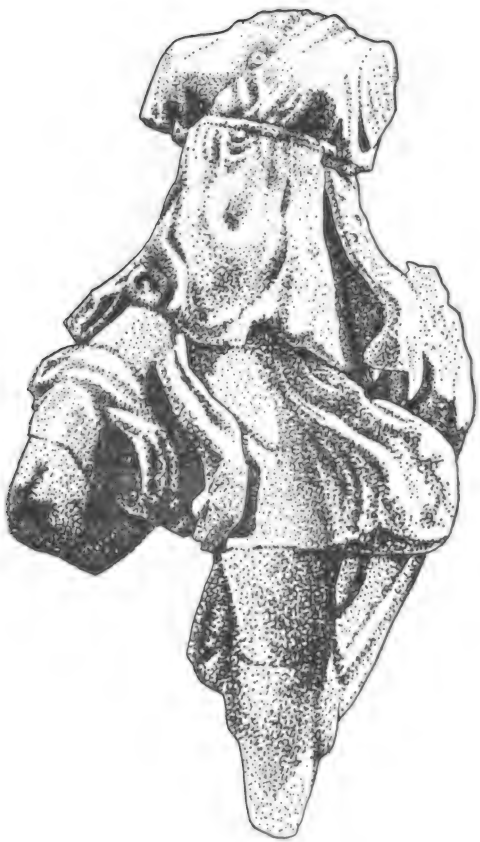
Значительную художественную и познавательную ценность представляют собой надмогильные памятники — стелы. Сначала это были простые мраморные или известняковые плиты, иногда с надписями, обрамленные карнизом или фронтоном. С III в. до н. э. на стелах встречаются уже рельефы с изображением умерших, иногда их родственников, и сцены из жизни умерших. Интересными являются боспорские стелы IV—III вв. до н. э., в росписях которых прослеживаются аттические художественные традиции (это, в частности, стелы с изображением Апфы — жены Афинея — и воина), а также портрет юноши из Херсонеса (IV в. до н. э.), нарисованный восковыми красками на каменном надгробии.

Судя по многочисленным находкам скульптур, их фрагментов и постаментов, в античных городах Северного Причерноморья устанавливалось много скульптур богов, героев, в основном греческого пантеона, а также, возможно, отдельных, особенно выдающихся деятелей античных государств и других лиц. Большие по размеру статуи обыкновенно устанавливались как в храмах, так и на открытом воздухе, чаще всего на

Боспорская надгробная стела. II в. до н. э.

культовых участках или в сооружениях культового назначения. Известны, например, статуя богини Астары с Таманского полуострова (вторая половина IV в. до н. э.), статуя Диониса из Пантикапея (начало IV в. до н. э.) и др. Однако до нас в основном дошли скульптуры, предназначенные для небольших закрытых помещений. Это статуи Диониса из Тиритаки, Афины, Кибелы и Артемиды из Ольвии, Афродиты из Херсонеса и др.

Многие скульптуры, особенно классического и эллинистического времени, были привозными и представляли собой первоклассные копии произведений таких выдающихся древнегреческих скульпторов, как Пракситель и Скопас. В Ольвии, в частности, найден постамент статуи с подписью Праксителя.



Артемида Ольвийская. III—II вв. до н. э.

Очень большое распространение в Северном Причерноморье, как и вообще в античном мире, имели терракотовые изделия — изображения богов, актеров, сюжетных сцен, архитектурные детали, игрушки и т. п., расписанные красками. Много их попадало в Северное Причерноморье из разных городов Греции. Но часть изготовлялась непосредственно на месте — формы для изготовления терракот и следы их производства обнаружены почти во всех крупных северопричерноморских городах.

Высокого уровня достигло в античных городах Северного Причерноморья, особенно в Ольвии и на Боспоре, изготовление художественных украшений из благородных и цветных металлов, поражающих своим техническим совершенством и высоким художественным мастерством исполнения.

На значительной части изделий изображены сцены из жизни и быта скифов, выполненные с большой этнографической достоверностью. Поскольку заказчиком большинства этих вещей была верхушка скифского общества, преобладающее количество изделий создавалось по их вкусу. Среди них есть такие шедевры мирового искусства, как золотой гребень из Солохи, в верхней части которого изображена сцена боя между всадником и двумя пешими воинами; серебряная амфора из Чертомлыкского кургана со сценой укрощения диких лошадей; электровая ваза из Куль-Обы, на которой изображены сцены из жизни скифских воинов; серебряная чаша из Гайдамановой Могилы и совсем исключительный памятник греческой торевтики — золотая пектораль из Толстой Могилы со сценами из скифского быта и борьбы зверей.

Довольно значительное распространение имела высокохудожественно оформленная импортная посуда —

чернолаковая, черно- и краснофигурная (килики, кубки, различные кувшины, блюда для рыбы и др.). На сосудах изображались мифологические сюжеты, в частности связанные с легендами о Северном Причерноморье, сцены охоты и войны, жанровые картинки и пр. Наряду с импортной в быту северопричерноморских греков была распространена, особенно в эллинистическое время, продукция местного керамического производства — простая и чернолаковая керамика, украшенная орнаментом, выполненным накладными красками; так называемые полихромные вазы с сюжетными изображениями и др. Керамика, а также другие виды прикладного искусства, достигшие высокого уровня совершенства,— глиптика, резьба по кости, художественное литье различных украшений, чеканка монет с изображением богов, героев, царей, а иногда и различных сооружений того времени — храмов, укреплений,— были своеобразным образцом для искусства всего Северного Причерноморья, влияли на ускорение развития культуры местных племен. Слияние северопричерноморских античных и местных традиций видно в культуре не только, например, Боспора, но и нижнеднепровских городищ, а также Скифского государства в Крыму, особенно его столицы — Неаполя скифского.

В градостроительстве и архитектуре древние традиции в первые века нашей эры сочетаются с новыми элементами, связанными в первую очередь с римской провинциальной школой. Установился тип небольшого города-крепости с довольно четкой системой планировки (Илурат). Появились новые типы сооружений (цитадели, термы), элементы декора (декоративные разноцветные мраморные плитки и т. д.), конструкции и материалы (гипокаусты, обожженный кирпич, известковые растворы в строительстве специальных сооружений).

Терракота Кибелы. Ольвия. Первая половина III в. до н. э.

Но конструкции стали более примитивными и одновременно массивными, качество строительства значительно ухудшилось. На рубеже нашей эры, а возможно, еще раньше, судя по изображениям на монетах и погребальных стелах, в архитектуре Боспора распространился нетипичный для Средиземноморья пятиколонный храм. Именно таким был, очевидно, пантикапейский храм, посвященный царю Аспургу (23 г. н. э.).

Значительно расширилось строительство монументальных каменных склепов, которые раньше были типичными главным образом для Боспора. Следует вспомнить склепы, построенные впритык к оборонительной стене Херсонеса, склепы Еврисивия и Ареты и так называемого Зевсова кургана в Ольвии. В строительстве склепов

Мраморная головка. Ольвия. III в. до н. э.

широко применялись цилиндрические своды. На Боспоре, как и раньше, склепы продолжали расписывать, однако в это время росписи обычно уже не отображали тектонику сооружения— четкое расчленение на несущие и несомые элементы часто отсутствовало. Существует мнение, что именно в отходе от ордерных традиций следует усматривать местные влияния. Характер росписи склепов дает основание считать, что уже с конца I в. до н. э. эти работы выполняли главным образом местные мастера в традициях IV—III вв. до н. э.

В I в. н. э. на Боспоре распространился так называемый цветочный, а немного позже — инкрустационный стиль. Одним из интереснейших памятников цветочного стиля являются росписи склепа Деметры в Керчи (I в. н. э.). Здесь наряду с изображением на стенах и в северной люнетте декоративных гирлянд и виноградных лоз в центре потолка мастерски изображена голова Деметры, а в южной люнетте — сцена из мифа о похищении Плутоном, богом подземного царства, Коры — дочери Деметры. Слияние во II в. н. э. упомянутых стилей привело к возникновению таких выдающихся памятников, как росписи так называемого Стасовского склепа в Керчи. Стены в нем выдержаны в инкрустационном стиле с введением архитектурных деталей, а центральная часть потолка — в цветочном. Из изображений в люнеттах наибольший интерес представляют батальные сцены с участием греков и сарматов. Из других памятников следует отметить росписи стен склепа II в. н. э., открытого в 1975 г. в некрополе Горгиппии. Здесь в реалистической манере изображены сцены из жизни и 12 подвигов Геракла —борьба со львом, лернейской Гидрой и др., бытовая сцена трапезы, напротив входа в склеп — две сидящие фигуры и фигура юноши, стоящего перед ними,— возможно, те, кто похоронен. Также интересна роспись внутренних стен каменного боспорского саркофага конца I в. н. э. На одной из них можно видеть мастерскую художника, в которой между колоннами развешаны портреты. Перед художником — ящик с красками, немного дальше — мольберт. На остальных стенах саркофага представлены музыканты, пигмеи-танцоры, сцена загробной трапезы и др.

Из надмогильных памятников I—II вв. н. э. дошли до нас небольшие статуи, изображающие похороненных, и стелы с рельефами (последние доминируют). На рельефах стел представлены сцены погребальных трапез, погребенные в роли героев, стоящие фигуры в обычном убранстве, иногда вооруженные, всадники в одежде кочевников и т. д. На стелах Боспора стали помещать по два и даже по три рельефа с одной стороны. Именно в рельефах этих стел наиболее полно отразились особенности местной боспорской скульптуры: плоскостность,

статичность, графичность в исполнении рельефных деталей, фронтальность постановки фигур, наличие в ряде случаев индивидуальных портретных изображений, а также этнической характеристики, применение полихромии.

Для первых веков нашей эры характерны также статуарные скульптуры, изображавшие античных богов, царей, выдающихся деятелей (например, мраморная статуя Неокла из Горгиппии — конец II в. н. э., бронзовый бюст царицы Динамии), а также животных (мраморная статуя льва из Пантикапея) и др. В общем скульптура местных мастеров в указанный период была более грубой и несколько более примитивной, чем античные образцы, но в ней довольно выразительно прослеживаются особенности, возникшие благодаря местным влияниям.

Значительного развития в это время, особенно на Боспоре, достигло также искусство торевтики. Здесь наряду со штампованными, довольно грубо выполненными украшениями создавались ювелирные изделия, своей многоцветностью и пышностью отвечающие вкусам сарматских племен. Типичные ювелирные украшения боспорских мастеров найдены, в частности, в сарматских захоронениях вблизи с. Ковалевка Николаевской области и в Нижнегорском районе Крымской области. Сочетание золота и цветных камней, применение геометрического полихромного узорчатого рисунка полностью отвечали принципу инкрустационного стиля, который на Бос-

Мраморный посвятительный барельеф в честь коллегии ситонов. Ольвия. Первая половина III в. до н. э.

Терракота коры Персефоны. Ольвия. Первая половина III в. до н. э.

поре во II в. н. э. применялся в декоре архитектурных сооружений.

Следует отметить, что традиции местных племен в искусстве Северопричерноморских городов довольно ярко проявились не только на Боспоре, который по праву считается художественным центром сарматского мира, но и в других городах, в частности в Тире.

Религия. Тесное взаимодействие культур двух миров во многом проявилось также в политеистических религиозных представлениях как местных племен, так и населения античных городов. Ряд основных божеств у тех и других были связаны с аналогичными культами. Об этом, в частности, рассказывает Геродот, который сравнивает самого почитаемого скифского бога Папая с Зевсом, богиню Табити — с Гестией, бога войны называет Ареем.

Религия античных городов Северного Причерноморья, особенно в начале их существования, была единой с религией метрополии. Здесь поклонялись Зевсу, Афине, Аполлону, Артемиде, Кибеле в различных ипостасях, Гераклу и др. Особо почитались божества, связанные с земледелием и плодородием: Деметра, кора Персефона, Дионис. В различных частях Северного Причерноморья прослеживаются местные особенности в значении отдельных культов. Так, в ряде районов Северо-Западного Причерноморья первостепенное значение имел культ Ахилла, в Ольвии — Аполлона Дельфиния и Зевса Ольбиоса, в азиатской части Боспора — Афродиты Апатуры и т. д. Для отправления культовых церемоний существовали специальные священные участки, строились храмы, многочисленные алтари, посвященные отдельным божествам. Постепенно в религиозные представления жителей античных городов Северного Причерноморья проникают элементы культов божеств местного, негреческого происхождения. В Херсонесе, например, распространился культ таврской богини Девы.

Влияние культуры местных племен особенно усилилось на рубеже нашей эры. Кроме того, в это время в искусстве античных городов-государств появляются и элементы романизации. Таким образом, греческое в своей основе искусство в ходе самостоятельного развития под влиянием различных контактов, особенно в первые века нашей эры, приобретает многие оригинальные черты, что дает возможность говорить о формировании локального, северопричерноморского варианта античной культуры.

В идеологических представлениях наряду с сохранением культов предыдущих времен как греческих в своей основе (Аполлона, Зевса, Ахилла, Гермеса и др.), так и местных (например, богини Девы в Херсонесе) усиливаются сарматские, отчасти скифские, фракийские, иранские, египетские элементы. Развиваются культы синкретических божеств. В част-

Мастерская живописца. Роспись каменного саркофага. Керчь. Конец I в. н. э.

ности, в Пантикапее возрастает роль почитания главного бога, в основе которого лежал культ Зевса, а также элементы фракийского культа Сабазия и, возможно, сарматского конного бога. Появление на Боспоре в первые века нашей эры культа единого бога характерно для позднеантичного общества в период его разложения и свидетельствует о постепенном переходе к монотеизму.

В начале IV в. н. э. на Боспоре уже существует христианская община, представитель которой — боспорский епископ Кадм в 325 г. н. э. принимал участие в первом Никейском соборе. Распространяется здесь также культ римских императоров.

Тысячелетняя эпоха античной цивилизации в Северном Причерноморье глубоко отразилась на жизни и культуре поколений последующих времен.

Чисто эллинские, сначала чуждые для окружающей среды античные города и поселения Северного Причерноморья в ходе своего дальнейшего развития стали составной органичной частью всего северопричерноморского мира. Постоянное взаимодействие между окружающими племенами и античными городами обусловило создание своеобразного варианта античной культуры.

В результате взаимного проникновения этих миров создались предпосылки для возникновения государств со смешанным населением, состоящим из греков и туземного населения, которое, в частности, в Боспорском государстве было представлено племенами синдов, меотов, скифов и др.

Прогрессивная роль античных северочерноморских городов состояла прежде всего в том, что они оказали влияние на ускорение социально-экономического и политического развития местных племен, формирование у них классового общества, развитие их экономики, культуры, идеологических представлений. В результате

тесных контактов с античными городами племен Северного Причерноморья они были втянуты в постоянные взаимоотношения с самой передовой для того времени античной культурой. Античные традиции вошли составной частью в культуру местных племен. Этот процесс коснулся не только скифо-сарматских и зарубинецких племен. В сферу контактов с античной культурой были также втянуты и носители многоэтничной черняховской культуры, памятники которой полосы Лесостепи и прилегающей к ней части Степи, по мнению большинства исследователей, принадлежат, как и зарубинецкие, к раннеславянским. Много предметов античного происхождения (амфоры, краснолаковая и стеклянная посуда, металлические и другие украшения и т. д.) найдено при раскопках могильников и поселений предков славян, занимавших большую территорию бассейнов Поднепровья, Побужья, Поднестровья. В процессе их тесных взаимоотношений с северопричерноморскими античными государствами в области экономики, прежде всего торговли, и культуры обе стороны на протяжении более пяти веков оказывали значительное взаимное влияние.

Модифицированные под влиянием византийской культуры античные традиции через раннесредневековые города, возникшие на месте некоторых старых античных центров, дошли в определенной степени и до Киевской Руси.

Зарождение и становление феодальных отношений

Глава VI

ДРЕВНИЕ ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

(II в. до н. э.—IX в. н. э.)

Сложение славянской этнической общности относится к глубокой древности. Первые этапы истории праславян, изучаемые целым рядом наук, представляются пока лишь в самых общих чертах. Определена в основном древнейшая территория обитания праславян, выделившихся из среды индоевропейских племен, хотя границы этой территории рассматриваются учеными по-разному. Установлено время сложения славянской этнической общности, время формирования и характер древнейшего славянского языка. Среди ведущих видов источников определились археологические культуры, предположительно увязываемые с основными этапами славянского этногенеза.

Состояние лингвистических, археологических и письменных источников позволяет начать историю праславян со II тысячелетия до н. э., а уже с рубежа нашей эры, когда славяне известны в письменных источниках античных авторов, можно приступить к более систематическому изложению исторического прошлого древних славян. Древнейшие славянские земли в последние века до нашей эры и в первой половине I тысячелетия н. э. археологически изучены и включают ряд археологических культур — зарубинецкую, черняховскую, пшеворскую и др. Однако этническая атрибуция этих культур сохраняет известную дискуссионность, вследствие чего все еще является слабым звеном в изучении происхождения славян и их культуры.

Более полное освещение получает славянская история с VI в., когда появились труды византийских историков с сообщениями об имени и территории славянских племен, их образе жизни и важной роли в европейских политических событиях. Славяне в VI—VII вв. широко расселяются в Средней и Восточной Европе. Археологически уже достаточно полно изучена культура славян VI—IX вв., отражающая общеславянское единство на этих обширных территориях.

Период VI—IX вв. имел большое значение в этническом и социально-экономическом развитии славянских племен. Известия о славянах конца I тысячелетия сохранились в ряде сочинений европейских и арабских авторов, в древнерусских летописях, сообщающих названия и территорию отдельных княжений восточных славян, сведения о жизни и быте восточнославянских племен, некоторых событиях их политической истории.

В результате широкого расселения славян в VI—VIII вв. произошла дифференциация единого славянского языка, которая привела к образованию восточных, западных и южных славян.

Эпоха VI—IX вв. была очень важной в развитии экономики и общественных отношений у восточных славян. В это время первобытнообщинный строй у славян переживал свой заключительный этап, после которого он сменился к концу I тысячелетия классовым феодальным обществом. Вместе с развитием классовых отношений шел процесс сложения государственности в славянском обществе от союзов племен к феодальным княжениям и политическим объединениям, завершившийся у восточных славян образованием Древнерусского государства.

История древних славян была тесно связана с соседними оседлыми и кочевыми племенами, представлявшими иные этнические общности. В бурную эпоху «переселения народов» в I тысячелетии происходило значительное перемещение населения, вследствие чего по землям славян проходили и частью оседали на них многие иноэтнические группы племен. В связи с этим в главе уделено внимание соседям славян, сыгравшим наиболее заметную роль в развитии славянской этнической общности.

1. НАСЕЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР ВО II В. ДО Н. Э.— II В. Н. Э. ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ

Историография проблемы происхождения славян. Происхождение и древнейший период истории славян является важной и вместе с тем сложной проблемой, решение которой зависит от объединенных усилий историков, археологов, лингвистов, этнографов, антропологов и ряда других специалистов. Итоги достижений этих ученых сейчас таковы, что можно в общих чертах осветить древнейшее историческое прошлое славянских племен, наметить основные направления славянского этногенеза.

В отечественной и зарубежной историографии XIX и в первой половине XX в. было предложено множество теорий происхождения славян, но всеувеличивающееся количество источников, особенно археологических и лингвистических, внесло в эти исследования столь существенные поправки, что от большинства из этих теорий пришлось отказаться полностью, а наиболее научно обоснованные легли в основу дальнейших разработок. Узкий круг источников, длительное время представленный почти исключительно немногочисленными письменными сведениями античных авторов о славянах и раннесредневековыми хрониками, не позволял исследователям XIX — начала XX в. удовлетворительно решить проблему древнейшей истории славян даже для сравнительно позднего, предгосударственного периода I тысячелетия нашей эры.

В числе наиболее успешных попыток подобного рода следует упомянуть фундаментальное исследование 30-х годов XIX в. чешского слависта П. Шафарика «Славянские древности», в котором на основании анализа сообщений древних авторов прародиной славян признаются земли Восточной Европы в пределах Волыни, Галиции и Подолии.

В начале XX в. идеи П. Шафарика о глубокой древности славян в Европе нашли дальнейшее развитие в трудах его соотечественника Л. Нидерле, обобщившего достижения своего времени в области истории, археологии, этнографии и антропологии. Древнеславянская территория конца I тысячелетия до н. э. представлялась Л. Нидерле весьма обширной —

от Эльбы на западе и до бассейна Десны на востоке, и с некоторыми оговорками он признавал ее как прародину славян и для более древнего времени. В восточной части этого массива в составе северных племен Скифии времени Геродота Л. Нидерле причислял к славянам невров, скифов-пахарей Днепровского Правобережья и будинов. Работы Л. Нидерле явились крупным вкладом в проблему этногенеза славян и долгое время оставались вершиной науки о происхождении славян. Во многих своих положениях они не потеряли своего значения и в настоящее время.

В 30—40-е годы теория Л. Нидерле была частично пересмотрена польскими исследователями, которые на основе новых археологических данных отстаивали более западное происхождение славян в междуречье Вислы и Одера. Большая заслуга в создании Висло-Одерской теории принадлежит археологу Ю. Костшевскому, позицию которого активно поддержали антрополог Я. Чекановский и славист Т. Лер-Сплавинский. Точка зрения польских ученых нашла поддержку и среди чешских исследователей (Я. Филип).

В советской историографии послевоенных лет основные положения Висло-Одерской теории не подвергались сомнению, но она рассматривалась только как составная часть в общей проблеме происхождения славян, касающаяся только западной половины славянского мира. В научной литературе тех лет выработалось мнение, согласно которому формирование древних славян должно было происходить на более обширных территориях — от левобережья Среднего Поднепровья на востоке и до Эльбы на западе (Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др.). Археологические источники, поступавшие после бурного развития экспедиционных исследований 50-х годов, все больше подтверждали правильность выводов советской исторической науки. Особенно ценные материалы по проблеме этногенеза славян были получены в результате исследований памятников археологии Верхнего Поднепровья и Полесья, а также памятников черняховского, жаботинского типов и скифских древностей юга Украинской ССР (А. И. Тереножкин, А. И. Мелюкова, Б. Н. Граков, Е. Ф. Покровская).

Одновременно с археологическими исследованиями активизировались и лингвистические разработки проблемы этногенеза славян. Особенно важное значение имели исследования по определению территории распространения древнейшей славянской гидронимии и определение основных этапов развития славянского языка с момента его выделения из состава индоевропейской языковой общности (Т. Лер-Сплавинский, В. Георгиев, Б. В. Горнунг, О. Н. Трубачев, Ф. П. Филин, С. Б. Бернштейн и др.). Данные лингвистики позволили вести поиски праславянских древностей со II тысячелетия до н. э., а уже не позже, чем с середины I тысячелетия до н. э., т. е. со времени существования скифской культуры в Восточной Европе и позднелужицкой, языкознание согласованно признает существование самостоятельного славянского языка. Лингвисты не всегда едины в своих выводах, и попытка их увязки с данными других дисциплин нередко приводила ученых к пересмотру собственных точек зрения. Этому способствовали и довольно категорические порой мнения самих лингвистов о происхождении славян. Укажем на хорошо аргументированное лингвистически мнение С. Б. Бернштейна и Ф. П. Филина, согласно которому территорией формирования славян были земли к югу от Припяти до степной полосы между Днепром и Вислой. Данная область действительно отличается как древней славянской гидронимикой, так и пали-

чием археологических памятников, подтверждающих такое мнение. Однако подобная область отмечена и между Вислой и Одером, что не учитывает Висло-Днепровская теория. К началу 70-х годов, таким образом, наметились две спорные области, которые с одинаковым основанием могут рассматриваться как прародина славян.

Положительные достижения Висло-Одерской и Висло-Днепровской теорий происхождения славян получили дальнейшее развитие в работах В. В. Седова, создавшего цельную и аргументированную концепцию древнейшего прошлого славян. В основе своей концепция В. В. Седова близка к Висло-Одерской, и, подобно последней, древнейший период славян признается только за населением Висло-Одерского междуречья. Наиболее ранними достоверно славянскими памятниками В. В. Седов считает культуру подклешевых погребений IV—II вв. до н. э., распространенную между Вислой и правыми притоками Одера. На рубеже нашей эры славянское население значительно расширяет свою территорию в пределах памятников пшеворской культуры и продвигается в юго-восточном направлении, где возникает зарубинецкая культура, а в последствии и черняховская, носителями которой кроме славян были и другие этнические элементы. С середины I тысячелетия н. э. территория раннесредневекового славянского мира резко расширяется в пределах памятников пражского и пеньковского типов, связанных с историческим расселением славян. Таким образом, можно считать, что положения В. В. Седова представляют собой значительный вклад в разработку проблемы этногенеза славян. Недочетом же его построений является недооценка роли земледельческих племен Лесостепи скифского времени в истории формирования и развития древних славян.

Как Висло-Одерская, так и Висло-Днепровская теории происхождения славян имеют сильные положительные стороны в своей аргументации. Обе теории создавались на базе большого фактического материала, который постоянно пополнялся новыми исследованиями и интерпретациями. Археологические и лингвистические данные давали возможность с нарастающей убежденностью говорить о славянской прародине на широкой территории между Одером на западе и бассейном Среднего Днепра на востоке и от Левобережья Припяти до степной зоны Восточной Европы. Новые материалы позволили по-новому интерпретировать и древнейшие письменные источники о славянах I тысячелетия н. э. (Г. Ловмянский). Такая закономерность в развитии источниковедческой базы по вопросам этногенеза славян уже в 50-е годы привела Б. А. Рыбакова к заключению, что древнейшие области славянского мира должны быть более обширными, чем междуречье Вислы и Одера или Вислы и Днепра, и обе эти спорные области должны рассматриваться как прародина славян.

В связи с пересмотром и новой интерпретацией этнического и племенного состава населения Скифии, известного по данным Геродота, в 1979 г. Б. А. Рыбаков выступил с интересной теорией происхождения славян, которую можно назвать Днепро-Одерской. Принципиальные положения данной теории сходны с работами этого автора, относящимися к предшествующим годам. Ученый обобщил современные достижения истории, археологии, лингвистики, этнографии и других дисциплин и на этой основе создал широкую историческую картину формирования древних протославян и славян, начиная со II тысячелетия до н. э. и до средневековья включительно. Суть теории Б. А. Рыбакова состоит в следующем.

К середине II тысячелетия до н. э. в северной части Восточной Европы между Одером и Днепром обособляется большая группа скотоводческо-земледельческих племен тшинецкой культуры, которая связывается с древнейшими праславянами, выделившимися к этому времени согласно лингвистическим данным из состава индоевропейцев. В XI—VIII вв. до н. э. область тшинецкой культуры оказалась втянутой в сферу влияния лужицкой культуры на западе и киммерийской — на востоке. В восточной части праславянского мира в это время возникают племенные союзы, в которые входят известные еще во времена Геродота между Днепром и Бугом «сколоты». В VIII—IV вв. до н. э. восточная половина праславянской области, в том числе и «сколоты», оказываются в сфере влияния скифской культуры, в обширной федерации, известной в античных источниках под названием «Скифии», где праславяне представлены земледельческими племенами современной территории Правобережной Украины. Западная половина праславянской общности находилась в составе позднелужицкой культуры. Это обусловило своеобразие материальной культуры западной и восточной половин праславян, которая после упадка лужицкой и скифской культур вновь приобретает черты сходства в пшеворско-зарубинецких древностях. Западная часть праславян (пшеворская культура) испытывает на себе влияние германских племен, а восточная (зарубинецкая культура) — сарматских, но в то же время носители обеих культур могут быть сопоставлены с историческими сведениями о славянах-венедах первых веков нашей эры. На протяжении II—V вв. н. э. восточная часть славян оказалась втянутой в сферу влияния римских провинций (черняховская культура), что в свою очередь привело к внешним различиям в облике всей славянской культуры. После упадка Римской империи с V в. н. э. снова возникает единство культурного облика славян, проявившееся в древностях пражского типа и связанным с ним раннесредневековым расселением славян на огромных просторах Европы.

Точка зрения Б. А. Рыбакова представляет большой научный интерес для дальнейших исследований в области этногенеза славян в целом и для разработки конкретных вопросов древней истории. Бесспорной заслугой автора является широкая историческая постановка проблемы происхождения славян, ее согласованность с основными достижениями ведущих дисциплин по проблеме этногенеза. Принципиальные положения Б. А. Рыбакова получены методами различных наук, что придает им надежную аргументацию и обоснованность. Днепро-Одерская концепция Б. А. Рыбакова наиболее полно отвечает требованиям современной науки и хорошо согласуется с другими источниками по истории древних славян, в том числе с письменными, известными уже с I в. н. э., где славяне известны под именем венедов.

Древнейшие письменные известия о славянах. Впервые название «венеды» употреблено Плинием Старшим для характеристики групп населения северо-восточнее Карпат: «...Земли до речки Вистулы заселены сарматами, в е н е д а м и (здесь и дальше разрядка наша.— *Ред.*), скирами и гиррами».

Приведенное сообщение из «Естественной истории» Плиния дает возможность определить основную территорию венедской земли в период не позже I в. н. э. между сарматами на юго-востоке, с одной стороны, и германскими племенами скиров и гирров на северо-западе — с другой. Известно, что во времена Плиния сарматы уже занимали все Степное При-

черноморье от Дона до Подунавья включительно. Племена скиров и гирров тогда же заселяли северные склоны Западных Карпат, что засвидетельствовано и рядом других источников. Скирам принадлежали земли в верховьях Вислы, а гиррам, очевидно,— часть Висло-Одерского междуречья в верхнем течении этих рек. Лесостепная полоса Правобережной Украины до бассейна Вислы включительно была, таким образом, занята венедами. Дальнейшее уточнение венедской территории с юго-запада на северо-восток, т. е. в противоположном направлении, можно вывести из высказываний современника Плиния Тацита: «Венеды... ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами». В данном случае певки (певкины) — часть бастарнского племени (окельтизированные германцы), проживавшая на Нижнем Дунае. Фенны — часть угро-финского населения Северо-Восточной Европы, занимавшего территорию от Уральских гор до Северо-Восточной Прибалтики. Между этими отдаленными землями Тацит и размещает венедов. Однако на юго-западе венеды не выходили непосредственно к Подунавью. Им могло здесь принадлежать только лесостепное междуречье Днестра и Серета. Контакты с угро-финским населением и венедами были возможными в бассейне р. Оки, куда носители славянской зарубинецкой культуры стали проникать еще в начале нашей эры.

Таким образом, на основании сообщений Плиния и Тацита, а также по данным археологических исследований можно очертить венедскую территорию в I в. н. э. Венеды занимали территорию Восточной и Центральной Европы между Днепром и Одером. Северной границей их земель было Левобережье Приняти, где венеды граничили с древнебалтскими племенами, а южной — рубеж Лесостепи и Степи.

Это — первый вывод, который можно сделать в отношении локализации славян-венедов исходя из древнейших сведений о них. На основании дальнейших письменных источников можно сделать и более широкие выводы. Античные авторы впервые познакомились с венедами не на ранней стадии их истории, не в период формирования их этнической общности, а в то время, когда этот процесс завершился и славяне представляли собой уже установившееся и зрелое этническое образование. Ко времени, когда славяне зафиксированы античными авторами как венеды, они уже были одним из самых многочисленных племен Европы.

Характеризуя венедов, Тацит подчеркивал оседлый образ жизни, т. е. связанный с земледелием, и этим противопоставлял их кочевым сарматам. Венеды, по его словам, «сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне.

Сведения римского историка о венедах нашли подтверждение и в археологическом материале. Они жили на больших стационарных поселениях, где было развито земледелие и ремесло, у них были постоянные места захоронений и установившиеся торгово-экономические контакты с соседними племенами. Все это подтверждают материалы зарубинецкой и пшеворской культур.

Особо следует подчеркнуть, что источники I в. н. э. сообщают о венедах как о едином устойчивом этническом массиве на территории Восточной Европы. Тацит отмечал активность венедов на широких просторах между феннами и певкинами, что следует расценивать как военные действия с соседними племенами рубежа нашей эры.

Со второй половины II в. н. э. территория, заселенная венедами, увеличивается. Птолемей в своей «Географии» называет их среди многочисленных племен Европейской Сарматии и размещает на южном берегу Балтийского моря, на восток от Вислы. «Заселяют Сарматию,— пишет он,— многочисленные племена: венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастарны; по всему побережью Меотиды — языги и роксоланы; дальше за ними в глубь страны — гамаксобии и скифы-аланы». Далее Птолемей размещает несколько десятков других, «менее значительных племен...».

Из приведенных Птолемеем данных можно сделать два важных вывода. Первый: территория расселения славян непосредственно примыкала к Балтике, в связи с чем и само Балтийское море получило название Венедского залива. Хотя археологические материалы, которые можно было бы безоговорочно связать с древними славянами рубежа или первых веков нашей эры, в Прибалтике пока неизвестны, пренебрегать свидетельством Птолемея никак нельзя: устье Вислы и Балтийское побережье были известны как грекам, так и римлянам в связи с янтарным торговым путем. Этот древний торговый путь, проходивший по течению Вислы, существовал задолго до II в. н. э., и в античный период земли Северной Европы были лучше известны, чем восточная часть континента.

Данные Птолемея о венедах в Прибалтике и отсутствие славянских археологических памятников того времени можно объяснить лишь непродолжительным появлением венедов в этих землях. Птолемей, очевидно, зафиксировал именно такое историческое событие, исключающее постоянное проживание их на этой территории.

Второй важный вывод: венеды, без сомнения, принадлежали к числу ведущих народов Восточной Европы, что подчеркивает автор «Географии», начав перечисление великих народов Серматии именно с них. Птолемей наряду с Плинием и Тацитом определяет венедов I—II вв. н. э. как автохтонное, т. е. коренное, население Восточной Европы. Наконец, Птолемей впервые упоминает славян не только под названием «венеды», а, видимо, и под самоназванием — «ставаны» и указывает на их место проживания южнее галиндов и судинов (племен балтской группы) до аланов, живших за Доном, в Предкавказье. Такое размещение ставанов полностью согласуется с данными Плиния и Тацита о венедах.

На основании письменных и археологических источников можно в основных чертах определить географию и непосредственных соседей венедов.

Северо-восточными соседями их были многочисленные угро-финские племена, жившие в Волго-Окском бассейне и Приуралье. Севернее Припятского Полесья размещались балтские племена, восточная группа которых до рубежа нашей эры занимала земли до бассейна Десны и Сейма. Но, как отмечалось, уже в первых веках нашей эры Подесенье заселяли славянские племена. Здесь они установили контакты с угро-финнами, жившими в Волго-Окском междуречье.

Во II в. до н. э. в степной части Восточной Европы на историческую арену выступили сарматы. В трудах античных авторов на смену термину «Скифия» приходит новый — «Сарматия». В это понятие они включали также много других, несарматских, этнических групп населения, в том числе и славян.

Район расселения сарматов ограничивался в основном полосой степей. Только начиная со II—III вв. значительные группы сарматов проникли в лесостепную зону, что, оче-

видно, обусловливалось вторжением в степи других кочевников. Они достигли бассейнов Ворсклы, Псла и Сулы на Левобережье, Тясмина и Среднего Поднестровья на Правобережье, где столкнулись с местным земледельческим населением.

Сарматы лесостепной части скоро потеряли свои этнические признаки — у них, в частности, исчез курганный обряд захоронения, уступив местному, бескурганному. С приходом в конце III в. в причерноморские степи готов политическое превосходство сарматов было подорвано, а гуннское нашествие в конце IV в. окончательно ликвидировало его.

Сложным было этническое развитие населения на рубеже нашей эры в нижней части Днестро-Прутского междуречья и Подунавья. Согласно письменным источникам здесь жили северофракийские племена (геты, даки, тирагеты, карпы), смешанное сарматско-фракийское население (тирагеты-сарматы, загадочные «свободные сарматы»), а также ряд германских племен, переселившихся из Северной Европы (атмоны, бастарны, сидоны, а спустя некоторое время — готы, гепиды и др.). Основу древнего населения Нижнего Подунавья и Поднестровья составляли фракийцы, восточная граница расселения которых еще в раннем железном веке проходила по Днестру. Остальные племена, упоминающиеся в источниках, были пришлыми из различных частей Европы. Этническое смешение еще больше усилилось после завоевания Римом Дакии и размещения здесь римских легионов. Началась постепенная романизация и быстрая деградация фракийского этнического элемента, распад фракийского этнического единства. В этих условиях в Подунавье началось последующее очень быстрое расширение славянского массива.

Западными соседями древних славян (венедов) были кельты, северо-восточная граница ареала которых проходила от современного Закарпатья через верховья Вислы и Одера. Прямые территориальные контакты между кельтами и славянами, очевидно, могли быть только на северных склонах Карпат, а на востоке их разделяли фракийские племена. На северо-запад от славян жили германские племена, которые были непосредственными соседями венедов в бассейне Одера и с которыми довольно рано установились тесные контакты. В значительной мере этому способствовал одинаковый уровень социально-экономического и культурного развития обеих групп племен. С началом переселения восточногерманских племен (III в. до н. э.) в Подунавье эти отношения еще более окрепли, поскольку позднее германская миграция частично проходила через западные земли славянских племен.

В таком окружении венеды на рубеже нашей эры вышли на историческую арену и стали известны античным авторам. К сожалению, их сведения о венедах очень скудны. Поэтому в освещении древнейшей истории славянства большое значение имеют археологические материалы, которые, по существу, являются наиболее полными источниками для изучения тогдашнего общественного развития.

Зарубинецкая культура. Археологическим соответствием славянам-венедам является так называемая зарубинецкая культура, оставленная оседлым земледельческим населением лесостепной полосы Восточной Европы с рубежа III—II в. до н. э. и до II в. н. э., а также памятники пшеворской культуры в верхнем течении Вислы (II в. до н. э.— IV в. н. э.). Территориальное распространение зарубинецкой культуры наиболее полно совпадает с восточной частью венедской территории, известной по письменным источникам (от Прикарпатья

до Подесенья). Южная граница культуры зарубинецких славян проходит между Лесостепью и Степью, а северная достигает бассейна Припяти.

В последнее время выяснено, что зарубинецкая культура сложилась на рубеже III—II вв. до н. э. и что основную роль в ее формировании сыграло местное оседлое земледельческое население Лесостепи скифского периода. На культуру окраинных земель зарубинцев оказали влияние соседние племена. Так, на юге в памятниках зарубинецких племен довольно чувствителен сарматский элемент, в частности, он хорошо прослеживается на металлических украшениях одежды. Возможно, именно этот факт имел в виду Тацит, когда наряду с противопоставлением кочевых сарматов оседлым воинам отмечал их внешнее сходство. На северо-западе, в районе Припятского Полесья, зарубинецкие древности имеют некоторые общие черты с материальной культурой поморских племен Повисленья. В Подесенье прослеживаются отдельные черты культуры местного ассимилированного зарубинцами балтского населения.

Тесные межплеменные связи населения Лесостепи с соседями, торговля и взаимные культурные влияния обусловили появление в местном употреблении ряда импортных изделий. Это особенно касается античных изделий северопричерноморских городов, а также среднеевропейских кельтских предметов. Античные и кельтские импортные товары пользовались широким спросом не только у венедов, но и у других европейских племен того времени — фракийцев, германцев и др.

Зарубинецкая культура, сложившаяся на местной основе, впитала в себя ряд достижений соседних народов эпохи раннего железного века, видоизменив и приспособив их к своим конкретным условиям и потребностям. В период сложных этнических перемещений и миграции племен — так называемого «великого переселения народов» — благодаря тесным контактам происходило взаимообогащение культур, способствовавшее распространению в них передовых достижений. Все это ускорило процесс формирования славянской зарубинецкой культуры, объединившей на общей основе земледельческие племена скифского времени.

Сочетание локальных элементов зарубинецкой культуры предыдущего периода и культурных заимствований, в процессе формирования новой культуры вошедших в нее составными частями, обусловило существование в зарубинецкой культуре отдельных локальных вариантов: среднеднепровского, верхнеднепровского, полесского и деснянского. В последнее время стала известна еще и южнобугская группа зарубинецкой культуры.

Основными категориями памятников зарубинецкой культуры являются поселения и могильники. В отдельных районах обнаружены и укрепленные городища. Можно назвать целый ряд наиболее хорошо изученных памятников. Это — поселения вблизи с. Лютеж в устье Ирпеня, около с. Зарубинцы на Переяславщине, Пилипенковая гора под Каневом, Чаплинское поселение и могильник в Гомельской области, Почеп в Брянской области, а также ряд отдельных могильников — Пирогов и Корчеватое вблизи Киева, Отвержичи и Велемичи в Белорусском Полесье.

Зарубинецкие поселения не имели четкой застройки. Жилища размещались там бессистемно, часто перестраивались. Около жилищ на всех без исключения поселениях было по нескольку хозяйственных ям, которые использовались как погреба для продуктов и как зернохранилища. В некоторых поселениях вне жилищ обнаружены очаги, иногда с остатками

железного шлака и другими ремесленными отходами. Такие очаги были связаны и с производственной деятельностью, в частности обжигом керамики.

Вещественный археологический материал и письменные источники характеризуют носителей зарубинецкой культуры как оседлых земледельцев. Хотя металлических изделий на поселениях и могильниках найдено сравнительно немного, однако они представлены довольно широким ассортиментом: производственным инвентарем (серпы, косы, пробойники, долота, топоры, рыболовные крючки); бытовой утварью (ножи, шила, иголки, шпильки, различные обоймы, гвозди, скобы, костыли); украшениями и предметами личного туалета (браслеты, фибулы, застежки, булавки, перстни, подвески, серьги, различные бляшки, поясные крючки); предметы вооружения (наконечники стрел, копий, дротиков). Наличие таких металлических предметов различного назначения свидетельствует о том, что население зарубинецкой культуры владело рядом хорошо развитых ремесел, в том числе обработкой черных и цветных металлов. Железообработка у зарубинцев достигла такого уровня развития, что могла полностью удовлетворить их потребности.

Расселение древних славян. Начиная с рубежа нашей эры славяне постепенно расширяли свою территорию, втягивая в процессы славянского этногенеза соседние племена. Расселение славянских племен объясняется как причинами внутреннего развития их общества, так и общеисторической обстановкой, сложившейся в то время в Восточной Европе.

Социально-экономическое развитие славянского общества в первых веках нашей эры ознаменовалось значительным ростом общего уровня хозяйственной деятельности. В самостоятельную область ремесла выделились добыча и обработка металлов, в результате чего возникли отдельные металлургические центры, где работали мастера-профессионалы. Примером такого металлургического центра может быть поселение вблизи с. Лютеж, которое длительное время поставляло железо на широкий рынок. Между этим центром и северными лесными племенами, юго-западными соседями славян — фракийским населением — и античными городами Северного Причерноморья существовали активные торговые связи. Подобные Лютежскому производственные центры выступали и как центры активных торговых отношений с соседями.

Благодаря развитию металлургии и металлообработки значительно усовершенствовались орудия земледелия, являвшегося основой экономики. Стало возможным обрабатывать даже тяжелые почвы юга Лесостепи. Успехи в развитии хозяйства способствовали укреплению межплеменных контактов, постепенному проникновению славянского этнического элемента на соседние земли. Одновременно происходили изменения в социальных отношениях внутри общества: на смену родовой общине приходит территориальная, а такое общественное звено, как семья, становится способным вести хозяйство на самостоятельных, частных началах. Новые социальные отношения в условиях более высокого уровня развития производительных сил и производственных отношений разрушали вековые родоплеменные институты.

Внутреннее экономическое развитие славянского общества стало основной причиной расселения славян на широкой периферии, охватившей Поднепровье и прилегающие территории. В отличие от общеевропейских перемещений, славянское расселение было радиальным и представляло собой равномерное расширение

славянского ареала. Кроме того, оно происходило не стремительно, на краткое время, а стабильно и постепенно. В процессе расселения славяне не отрывались от основных земель, а постоянно поддерживали контакты со своим основным этническим массивом и, таким образом, не нарушали этнического единства. Однако наиболее существенной специфической чертой славянского расселения было то, что оно носило характер исключительно мирной колонизации. Именно этим объясняется тот факт, что в Подунавье, где существовала очень сложная этнографическая обстановка, славяне не только успешно пережили ее, но и стали определяющим этническим элементом после гуннского нашествия.

Одним из основных районов колонизации зарубинецкими племенами было междуречье Десны, Сейма и Сожа, куда они начали массовый выход в I—II вв. н. э. Ранее эти земли занимали две этнически разные группы племен. По Десне проходила восточная граница расселения балтских племен, известных в археологии как носители юхновской культуры. На востоке балты граничили с угро-финским населением Волго-Окского междуречья. Южными соседями балтов были многочисленные иранские племена, достигавшие течения Сейма. Подесенье, куда была направлена славянская колонизация, представляло собой, таким образом, пограничную полосу между балтами, иранцами и угро-финнами.

В Нижнее Подесенье зарубинецкие племена проникли еще до начала нашей эры, о чем свидетельствуют погребальные памятники в селах Пуховцы и Погребы и ряд поселений в районе Чернигова. Большая группа зарубинецких поселений обнаружена и в районе нижнего течения Сейма. Аналогичные памятники известны на Левобережье Верхнего Поднепровья, по течению Сожа и Ипути. Черты материальной культуры деснинской позднезарубинецкой группы памятников сложились не на Десне, а еще в Среднем Поднепровье, откуда они были перенесены на Среднюю и Верхнюю Десну в сформированном виде. Предыдущие юхновские элементы в деснинской зарубинецкой группе представлены очень слабо. Это свидетельствует о том, что поднепровские славяне быстро ассимилировали, а частично и вытеснили в данном районе местное балтское население.

Одновременно с колонизацией Подесенья зарубинецкие племена стали продвигаться вверх по течению Днепра. Они достигли устья Березины, а местами — и современной Смоленщины. В Верхнем Поднепровье зарубинецкое население встретилось с носителями так называемой милоградской культуры. Миграция сюда славян проходила постепенно, на протяжении нескольких веков. В таких условиях неминуемо происходило взаимопроникновение, взаимообогащение культур пришлого и местного населения. Какая-то часть милоградских племен, возможно, отступила дальше на север, в район культуры штрихованной керамики, что обусловило возникновение широкой зоны смешанных контактов.

Археологические данные подтверждаются и материалами гидронимии. Вместо балтских гидронимов в восточной части Верхнего Поднепровья появляются славянские названия рек. В последнее время славянские древности найдены и на среднем течении Южного Буга, что свидетельствует о расселении славян в юго-западном направлении. Здесь известны несколько десятков зарубинецких поселений первых веков нашей эры. Побужские памятники, подобно деснянским, отражают те же процессы развития зарубинецкого общества и представляют собой однотипные явления. Близкое соседство с сармат-

скими племенами наложило отпечаток на материальную культуру населения Побужья. В побужских памятниках заметны также черты культуры фракийских племен, которая перед этим на протяжении длительного времени была распространена в Поднестровье и смежных землях. В это же время славянское население стало осваивать и бассейн Среднего Поднестровья, создав сплошной массив славянских земель до южных отрогов Карпат включительно.

Несколько иначе сложились отношения зарубинецких славян с южными кочевыми сарматами. Попытки лесостепных земледельцев проникнуть в плодородные черноземные степи потерпели неудачу. Согласно археологическим данным установлено только, что такие попытки действительно были. Об этом свидетельствуют зарубинецкие впускные погребения в более ранние курганы вблизи сел Верхняя Мануйловка и Дяченков на Псле и возле Лубен на Суле. Более заметным оказалось влияние зарубинецкой культуры на юге, по течению Днепра, где ее элементы прослеживаются в позднескифских городищах Нижнего Днепра.

Во II в. н. э. зарубинецкая культура прекратила свое существование, но население, оставившее памятники этой культуры, продолжало развиваться в новых исторических условиях. На смену зарубинецкой культуре в лесостепной полосе современной территории Украинской ССР во II в. н. э. пришла так называемая черняховская культура и культура позднезарубинецких племен.

2. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ ВО II—V ВВ.

Основные группы населения на современной территории Украины во II—V вв. Период II—V вв. в истории Европы был насыщен бурными событиями. Римская империя в начале II в. достигла наивысшего могущества. В ее состав вошли многочисленные провинции, созданные на завоеванных римлянами землях Европы, Азии и Африки. В результате завоевания Римом придунайских земель границы империи достигли Северо-Западного Причерноморья. Однако уже с конца II в. Римская империя вступила в период упадка, вызванного кризисом рабовладельческого строя. Разложение рабовладельческого хозяйства, восстания рабов и колонов, сочетавшиеся с постоянными вторжениями в пределы империи «варварских» племен, привели в конце V в. к гибели Западной Римской империи.

На протяжении нескольких веков на Рим вели наступление германцы, фракийцы, славяне, сарматы, тюрки. Большинство из них переживало период распада первобытнообщинного строя и становление классового общества. На этом этапе все больше проявлялось имущественное и социальное неравенство, усиливалась власть вождей, опиравшихся на дружины. Стремясь к накоплению богатства, к захвату военной добычи, вожди систематически организовывали военные походы. Главным объектом их нападения была Римская империя — давний враг и угнетатель соседних племен, собственник огромных богатств. Иногда целые племена в поисках более пригодных для жизни земель снимались со своих мест и селились в пределах Римской империи. Значительное перемещение многочисленных племен во II—VII вв. получило название «великого переселения народов». Причина далеких миграций племен заключалась в уровне их социально-экономическо-

го развития. На заключительном этапе первобытнообщинного строя количественно возросшее население при общем низком уровне развития производительных сил уже не могло существовать на прежних территориях. Избыток населения вынужден был искать новые земли. «То же самое давление избытка населения на производительные силы,— писал К. Маркс,— заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» [1].

В первые века нашей эры перемещение племен охватило территорию Юго-Восточной Европы, особенно район Северного Причерноморья, лежавший на пути кочевников, переселявшихся с востока.

По составу населения в тот период современную территорию Украинской ССР можно разделить на две области — северную и южную. Северная полоса Лесостепи была заселена главным образом оседлыми раннеславянскими племенами. В южной области — степной полосе, на побережье Черного моря и в Крыму — проживало разноэтничное население. Часть его составляли древние жители Причерноморья — наследники скифов, сарматы, греки. К другой части принадлежали племена, пришедшие в Причерноморье в начале «великого переселения народов»: готы, гунны и др. В первые века нашей эры в Причерноморье проникали и ранние славяне.

О территории раннеславянских племен Восточной Европы во II—V вв. в письменных источниках имеются лишь косвенные данные. По свидетельству историков VI в., анты (восточная часть славян-венедов) населяли побережье Черного моря между Днепром и Днестром (Иордан) и территорию на север от Причерноморья и Приазовья (Прокопий). Рассказ Иордана о войнах антов, готов и гуннов, которые велись во второй половине IV в., дает основание начинать историю антов уже по крайней мере с этого времени.

В междуречье Днепра и Днестра во II—V вв. жили многочисленные племена, оставившие после себя памятники черняховской культуры, открытой археологом В. В. Хвойкой в 1899 г. в с. Черняхове, ныне Кагарлыкского района Киевской области. Систематическое изучение этой культуры началось при Советской власти и широко развернулось после Великой Отечественной войны. Представленная многочисленными памятниками, поселениями и могильниками (общим количеством более 2 тыс.), черняховская культура вызывала у исследователей целый ряд спорных и дискуссионных вопросов. Высказывались различные взгляды в отношении ее происхождения, датировки, этнической принадлежности. Значительная часть ученых рассматривает черняховскую культуру как полиэтничную. Северная территория этой культуры, расположенная в Лесостепи УССР, может быть связана с древними славянами.

Основной территорией черняховской культуры была полоса Лесостепи между Средним Поднепровьем и Верхним и Средним Поднестровьем. Здесь черняховские памятники составляют преобладающее большинство и отличаются однотипностью культурных черт. Археологические материалы свидетельствуют о существовании на этой территории преемственности между черняховской культурой, предшествующей зарубинец-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 568.

кой, и последующей славянской VI—VII вв. Данные антропологии свидетельствуют о близости антропологического типа черняховцев и восточнославянских племен полян раннего средневековья.

В первые века нашей эры происходило расселение черняховских племен главным образом на юг и юго-запад. В ходе переселения черняховцы проникли на занятые разноэтническими племенами смежные территории — в пределы Северного и Северо-Западного Причерноморья, современной территории Молдавской ССР и Восточной Румынии.

На север от Среднего Поднепровья жила северная группа раннеславянских племен. Она занимала бассейны Десны и Днепра от Киева до устья Березины. На этих землях обнаружены памятники позднезарубинецкой культуры III—V вв., принадлежавшие племенам, которые переселились сюда в предыдущее время из Среднего Поднепровья. Эти памятники пока изучены в меньшей мере, чем черняховские.

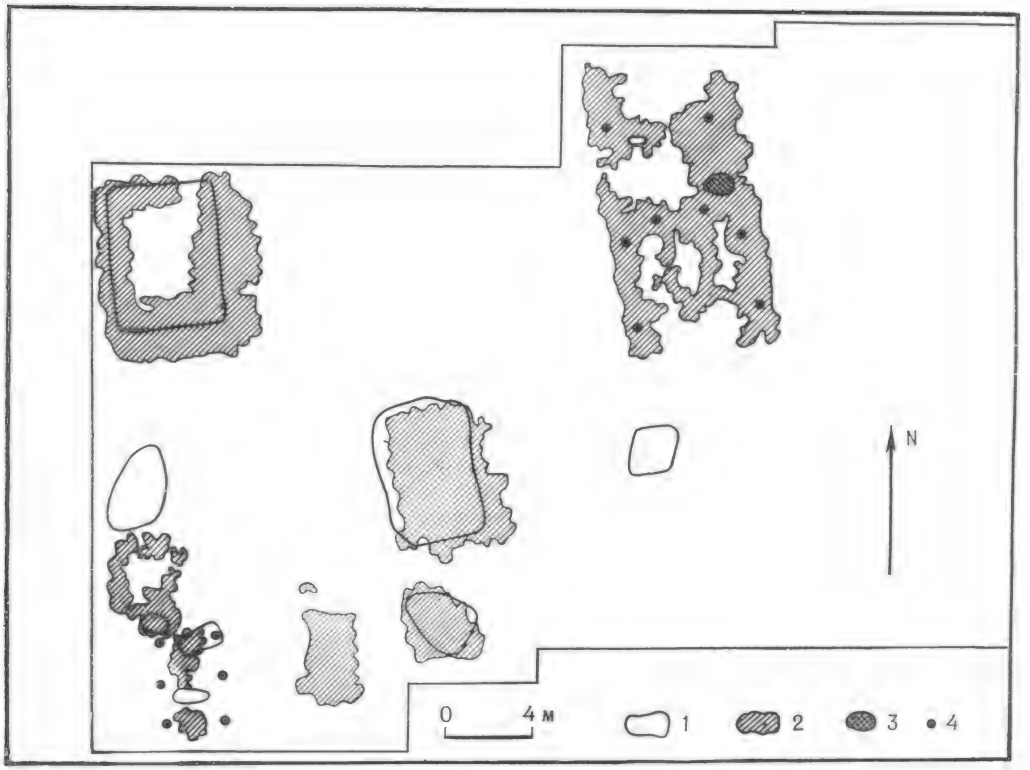
В связи с различными условиями развития этих двух соседних общих по происхождению групп раннеславянских племен культура их имела свои особенности. Племена Верхнего Поднепровья долгое время сохраняли черты зарубинецкой культуры в домостроительстве, погребальном обряде, определенных типах посуды. Северная группа раннеславянских племен была меньше втянута в экономические связи с городами Северного Причерноморья и римскими провинциями.

Значительное количество памятников данной группы племен известны сейчас в районе городов Чернигова, Новгород-Северского, Сосницы, Киева (памятники так называемого киевского типа). Исследовались поселения Ульяновка, Роище, Лавриков Лес в Подесенье, Козаровичи, Обухов на Киевщине. На этих и подобных им поселениях сооружались небольшие полуземляночного типа жилища, имевшие срубную или каркасно-глинобитную конструкцию стен и двускатную крышу. Для приготовления пищи пользовались глиняными печами или очагами. Рядом с жилищами строили сооружения хозяйственного назначения, в которых сохранялись продукты (ямы-погреба) и хозяйственный инвентарь. Вблизи поселений находились могильники; господствовал обряд трупосожжения с захоронением остатков сожжения в ямах. Подобный могильник исследован в с. Козаровичи севернее Киева.

Племена Верхнего Поднепровья занимались сельским хозяйством — пашенным земледелием, животноводством, промыслами. Из ремесел наиболее развитым было металлургическое, изготовлялись и металлические украшения.

Население Верхнего Поднепровья поддерживало тесные связи с соседними племенами. Из южной области, населенной черняховскими племенами, поступала на север высококачественная гончарная посуда, поскольку местная изготовлялась только домашним способом, лепилась руками, а также некоторые другие изделия. Племена Верхнего Поднепровья поддерживали контакты и с северными балтскими племенами, на землях которых они расселялись и которых в конце концов ассимилировали.

Племена черняховской культуры достигли более высокого уровня экономического развития, чем позднезарубинецкие. Этому способствовало проживание их в зоне Лесостепи, где были свободные от лесов массивы с плодородной черноземной почвой, наиболее пригодной для развития пашенного земледелия. Они в большей мере испытали влияние со стороны городов Северного Причерноморья и римских провинций, что не могло не сказаться на их экономическом развитии. В культуре черняховских пле-



План двора на черняховском поселении:
1 — углубленные части строений; *2* — обожженная пожаром глиняная обмазка стен; *3* — остатки печи; *4* — ямки опорных столбов стен. Село Леськи Черкасской области. IV в.

мен отразились также контакты с соседними племенами поздних скифов, сарматов, германцев. На западе племена черняховской культуры граничили с населением позднепшеворской культуры бассейна Вислы. Наиболее близкими к черняховским по характеру культуры являются памятники Верхней Вислы, где размещалась западная группа раннеславянских племен.

Племена черняховской культуры. Племена, оставившие памятники черняховской культуры, были многочисленны, они густо заселяли свою основную территорию. Как пример можно привести данные сплошной археологической разведки в Уманском районе Черкасской области, где зафиксировано около 80 черняховских поселений, находившихся на расстоянии не более чем 5 км одно от другого, нередко — гнездами. Поселения располагались обычно на южных склонах берегов рек и оврагов и были неукрепленными; на некоторых из них прослеживается правильная планировка: жилища создавали улицу или несколько улиц.

Благодаря широким раскопкам, проведенным на новостройках республики, в частности в зоне строительства Кременчугской ГЭС, на черняховских поселениях были исследованы дворы — комплексы жилищных и хозяйственных построек, представлявших собой отдельные домохозяй-

Железный наральник черняховской культуры. Село Волосское Днепропетровской области. III—IV вв.

ства. К примеру, можно вспомнить четкую планировку двора, которая прослеживается на поселении вблизи бывшего с. Леськи Черкасской области. Главным сооружением было большое наземное жилище, разделенное перегородками на отдельные камеры, с печью в центральной части. Недалеко размещалась хозяйственная часть двора с рядом построек. Ближе всего к жилищу находилась яма-погреб, немного дальше — амбар, хлев для скота и два небольших помещения, которые могли служить для содержания птицы и мелкого скота. В углу двора находились три небольших сооружения и яма, имевшие производственное назначение, связанное с изготовлением глиняной посуды. Отдельные хозяйственные дворы удалось проследить также во время раскопок вблизи с. Максимовка Кременчугского района Полтавской области. Здесь обнаружены четыре двора, каждый из которых состоял из жилища, амбара, риги и хозяйственных ям.

Жилые постройки были наземными или углубленными (полуземлянки, землянки); стены их сооружались на деревянном каркасе из лозы или плах, основой для которого служили вкопанные в землю опорные столбы. Снаружи стены обмазывались слоем глины. Полы жилищ делались земляными, иногда подмазывались глиной; покрывались постройки, очевидно, соломой или камышом. На полу многих жилищ находились открытые очаги, подчас печи из камня или глины. Некоторые жилища имели пристройку типа сеней или крылечек. Хозяйственные постройки обычно сооружались так же, как и жилищные.

Основной отраслью хозяйства населения Лесостепи в первые века нашей эры было пашенное земледелие. Уже сама густота и значительные размеры поселений доказывают развитость этой отрасли хозяйства, которая могла обеспечить существование многочисленного оседлого населения. Основным орудием пахоты в то время было деревянное рало, имевшее узкий железный наконечник — наральник. Находки плужных ножей (чересел) на некоторых из черняховских поселений свидетельствуют о появлении пашенных орудий плужного типа. Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были пшеница, ячмень, просо, гречиха. Выращивали также рожь, овес, горох, вику, коноплю. Собирали урожай серпами. Полеводство дополнялось огородничеством, что подтверждается найденными железными оковками заступов.

Земледелие в условиях оседлого быта в зоне Лесостепи было тесно связано с животноводством. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, а также домашнюю птицу; в хозяйствах держали собак. С животноводством связаны такие находки, как косы для сенокоса, ботала. Определенную роль в хозяйстве племен Лесостепи играли промыслы — охота, пчеловодство, рыболовство.

Продукция сельского хозяйства сохранялась в ямах-хранилищах, расположенных вблизи жилищ (в некоторых из них обнаружены зерна злаков). Сохранялось зерно также в специальных больших глиняных сосудах, так называемых зерновиках, ко-

торые содержались в хозяйственных помещениях типа амбаров или риг. Мололи зерно с помощью ручных зерпотерок и жерновов.

Сельскохозяйственное производство у племен Лесостепи сочеталось с разными видами ремесел, часть которых достигла значительного развития. Большое значение в хозяйстве занимали металлургия и обработка металлов. Черняховские кузнецы владели всеми основными приемами ковки железа в горячем виде, знали несколько способов получения и обработки стали. Кузнецы-универсалы работали в основном на заказ, обслуживали главным образом свои общины. О кузнечном ремесле черняховских племен дают определенное представление изделия — отдельные находки кузнечных орудий (зубило, пробойник), а также металлографические исследования железных изделий. На отдельных поселениях сохранились остатки металлургических горнов. В первые века нашей эры у населения Лесостепи существовало как самостоятельное ремесло производство украшений из цветных металлов.

Высокого уровня развития достигло гончарство. Об этом свидетельствует распространение именно в это время гончарного круга и специальных гончарных горнов для обжига посуды. Значительная часть посуды изготовлялась на ручном круге. Тогда же гончары стали применять и более совершенный ножной круг.

Более чем на десяти поселениях черняховской культуры обнаружены гончарные горны. На некоторых из поселений существовало по нескольку горнов. Представление о работе специалистов-гончаров дает открытая на поселении в с. Журавка Городищенского района Черкасской области керамическая мастерская. Она состояла из двух гончарных горнов и постройки, в которой изготовлялась посуда. В постройке нашли глину (сырье), отдельные орудия труда гончара и зафиксировали место, где стоял гончарный круг.

Важной отраслью хозяйства было также и деревообрабатывающее ремесло. Набор плотницких и столярных инструментов был довольно большим: топоры, струги, тесла, долота, сверла, пилы. Развивалась обработка камня. О мастерстве тогдашних каменерезов свидетельствуют не только хозяйственные орудия, изготовленные ими,— жернова, зернотерки, точильные бруски, но и монументальные каменные скульптуры, изображавшие языческих богов. Распространение приобрела и обработка кости, что подтверждается находками целого ряда костяных изделий — гребешков, подвесок, проколок, лощил, игольников. С заготовкой шерсти для пряжи, прядением и ткачеством связаны находки ножниц для стрижки овец и глиняных прясел, которые одевались на веретено.

Отдельной отраслью ремесла было стеклодельное производство. Значительный интерес представляют остатки такого производства, открытые вблизи с. Комаров Черновицкой области. Здесь в III—IV вв. существовали мастерские по изготовлению стеклянной посуды, являющиеся уникальным памятником материальной культуры Восточной Европы. Обнаружены остатки строений и каменных очагов, оплавленный кирпич от стеклоплавильных печей, некоторые орудия мастеров — черпак, тигель, формы для выдувания стеклянных изделий. Характер вещественных находок дает возможность предположить, что эти мастерские принадлежали римским ремесленникам.

Значительную роль в хозяйстве населения Лесостепи в первые века нашей эры играла торговля с рабовладельческим Югом — Северным Причерноморьем и римскими провинциями, в отдельных случаях и с самой Италией. Из этих районов в Юго-Во-

сточную Европу поступала глиняная краснолаковая, стеклянная и бронзовая посуда, амфоры с вином и маслом. Античное происхождение имеют также и некоторые другие вещи черняховцев — светильники, камеи, геммы и т. п.

В лесостепной части современной территории Украинской ССР найдено много римских монет — как единичные экземпляры, так и целые клады. Нередко монеты были обнаружены непосредственно на черняховских поселениях. Основные находки монет ло́кализуются в Верхнем Поднестровье и на Правобережье Среднего Днепра. Наибольшее количество монет приходится на время правления римских императоров Антонина Пия (138—161) и Марка Аврелия (161—180). Существует мнение, что римские монеты находились в обращении у местных племен, особенно соседних с римскими провинциями. В III—IV вв., когда на Дунае велись готские войны с Римской империей и торговые связи нарушались, римские монеты нередко попадали к соседним племенам как военная добыча или вместе со специально изготовленными медальонами как дары при заключении союзов.

Статьями вывоза из Лесостепи в Римскую империю и города Северного Причерноморья были чаще всего хлеб, мед, воск, меха, кожа, возможно, скот.

Интенсивные связи племен Лесостепи с Римской империей оказали влияние на их экономическое и социальное развитие. Римское влияние заметно, в частности, в заимствовании некоторых технических навыков, приобретенных местными племенами именно во II в. н. э. Так, в это время распространяется во всей Лесостепи гончарный круг и гончарные горны для обжига керамики.

Торговля с рабовладельческим Югом ускоряла процесс формирования классового общества. Возможность покупать импортные изделия, главным образом предметы роскоши, служила стимулом для накопления верхушкой местного общества богатств, поисков путей усиления эксплуатации своих соплеменников.

Социальные отношения у раннеславянских племен первой половины I тысячелетия н. э. были характерными для конечного этапа первобытнообщинного строя, периода зарождения классового общества. В это время у населения Среднего Поднепровья и Поднестровья уже существовали индивидуальные хозяйства, которые велись отдельными семьями. Создавались условия для имущественного расслоения в середине общины, в которой выделялись отдельные зажиточные семьи. В этом плане интересны находки на черняховских поселениях крюковидных и якореподобных ключей для закрывания дверей. Они указывают на существование в это время у населения собственности, которую необходимо было оберегать.

Свидетельством обогащения отдельных членов общины являются денежные и денежно-вещевые клады, открытые в лесостепной части современной территории Украинской ССР. Некоторые из них содержали большое количество римских монет (более тысячи), а также серебряной посуды и украшений. Социальная верхушка стремилась к обогащению, к присвоению продуктов труда своих соплеменников в виде дани. Племенная верхушка состояла из особ различного социального ранга. Высшая власть принадлежала вождям, которых античные и средневековые авторы называли «королями». Вожди возглавляли племена, объединявшие территориальные общины. Письменные памятники называют также старейшин или вельмож. Так, у историка Иордана есть упоминание о славянском (антском) вожде Бусе

(Боже) конца IV в., свита которого состояла из 70 вельмож.

В конце первобытнообщинной эпохи приобрело распространение рабство, так называемое патриархальное, причем не только у народов, переживших со временем рабовладельческую формацию, но и у тех, которые миновали ее. Рабами обычно были пленные. Судя по известным письменным источникам, большинство соседних с Римом племен знали рабство, которое, очевидно, имело место и у черняховских племен. Наиболее вероятно, что рабский труд применялся в ремесленных мастерских, нуждавшихся в большой вспомогательной рабочей силе, а также в земледелии. Рабство, как и сбор дани, было начальной формой эксплуатации на этапе становления классового общества.

Для этого периода характерно создание больших союзов племен, объединявшихся под властью одного вождя. Такие долговременне союзы племен могли существовать и у племен черняховской культуры. Именно эти объединения предшествовали созданию государства и народности, складывавшихся одновременно с переходом к классовому обществу.

Идеологические представления черняховских племен первой половины I тысячелетия н. э. в целом носили характер языческих верований. Сущность их состояла в вере в загробную жизнь как продолжение земной, обожествлении сил природы и поклонении им, обрядах и гаданиях, связанных с заботами о новом урожае. Большинство языческих обрядов и верований было связано с трудом земледельца и обусловливалось желанием получить богатый урожай.

Значительный интерес представляет группа памятников на черняховских поселениях, которая может быть интерпретирована как остатки святилищ, где происходили моления и жертвоприношения языческим божествам. Одно из святилищ обнаружено на поселении в с. Иванковцы Новоушицкого района Хмельницкой области. Здесь стояли три каменных идола, имевшие вид четырехгранных столбов высотой около 3 м, верхняя часть которых была оформлена в виде головы человека. Один из идолов (трехликий) помещался в центре святилища. Вокруг него были расположены три легких сооружения с жертвенниками в виде очагов и каменных вымосток, здесь же находились десять ям с остатками ритуальных костров, которые в свое время, очевидно, постоянно горели. Другой идол, стоявший немного в стороне, представлял собой подобие человеческой фигуры с выразительно обозначенными шапкой, усами, бородой, со сложенными на груди руками, с мечом на поясе. Третий идол сохранился в обломках. Среди идолов, возможно, были покровители железообрабатывающего ремесла, существовавшего на поселении.

Другое святилище, открытое вблизи с. Ставчаны Новоушицкого района Хмельницкой области, очевидно, посвящалось солнечному божеству. Здесь обнаружены две скульптуры, стоявшие одна против другой. Одна из них представляет собой конический столб, на котором выбит круг — солярный (солнечный) знак, символизировавший солнце, а другая — бородатого мужчину в конической шапке, с рогом в руках и с изображением лошади на спине, который олицетворял божество. Вокруг фигур сохранились остатки ритуальных костров.

Остатки святилища, в котором, можно думать, происходило новогоднее гадание об урожае, исследованы на поселении в с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области. В одном из строений поселения стоял жертвенник, сделанный из глины и разбитых сосудов, среди которых находились две чаши. Орнамент на венчиках одной из них был расшифрован академиком Б. А. Рыбаковым как

древний земледельческий календарь, а сами чаши интерпретированы как ритуальные сосуды для новогоднего гадания, что согласно языческим верованиям должно было обеспечить в новом году богатый урожай. Венчики чаши с изображением календаря разделены на 12 секций, что отвечает месяцам года. В каждой из секций изображены характерные для данного месяца явления природы (летнее и зимнее солнцестояние, весеннее равноденствие) или же сельскохозяйственные работы, которые необходимо проводить в определенные месяцы (весенняя и осенняя пахоты, жатва).

Земледельческие «календари» известны также и в других черняховских находках, в частности на сосуде из с. Ромашки Рокитнянского района Киевской области. На нем символически изображены явления природы и земледельческие работы (дожди, колошение хлебов, жатва), языческие праздники (Ярилин день, Купала), а также ряды квадратиков, отвечающие дням всего цикла земледельческих работ. По ромашковскому «календарю» велся отсчет всех фаз развития сельскохозяйственных растений, важных для земледелия явлений природы и языческих праздников, в которые происходили моления о желательных влаге или солнце. Некоторые исследователи допускают проникновение к черняховским племенам христианства.

Развитие экономики и социальных отношений, а также контакты с передовыми государствами средиземноморского мира способствовали появлению в среде черняховских племен зачатков научных знаний, использованию в отдельных случаях греческого и латинского письма. На некоторых обломках черняховских сосудов и костяных изделиях обнаружены греческие и латинские буквы. Очевидно, через купцов и ремесленников Северного Причерноморья и римских провинций к черняховским племенам проникало и письмо.

Развитие земледелия и ремесла обусловило появление элементов знаний в области естественных и технических наук. Значительный интерес представляют находки орудий, которые исследователи интерпретируют как хирургические инструменты: ланцеты, щипцы и т. п.

Письменные источники, к сожалению, только фрагментарные, свидетельствуют об участии раннеславянских племен в политических событиях, развивавшихся в то время в Юго-Восточной Европе. Больше всего сведений дошло до нас о борьбе, которую вели ранние славяне с германскими племенами готов после их переселения из Прибалтики на юго-восток. Стычки готов с ранними славянами происходили во второй половине IV в. при готском «короле» Германарихе. Как свидетельствует Иордан, Германарих, завоевав в Приазовье племя герулов, двинулся против венетов (венедов), которые сначала оборонялись, но вскоре покорились его власти, однако ненадолго. Освободились они в 375 г., когда в войне с гуннами Германарих погиб.

Следующий эпизод борьбы ранних славян с готами относится к концу IV в., при готском короле Винитарии, покорившемся власти гуннов. Со временем, пытаясь освободиться из-под власти гуннов, он двинулся с войском в «пределы антов». В первом же бою с ними Винитарий потерпел поражение. В дальнейшем он действовал более решительно, добился победы и распял короля антов Буса (Божа) вместе с его сыновьями и старейшинами. Но и эта победа оказалась временной. Винитарий был победителем «едва в течение одного года» (Иордан). Вскоре Винитария убили гунны.

Ранние славяне не стояли в стороне от общей борьбы варварских племен с Римом. Они принимали участие в так называемых скифских, или гот-

Диорама древнерусского города Воиня. XI—XIII вв. *Автор А. В. Казанский*

Диорама древнерусского города Чучина. XI—XIII вв. *Автор А. В. Казанский*

ских, войнах середины III в. на Дунае, о чем содержатся сведения в некоторых письменных источниках. Об участии раннеславянских племен в военно-политических событиях на границах Римской империи свидетельствуют также находки на славянских землях римских медальонов (в частности, несколько медальонов II—IV вв. найдены на территории Киева), являвшихся дарами вождям соседних племен при заключении с Римом мира или союза. В подобные отношения с Римской империей в отдельных случаях вступали и вожди раннеславянских племен.

Племена Прикарпатья и Северного Причерноморья. Соседями восточной части раннеславянских племен во II—V вв., как и в предыдущий период, были на севере, в Верхнем Поднепровье, балтские племена, на северо-востоке в бассейне Оки,— угрофинские, на юге, в Степи,— поздние скифы и сарматы. На юго-западе, между Карпатами и Нижним Подунавьем, жили фракийские племена карпов, гетов, даков. Кроме того, происходило переселение в Северное Причерноморье готов и гуннов.

В Верхнем Поднестровье до II в. жила группа гето-дакийских племен, оставивших памятники липицкой культуры. Во II—V вв. Прикарпатье населяла другая группа племен, оставившая культуру карпатских курганов. Эти курганы расположены в северных и южных предгорьях Карпат. Аналогичные памятники есть и за современными границами Украины — в Восточной Словакии и Румынии.

Племена культуры карпатских курганов вели оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством. Жили они на поселениях в наземных жилищных постройках с очагами, вблизи которых находились хозяйственные ямы. Они знали железоделательное и гончарное ремесла. В мастерских, где были горны, изготовлялась сероглиняная посуда. Эти племена вели торговлю с Северным Причерноморьем и Нижним Подунавьем, о чем свидетельствуют находки амфор и римских монет. Торговые пути проходили по Пруту и Днестру. Предметами вывоза были продукты животноводства, возможно, меха и соль. Кроме поселений, сохранились могильники. Характерным для них был обряд погребения с сожжением умерших (чаще всего на месте погребения) и последующим насыпанием курганов.

Племена Прикарпатья, очевидно, фракийские по происхождению, на протяжении II—VII вв. испытывали культурное влияние восточнославянских племен. Этот процесс прослеживается по археологическим материалам. В частности, на ряде поселений культуры карпатских курганов обнаружен материал, близкий к черняховскому, а также типичный славянский материал VI—VII вв. Все это позволяет говорить о заселении Прикарпатья восточно-славянским населением и об ассимиляции им местных племен. Во второй половине I тысячелетия н. э. Прикарпатье уже населяли восточнославянские племена хорватов.

В Северном Причерноморье во II—IV вв. жило разноэтническое население. На побережье Черного моря продолжали существовать прежние греческие колонии, города-государства, большей частью попавшие в зависимость от Римской империи: Ольвия, Тира, Херсонес, Боспор и др. На нижнем Днепре существовали городища и поселения, основанные во II в. до н. э. позднескифскими племенами, этнический состав населения которых со временем изменился, а материальная культура подверглась влиянию со стороны соседних культур — античной, гетской, сарматской.

В степях Северного Причерноморья во II—IV вв. продолжали кочевать

сарматские племена, среди которых главную роль играли аланы. Историк IV в. Аммиан Марцеллин ярко обрисовал быт кочевников-аланов, всю жизнь проводивших в кибитках. Однако часть сарматов уже перешла к оседлости. О пребывании сарматов на Нижнем Днепре свидетельствуют отдельные сарматские погребения и могильники.

Сарматские племена продвинулись и дальше на север. Их погребения известны в Правобережной и Левобережной лесостепи Поднепровья. Сарматские погребения и отдельные остатки сарматского погребального обряда обнаружены на некоторых черняховских могильниках — в селах Кантемировка Полтавской области, Черняхов Киевской области, Маслово Черкасской области. Элементы сарматской культуры могли появиться в черняховских памятниках только при наличии тесных связей между обеими группами племен и в отдельных случаях при условии совместного проживания их на одной территории. Районами, где оседали сарматские племена, были также Правобережье Днестра и Прутско-Днестровское междуречье.

В Степное Поднепровье, преимущественно в его северные районы, во II—III вв. проникла из Среднего Поднепровья часть черняховских племен, расселившаяся среди местного населения. В ряде случаев можно проследить взаимовлияние культур позднескифской, сарматской и черняховской. Так, на позднескифских поселениях в низовьях Днепра встречаются отдельные черняховские предметы, а на некоторых могильниках вблизи этих поселений — черняховские погребения.

Черняховские племена проникали также на лиманы Северо-Западного Причерноморья и до устьев Днестра и Дуная. На этой территории жило также скифо-сарматское и греческое население, отчасти римляне. В материальной культуре поселений и могильников того времени на берегах Сасицко-Березанского и Тилигульского лиманов, вблизи сел Викторовка, Коблево Николаевской области, Ранжево Одесской области, прослеживаются черты, характерные как для черняховских, так и для скифо-сарматских памятников. С первыми связываются полуземляночные жилища, погребения по обряду трупосожжения, со вторыми — каменное строительство, погребения в виде подбоев и земляных склепов.

В Северном Причерноморье на протяжении III—IV вв. пребывали германские готские племена. Согласно сведениям Иордана и готскому народному эпосу, готы происходили из Скандинавии. Еще до начала нашей эры они переселились в Прибалтику и около двух веков жили на Нижней Висле. В конце II в. в поисках новых мест для поселения они устремились на юго-восток и поселились в «Скифии» на побережье Черного моря и около Меотиды (Азовского моря). К середине III в. относится приход на Дунай гепидов — племен, родственных готам, которые в свое время переселились вместе с последними из Скандинавии в Прибалтику.

На Дунае и в Северном Причерноморье в середине III в. происходила борьба с Римом союза племен, в состав которого входили германцы, сарматы, скифы, фракийцы и славяне. Она получила название скифских, или готских, войн. В 30-е годы III в. скифы, как часто собирательно называли эти племена античные авторы, перешли Дунай и вторглись в римские провинции Мезию и Фракию. В 40-х годах III в. они осуществили походы в Северное Причерноморье и разрушили Тиру, Ольвию, Херсонес, Неаполь скифский, а спустя некоторое время, в 267 г., захватили Пантикапей. В 248 г. скифы продолжали нападения на Мезию и Фракию, в

251 г. им удалось захватить Филиппополь (нынешний Пловдив).

Северопричерноморские племена, овладев боспорским флотом, в 250—260-х годах осуществили ряд походов в города Малой Азии и Греции, из которых самым значительным был поход 269 г. Однако в 270 г. в Мезии, у города Наисса, римские войска во главе с императором Клавдием II разгромили войско варваров. Был уничтожен также и их флот. Несмотря на одержанную победу, Рим потерял часть своих северо-восточных владений, в частности Дакию, которую захватили германцы, и не вернул города Северного Причерноморья. Некоторые из городов после разгрома в 40-х годах III в. прекратили свое существование. После окончания войн на Дунае готы продолжали жить в Северном Причерноморье и в Крыму. Их племена делились на две группы: восточная называлась остроготы (остготы), западная — везеготы (вестготы).

Многие ученые, начиная с конца XIX в., делали попытки связать с германскими племенами в Юго-Восточной Европе определенные археологические культуры. При этом имела место переоценка исторического наследия готов на этой территории. Готскими без достаточных оснований считались почти все известные украшения и клады, найденные на юго-востоке Европы. В начале XX в. немецкие буржуазные историки причислили к германской и черняховскую культуру. Подобная точка зрения существует и поныне. Однако это утверждение опровергается археологическими материалами, отражающими древние местные и северопричерноморские традиции в черняховской культуре, а также последними антропологическими исследованиями, свидетельствующими о том, что антропологический тип черняховцев резко отличается от германского. Таким образом, мнение о готской принадлежности черняховской культуры является необоснованным.

Среди памятников, оставленных германскими племенами в Юго-Восточной Европе, особое значение имеет открытый в последнее время ряд поселений и могильников в Полесье и на Волыни, в пределах современной территории Украины и Белоруссии с материалами северо-западного типа. Самыми значительными из них являются могильники на окраине Бреста, в местности Тришин, и в с. Дитиничи Ровенской области. Обнаруженный материал интересен тем, что имеет аналогии в памятниках в районе Нижней Вислы и Мазовии (вельбарские памятники), где обитали в это время племена гото-гепидов. Таким образом, оба могильника свидетельствуют о пути продвижения на юго-восток во II—IV вв. нижневислянского населения, в составе которого могли быть готы и гепиды.

Материалы, аналогичные нижневислянским, обнаружены также на некоторых других поселениях и могильниках Волыни. Они говорят о существовании в этом районе особого варианта культуры, которая сочетала в себе черты черняховских и нижневислянских памятников. Эта особенность культуры, очевидно, свидетельствует о смешанном составе населения Волыни, о том, что на данной территории осела какая-то часть северо-западных племен, смешавшись с местным населением.

В первые века нашей эры движение племен с северо-запада можно проследить также и по памятникам пшеворского типа, появившихся в то время на Волыни и в Верхнем и Среднем Поднестровье. Пшеворская культура, основная территория которой охватывает бассейн Вислы и Правобережья Одера, принадлежала западной части славянских племен, в среду которых проникли германцы. В Поднестровье сохранились пшеворские погребения вооруженных

воинов, входивших, очевидно, в состав дружин, двигавшихся на юг. Пшеворские поселения в последнее время открыты в междуречье Днестра и Западного Буга. Единичные находки пшеворского и вельбарского типов известны и в ряде памятников черняховской культуры на территории юго-восточных областей УССР.

Найденные материалы свидетельствуют о том, что северо-западные племена продвигались в Северное Причерноморье на протяжении длительного времени, до середины I тысячелетия н. э. Они также отражают один из путей проникновения германских племен в Северное Причерноморье. Существовали и другие, более западные пути продвижения германцев на юг.

Согласно письменным источникам ко второй половине IV в. относилось правление остроготского «короля» Германариха. Иордан, всячески возвеличивая деятельность Германариха, преувеличивал его завоевания, безосновательно приписывал ему покорение чуть ли не всех племен Восточной Европы, в частности таких, как весь, чудь, меря, мордва, эсты, венеты, и многих других. Это сообщение вызывает сомнение. Сам Иордан отмечал кратковременность господства Германариха над завоеванными племенами.

В конце IV в. в Северное Причерноморье вторглось большое объединение кочевых племен тюркского происхождения, основу которого составляли гунны. Гуннское объединение сложилось далеко на востоке. В эпоху его расцвета, во II—I в. до н. э., под властью гуннов находились многочисленные племена Центральной Азии. Со временем этот союз распался, и часть гуннов двинулась в Среднюю Азию, на Нижнюю Волгу, Дон, в Северное Причерноморье и дальше на запад.

Гунны были кочевниками-скотоводами. Характер их хозяйства требовал частой смены мест кочевки. Постоянным его дополнением были грабительские войны. В трудах древних историков гунны неизменно выступают как жестокие завоеватели, которые на своем пути уничтожали местное население, разрушали его хозяйство и культуру. Достигнув в 70-х годах IV в. Северного Причерноморья, они напали на воинственных аланов Подонья, которые оказали им упорное сопротивление. Однако гунны перебили и ограбили значительную часть аланов, а остальных присоединили к своему союзу. Гунны проникли также на Тамань и в Крым, где разрушили города Боспора. Покорив аланов, они напали на остроготов.

После смерти Германариха остроготы признали верховенство гуннов. Во главе готов стоял их собственный правитель, но назначали его завоеватели. Часть остроготов влилась в гуннский союз и двинулась с ним на запад, остальные остались в Крыму, поселившись среди местных племен.

В степной полосе современной территории Украинской ССР было открыто ряд погребений конных воинов и кладов с предметами убора, в большинстве случаев инкрустированными камнями,— диадемами, пряжками, бусами, бляшками и т. п. Эти памятники обычно связывают с гуннским периодом (конец IV—V в.). Оставили их, очевидно, племена, входившие в состав гуннского союза. По мнению исследователей, вещи инкрустационного стиля изготовлялись в городах Северного Причерноморья, в частности на Боспоре.

Из Северного Причерноморья гунны продолжали двигаться на запад, к границам Римской империи. Дойдя до Днестра, они разрушили укрепленный лагерь везеготов, которые вынуждены были переселиться в пределы Римской империи, откуда вскоре возобновили борьбу с Римом. Гуннский союз был конгломератом разных племен (остроготов, гепидов, ала-

нов и др.), которых гунны повели за собой. Они совершали походы на Балканы, в Малую Азию, Центральную Европу. Основной территорией, где остановились гунны, стала равнина между Тисой и Дунаем. Здесь находилась ставка их «короля» Аттилы.

Общая борьба европейских народов против гуннов завершилась в 451 г. в Галлии, где в битве на Каталаунских полях им нанесли жестокое поражение римляне и везеготы. Окончательно гуннский союз распался после смерти Аттилы, когда подвластные ему племена выступили против его сыновей и в битве на р. Недао в Паннонии в 453 г. победили их. Остатки гуннов отошли в Причерноморье.

После распада гуннского объединения в Северном Причерноморье и Подунавье усиливается политическая активность славянских племен, которые в VI в. выступают как значительная политическая сила.

3. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—IX ВВ.

Особенности развития славянского общества в VI—IX вв. В истории Европы вторая половина I тысячелетия н. э. была периодом больших исторических сдвигов. Окончились перемещения племен и борьба их с Римской империей в пределах западной ее части, в то время как на востоке, на границах Византийской (Восточной Римской) империи, они продолжались еще в VI—VII вв. Созревали феодальные отношения, становление которых завершилось в конце первого тысячелетия н. э., формировались государства и народы средневековой Европы.

Это время было очень важным этапом в истории славян. В VI—VII вв. роль славянских племен, выступавших уже под своим именем «славяне», «склавины», «склавены», в европейской истории быстро возрастала. Вместе с другими племенами они вели длительную борьбу с Византийской империей, которая в науке получила название Балканских войн. Многочисленные военные походы славян в пределы империи сопровождались переселением значительной их части на Балканский полуостров, который они почти полностью заселили.

Во второй половине I тысячелетия н. э. завершилось расселение славян. Они переместились со своей древнейшей территории между Днепром и Одером не только на Балканы, как было упомянуто. На западе они достигли Эльбы, на севере — оз. Ильмень, на северо-востоке — Волго-Окского междуречья, на юге — Северного Причерноморья.

С широким расселением славянских племен связан процесс дифференциации общеславянского языка, образования восточных, западных и южных славян, завершившийся в конце I тысячелетия н. э. Восточные славяне размещались на территории от оз. Ильмень до Северного Причерноморья, западные — от Повисленья до р. Эльбы, ее притока Заале и Среднего Дуная, южные — на Балканском полуострове.

На основе развития феодальных отношений у славянских племен в VII—VIII вв. происходил процесс образования государства. У южных славян возникло Болгарское государство, у западных—Великоморавское, а со временем — Чешское и Польское государства. В VI—VIII вв. у восточных славян сформировался ряд союзов племен — государственных объединений, известных в исторической литературе под названием «летописных племен», или «племенных княжений». На их основе в IX в.

образовалось Древнерусское государство — Киевская Русь.

Начиная с VI в. в письменных источниках появляются более подробные по сравнению с предыдущим периодом сведения о славянах. О них писали византийские историки VI—VII вв. Прокопий Кесарийский, Менандр, Маврикий, Феофилакт Симокатта, историк готов Иордан и др.

Ценные сведения о восточных славянах этого периода, в частности о названиях и территориях отдельных княжений, жизни и быте отдельных групп славян, некоторых политических аспектах их истории содержат также древнейшие части русских летописей.

Сведения о славянах конца I тысячелетия н. э. сохранились еще и в трудах авторов IX—X вв.— географа Баварского (IX в.), византийского императора Константина Багрянородного (X в.), арабских географов аль-Масуди, Ибн-Фадлана, Ибн-Русте и др.

Очень важным источником изучения истории славян являются археологические материалы. Общее количество памятников восточных славян превышает 600. Систематическое их изучение осуществлено в основном в последнее тридцатилетие. Обнаружение и широкое исследование памятников восточных славян VI—IX вв. являются одним из самых значительных достижений советской археологической науки.

Одновременно ученые Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Румынии, Болгарии и Югославии работают над изучением памятников западных и южных славян. Новейшие археологические исследования дают ценные материалы для более глубокого понимания истории славянских племен и их культуры.

Славянские племена и их роль в исторических событиях времен Балканских войн (VI—VII вв.). Как отмечалось, труды историков VI—VII вв. содержат сравнительно много сведений о славянских племенах этого времени. В них зафиксированы различные стороны жизни славян и их активное участие в исторических событиях. Сохранились данные о территории, которую занимали славянские племена в то время, а также названия отдельных их групп. Славянские племена в VI в. состояли из трех значительных групп, имевших названия «венеды» («венеты»), «анты» и «склавины» («склавены»). Об этом свидетельствует Иордан: «...начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы.— *Ред.*), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хоть их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами». В другом месте Иордан отмечает: «Эти (венеты)... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов».

Название «венеды» долго сохранялось за северо-западными славянскими племенами Прибалтики.

Склавинами, по Иордану, называлась западная группа славян, занимавшая территорию от Днестра до Дуная, а на севере — до Вислы. На восток от них, между Днестром и Днепром, жили анты: «Анты же — сильнейшие из обоих (племен) — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину...»

О территории восточной группы славянских племен упоминает и Прокопий Кесарийский. Он размещает неисчислимые племена антов на север от племен, населявших Северное Причерноморье и Приазовье. Упоминает он и о жилищах антов и склавинов на левом берегу Дуная. Таким образом, в начале VI в., согласно Иордану и Прокопию, анты населяли побе-

режье Черного моря между Днепром и Нижним Дунаем, земли на север от Причерноморья и Приазовья, хотя северной границы эти авторы не указывают. Оба они подчеркивают многочисленность антов и обширность их земель.

Историки не раз ставили себе цель связать с антами письменных источников определенные славянские племена и их археологические памятники.

В областях, где письменные источники локализовали антов — в Днепро-Днестровском междуречье до Нижнего Дуная на юго-западе и Северского Донца на востоке — в последнее время исследованы славянские памятники пражско-пеньковского типа VI—VII вв. Это дает основание связывать с антами письменных источников в первую очередь данную группу древностей.

Вместе с тем в походы и переселения на Балканский полуостров включилась часть и более северного населения Верхнего Поднепровья и Посеймья. Движение северных племен на юг засвидетельствовано в некоторых письменных, а также археологических памятниках. Так, в культуре племен Среднего Поднепровья, Поднестровья и Нижнего Подунавья прослеживаются элементы, привнесенные с севера. Учитывая частичное движение северных племен на юг, следует предположить, что название «анты» употреблялось византийскими историками и как собирательное для всей восточной части славянских племен, объединявшихся в большие союзы.

Византийские историки были хорошо осведомлены о различных сторонах жизни и обычаях славянских племен — антов и склавинов. Прокопий и Маврикий отмечают, что они селились в лесах, вблизи рек, озер и болот, в небольших хижинах. У Маврикия находим сведения о большом количестве у них разнообразного скота и «плодов земных», особенно проса и пшеницы. Рассказывая о нападении враждебных кочевых племен, историки обычно упоминают об опустошении ими полей славян, имевших большое значение в хозяйстве последних.

Сведения об общественном строе славянских племен находятся в произведениях историков VI в. По словам Прокопия, они не управляются одним человеком, но издавна живут в народоправстве (демократии), и потому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Этот рассказ отражает большую роль народного собрания в славянском обществе, что было характерным для конечного этапа первобытнообщинного строя.

У славянских племен существовало рабство. Правда, оно не приобрело развитых форм: рабская зависимость была ограничена во времени и распространялась только на пленных иноплеменников. Об отсутствии рабства в среде одноплеменников у славян писал Маврикий, отмечая, что племена склавинов и антов «сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране». Дальше Маврикий рассказывает о том, что эти племена не держат своих пленных в рабстве, как другие племена, неограниченное время, а через определенный срок предлагают им выбор: или за выкуп вернуться домой, или же остаться на положении «свободных и друзей». Очевидно, слова «свободные и друзья» означали определенную форму зависимости, отличную от рабской, при которой пленные полностью не освобождались, поскольку не могли без выкупа вернуться домой, но уже не были и рабами в полном смысле этого слова. По мнению исследователей, свидетельство Маврикия указывает на существовавшую у славян более мягкую по сравнению с рабством форму зависимости — зачатки феодальных отношений.

О том, что рабство у славян распространялось только на пленных иноплеменников, узнаем также из рассказа Прокопия об анте Хильбудии, попавшем в плен к склавину во время войны между склавинами и антами. После заключения мирного договора между враждующими племенами один из антов выкупил пленного, которого выдавали за известного начальника византийского войска во Фракии Хильбудия, чтобы доставить его в Византию и получить от императора большую награду. Однако со временем выяснилось, что пленный — родом ант и, таким образом, после возвращения к себе на родину должен быть освобожден.

В письменных источниках не раз упоминаются представители социальной верхушки, складывавшейся в то время у склавинов и антов: короли, властители, князья, старейшины. В некоторых из этих источников говорится о принадлежности их к знатным родам, власть которых со временем становилась наследственной. В частности, описывая борьбу славян с аварами в середине VI в., Менандр упоминает склавинских князей и их верховного князя Даврита, а также антских властителей и знатного Мезамира, который принадлежал к известному роду (сын Идаризиева, брат Келагастова) и имел большое влияние среди антов.

В труде «Стратегикон» (конец VI—первая половина VII в.), который обычно приписывают императору Маврикию, описаны обычаи и военное дело склавинов и антов — сильных воинов, легко переносивших жару, холод, дождь, недостаток продовольствия, любивших воевать с врагами в лесах, оврагах, теснинах, умело организовывавших засады, неожиданные атаки. Эти племена имели значительный опыт в преодолении водных преград, мужественно держались во время долгого пребывания в воде. Лежа на дне реки, они дышали через трубки, сделанные из камыша. Каждый воин имел на вооружении два небольших копья, а также деревянные луки со стрелами и для обороны щиты. За время Балканских войн славяне стали еще более опытными в военном деле.

Историки отмечали большое сходство склавинов и антов, их образа жизни, обычаев, языка, языческих верований, называют имена склавинов и антов — Бож, Мезамир, Келагаст, Даврит, Всегорд, Доброгаст и др.

Балканские войны VI—VII вв. представляли собой продолжение «великого переселения народов» и борьбы их с Римской империей, которая велась в западной части империи в первые века нашей эры. На Византию в VI—VII вв. вели наступление разные народы: авары, болгары, персы и др. Большую роль в этой борьбе играли и славянские племена.

Причины походов и переселения славянских племен на Балканы следует искать в особенностях их социально-экономического развития, характерных для завершающего этапа первобытнообщинного строя. В это время племенная знать вела постоянные войны, открывавшие перед ней возможность дополнительного обогащения и усиления своей власти. Развитие экономики, в частности укрепление индивидуальных хозяйств, увеличение численности населения вызывали у славян потребность в освоении новых земель. Этому благоприятствовала и внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в конце V в. в Причерноморье и Подунавье: после разгрома гуннского объединения путь для славян на юг был открыт.

Начало походов славянских племен на Византию согласно письменным источникам относится к 490-м годам (времени правления императора Анастасия). При императоре Юстине (518—527) большое войско антов перешло на правый берег Дуная и вступило на Византийскую территорию. Однако византийцы во главе с военa-

чальником Германом отразили это наступление.

Походы «варваров» на Византию возобновились во время правления императора Юстиниана (527—565), проводившего политику, направленную на возрождение былого могущества Римской империи и реставрацию рабовладельческого строя. По словам Прокопия, со времени прихода Юстиниана к власти гунны, склавины и анты «почти ежедневно» нападали на Византию.

В трактате «О строениях» Прокопий рассказывает о сооружении Юстинианом на Дунае и побережье Крыма многочисленных крепостей для защиты империи от «варваров». Но это не остановило славян. В 550—551 гг. наступление их на Византию продолжилось и достигло большой силы. Более 3 тыс. славян перешли Дунай и, несмотря на количественный перевес византийского войска, одержали несколько побед над противником, осадили и взяли ряд крепостей.

В последующие годы славяне не только не прекращали борьбу с Византией, но и расселялись на ее территории. События 581 г. описал сирийский автор Иоанн Эфесский, засвидетельствовав, что «народ славян... прошел через всю Элладу и по стране Фессалонике, и по фракийским провинциям», взял множество городов и крепостей, завоевал страну, сел в ней «как в своей собственной... они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне»...

Славяно-византийские войны на Дунае привели к большому политическому и социальному потрясению Византийской империи. В 602 г. вспыхнуло восстание в византийской армии на Дунае, которое поддержали рабы, колоны и городская беднота. Император Маврикий был свержен с престола и казнен.

С середины VI в. в политических событиях на Юго-Востоке Европы начали принимать активное участие кочевые племена. В 558 г. в Северном Причерноморье появились орды аваров. Это был союз кочевых племен — тюркских и др. Сначала авары напали на народы Приазовья, а потом — на антов, для которых наступил период длительной и тяжелой борьбы с кочевниками. По словам Менандра, авары стали грабить, опустошать земли антов, и антские «властители» оказались в тяжелом положении. Для выкупа пленных они направили к аварам своего посла — знатного вождя Мезамира. Игнорируя посольскую неприкосновенность, авары убили его и с того времени еще более усилили опустошительные нападения на земли антов, грабя и забирая в плен жителей.

Продвинувшись на запад, авары поселились на землях бывшей римской провинции Паннонии, покорив местные славянские племена. В 60-х годах VI в. здесь возникло Аварское государство во главе с каганом Баяном, просуществовавшее до 30-х годов VII в. В это время авары вели борьбу с Византией и славянами низовьев Дуная, которые отказались им подчиниться.

Восточные славяне — анты, занятые борьбой с аварами, в конце VI — начале VII в. прекратили нападения на Византию и даже стали ее союзниками. Об этом свидетельствуют события 602 г. Согласно Феофилакту Симокатте, в этом году аварский каган послал войско во главе с Апсихом, чтобы «уничтожить племя антов», бывших в то время союзниками римлян. Очевидно, после такого удара анты потеряли былое могущество и политическую активность, поскольку в дальнейшем их имя уже не встречается в письменных источниках. Нападения аваров на восточных славян продолжались и в последующие годы. Упоминание о борьбе восточных славян с аварами находим на страницах

древнерусских летописей, где рассказывается о покорении аварами во время правления императора Ираклия (около 626 г.) славянского племени дулебов: «Си же обри воѣваху на словѣнѣх, и примучиша дул ѣбы, сущая словѣны».

На протяжении VII в. славяне не прекращали предпринимать походы и селиться в пределах Византии, ходили также в Малую Азию. Они заселили почти весь Балканский полуостров за исключением части Фракии, Аттики и юга Пелопоннеса.

В результате Балканских войн произошли значительные изменения в общественно-экономическом строе Византийской империи. Походы славян, которые нередко совпадали с восстаниями в византийском войске рабов и бедноты, ускоряли процесс разложения рабовладельческого строя в империи, расшатывая его основы. Расселившись в пределах империи, славяне принесли с собой на Балканы существовавшую у них общинную организацию. Это сыграло большую роль в феодализации Византии, в распространении на ее землях более мягкой формы зависимости, которая заменила рабство. В византийском «Земледельческом законе», составленном в VIII в., сочетаются нормы римско-византийского и обычного славянского права.

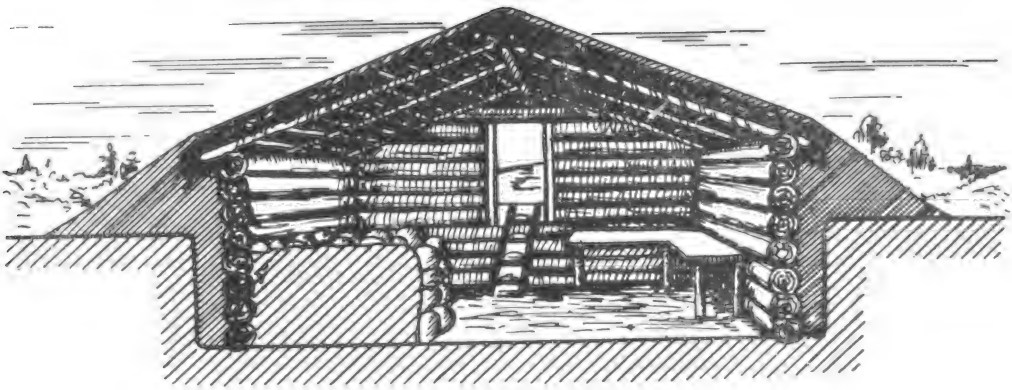
Для славянских народов Балканские войны также имели последствия. Расселение их на Балканском полуострове привело к образованию южной группы славянских народов — болгар, сербов, македонцев. На землях, принадлежавших Византийской империи, возникли государства южных славян. События VI—VII вв. повлияли и на социально-экономическое развитие славянских племен, оставшихся на своих землях. Военная добыча, контрибуция, дары, получаемые во время войны, способствовали накоплению богатства у славянских вождей. Усилилась их военная и политическая власть. Все это ускорило имущественную и социальную дифференциацию славянского общества, формирование в нем классовых отношений и государства.

Во время Балканских войн и в последующий период славяне Восточной Европы расселялись не только на юго-запад, но и в северные и северо-восточные области.

Пути расселения славянских племен и последовательные этапы развития их материальной культуры в период V—VII вв. проследить нелегко, принимая во внимание особенности эпохи раннего средневековья. Именно в это время во всей Европе имела место смена культуры, связанная с падением Рима и завоеванием его «варварами», продолжалось перемещение населения.

Однако по данным лингвистики, археологии и антропологии удается с большей или меньшей точностью очертить районы, где на протяжении длительного периода фиксируется преемственность материальной культуры восточнославянских племен. Такими районами, в частности, является междуречье Среднего Днепра и Днестра, а также Верхнее Поднепровье. Сравнение памятников II—V вв. (черняховских, позднезарубинецких), найденных в этих районах, и славянских VI—VII вв. дает основание сделать вывод о преемственности материальной культуры этих периодов. Она прослеживается в характере хозяйства — земледелии, особенностях домостроительства, погребального обряда, верований, в вещественном материале.

С Верхнего Поднепровья восточные славянские племена постепенно расселялись на северо-восток, на Оку и Волго-Окское междуречье. Они заселили также северные районы вблизи озер Псковское и Ильмень. Согласно лингвистическим и археологическим данным ученые допускают проникновение в эти северные районы Восточ-



Жилище славянского поселения. *Схематическая реконструкция.*

ной Европы группы славянских племен не только с юга, но и с запада, в частности из Южной Прибалтики. В период VII—VIII вв. восточнославянские племена уже заселили всю ту большую территорию, на которой сложилась древнерусская народность.

В процессе расселения восточные славяне ассимилировали неславянские этнические группы, с которыми входили в тесный контакт: в Верхнем Поднепровье и на Верхней Оке — восточнобалтскую, на севере и северо-востоке Европы — финно-угорскую группы. На юге славяне ассимилировали часть сармато-аланских и тюркских племен.

Социально-экономическое развитие восточных славян в VI—IX вв. Свидетельства историков о «бесчисленности», «многолюдности» славянских племен подтверждаются археологическими материалами. Многочисленные селища восточных славян в верховьях Западного Буга, на Днестре, Южном Буге, Тетереве, Среднем Днепре, Тясмине и Десне действительно располагались очень густо, нередко гнездами на расстоянии 2—4 км одно от другого. Восточнославянское население во второй половине I тысячелетия н. э. жило преимущественно на неукрепленных поселениях, расположенных на пологих южных склонах первых надпойменных террас рек, ручьев, на плато высоких берегов рек или на возвышенностях у речных пойм. При выборе места для поселения, очевидно, принимались во внимание природные условия: наличие наиболее удобных для земледелия черноземных почв и лугов для выпаса скота, что диктовалось характером хозяйства славян. Поселения достигали в длину 250—800 м. На некоторых из них жилища размещались в два или четыре параллельных ряда.

Основным типом жилища была так называемая полуземлянка с верхней наземной частью и нижней — углубленной в землю, площадью 15—17 м². Стены жилищ чаще всего строились из деревянных бревен, соединявшихся врубками или при помощи столбов. Бревнами обкладывалась нижняя, углубленная в землю часть жилища. На некоторых поселениях стены жилищ состояли из плетеного каркаса, который обмазывался глиной. Двускатная крыша, покрытая слоем земли, опиралась на стены и столбы. Пол в жилищах чаще всего представлял собой хорошо утоптанный материк, сверху подмазанный глиной. В некоторых полуземлянках обнаружены лавки или лежанки, вырезанные в материке.

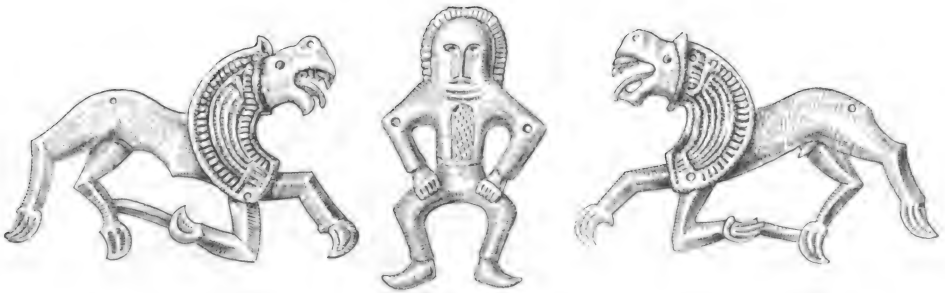
Неотъемлемым элементом внутреннего устройства жилища была печь, сооруженная из камня или глины в одном из его углов. Нередко нижняя часть печи вырезалась в материковом останце, специально оставленном для этой цели. Большинство хозяйственных построек (амбары, ямы-хранилища, мастерские) находились вблизи жилища и представляли вместе с ним единый хозяйственный комплекс. В некоторых жилищах найдены подвальные ямы для хранения съестных припасов.

Восточные славяне жили не только на открытых, но и в укрепленных поселениях — городищах, представлявших собой ремесленные и племенные центры. Одно из наиболее ранних городищ VI в. открыто в с. Зимне вблизи Владимира-Волынского. Оно находилось на узком береговом мысе за частоколом и стеной, возведенной из горизонтально положенных деревянных колод, укрепленных вертикальными столбами; большое деревянное наземное сооружение около стены конструктивно связывалось с укреплением. Приблизительно в это время возникли городища на Старокиевской и За́мковой горах, положивших начало Киеву. От древнейшего Киевского городища на Старокиевской горе сохранились остатки вала с частоколом, рва, языческого капища, жилых построек.

В VIII—IX вв. количество городищ растет. Ряд их сооружается на Правобережье Среднего Днестра и в Прикарпатье вблизи сел Ломачинцы, Грозинцы, Добрыневцы. На этих городищах, укрепленных деревянными стенами, частоколом, рвами, размещались жилища, большие постройки общественного назначения, ремесленные мастерские. В этот период много городищ было на Левобережье Днепра, где существовала постоянная угроза нападения кочевников. Они размещались в основном на высоких берегах рек, но известны и в низких местах, среди болот и пойм. Городища с напольной стороны имели искусственные укрепления — рвы и валы, а также эскарпированные склоны.

Значительный археологический материал дает возможность довольно полно воспроизвести хозяйственную жизнь восточных славян. Ведущей отраслью хозяйства у них, как и в

1,3 — металлические застежки — фибулы (*1* — с. Мартыновка Черкасской области, *3* — с. Волосское Днепропетровской области); *2* — серьга (с. Пастырское Черкасской области). VII в.



Серебряные фигурки. Мартыновский клад. Черкасская область. VII в.

предыдущий период, оставалось пашенное земледелие. Основные земледельческие орудия в VI—IX вв. достигли значительного технического совершенства. В это время получило распространение рало с широким лезвием и железным наконечником, использовались и орудия плужного типа, которые переворачивали пласт почвы, отрезая его с помощью чересла. Огородные участки обрабатывались вручную, железными мотыгами.

На восточнославянских землях соответственно ландшафтным условиям складывались различные системы земледелия.

В степных районах с широкими свободными площадями и отчасти в Лесостепи существовала переложная система, при которой определенный участок земли использовался до полного истощения. В полосе Лесостепи, где густота населения была большей, применялась также и паровая система с двухпольным или трехпольным севооборотами. В лесной полосе придерживались подсечной системы, при которой земледелие велось на выжженных лесных участках до их истощения. В VII—VIII вв. эта система здесь постепенно вытесняется пашенным земледелием. Его применение в лесной полосе сыграло большую роль в хозяйстве северной группы восточнославянских племен.

О развитости земледелия у славянских племен свидетельствует широкий ассортимент культурных растений, выращиваемых ими, в частности пшеница, рожь, ячмень и просо. Пшеница культивировалась двух сортов — твердая и мягкая, рожь — озимая. Зерна всех этих злаков найдены на Новотроицком городище в Лебединском районе Сумской области. Выращивались также бобовые и технические культуры. На одном из самых северных поселений — в Старой Ладоге на Волхове в культурном слое VII—VIII вв. обнаружены зерна ячменя, проса, гороха, конопли и льна.

Для сбора урожая, сенокоса и обработки продуктов земледелия восточные славяне пользовались серпами, косами, жерновами. Жатву производили преимущественно серпами, косы-горбуши служили чаще всего для уборки сена и некоторых зерновых (овса, ячменя).

Для обработки и хранения продуктов земледелия существовали специальные постройки. Вблизи жилищ, как уже упоминалось, и внутри их сооружали ямы-хранилища, погреба. Ямы, вырытые вне жилища, имели легкую кровлю типа шалашей. Зерно хранили также в глиняных и деревянных сосудах, сушили его на больших глиняных блюдах-жаровнях.

На поселении в с. Сахновка на Каневщине вблизи жилища стояло хозяйственное помещение — амбар, где хранили и мололи зерно и прятали сельскохозяйственные орудия. В нем находилась яма для зерна, сохранились обломки жерновов и

Глиняная посуда с поселения в с. Рашков Черновицкой области. VII—VIII вв.

железный наральник. Известны мельничные постройки, в которых мололи зерно. В одной из них, открытой на поселении на окраине Канева, обнаружены на полу обломки массивных жерновов. Другая мельничная постройка с каменными жерновами известна на Большом Борщевском городище на Дону.

Другой по значению отраслью хозяйства у славян было животноводство, развивавшееся на базе земледелия, поставлявшего корма для скота. Разводили преимущественно крупный рогатый скот, который являлся не только источником мясной и молочной пищи, но и тягловой силой, а также коз, овец, свиней, лошадей.

Промыслы — охота, рыболовство, бортничество — играли в хозяйственной жизни славян подсобную роль. Охотились на лосей, оленей, диких кабанов, косуль, медведей, зайцев, белок, птиц. С помощью рыболовных сетей и неводов ловили рыбу — сомов, судаков, щук, лещей, вязей, плотву.

Были довольно хорошо развиты ремесла. Известно большое количество орудий труда, ремесленной продукции, мастерские ремесленников и поселения, жители которых специализировались на определенном виде ремесла. Наибольшего развития достигли металлургия, кузнечное и ювелирное дело, а также обработка камня. В этих отраслях работали ремесленники-профессионалы.

Для выплавки железа использовались металлургические горны, которые по своей конструкции мало чем отличались от горнов полосы Лесостепи первых веков нашей эры. Они представляли собой небольшие глиняные конусоподобные сооружения. Для загрузки в горн железной руды и угля служило отверстие вверху, в стенках были сделаны небольшие отверстия для нагнетания воздуха с помощью мехов через специальные глиняные трубки-сопла. Известны горны двух типов — несколько углубленные в землю и наземные.

Существовали специальные металлургические центры, удовлетворявшие потребности в железе значительной округи. Такой металлургический центр обнаружен на Южном Буге, на острове напротив нынешнего Гайворона, где сохранились остатки 21 железоплавильного горна наземной конструкции. Здесь же помещались четыре агломерационные печи для предварительного обжига руды, а также ряд ям для ее хранения. Сырьем служил бурый железняк, залежи которого в этой местности нередко выходят на поверхность. На острове стояло одно полуземляночное жилище с печью, сооруженной из камня, в котором, очевидно, жили металлурги. Еще один металлургический центр известен в селе Григорьевка Могилев-Подольского района Винницкой области, в нем обнаружено 25 горнов.

На многих славянских поселениях работали кузнецы. О большом объеме кузнечного производства свидетельствует значительное количество обнаруженных железных изделий. Известно более двух десятков различных типов железных изделий, которыми пользовалось население: орудия сельского хозяйства, ремесла, предметы быта, оружие и т. п. Кузнецы уже имели в своем распоряжении широкий набор кузнечных инструментов, что позволяло им расширять разные виды продукции. Орудия труда кузнеца открыты в кузнице на Пастырском городище в Смелянском районе Черкасской области. Здесь, в небольшой наземной постройке-кузнице, сохранились сложенные в кучу наковальня, два молота, две пары клещей, обломок зубила, ножницы для резания металла.

Для разогревания железа перед

Клад железных предметов из жилища поселения в урочище Макаров Остров вблизи бывшего села Пеньковки Черкасской области. VIII—IX вв.

ковкой существовали кузнечные горны. Помещения с горнами, служившие одновременно и жилищами, и мастерскими кузнецов, известны на поселении в с. Рипнев в верховьях Западного Буга и на Новотроицком городище.

В кузницах кроме кузнечных изделий нередко изготовлялись украшения из цветных металлов. Однако существовали также и отдельные ювелирные мастерские. Основными техническими приемами тогдашних ювелиров было плоское и объемное литье и ковка. При этом пользовались горнами, в которых в глиняных тиглях расплавляли металл, а также глиняными и каменными формами, небольшими наковальнями и молотками. Применялась также техника чеканки и тиснения на матрицах. В местах изготовления украшений иногда находят металлический лом, служивший сырьем, и заготовки изделий. К наиболее распространенным в то время украшениям относятся серьги, застежки-фибулы, шейные гривны, браслеты, подвески, металлические украшения поясов.

Изделия ювелиров нередко встречаются на поселениях VI—VIII вв., а также в составе кладов Поднепровья (Мартыновский, Пастырские в Черкасской области, Харьевский в Сумской области и др.). Мастерские ювелиров известны на Каневском поселении, селищах Южного Буга, Новотроицком городище. Один из центров изготовления украшений размещался на городище в с. Зимнее.

Значительного технического развития достигло камнерезное дело. Для обработки камня уже применялся токарный станок, о чем говорят сложной формы прясла, изготовленные из мергелистого мела (найдены на городище в с. Зимнее). О достижениях в этой области дают представление и некоторые другие орудия труда, такие, как жернова, точильные бруски и т. п., а также сами изделия, в частности, с большим мастерством высеченные из камня языческие идолы со сложной символикой изображений на поверхности.

Получила распространение также обработка дерева, кости, ткачество, плотничество, с развитием которого связываются такие орудия труда, как топоры, тесла, струги, долота, резцы.

Производство глиняной посуды в V—VII вв. сравнительно с предыдущим периодом переживало определенный упадок. Восточные славяне пользовались преимущественно лепной посудой, изготовленной в своих собственных хозяйствах. Со временем, в VIII—IX вв., гончарное ремесло начинает постепенно развиваться. Распространяется гончарный круг, появляются мастерские ремесленников-профессионалов с несколькими гончарными горнами, в которых изготовлялась посуда для потребностей определенной округи (с. Хреновка Ильинецкого района Винницкой области).

Как указывал Ф. Энгельс, на конечном этапе первобытнообщинного строя происходило отделение ремесла от земледелия и, как его результат, зарождение товарного производства[1]. Характер ремесленного производства в целом и, в частности, наиболее развитых его отраслей дает основание считать, что у восточно-славянских племен в VI—IX вв. происходил процесс отделения ремесла от земледелия. Этот процесс охватывал прежде всего металлургию, кузнечное, ювелирное и камнерезное ремесла как наиболее технически развитые. Специальные мастерские ремесленников и сооружения (горны), территориально отделенные ремесленные центры, разнообразие и совершенство орудий труда и готовая продукция свидетельствуют, что этими ремеслами уже тогда занима-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 163.

Оклад книги. Щучинское городище. Киевская область.
XII—XIII вв.

Змеевики. XII в.

лись специалисты, хорошо владевшие необходимыми техническими навыками.

Индивидуальные хозяйства у восточных славян создавали социальную предпосылку экономической самостоятельности ремесленников, когда производимая ими продукция составляла их частную собственность. Существование экономически самостоятельных ремесленников, изготовлявших продукцию для обмена, означало зарождение товарного производства.

Одновременно с отделением ремесла от сельского хозяйства развивался внутренний обмен ремесленной продукции на продукты сельского хозяйства. Такие экономические отношения были возможны только при относительно высоком уровне развития земледелия, при наличии постоянного излишка продукции, который мог быть использован для обмена на ремесленные изделия.

После падения Рима, в период становления феодальных отношений, в Европе происходила общая натурализация хозяйства, сокращались сравнительно с античным периодом торговые связи. Однако на юго-востоке Европы, где существовала еще Восточноримская Византийская империя, торговые связи имели более оживленный характер, чем на западе. Особенно активными они были, в частности, в первой половине VI в. при императоре Юстиниане.

Определенный экономический подъем в это время имел место в городах Северного Причерноморья. Так, в V—VI вв. в Боспоре и в Херсонесе несколько оживились ремесленное производство и торговые связи, в частности, с местными северопричерноморскими племенами. С городами Северного Причерноморья вело торговлю и население Лесостепи.

Древний днепровский водный путь во второй половине I тысячелетия н. э. постепенно стал частью важного торгового пути, который со временем в летописи стал называться «путь изъ Грек в Варяги». Этот путь соединял Скандинавию и страны Прибалтики через Ладожское озеро, Волхов, оз. Ильмень, Ловать и Днепр с Византией.

Серебряный орел — навершие (военный знак) византийской работы из бывшего села Вознесенка (ныне территория Запорожья). VII в.

К населению Восточной Европы в VI—VII вв., естественно, попадали византийские изделия: в период войн как трофеи, а в мирное время — в результате торговых связей. Это была золотая и серебряная посуда, часто с клеймами константинопольских мастерских, дорогие украшения — серьги, нагрудные цепи и гривны, браслеты, перстни, а также золотые византийские монеты, шелковые ткани. Торговля велась и со странами Востока, откуда доставлялась, в частности, дорогая посуда, изготовленная в Иране во время династии Сасанидов (III—VII вв.). Привозные изделия в Поднепровье и Поднестровье встречаются чаще всего в богатых погребениях и кладах.

В конце I тысячелетия н. э. у славян развиваются связи с арабскими странами. Результатом этого было проникновение в конце VIII—X в. в восточнославянские земли арабских дирхемов; они обнаружены в значительном количестве в виде отдельных находок и кладов. Распрост-

ранение арабских монет на Дону, Северском Донце, Днепре, а также на Волге, Оке и в бассейне Волхова дает представление о направлениях торговых путей. Предметами вывоза из восточнославянских областей в южные и восточные страны были преимущественно продукты сельского хозяйства и промыслов — меха, кожа, воск, мед, хлеб. Вывозились и рабы, о чем есть упоминания в некоторых письменных источниках.

В результате развития ремесла и торговли и углубления общественного раздела труда на землях восточных славян в VI—VIII вв. возникают поселения городского типа. В это время наряду с селищами уже существовали укрепленные и неукрепленные поселения, являвшиеся ремесленными центрами, где торговые операции осуществлялись в более широком объеме.

К такому роду поселений относится Григоровское городище, которое было металлургическим центром; городище в с. Зимне, где сосредоточивались мастера-ювелиры и камнерезы; Пастырское городище, где работали металлурги, кузнецы, ювелиры и гончары; Добрыновское городище, являвшееся металлообрабатывающим центром; городища и поселения на территории Киева, издавна ведшие оживленную торговлю. Часть этих пунктов представляла собой также племенные центры, местожительства вождей и дружин, о чем свидетельствует наличие здесь укреплений, найденное оружие и предметы дружинного снаряжения.

В истории восточных славян VII—VIII вв. были периодом перехода от первобытнообщинного строя к классовому. В это время у восточно-славянских племен формировались основы феодального строя. Движущей силой общественного развития был экономический прогресс. Значительных успехов достигла основная отрасль хозяйства — пашенное земледелие. В результате повышения его производительности создавались условия для ведения индивидуальных хозяйств небольшими семьями. При этом земледелие не только обеспечивало непосредственные потребности производителя, но и давало дополнительный продукт, достигавший уже значительных размеров. При условии существования индивидуальных хозяйств он стал частной собственностью производителя и мог являться источником его обогащения.

Уже с первых веков нашей эры у восточнославянских племен происходил процесс распада семейной общины с коллективным хозяйством на индивидуальные хозяйства отдельных семейств. Прежняя семейная община уступает место большой сельской территориальной общине. Вместе с тем сохранились остатки семейной общины в виде больших патриархальных семей, также входивших в сельскую общину.

Территориальная община, возникшая в конце существования первобытнообщинного строя, сочетала в себе черты как старого строя, так и нового, классового общества, которое зарождалось. Наследием первобытнообщинного строя была коллективная собственность общины на землю, подлежавшую периодическому перераспределению между семейными общинами. В то же время орудия и продукт труда производителей составляли уже частную собственность отдельных семей, что свойственно классовому обществу.

Особенности общественной жизни восточнославянских племен нашли отражение в археологических материалах. Славянские поселения в целом были местом жительства сельской общины, а отдельные жилищно-хозяйственные комплексы поселений отвечали хозяйствам, входившим в состав общины. На некоторых поселениях открыты жилищно-хозяйственные комплексы, состоявшие из не-

большого жилища, рассчитанного на малую семью, и хозяйственных построек, принадлежавших ей. Свободные площади вокруг построек занимали приусадебные участки. Такие обособленные комплексы помещений являлись индивидуальными хозяйствами.

Примером подобного обособленного в хозяйственном отношении двора может быть жилищно-хозяйственный комплекс поселения в г. Городке Хмельницкой области. Небольшое жилище с печью-каменкой размещалось на расстоянии 40 м от других жилищ поселения. Рядом с жилищем находились четыре хозяйственных объекта: наименьшая, наземная постройка с очагом — наверное, летняя кухня; очаг на открытом воздухе; яма-хранилище (погреб) и еще одна хозяйственная постройка, частично углубленная в землю, очевидно, кладовая, в углу которой помещалась яма-хранилище. Обособленное расположение комплекса описанных построек дает представление об индивидуальном, экономически самостоятельном хозяйстве.

Значительный интерес представляет жилище на поселении вблизи бывшего с. Пеньковка в урочище Макаров Остров в Среднем Поднепровье. В нем найден клад железных предметов, в свое время спрятанных за печью: шесть серпов, наральник, два топора, два тесла, две ручки от деревянных ведер, три наконечника копий. Эти вещи свидетельствуют о том, что отдельные семьи имели в своем распоряжении разнообразные орудия для ведения самостоятельного хозяйства, а также и оружие.

Наряду с индивидуальными хозяйствами продолжали существовать и большие патриархальные семьи, занимавшие несколько расположенных на близком расстоянии одна от другой небольших построек.

Сосредоточие богатства в руках отдельных семейств, которые вели самостоятельное хозяйство, неминуемо углубляло имущественную дифференциацию населения, разделение хозяйств на зажиточные и бедные. На основе имущественного расслоения и общественного разделения труда возрастала социальная дифференциация общества, все более четко определялись группы населения, занимавшие различное социальное положение. Кроме общинников-земледельцев существовали ремесленники; в конце I тысячелетия н. э. появились купцы. Сформировалась феодальная верхушка общества.

Древнейшие письменные памятники Киевской Руси содержат сведения о развитой сословной иерархии феодального общества, которая могла сложиться только на протяжении длительного времени; ее формирование происходило уже в VII—VIII вв.

Углубление имущественной и социальной дифференциации общества прослеживается на археологическом материале. Увеличивалось количество дорогих изделий, в частности предметов, служивших признаком власти или высокого сана. К этим инсигниям знати принадлежали гривны, поясные наборы, оружие (иногда богато украшенное), перстни-печати и т. п. Подобные предметы чаще всего встречаются в составе кладов и в инвентаре богатых погребений.

Представление о существовании различных социальных слоев общества дают материалы могильников. Большинство погребений, как правило, имело бедный погребальный инвентарь и принадлежало рядовым общинникам. В них обнаружена глиняная посуда, отдельные недорогие украшения или предметы быта. Часть погребений, выделявшаяся богатым сопроводительным материалом, широким набором оружия, принадлежала представителям социальной верхушки, вождям и воинам.

На границе Лесостепи и Степи и отчасти в Степи обнаружены богатые

погребения VII в., принадлежавшие племенным вождям.

Некоторые из них, можно считать, принадлежали славянским вождям, другие — вождям различных кочевых племен, населявших Степь.

Наличие среди погребального инвентаря привозных византийских и восточных изделий, а также предметов убора, распространенных у многих племен на значительных территориях, затрудняет определение этнической принадлежности этих погребений, являющейся в науке дискуссионной. К числу богатых погребений относятся Глодосское (на Южном Буге) и Вознесенское (вблизи с. Вознесенка, ныне территория Запорожья). Самым богатым оказался Перещепинский клад (возможно, погребение) на Полтавщине, содержащий изделия из золота и серебра, весом соответственно около 25 и 75 кг. В названных погребениях сохранилось большое количество драгоценностей-украшений, посуды, оружия, дружинного снаряжения, византийских монет.

Погребения вооруженных воинов обычно связывают с дружинниками, на которых держалась власть вождей. Примером может служить Волынцевский могильник на Сейме, в котором обнаружена оковка ножен, предметы поясного набора, остатки кольчуги.

Иногда погребения воинов расположены в пределах военных лагерей. Коллективное погребение вождей и дружинников вблизи с. Вознесенка окружал вал из земли и камня. Обнаруженные здесь предметы принадлежали исключительно дружинному снаряжению (поясные наборы, оружие, военные значки, конская сбруя).

Очень близкое к Вознесенскому Глодосское погребение также осуществлено по обряду трупосожжения, около которого сохранились остатки рвов — укреплений лагеря.

Вознесенское и Глодосское погребения отражают социальное и территориальное обособление военной дружины и ее большую роль в общественной жизни населения в переходный период от первобытнообщинного строя к классовому обществу. В этот период, получивший название «военной демократии», «...война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни» [1].

В конце I тысячелетия н. э. у восточнославянских племен происходило дальнейшее развитие общественных отношений. Имущественное неравенство общинников все более углублялось, возрастала частная собственность у зажиточных членов общины. Социальная верхушка постепенно присваивала себе право собирать среди членов общины часть продуктов на общие потребности общины и распоряжаться ими. В процессе становления феодального общества этот обычай превратился в регулярный сбор дани в пользу феодалов, что являлось начальной формой феодальной эксплуатации, наиболее ранней формой продуктовой феодальной ренты.

В это время имела место и другая форма эксплуатации — патриархальное рабство, существовавшее у восточных славян на протяжении длительного периода становления классового общества. Однако у них оно не переросло в рабовладельческую формацию. Славяне избежали ее, перешли от первобытнообщинного строя к феодальному. Такой путь общественного развития восточных славян можно объяснить тем, что в период становления у них классового общества рабовладельческий строй античного мира уже изжил себя. К тому же уровень развития производительных сил у славян был настолько высок, что более выгодной

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164.

была эксплуатация не рабов, а феодально зависимых крестьян, заинтересованных в повышении производительности труда на собственных земельных участках, поскольку бо́льшая часть производимого продукта оставалась у них. Феодальная эксплуатация осуществлялась путем собирания дани с владельцев земельных участков — крестьян, составлявших зависимый от феодалов класс общества.

Идеологические представления восточных славян перед образованием Киевской Руси имели много общего со сравнительно хорошо известными по письменным источникам и предметам материальной культуры языческими представлениями периода ранней Руси. Интересные свидетельства о веровании склавинов и антов находим у Прокопия. «Они считают,— пишет он,— что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды... Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания». Этот рассказ передает типичные языческие верования первобытнообщинного строя. Не умея распознать и объяснить окружающий мир и влиять на него, люди обожествляли явления природы, от которых зависела их жизнь и благополучие. В рассказе Прокопия обращает на себя внимание сходство верховного божества — творца молний VI в. и громовержца Перуна языческой Руси.

Религиозные обряды восточные славяне совершали в специально сооруженных храмах-святилищах и отведенных для этого местах. В письменных памятниках упоминаются многочисленные «идольские храмы», идолы и места молений — «требища», существовавшие в дохристианской Руси. Молились восточные славяне также под овином, под «рощением», около воды.

Святилища восточных славян VI—VIII вв. известны в ряде мест. Одно из них исследовано на р. Гнилопяти под Житомиром. От него сохранилось близкое к крестовидной форме углубление в земле с четырьмя выступами по бокам. В сооружении раскладывался очаг. Можно предположить, что очаг окружали несколько идолов. В святилищах приносились жертвы богам и совершались соответствующие обряды.

Большинство языческих храмов строились из дерева, изображения богов-идолов вырезывались также из дерева и из камня. Наиболее известным каменным идолом, полностью сохранившимся, является так называемый Збручский идол, найденный в р. Збруче в 1848 г. Четырехгранная фигура идола заканчивается вверху изображением четырехликой человеческой головы. Поверхность его покрыта сложными символическими изображениями, размещенными тремя ярусами. В верхнем ярусе изображения трактуются как небесные боги, в среднем — земные люди, в нижнем — подземный мир с подземным богом, держащим на руках землю.

У восточных славян существовали многочисленные обряды. Часть из них была посвящена временам года и сельскохозяйственным работам: наступлению весны и началу полевых работ, летнему солнцестоянию (праздник Ивана Купала), сбору урожая, зимним праздникам плодородия (колядки) и т. п. Большое внимание уделялось обрядам свадебным и погребальным. Последние довольно полно отображены в археологических и письменных источниках. Согласно летописи племена радимичей, вятичей, северян и кривичей умерших сжигали, потом пережженные кости складывали в сосуд и ставили на «столпах» (срубах) у дорог. На землях вятичей в могильниках под курганá-

Збручский идол. Хмельницкая область VIII—X вв.

ми открыты деревянные срубы-гробы, в которых помещались остатки трупосожжения. Археологические исследования показывают, что на протяжении VI—IX вв. существовало несколько вариантов погребального обряда, характерных для отдельных земель: бескурганные и курганные погребения; трупосожжение в урнах и без урн; на месте погребения и в стороне от него. С конца I тысячелетия н. э. распространился обряд трупоположения. Рядом с умершим ставили посуду с пищей и питьем и клали орудия труда, предметы быта и личного пользования, оружие. Все эти предметы, по тогдашним представлениям, должны были служить умершему в загробной жизни, которая была продолжением земной.

Из всех видов искусства восточных славян больше всего изучено прикладное. Предметы личного убранства украшались орнаментальными мотивами преимущественно реалистического характера. Большие застежки-фибулы нередко изготовлялись в виде фигуры человека, а отдельные их детали изображали головы людей, лошадей, птиц. Фибулы, а также серьги, браслеты и другие украшения орнаментированы и геометрическими мотивами — кругами, спиралями, треугольниками и т. п. На металлических частях мужских поясов встречаются так называемые тамгообразные знаки. О развитии музыкального искусства у славян дает определенное представление византийский историк VII в. Феофилакт в своем рассказе о взятии в плен византийцами трех славянских гусляров.

Восточнославянские племена все больше приобретали опыт из различных областей человеческих знаний. Развитие ремесел, особенно металлургического и ювелирного, сопровождалось распространением прикладных технических и естественнонаучных знаний, в частности о свойствах металлов и химических процессах. Строительное дело и торговля способствовали развитию элементов математических знаний и системы мер. Очевидно, в этот период восточные славяне знали греческие буквы, которыми пользовались как цифровыми обозначениями, а также, возможно, и для письма.

Союзы племен накануне образования Древнерусского государства. Характерным явлением завершающего эта-

па первобытнообщинного строя было образование союзов племен. Сначала они не отличались стабильностью и быстро распадались, приходя на смену один другому. Со временем эти союзы становились все более прочными и постепенно превращались в политические объединения государственного типа.

Согласно летописям у восточных славян накануне образования Киевской Руси существовало 14 больших групп племен, имевших такие названия: поляне, древляне, уличи, тиверцы, дулебы, бужане, волыняне, хорваты, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, кривичи, ильменские словены. Некоторые из этих объединений упоминаются и в других письменных источниках. Так, византийский хронист Феофан называет племя северян, жившее в конце VII в. вблизи Дуная. Географ Баварский знал племена бужан, северян, уличей. Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении государством» упоминает славянские племена кривичей, дреговичей, северян, древлян, уличей и несколько племен, не названных в летописях. Аль-Масуди говорит о волынянах и дулебах. Указанные группы у историков получили название «летописные племена».

Большое внимание изучению «летописных племен» уделяют советские исследователи. Особый интерес представляют памятники второй половины I тысячелетия н. э.— времени существования объединений этих племен. Ныне определено социальное содержание названных образований как больших союзов племен, переросших постепенно в феодальные княжения. Возникновение этих объединений можно отнести к VI—VII вв.

Территория упоминаемых летописями союзов племен была значительной: она равнялась нескольким нынешним административным областям. Большой союз объединял до десятка отдельных племен, названия которых со временем забылись. Чаще всего сохранялось только общее название союза, которое могло одновременно быть и названием одного

Урновое захоронение на могильнике вблизи с. Волынцево Сумской области. VII—VIII вв.

из племен, его создавших. В письменных памятниках сохранились сведения о подобных больших союзах племен и у западных славян — лютичей и бодричей. Они состояли из целого ряда племен, каждое из которых имело свое название. Археологическими исследованиями на землях восточных славян удалось выделить отдельные племена, входившие в союзы радимичей (8 племен) и вятичей (6 племен). Если предположить, что и другие названные в летописи союзы состояли из такого же количества племен, то всего на землях восточных славян в VI—VII вв. могло существовать более ста племен.

Археологические памятники восточных славян свидетельствуют о том, что их культура в пределах обширной территории имела общие черты. Типичными для восточнославянской культуры были неукрепленные поселения, небольшие полуземляночные жилища с деревянными стенами и печами, сооруженными из камня и глины, обряд трупосожжения. Вместе с тем памятники восточных славян составляют ряд локальных групп, каждая из которых наделена определенными культурными особенностями, проявляющимися в деталях погребального обряда, керамики и т. п. В связи с этим исследователями определено несколько территориальных вариантов восточнославянской культуры: для VI—VII вв.— пражский (или корчацкий), пражско-пеньковский, колочинский; для VIII—IX вв.— тип Луки-Райковецкой, роменский.

В Киеве и вокруг него жили племена, входившие в союз полян. Из полян происходили упоминающиеся в летописи киевский князь Кий и его братья Щек и Хорив. В результате изучения летописных данных и археологических материалов исследователи пришли к выводу о том, что территория полян включала земли между Десной и Росью с городами Киевом, Черниговом, Переяславом, Роднем.

Племена уличей сначала получили название «загадочных», поскольку летописные тексты по-разному определяли их территорию. По Лаврентиевской летописи уличи жили «по Днѣстру, присѣдяху к Дунаеви... оли до моря», по Ипатиевской — «по Бугу и по Днѣпру и присѣдяху к Дунаеви... оли до моря», а Новгородская летопись рассказывает о переселении уличей с Днепра на запад — «и бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру вънизъ, и посемъ приидоша межи Бъгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо».

В последнее время открыт значительный массив восточнославянских памятников на Днепре, южнее полянской земли, до бывшей порожистой части реки, в бассейне Тясмина в близкие к ним памятники на Южном Буге. Именно эти памятники большинство современных исследователей связывают с племенами уличей, которые жили по Днепру и Бугу, а со временем, по крайней мере частично, могли переселиться в бассейн Днестра.

Расположенная на юго-восточной окраине славянских земель, эта группа населения непосредственно граничила с большим массивом алано-болгарских племен. Эти степные племена, которые в начале были кочевниками, переходя в VII—VIII вв. к оседлости, заселили территорию Подонья и Северного Причерноморья. Выходцы из этого массива племен частично селилися и на землях уличей в Южном Поднепровье. Значительным ремесленно-торговым центром уличей было Пастырское городище, расположенное в бассейне р. Тясмина. В материалах Пастырского городища заметны черты обеих культур — славянской и кочевников, что свидетельствует о их взаимовлиянии.

«Загадочными» племенами считались также и тиверцы, которые со-

гласно Лаврентиевской летописи жили, как и уличи, «по Днѣстру, присѣдяху к Дунаеви... оли до моря». С этими племенами ученые связывают многочисленные славянские памятники междуречья Днестра и Прута на современной территории Молдавской ССР.

На северо-запад от Киева, на территории Восточной Волыни, находились земли древлян. Этой группе племен принадлежали упоминавшиеся в летописи города Искоростень и Вручий.

На западе современной территории Украинской ССР жили дулебы, бужане и волыняне. Эти племена согласно летописи обитали вдоль Буга — «бужане зане сѣдоша по Бугу, после же велыняне», «дулебы живяху по Бугу, где ныне велыняне». Упоминавшийся Буг — это Западный Буг поскольку на нем в дальнейшем возникли города Бужск и Владимир-Волынский, названия которых связаны с названиями летописных племен бужан и волынян. Большинство исследователей признает существование на Волыни большого дулебо-волынского союза племен. Со временем часть их отошла от союза и переместилась на запад, где стала известна как чешские дулебы.

Могущество дулебо-волынского союза племен в определенной мере подтверждают археологические материалы. Именно на Волыни в с. Зимнее было открыто городище VI—VII вв.— одно из самых ранних восточнославянских городищ с деревянными укреплениями, представлявшее собой ремесленный и племенной центр, где пребывала дружина и, очевидно, один из вождей. Подтверждением этому служат находки оружия, предметов дружинного убранства, орудий труда ремесленников.

Район Прикарпатья населяли племена хорватов, образовавшие большой союз племен. Он, как и дулебский, приблизительно в VII в. распался, после чего часть хорватов переселилась на запад.

В бассейне Десны, Сейма и Сулы согласно летописи жили северяне: «А друзии сѣдоша по Дѣеснѣ и по Семи, по Сулѣ и нарекошася сѣвер». В отличие от славянских поселений других территорий у этих племен были распространены укрепленные городища. Эта необходимость диктовалась постоянной угрозой нападения кочевников с юго-востока.

По Оке, как отмечает летопись, жили племена вятичей. «А Вятъко сѣде с родомъ своим по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи». Часть верхнеокских племен в IX в. переселились в район верхнего и среднего течения Дона.

Опираясь на сведения летописи: «Бяста бо 2 брата в лясѣх,— Радим, а другой Вятко,— и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи», на притоке Днепра — Соже — историки обычно размещают радимичей. А упоминание летописца о приходе Радима и Вятка от «ляхов» некоторые исследователи кладут в основу предположения о том, что радимичи и вятичи пришли с запада. Однако общего признания эта точка зрения не нашла.

На Правобережье Днепра, между Припятью и Западной Двиной согласно летописи жили дреговичи: «А друзии сѣдоша межю Припятью и Двиною и нарекошася дреговичи».

Верховья Днепра, Западной Двины и Волги согласно летописи населяли многочисленные племена кривичей: «Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра». Эти племена составляли три больших союза псковских, смоленских и полоцких кривичей. Центром последних был город Полоцк на Двине, а центром смоленских кривичей — Смоленск. Опираясь на данные лингвистики и археологии, исследователи допускают переселение кривичей на свою землю с запа-

да, с северо-западных славянских земель. До прихода кривичей на этой территории проживали балтские племена, которых славяне постепенно ассимилировали.

Самую северную группу восточнославянских племен составляли ильменские, или новгородские, славяне. В летописи отмечается место их проживания: «Словѣни же сѣдоша около езѣра Илмери и празвашася своим имянемь». На землях ильменских славян в конце I тысячелетия н. э. возникли города Новгород и Старая Ладога. Исследователи допускают участие северо-западных славянских племен балтийского Поморья в заселении земли новгородских славян. В этом районе славяне ассимилировали группы местного угро-финского населения.

На протяжении VII—IX вв. в процессе зарождения феодальных отношений происходило перерастание упоминаемых союзов племен в феодальные княжения. Летопись называет объединения восточных славян «княжениями», а лиц, которые их возглавляли,— князьями. Имена некоторых из них попали на страницы летописи. К наиболее раннему времени, а именно к VI в., может быть отнесена деятельность полянского князя Кия.

В VII—IX вв. происходил процесс объединения союзов племен восточных славян в большие политические государственные образования. В условиях борьбы с кочевниками в Среднем Поднепровье сложилось большое объединение племен под названием «Русь». Происхождение Руси и ее названия является одним из основных вопросов отечественной истории. В наше время существует точка зрения, согласно которой Русь VI—VII вв. и русы отождествляются с объединением нескольких союзов племен — полян, северян и уличей. Существование его нашло отражение в археологическом материале этой области — многочисленных поселениях и кладах с предметами дружинного убора VI—VII вв.

Кроме русов Поднепровья существовали и другие крупные объединения восточнославянских племен. На юго-западе таким объединением был дулебо-волынский союз, которому в VII в. нанесли тяжелый удар авары. На севере в состав большого объединения кривичей входили три союза племен — псковских, смоленских и полоцких кривичей.

Существование у восточных славян политических объединений накануне образования Киевской Руси нашло отражение в сообщениях арабских писателей IX—X вв. (аль-Балхи, аль-Истахри и др.) о трех группах русов. Одна из них — с городом Куябой, другая имела название «Славия», третья — «Артания». Более определенно может быть локализована первая группа, которую связывают с Киевской землей.

Соседи восточно-славянских племен. На юго-востоке соседями восточных славян были кочевые племена. На северо-западе жили балтские племена — латгалы, земгалы, ятвяги и др. На севере и северо-востоке жило угро-финское население: в Восточной Прибалтике — эсты, водь, ижора; на Белом озере — весь; в Волго-Окском междуречье — меря; на Средней и Нижней Оке — мордва и мурома. Угро-финские и балтские племена, как уже было неоднократно упомянуто, восточные славяне частично ассимилировали, остальные остались их северными и северо-восточными соседями.

Восточные славяне непосредственно граничили с кочевыми племенами, передвигавшимися с востока на запад или оседавшими в Причерноморье и Приазовье: аварами, аланами, болгарами, хазарами, мадьярами, печенегами. В письменных памятниках сохранились сведения о тяжелой и дли-

тельной борьбе, которую пришлось вести восточным славянам с аварами, хазарами и печенегами. Между аланскими и болгарскими племенами, которые в VII—IX вв., переходя к оседлости, занимали земли на юго-восточной окраине восточнославянских земель, с одной стороны, и восточными славянами — с другой, складывались преимущественно мирные взаимоотношения. Часть кочевников, в частности аланов и болгар, осевшая на землях восточных славян, была ими ассимилирована.

Основная территория проживания аланов находилась на Северном Кавказе, однако их поселения существовали и за его пределами. В V—VII вв. в Южное Поднепровье проникали элементы аланской культуры, больше всего заметные в местной керамике. Возможно, что в этот район переселилась какая-то часть аланского населения. Подтверждением этому является поселение VII в. в бывшей порожистой части Днепра, где изготовлялось на продажу большое количество посуды аланского типа. Здесь, на склонах оврага Канцерки, открыто 12 мастерских с 18 горнами, в которых обжигались большие кувшины для переноски и хранения воды. Расположенное в нижней части порогов, вблизи древней переправы, известной в X в. под названием «Крарийской», это поселение удовлетворяло потребности степных путешественников и кочевников в посуде для воды.

В начале VII в. в Приазовье возникло объединение болгарских племен — Великая Болгария. Со временем, в конце VII в., под натиском хазар болгары частично переместились на запад, где приняли участие в создании Дунайской Болгарии, и на северо-восток, где возникла Волжская Болгария. Часть болгарского населения осталась в Северном Причерноморье и в Подонье.

В VIII—IX вв. в бассейнах Дона, Донца и в Приазовье поселилась значительная часть аланских и болгарских племен, создав большой массив, известный по материалам салтовской культуры. На указанной территории исследовано более 200 памятников этой культуры. Основной причиной перехода части кочевников к оседлости и к занятию земледелием было развитие в среде этих племен феодальных отношений. Племена, оставившие памятники салтовской культуры в Подонье, в летний период продолжали кочевой образ жизни, возвращаясь на зиму к постоянным поселениям или зимовищам.

Салтовская культура представлена сезонными стойбищами, поселениями, городищами с земляными валами, за́мками с каменными стенами. Были у этих племен и города, например, большой город на Северском Донце, вблизи современного села Верхний Салтов, который дал название культуре. Жители городищ и поселений строили полуземляночные жилища срубной или столбовой конструкции, а также из самана, обогревавшиеся печами-каменками и открытыми очагами. Около жилищ сооружались хозяйственные ямы-погреба различных форм и размеров. Местами на Подонье на месте кочевий сохранились остатки легких жилищ, типа юрт, с открытыми очагами.

У алано-болгарских племен были развиты различные отрасли хозяйства. Основой их жизни было земледелие, с которым связаны такие на́ходки, как лемехи и плужные ножи, серпы́, косы, жернова. Большую роль в хозяйстве играло скотоводство. На городищах и поселениях держали крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, а также свиней. Кочевая часть населения разводила преимущественно овец и лошадей. Подспорьем для полукочевых племен была охота и рыболовство.

Из ремесел наибольшего развития достигли кузнечное, ювелирное, плотническое и гончарное (характерными

для салтовских племен типами посуды были кухонные горшки с линейным орнаментом и кувшины с серой и черной блестящей поверхностью). Большие города салтовских племен представляли собой центры торговли с Византией и Передней Азией.

Алано-болгарские племена имели большое войско, состоящее из воинов-всадников, вооруженных саблями, боевыми топорами, кистенями, копьями, стрелами. Сохранилось множество предметов их дружинного убранства, в частности пояса с большим количеством металлических украшений, а также конская сбруя.

Болгары — племена тюркской группы — представляли более многочисленную группу населения. Аланов, принадлежавших к ирано-язычным племенам, было гораздо меньше. Эти этнически разные группы племен различаются и устройством могил. Болгарские могилы представлены ямными погребениями, аланские — катакомбными. Болгары и аланы отличались и антропологически. Господствующее положение у алано-болгарских племен занимали этнически родственные им хазары и тюрки.

Восточные славяне поддерживали экономические и культурные связи с соседними алано-болгарскими племенами. Об этом говорит наличие у них посуды и украшений салтовского типа, а у салтовских племен — жилищ и посуды славянского типа. В определенных районах, в частности на Северском Донце и в бывшей порожистой части Днепра, прослеживается совместное проживание славян, аланов и болгар.

Алано-болгарские племена, по мнению исследователей, находились в политической зависимости от Хазарского каганата — государства, возникшего в середине VII в. в Прикаспии и Приазовье после распада Тюркского каганата. Кроме хазар и тюрков, представлявших господствующую верхушку в каганате, в Хазарии, особенно в больших городах, жили болгары, славяне, евреи и другое население. Столица Хазарии Итиль находилась в устье Волги. Это был большой город, через который проходили торговые пути. Основную роль здесь играл волжский путь, соединявший Европу с Арабским Востоком. Хазарский каган и знать богатели, собирая пошлину с товаров, шедших через Итиль. К большим городам Хазарии относился и Саркел на Дону.

Источником обогащения хазарской верхушки были также грабительские нападения на соседние народы. Вскоре после возникновения Хазарское государство распространило свою власть на народы Северного Причерноморья и значительной части Крыма. В летописях сохранились упоминания о том, что перед сложением Руси и в ранний ее период хазарам платили дань юго-восточные славянские племена — поляне, северяне, вятичи, радимичи. В литературе иногда преувеличивалось влияние хазар на развитие торговли и государственности у восточных славян. В действительности, высокий для своего времени уровень экономики и образование государства у восточных славян в конце I тысячелетия были результатом длительного внутреннего общественно-экономического развития восточнославянского общества.

Восточные славяне вели с хазарами длительную борьбу. Началась она еще до образования Киевской Руси, когда, по словам летописца, вместо дани славяне передали хазарам мечи. Продолжили борьбу с хазарами первые русские князья, а закончил ее князь Святослав, разгромивший в 965 г. Хазарский каганат.

Сложным по этническим компонентам было население средневекового Крыма. Здесь жили потомки древнего скифо-сарматского населения, греков, готов. В состав населения Крыма входили и славяне. Археологиче-

ские находки дают возможность предположить проникновение в эту область славян еще в III—VII вв. н. э. О проживании славян в крымских городах в IX в. и в более позднее время свидетельствуют найденные в них русские серебряные денежные слитки, кресты-складни, керамика и т. п. В конце VII—VIII вв. в Крым проникли хазары, аланские и болгарские племена; в VIII—IX вв., в период иконоборства в Византии, появились переселенцы из Византийской империи.

Население Крыма вело преимущественно оседлый образ жизни, занималось земледелием, ремеслами, торговлей. В VI—IX вв., в период формирования феодальных отношений, основным типом поселений были селища, городища-за́мки, города — значительные ремесленные и торговые центры. В связи с ранним проникновением в Крым христианства здесь сооружались многочисленные храмы и монастыри.

Значительным городским центром Юго-Западного Крыма был Херсонес — ремесленный, торговый и культурный центр, посредник в экономических и политических связях Византии с племенами Восточной Европы. В начале VI в. Херсонес входил в Византийскую империю. В городе находилась византийская администрация, ведавшая военными и финансовыми делами. Со второй половины VI в. начался упадок города. В IX в. Херсонес (средневековые названия Херсон, Корсунь) переживал новый период расцвета. Расширилась территория города, установились широкие экономические связи, велось строительство жилищных и оборонных сооружений, церквей.

В это время в городе проживало и русское население. Славянский проповедник Кирилл в 60-х годах IX в. встретил в Корсуне «русина», с которым разговаривал «русской беседой». В летописях сохранились упоминания о владениях русских князей в Корсуне и в окрестных землях.

К самым значительным центрам Восточного Крыма принадлежал Боспор, который с VI в. пребывал в зависимости от Византийской империи, а в конце VII в. был захвачен хазарами. Хазары распространили свою власть и на центральную часть Крыма. В VII—IX вв. в эту область и в Юго-Восточный Крым переселилась часть болгарских племен, внесших новые элементы в культуру местного населения. Здесь известно более двух десятков поселений и могильников VIII—IX вв., где сохранились остатки железоделательного, ювелирного и гончарного производств.

В ранний период Руси земли Боспора перешли во владения русских князей. Боспор, получивший русское название Корчев, вошел в состав русского Тмураканского княжества, основанного на Тамани.

Среди городов Восточного Крыма важное место занимала Сугдея (Сурож), которая в VIII—IX вв. представляла собой значительный ремесленный центр. В «Житии Стефана Сурожского», бывшего архиепископом города во второй половине VIII в., рассказывается о походе в Крым русского новгородского князя Бравлина, о завоеваниях им земель от Корсуня до Корчева, а также города Сурожа. О проживании славянского населения в Суроже и в последующие века свидетельствуют найденные в городе археологические материалы.

На южном побережье Крыма (по Прокопию) в VI в. лежала «страна Дори», заселенная крымскими готами, которые были известны как земледельцы и воины. Здесь существовали небольшие укрепления, поселения, монастыри. Сохранились также могильники Суук-Су и Балгота. В VI в., во время правления императора Юстиниана, Византия построила в этой области крепости Алустон (современная Алушта) и Горзувит (современ-

ный Гурзуф). Тогда же были возведены оборонительные сооружения — так называемые длинные стены — для защиты побережья от нападений степных кочевников.

В предгорьях Юго-Западного Крыма открыта группа городищ, селищ, монастырей. Наличие на этих памятниках наряду с наземными жилищами строений, высеченных в скалах, дало основание назвать эту группу памятников «пещерными городами». К самым большим «пещерным городам» относятся Мангуп, Чуфут-Кале, Эски-Кермен. Небольшие по размерам городища Каламита (Инкерман), Бакла, Тепе-Кермен и Сюренское напоминают феодальные замки.

Пестрый этнический состав населения раннесредневекового Крыма отразился в его культуре, в которой прослеживаются античные и скифо-сарматские традиции, элементы византийской, славянской и салтовской культур.

I тысячелетие н. э. в истории восточнославянских племен было временем распада первобытнообщинного строя и зарождения феодального общества. В этот период постепенно формировались черты экономики и социального строя, получившие дальнейшее развитие в древнерусском обществе.

Совершенствовались орудия земледелия и ремесла.

Возникла сельская территориальная община, сочетавшая в себе черты как первобытнообщинного строя, так и зарождающегося классового общества. Состояла она частью из больших патриархальных семей,— остатков семейных общин, частью — из небольших семей, ведущих индивидуальное хозяйство. Индивидуальные хозяйства небольших семей со временем становятся основной хозяйственной единицей общества. Установился регулярный сбор дани в пользу знати с хозяйств, входивших в сельскую общину, что свидетельствует о зарождении феодальной формы эксплуатации, наиболее ранней формы продуктовой феодальной ренты.

Возрастало богатство отдельных семей, что приводило к имущественному расслоению общества. Определились группы населения, занимавшие различное социальное положение: общинники-земледельцы, ремесленники, племенная знать, вооруженная дружина, охранявшая власть вождя. В конце рассматриваемого периода сформировалась феодальная верхушка общества.

Развитие общественного разделения труда привело к социальной дифференциации поселений. Наряду с основной массой сельских поселков возникают укрепленные и неукрепленные поселения городского типа с развитой ремесленной и торговой деятельностью. Часть этих поселений, обычно укрепленных, представляла собой племенные центры, место обитания племенной верхушки общества — вооруженной дружины и вождей. В процессе развития феодального общества эти центры превращаются в города — ремесленно-торговые и политические центры.

Сложившиеся на завершающем этапе первобытнообщинного строя союзы племен с развитием феодальных отношений превращались в политические образования, названные летописью княжениями. Сформировались также большие государственные объединения, которые состояли из нескольких княжений. Несколько подобных больших объединений сложилось на восточнославянских землях в период VII—IX вв. Они отражают процесс формирования государства у восточных славян, завершившийся образованием в IX в. Древнерусского государства — Киевской Руси.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО — КИЕВСКАЯ РУСЬ

В IX в. в результате длительного внутреннего развития восточнославянских племен сложилось одно из самых больших государств средневековой Европы — Киевская Русь. Ее историческим ядром было Среднее Поднепровье, где очень рано зародились новые социальные явления, характерные для классового общества.

Современники — арабские и византийские авторы — называли первое государственное объединение восточных славян Русью, а народ, составивший это объединение,— русами. В связи с тем что центром этого могущественного государства на протяжении нескольких веков был Киев, в исторической литературе оно получило название Киевской Руси.

Киевская Русь сыграла выдающуюся роль в истории славянских народов. Становление феодальных отношений и завершение процессов формирования единого Древнерусского государства положительно сказались на этническом развитии восточнославянских племен, которые постепенно складывались в единую древнерусскую народность. В ее основе лежали общая территория, единый язык, общая культура, тесные экономические связи. На протяжении всего периода существования Киевской Руси древнерусская народность, которая была общей этнической основой трех братских восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского, развивалась путем дальнейшей консолидации.

Объединение всех восточнославянских племен в едином государстве способствовало их общественно-экономическому, политическому и культурному развитию, значительно укрепляло их в борьбе с общим врагом. Культурные ценности, созданные гением древнерусского народа, выдержали испытание временем. Они стали основой национальных культур русского, украинского и белорусского народов, а лучшие из них вошли в сокровищницу мировой культуры.

Большое историческое значение имела Киевская Русь и для многих неславянских народов. Передовые достижения Руси в области общественного, экономического и культурного развития становились достоянием литвы, эстов, карелов, веси, мери, муромы, мордвы, тюркских кочевых племен южнорусских степей. Часть этих народов этнически и политически консолидировалась в составе Древнерусского государства.

На международной арене Древнерусское государство занимало одно из ведущих мест. Оно поддерживало широкие экономические, политические и культурные связи со многими странами Востока и Запада. Особенно тесными были контакты Руси с Польшей, Чехией, Болгарией, Арменией, Грузией, Средней Азией, странами Западной Европы — Францией, Англией, Скандинавией, с Византийской империей и др.

Ярким свидетельством высокого международного авторитета Киевской Руси были и династические связи древнерусского княжеского двора с дворами многих стран. Инициаторами этих связей выступали как сами

киевские князья, так и правители европейских государств, которые часто искали союза с могущественной Русью.

Военная сила Киевской Руси стала тем щитом, о который разбивались многочисленные орды кочевых племен Степи, продвигавшиеся к границам Византии и нападавшие на страны Центральной Европы. Согласно признанию византийского историка Никиты Хониата (конец XII — начало XIII в.), именно древнерусский народ спас Византию от нашествия половцев.

Блестящая история и культура Киевской Руси издавна привлекали внимание исследователей, но только в советское время они нашли широкое и действительно научное освещение. В отличие от буржуазно-националистических и дворянско-буржуазных великодержавных историков, которые с различных позиций пытались отрицать единство происхождения, этническую и историческую родственность трех восточнославянских народов, советской исторической наукой неопровержимо доказано, что в создании Киевской Руси принимали участие все восточнославянские племена.

Существование Киевской Руси охватывает период с IX в. по 30-е годы XII в. Политическая форма этого государства — раннефеодальная монархия, территориальные границы — от Балтики до Черного (Русского) моря и от Закарпатья до Волги. Восточные славяне, как и некоторые другие европейские народы, в своем развитии миновали рабовладельческую стадию. Первоначальной формой классового общества у них являлся феодализм, становление и развитие которого неразрывно связаны с формированием Древнерусского государства. В качестве пережиточных форм на этапе раннего феодализма (IX — начало XII в.) сохранялись и некоторые элементы первобытнообщинного строя (семейная община), однако они были подчинены интересам развития феодального общества. Рабство на Руси существовало в рамках феодальной формации.

1. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Летописные сведения о начале Древнерусского государства. Проблема возникновения Киевской Руси является одной из важных и актуальных в отечественной историографии. Уже летописец Нестор в «Повести временных лет», отвечая на вопрос «Откуда есть пошла русская земля?», рисует картину расселения восточнославянских племен на стадии зарождения у них государственности. Перечисляя отдельные группы славян, он называет их поименно — поляне, древляне, северяне, вятичи, словены и др., а там, где пытается дать им социальную характеристику,— княжествами. После смерти полянского князя Кия, замечает летописец, «почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочанѣ». «Род» здесь выступает в понимании династии. Названные в летописи княжества, или союзы восточнославянских племен, относятся к VI—VIII вв.

Ведущую роль в становлении Древнерусского государства сыграло Полянское княжество с центром в Киеве. Первым полянским князем летопись называет Кия, который вместе с братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью основал Киев. Летописцы приводят две версии в отношении личности Кия, существовавшие в то время в устной традиции. Согласно

СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ СОСЕДИ
на рубеже н. э. и в первой половине
I тыс. н. э.(на современной территории
Украинской ССР)
МАСШТАБ 1 6 500 000
65 0 65 130 км
ПЛЕМЕНА КУЛЬТУР
первой половины I тыс. н. э.
Зарубинецкой (кон. III в. до н. э.– II в. н. э.)
Черняховской (II–V вв. н. э.)
Липицкой (I–II в в. н. э.)
Пшеворской (II в. до н. э.–IV в. н. э.)
Карпатских курганов (I–V в в. н. э.)
Латенской (III–I в в. до н. э.)
– поселения
– могильники
Направление и время переселения готов и гепидов
Направление и время переселения гуннов
Границы территорий современной Украинской ССР
СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА
ПОЗДНИЕ СКИФЫ
САРМАТЫ
МЕОТИДА (АЗОВСКОЕ МОРЕ)
ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ (ЧЕРНОЕ МОРЕ)
Киев
Чернигов
Ромашки
Вел Дмитровичи
Колочин
Лютеж
Вел Окнины
Репнев
Перегрось
Ружичанка
Ягнятин
Зарубинцы
Лысогорки
Журавка
Лески
Субботов
Маслово
Ратны
Харенки
Успенка
Басовка
Лохвица
Кантемировка
Волосское
Привольное
Гавриловка
Танаис (Дон)
Ольвия
Тира
Пантикапей
Фанагория
Синдик (Кубань)
Неаполь скифский
Херсонес
Струтинь
Грабовец
Незвиско
Ивачковцы
Ставчаны
Галич Лотачка
Нов. Калиткое
Глыбокая
Нещеров
Черепин
Репнев
Ремезовцы
Гринев
Верх. Липица
Лепесовка
Вел. Окнины
Пастырское (Юж. Буг)
Днестр (Дунай)
Прут (Пруты)
Гунны, нач. IV в.
Поздние скифы
Сарматы (Северн. Донец)

КИЕВСКАЯ РУСЬ
(ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО)
в IX—начале XII вв.
МАСШТАБ 1:15 000 000
150 0 150 300 км
ВАРЯЖСКОЕ (БАЛТИЙСКОЕ) МОРЕ
Упсала
Сигтуна
Бирка
о. Хийумаа
о. Готланд
о. Сааремаа
ЭСТЫ
КУРШИ
ЛЕТГОЛА
ЗЕМИГОЛА
ЖМУДЬ
ЛИТВА
ПРУССЫ
Гданьск
Неман
Зап. Двина
Нева
Ладога
Белоозеро
оз. Чудское
Юрьев
Новгород
Псков
Изборск
оз. Ильмень
оз. Селигер
Новый Торг
Торопец
Ловать
Мста
Молога
Шексна
Сухона
Вычегда
Сев. Двина
Онега
оз. Онежское
Свирь
оз. Белое
ЧУДЬ
ЗАВОЛОЧСКАЯ
Ярославль
Ростов
Суздаль
Владимир
Клязьма
Муром
МЕРЯ
МУРОМА
ЧЕРЕМИСЫ
Вятка
Ветлуга
Кама
БУЛГАР (ВЕЛИКИЙ ГОРОД)
ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ
966
МОРДВА
БУРТАСЫ
Сура
Итиль (Волга)
ПОЛОВЦЫ
ПЕЧЕНЕГИ (до середины IX в.)
Полотеск (Полоцк)
Витебеск
Орша
Смоленск
Изяславль
Менеск
Березина
Сож
Десна
Москва
Ока
Рязань
Дон
Стародуб
Пинеск
Припять
Туров
Листвен 1024
Любеч
Чернигов
Новгород-Северский
Курск
Сейм
Псел
Ворскла
Ромен
КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬША (с 1025 г.)
Буг
Висла
Берестье
Люблин
Сандомир
Червень
Владимир
Искоростень
Вручий
945
Белз
Перемышль
Санок
Белгород
Василев
КИЕВ
Переяславль
Родня
Корсунь
Рось
Галич
Теребовль
Днестр
Юж. Буг
Прут
Пересечень
Ясский Торг
Траянов вал
Олешье
Днепр
КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ (с 1000 г.)
Тиса
968
ВАЛАХИ
Переяславец
970
Доростол (Дристор)
Констанция
Истр (Дунай)
971
Средец (София)
Преслав
971
Филиппополь
Гебр (Марица)
Адрианополь
Аркадиополь
970
ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Фессалоники (Солунь)
КОНСТАНТИНОПОЛЬ (ЦАРЬГРАД)
Никея
Амастрида
941 г.
Синоп
Кызыл-Ирмак
РУССКОЕ (ЧЕРНОЕ) МОРЕ
Херсонес (Корсунь)
Сугдея (Сурож)
СУРОЖСКОЕ (АЗОВСКОЕ) МОРЕ
Корчев
Тмутаракань (Таматарха)
Северский Донец
Белая Вежа (Саркел)
965
ПЕЧЕНЕГИ
ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ (до 966 г.)
ИТИЛЬ
Кубань
Кума
Терек
КАСОГИ
ЯСЫ
ГРУЗИЯ
ХВАЛИССКОЕ (КАСПИЙСКОЕ) МОРЕ
Древнерусское государство к 912 г.
Земли, присоединенные к Древнерусскому государству с 912 по 972 гг.
Земли, присоединенные к Древнерусскому государству с 980 по 1054 гг.
Границы территории древнего культурного и политического центра восточных славян „Русская земля"
Границы земель, зависимых от Древнерусского государства в IX—начале XI вв.
Границы Киевской Руси в середине XI в.
Границы других государств в середине XI в.
Границы Киевской Руси во 2-й половине XI—начале XII вв.
Территории, осваиваемые в начале XII в.
ДУЛЕБЫ Племенные объединения и племена славян в IX—X вв
ЯТВЯГИ Неславянские племена (летописные названия)
МОРДВА Племена, платившие дань Киевской Руси
КИЕВ Столицы государств
Муром Главные города княжеских земель в начале XII в.
Курск Прочие города
Места и даты народных восстаний
Укрепления для защиты от кочевников
971 Места и даты крупных битв
Главные торговые пути
Путь из Киева к варягам и грекам
Походы Олега и Игоря
Поход Святослава
Поход Владимира
Поход Ярослава
Походы новгородцев на Югру
Походы киевских князей на половцев
Походы византийцев под руководством Иоанна Цимисхия
Набеги печенегов
Набеги половцев
Осада Херсонеса (Корсуня) князем Владимиром в 988 г.

первой Кий был перевозчиком на Днепре, согласно второй — князем. Нестор писал, что Кий ходил в Царьград, его с почестями принимал византийский император, имя которого летописцу было неизвестно. Возвращаясь из Византии, Кий имел намерение осесть на Дунае, где построил городок, но под натиском местных племен вынужден был отказаться от своих планов и возвратиться в Киев. После смерти Кия Полянское княжество перешло к его наследникам. В основе этого рассказа, как полагают советские историки, лежат действительные исторические события, происходившие в VI в.

О преемниках Кия летописец не рассказывает ничего. Возможно, такие сведения и содержались в тексте до первой редакции «Повести временных лет», но позднее, при неоднократных переработках летописи, выпали. Не исключено, что их умышленно изъял редактор — сторонник теории норманнского происхождения Древнерусского государства, поскольку эти сведения противоречили его взглядам.

Важным этапом в развитии Древнерусского государства были VIII—IX вв. Именно тогда, как можно сделать вывод из рассказа Нестора, в Среднем Поднепровье сложилось государственное объединение — Русская земля, в которое входили поляне, древляне, северяне. Характерно, что сначала название «Русская земля» употреблялось по отношению к Среднему Поднепровью и только со временем распространилось на все земли восточных славян.

Приблизительно с середины IX в. в летописи начинается последовательное изложение династической истории Киевской Руси. Под 862 г. киевскими князьями называются Аскольд и Дир. Согласно свидетельству ряда письменных источников они были последними князьями из славянской династии, начало которой положил Кий. Княжили они, наверное, в разное время. Дира упоминает аль-Масуди, но его сведения основываются на более ранних источниках. Согласно Масуди, Дир был самым выдающимся из славянских князей, владел многими городами и громадными территориями, в его столицу приезжали мусульманские купцы. О княжении Аскольда летописные сведения сохранились в Никоновой летописи; они явно опровергают утверждения о его норманнском происхождении. Эти записи условно названы Аскольдовой летописью и датируются IX в.

Отдельные княжества у восточных славян существовали и позднее, когда уже образовалось Древнерусское государство. Одним из них было древлянское, во главе которого в первой половине X в. стоял князь Мал. Оно выступало против объединительной политики Киева, и потому киевские князья неоднократно снаряжали дружины для борьбы со строптивыми древлянами. В 945 г. древляне восстали против князя Игоря и убили его. Княгиня Ольга подавила восстание. У вятичей местная княжеская династия существовала еще и в начале XII в. Владимир Мономах дважды вынужден был ходить походами против их князя Ходота и его сына.

О существовании других княжеств у восточных славян и об их князьях летописи конкретно не сообщают, но нет сомнения в том, что до образования Древнерусского государства кроме известных из летописи были и другие княжества. Это подтверждается, в частности, договорами Руси с Византией. В 907 г. греки обязались платить дань русским городам — Киеву, Чернигову, Переяславу, Полоцку и другим центрам, где «седяху велиции князи, под Ольгом суще». Договор 911 г. также упоминает светлых и великих князей, которые были под рукой Олега. Таким образом, Киевская Русь уже к началу X в. имела сложную государственно-политиче-

скую структуру; в нее входили многие вассальные княжества, ранее независимые.

Внешнеполитическая ситуация, сложившаяся во второй половине I тысячелетия н. э., ускоряла процессы объединения отдельных славянских княжеств в единую политическую организацию. Продолжалось переселение народов, и многочисленные кочевники периодически волнами накатывались на земли восточных славян. Большое горе последним принесли авары, о чем сохранились сведения в летописях. Нет летописных данных о том, как на положении восточных славян отразилось движение болгарской орды на Дунай во второй половине VII в., но путь ее пролегал непосредственно через южные восточнославянские земли, и, безусловно, отношение кочевников к местному населению не было благожелательным. В летописи дважды говорится о появлении в VII и IX вв. вблизи Киева угров во время их передвижения на Дунай. Пребывание их в Киеве засвидетельствовано названием урочища Угорского и археологическими памятниками.

В VII в. в низовье Волги и на Дону появились хазары, основавшие так называемый Хазарский каганат с центром в г. Итиле в устье Волги. В современной буржуазной и буржуазно-националистической историографии утверждается мысль, что это «мирное торговое государство» оказало исключительно благотворное влияние на государственное и культурное развитие восточных славян. В действительности «цивилизаторская» деятельность хазар заключалась в том, что они силой подчинили некоторые восточнославянские племена — полян, северян и вятичей и превратили их в своих данников. Раскопки ранних древнерусских центров показывают, что в их слоях содержатся лишь единичные вещи хазарского происхождения, не оказавшие сколько-нибудь заметного влияния на развитие восточнославянской материальной культуры. Что касается государственности, то «заслугой» хазар в этом было лишь то, что они вынуждали восточных славян консолидировать силы для борьбы за свое освобождение. Государство «Русская земля» развивалось и крепло в борьбе с хазарской экспансией.

С севера славянам угрожали норманны. Они из-за моря, из Скандинавии, нападали на славян и другие племена, грабили их. Согласно летописи варяги собирали дань с новгородских словен, кривичей, чуди и мери. Местное население неоднократно восставало против варягов и выгоняло их. Киевские князья также снаряжали отряды для борьбы с ними. Не исключено, что в определенной связи с этой борьбой находилось и возникновение Новгорода, который, располагаясь при впадении Волхова в оз. Ильмень, был призван преградить варягам путь на Русь. Это важное стратегическое значение Новгород сохранял в течение довольно длительного времени.

В отличие от прибрежных районов Западной Европы, куда норманны проникали в большом количестве, Русь не знала значительной варяжской экспансии. Географическое положение Северо-Западной Руси не давало возможности норманнам неожиданно нападать на города и захватывать их. Большим норманнским отрядам трудно было быстро проникнуть в глубь страны по системе рек и волоков незамеченными. Они могли осуществлять только отдельные нападения на ближайшие к морскому побережью земли. Норманны больше приезжали на Русь как купцы или в составе наемных военных дружин. Они не захватывали силой русские города и никогда не владели ими. Больше того, норманны даже не имели права проживать в древнерусских городах; свои укрепленные лагеря

они ставили в 10—15 километрах от них. В общем на Русь могло попасть столько варягов, сколько разрешали князья Киевской Руси. Не случайно, чтобы овладеть Киевом в 882 г., варяжский конунг Олег и его дружина вынуждены были притвориться варяжскими купцами. Поселения варягов на Руси известны в Гнездове, вблизи Смоленска, и в Шестовицах, недалеко от Чернигова. Шестовицкий могильник принадлежит к числу самых богатых находками скандинавского происхождения. Их анализ, сопоставление с изделиями местного производства, а также погребальный обряд свидетельствуют о том, что удельный вес норманнского культурного элемента в Шестовицах был незначительным. Проживание в условиях славянского окружения приводило к тому, что норманны быстро ассимилировались местным населением.

На социально-экономическое, общественно-политическое и культурное развитие Руси норманны, таким образом, не оказали никакого влияния. Они выступают не создателями русской государственности, как это пытаются доказать некоторые историки-норманнисты, а лишь участниками тех качественных изменений в общественно-политической жизни Руси, которые были подготовлены многовековым социально-экономическим развитием восточного славянства. Придя на Русь в конце IX — начале X в., норманны застали здесь сложившиеся государственную организацию и города, проложенные торговые пути, в том числе и знаменитый путь «от Грек». Как показали советские историки В. В. Мавродин, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и другие, создавшие марксистскую концепцию происхождения Древнерусского государства, норманнская династия потому и удержалась на Руси, что поступила на службу к русской правящей верхушке, быстро слилась с ней и, по существу, в ней растворилась. Подтверждением этого является, в частности, договор киевского князя Олега с греками, написанный не на шведском, а на славянском языке.

Происхождение этнонима «Русь» является одним из важнейших вопросов отечественной истории. Он назван первым в перечне тех вопросов, на которые пытался дать ответ еще автор «Повести временных лет». В той или иной степени касались его все историки Киевской Руси. В результате всестороннего исследования выяснено, что понятие «Русь» и «Русская земля» имеют два значения — широкое, относящееся ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Древнерусского государства, и узкое, применявшееся только к южной части этих земель. Так, князь Юрий Долгорукий выступил с войском из Ростово-Суздальской земли «в Русь», т. е. на Киев. Изяслав Мстиславич, вынужденный оставить Киев, ушел с «Русской земли» на Волынь, а затем с Волыни вернулся на «Русскую землю». Эти и подобные летописные сведения локализуют Русь в ее узком понимании на юге восточнославянских земель, в районе Среднего Поднепровья. Таким образом, Русь согласно этим свидетельствам занимала территорию от Верхнего Подесенья — на севере до Роси и Тясмина — на юге и от Сейма и Сулы — на востоке до Ирпеня — на западе, т. е. охватывала земли полян, древлян, северян и уличей. Эти группы восточнославянских племен и составляли Русь в узком значении этого слова. Основная роль в создании межплеменного объединения, которое стало называться «Русью», принадлежала полянам; летописец считал необходимым это подчеркнуть — «поляне, яко ныне зовомая Русь». Характерно, что именно на землях полян сохранилось больше всего гидронимов, связанных с именем «Русь»,— Рось, Росава, Роставица. Политическими центрами

государственного образования «Русская земля» были Киев, Чернигов, Переяслав.

В IX—X вв. Русь как страна и ее народ уже известны далеко за пределами восточнославянских земель. Их неоднократно упоминают арабские писатели того времени, которые являлись лучшими знатоками исторической географии средневекового мира. «Они (русы.— *Ред.*) — одно из подразделений славян»,— подчеркивал писатель середины IX в. Ибн-Хардадбег. Его современник анонимный географ, уточняя месторасположение Руси, писал, что она находится в местности, «на восток от которой — гора печенегов, на юг от нее — речка Рута, на запад от нее — славяне, на север — безлюдные земли севера, и область эта большая». Ибн-Хардадбег и другие авторы того времени (Ибн-Русте, Гардизи) отмечали, что городов у славян «большое количество и живут они в достатке».

Географические сведения арабских писателей о Руси и славянских землях иногда очень трудно точно локализовать на карте, поскольку специфика арабского письма усложняет передачу иноязычных имен. К тому же писатели не всегда пользовались в своих сообщениях о Руси непосредственными или достоверными данными, в результате чего собственные имена искажались, точные сведения обрастали легендарными подробностями. Но в совокупности с археологическими материалами они все же являются ценным источником для освещения начального периода истории Руси.

В результате политической, этнической и культурной консолидации восточнославянских племен в конце IX в. завершился длительный процесс образования Древнерусского государства.

Сложение древнерусской народности. Одновременно с образованием и развитием государства происходило и сложение древнерусской народности, явившейся новой, высшей формой этнической общности по сравнению с родом и племенем. На определенном этапе развития восточнославянских племен (VI—VIII вв.) в силу их внутренней консолидации — языковой, культурной и экономической — появилась необходимость и возможность создания сначала нескольких, а затем (в конце IX в.) и единого государственного образования — Киевской Руси. Рожденное на территориальной основе родственных восточнославянских племен, молодое Древнерусское государство само стало условием их дальнейшей консолидации, превращения в единую древнерусскую народность.

Восточнославянские племена накануне образования единого государства представляли собой союзы племен, а может быть, и более крупные этнические общности. В летописи они названы полянами, древлянами, кривичами, волынянами, словенами и т. д. Ф. Энгельс, исследуя этнические процессы в Западной Европе, называл швабов, лангобардов, аквитан и другие объединения, находившиеся примерно на том же уровне этнического развития, что и восточнославянские летописные племена, «народцами» [1].

Слияние таких восточнославянских «народцев» в древнерусскую народность особенно интенсивно проходило тогда, когда их языковое и культурное единство дополнилось единством политической и государственной жизни. Образование и развитие Древнерусского государства IX—X вв. вызвали большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы. В процесс формирования древнерусской народности втягивались и некоторые неславянские племена.

[1] См.: *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, с. 442—546; т. 21, с. 406—416.

Активизация процессов общественного развития, обусловивших смену первобытнообщинного строя на Руси феодальным, возникновение классов, укрепление торговых связей, развитие письменности и древнерусского литературного языка — все это обусловило преодоление племенной замкнутости и формирование единой древнерусской народности. Поскольку важнейшим средством общения и установления связей выступал язык, являющийся основой каждого этнического образования, интеграционные процессы среди восточных славян проходили прежде всего путем усиления общности их языка. В IX—XI вв. развивался дневнерусский литературный язык, в основе которого лежал народный разговорный язык, который, хотя и сохранял определенные диалектные особенности, был понятным на всей территории Древнерусского государства. Решающая роль в его формировании принадлежала широким народным массам Руси.

Созданный на языковой основе родственных восточнославянских племен и сформированный в условиях единого государства, древнерусский язык значительно пережил Киевскую Русь. Активность общественной жизни Руси в эпоху феодальной раздробленности не только не способствовала областной языковой замкнутости, но и практически исключала ее.

Наряду с языковой складывалась и территориальная общность восточных славян. Характерной особенностью этого процесса является совпадение этнических и государственных границ, рубежей расселения восточных славян и границ Киевской Руси. Это территориальное единство восточных славян оказалось чрезвычайно крепким и стабильным. Достаточно сказать, что западные рубежи украинской и белорусской наций, наследников древнерусской народности, в основном совпадают с этническими рубежами восточных славян на западе и государственной границей Киевской Руси.

Практическое совпадение рубежей Киевской Руси с рубежами ее народности стало одним из факторов, обеспечивших ей очень быстрый прогресс в социально-экономической и культурной областях. В условиях средневековья в таком положении находилось большинство европейских стран. Ф. Энгельс, отмечая факты отсутствия совпадения границ языка и государства, подчеркивал, что в средневековье «... каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века» [1].

Консолидация древнерусской народности сопровождалась и стимулировалась общностью экономического развития Киевской Руси, проявлявшейся в углублении процессов отделения ремесла от сельского хозяйства, складывании местных рынков, расширении сети торговых путей, широком обмене ремесленной продукции и росте товарного производства.

В условиях существования Киевской Руси формируется единая материальная и духовная культура древнерусской народности. Причем единство это прослеживается не только в широком ассортименте изделий городского и сельского ремесла, но и в домостроительстве, монументальной архитектуре, прикладном и изобразительном искусстве, быте, идеологии, во всем народном творчестве.

Очевидно, самым полным проявлением высокого уровня этнической сплоченности было осознание древнерусским народом необходимости сохранения своего единства. Красноречивым свидетельством этого являются такие памятники древнерусской

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 410.

литературы, как «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Поучение Мономаха», «Слово о полку Игореве» и др. В них с неослабевающей силой звучит идея необходимости сохранения единства Русской земли, единства древнерусского народа, отображены чувства любви к своей родине. Авторы этих сочинений воспевают силу и славу Руси, ее героических защитников, богатство многолюдных городов. Им одинаково близки и дороги Киев и Новгород, Чернигов и Смоленск, Галич и Владимир на Клязьме, Переяслав и Рязань, Ростов и Полоцк, Суздаль и Новгород-Северский, вся Русь от новгородского севера до киевского юга и от Закарпатья до Волги и Дона.

Единство древнерусской народности было настолько крепким, что даже в условиях долговременного иностранного господства — монголо-татарского, литовско-польского и венгерского — в разных уголках бывшего Древнерусского государства сохранилось много общего в языке, культуре, быте и обычаях.

Этнокультурное наследие древнерусской народности стало той основой, на которой складывались в XIV—XV вв. братские восточнославянские народы — русский, украинский и белорусский, сохранившие и пронесшие через века чувство не только общности происхождения, культурного единства, но и общности своей исторической судьбы.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Сельское хозяйство. Главное место в экономике Киевской Руси занимало сельское хозяйство, имевшее древние традиции и достигшее высокого уровня развития. Особенно успешно развивалось земледелие, уровень которого определялся качеством обработки почвы и системой севооборота. Последние, в свою очередь, зависели от земледельческих орудий и культурных растений, выращиваемых в то время.

Земледельческие орудия времен Киевской Руси отличались большим разнообразием. Существовали ручные и тягловые пахотные орудия. К тягловым относились рало с узким лезвием без полоза, рало с широким лезвием с полозом, плуг, однозубая, двузубая и многозубая сохи. Отмеченные типы пахотных орудий появились у восточных славян в разное время. В период Киевской Руси они широко применялись на разных почвах и при различных процессах их обработки.

К наиболее совершенным и распространенным пахотным орудиям принадлежал плуг, появившийся в лесостепных районах восточнославянских территорий не позднее конца I тысячелетия н. э. Применение плуга не привело к исчезновению других пахотных орудий, распространенных на этой территории в прежние времена. В частности, использовались рала с узким и широким лезвием, которые часто играли роль культиваторов, а также бороны. В Киевской Руси бороны были деревянными. Рама их делалась из тесаных брусков или плелась из лозы.

В лесных районах Киевской Руси эволюция земледельческих орудий имела свои особенности. Здесь с давних пор преобладающей системой земледелия была подсечная, а древнейшими орудиями обработки земли — суковатка и соха без железного сошника.

Значительное распространение на Руси имели также ручные земледельческие орудия: заступы, мотыги, сер-

Пахота и строительство на Руси. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

пы и косы, которые упоминаются в письменных источниках и часто встречаются среди археологического материала. По форме и назначению они близки к современным.

Для обмолота хлеба использовался цеп. Он упоминается и литературными памятниками. Так, автор «Слова о полку Игореве» битву русских с половцами сравнивает с молотьбой цепами.

Сельскохозяйственные орудия в Киевской Руси были не только разнообразными, но и совершенными для своего времени. Все вместе они представляли собой техническую базу земледелия. К зерновым культурам, которые выращивались на Руси, принадлежали рожь, пшеница, просо, ячмень и овес. Каждое из растений культивировалось там, где были наиболее благоприятные для него климатические условия.

Простейшим и древнейшим способом восстановления плодородия почвы естественным путем, применяемым в лесостепных районах, была переложная система земледелия. Такая система появилась у восточных славян этого края, наверное, в первой половине I тысячелетия н. э. вместе с земледельческими орудиями, способными распахивать поросшие травой переложные земли. Переложная система была господствующей в земледелии лесостепных районов на протяжении всего I тысячелетия н. э.

Развитие агротехники, явившееся составной частью экономического прогресса страны, обусловило появление других земледельческих систем, при которых урожайность земли восстанавливал сам производитель путем усовершенствования обработки почвы, борьбы с бурьянами, подкормкой и т. д. Так возникла паровая система с двупольным и трехпольным севооборотами.

В лесных районах Руси земледелие было подсечным, или огневым. Вырубка и сжигание леса при этой системе было не только средством осво-

Земледельческие орудия труда:
1 — колун; *2* — кувалда; *3* — топор. Колодяжинское городище. Волынская область. XII—XIII вв.

бождения участков для пахоты, но и агротехническим мероприятием, обеспечивавшим уничтожение бурьянов и удобрение почвы пеплом. Такие участки засевались и эксплуатировались на протяжении двух — четырех лет, после чего их оставляли на 10—15 лет.

Одним из основных орудий труда для подготовки поля при подсечной системе был топор. Распушивали землю после сжигания леса с помощью деревянной сохи или так называемой суковатки — верхушки ели с обрубленными ветвями. Применение пахотных орудий с железными наконечниками на лесных участках давало возможность увеличить срок их эксплуатации. Участки с лучшими почвами обрабатывались постоянно. Так в лесных районах наряду с подсечным появилось и пахотное земледелие.

Таким образом, в Киевской Руси существовало несколько систем земледелия, что было естественным при наличии различных климатических районов и соответственно таких же различных почв. В общем земледелие в Киевской Руси достигло такого агротехнического уровня, который обеспечивал относительно высокую производительность труда и урожайность.

Природные условия страны были благоприятными для развития животноводства. Для пастбищ с весны до осени использовались поймы, луга, степные просторы, леса, переложные земли и толоки. Зимой скот кормили сеном и продуктами земледелия. Большое внимание животноводству уделяло законодательство Киевской Руси. Согласно «Русской правде» воровство домашних животных считалось преступлением, за которое налагался штраф.

Важной вспомогательной отраслью хозяйства в Киевской Руси была охо-

та. В лесах и в степях водились дикие звери и птицы, имевшие промысловое значение. Судя по количеству костей диких животных, обнаруженных во время раскопок древнерусских поселений, охота играла немаловажную роль в обеспечении населения мясом и мехом. Хозяйственное значение охоты состояло также и в том, что она давала сырье для реализации на внутреннем и внешнем рынках. Законодательство Киевской Руси охраняло права собственности на средства охоты, принадлежавшие отдельным лицам. Существовали определенные угодья, являвшиеся собственностью сельской общины или отдельных феодалов, где посторонним лицам запрещалось охотиться.

Значительное место в хозяйстве принадлежало и такому промыслу, как рыболовство. Письменные источники неоднократно упоминают рыбу в составе продуктов питания.

На древнерусских поселениях находят рыбьи кости в большом количестве. Среди них встречаются и кости больших сомов, вес которых достигал нескольких десятков килограммов. Основным орудием рыболовства были сети, от которых сохранились глиняные и металлические грузила. Ловили рыбу также на крючки и блесну, били ее и остями.

Место пчеловодства в Киевской Руси определялось той особой ролью, какую играл мед и воск в питании и в быту, а также во внутренней и внешней торговле. Основным видом пчеловодства было бортничество — собирание меда пчел, поселившихся в бортях — дуплах деревьев, естественных или выдолбленных человеком. Борти принадлежали отдельным владельцам, и каждый, обнаруживший в лесу борть, ставил на ней свой знак. Бывали случаи присвоения чужой борти, за что, согласно «Русской правде», предусматривалось наложение значительного штрафа на того, кто «раззнаменает» борть, т. е. уничтожит на дереве знак прежнего владельца и поставит свой. Существовали целые участки бортных деревьев, представлявших собой своеобразную пасеку. Они принадлежали разным лицам, метились определенными межевыми знаками, а также охранялись законом. За уничтожение бортной межи предусматривался штраф в таком же размере, как и за присвоение отдельной борти. Наряду с бортничеством развивалось улейное пчеловодство. Оно известно на Руси уже с X в., на что указывают арабские писатели.

Ремесло. Большое значение в хозяйственной жизни Киевской Руси имело высокоразвитое ремесло. Главными центрами его средоточия были древнерусские города, но отдельные отрасли развивались и в селах.

Важнейшей отраслью ремесла была черная металлургия, являвшаяся вместе с земледелием основой экономического развития страны. Железо добывалось из болотных руд, которыми богата территория Древней Руси. В ряде ее полесских районов руды имеют высокий (от 18 до 40) процент железа. Плавилось оно в специальных сыродутных горнах, остатки которых обнаружены во многих пунктах. Как правило, железоделательное производство, имевшее самую непосредственную связь с ремеслом городов, находилось за их пределами, на территории сельской округи. Выплавкой железа занимались как общинные ремесленники, так и вотчинные, проживавшие сезонно или постоянно в деревне и снабжавшие княжеские и боярские мастерские металлом.

Известны на Руси и специализированные центры железоделательного производства. Один из них находился в Городске на Тетереве — на месте современного села с тем же названием Коростышевского района Житомирской области. Здесь на большой площади одновременно функционировали

десятки сыродутных горнов. Следы железоделательного производства зафиксированы также и в Вышгороде.

Обработка железа, изготовление из него многочисленных вещей для хозяйства, военного дела и быта осуществлялись в кузнечных мастерских. Их остатки обнаружены практически во всех исследовавшихся древнерусских городах. Крупнейшими центрами по обработке черного металла являлись Киев, Новгород, Смоленск, Галич, Вышгород. Ассортимент изделий из железа насчитывал 150 наименований, в том числе 22 орудия труда, 46 ремесленных инструментов, 16 видов оружия, 37 предметов домашней утвари, 10 наборов конской сбруи и снаряжения всадника, 19 украшений.

Изделия из железа. XI—XIII вв.

Особым совершенством отличаются кузнечные инструменты: наковальни, молотки, клещи, зубила, пробойники. По форме и функциональным признакам они практически были равны аналогичным инструментам позднейших времен.

Древнерусские кузнецы владели множеством технологических приемов обработки железа: ковкой, сваркой, цементированием, обточкой, инкрустацией цветными металлами, полировкой. В ряде категорий кузнечных изделий высокое качество металла дополнялось функциональным совершенством формы, а также художественным оформлением. Примером таких изделий являются древнерусские мечи, которые, по свидетельству хорезмского ученого XI в. аль-Бируни, представляли собой вещи «дивные и исключительные». Убедительным подтверждением сказанному является меч с автографом мастера: «Коваль Людота», обнаруженный на Полтавщине у деревни Хвощево. Его рукоять украшена сложным плетением, напоминающим художественную резьбу.

Древнерусское слово «кузнец» означало также и ремесленника, работавшего с цветными металлами. «Кузнецы злату, серебру и меди» достигли исключительного мастерства и владели всеми видами обработки цветных металлов, известных в средневековье: литьем, волочением проволоки, сканью и филигранью, зернью, эмалью, техникой свинцовых и оловянных отливок. Искусство отливок в имитационных формочках явилось изобретением киевских мастеров XII в. В этой технике изготовлялись украшения, имитировавшие золотые и серебряные изделия и предназначавшиеся на широкий рынок. Монополией киевских литейщиков было изготовление крестов-энколпионов, расходившихся по всей Руси и попадавших даже за ее пределы.

В производстве перегородчатых эмалей древнерусские мастера были

Рукоять меча с надписью-клеймом: «Коваль Людота». Село Хвощево Полтавской области. X—XI вв.

непревзойденными. Эта сложная техника, появившаяся на Руси в X—XI вв., получила особое распространение в XII и XIII вв. Крупными центрами эмальерного производства считались Киев, Новгород, Рязань, Галич, Владимир на Клязьме. В мастерских этих городов изготовлялись диадемы и бармы, медальоны и колты, кресты и ожерелья, драгоценные переплеты книг. Вершиной русского эмальерного дела являются работы киевского мастера второй половины XII в. Лазаря Богши, лучшие среди которых — две княжеские диадемы (с деисусным чином и с изображением вознесения Александра Македонского), а также крест Ефросиньи Полоцкой. Остатки двух эмальерных мастерских XII—XIII вв. выявлены в центральной части древнего Киева.

Искусством черни древнерусские ювелиры овладели уже в X в., но наивысшего мастерства достигли в XII — начале XIII в. В кладах этого времени неизменно обнаруживались серебряные черненые колты, медальоны, перстни, кресты-энколпионы, широкие браслеты. Встречаются

Остатки срубной постройки. Киев. X в.

подобные изделия и во время раскопок. Особый интерес представляют широкие браслеты-наручи, которые принадлежат к числу лучших произведений древнерусского художественного ремесла. Согласно сведениям, известным из литературы, в разных древнерусских центрах найдено около 20 таких браслетов. Стилистически все они близки между собой, но отличаются разнообразием декора. На створках наручей изображены жанровые сцены, фантастические звери и птицы, цветы, растительные побеги. Поражает исключительная декоративность изображений. Хвосты зверей и птиц стилизованы в виде сплетений растительных побегов, заполняющих все свободное пространство киотцев. Схематизм в трактовке сиринов и драконов, грифонов и симарглов также усиливает впечатление декоративности.

Областью, тесно связанной с производством эмалей, являлось стеклоделие. Долгое время исследователи считали, что все предметы из стекла привозились на Русь из Византии. Раскопки В. В. Хвойки в 1908—1909 гг. в Киеве опровергли это ошибочное мнение. В настоящее время стекловаренные мастерские открыты во многих древнерусских центрах. В них изготовлялись: мозаичная масса (смальта), оконное стекло, посуда, стеклянные браслеты, перстни, бусы и другие вещи. Появление стеклоделия на Руси относится к XI в., время расцвета этого вида ремесла приходится на XII—XIII вв.

Наиболее массовой продукцией древнерусского ремесленного производства являются керамические изделия. Ассортимент их разнообразен. Это горшки, миски, кувшины, корчаги, амфорки киевского типа, голосники, светильники. На рубеже X—XI вв. началось производство поливной керамики: столовой посуды и плиток, употреблявшихся в строительстве

дворцов и храмов. Поливные керамические плитки украшали полы и стены храмов Киева, Новгорода, Владимира, Смоленска, Переяславля и других древнерусских городов. В XII—XIII вв. древнерусские керамисты изготовляли уже такую поливную посуду, что она могла успешно конкурировать на внутреннем рынке с привозной.

Среди материалов, которые на Руси применялись для разнообразных поделок, значительное место занимала кость. Из нее делали рукоятки ножей и кинжалов, ручки зеркал, обкладки луков и седел, наконечники стрел, гребешки, расчески, писала, пуговицы, резные иконки. В этой области работали опытные резчики, мастерские которых обнаружены в Киеве, Новгороде, Галиче, Звенигороде и других городах.

Высокого уровня развития достигли в Киевской Руси отрасли ремесла, связанные со строительным делом: дерево- и камнеобрабатывающие, изготовление кирпича, извести.

Древнейшим из этих ремесел являлось деревообрабатывающее. Из дерева строились жилые и хозяйственные сооружения, первые христианские храмы, оборонительные стены вокруг городов и феодальных замков, изготовлялись разнообразнейшие хозяйственные и бытовые вещи: телеги, сани, суда, мебель. Утилитарность большинства деревянных изделий обусловливала их художественное совершенство. Плотник или столяр одновременно был и искусным резчиком. Свидетельством этого являются прекрасные образцы художественной резьбы, обнаруженные в Новгороде, Бресте, Старой Ладоге, Киеве.

Деревянное строительство обслуживали квалифицированные специалисты, так называемые «древоделы», объединявшиеся в артели. Известны объединения огородников, возводивших деревянные конструкции оборонительных сооружений,— городни, а

Угол сруба. Киев. X в.

также мостников, строивших и чинивших мосты и мостовые. Они упоминаются в летописи, «Русской правде», «Киево-Печерском патерике».

Широкое каменное строительство, развернувшееся на Руси в конце X—начале XI в., требовало специалистов различных профилей — архитекторов, «плинфотворителей», каменщиков, мастеров по обжигу извести. Исследователями в Киеве, Суздале и некоторых других центрах обнаружены остатки мастерских по обработке камня, печей по обжигу плинфы и извести. Производственный потенциал их был значителен. Выявленные в Киеве, вблизи Софийского собора, обжиговые печи за один цикл производили около 600 бочек извести.

Существовали и такие отрасли ремесла, как портняжное дело, обработ-

ка кожи. В письменных источниках неоднократно упоминаются кожемяки и усмошвецы. Мастерские по вычинке шкур и изготовлению обуви обнаружены в Новгороде и Киеве.

Значительное распространение на Руси имели и так называемые домашние ремесла, к которым относились прядение и ткачество, переработка сельскохозяйственной продукции, приготовление продуктов питания и др. Из зерна, муки, круп, мяса, молока, рыбы в Древней Руси умели готовить широкий ассортимент блюд. Письменные источники упоминают кислые хлеба, сладкие пироги с медом и маком, караваи, коврижки, кашу, сочиво (супы), квас, кисель, сыр, пиво. В крупных городах были и специальные хлебопекарни, которые пекли хлеб для крупных хозяйств, монастырей, а также на продажу.

Прядение и ткачество в домашних условиях были женским занятием. Об этом, в частности, говорят многочисленные надписи в большинстве своем женских имен на шиферных пряслицах.

Обработка конопли и льна осуществлялась так же, как и в последующее время. Среди археологических находок известны так называемые трепала, при помощи которых удалялась кострица, гребни, остатки ткацких станков.

В целом многопрофильное ремесленное производство Древней Руси находилось на высоком уровне развития. В ряде отраслей — технике эмалевого пастилажа, золотой росписи по меди, зерни, скани и черни — древнерусские мастера занимали ведущее место в Европе.

Торговля. Развитие ремесленного производства в значительной мере зависело от степени развития связей между отдельными его отраслями, осуществлявшихся посредством обмена и торговли. Основную часть продукции ремесленники сбывали на рынке; часть ее шла на обмен, за другую, после ее продажи, покупали необходимые им вещи, которые сами они не производили, а также сырье. Важнейшими товарами, получаемыми ремесленниками за свои изделия, были сельскохозяйственные продукты.

Уровень развития торговли зависел от спроса и производительности труда ремесленников: чем больше вырабатывалось продукции, тем больше ее попадало на рынок.

Основным видом экономических связей в Киевской Руси был обмен в пределах небольших районов между отдельными производителями. Такой обмен существовал на протяжении всего феодального периода. В. И. Ленин писал по этому поводу: «...Докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей...*» [1]. Размещение железоделательных горнов и кузниц указывает на то, что своей продукцией они обслуживали районы в радиусе от 10 до 30 километров. На такой же территории распространялись изделия сельских ювелиров, гончаров, сапожников и др.

Кроме того, активно развивалась торговля и в пределах всей страны. Она связывала между собой отдельные местные рынки. Изделия киевских мастеров — стеклянные браслеты, энколпионы, вещи с перегородчатой эмалью и другие, отличавшиеся техническим совершенством и высоким художественным уровнем исполнения, расходились по многим городам и селам.

Постоянная торговля связывала разные по природным условиям части Руси. Она обеспечивала население отдельных районов продукцией, которую на месте не производили или которой не хватало. Так, Галицкая

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 381.

земля вывозила в различные районы страны соль, получала оттуда нужную ей продукцию. Новгородская земля поставляла меха, которыми она славилась, и одновременно покупала хлеб.

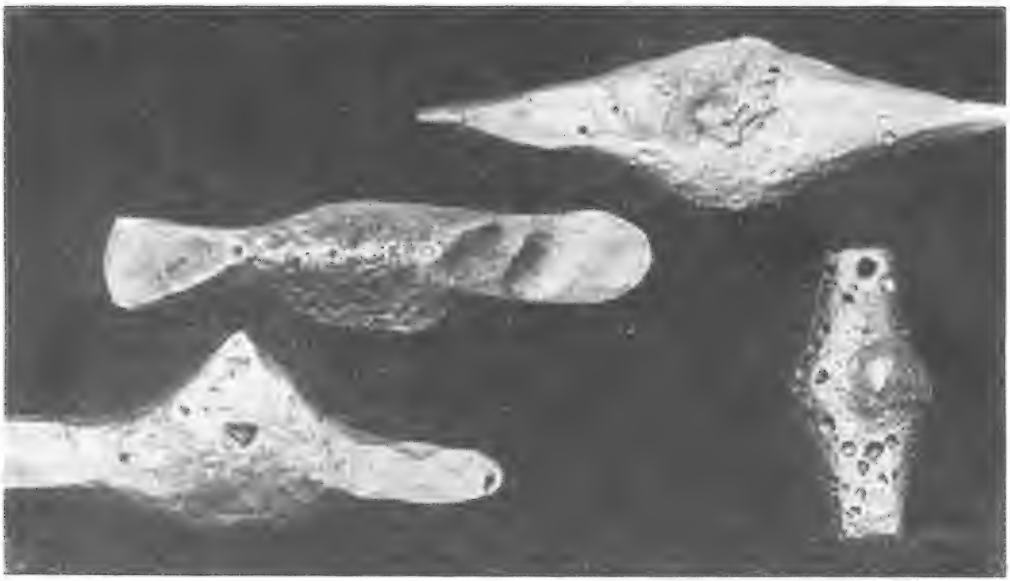
Обмен имел различные формы. Там, где производитель и потребитель были территориально близкими, обмен мог осуществляться посредством заказа. В таком случае мастерская, где производился товар, служила и местом его реализации. Сюда приходил заказчик и приносил за исполненную по его просьбе вещь свой товар или деньги. Обмен между территориально отдаленными контрагентами осуществлялся на постоянных или периодически функционировавших рынках в каждом городе и во многих селах. Такие села назывались на Руси погостами, что означало место «гостьбы» — торговли.

Развитие торговли вызвало к жизни сословие купцов. Наиболее значительную их группу составляли мелкие торговцы по образцу известных позднее коробейников. Они проникали в самые отдаленные и глухие местности, разнося изделия киевских, новгородских, галицких, суздальских и других ремесленников. Крупные купцы осуществляли довольно сложные операции, реализуя значительные партии товаров. Они объединялись в торговые корпорации. Караваны, которыми владели эти корпорации, пересекали вдоль и поперек всю страну.

Из летописей известно о трех важнейших путях, которыми Русь осуществляла торговые связи с другими странами: Греческом, Соляном и Залозном. Греческий связывал Русь и северные страны с Византией; Соляной — Поднепровье с Галицкой землей; Залозный проходил с Поднепровья на юго-восток до Азовского моря и дальше на Кавказ.

Развитая торговля была невозможной без денежного обращения. Сначала эквивалентом при торговых операциях на Руси служили иностранные монеты. В VIII—X вв. особенно распространились арабские дирхемы, которых найдено на русских землях сотни тысяч, византийские номисмы и милиаресии и западно-европейские динарии. При Владимире Святославиче началась чеканка собственных денег — сребреников и златников. В XI—XIII вв. для расчетов при больших торговых операциях применялись серебряные слитки, так называемые гривны, весом от 95 до 197 граммов. Последние составляли основную единицу денежной системы на Руси. Гривна равнялась 20 ногатам, или 25 кунам, или 50 резанам, или 100 веверицам, или 100 векшам. По весу ногата равнялась одному дирхему, а резана — динарию. Интересы внешней торговли защищали договоры Руси с греками и «Русская правда». О внешней торговле имеется много сведений в древнерусских летописях. Все это привело к тому, что некоторые дореволюционные историки преувеличивали ее роль в жизни древнерусского общества. Потребностями внешней торговли объясняли возникновение городов, которые считались торговыми факториями и транзитными пунктами. В действительности же такое внимание, оказываемое внешней торговле, объясняется не ее главенствующей ролью, а значением в жизни господствующих слоев Киевской Руси. Она прежде всего удовлетворяла их потребности в предметах роскоши. Не удивительно, что политика Киевской Руси во многих случаях диктовалась интересами внешней торговли.

Киевская Русь торговала не только с соседями, но и с отдаленными странами Востока и Запада. Постоянные торговые связи поддерживались с Византией, Арабским Востоком, Хазарским каганатом, Волжской Болгарией, скандинавскими, центральноевропейскими и западноевропейскими стра-



Древнерусские монетные гривны. XI—XIII вв.

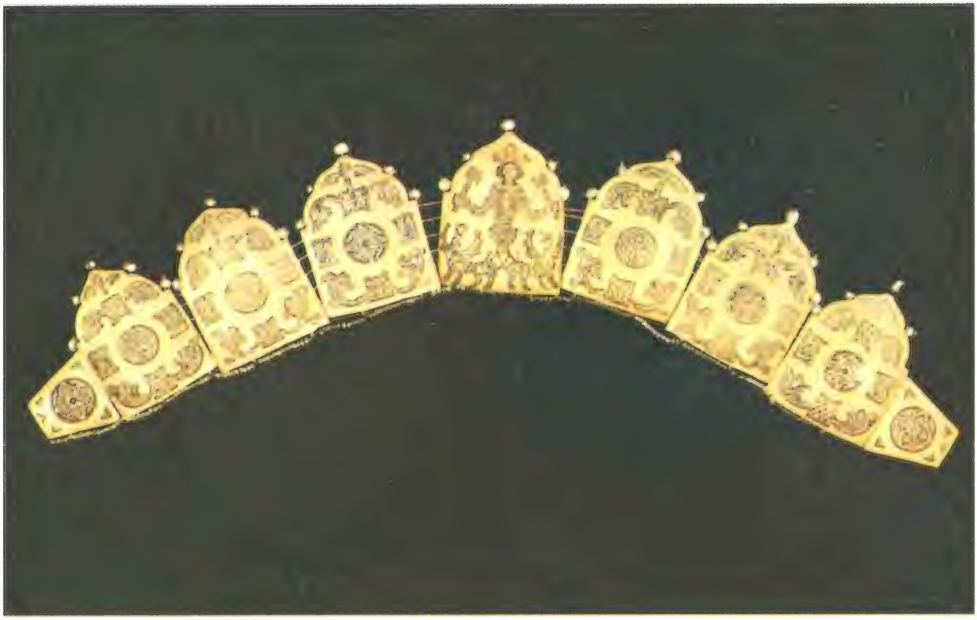
нами. Через земли Киевской Руси проходили пути мировой торговли, соединявшие Север с Югом и Запад с Востоком. Путь «от Грек» для своего времени был самой большой в мире торговой артерией.

Киевская Русь вывозила на внешние рынки мех, мед, воск, кожу, ремесленные изделия, в частности оружие и украшения, а также рабов. Работорговля в эпоху средневековья была распространенным явлением. Питалась она феодальными войнами, во время которых победители захватывали у побежденных не только имущество, но и пленных, становившихся объектом внешней торговли. Сбывали рабов преимущественно в Византию и страны Востока.

Очень ценились на внешних рынках русские меха, которые, по высказыванию западноевропейского писателя Адама Бременского (XI в.), считались там наивысшим благом. Ремесленные изделия древнерусских мастеров находили потребителя в Польше, Чехии, Моравии, Прибалтике и в Западной Европе.

Из Византии на Русь ввозили золото, дорогие ткани, вино, овощи, масло, серебряную и стеклянную посуду, а с конца X в.— и предметы христианского культа. Об объеме импорта из Византии свидетельствуют, например, находки большого количества амфор, которые служили тарой для вина и масла. С Арабского Востока на Русь поступала высокохудожественная дорогая посуда и другие товары. Арабские дирхемы использовались на Руси не только в их прямом назначении; из них также изготовлялись серебряные украшения. Страны Запада поставляли медь, свинец, оружие, предметы искусства, быта и культа, например, лиможские эмали и мечи, изготовлявшиеся на Рейне.

В Киевской Руси существовали объединения купцов, специализировавшихся на торговле с определенными странами и определенными видами товаров. Таким объединением, например, была Ивановская община в Новгороде, торговавшая преимущественно воском. Организационным цен-



Княжеская диадема из золота с перегородчатой эмалью. Сахновское городище. Черкасская область. XII в.

Золотые трехбусинные серьги киевского типа. XII—XIII вв.

тром общины служила церковь Ивана на Опоках. Община имела свой устав, определявший организационные принципы и методы торговли. В крупных древнерусских городах постоянными гостями были иностранные купцы; в Киеве, Новгороде и Смоленске они имели свои торговые дворы.

О высоком уровне развития торговли в Киевской Руси свидетельствует практика кредитных операций. Одалживание денег для потребностей торговли было, вероятно, распространенным явлением, поскольку этому вопросу посвящено несколько статей «Русской правды». Важно отметить, что кредитные операции базировались на доверии и не нуждались в свидетелях. «Аще кто купец купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то... послуси ему не надобе». «Русская правда» устанавливала 20% прибыли от кредита и определяла порядок выплаты долга в случае разорения купца-должника. Если разорение купца произошло в результате стихийного бедствия, закон предусматривал выплату долга постепенно; если же в разорении повинен был сам купец, долг надо было внести незамедлительно.

Высокий уровень развития торговли в Киевской Руси не изменил натурального в своей основе хозяйства, поскольку товарное производство занимало незначительную часть общественного производства вообще. Вместе с тем торговля являлась прогрессивным фактором в развитии страны, ибо она стимулировала рост производительности труда, способствовала укреплению экономических связей между отдельными районами страны.

Древнерусское село. Большинство древнерусских населенных пунктов являлись селами, в которых сосредоточивались земледелие, животноводство, промыслы и проживало население, занятое в этих отраслях производства,— крестьяне, известные в Киевской Руси под названием «людей», смердов, закупов, рядовичей, холопов, а также феодалы, являвшиеся владельцами значительной части земли — основного средства сельскохозяйственного производства. В селах или вблизи них размещались дворы — административные и хозяйственные центры феодальных владений.

В письменных источниках есть несколько названий, определяющих сельские поселения эпохи Киевской Руси: «село», «сельце», «деревня», «погост», «двор», «дом». Каждое из этих названий указывает в основном на определенный тип поселений. Чаще других встречается название «село», что означало поселение, где жили смерды. «Деревней» назывались новые небольшие поселения, созданные выселенцами из большого села. «Погостом» источники называют центральное поселение определенной сельской округи, возможно, сельской общины, где находились общие рынки, религиозные учреждения и т. д. Распространенными были «двор» и «дом» — усадьбы отдельных феодалов, центры феодальных владений. «Село», «деревня» и «погост» не укреплялись, а «дом» и «двор» представляли собой городки. Размещались они в пределах селений или поблизости.

Смерды делились на две категории — лично свободных членов сельской общины и феодально зависимых. С этими двумя категориями, очевидно, связываются и два типа сельских поселений — с замками и без них. Население, проживавшее вблизи феодальной вотчины, представляло собой категорию зависимых смердов. Наверное, и само появление феодального двора на территории села или вблизи него было результатом присвоения феодалом общинной земли смердов и превращения свободных общинников в феодально зависимых производителей. Жителей

сел, отдаленных от феодальных дворов, следует рассматривать как лично свободных смердов, подвластных непосредственно князю как главе или представителю государства. Исторические источники, к сожалению, не содержат данных, которые дали бы возможность установить разницу между лично свободными и феодально зависимыми смердами.

Для характеристики древнерусского села используются археологические материалы, добытые на поселении вблизи с. Комаровка Переяслав-Хмельницкого района Киевской области. Расположено оно на левом берегу Днепра на надпойменной террасе, окруженной со всех сторон болотами, водоемами и лесом. Его площадь составляет около 8 га. Природные условия здесь благоприятны для всех отраслей хозяйства и прежде всего для земледелия. Вблизи селища находится большой массив надпойменного чернозема. На селище выявлены остатки жилищ и хозяйственных помещений, размещенных группами, которые соответствуют отдельным крестьянским хозяйствам. Древнерусское село не имело определенной планировочной структуры: каждый крестьянский двор располагался отдельно. На исследованной площади (приблизительно 2 га) селища выявлены остатки 12 крестьянских дворов, а всего их насчитывалось (если допустить одинаковую густоту застройки селения) более 50. Значительные по площади древнерусские селения известны и в других местностях Киевской Руси. На одном из них, на правом берегу Днепра, вблизи бывшего села Кичкаса, обнаружено 57 крестьянских дворов.

На селище вблизи с. Сахновка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области исследованы 32 крестьянских двора с жилищами и другими постройками, в которых найдены орудия труда и предметы быта. В одном из них были: наральник, коса, жернова, рыболовные крючки, грузило, ключи, медная и керамическая посуда, медные браслеты и т. п.; в другом — наральник, две косы, ключи; в третьем — наральник и плужный нож, коса, наковальня, молоток, клещи и т. п.

Житель древнерусского села — крестьянин-смерд — был самостоятельным производителем, имевшим все необходимое для ведения собственного хозяйства. Учитывая размеры крестьянских жилищ, можно предполагать, что семья смерда состояла в среднем из шести-семи человек. Ей принадлежали кроме жилища хозяйственные постройки, скот, пахотные орудия, орудия для сбора урожая, предметы домашнего обихода и т. п.

В летописях имеются конкретные сведения о том, чем владела крестьянская семья. В 1103 г. на княжеском съезде вблизи Долобского озера (на левом берегу Днепра против Киева) обсуждались вопросы об участии смердов в походе против половцев. Поход назначался на весну, время очень неудобное для смерда по двум причинам: он не мог сделать всего необходимого на пашне и должен был участвовать в походе на собственной лошади. Дружинники киевского князя Святополка Изяславича просили его изменить время. «Негодно нынь веснѣ ити,— говорили они,— хочем погубити смерды и ролью ихъ». Владимир Мономах настаивал на походе, указывая на опасность половецких нападений, которые испытывали на себе и сами смерды. «Дивно ми, дружино,— отвечал он,— оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинь ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье». В летописи под 1111 г. повторяется этот рассказ и упоминается также гумно смерда.

О наличии скота в хозяйстве смердов находим сведения в «Русской правде». Как сборник законов феодального государства «Русская правда» основное внимание уделяла охране феодальной собственности. Однако она содержит и статьи о крестьянской собственности. Одна из них говорит о неприкосновенности скота смердов.

Для крестьянского хозяйства большое значение имели промыслы, являвшиеся дополнительным источником существования. Кроме того, продуктами промыслов крестьяне в значительной мере выплачивали государству и феодалам дань.

Площадь пахотной земли смерда зависела от многих факторов: от общей площади, пригодной для обработки земли в данной местности, наличия здесь феодального хозяйства и земли, обрабатывавшейся в этом хозяйстве, от производственной возможности крестьянского хозяйства и т. п. Но основным фактором была производительность орудий, которыми пользовались смерды. При помощи рала или плуга смерд мог обработать в среднем около 8 десятин земли. Если прибавить землю, которая при трехпольном севообороте находилась под паром, то площадь пахотной земли в крестьянском хозяйстве, обеспеченном пахотным орудием, составляла примерно 12 десятин. Очевидно, эта средняя норма землепользования в крестьянском хозяйстве составляла и единицу налогового обложения, известную под названиями «рало», «плуг», и «дым». Названия пахотных орудий определяют здесь площадь земли, которую можно ими обработать, а «дым» — само хозяйство, которое тоже облагалось налогом.

Со всей пахотной земли, обрабатывавшейся отдельным крестьянским хозяйством, при тогдашней агротехнике можно было собрать ежегодно около 300 пудов зерна озимых и яровых культур. Такой урожай при условии, что значительную его часть забирали феодал или государство как феодальную ренту и подать, обеспечивал только минимальные потребности производителя и его семьи, расходы по воспроизводству хозяйства.

В лесных местностях Киевской Руси долгое время сохранялись архаические формы хозяйства. Малопригодные для развития пахотного земледелия подзолистые почвы обусловливали продолжительное существование подсечного земледелия, которое было трудоемким и требовало коллективного труда значительного количества производителей. Подсечное земледелие в лесных районах всегда совмещалось со вспомогательными отраслями хозяйства. К ним относились главным образом промыслы — охота, пчеловодство, рыболовство, собирательство. Характер сельскохозяйственного производства в Полесье не дал возможности здесь разделиться значительным производственным коллективам — семейным общинам, так называемым большим патриархальным семьям, как это было в других районах Древнерусского государства.

Семейная община представляла собой коллектив людей, основанный на родственных отношениях его членов, общем хозяйствовании, общем владении средствами производства и потреблении продуктов производства. Такая община являлась характерной формой организации общества при первобытнообщинном строе. Как пережиток местами оставалась она и в классовом обществе. У многих народов, в частности у восточных и южных славян, семейная община в пережиточных формах сохранялась почти на протяжении всего периода феодализма. В России, на Украине и в Белоруссии семейная община, известная под названием «печи́ще», «двори́ще», существовала еще в XVI—XVII вв.

Внутренняя организация семейной общины сохраняла черты, характерные для первобытнообщинного строя, но в отношениях с обществом была подобна индивидуальному домохозяйству и подчинялась всем законам феодального общества. Во взаимоотношениях с феодалом семейная община отличалась от индивидуального домохозяйства лишь тем, что феодал имел дело не с отдельным производителем, а с коллективом производителей и общался с ним через лицо, стоявшее во главе общины.

Во времена Киевской Руси индивидуальные крестьянские семьи объединялись в сельские территориальные общины, называвшиеся «вервь», «мир», «люди» и «село». Под этими названиями общины известны из «Русской правды» и летописей. Согласно исследованиям советских историков, сельская территориальная община характеризует Русь как феодальное государство. «Русская правда» содержит 15 статей, в которых говорится о верви как об общественной организации сельского населения. Вервь выступает как организация территориальная, а не родовая. «Русская правда», трактуя вервь с юридической стороны, в основу ее прав и обязанностей положила территориальный принцип. Так, за преступление, содеянное на территории верви, при условии, если личность преступника не установлена, на вервь налагался штраф. Если же преступник был известен, то штраф платил он сам как юридически и экономически самостоятельная личность. Вервь платила штраф за известного преступника только в том случае, если последний укладывался в «дикую виру», т. е. выплачивал ей определенный предварительный взнос. Следовательно, члены верви находились не в одинаковом экономическом положении — одни из них платили «дикую виру», другие нет.

Экономическое значение верви состояло в том, что владение ею частью угодий — лесами, пастбищами, водоемами и т. п.— было общинным. Земельные владения верви граничили с владениями феодалов. Межи последних часто нарушались. «Русская правда» устанавливала за это ответственность верви, если был неизвестен конкретный нарушитель. Пахотные земли находились в индивидуальном владении членов верви, и они сами заботились о расширении этих земель, в том числе и за счет земель феодала. Территория верви была довольно значительной, это видно из узаконенной «Русской правдой» процедуры розысков преступника. Судя по подробному рассказу о таких розысках, в вервь входило несколько населенных пунктов, расположенных недалеко один от другого.

Как отмечалось, сельские поселения часто размещались недалеко от укрепленных феодальных дворов, а то и рядом с ними. Взаимоотношения между крестьянами и феодалами были враждебными, что зафиксировано в «Русской правде» и летописях. Попадая в зависимость от феодалов, общинники нередко выступали против неограниченной феодальной эксплуатации. По выражению Ф. Энгельса, общины «...дали угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления...» [1].

Древнерусский город. В процессе складывания феодальных отношений в результате дальнейшего разделения труда, развития ремесла и торговли ремесленники и купцы выделились в отдельные общественные слои, хозяйственные и социальные, интересы деятельности которых требовали сосредоточения их в определенных местах. Так возникли города

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 155.

Оборонительный вал г. Белгорода (ныне с. Белогородка под Киевом). X в. *Реконструкция Б. А. Рыбакова*

как центры ремесла и торговли. Ремесленники обеспечивали сельское население определенной округи ремесленной продукцией, без которой оно не могло существовать. В свою очередь сельское население снабжало необходимой сельскохозяйственной продукцией ремесленников и торговцев. Город стал также политическим, религиозным и культурным центром. Укрепленный валами, он структурно делился на детинец и посад. Возникновение древнейших восточно-славянских городов представляло собой длительный процесс, поскольку длительный был процесс общественного разделения труда и социальной дифференциации общества. Процесс зарождения городов на Руси начался еще в третьей четверти I тысячелетия н. э. К этому времени относятся древнейшие городки в Киеве, Зимнем в Волынской, Пастырском в Черкасской областях и др.

Сообщения письменных источников о городах-градах на Руси появляются в IX в. О значительном количестве городов у восточных славян свидетельствует анонимный Баварский географ. «Повесть временных лет» называет на Руси IX—X вв. более 20 городов, в том числе и Киев, Новгород, Чернигов, Переяслав, Белгород, Вышгород, Любеч, Смоленск, Псков, Ладогу и др. В XI в. летописи упоминают еще 32 города. Всего по летописным данным, на Руси в XIII в. было около 300 «градов».

Конечно, эти данные не являются полными, поскольку в летописях имеются сведения только о тех городах, которые в связи с определенными политическими или военными событиями обращали на себя внимание лето-

писцев. О многих городах, не упомянутых в летописях, известно в результате археологического изучения их остатков.

Разумеется, не каждый населенный пункт, который древнерусские исторические источники называют «градом», и не каждое древнерусское городище можно считать городом в современном смысле этого слова. Древнерусское слово «град», или «город», происходит от слова «городить», т. е. укреплять. Оно обозначало любой укрепленный населенный пункт независимо от его социальных функций. Среди таких «городов» были и укрепленные феодальные дворы-за́мки, и пограничные крепости, и настоящие города.

Одним из древнейших восточнославянских городов был Киев. Его основание летопись связывает с полянским князем Кием, его братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью, которые «створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Киевъ». По мнению ученых, летописный рассказ об основании Киева отражает вполне реальный исторический факт. Летописец Нестор, как известно, не смог выяснить, когда же произошло это важнейшее в истории Киева событие, а поэтому поместил известия о Кие в недатированной части летописи. Однако система четкой хронологической последовательности, в которой выдержано изложение исторических событий, а также запись киевской легенды в армянских источниках (Зеноб Глак) не позже VIII в. все же позволяет определить время жизни князя Кия.

Согласно датировке Б. А. Рыбакова, деятельность Кия (путешествие в Константинополь, переговоры с императором, основание городка на Дунае) приходится на время правления византийских императоров Анастасия I (499—518) или Юстиниана I (527—565).

Выводы, полученные на основании письменных источников, нашли подтверждение и в археологических материалах. Исследованиями, проведенными в разные годы, выявлены на Старокиевской и Замковой горах как отдельные материалы конца V—VII вв. (антропоморфные и пальчатые серебряные фибулы, браслеты с утолщенными концами, византийские монеты), так и целые комплексы: жилища с печами, хозяйственные сооружения. Керамика, находящаяся в них, принадлежит к группе корчакских древностей и датируется концом V—VII вв.

В реальности летописного рассказа о сооружении городка убеждают и обнаруженные на Старокиевской горе остатки древнейшего городища, валы и рвы которого, судя по археологическим материалам, сооружались в VI в. В центре городища находилось сложенное из камня языческое капище.

Таким образом, непрерывное развитие Киева прослеживается по археологическим материалам с конца V— начала VI в. С построением городища на Старокиевской горе и возведением каменного языческого капища Киев превратился в политико-административный и религиозный центр Полянского княжества. Видимо, уже в VII—VIII вв. за пределами укреплений происходит формирование ремесленно-торгового посада, который располагался в верхней части города и на Подоле.

Раннему возникновению и быстрому развитию Киева способствовали исключительно благоприятные микрогеографические условия территории, а также расположение его на этнографическом порубежье. Став центром Полянского княжества, Киев рос и развивался за счет притока людей из различных уголков восточнославянского мира. Население города было довольно пестрым, в его состав входили представители различных племен.

В IX—X вв. Киев был уже крупным городом. Судить об этом позволяют находки арабских и византийских монет на Старокиевской и Замковой горах, на Подоле, Печерске и в других местах, а также огромные языческие некрополи. С 882 г. Киев стал политическим центром большого государства — Киевской Руси. Летопись называет его «матерью городам русским».

Первые сведения о Чернигове находятся в договоре Руси с Византией 907 г. В то время он уже был значительным городом, центром Северского княжества. Возникновение Чернигова относится к более раннему времени. На его территории в третьей четверти I тысячелетия н. э. существовало несколько поселений, на базе которых, очевидно, и возник город. В X—XI вв. в Чернигове сосредоточивалось уже большое население. На протяжении всей истории Киевской Руси, а также периода феодальной раздробленности Чернигов играл роль второго по значению после Киева экономического и политического центра Южной Руси.

Одновременно с Черниговом впервые упоминается и Переяслав. В начале X в. он стал центром отдельного княжества. В конце X в. его укрепления были обновлены и усилены, что диктовалось необходимостью защиты Руси от печенегов. Об этом повествует летопись в известном эпизоде о единоборстве киевского богатыря Кожемяки с печенежским воином.

Большинство древнерусских городов возникло не на пустом месте: им, как и Киеву, предшествовали поселения, которые в условиях развития феодальных отношений постепенно превращались в ремесленно-торговые и административно-политические центры определенной округи.

Существовали и другие пути возникновения городов. Иногда они вырастали из феодальных замков, где жил феодал, сосредоточивалась княжеская администрация и дружина, выступавшие потребителями оружия, украшений и других ремесленных изделий. Поэтому к таким феодальным замкам стекались ремесленники и селились вокруг них, а в замках, постепенно превращавшихся в города, развивалась торговля.

Наибольшая концентрация городов наблюдается в Среднем Поднепровье. Вблизи Киева — Вышгород, Белгород, Васильев, немного дальше, на Правобережье Днепра — Треполь, Витачев, Иван, Чучин, Заруб, Канев, Родень, Корсунь, Богуслав, Торческ, Юрьев и др. На Левобережье Днепра, между Десной и Сулой, находились города Переяславской и Черниговской земель и среди них древнейшие — Чернигов, Переяслав, Новгород-Северский, Путивль, Любеч, Воинь и др. Значительной концентрацией городов отличались Волынская и Галицкая земли. Между Случью, Днестром и Западным Бугом известны Владимир, Галич, Бужск, Пересопница, Червень, Белз, Звенигород, Плисненск и др.

Главные города древней Руси занимали значительную для тех времен площадь. Так, детинец Киева, который принято называть Городом Владимира, в конце X — начале XI в. имел до 10 га, а площадь в пределах укреплений, сооруженных при Ярославе Владимировиче, составляла около 80 га. Вместе с ремесленно-торговыми посадами, находившимися на высотах правого берега Днепра (Копырев конец, Печерск, Кирилловские высоты) и на Подоле, территория Киева в XI—XII вв. достигала 380 га. Площадь древнего Чернигова в XI—XII вв. вместе с детинцем, окольным градом и предградьем составляла более 200 га, без Подола, размеры которого были значительными. Детинец Переяслава составлял около 9, а посад — более 50 га. Укрепленная часть древнего Галича зани-

мала более 50 га, а площадь посада, располагавшегося по обе стороны р. Луквы, в несколько раз превышала размеры центральной части города. Значительную площадь в пределах укреплений имели Василев (около 160 га), Вышгород (около 80 га), Белгород (более 100 га), Плисненск (около 160 га) и др.

Древнерусские города были довольно густо заселены. Определенное представление о количестве жителей Киева в XI—XII вв. дают письменные свидетельства. Так, Титмар Мерзебургский (конец X—XI в). отмечал, что «в этом городе, являвшемся столицей этого государства, существует более 400 церквей и восемь рынков, народа же неисчислимое количество». Данные Титмара основываются на сообщениях немецких наемников, в 1018 г. принимавших участие в походе Болеслава I на Киев. Очевидно, они до некоторой степени преувеличены, но показывают, что Киев действительно поражал иностранцев своими размерами и многолюдностью. Приблизительное количество киевского населения в XI—XII вв. можно подсчитать, исходя из площади города, плотности его застройки и среднего состава одной семьи. В Киеве на площади 380 га могло размещаться около 9 тыс. дворов с населением до 50 тыс. человек. Аналогичные подсчеты показывают, что в Чернигове проживало 25 тыс., Галиче —25, Переяславе —12, Вышгороде — 10—12, Белгороде — 10—12 тыс. человек.

Основной контингент населения древнерусских городов составляли ремесленники. В пределах княжеских и боярских феодальных хозяйств, а также на посадах трудились кузнецы, гончары, стеклоделы, ювелиры, оружейники, резчики по кости, сапожники, ремесленники других специальностей, которых известно на Руси более 60. Не случайно изделия ремесленников являются самой распространенной категорией археологических находок. Изготовлялись они в специальных мастерских, которые хорошо изучены в Киеве, Новгороде, Чернигове, Галиче, Владимире и других городах.

Городские ремесленники объединялись в корпорации. В Киеве наличие таких объединений гончаров и кожемяк, возможно, засвидетельствовано в названиях подольских урочищ, сохранившихся до наших дней. В Вышгороде известны объединения городников — строителей укреплений — и гончаров, о чем говорит существование отдельного гончарного района. Объединение кузнецов в Переяславе засвидетельствовано в названии городских ворот.

Вторую по количеству категорию городского населения составляли торговцы. Рынки, торги были принадлежностью каждого города. В письменных источниках упоминаются торги в Киеве, Чернигове, Переяславе, Владимире, Вышгороде и в других городах. На торгах строились церкви в честь святых — покровителей торговли: в Киеве, на Подоле — Богородицы Пирогощи, в Чернигове — Праскевы Пятницы. Многолюдные торги представляли собой также центры общественной жизни городов. Согласно «Русской правде» на торгах официально объявлялось о кражах и пропажах, оглашались распоряжения и приказы князя. Но понятно, что рынки прежде всего были местами купли и продажи. Здесь продавалось и покупалось все, что вырабатывалось на месте и привозилось из других городов и стран, начиная с продуктов питания и предметов домашнего обихода и кончая драгоценностями отечественного и иностранного производства. В больших городах на торгах для определенных товаров существовали специально выделенные места, так называемые торговые ряды.

Хозяйственная деятельность населения древнерусских городов не ограничивалась ремеслом и торговлей. Характерной их чертой была также связь с сельским хозяйством. Вблизи древнерусских городов существовали огороды, где выращивались овощи и злаковые культуры. Об этом сообщают летописи и свидетельствуют археологические находки — наральники, серпы и косы, встречающиеся во время раскопок каждого большого и малого города. Продукты, выращиваемые горожанами, были дополнительным источником их питания.

Древнерусские города, ремесленно-торговый характер которых убедительно доказан советской исторической наукой, были одновременно и важными политико-административными центрами феодального государства. Главным городом Руси был Киев, где жил великий князь и размещались органы верховной государственной власти. Такие города, как Новгород, Чернигов, Переяслав, Владимир, Галич, Ростов, Смоленск, представляли собой центры отдельных княжеств, где сидели вассалы великого киевского князя и находился административный аппарат княжеств. Более мелкие являлись центрами боярских вотчин, церковного землевладения.

В городах, как правило, находилось много феодальных усадеб, принадлежавших князьям и боярам. В Киеве известны остатки каменных фундаментов шести княжеских дворцов разных времен, стоявших в центральной части города. Рядом с княжескими размещались боярские дворы; многие из них упоминаются в летописи. Как правило, это были большие усадьбы, в состав которых входили жилые хоромы, хозяйственные помещения, дома дворовых людей и челяди. Княжеские и боярские дворы в городах имели значительные укрепления.

В руках князей и бояр сосредоточивались большие богатства. Об их размерах можно судить на основании богатых кладов, найденных в основном на территории боярских и княжеских дворов многих древнерусских городов. В Киеве найдено около 60 кладов, из которых преобладающее большинство приходится на аристократическую часть города. В пределах «городов»: Владимира —28, Ярослава — 16 и Михайловской горы — 12. Клады состояли обычно из золотых и серебряных украшений — гривен, колтов, браслетов, мониста, сережек, монет и т. п. В состав некоторых из них входили княжеские диадемы и бармы. Все предметы отличаются художественным совершенством. Размеры кладов были разные — от десятков до нескольких сотен предметов. Так, найденный в 1842 г. около Десятинной церкви клад едва вместился в два мешка.

Кроме князей и бояр в городах сосредоточивалось высшее и рядовое духовенство, представлявшее значительную часть городского населения. В больших городах, как правило, существовало по нескольку монастырей и церквей, имевших многочисленную армию служителей культа. В частности, в Киеве в X — XIII вв. было 10 монастырей, среди них самый большой на Руси — Киево-Печерский, в Галиче — пять, Чернигове — три, Переяславе — два, во Владимире-Волынском — один.

Социальный состав городского населения в Древней Руси был чрезвычайно пестрым, что является характерной чертой для средневекового общества. Оно делилось на две основные группы — городские низы и городскую аристократию. Самую многочисленную категорию населения составляли городские низы (ремесленники, мелкие торговцы, челядь, рядовое духовенство и др.).

Основная масса горожан была лично свободной. Челядь и часть ремес-

ленников (так называемые вотчинные) зависели от своих хозяев — бояр, купцов и т. д. Значительную часть челяди составляли рабы. Лично свободные ремесленники и мелкие торговцы в городах облагались налогами и платили натурой или же отрабатывали, участвуя в строительстве, ремонте и наблюдении за состоянием городских укреплений. «Русская правда» определяла уплату (хлебом, пшеном, солодом, деньгами) лицам, строившим укрепления и мосты на средства горожан. На средства тех же горожан строились парафиальные церкви, содержались церковные парафии.

Таким образом, древнерусские города представляли собой сложные социальные организмы, где сосредоточивались высшие материальные и духовные ценности народа и со всей остротой проявлялись непримиримые классовые противоречия феодального общества.

Феодальное землевладение. Феодальная земельная собственность на Руси засвидетельствована письменными источниками начиная с IX в. Феодалы были связаны между собой системой вассальных отношений, основанных на иерархической структуре феодального землевладения. Вассальные отношения внутри феодального класса отражены в договоре Руси с Византией от 911 г., в котором перечисляются русские послы от «Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь и его великих бояръ». «Великий князь русский» считался владельцем всей земли и государства. Зависимые от него «светлые князья» и бояре владели княжествами и землями, а также городами — Черниговом, Переяславом, Полоцком и др. Более мелкие феодалы, в свою очередь зависящие от князей и бояр, владели меньшими городами или отдельными селами. Низшую ступень этой иерархической лестницы занимали производители — крестьяне, объединенные в сельские территориальные общины.

В X в. происходило интенсивное формирование великокняжеского домена, а также отдельных вотчин. В летописном рассказе о походе Ольги в Искоростень упоминаются феодальные владения, находившиеся в руках древлянских «лучших» мужей. О значительных размерах домена Владимира Святославича свидетельствует летопись в статье о его пожалованиях Десятинной церкви. В «Сказании о князьях Борисе и Глебе» содержатся сведения о владениях Святополка Владимировича.

Сообщения письменних источников о феодальных землевладениях на Руси в IX—X вв. дополняют археологические данные. Исследования древних городов — Вышгорода, Искоростеня, Овруча, Княжей горы вблизи Канева и многих других — показывают, что они были значительными центрами феодального землевладения.

О феодальном землевладении на Руси в IX—X вв. свидетельствуют также дружинные захоронения, концентрировавшиеся в основном вблизи больших древнерусских городских центров — Киева, Чернигова, Переяслава, Смоленска, Ладоги, Плисненска и др. Ярким примером наличия боярско-дружинного землевладения являются черниговские курганные захоронения, расположенные вокруг города отдельными группами.

Общность интересов класса феодалов обеспечивала в общем его единство. Князь опирался на бояр и меньших князей, а они искали у него защиты во время частых военных стычек. Развитие феодальных отношений порождало противоречия как внутри господствующего класса, так и между феодалами и крестьянами. Чтобы увеличить прибыли, феодалы стремились к усилению эксплуатации зави-

симого населения, расширению своих владений. Но усиление эксплуатации ограничивалось возможностями получения прибавочного продукта на данной ступени развития производства. Его увеличение на ранних этапах развития феодального общества тормозилось очень медленным ростом производительности труда. Отчуждение же необходимого продукта подрывало экономические устои общества и вызывало решительное сопротивление непосредственных производителей. Следовательно, одним из основных путей увеличения прибылей феодалов было расширение их владений за счет земель свободных смердов и превращения их в зависимых. На начальных этапах развития феодализма это осуществлялось путем присвоения общинных земель и закабаления свободных общинников. В дальнейшем, когда страна была разделена на феодальные владения, увеличение каждым феодалом своих поместий могло осуществляться только путем захвата земель у своего соседа. Именно этим объясняется постоянная борьба между отдельными феодалами и группами феодалов, что было характерным явлением для каждого средневекового феодального общества, в том числе и Киевской Руси.

В таких условиях средства нападения и защиты становились для феодала абсолютно необходимыми. Большие феодалы в своих владениях строили грады-замки, содержали дружину. Феодальные владения увеличивались на протяжении всего периода существования Киевской Руси. Наследники княжеского рода и многочисленные представители боярского сословия владели в XI—XII вв. большими земельными угодьями, городами и селами. Особенно много княжеских и боярских владений существовало вблизи таких больших древнерусских городов, как Киев, Чернигов, Галич и др. Вблизи Киева были расположены, например, княжеские города Вышгород, Белгород, Васильев, по наследству переходившие от одного киевского князя к другому.

Особенно развитым боярское земледелие было в Галицкой земле, где бояре играли важную роль также в политической жизни княжества. За время с середины XII до середины XIII в. летописи упоминают более 60 боярских имен. В действительности же их было намного больше, ибо в летопись попадали имена только тех, кто был известен как активный участник политических и военных событий.

В XI—XIII вв. увеличивалось землевладение дружинников, которых князья и бояре наделяли землей за военную службу. Земельные владения дружинников были источником их существования.

Крупным землевладельцем стала церковь. Так, Киево-Печерский монастырь владел обширными землями. Распространенной была практика дарения монастырю сел. «Киево-Печерский патерик» говорит об этом в обобщенной форме: «Друзи же села вдающе монастиреви и братии». Киевской Десятинной церкви принадлежали многие села и город Полонный, владимирская церковь Богородицы имела «много имѣния и свободы купленыя и з даньми и села лѣпшая».

Феодальная вотчина. Административным и хозяйственным центром феодальных владений был феодальный двор, где сосредоточивались жилые и хозяйственные строения феодала, хозяйственный инвентарь, запасы продуктов и т. д. В таких дворах проживали их хозяева или тиуны, управлявшие поместьями, административный персонал, дружина и челядь, обслуживавшая хозяйство и двор. Великокняжеские дворы существовали в Белгороде, Вышгороде, Берестове и в других пунктах.

Определенное представление о хозяйстве феодальных поместий дает летопись в рассказе о разорении дворов Игоря и Святослава Ольговичей вблизи Путивля во время междоусобной борьбы 1146 г. В Ипатьевской летописи читаем: «Идоста на Игорево селце, идеже бяше устроилъ дворъ добрѣ, бѣ же ту готовизни много, въ бретьяницахъ и в погребѣхъ вина и медовѣ и что тяжкого товара всякого, до желѣза и до мѣди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелѣста имати на возы собѣ и воемѣ и потомъ повелѣста зажечи дворъ и церковь святого Георгия и гумно его в немже бѣ стоговъ 9 сот». Со двора Святослава Ольговича в Путивле Давыдовичи вывезли «скотьницѣ и бретьяницѣ и товаръ иже бѣ немочно двигнути и вѣ погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчагъ... и челяди 7 сот». Были захвачены также табуны лошадей, в которых насчитывалось «кобыл стадних 3000, а конь 1000».

Во дворах Игоря и Святослава Ольговичей находились тока, амбары, погреба, где хранились запасы хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, а также различный хозяйственный инвентарь и ремесленные изделия. Продукты, хранившиеся в этих дворах, предназначались не только для личных потребностей владельцев и жителей дворов, но и для продажи. Внушительные цифры летописи—900 стогов хлеба и 4 тыс. голов лошадей — целиком подтверждают подобное мнение. Таким, судя по летописи, было большое княжеское хозяйство.

Дворы-замки строились, как правило, в густозаселенных местностях. Расположенные на высоких местах, хорошо укрепленные и неприступные, они предназначались для защиты от нападений как внешних врагов, так и феодалов-соперников. Площадь таких замков сравнительно небольшая, их внутренняя планировка подчинялась потребностям феодального двора. Часть строений в замках представляла собой единый комплекс жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений. Они размещались по кругу, вдоль вала и крепостной стены и соединялись с фортификационной системой. Подобным образом строились феодальные замки Западной Европы с так называемыми жилыми стенами.

Определенное представление о феодальном дворе дает городище на Княжей горе. Расположено оно на правом берегу Днепра, выше устья Роси, на удлиненной высоте, ограниченной с трех сторон естественным склоном к реке и оврагами, а с четвертой — рвом и валом. Площадь городища составляла примерно 2,5 тыс. м^2. На нем выявлены остатки 22 жилых и хозяйственных сооружений в два ряда, большое количество предметов, дающих возможность воссоздать картину жизни и деятельности его жителей. В частности, найдены орудия труда различного производственного назначения, оружие, предметы быта. Таким образом, можно считать, что на Княжей горе жило население, занимавшееся земледелием, ремеслами, промыслами и военным делом. На городище обнаружено большое количество драгоценных украшений (12 кладов), принадлежавших представителям богатой общественной верхушки. Весь комплекс вещей, найденных здесь, и название местности дают возможность утверждать, что феодальный двор-замок принадлежал князю, жившему в нем со своей семьей.

Картину жизни феодального двора раскрыли и раскопки Райковецкого городища. Оно занимало площадь около 3 тыс. м^2, было окружено глубоким рвом и валом. Замок сгорел во время монголо-татарского нашествия 1241 г. В центре городища размещались углубленные в землю помеще-

ния производственного назначения. Здесь же был загон для скота, запасы сена в стогах. Снаружи за валом размещались железоплавильные и гончарные горны. Во всех помещениях найдены орудия труда, преимущественно земледельческие, и другие хозяйственные и бытовые предметы, а также много оружия (мечи, наконечники копий, стрел и т. п.).

Выявление в большинстве жилищно-хозяйственных комплексов почти в одинаковом количестве орудий труда и различного инвентаря можно было бы считать признаком того, что эти комплексы принадлежали производителям, ведшим собственное хозяйство и являвшимися более или менее равными по имущественному положению. Однако помещения, в которых жили эти производители, не являлись их собственностью, ибо они строились владельцем замка одновременно с укреплениями и конструктивно связывались со всей фортификационной системой. Хозяйственная самостоятельность производителей требовала частной собственности на скот, но на Райковецком городище он содержался в общем загоне. Таким образом, в упоминавшихся помещениях жили не самостоятельные производители, а лица, обслуживавшие большое феодальное хозяйство, возможно, закупы. Подобны по своему социально-экономическому содержанию и городища вблизи с. Колодяжное на Случе (Дзержинский район Житомирской области), с. Городище (Шепетовский район Хмельницкой области) и др.

Основной отраслью хозяйства феодальных поместий было земледелие. Это подтверждается археологическими исследованиями и письменными источниками. Самыми частыми находками на городищах, где размещались феодальные дворы, являются земледельческие орудия и остатки продуктов земледелия. Боярское землевладение охранялось законодательством Киевского государства. «Русская правда» предусматривала наложение больших штрафов на нарушителей межи боярской запашки — за уничтожение межевого знака, поджог тока, кражу хлеба. Другой по значению отраслью феодального хозяйства было животноводство.

В феодальных хозяйствах значительного развития достигли также различные отрасли ремесла. Вотчинное ремесло обслуживало прежде всего потребности феодального хозяйства, а также обеспечивало необходимыми изделиями ближайшую сельскохозяйственную округу.

По найденным на городищах предметам можно составить представление не только о производственных отраслях этих хозяйств, но и об их размерах и производительности. Так, подсчитано, что в хозяйстве Райковецкого городка было от 270 до 360 десятин земли. Часть этой площади отводилась под злаковые культуры. Примерно определяется и количество хлеба, собиравшегося в хозяйстве: всего производилось ежегодно более 4 тыс. пудов.

Из «Русской правды» узнаем, что во второй половине XII в. максимальный урожай озимых в Ростовской земле составлял около 50 пудов с десятины. Для Поднепровья, где земли более плодородные, такой показатель по тем временам следует считать средним. Материалы Райковецкого городища дают возможность подсчитать приблизительную численность его населения и количество продуктов, ими потреблявшихся. Всего жителей было около 140 человек. Исходя из норм потребления в крестьянских семьях в XIX в.— 18 пудов зерна на душу в год, все население Райковецкого городка должно было потреблять около 2,5 тыс. пудов хлеба. Если учесть семена и определенную долю урожая на другие хозяйственные нужды, то и тогда значительная

часть его оставалась для продажи. В среднем она составляла приблизительно $^1/_3$ валового сбора.

Феодальные повинности. При феодализме земля, находившаяся у ее владельцев, была главным средством производства. Земельная собственность составляла экономическую основу получения феодалами земельной ренты от зависимых крестьян. За пользование землей крестьянин обязан был определенное время работать в хозяйстве феодала или отдавать ему часть продуктов, произведенных в собственном хозяйстве, или платить деньгами. Смерд испытывал еще и внеэкономическое принуждение, поскольку феодал имел над ним неограниченную власть.

Основным источником обогащения класса феодалов в Киевской Руси была дань — продуктовая (натуральная) рента. Дань была двух видов: разовые контрибуции и регулярные отчуждения сельскохозяйственной продукции в пользу господствующей верхушки. О втором виде дани источники говорят как о древнейшей на Руси форме феодальной эксплуатации. Дань распределялась между хозяйствами соответственно количеству земли, которой они пользовались. Святослав и Владимир собирали дань у вятичей от плуга, т. е. от площади земли, которая обрабатывалась с помощью этого орудия. Таким образом, данью обкладывалась земля. Она представляла собой земельную ренту. Данью назывались на Руси феодальные повинности в форме продуктовых и денежных взносов и в более поздние времена.

К. Маркс определил три формы феодальной ренты — отработочную, продуктовую и денежную [1], из которых первичной формой была отработочная, отвечающая самому низкому уровню развития производительных сил при феодализме. Натуральная форма ренты отвечала более высокой ступени развития производительных сил общества, а предпосылкой денежной было значительное развитие торговли, промышленности и товарного производства.

Характерной чертой феодальных отношений в Киевской Руси было господство с самого начала натуральной формы земельной ренты, базировавшейся на общинной собственности на землю.

У некоторых народов общинная земля делилась на обрабатывавшуюся каждым членом общины как частная собственность и на обрабатывавшуюся общинниками сообща, а получаемые продукты использовались на общинные нужды. На Руси общинные запасы для покрытия общих расходов накоплялись иначе — путем взносов определенного количества продуктов каждым членом общины. Такая практика, когда члены общины обязательно вносили продукты или деньги в общий фонд для общинных нужд, сохранялась у восточных славян и позднее. Со временем эти запасы и право их собирать с общинников узурпировала родоплеменная знать. Так натуральные повинности свободных крестьян в пользу общины постепенно превратились в феодальные натуральные повинности в пользу феодала.

Восточные славяне миновали в своем развитии рабовладельческую формацию. У них феодализм сложился на базе распада первобытнообщинного строя. В феодалов у восточных славян превращалась родоплеменная верхушка, которая в отличие от рабовладельцев вначале не имела своих организованных хозяйств. Вместе с тем феодально зависимыми производителями становились общинники, обеспеченные всеми средствами производства. При таких условиях натуральные повинности, естественно,

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 352—366.

становились господствующей формой феодальной эксплуатации.

Господство дани как продуктовой формы ренты не исключало существования в Киевской Руси других форм феодальной эксплуатации. Еще одной формой были отработки. Впервые о них летопись упоминает в 946 г. в связи с реформами Ольги, введенными после древлянского восстания. «Уроки», устанавливаемые Ольгой наряду с нормированием оброков и дани, являлись ни чем иным, как отработками в хозяйстве землевладельцев-феодалов. Отработки с новым названием — «уроки» не исчезли и в более поздние времена феодального общества.

Значение отработок в феодальном хозяйстве росло с развитием товарного производства и увеличением спроса на продукты сельского хозяйства. Развитие ремесла и торговли, рост городского населения ставили перед сельским хозяйством и прежде всего перед земледелием задачу увеличить товарное производство. Князья и бояре в своих владениях организовали хозяйства, производившие сельскохозяйственные продукты для продажи. Торговля ими являлась важным источником получения прибыли феодалом. Вместе с тем расширение таких хозяйств и увеличение производства товарной продукции означало усиление феодальной эксплуатации различных категорий населения.

Основную массу сельского населения на Руси составляли свободные общинники, именовавшиеся «людьми», и зависимые от феодала крестьяне-смерды. Последние формировались как из общинников, так и из других категорий населения, в том числе и лично несвободных. Смерды наделялись средствами производства, имели свое хозяйство, за что вынуждены были платить феодалам дань и отрабатывать в их хозяйствах. Экономическое положение смердов, о чем говорят письменные источники, было тяжелым. Вероятно, не намного лучше жилось и так называемым свободным общинникам, также подвергавшимся феодальной эксплуатации.

В. И. Ленин, исследуя положение русского крестьянства начала XX в., писал: «И «свободный» русский крестьянин в XX веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же,* как в XI веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская правда») и «записывались» за помещиками!» [1]. Отработки, согласно В. И. Ленину, держались в России «...едва ли не с начала Руси» [2].

Развитие феодализма в древней Руси на начальном этапе сопровождалось использованием рабского труда. Рабы, именуемые в летописи «челядью», являлись наиболее бесправной частью населения, полностью зависевшей от феодалов. Они работали в качестве прислуги при дворах и могли быть проданы на внешнем рынке. Со второй половины XI в. по отношению к этой категории населения стал применяться термин «холопы». Многие статьи «Русской правды» указывают на полное бесправие холопа, которого хозяин мог даже убить.

В XII—XIII вв. положение холопов несколько улучшилось. В своем правовом статусе они сблизились с феодально зависимым крестьянством. Причины этого явления кроются в дальнейшем развитии феодальных форм эксплуатации (экономически раб был менее выгоден, чем смерд). Значительное влияние на положение холопов оказали и народные восстания, в которых они принимали самое активное участие.

Важная роль в производственной жизни феодальных хозяйств принад-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 131.

[2] Там же, т. 3, с. 199.

лежала рядовичам и закупам, которые также входили в состав дворовой челяди. Ими становились смерды, в результате усиления феодальной эксплуатации утратившие собственные хозяйства, орудия труда и скот и вынужденные работать у феодала по договору — «ряду» (отсюда «рядовичи») или попадавшие в кабалу к нему и работавшие за долг — «купу» (отсюда «закупы»). Они являлись наиболее бесправными категориями феодально зависимого населения и своим положением приближались к рабам. Рядовичи и закупы выступают основными объектами «Устава» Владимира Мономаха о резах, появившегося после народного восстания 1113 г., вызванного большими притеснениями со стороны господствующей верхушки. Владимир Мономах вынужден был издать новые законодательные статьи, в определенной степени ограничивавшие произвол хозяев. В частности, об отмене холопства за долги и уменьшении ссудных процентов.

К феодально зависимым слоям населения относились вотчинные ремесленники, проживавшие во дворах феодалов. Вотчинного ремесленника и ремесленницу упоминает «Русская правда», оценивающая их жизнь в 12 гривен — вдвое выше по сравнению с ценой жизни смерда или закупа.

Администрацию феодального двора представляли сельский староста, ролейный староста, княжий конюх, тиун конюший, тиун княжий, или огнищанин. Сельский староста — представитель общины, попавшей в феодальную зависимость. Ролейный староста ведал полевыми работами на земле боярина. Конюх отвечал за конюшни феодала. Тиун конюший был основным административным лицом специализированного хозяйства по разведению лошадей (как пример — хозяйство Ольговичей под Путивлем). Тиун княжий владел правами княжеского наместника, управителя, руководившего хозяйством и осуществлявшего власть над зависимым населением от имени своего хозяина.

Наряду с продуктовой данью и отработками феодально зависимое население платило денежную дань. Денежная дань на Руси, засвидетельствованная уже письменными источниками X в., позднее стала распространенной формой феодальной ренты. Об уровне ее развития в XII в. дает представление жалованная грамота 1150 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича смоленскому монастырю. В этой грамоте упомянуто более 30 населенных пунктов и волостей, для которых была назначена денежная дань в размере 800 гривен; десятая часть ее отдавалась в пользу смоленского епископства.

Формы феодальной эксплуатации, определявшиеся уровнем развития производства, в свою очередь влияли на экономическое положение общества. Характерной чертой Древнерусского государства были быстрые темпы социально-экономического развития. С IX по XI в., т. е. за сравнительно небольшое для феодальной эпохи время, оно достигло значительных успехов в развитии хозяйства, городов, культуры и т. п. Многие историки пытались объяснить это явление внешними факторами. Так появились различные теории о влиянии и заимствовании, в частности, норманнская.

Действительной же причиной высоких темпов развития Киевской Руси были благоприятные социально-экономические условия, что определялось господством более прогрессивной сравнительно с рабовладельческой формой феодальных отношений.

При натуральной и особенно денежной ренте производитель отдавал собственному хозяйству все свое рабочее время. У него был стимул для поисков рационализации производства, усовершенствования орудий труда

Колты из золота с перегородчатой эмалью. XII—XIII вв.

Бронзовые с позолотой черепахоподобные фибулы из могильника в с. Шестовица Черниговской области. IX—X вв.

и максимальной отдачи физических усилий. «Здесь,— отмечал К. Маркс,— дана возможность известного экономического развития...» [1]

Классовая борьба. На систематическое увеличение дани и других феодальных повинностей и притеснения народные массы Киевской Руси отвечали классовым сопротивлением. О том, что такая борьба получила широкое распространение, была острой и представляла опасность для господствующего класса, свидетельствуют государственные мероприятия, направленные на подавление народных выступлений.

К наиболее распространенным формам классовой борьбы относились побеги. Результаты их были серьезными. Побеги вынуждали феодалов до некоторой степени ограничивать эксплуатацию крестьян, иначе возникала угроза для хозяйства остаться без рабочих рук, что, естественно, ставило под удар прибыли. При тогдашних условиях беглец всегда мог найти место, чтобы спрятаться от феодала. Чаще всего бежали холопы — самая бесправная и наиболее эксплуатируемая часть населения, и закупы.

Бежали от феодалов и смерды. В середине XII в. наблюдалось сосредоточение беглецов-смердов, которых называли «берладниками» (вероятно, от названия г. Берлади), в низовье Прута и Серета. Беглецы, объединяясь в отряды, нападали на города и торговые караваны с солью. В 1159 г. один из отрядов численностью 6 тыс. человек во главе с князем-изгоем Иваном Берладником захватил Кучелмин, но под Ушицей потерпел неудачу и вернулся в Понизовье. Движение берладников является примером того, как массовые крестьянские побеги со временем перерастали в крупные крестьянские восстания. Берладники встречали сочувствие угнетенных в городах, на которые нападали. Во время осады Ушицы к ним присоединились 300 смердов. Имеются сведения о массовых побегах смердов в Новгородской земле, где это явление стало действительно угрожающим. Власть вынуждена была пойти на определенные уступки, чтобы приостановить побеги и вернуть беглецов. В 1229 г. князь Михаил издал закон, согласно которому смердам гарантировалось уменьшение дани, возвратившимся беглецам — освобождение от дани на пять лет.

Распространенными были террористические действия против феодалов. Классовый характер такой борьбы понимали современники и причины ее видели в обнищании населения. «Аже буду убог — помыслю на татьбу и розбой»,— писал по этому поводу Даниил Заточник (древнерусский писатель конца XII — первой половины XIII в.). Охрана личности феодала была объектом особого внимания государства. Ряд статей «Русской правды» касается именно действий, направленных против феодала, за которые наказывали очень строго.

Высшим проявлением классовой борьбы в Киевской Руси были восстания крестьян и городской бедноты. Эта форма в отличие от побегов защищала от чрезмерной эксплуатации уже не отдельных крестьян и была направлена не против отдельных представителей феодального класса, а была попыткой больших групп населения избавиться от чрезмерно возраставшей феодальной эксплуатации. Первым массовым выступлением, в котором, несомненно, приняли участие сельские и городские низы, было древлянское восстание 945 г. Именно им ненормированная дань угрожала потерей не только дополнительного продукта, но, вероятно, и необходимого, что означало лишение их средств существования. Восстание, как упоминалось выше, было подавлено

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 357.

княгиней Ольгой, которая, однако, вынуждена была несколько унормировать феодальные повинности.

Народные движения конца X в. в летописи часто названы «разбоями». Однако это были не единичные нападения на дорогах, а более или менее организованные выступления против феодалов. По требованию митрополита Владимир ввел для восставших смертную казнь вместо денежного штрафа. О размахе этих движений свидетельствует тот факт, что память о них долгое время сохранялась в народе.

Крестьянские движения в Киевской Руси часто принимали религиозную окраску и связывались с борьбой против христианства, освящавшего эксплуатацию. Одно из таких народных восстаний, возглавленных жрецами языческой религии — волхвами, имело место в Суздальской земле в 1024 г. Непосредственным поводом к нему был голод. Восставшие убивали «старую чадь» (феодальную верхушку общества) и забирали «гобино» (запасы продуктов, приевоенные «старой чадью»). Восстание было жестоко подавлено князем Ярославом Владимировичем.

Подобное восстание произошло в 60-х годах XI в. в Ростовской земле. Оно было направлено против «лучших жен», державших у себя «обилие». «Лучшие жены» — это, очевидно, женщины, которые в Ростовской земле еще в эпоху первобытнообщинного строя держали в своих руках общинные запасы продуктов. С развитием феодальных отношений они также сохранили за собой это право. Общинники свое право на общинные запасы вынуждены были доказывать с оружием в руках. Восстание в Ростовской земле также потерпело поражение.

В Южной Руси, как свидетельствует летопись, недовольство народа также использовалось сторонниками старой религии. В 1068 г. в Киеве появился волхв, вещавший какие-то удивительные явления, будто Днепр потечет вспять, а греческая и русская земли поменяются местами. Подобные вещания отражали нарастание народного гнева и, как правило, предшествовали социальным волнениям.

Непосредственным поводом к киевскому восстанию 1068—1069 гг. стало поражение русских войск в борьбе с половцами. После бегства с поля боя Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей половцы беспрепятственно грабили русские земли и угрожали Киеву. Чтобы дать врагу отпор, киевляне потребовали у князя оружие и лошадей, но в этом им было отказано. Тогда они восстали и изгнали Изяслава из Киева. Спустя семь месяцев Изяслав вернулся в Киев и с помощью польского войска расправился с восставшими.

Летопись не указывает конкретно, к каким социальным слоям принадлежали киевляне, принимавшие участие в восстании. Вероятно, это была городская беднота и присоединившиеся к ней со временем смерды окрестных сел. Последние нападали на польских жолнеров, пришедших с Изяславом и расквартированных по селам.

Более подробно летописец рассказывает об участии смердов в киевском восстании 1113 г. Оно началось сразу же после смерти жестокого и жадного киевского князя Святополка Изяславича. Восставшие разграбили двор киевского тысяцкого Путяты, дворы сотских, ростовщиков и купцов, наживавшихся на спекуляции солью. Киевская знать обратилась к Владимиру Мономаху, княжившему тогда в Переяславе, с просьбой занять киевский стол. Бояре и купцы надеялись, что авторитет Владимира Мономаха — организатора борьбы с половцами — поможет им успокоить народ. Первое приглашение Мономах отверг. Киевская знать обратилась к нему вторично, напомнив, что его отказ

Восстание в Киеве в 1068 г. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

приведет к расширению восстания. Владимир согласился и, как отмечает современник, «утоли мятеж и голку (волнения.— *Ред.*) в людях».

Результатом восстания в Киеве был знаменитый «Устав» Мономаха, который несколько облегчал положение крестьянской и городской бедноты. Закуп получил право отлучаться со двора феодала на время подачи жалобы князю или для того, чтобы достать деньги для уплаты долга. Отлучка по другим причинам грозила ему превращением в холопа. «Устав» не разрешал бить закупа, если последний не был виновен, но понятие вины закупа не определялось. «Устав» снимал с закупа ответственность за имущество феодала, если его пропажа случилась не по вине закупа.

В 1136 г. произошло крупное восстание в Новгороде, направленное против князя Всеволода Мстиславича. Согласно решению новгородского веча он был взят под стражу, а затем изгнан из города. Одним из обвинений, предъявленных Всеволоду, было то, что он «не блюдет смерд».

Летописи сохранили сведения о народных движениях в середине XII в. В 1146 г., воспользовавшись ослаблением власти после смерти киевского князя Всеволода Ольговича, киевляне решили свести счеты с княжескими тиунами. Началось восстание. Новому князю Игорю Ольговичу восставшие заявили, что тиун «Ратша погуби Киевъ, а Тудоръ Вышегородъ», и требовали гарантий, чтобы в дальнейшем подобных притеснений не было. Игорь вынужден был пойти на уступки, но борьба на этом не закончилась. После поражения Игоря Ольговича в войне с Изяславом Мстиславичем киевляне летом 1147 г. снова восстали.

Еще одно восстание подняли киевляне после смерти князя Юрия Долгорукого. Как рассказывается в Ипатьевской летописи, народ «разграбиша дворъ его красный и другый дворъ за Днѣпром розъграбиша, егоже звашеть самъ Раемъ и Васильковъ дворъ сына его разграбиша в городѣ».

Широкий размах имело восстание 1174 г. в Суздальской земле. Воспользовавшись убийством Андрея Бого-

любского, жители Боголюбова разграбили княжескую резиденцию и выступили против представителей администрации. Вслед за ними восстали и владимирцы, которые устроили расправу над посадником, тиунами, мечниками и детскими. В движении приняли участие и жители окрестных сел: «грабители же ись сел приходяче грабяху».

В 1207 и 1228 гг. имели место крупные восстания в Новгороде. В первом случае восставшие выступили против посадника Дмитра Мирошкинича и его братьев, обкладывавших городское и сельское население непомерными данями, во втором — против архиепископа Арсения и посадника Вячеслава, которые имели огромные запасы продовольствия, в то время как народ голодал.

Нередко правящим феодальным группировкам, постоянно ведшим борьбу за власть, удавалось использовать недовольство трудящихся масс в своих интересах. Так было в 1146—1147 гг., когда великий киевский князь Изяслав Мстиславич расправился с Игорем Ольговичем и теми, кто его поддерживал. Аналогичная ситуация сложилась и в 1157 г., когда острие нового восстания киевлян, не без участия претендента на киевский стол Изяслава Давидовича и черниговской феодальной партии, было направлено против администрации покойного князя Юрия Долгорукого.

Но какие бы формы не приобретали народные движения в Древней Руси, они, безусловно, носили ярко выраженный классовый характер. Трудящиеся массы были далеки от княжеско-боярских интриг. Они боролись против феодальной эксплуатации, против своих конкретных угнетателей — крупных землевладельцев, ростовщиков, княжеской администрации. Несмотря на естественную для того времени неорганизованность и стихийность, народные движения имели большое историческое значение. В ответ на жестокую феодальную эксплуатацию трудящиеся массы вели активную классовую борьбу и тем самым содействовали прогрессивным изменениям в жизни всей страны.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Киевская Русь IX — первой половины X в. Возникновение Древнерусского государства явилось решающим событием в жизни восточных славян, определившим их дальнейшую историческую судьбу. За короткое время Киевская Русь выдвинулась в число ведущих стран средневекового мира, с которой вынуждены были считаться такие могущественные державы, как Византийская империя и Арабский халифат. Нередко молодому Древнерусскому государству приходилось силой оружия утверждать свои права на международной арене. Этим, видимо, и объясняется первый поход русских на Константинополь в 860 г. На 20 судах они вошли в гавань, опустошили окрестности столицы империи и Принцевы острова. Нависшая над Константинополем угроза вынудила императора Василия I отказаться от похода на арабов и срочно вернуться в столицу. С большим трудом ему удалось пробиться в осажденный город. Штурм Константинополя, однако, не состоялся. Причиной тому, по мнению древнерусского летописца, была «буря с вѣтромъ, и волнамъ великимъ», которая «Руси корабля смяте».

Не исключено, что в улаживании конфликта стороны прибегли к дипломатии, хотя источники и не говорят об этом. Косвенным подтверждением такого предположения является уже

Поход Олега в Царьград. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

упоминавшееся окружное послание патриарха Фотия, в котором он извещал, что русские, покорившие соседние с ними народы и дерзнувшие поднять руку на Ромейскую державу, ныне исповедуют христианскую веру и приняли к себе византийского иерарха. Аналогичные сведения содержатся и в «Жизнеописании Василия I», составленном его внуком Константином VII Багрянородным. В нем говорится, что Василий I установил дружественные отношения с русскими и склонил их к принятию христианства.

В 882 г. на киевском столе произошла смена династий. Власть захватил варяжский конунг Олег (882—912 гг.), объединивший в одной политической системе Южную и Северную Русь.

В конце IX — начале X в. власть киевского князя распространялась уже на полян, новгородских словен, кривичей, северян, радимичей, древлян, хорватов, уличей, на неславянские племена чудь и мерю. Территориальный рост Киевской Руси связывается с военными походами Олега, но в основе этого процесса лежали внутренние факторы — экономическая, политическая и культурная консолидация восточного славянства.

Значительных успехов достигла Киевская Русь в начале X в. и во внешней политике. В 907 г. состоялся поход князя Олега на Византию, в котором согласно летописи приняло участие 80-тысячное войско. Результатом его стал договор, заключенный с Византией в том же году. Договор давал русским определенные льготы. Они получили от греков единовременную контрибуцию по 12 гривен на каждого воина и дань в пользу подчиненных Олегу князей, сидевших в главных городах Руси. Греки обязывались обеспечивать русских купцов, находившихся в Византии, продуктами питания на протяжении шести

месяцев, снабжать их корабельным снаряжением. Купцам разрешалось жить в предместье Константинополя (около церкви св. Мамонта), входить в город без оружия, но не больше чем по 50 человек через одни ворота и в сопровождении византийского чиновника.

В 911 г. договор 907 г. был дополнен. Он определял правовые нормы в отношениях русских с греками, которыми следовало руководствоваться в случае возникновения споров между ними. Стороны несли ответственность за совершенные преступления — убийства, драки и кражи, обязывались оказывать помощь друг другу при несчастных случаях в море. Какие-то соглашения, вероятно, были заключены между Киевом и Константинополем и в военной области. Известно, что в 911 г. 700 русских дружинников воевали в составе византийского войска с критскими арабами.

Заключение договоров Руси с Византией было актом большой исторической важности, поскольку они показали силу молодого восточнославянского государства. В договорах нашло отражение много сторон общественной жизни Руси — общественный строй, политическая структура государства, уровень ее культурного развития.

Другим важным направлением международных интересов Руси в конце IX — начале X в. были страны Арабского халифата на юго-западном побережье Каспийского моря. Арабские писатели сообщают о нескольких военных походах русских на эти государства. Ибн-Хасан вспоминает походы 880 г. и 909—910 гг., когда русские взяли несколько городов Табористана. Масуди рассказывает о походе 912—913 гг., когда 500 русских кораблей с экипажами по 100 человек на каждом прошли по Волге и достигли южного побережья Каспия.

После смерти Олега, наступившей по сообщению «Повести временных лет» в 912 г., князем на Руси стал Игорь (912—945 гг.). В свидетельствах письменных источников о начале княжения Игоря, как и о смерти Олега, существуют расхождения. Многое остается невыясненным относительно самой личности Игоря. Характерно, что нигде, кроме легенды о взятии Олегом Киева, летописи не связывают Игоря с Рюриком или вообще с варягами.

Начало княжения Игоря совпало со значительным ухудшением внутреннего и международного положения Руси. Первыми вышли из подчинения Киеву древляне, на которых Игорь пошел войной, покорил и наложил дань, большую, чем та, которую они платили Олегу. На протяжении трех лет Игорь вел борьбу с уличами, пока удалось взять их город Пересечен. Но и после этого уличи не покорились. Часть их оставила Поднепровье, отошла на запад, где поселилась между Южным Бугом и Днестром.

В годы княжения Игоря у южных границ Руси впервые появились печенеги. В 915 г. они заключили с Киевом мир и откочевали к Дунаю. Однако в 920 г. это соглашение было нарушено. Из краткого сообщения летописи — «а Игорь воеваша Печенѣги» — не видно, какая из сторон первой нарушила мирные условия. Византийские источники позволяют заключить, что в обострении русско-печенежских отношений повинна прежде всего византийская дипломатия. Империя не была заинтересована в чрезмерном усилении Киевской Руси и пыталась оказать нажим на нее посредством угрозы печенегов. Коварство императорского двора не сразу было раскрыто в Киеве, и вплоть до 30-х годов X в. Русь продолжала оказывать военную помощь Византии; русские в составе императорской армии принимали участие в войнах в Италии.

В 941 г. в отношениях между Киевской Русью и Византией наступил

Полюдье. *Художник К. В. Лебедев*

разрыв. Игорь, воспользовавшись тем, что Византия вела войну с арабами, выступил на кораблях в Константинополь. В походе приняло участие 10-тысячное войско. Вблизи Константинополя русский флот был встречен византийским и сожжен «греческим огнем». Оставшиеся в живых и вернувшиеся на родину русичи были поражены этим огнем и сравнивали его с молнией на небесах.

В 944 г. Игорь осуществил второй поход на Константинополь, «хотя мстити себе» за поражение в 941 г. Предупрежденный корсунцами, византийский император выслал навстречу русским войскам послов и попросил мира. Был заключен договор, который, хотя и подтверждал основные торговые интересы Руси в Византии, не принес ей тех выгод, какие давали предыдущие. Он упразднил ряд преимуществ для русских и накладывал на них больше обязанностей: русские купцы должны были выплачивать Византии пошлину, Игорь обязывался не пропускать к византийским владениям в Крыму болгар, не нападать самому на византийские земли.

Поход русов на восток в 943 г. был удачным. Русские воины на кораблях Черным морем достигли р. Куры, прошли в глубь страны, захватили большие города Бердаа и Дербент и возвратились домой с богатой добычей.

Частые военные походы ослабляли экономику государства. Они обогащали верхушку дружины, но большим бременем ложились на плечи трудового населения. Походы отрывали от мирного труда много людей, а это отрицательно сказывалось на развитии хозяйства, поглощало большие материальные ресурсы. Чтобы обеспечить войско продовольствием, оружием, транспортными средствами, была значительно увеличена дань.

Дань собиралась с населения путем так называемого полюдья, которое

было хищнической формой феодальной эксплуатации. О том, как собиралась эта дань, есть свидетельство современника Игоря византийского императора Константина VII Багрянородного в трактате об управлении государством. Он писал о суровом образе жизни русов. Когда наступал ноябрь, русские князья отправлялись на полюдье, т. е. круговой объезд, в земли вервианов, другувитов, кривичей, северян и других славян, плативших им дань. Пробыв в этом кормлении всю зиму, они в апреле, когда таял лед на Днепре, вновь возвращалисъ в Киев.

При такой форме дани у населения нередко отбиралось все, что оно имело, разрушалось хозяйство, смерды оставались без средств существования, что толкало их на борьбу с угнетателями. Во время одного из столкновений в 945 г., как отмечалось, восставшие древляне убили Игоря.

После смерти Игоря в связи с неполнолетием его сына Святослава регентшей стала мать Святослава княгиня Ольга. О происхождении Ольги и ее жизни до того времени, когда она сделалась великой киевской княгиней, известно мало. Сохранились полулегендарные сведения, на основании которых можно считать Ольгу дочерью псковского владетеля, вассала киевского князя.

Первым актом внутренней политики княгини Ольги было подавление древлянского восстания, возвращение в подчинение Древлянской земли и обложение древлян тяжелой данью. В «Повести временных лет» записано: «И възложиша на ня дань тяжьку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ: бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ».

Восстание показало необходимость внести изменения в порядок сбора дани. Регламентация феодальных повинностей имела большое значение для социально-экономического развития страны. В результате введения норм феодальных повинностей у производителя оставалась часть дополнительного продукта, которую он мог использовать на усовершенствование своего хозяйства.

Около середины X в. на Руси значительно возросло землевладение и усилился процесс феодального освоения территории — распространение власти феодала на общинные земли. В результате появилось много новых замков, которые были центрами феодальных владений. Княгине Ольге принадлежал Вышгород, где находился ее хозяйственный двор.

В Киеве находилась официальная резиденция Ольги, которая упоминается в летописи как «двор княж» и «терем камен». Остатки этого терема обнаружены недалеко от Десятинной церкви, на северо-восток от нее. Это был большой двухэтажный каменный дом, украшенный архитектурными деталями из мрамора и красного шифера и декоративными керамическими плитками.

Интересам Киевской Руси как феодального государства отвечала внешняя политика Ольги. Международный авторитет государства укреплялся не военными, а дипломатическими средствами. Важным шагом в этом отношении был визит Ольги в Константинополь в 957 г., где она была принята византийским императором Константином VII Багрянородным и приняла христианство.

Существует протокольная запись приема Ольги византийским императором. В составе ее посольства насчитывалось более 100 человек (20 близких Ольге женщин — княгинь и боярынь, ее племянник, поп Григорий, 42 купца, переводчики и т. д.). В честь Ольги император устроил официальный прием. Дважды он принимал княгиню в узком кругу, несколько раз она присутствовала на императорском обеде. Во время посещения Константинополя Ольга вела переговоры с им-

Ольга у византийского императора. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

ператором, но их содержание осталось неизвестным. Официального соглашения они не составили, но, наверное, достигли определенной договоренности о более тесных связях Киевской Руси с Византией. Их укреплению, очевидно, должно было служить и принятие Ольгой христианства.

Киевская Русь во времена Ольги поддерживала дипломатические отношения с другой крупной державой средневекового мира — Германской империей. Известно, что посольство Ольги было направлено к императору Оттону в 959 г., а немецкие послы во главе с епископом Адельбертом прибыли в Киев в 961 г. Миссия епископа заключалась в распространении на Руси католицизма, но она не достигла цели.

Таким образом, Киевская Русь во время правления Ольги еще более укрепила связи с наиболее сильными государствами средневекового мира. Прием Ольги византийским императором и почести русской княгине при византийском дворе были важным дипломатическим актом, свидетельствовавшим о признании Киевской Руси равной Византийской империи. Равноправного партнера видела в Киевской Руси и Германская империя.

Киевская Русь во второй половине X в. В 965 г. киевским князем стал Святослав Игоревич. Время его княжения прошло под знаком прочного утверждения Руси на международной арене, связанного с преодолением враждебных отношений со стороны некоторых соседних стран. Волжская Болгария соперничала с Русью в торговле с Востоком. Хазария, хотя и поддерживала с Русью тесные отношения, часто грабила купеческие караваны, шедшие из Киева. К тому же данниками Хазарии продолжали оставаться некоторые восточнославянские племена, в частности вятичи. Ухудшились отношения с Византией, про-

тиводействовавшей росту русского могущества.

Первым шагом молодого 22-летнего князя было возвращение под власть Киевской Руси вятичей, находившихся тогда в зависимости от Хазарского каганата. С этой целью он осуществил поход на Оку и Волгу. «...Налѣзе вятичи и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по щьлягу от рала даемъ»,— читаем в «Повести временных лет». Возвратив Руси вятичей, Святослав взял хазарскую крепость Белую Вежу (Саркел), победил ясов и касогов (предков осетин и черкесов) и наложил на них дань. Современник Святослава арабский географ Ибн-Хаукаль дополняет сведения летописи о походах Святослава на Волгу. По его свидетельству, войско Святослава достигло г. Булгара и земли буртасов (мордвы). Кроме крепости Белой Вежи, занимавшей ключевую позицию Хазарского государства на Дону, на Волге была взята столица Хазарии Итиль и много городов на Каспийском побережье. От этих городов, отмечал Ибн-Хаукаль, «не осталось и следа», русы «отняли у них все эти области и присвоили их себе». В результате походов Святослава Хазарское государство пришло в упадок.

В войне против Хазарского государства Святослав руководствовался определенными политическими мотивами. Издавна хазары претендовали на господство над частью восточных славян, в частности над вятичами и северянами, земли которых находились ближе к хазарским владениям. Хазария выступала против политики Киевской Руси относительно государственного объединения восточных славян. Чтобы завершить объединение всех восточнославянских земель в едином государстве, Русь вынуждена была избавиться от политического противника и конкурента. Победа над Хазарским государством ускорила процесс восточнославянской консолидации, но одновременно открыла кочевникам путь на запад, что создало для Руси новую опасность. С этого времени хозяевами южнорусских степей вплоть до Посулья и Поросья стали печенежские орды. Славянские поселения на восток и юг от этих рубежей в X в. перестали существовать. Опасность угрожала городам Поднепровья и непосредственно Киеву.

Печенеги блокировали торговые пути, ведшие на восток. Результатом этого было почти полное прекращение торговли с Востоком. Большие препятствия создавали печенеги русско-византийской торговле, нападая на торговые караваны, плывущие по Днепру; особенно опасным для русских купцов стали пороги, в районе которых печенеги устраивали засады. В таких условиях торговля днепровским путем могла осуществляться только большими, хорошо вооруженными военно-торговыми караванами, о которых рассказывает Константин VII Багрянородный.

Тем временем события, происходившие на Балканах, втянули Киевскую Русь в войну между Болгарским царством и Византией. В начале X в. Болгария стала могущественным государством, которое не только соперничало на Балканах с Византией, но и непосредственно угрожало Константинополю. Правитель болгар получил от Византии царский титул, болгарская церковь — самостоятельность. Через некоторое время Византия вынуждена была согласиться и на выплату Болгарии дани. Соотношение сил изменилось в 60-х годах X в. в пользу империи, когда Болгарию ослабили внутренние междоусобицы, а византийский престол занял воинственный император Никифор Фока. В борьбе с Болгарией Византия пыталась воспользоваться помощью Киевской Руси. Из Константинополя в Киев прибыло посольство с предложением выступить войной против

Болгарии. Будучи выразителем объективной тенденции выхода Руси к черноморским рынкам, Святослав решил принять участие в этом конфликте. В 968 г. 60-тысячное войско во главе с киевским князем выступило в поход. Болгары выставили против русских 30-тысячное войско. В битве, которая произошла под Доростолом (современная Силистра), болгары потерпели поражение. Святослав занял города по Дунаю и закрепился в Переяславце.

Воспользовавшись отсутствием на Руси войска, в том же году в ее пределы вторглись печенеги, подкупленные Византией. Беспрепятственно подошли они к Киеву и обложили его. Киевляне отправили к Святославу гонцов с сообщением о нападении и требованием возвратиться домой. Печенеги, свидетельствует летопись, обложили Киев: «в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣльзѣ из града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою». Среди осажденных находились мать и дети Святослава. Город был спасен благодаря героизму киевлян и подходу войска воеводы Претича. Печенеги, решив, что это войско Святослава, отступили.

Святослав возвратился в Киев ненадолго. На уговоры матери и бояр остаться в Киеве князь ответил, что ему больше нравится Переяславец на Дунае, где пересекаются важные торговые пути, по которым везут из Византии золото, ценные ткани, вина, фрукты, из Чехии и Венгрии — серебро и лошадей, а из Руси — кожу, воск, мед и рабов. Судя по такому ответу и некоторым мерам по организации управления государством, Святослав действительно имел намерение перенести столицу Руси на Дунай и закрепиться там.

Святослав разделил княжества между своими сыновьями. На киевский стол он посадил своего старшего сына Ярополка, в Древлянской земле — Олега, в Новгороде — Владимира. Эта мера положила начало государственной реформе, в результате которой вся Русская земля оказалась под властью одной княжеской династии. Реформа имела большие последствия в политической жизни страны. Завершил ее сын Святослава Владимир.

Уладив таким образом свои дела на Руси, Святослав опять выступил на Балканы. В 969 г. началась вторая балканская кампания. За время пребывания Святослава в Киеве ситуация на Балканах изменилась не в пользу Руси. Византия, предлагая Святославу выступить войной против Болгарии, не хотела, чтобы Русь овладела ею. Преследовалась цель лишь ослабить Болгарию чужими руками, а заодно ослабить и Русь. Когда же Святослав одержал ряд побед, Византия резко изменила свою политику. Новый византийский император Иоанн I Цимисхий выслал против русских свои войска, но они также потерпели поражение. Русские захватили Пловдив, вступили во Фракию и угрожали непосредственно Царьграду.

Однако в битве вблизи Аркадиополя русское войско было разбито. По сообщению византийского историка Льва Диакона (вторая половина X в.), тут погибло более 20 тыс. человек. Через некоторое время против Святослава выступил с войском сам император Иоанн I Цимисхий. Он обложил болгарскую столицу г. Преслав и взял ее. Часть гарнизона русских войск погибла, часть спаслась бегством. Болгарский царь Борис, бывший в Преславе вместе с русским войском, перешел на сторону Цимисхия. В конце апреля 971 г. византийское войско обложило Доростол, где находились главные силы Святослава. Три месяца продолжалась осада города. Неоднократно русские войска делали героические вылазки, во вре-

мя которых наносили большие потери неприятелю. В одной из них погиб военачальник греков; только чудом они сдержали натиск русских. Большие потери понесло и русское войско. Святослав был ранен.

Обессиленные стороны приступили к мирным переговорам. Между русскими и греками был заключен договор о ненападении. Греки обязывались беспрепятственно пропустить русов домой и обеспечить их продовольствием на дорогу. Русь в свою очередь обязалась не претендовать на византийские владения в Крыму и на Дунае и выступать союзником императора.

Чего стоили заверения императора, видно из последующих событий. После заключения мира Святослав с войском выступил домой. Тем временем к печенегам был срочно отправлен посланец Цимисхия Феофил Евхаитский, сообщивший им о возвращении из Болгарии Святослава с малым войском. В районе Днепровских порогов печенеги устроили засаду. Подойдя к порогам и увидев многочисленного врага, Святослав повернул к устью Днепра, в так называемое Белобережье, чтобы перезимовать там. Однако зимой начался голод, что заставило Святослава ускорить возвращение домой. У порогов его опять ждали печенеги. В 972 г. произошла битва, в которой Святослав погиб.

Ученые по-разному оценивают деятельность Святослава, поскольку мотивы и результаты его действий не были однозначны. Заботясь о высоком международном авторитете Киевской Руси, а также об укреплении ее экономических позиций на черноморских рынках, Святослав не проявлял такого же интереса к внутренним делам страны. Не случайно киевляне говорили ему: «ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ». Будучи талантливым полководцем, одержавшим ряд блестящих побед, он, однако, не смог должным образом оценить опасность для Руси со стороны печенегов.

Киевская Русь на рубеже I и II тысячелетий. Государственное управление в Киевской Руси после смерти Святослава оставалось некоторое время таким, каким оно сложилось при его жизни. В Киеве княжил Ярополк, в Овруче — Олег, в Новгороде — Владимир, в остальных землях — князья местных династий, имена которых неизвестны. Ярополк, исполнявший функции киевского князя еще при жизни Святослава во время его военных походов, после смерти отца стал великим киевским князем.

Интересы вассалов и сюзерена, как известно, не всегда совпадали. Противоречия между ними крылись в самом характере феодальных отношений. Существовали такие противоречия и между великим киевским князем Ярополком и другими князьями и подданными. В 977 г. они переросли в вооруженный конфликт. Борьба началась между древлянским князем Олегом и воеводой киевского князя Ярополка Свенельдом. Поводом к ней послужило убийство сына Свенельда Люта, нарушившего права феодальной собственности Олега. В действительности же в основе конфликта лежал вопрос, кому владеть Древлянской землей, которую оба считали своей собственностью на правах пожалования. Киевский князь Ярополк стал на сторону Свенельда. Воевода подговорил Ярополка выступить на Олега войной, во время которой последний погиб.

Новгородский князь Владимир, опасаясь за свою жизнь, бежал за море. Ярополк назначил на его место посадника. На некоторое время киевский князь избавился от претендентов на великокняжеский стол. Но в 980 г. Владимир появился с наемным войском варягов, вернул себе Новгород, захватил Полоцк, а затем и Киев.

Ярополк убежал в Родню, где и был убит.

С 980 г. «нача,— читаем в летописи,— княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ». Владимир Святославич имел необычную для великого киевского князя генеалогию: он был внебрачным сыном Святослава и Малуши, ключницы Ольги. Став великим киевским князем, Владимир прежде всего стремился избавиться от варяжских наемников, при помощи которых овладел Киевом. Варяги вели себя дерзко и потребовали от Владимира наложить в их пользу контрибуцию на киевлян: по две гривны с человека. Но Владимир сумел направить варягов на Византию.

На протяжении первых пяти лет правления Владимир объединил все восточнославянские земли. В 981 г. он вернул западные русские земли, попавшие под власть Польши. В 984 г. покорил радимичей.

Дважды Владимир ходил на вятичей: в 981 г., когда он их «победи и возложи на ня дань от плуга», и в 982 г., после того как вятичи «заратишася».

В 993 г. произошел поход Владимира на хорватов, которым завершилось объединение восточнославянских земель в составе Киевской Руси. После этого установились мирные отношения Руси с соседними государствами. Летописец так характеризует внешнюю политику Владимира на Западе в конце X в.: «И бѣ живя сь князи окольными миромъ, съ Болеславомъ Лядьскым, и съ Стефаномъ Угрьскымь и съ Андрихомъ Чешьскымъ».

Во время княжения Владимира завершился длительный процесс формирования территории Древнерусского государства. Определились и закрепились границы Киевской Руси, которые в основном совпадали с этническими границами восточных славян. Они проходили в районе верховья Оки и Волги на востоке; Сулы, Дона, Роси и Южного Буга — на юго-востоке и юге; Днестра, Карпат, Западного Буга, Немана и Западной Двины — на западе; Чудского озера, Финского залива, Ладожского и Онежского озер — на севере. Это было самое большое государство в Европе, которое отличалось исключительной для времен средневековья этнической однородностью. Только незначительную часть его населения составляли неславянские северные племена — чудь, меря, весь.

В сфере постоянного политического влияния Киевской Руси находился целый ряд соседних территорий, где издавна жило славянское население. Протекторат над этими территориями обеспечивал ей выход к международным торговым рынкам. Речь идет прежде всего о районах Северного Причерноморья, Крыме и Приазовье, где молодое Древнерусское государство с первых дней своего существования успешно конкурировало с Византийской империей. Особенно прочными были позиции Руси в Приазовье. Уже в X в. здесь было основано древнерусское княжество с центром в Тмутаракани (бывший греческий город Таматарха), которое на протяжении нескольких веков играло важную роль в экономической и политической жизни страны.

С IX—X вв. в сферу политического влияния Руси попал и Крым. Успешные походы войск Руси против Византии и ее крымских колоний способствовали стабилизации экономических отношений Крыма с древнерусскими землями. Во времена Владимира Святославича в состав Тмутаракани вошел район Керченского полуострова, главный город которого получил русское название Корчев. Окрепли также позиции Руси в торговых городах Херсонесе и Суроже (Судаке), где находились колонии древнерусских купцов.

Попытки Византии вытеснить Русь из Крыма не имели да и не могли

иметь успеха. Традиционно Северное Причерноморье тяготело не к метрополии (Греции, Риму или Византии), а к соседним с ним материковым районам с древней высокой культурой земледелия и скотоводства. Даже в XII—XIII вв., когда союзником империи в борьбе с русским влиянием в Крыму выступили половцы, Русь продолжала поддерживать экономические контакты с крымскими городами. Важным центром, своеобразным перевалочным пунктом древнерусской международной торговли в XII в., по свидетельству арабского хрониста Ибн-Биби, выступал Сурож. Один из кварталов этого приморского города населяли русские.

Перед Древнерусским государством, объединившим все восточнославянские земли, стояли важные задачи политической консолидации. Среди мер, направленных на решение этих задач, важное значение имела административная реформа, которую начал осуществлять еще Святослав, а закончил Владимир Святославич. Смысл ее заключался в том, что земли и княжества, где правили зависимые от Владимира местные князья, передавались сыновьям Владимира. Последних он посадил в Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Муроме, Пскове, Смоленске, Искоростене, Владимире, Тмутаракани; в некоторых менее важных городах находились посадники Владимира из ближайшего его окружения. Реформа ликвидировала власть местных князей, связанных происхождением и интересами с их землями и далеких от интересов Киева, покончила с автономией земель.

В результате реформы все наибольшие феодальные владения Руси и все высшие ступени феодальной иерархии оказались в руках одного княжеского рода. Согласно нормам феодального права все князья Киевской Руси как потомки великого киевского князя пользовались равными правами на наследство предка, что юридически делало их равноправными. Это обстоятельство сыграло большую роль в дальнейшей истории Киевской Руси. С одной стороны, оно поддерживало у князей идею общности и равной ответственности всех за судьбу страны, а это способствовало объединению сил князей в борьбе с внешними врагами. С другой — обусловливало междоусобную феодальную борьбу, потому что каждый князь, считая себя юридически равным с другими, пытался и фактически сравняться с теми, кто имел бóльшие или более богатые владения.

Во второй половине X в. на Киевскую Русь усилились нападения печенегов. В летописи сохранились свидетельства лишь о некоторых из них. В 992 г. произошло большое нападение печенегов на Переяславскую землю. Русские войска выступили навстречу печенегам. Перед решающей битвой на р. Трубеж сошлись на поединок богатыри. Победил русский богатырь Кожемяка, после чего печенеги бросились бежать, но русские догнали и разбили их. На месте битвы согласно легенде Владимир построил крепость и назвал ее Переяславом, потому что тут русский воин «перея славу» от печенегов.

Во время нападения печенегов в 996 г. едва не попал в плен князь Владимир. В 997 г. печенеги почти подошли к Киеву, обложив Белгород на Ирпене. Об этой осаде сохранились предания и легенды, одна из которых попала в летопись. Длительная осада вызвала в Белгороде голод, население решило сдаться, но нашелся мудрый старец, который хитростью заставил печенегов снять осаду. Он уговорил горожан из последних остатков продуктов приготовить кисель, собрать мед, наполнить вкопанные в землю бочки и показать это посланцам печенегов. Печенеги, увидев, что белгородцев кормит сама зем-

ля и что у них неисчерпаемые колодцы еды и питья, сняли осаду.

Печенеги представляли для Руси постоянную опасность. Это подчеркивает летописец: «бе бо рать беспреступна». Оборона Руси в таких условиях стала важнейшей задачей государства. Для защиты ее южных границ Владимир Святославич начал строительство городов-крепостей на Десне, Остре, Суле и Стугне. «И рече Володимеръ: «Се не добро, еже мало городовъ около Киева. И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугне. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ отъ словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сихъ насели грады: бѣ бо рать отъ печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одолея имъ», — читаем в летописи. Этот рассказ свидетельствует о высоком уровне государственной организации Киевской Руси в X в. Подобные меры, выразившиеся в огромнейшем по размаху строительстве сложной и разветвленной системы крепостей и обеспечении их военными гарнизонами, набранными из всех восточнославянских земель, были под силу только стране с большим материальным и людским потенциалом.

Из крепостей, построенных Владимиром для защиты Руси от печенегов, летопись упоминает Белгород на Ирпене, Василев (современный Васильков) на Стугне и Переяслав на Трубеже. Кроме них было построено много других крепостей, от которых до нашего времени остались многочисленные городища. В систему оборонительных рубежей входили и так называемые змеевы валы, остатки которых сохранились во многих местах. Они тянутся на сотни километров вдоль берегов рек, впадающих в Днепр.

Вопрос о том, кто и когда возводил змеевы валы, остается еще не решенным. Бесспорно лишь то, что их насыпало местное землевладельческое население лесостепных районов Поднепровья для защиты от набегов степных кочевников. Подобные сооружения для защиты от нападений кочевников оседлое население строило и в других странах; их остатки обнаружены в Румынии, Чехословакии, Польше. Возможно, что змеевы валы в пределах Украинской ССР насыпались в разное время. Но часть их, без сомнения, была возведена при княжении Владимира в X в. и предназначалась для обороны границ от печенегов.

Конец X и начало XI в.— особенно важный период в истории Киевской Руси. В это время активно проходили процессы консолидации древнерусской народности, укрепления феодального строя и государства.

Введение христианства на Руси. В системе мер, направленных на укрепление страны, большое значение имели религиозные реформы Владимира Святославича. Господствующий класс Киевской Руси и сам князь как глава государства понимали силу идейного влияния религии на людей и старались использовать ее в интересах феодального государства.

Основу язычества составляли обожествление сил природы и вера в духов, населявших и сопровождавших человека от рождения до смерти. Языческие верования не были неизменными; на разных этапах развития люди поклонялись различным богам, олицетворявшим важнейшие силы природы. Неизвестный русский автор XII в. в своем произведении «Слово святого Григорья» («Слово об идолах») сделал попытку создать периодизацию языческих культов у восточных славян. Он определил три основных этапа: «и ти (славяне.— *Ред.)* начаша требы класти Роду и Рожаницам, преже Перуна, бога их. А преже того клали требы упирем и берегыням». Таким образом, древнейшей формой религии у восточных

славян был анимизм — верование в злых (упырей) и добрых (берегинней) духов. Позже начали поклоняться Роду и Роженице, которые олицетворяли творческие силы природы, были богами плодородия и добрыми духами предков. Потом главным стал бог грома, молнии, войны и оружия — Перун. Но кроме упомянутых главных богов на разных этапах развития язычества существовало бесчисленное множество других божеств. Они, «населяли» леса, воды и поля, покровительствовали разным отраслям хозяйства. Своих отдельных богов имели племена, роды и семьи. Так, у восточных славян сложился большой пантеон языческих богов, известный из письменных и археологических источников. Одним из важнейших был Святовит, изображение которого находится на так называемом Збручском идоле.

Владимир предполагал сделать Киев религиозным центром всех восточных славян. Сразу же после окончания войны с Ярополком за Киев он создал в городе пантеон главных языческих богов. В центральной части киевского кремля «на холму вне двора теремного» велел поставить капище с изваяниями Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокош. Хорс и Дажбог олицетворяли солнце, но имели разное происхождение. Дажбог — славянское божество, Хорс — иранское, вошедшее в русский пантеон, вероятно, от северян, которые испытали влияние ираноязычного населения. Родственный Хорсу по происхождению Симаргл — бог земли, подземного царства; Стрибог — славянский бог ветров (так он определяется в «Слове о полку Игореве»); Мокош — женское божество плодородия и домашнего хозяйства, наследие финских племен, земли которых вошли в состав Древнерусского государства.

«Повесть временных лет» сообщает и о человеческих жертвах, которые приносились языческим богам в Киеве: «И привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ». Языческое капище с изваянием Перуна находилось и в Новгороде; место это и поныне называется «Перуновым холмом».

Попытка Владимира поставить языческую религию на службу раннефеодальному государству не дала желаемых результатов. Язычество во второй половине X в. уже не отвечало уровню социального, политического и культурного развития страны. В других славянских странах в это время языческую религию уже сменило христианство. Христианство с его монотеизмом, иерархией святых, развитым учением о господстве и подчинении, проповедью непротивления злу насилием значительно больше отвечало феодальному строю и идейным принципам феодального государства, чем любая другая религия. Христианство, по выражению Ф. Энгельса, было «...необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [1].

Введение христианства было подготовлено как внутренними, так и внешними условиями. Связи восточных славян с христианскими странами и главное — с Византией существовали еще с антских времен. С возникновением Древнерусского государства русско-византийские отношения стали постоянными и регулярными.

Арабские писатели IX в. свидетельствуют, что среди русских купцов встречались и христиане. Константинопольский патриарх Фотий (писал в 60-х годах IX в.) указывает, что Русь сменила язычество на христианство, имея в виду, очевидно, принятие христианства частью русского войска.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 360—361.

Крещение Владимира в Корсуне. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

Христианство приняла княгиня Ольга. Много христиан находилось в ее окружении. Уже в первой половине X в. в Киеве была соборная христианская церковь св. Ильи. Именно в ней христианская часть дружины Игоря принесла присягу верности русско-византийскому мирному договору 944 г.

Политические отношения, сложившиеся в конце 80-х годов X в. между Русью и Византией, ускорили официальное введение христианства на Руси. В 987 г. в Византийской империи (в Малой Азии) вспыхнуло восстание против императора Василия II под руководством Варды Фоки, объявившего себя императором Византии. Василий II обратился к Владимиру за военной помощью. Князь согласился при условии, если император выдаст за него замуж свою сестру Анну. Согласие было получено, и помощь Василию II была оказана, но он не спешил выполнить свое обещание. Дело женитьбы Владимира превращалось в межгосударственный конфликт, поскольку оно рассматривалось как важный политический акт, осуществление которого ставило русского князя в один ранг с византийским императором. Византийская дипломатия, охраняя высокое положение византийского императорского двора, пыталась не допустить установления династических связей императора с правителями других государств. В этом заключалась традиционная политика Византийской империи. Еще дед Василия II Константин VII Багрянородный завещал своим сыновьям, что если какой-либо народ из неверных и незнатных жителей севера будет добиваться родства с императором Ромеев, взять у него дочь за себя или свою дочь отдать за императора или его сына, то тогда следует такое неразумное требование отвергнуть. Владимиру удалось при помощи оружия взять себе в жены сестру императора. Одновременно он принял христианство. Точных сведений, где крестился Владимир, нет. Уже в конце XI в. на Руси существовали по этому поводу разные версии, согласно которым обряд кре-

щения происходил то в Киеве, то в Василеве, то в других городах. Автор «Повести временных лет» считал, что Владимир крестился в Корсуне перед браком с царевной Анной.

Принятие христианства на Руси автор «Повести временных лет» описывает как однократный административный акт киевского князя. После своего крещения Владимир в 988 г. велел уничтожить идолов, которых сам поставил. Перуна сбросили в Днепр, а киевляпам приказали идти к реке, где их и окрестили попы, прибывшие из Корсуня и Царьграда. Так, по сообщению летописи, произошло крещение населения и в других городах. На местах, где стояли идолы, Владимир приказал ставить христианские церкви. После крещения в Киеве была срублена Васильевская церковь в честь св. Василия — патрона Владимира Святославича. В 989 г. началось и через семь лет закончилось строительство каменной Десятинной церкви. На ее содержание Владимир выделил десятую часть дохода от своих владений, что определило ее название.

Новая религия в народе не могла распространиться сразу по приказу князя. Ее введение встречало сопротивление и требовало принудительных мер. Невероятно, чтобы все киевляне крестились в реке одновременно, как это описано в летописи. Такое коллективное крещение возможно, но только как демонстрация представителей высших слоев, как пример для населения. На то, что сначала христианство было принято в среде господствующего класса, а уже потом распространилось в народе, намекает и летопись, когда приводит ответ простого населения на призыв князя расстаться с язычеством: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли».

В Новгороде введение христианства вызвало народное восстание. Тогда посадник Добрыня и тысяцкий Путята силой заставили новгородцев креститься. «Путята крести мечем, а Добрыня огнем». Не с радостью было встречено введение христианства и в Киеве, где, как пишет летописец, «плакахуся его навѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья».

Христианство распространялось по стране медленно и полностью так и не вытеснило язычества. О том, как крепко язычество держалось в народном сознании, свидетельствует тот факт, что оно часто было идейным оружием в борьбе трудящихся против эксплуататоров. Волхвы, как указывалось, возглавили восстание 1024 г. в Суздальской земле, а в 70-х годах XI в.— в Ростовской. К тому времени относится появление волхва в Новгороде, который «хула веру хрестьянскую». На сторону волхва стал весь народ, а с епископом остался только князь с дружиной, отмечает летописец. Долгое время в народе поклонялись языческим богам «под овином», приносили жертвы «бесом, болотом и кладезем». Много элементов старой религии восприняло и христианство, ставшее господствующей формой идеологии на Руси. Ее интересам служили письменность, литература, искусство. Принятие христианства способствовало широкому проникновению на Русь достижений передовой византийской культуры. Но это не означает, что культура Киевской Руси своим происхождением и развитием обязана только христианству. И до его введения на Руси существовала письменность, развивалась архитектура и искусство. Христианство способствовало расширению экономических и культурпых связей Киевской Руси с европейскими странами, а также укреплению связей между отдельными ее землями. Вместе с тем новая религия была верной служительницей феодального государства; она освящала господство меньшинства и призывала трудовое население Руси к покорности и терпению. Довольно

быстро древнерусская православная церковь сама стала крупным феодалом и приняла непосредственное участие в эксплуатации трудящихся.

Киевская Русь в первой половине XI в. Во время подготовки к военному походу на Новгород против непокорного сына Ярослава в 1015 г. умирает Владимир. Конфликт между отцом и сыном в связи с этим не перерос в войну. Она началась уже между сыновьями Владимира.

Пользуясь отсутствием в Киеве других братьев, старший сын Владимира Святополк, сидевший в Вышгороде, захватил великий киевский стол и начал борьбу против братьев — действительных и возможных своих противников. Первой жертвой этой борьбы стал Борис, которого убили подстрекаемые Святополком варяги, когда он возвращался из похода. Такая же участь постигла древлянского Святослава и муромского Глеба.

Против Святополка выступил новгородский князь Ярослав Владимирович. Битва между ними произошла осенью 1015 г. возле г. Любеча на Днепре. Дружина Святополка потерпела поражение. Князь бежал в Польшу, а Ярослав вступил в Киев, наградив новгородцев, принимавших участие в битве. Отпуская их домой, Ярослав дал им «Правду и Устав» — хартию, устанавливающую новгородцам определенные привилегии. Первые статьи древнейшей редакции «Русской правды», как считают исследователи, содержат основные положения этой хартии.

Святополк не смирился с потерей великокняжеского стола. Его союзником в борьбе против Ярослава выступил тесть, польский король Болеслав I. В 1018 г. польские войска, среди которых были немцы, угры и печенеги, захватили Киев. Ярослав бежал в Новгород. Номинально киевским князем снова стал Святополк, а в действительности в Киеве хозяйничали поляки, гарнизоны которых расположились в городах и селах Киевской земли и грабили население. Спустя некоторое время под натиском киевлян, не терпевших насилия и убивавших оккупантов, Болеслав I вынужден был бежать домой. Но червенские города, отвоеванные Владимиром, снова попали под власть Польши.

Тем временем Ярослав собрал новое войско и вторично выступил против Святополка. Битва произошла в 1019 г. на р. Альте, в том месте, где был убит Борис. Как свидетельствует летописный рассказ, «бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче сечахуся, и: ступашася трижды, яко по удольемь крови тещи». Она продолжалась от восхода солнца до вечера и закончилась победой Ярослава. Святополк бежал на Запад, а Ярослав опять стал киевским князем.

В 1023 г. против Ярослава выступил брат Мстислав, который княжил в далекой Тмутараканской земле. Со своей дружиной, хазарами и касогами в отсутствие Ярослава он подступил к Киеву. Но киевляне его в город не пустили. Тогда Мстислав выступил на Чернигов и захватил его. В следующем году из Новгорода возвратился Ярослав. Битва между войсками братьев под Лиственом вблизи Чернигова окончилась победой черниговцев. В 1026 г. в Городце на Десне князья заключили мир: «И раздѣлиста по Днѣпръ Руськую землю; Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону. И начаста жити мирно в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежъ. и бысть тишина велика в земли». Но раздел этот был формальным. Братья сообща решали основные государственные вопросы, касавшиеся всей Руси, сообща осуществляли военные походы.

В 1030 г. походом русских войск в Польшу был возвращен Белз, а походом на чудь — город Юрьев. Общей акцией братьев был и поход в Польшу

в 1031 г., когда их войска «заяста грады Червенськия опять». Взятых пленных Ярослав и Мстислав поделили между собой. Своих пленных Ярослав поселил на р. Роси.

Поселение польских военнопленных на Роси стало частью мер по укреплению южных границ Руси. Укрепления, построенные Владимиром на Правобережье, недалеко от Киева, оказались достаточно уязвимыми. Прорыв стугнинской линии укреплений создавал угрозу ближайшим к Киеву городам и непосредственно самой столице. Кроме того, за пределами этой линии оставались большие просторы славянских плодородных земель. Следовательно, возведение новой линии укреплений вдоль Роси являлось жизненно важной задачей для Киевской Руси. Ярослав это хорошо понимал и развернул широкое строительство сторожевых крепостей. «Поча ставити городы по Рьси».

В 1036 г. Мстислав умер. Его похоронили в церкви Спаса в Чернигове. Ярослав Мудрый стал единоличным правителем Руси. Наиболее важной своей задачей он считал сохранение целостности государства. Этому была подчинена его внешняя и внутренняя политика.

В области внешней политики Ярослав, как и его отец, больше надеялся на дипломатию, чем на оружие. Он сумел обеспечить для Киевской Руси признание и высокий авторитет на международной арене. Известно, что положение той или иной страны в эпоху средневековья нередко определялось династическими связями. Чем могущественнее было государство и чем большим авторитетом пользовался его глава, тем больше было желающих среди иностранных правителей породниться с ним. Короли почти всех западных государств считали за честь связать себя родственными узами с Ярославом Владимировичем.

После возвращения червенских городов отношения Руси с Польшей стали мирными, союзническими. Ярослав помог польскому королю Казимиру восстановить мир в Польше, нарушенный внутренними междоусобицами. Сблизились они и дворами: польский король женился на сестре Ярослава Марии-Добронеге, а свою сестру выдал замуж за сына Ярослава Изяслава.

Союзнические отношения существовали между Киевской Русью и Германской империей, император которой Генрих III поддержал Ярослава в его борьбе за червенские города. Послы Руси дважды посещали германского императора. Святослав Ярославич был женат на сестре трирского епископа.

Тесные связи поддерживала Киевская Русь и со скандинавскими странами. Варяги принимали участие в битвах Ярослава со Святополком вблизи Любеча и на р. Альте, в битве под Лиственом с Мстиславом. У Ярослава временно нашел убежище изгнанный норвежский король Олаф. Сам Ярослав женился на дочери Олафа Ингигерде-Ирине. Норвежский принц, впоследствии ставший королем, Геральд Смелый был женат на дочери Ярослава Елизавете.

Даже далекая от Киевской Руси Франция стремилась к установлению дружественных отношений с киевским княжеским двором. Король Франции Генрих I женился на дочери Ярослава Анне. После смерти Генриха I Анна была регентшей во время правления своего малолетнего сына Филиппа I, а затем помогала ему править государством. Ее подпись кириллицей (Ана рьина) стоят на нескольких государственных документах, последний из которых датирован 1075 г.

Сложный характер имели отношения Руси с Византией. Мир, установившийся после введения на Руси христианства, продолжался до 1043 г. В этом году был предпринят поход на Византию. Неизвестно, что послу-

Строительство города Киева. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

жило причиной этого. Возможно, поход стал ответом Руси на стремление Византии распространить на нее свое политическое влияние. Поход русских войск возглавил старший сын Ярослава Владимир, новгородский князь. Воеводой при нем был Вышата, потомок прославленного в былинах воеводы Добрыни. Сначала русские войска действовали успешно, но затем византийский флот, вооруженный греческим огнем, нанес им значительное поражение. Завершил разгром русского флота шторм, во время которого погибло много кораблей. Уцелевшие возвратились домой с Владимиром Ярославичем. Часть дружины во главе с Вышатой была встречена на Балканах византийским войском и также разбита; много русских воинов попало в плен и было ослеплено.

Позже отношения Руси с Византией нормализовались. Русских пленных вернули на родину. А через некоторое время один из сыновей Ярослава Всеволод женился на византийской царевне из семьи Мономаха. Старший сын Всеволода от этого брака Владимир был прозван в честь деда Мономахом.

Первая половина XI в. в истории Киевской Руси — это время дальнейшего ее развития. Оно ознаменовалось общим подъемом страны, укреплением экономических и культурных связей между ее отдельными частями, расцветом Киева как центра государства.

При княжении Владимира Святославича административный центр Киева находился в пределах Города Владимира, включающего Старокиевскую гору и прилегающую к ней территорию. Фундаменты так называемых Софийских ворот, обнаруженные на углу современных Владимирской

и Большой Житомирской улиц, фиксируют границы Города Владимира с юга. Во времена Ярослава территория центральной части Киева значительно расширилась. Вокруг нее были возведены мощные укрепления, в центре Города Ярослава вырос красивый архитектурный ансамбль.

Границы Города Ярослава на современном плане Киева очерчиваются с юга площадью Октябрьской революции, улицами Малой Подвальной и Ярославовым валом, с запада — Львовской площадью, с северо-востока—улицей Большой Житомирской. Длина укреплений достигала более 3,5 км, а общая площадь в их пределах составляла 80 га. В системе укреплений Города Ярослава было трое ворот: Золотые, Лядские и Жидовские. До наших дней сохранились руины Золотых ворот, бывших главным въездом в Киев.

Особое внимание Ярослав уделял распространению и укреплению христианства. Он, как и его отец, хорошо понимал значение христианства для Киевской Руси. По словам летописца, при Ярославе «нача вера хрестьянська плодитися и ширитися». Ярослав дал церкви специальный устав, определявший ее права. По этому уставу церковь имела право суда над верующими за нарушение христианских норм морали, обычаев в семейной жизни и брачных отношениях.

Важным шагом Ярослава в области внутренней политики стало назначение (около 1051 г.) киевским митрополитом известного писателя и культурного деятеля Илариона. С введением христианства как государственной религии Киевской Руси византийский император, считавшийся главой православия, стал верховным иерархом и над русской православной церковью. Он назначал на Русь митрополитов, через которых пытался влиять на ее политическую жизнь. С назначением митрополитами лиц из местных церковных деятелей византийская дипломатия теряла такую возможность.

Во времена Ярослава был составлен первый памятник русского права — так называемый «Устав Ярослава», или древнейшая «Русская правда», которая была дана Новгороду в 1016 г. как сборник правовых норм при рассмотрении разных конфликтов среди новгородского населения. Вместе с тем она отражала определенные черты жизни русского средневекового города вообще. Социальные противоречия, о которых свидетельствует «Устав», были характерны и для других русских городов. Юридические нормы «Устава» при рассмотрении разных дел стали общегосударственными.

Больших успехов при княжении Ярослава Мудрого достигли культура и просвещение. Было переведено много греческих книг на древнерусский язык. В Новгороде существовала школа, в которой учились грамоте триста учеников. При Софийском соборе в Киеве была основана первая на Руси библиотека, в которой писались летописи и переводились книги.

Киевская Русь во второй половине XI — в начале XII в. Борьба Руси с половцами. Ярослав Мудрый умер в 1054 г. Наследниками он оставил сыновей и племянников, между которыми разделил земли Киевской Руси. Киев, Новгород, Деревская и Турово-Пинская земли достались старшему сыну — Изяславу; Чернигов с Северской землей — Святославу; Переяслав с южным Левобережьем — Всеволоду; Волынская земля — Игорю; Галицкая — племяннику Ростиславу Владимировичу; Полоцкая — троюродному племяннику Всеволоду Брячиславичу. Старший сын Изяслав стал главой государства.

Ярослав имел все основания опасаться, что после его смерти начнется такая же борьба за киевский стол, ка-

кая возникла после смерти Владимира. В своем завещании он призывал князей жить в мире. В «Повести временных лет» читаем: «Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете в любви межю собою, богъ будеть в васъ, и покорить вы противныя подь вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся [ссорясь,] то погыбнете сами, и погубите землю отець своихъ, и дѣдъ своих, юже налѣзоша [которую они собрали] трудомь своимь великымъ».

Князья должны были повиноваться Изяславу как старшему князю Руси так же, как они повиновались его отцу. «Сего послушайте,— обращался Ярослав к сыновьям,— якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто». Изяславу же он поручил следить, чтобы братья не преступали «предѣл братний» и не выгоняли друг друга из уделов. «Аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, его же обидять». Так определил Ярослав политические отношения между старшим братом как главой государства и младшими братьями как его вассалами.

Но реальная сила и личный авторитет Изяслава были недостаточны для роли старшего князя. При таких условиях могла начаться междоусобная борьба. Сознавая ее отрицательные последствия для Руси, трое старших братьев — Изяслав, Святослав и Всеволод — заключили союз для общего управления государством. Триумвират старших Ярославичей держался около 15 лет, на протяжении которых братья сообща осуществляли наиболее важные политические акции. В частности, они предприняли общее выступление против нового опасного врага Руси — половцев.

Нападения половцев на русские земли были неожиданны и разрушительны. Они жгли города и села, брали в плен тысячи людей. В летописях упоминается 46 половецких нападений на русские земли, в действительности же их было значительно больше.

Впервые половцы вторглись в пределы Руси (Переяславскую землю) в 1061 г. В битве, которая произошла между ними и дружиной переяславского князя Всеволода, победа осталась за кочевниками. Еще большими силами они напали на Переяславскую землю в 1068 г. Всеволод обратился за помощью к братьям. На р. Альте половцы снова разбили русские войска, после чего прошли вдоль обоих берегов Днепра до Киева, опустошая русские земли. Создалась угроза столице Руси.

Сознавая опасность, киевляне собрались на вече и обратились к князю Изяславу с требованием дать им оружие и лошадей для борьбы с половцами. Опасаясь вооруженного народа, он отказал. Это привело к взрыву. Началось народное восстание. Изяслав бежал в Польшу, а киевляне провозгласили своим князем Всеслава Полоцкого. Он княжил в Киеве всего семь месяцев.

Тем временем Изяслав, заручившись поддержкой польского короля Болеслава II, выступил на Киев. Русские и польские войска сошлись недалеко от Киева, под Белгородом. Накануне битвы Всеслав бежал в Полоцк. Киевляне, опасаясь своевольия оккупантов, обратились к другим Ярославичам с просьбой не допустить погрома Киева. Святослав и Всеволод потребовали от Изяслава, чтобы он не вводил поляков в Киев. Изяслав расквартировал польские отряды в окрестных селах и пригородах Киева, распустив их, как говорит летописец, «на покорм». Население начало партизанскую борьбу против оккупантов — «избиваху ляхи отай». Болеслав с войском вынужден был вернуться домой.

В условиях дальнейшего обострения классовых противоречий и усиления борьбы народных масс против феодальной эксплуатации князья и бояре принимали меры по охране лиц и имущества феодалов и феодальной администрации. На княжеском совете в 1072 г. была составлена «Правда Ярославичей» — новая редакция «Русской правды». Она содержала ряд законов, предусматривавших суровое наказание за любое нарушение феодальной собственности и за выступления против представителей феодальной администрации.

Вскоре противоречия между старшими Ярославичами вновь обострились. В результате триумвират их распался, и в 1073 г. Всеволод и Святослав выступили против Изяслава. Изяслав бежал в Польшу, а киевским князем стал Святослав. Началась междоусобная борьба. Киев несколько раз переходил из рук в руки. В 1076 г. после смерти Святослава киевским князем стал Всеволод, но уже в следующем году в Киев с поляками возвратился Изяслав. В 1078 г. он погиб в битве, происшедшей между ним и Всеволодом, с одной стороны, и их мятежным племянником Олегом Святославичем — с другой. Киев перешел к Всеволоду, который княжил в нем до 1093 г. После него киевским князем стал Святополк Изяславич.

В конце XI в. на политической арене выступил сын Всеволода Ярославича переяславский князь Владимир Мономах. Вместе с двоюродным братом Святополком он пытался сохранить политическое единство русских земель. Совместно с другими князьями Мономах организовывал походы против половцев, нападения которых на русские земли в это время усилились.

Чтобы прекратить княжеские междоусобицы, организовать общую борьбу с половцами, Святополк и Владимир Мономах в 1097 г. созвали княжеский съезд в Любече, в котором кроме них приняли участие черниговский князь Олег Святославич, смоленский — Давид Святославич, владимир-волынский — Давид Игоревич и теребовльский — Василько Ростиславич. Съезд призвал князей прекратить раздоры и объединиться для борьбы с врагом. «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору (ссоры.— *Ред.*) дѣюще? А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межо нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли: кождо да держить отчину свою»,— читаем в «Повести временных лет».

Но только одно княжеское постановление без других действенных факторов не могло изменить политических отношений в феодальном государстве, борьба между представителями высшей феодальной иерархии продолжалась и после Любечского съезда. А единство князей было необходимо для эффективной борьбы с половцами. В 1100 г. состоялся княжеский съезд уже в Витачеве, на котором вновь встал вопрос о мире между князьями. В начале XII в. на Руси установились более или менее мирные взаимоотношения, что дало возможность противостоять половцам. Вопросы организации общих походов рассматривались на съезде в 1103 г., который собрался вблизи Долобского озера под Киевом. На нем было принято решение выступить на врага общими силами. Весной 1103 г. поход возглавили Святополк Изяславич и Владимир Мономах. Русские войска выступили вниз по Днепру к острову Хортице. Впереди главных войск двигались разведывательные отряды, которые должны были своевременно обнаружить вражеские войска и тем самым предотвратить их неожиданное нападение. Сторожевые отряды встретились с половцами, и в ходе боя был убит половецкий военачальник Алтунопа. В следующей битве приняли

Победа русских дружин над половцами. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

участие основные силы сторон. «И поидоша полци половецьстии, аки борове (лес.— *Ред.*),— говорит летописец,— и не бѣ перезрити ихъ: и Русь поидоша противу имъ». Половцы не выдержали натиска и бросились бежать.

В 1111 г. состоялся второй поход против половцев, который также возглавили киевский и переяславский князья. Русские войска подошли к Ворскле, оттуда к Северскому Донцу, где взяли половецкие города Шарукань и Сугров. За Северским Донцом они встретили большой половецкий отряд и разбили его. Через три дня свежими силами половцы начали контрнаступление. В критический момент в бой были введены резервы во главе с Владимиром Мономахом, и это решило исход битвы. Половцы потерпели поражение.

Походы против половцев дополнялись мерами по укреплению границ Руси. Отстраивались старые крепости и закладывались новые. В конце XI в. были построены линии оборонительных укреплений на юге Киевской Руси — на Суле, Роси и Днепре. Наиболее важное значение имела Посульская линия, защищавшая левобережные русские земли от половецких нападений. Каждая крепость на Суле, Днепре и Роси прикрывала определенный участок границы, а вместе они составляли единую систему обороны юга Руси. Связь между крепостями осуществлялась при помощи световой сигнализации, о чем свидетельствуют раскопки Витачевского городища. На наивысшей точке обнаружены остатки башни, где зажигали сигнальный огонь.

Организатором и активным участником борьбы с половцами был Владимир Мономах, заслуживший этим славу и популярность на Руси. Борьба с половцами требовала больших материальных затрат и людских ресурсов. Она отрывала от хозяйственных работ тысячи людей. А те, кто непосредственно не принимал участия в военных походах, обеспечивали войско всем необходимым.

Большим несчастьем для трудящихся была междоусобная княжеская борьба, которая особенно усилилась в последнюю четверть XI в. Князья не считались с интересами населения. Междоусобные феодальные войны сопровождались разорением населенных пунктов и пленом жителей.

Половецкие нападения и междоусобные феодальные войны усиливали бремя феодальной эксплуатации. Недовольство народа вылилось в восстание 1113 г. Владимир Мономах (1113—1125), став киевским князем после Святополка, понимал, что для успокоения народа необходимы законодательные меры. В результате появился новый закон — «Устав Володимерь Всеволодичя», или дополнение к юридическому кодексу «Русская правда». Новые статьи, хотя и не лишали ростовщиков и землевладельцев основных привилегий, все же значительно ограничивали их бесконтрольную деятельность, приводившую к разорению горожан и крестьян. Были определены единые проценты на занятые деньги. Закон о холопах, отражавший тенденцию к ограничению и сокращению источников рабского труда на Руси, отвечал интересам хозяйственного развития страны.

Двенадцатилетнее княжение Мономаха в Киеве ознаменовалось укреплением государственного единства. Не нарушая принципа, провозглашенного на Любечском съезде — «каждо да держит отчину свою», Мономах прибрал к рукам феодальных владетелей и создал для них обстановку, обязывавшую к повиновению.

Успехи объединительной политики Владимира Мономаха положительно отразились на экономическом развитии древнерусских земель. Летописи отмечают рост и застройку таких городов, как Киев, Новгород, Ладога, Смоленск, Переяславль и др. В связи с оживлением внутренних связей и укреплением объединяющего положения Киева был, видимо, сооружен в 1115 г. мост через Днепр.

Значительно укрепила Русь в это время свои международные позиции. Прекратились опустошительные вторжения половцев. Улучшились отношения с Византией и другими странами. О высоком международном авторитете Руси свидетельствовали династические браки. Женой Мономаха была Гита, дочь английского короля Гарольда. Мужьями его дочерей стали византийский царевич Леон Диогенович и венгерский король Коломан.

Деятельность Мономаха, направленная на укрепление единства Руси, успешно была продолжена его сыном Мстиславом (1125—1132 гг.). Ему удалось покончить с традиционным автономизмом кривичских князей. В 1129 г. они были вызваны в Киев на суд, а затем сосланы в Константинополь. Полоцкое княжество перешло в руки сына великого князя Изяслава.

На международной арене Мстислав также продолжал политику Мономаха. Против половцев, нападавших на русские земли, были осуществлены победные походы, в результате которых их кочевья были отброшены «за Донъ и за Волгу, за Яикъ». Летописцы сравнивали победы дружин Мстислава над половцами с победами войск Мономаха. О силе Киевской Руси в это время красноречиво свидетельствует следующий факт, рассказанный летописью В. Татищева. В 1129 г. русские купцы, возвращав-

шиеся из Моравии, были ограблены поляками. Как только об этом стало известно Мстиславу, он немедленно направил к польскому королю Болеславу послов с требованием возмещения убытков. Болеслав нашел требование Мстислава справедливым и обещал не только компенсировать потери русских купцов, но и впредь проводить их через польские земли под охраной. Византия, императором которой был зять Мстислава Иоан II Комнен, также поддерживала с Русью союзнические отношения.

Спокойное время княжения Мстислава, не отягощенное усобицами, положительно сказалось на экономическом развитии всей страны. В столице развернулось строительство монументальных зданий: храма монастыря св. Федора, церкви Янчиного монастыря, собора св. Богородицы Пирогощи на Подоле.

В исторической литературе правление Мстислава справедливо считается временем решающего преобладания объединительных тенденций. Оно как бы подвело итог первому этапу истории Киевской Руси, в продолжении которого складывалось ее политическое единство, формировалась единая древнерусская народность, устанавливались государственные границы, происходило становление феодального общественного строя.

Свидетельства письменных и археологических источников убедительно показывают, что Киевская Русь IX—XII вв. являлась одной из наиболее экономически развитых стран средневековой Европы. Главной отраслью ее экономики было сельское хозяйство, создававшее значительный прибавочный продукт и обусловливавшее бурное развитие ремесла и торговли.

Киевская Русь имела широкие и разнообразные отношения со многими странами мира. Главным содержанием этих связей были безопасность страны, неприкосновенность границ, экономическое развитие городов. Выражение они находили, прежде всего, в установлении дипломатических контактов, торговых договорах, династических браках. Защита государственных интересов Киевской Руси вынуждала ее прибегать и к силе оружия: отражать вторжения кочевников или же прокладывать пути к международным рынкам.

Социальная жизнь Киевской Руси характеризовалась сложностью и противоречивостью. Развитие феодализма, сопровождавшееся усилением эксплуатации населения, вызывало частые классовые конфликты, выливавшиеся нередко в крупные крестьянские и городские восстания.

Глава VIII

РУСЬ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII В.)

Первыми десятилетиями XII в. закончился раннефеодальный период истории Киевской Руси, началась эпоха феодальной раздробленности. Историчéское содержание этой эпохи долгое время определялось неточно, а иногда и вовсе неправильно. Новая стадия развития феодализма на Руси нередко рассматривалась как явление регрессивное, обусловившее экономический и культурный упадок страны. Ныне на основе анализа всех имеющихся в наличии источников, особенно археологических, ученые пришли к выводу, что Русь на протяжении XII — первой половины XIII в. продолжала развиваться по восходящей линии и по уровню экономики и культуры входила в число наиболее развитых стран Европы.

По мнению академика Б. А. Рыбакова, новый этап исторического развития Руси правильнее называть не периодом феодальной раздробленности, а начальным этапом развитого феодализма. Его характерными особенностями были: углубление процессов феодализации в городе и селе, а также дальнейшая кристаллизация и обособление отдельных древнерусских княжеств.

1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУСИ

Новый этап развития феодализма на Руси. К 30-м годам XII в. отдельные древнерусские княжества настолько окрепли и выросли, что смогли начать самостоятельную, во многих отношениях независимую от Киева жизнь. Власть великого киевского князя, ставшего первым среди равных, отошла в прошлое и больше не распространялась на все древнерусские земли. Наряду с киевским титул «великий князь» имели также владимирский, черниговский и некоторые другие князья, бывшие в своих княжествах полновластными хозяевами. Раньше других от Киева отпочковались Полоцк и Новгород, затем Владимир (Суздальский), Чернигов, Галич. Процесс формирования новой политической карты Руси со многими центрами отвечал общеисторическим условиям жизни древнерусских земель.

Исследования последних лет показывают, что новая стадия развития феодализма на Руси характеризовалась не только укреплением иммунитетных прав, но и необычайно разветвленной системой вассально-иерархических связей. Господствующий класс на Руси представлял собой довольно сложную феодальную иерархическую лестницу, на верхних ступеньках которой стояли представители княжеского рода, на нижних — бояре, дружинная знать, дворяне. Все они были тесно связаны между собой системой сюзеренитета — вассалитета, которая и в условиях расчлененной формы землевладения оставалась

определяющей системой государственно-правовых отношений.

Экономическое развитие Руси XII—XIII вв. проходило по пути укрепления вотчинного хозяйства. Еще в раннефеодальный период во всех землях Руси сложились феодальные отношения, местная родоплеменная знать превратилась в крупных феодалов, выросли и окрепли городские центры. Со временем в каждом главном городе земли прочно закрепились удельные князья, основавшие в них свои местные династии. Черниговская и Новгород-Северская земли оказались в руках Ольговичей, Смоленская — Ростиславичей, Владимиро-Суздальская — Юрьевичей, Волынская — Изяславичей, Полоцкая — Брячиславичей. Только Киев и Новгород в силу разных причин не превратились в наследственные вотчины; в них в продолжение всего периода феодальной раздробленности сидели князья различных династий.

Недолго, однако, продолжалась мирная совместная жизнь боярства и обосновавшихся в землях князей. Уже со второй половины XII в. между ними возникают острые противоречия. Стремление удельных князей к единовластию в своих княжествах натолкнулось на яростное сопротивление крупных феодалов. Неудовлетворенные независимым положением князя и не получив от него тех прав и привилегий, на которые они рассчитывали, бояре нередко лишали его власти. В свою очередь князья, которым удавалось упрочить свое положение в земле, жестоко расправлялись с боярской оппозицией.

В борьбе с сепаратистскими тенденциями крупного боярства князья опирались на постоянную дружину, которая находилась вблизи стольного города княжества и была готова в любую минуту выступить в поход. На протяжении XII в. в каждом княжестве рождалась низшая прослойка феодалов — мелкое дворянство, формировавшееся из княжеских дружинников, слуг, рядовичей и тиунов.

Дворяне, будучи соперниками боярства и пользуясь благосклонностью и поддержкой своих князей, основывали собственные феодальные гнезда вокруг старых городов, становились не только собственниками крупных и мелких поместий, но и владельцами зависимых крестьян. Экономическая нестабильность, зависимость от княжеской власти определили и политические симпатии дворянства. Княжеская «чадь», «отроки» и «детские» были заинтересованы в стабилизации внутреннего положения земель, они верой и правдой служили своему князю, видя в нем сильную личность, способную крепить единство. Не случайно Даниил Заточник замечал, что «лучше мне в лаптях жить при княжьем дворе, чем в сафьяновых сапогах при боярском».

Одним из основных элементов общественного и государственного развития Руси, как и всей средневековой Европы, были города. Наивысший их расцвет относится к XII—XIII вв. Древнерусские города представляли собой чрезвычайно сложные социально-экономические и политико-административные организмы, основу хозяйственной жизни которых составляли ремесло и торговля, а также сельскохозяйственное производство. Тут изготовлялось все необходимое для государства, для нужд хозяйства, быта, торговли и войны. На городских посадах работали золотых дел мастера, эмальеры и стеклоделы, гончары и кузнецы, резчики по дереву, камню и кости, ткачи и кожемяки, сапожники, оружейники и т. д. Города были также административными центрами, крепостями, коллективными замками крупных земельных магнатов округа или княжества, центрами культуры, местом средоточия церковного управления.

Одновременно с экономическим

развитием древнерусских земель в XII—XIII вв. значительно расширились торговые связи между ними. Их укреплению способствовало наличие определенной ремесленной специализации как отдельных городов, так и целых районов. Успешно развивалась в это время и международная торговля Руси; для защиты торговых путей от половцев («греческого», «соляного», «залозного») неоднократно выступали объединенные дружины русских княжеств.

С развитием внутренней и международной торговли в больших городах росло и укрепляло свои позиции сословие ростовщиков и крупных ремесленников. Это против них и земельных магнатов, которые сосредоточивались в городах, поднималось на борьбу население торгово-ремесленных посадов. Классовая борьба в древнерусских городах в XII—XIII вв. была сложной и находила различное выражение. Она приобретала прямую форму восстаний и завуалированную — в виде церковных ересей. Городские низы, беспощадно эксплуатируемые боярами, купцами и ростовщиками, объединялись в корпорации, подобные ремесленным цехам стран Западной Европы. Иногда «черный люд» поддерживали князья, которые использовали недовольство масс в борьбе против независимых бояр.

Важную роль в развитии древнерусского общественного строя, о чем шла речь выше, играло общерусское законодательство. В отличие от некоторых феодально-раздробленных государств Западной Европы (например, Германии), где в каждом княжестве действовали свои законы, в Древней Руси XI—XIII вв. был единый юридический кодекс судебно-правовых норм, имевший одинаковую силу во всех землях. Характерно, что длительный процесс сложения текста «Русской правды» (пространная редакция «Русской правды») завершился вполне на втором этапе исторического развития Руси. В нем нашли отражения все важнейшие стороны экономической и общественно-политической жизни страны — развитие феодальной собственности на землю, дворцово-вотчинная система управления, правовое положение различных категорий зависимого населения, развитие торговли и ограничение ростовщичества, социальная борьба, отмена кровной мести и др. Стройность и продуманность законоположений «Русской правды» свидетельствует о высоком уровне юридической мысли на Руси. Не случайно этот законодательный свод приобрел общерусское значение и имел юридическую силу во всех княжествах вплоть до XV в.

Опорой господствующего класса, основой идеологического влияния на массы была церковь, а высшее духовенство — частью самого господствующего класса. Церковная организация напоминала светскую. Во главе церкви стоял митрополит «киевский и всея Руси», которого назначал или патриарх константинопольский, или великий князь киевский с последующим утверждением его собором русских епископов. Епархиями, которые в XII—XIII вв. территориально приближались к княжествам, управляли епископы. Они отбирались местными князьями преимущественно из киевского духовенства и утверждались киевским митрополитом. Важной составной частью церковной организации были монастыри, расположенные в больших городах и за их пределами. В XII—XIII вв. монастыри стали еще и крупными землевладельцами. Они владели городами и селами, тысячами зависимых крестьян и большими земельными угодьями. Кроме того, монастыри широко занимались ростовщичеством, в их владениях развивались ремесло и торговля. Церковь принимала активное участие и в политической жизни Руси, в феодальных междоусобицах и классовой борьбе.

Общественно-политическая жизнь Руси XII — первой половины XIII в. Активизация общественно-политической жизни Руси периода феодальной раздробленности пробуждала чувство общенародного единства, что нашло отражение в многочисленных летописях и литературных произведениях — от «Поучения» Мономаха до «Слова о погибели земли Русской». В своем патриотическом отношении к Русской земле летописцы и публицисты поднимались к пониманию общерусских интересов. Во многом они отражали чувства и настроения народных масс Руси. Этническое развитие Руси XII—XIII вв. проходило по пути дальнейшей консолидации древнерусской народности, в основе которой лежали сознание общности происхождения и развития, чувство территориальной целостности, единство языка, культуры, веры, наличие прочных экономических связей. Если на первом этапе существования Древней Руси силой, способствовавшей этнической сплоченности восточного славянства, было государство, то на втором — древнерусская народность сама стала одним из важнейших условий государственного единства.

Несмотря на политическую раздробленность Руси и рост областных отличий, в XII—XIII вв. развивалась и самобытная, единая в своей основе русская культура. Отличия были в значительной мере чисто внешними, а единство опиралось на глубокие основы творчества трудовых масс. Закономерно, что материальная культура Руси XII—XIII вв. стала более единой. Причем это единство прослеживается не только на широком ассортименте изделий городского и сельского ремесла, но и в домостроительстве и даже в каменной архитектуре. Поступательное развитие древнерусских городов как центров высших культурных ценностей народа свидетельствовало о чрезвычайной силе в обществе центростремительных тенденций. На Руси сложился единый (при некоторых локальных отличиях) народный стиль культуры, ставший основой образования родственных национальных культур русского, украинского и белорусского народов.

Политическая жизнь феодальной Руси XII — первой половины XIII в. характеризовалась постоянной конфронтацией тенденций единства древнерусских земель с их политическим дроблением. Напряженная междоусобная борьба князей и княжеских группировок происходила на почве отстаивания той или иной программы общерусского единства. Традиционным центром целостности Руси выступал Киев, вокруг которого проходила борьба претендентов за старшинство; со временем наряду с Киевом выдвинулись и новые объединительные центры — Чернигов, Владимир на Клязьме, Смоленск, Галич.

Согласно академику Рыбакову Б. А., политическое соперничество отдельных княжеских династий Руси вызвало к жизни около середины XII в. систему дуумвирата — соправления на киевском столе князей двух княжеских линий, которые не желали уступать первенство друг другу. Соправление князей-дуумвиров сыграло положительную роль в истории Южной Руси, поскольку оно в некоторой степени смягчало остроту княжеских междоусобиц и способствовало объединению сил для борьбы с половцами. Князья-соправители, за которыми постоянно стояли Смоленское княжество или Волынь, черниго-северские или владимиро-суздальские земли, связывали Южную Русь с другими районами государства.

Изучение основных институтов государственной власти на Руси (собор, совет, снем, вече, ряд), а также различных форм зависимости и княжеского суда показывает, что члены правящей княжеской фамилии (являвшиеся, по выражению летописца,

«единого деда внуци») были связаны между собой сложной системой вассально-иерархических отношений.

На протяжении XI — в начале XII в. на политической карте Руси возникло около 15 больших феодальных княжеств, из которых пять — Киевское, Черниговское, Переяславское, Владимиро-Волынское и Галицкое — находились в пределах современной территории Украинской ССР. Через некоторое время, во второй половине XII и в XIII в., процесс дальнейшего политико-административного дробления захватил и их. В каждом княжестве появилось много небольших зависимых княжеств-вассалов.

Наряду с дроблением в ряде земель Руси четко определились и тенденции к единству, выразителем которых была сильная княжеская власть. Особенно отчетливо они проявились во Владимиро-Суздальской Руси, где уже в конце XII в. временно определилась победа великокняжеской власти. «В каждом из этих средневековых государств,— писал Ф. Энгельс,— король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного мятежа» [1]. Это выражение Энгельса в полной мере может быть отнесено и к политической ситуации, сложившейся на Руси в XII — первой половине XIII в.

Целый ряд прогрессивных явлений — возникновение больших экономических областей, преодоление замкнутости феодального натурального хозяйства, установление тесных экономических связей между городом и селом и другие, наблюдавшиеся в жизни Руси этого времени, не достигли еще такого развития, которое остановило бы процессы дальнейшего дробления древнерусских княжеств.

Исторические события развернулись непредвиденно. Объединительные тенденции, исходившие из Киева, Владимира, Смоленска, Чернигова, Галича, были насильственно прерваны монголо-татарским нашествием.

В последующей борьбе за национальную независимость идеи единства всех древнерусских земель, с такой силой прозвучавшие в знаменитом «Слове о полку Игореве», сыграли решающую роль.

2. КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Территория. В эпоху феодальной раздробленности, характеризовавшейся завершением процессов обособления отдельных княжеств, Киев превратился из столицы Руси в стольный город одной из ее земель и, как считает советская историческая наука, находился приблизительно в одинаковых условиях с такими городами, как Новгород, Владимир на Клязьме, Смоленск, Галич, Чернигов. Отличался от них Киев только своим историческим прошлым, положением церковного центра всех древнерусских земель, а также ролью в борьбе с половцами. Киевская земля, являвшаяся древним политическим и территориальным ядром Киевской Руси, в отличие от большинства земель не превратилась в наследственную вотчину какой-либо княжеской линии, а на протяжении XII — первой половины XIII в. считалась собственностью великокняжеского киевского стола и даже общединастическим наследством древнерусского княжеского рода.

Формирование территории Киевской земли в основном завершилось

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 410—411.

Интерьер Софийского собора в Киеве. 1037 г.

Древний Киев — Город Владимира. XII—XIII вв. *Автор-исполнитель Д. П. Мазюкевич. Консультанты П. П. Толочко, Ю. С. Асеев*

во второй половине XI в., когда древняя Русская земля разделилась на три части между Киевом, Черниговом и Переяславом. К киевскому столу отошли бывшие полянское Правобережье, земли древлян, юго-западные районы расселения дреговичей, а также земли уличей в бассейне Южного Буга. В беспокойные времена феодальной раздробленности, когда территории большинства древнерусских княжеств стабилизировались, границы Киевской земли постоянно претерпевали изменения. Киевские князья из династии черниговских Ольговичей удерживали за собой Вятичскую землю и частично Припятское Левобережье, а во время княжения в Киеве представителей рода Мономаха статус киевских владений получали Посеймье и Туровская волость. Имел место и обратный процесс, когда в результате раздачи киевских волостей младшим князьям, князьям-изгоям, а нередко и сильным удельным, постоянно претендовавшим на долю в общерусском родовом наследии, владения собственно Киева значительно сокращались.

Географически Киевская земля занимала части двух ландшафтных зон — Леса и Лесостепи, что, бесспорно, положительно сказывалось на ее экономическом развитии. Плодородные черноземные почвы лесостепной зоны издавна обусловливали тут высокую культуру земледелия, а богатое на строительный материал и полезные ископаемые Полесье обеспечивало сырьем ремесленное производство. Многочисленные реки, в том числе Днепр, Десна, Припять, Южный Буг, связывали Киевскую землю с наиболее отдаленными районами Руси, а также с международными торговыми рынками.

В стратегическом отношении окраинное положение Киевской земли, граничившей с половецкой Степью, не было благоприятным. Постоянные вторжения печенегов, торков, половцев в ее южные районы подтачивали экономику, отвлекали население на борьбу с врагами Руси. Жизнь тут была опасной, но, как свидетельствуют летописные и археологические источники, южнорусское пограничье и в XII в. имело достаточно плотное население. Массовый отход людей в более безопасные районы Руси начался только после поражения русских дружин на р. Калке.

Одновременно с формированием основной территории Киевской земли определились и ее рубежи. На Левобережье, после обособления Черниговщины в отдельное княжество, за Киевом осталась небольшая полоса (шириной в 10—15 км) земли, протянувшаяся от Десны к Трубежу. Среди киевских владений летопись называет тут Ольжичи, Лутаву, Моровийск, Городец, Саков, Рудичи. Центром заднепровской киевской волости был Саков. В 1101 г. в этом городе, расположенном на юг от Киева, Святополк и Мономах заключили мир с половцами, а в 1142 и 1146 гг. воевода или посадник Сакова Лазарь Саковский принимал активное участие в киевских событиях. Еще раз Саков упоминается в летописи под 1150 г., когда брат Юрия Долгорукого Ростислав заставил саковцев, названных турпеями, отказать в помощи Изяславу Мстиславичу, сопернику суздальского князя, в борьбе за Киев.

Лутава и Моровийск находились на киево-черниговском пограничье, недалеко от Десны. Тут происходили встречи и переговоры киевских князей с черниговскими. Отсюда в 1154 г. Юрий Долгорукий направил грамоту Изяславу Давидовичу в Киев с требованием освободить великокняжеский стол. Позже эти населенные пункты перешли в состав черниговских владений. В 1142 г. великий князь Всеволод Ольгович, желая договориться с братьями, созвал их на переговоры в Ольжичи, вблизи Киева. Через два года здесь останавливались

киевские князья Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович, спешившие на выручку осажденному Юрием Долгоруким Чернигову. Как крайний пункт Киевской земли на левом берегу Ольжичи упоминаются в летописи еще дважды — под 1161 и 1183 гг. Аналогичную роль играл и Городец, также расположенный, согласно летописи, недалеко от Киева. По всей вероятности, Городец был загородной резиденцией киевских князей и служил местом княжеских встреч.

На правом берегу северные рубежи Киевской земли проходили по водоразделу Припяти, Березины и Немана. Эти земли, населенные дреговичами, на протяжении почти всей истории Руси находились под влиянием Киева. Главный город дреговичей Туров, расположенный на правом берегу Припяти, долгое время играл заметную роль среди городов Киевской земли. Туров, как правило, принадлежал старшему, после великого киевского, князю. В 1142 г. в Турове сидел Вячеслав, в 1150 г.— сын Юрия Долгорукого Андрей, под начало которого перешли также Пинск и Пересопница. В 1154 г. великий князь Ростислав Мстиславич наделил Турово-Пинской землей Святослава Всеволодовича. В следующем году один из значительных городов бассейна Припяти Мозырь Юрий Долгорукий отдал Святославу Ольговичу. В этом районе летопись называет также Чичерск, Брягин, Случеск, Клеческ, Чертырыйск, Дубровицу и другие города, находившиеся под властью киевских князей.

Западные границы Киевской земли уже в X—XI вв. дошли до Горыни и Западного Буга, где находилась Берестейская область. В Погоринье летопись называет киевскими города: Пересопницу и Зареческ на р. Стубле, Шумск на р. Вилии, Тихомль на р. Горыни, Чемерин на р. Олице, впадавшей в Горынь, Корческ на р. Корчине и некоторые другие. Поскольку эти земли находились ближе к Волыни и Галичине, чем к Киеву, они довольно часто были «яблоком раздора» между князьями указанных центров. Но преимущество оставалось за Киевом. В погорынских городах, как правило, сидели посадники великого князя. В 1152 г. по условиям мирного соглашения между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Галицким последний вынужден был отказаться от «городов русских», то есть киевских, после чего великий князь «посла посадники своя въ городы, на нихъ же бяще хрестъ цѣловалъ Володимиръ въ Бужескъ, въ Шюмескъ, въ Тихомль, въ Выгошевъ, въ Гноиницю».

Юго-западные рубежи Киевской земли проходили по линии верхнего течения Южного Буга и Случи. Летопись в числе киевских называет тут такие города, как Божск, Котельница, Межибожье. Побужскими городами, как своей древней родовой вотчиной, распоряжались главным образом киевские князья. Так, в 1146 г. Изяслав Мстиславич, лишив Святослава Всеволодовича г. Владимира, отдал ему взамен «Бужьскый и Межибожъе и пять городовъ». В 1148 г. «Божьскый, Межибожие, Котелницю и ина два городы» Изяслав отдал сыну Юрия Долгорукого Ростиславу. Собираясь в поход против Юрия, Изяслав приказал Ростиславу идти в Божск и там постеречь «земли руськой». Таким образом, Побужье, на которое постоянно претендовал Галич, служило своеобразным щитом, прикрывавшим Киевскую землю с юго-запада. Между верхним течением Южного Буга, Тетерева и Случи находились болоховские города Деревич, Губин, Кудин, Кобуд, Дядьков и другие, принадлежавшие киевским князьям, а во второй четверти XIII в. обособившиеся в отдельный княжеский надел.

Южные рубежи Киевской земли, бывшие одновременно и южной границей Древнерусского государства,

подвергались постоянным нападениям кочевых народов. В конце XI в. Поросская оборонная линия, созданная при Ярославе Мудром, была прорвана новым сильным врагом Руси — половцами, но уже в начале XII в. общими усилиями русских княжеств она была восстановлена. Во второй половине XII в. границы Киевской земли отодвинулись значительно южнее Роси и, очевидно, доходили до Тясмина.

Борьба Руси с кочевыми народами Степи, продолжавшаяся в течение веков, вызывала настоятельную необходимость в строительстве сложной системы оборонительных сооружений на юге Киевской земли. Кроме Поросской и Стугнинской во второй половине XI — в начале XII в. была возведена Днепровская оборонительная линия, призванная защищать водный торговый путь и южные подступы к Киеву. Через приднепровские города осуществлялась связь Киева с южной границей Руси. Летопись называет тут такие населенные пункты, как Треполь, Новгород-Святополч, Иван, Чучин, Заруб, Канев на Днепре, Корсунь, Торческ, Юрьев на Роси. Систему военно-феодальных замков в южнорусском пограничье дополняли мощные земляные валы, проходившие в междуречье Роси и Раставицы, а также вдоль левого берега Стугны и дальше в юго-западном направлении на Ирпень и Здвиж. Летописец так рассказывал о походе русских дружин против половцев в 1093 г.: «И минувше Треполь, проидоша валъ. И се Половцъ идяху противу, стрълци противу пред ними; нашимъ же ставшимъ межи валома, и поставиша стяги своя, и изидоша стрилци из валу».

Города. Киевская земля в период феодальной раздробленности была одной из развитых и густонаселенных областей Руси. Около 79 ее городов упоминается в письменных источниках. Разные типы населенных пунктов распределялись на территории Киевской земли неравномерно. Как правило, крупные городские центры находились в лесостепной полосе на подступах к Киеву. Вдоль южных рубежей стояли города-крепости, сторожевые заставы, охранявшие государственную границу Руси. Припятское Полесье имело меньше городов, чем другие районы Киевской земли, но среди них были и крупные. В связи с углублением процессов феодализации и дальнейшим ростом производительных сил на Руси в Киевской земле появилось большое количество новых населенных пунктов — городов, феодальных замков, крепостей, неукрепленных сельских поселений.

Главный центр Киевской земли — Киев — в это время продолжал свое поступательное развитие. Город эпохи феодальной раздробленности занимал большую площадь, а его население составляло 50 тыс. человек. Киев был одним из самых крупных городов не только Руси, но и всей средневековой Европы. На протяжении XII — первой половины XIII в. в нем возводится около 20 каменных строений, культовых, гражданских и фортификационных, что составляет почти половину построенного за всю его домонгольскую историю. Строительные работы таких масштабов были, безусловно, под силу только большому городу, имевшему значительные экономические ресурсы и резервы рабочей силы. Для сравнения отметим, что во Владимире (Суздальском) и Галиче, быстро прогрессировавших, за это время появилось соответственно 10 и 12 каменных строений.

В строительстве каменных сооружений Киева принимали участие не только местные, но и архитекторы из других древнерусских земель. Этот вывод в значительной степени основывается на свидетельстве летописной статьи 1175 г., в которой читаем: «Уже ли Киеву поѣха, господине, в

Серебряный черненый браслет. Киев. XII—XIII вв.

ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихже дѣлать послалъ бяше тои церкви на велицѣм дворѣ на Ярославлѣ, а река: хочю создати церковь таку же, яка же ворота си золота, да будет память всему отечѣству моему».

Экономическую основу жизни древнего Киева составляли ремесло и торговля, расцвет которых пришелся на середину XII в. За время археологического изучения Киева обнаружено около 50 ремесленных мастерских, где изготовлялись керамические, ювелирные, костяные, стеклянные, деревянные, металлические и другие изделия. По мнению исследователей, многочисленные ремесленные мастерские прекратили свое существование в основном в результате разгрома Киева монголо-татарскими завоевателями. Характерно также и то, что подавляющее большинство известных на сегодня изделий киевского ремесла относится к XII—XIII вв. Киевские ремесленники в это время знали много технических и технологических приемов обработки железа, меди, серебра, сплавов. На Руси не было ни одной технической разновидности обработки цветных и благородных металлов, которой не владели бы киевские мастера.

Изучая ремесло Киевской Руси, исследователи пришли к выводу, что никакого упадка его со второй половины XII в. не наблюдается ни в Киеве, ни в других городах. Древнерусские мастера в ряде отраслей ремесла опережали западноевропейских ремесленников. Главная заслуга в этом принадлежит киевским ремесленникам, которые вплоть до монголо-татарского нашествия были законодателями художественных мод и изготовителями технических новинок древнерусского ремесла.

Наряду с ремеслом в Киеве в XII—XIII вв. процветала и торговля. На рыночных площадях города (летопись их называет две) — Бабином торжке на Горе и Торговище на Подоле, как и раньше, можно было увидеть купцов и торговцев из разных земель Руси, а также из Чехии, Германии, Скандинавии, Польши, Венгрии, Византии и других стран. Некоторые из них жили в Киеве постоянно, образуя своеобразные торговые колонии. В XII—XIII вв. такими колониями были торговые дворы новгородских и туровских купцов, в XIII в.— немецких, которые имели даже свой костел св. Марии. На вторую половину XII в. приходится значительный расцвет торговли Киева и Среднего Поднепровья с Регенсбургом, крупным ремесленным и торговым центром Западной Европы, а также оживление связей с нижнедунайскими землями, с Венгрией и Польшей.

В летописях, как сказано выше, упоминаются пути Греческий, Соляной, Залозный, связывавшие Русь со многими странами мира. На протяжении XII—первой половины XIII в. киевские князья выступали инициаторами больших походов против половцев, чтобы обезопасить эти торговые пути, одинаково важные и необходимые как Киеву, так и всем древнерусским землям.

Киев в эпоху феодальной раздробленности продолжал оставаться одним из главных центров внутренней торговли. Изделия киевских ремесленников благодаря купцам-посредникам проникали в наиболее отдаленные уголки древнерусских земель. Во время раскопок многих городов обнаружены в большом количестве предметы, изготовленные киевскими мастерами XII—XIII вв.— ювелирами, стеклоделами, гончарами и др. О торговых оборотах Киева этого времени красноречиво свидетельствуют находки монетных гривен, весом около 45 кг, что составляет треть веса всех серебряных слитков, обнаруженных на древнерусских землях.

Рост и развитие Киева в указанный период тесно связаны с увеличением в нем количества феодальных дворов. Летопись на протяжении XI—XIII вв. упоминает более 20 боярских и воеводских династических родов, игравших важную роль в жизни не только Киева, но и всей Руси. Родоначальник знаменитого боярского рода Вышата принимал участие в походе русских дружин на Царьград в 1043 г., а его сын Ян был известным киевским тысяцким. Видными деятелями конца XI — начала XII в. стали киевские бояре Чудины. Старший из них — Чудин Никула — был посадником в Вышгороде, его брат Туки — воеводой у Изяслава и Всеволода Ярославича, а сын Чудин Иван принимал участие в известном совещании, созванном Мономахом в Берестове. Значительное место в жизни Киева начала XII в. занимал боярский род Ратибора, родоначальник которого в 1079 г. был посадником Всеволода в Тмутаракани, а потом стал советником Мономаха.

Названные, а также другие боярские семьи имели в Киеве большие феодальные дворы, расположенные преимущественно в центральной части города и сосредоточивавшие в себе значительные богатства. Кроме

Трехбусинная сережка киевского типа. Киев XII—XIII вв.

трех княжеских дворов (Великого — Ярославова, Мстиславова и Брячиславова) летопись называет еще десять боярских (Никифора, Чудина, Гордяты, Воротислава, Коснячка, Путяты, Глеба, Ратши, Бориславa, Василька). Безусловно, их было значительно больше, о чем свидетельствуют многочисленные находки кладов. Не меньшие богатства сосредоточивались и в руках духовенства. Киевские митрополиты, высшее духовенство, настоятели монастырей и храмов и прочие высокие духовные особы жили не только за счет пожертвований, поступивших со всех концов Руси, но и за счет эксплуатации крестьян.

Важную роль в жизни Киевской Руси играли города Вышгород, Белгород, Василев, а также крепости, входившие в систему оборонительного кольца вокруг Киева. Вышгород (современный г. Вышгород) возник в 15—16 км выше Киева на правом высоком (до 80 м) выступе днепровского берега вблизи переправы через Днепр. Город был обнесен земляными валами. Вокруг Вышгорода располагались сторожевые пункты, которые вместе с ним контролировали северо-

Серебряный звездчатый колт. Киев XII—XIII вв.

западные подступы к Киеву. Военно-стратегическое значение города в системе обороны центральной территории Руси высоко оценивали киевские князья. Во время военной опасности они нередко закрывались в вышгородской крепости, считая ее, вероятно, более крепкой, чем киевскую. Князья-претенденты на киевский стол также придавали особое значение овладению Вышгородом как одним из основных препятствий на пути к Киеву.

Начиная с княжения Ярослава Мудрого Вышгород приобрел значение крупного церковного центра Руси. В нем покоились останки князей Бориса и Глеба — первых русских святых, в честь которых была построена деревянная, а в 1115 г. и каменная церковь. Культу Бориса и Глеба посвящена значительная церковная литература, которая наряду с летописью является важным источником для изучения истории города. В одном из литературных произведений XI в., где Борис и Глеб прославляются как защитники Руси, Вышгород называют важной крепостью Русской земли: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснет она и не задремлет, охраняя и утверждая отчизну свою русскую землю от супостатов и усобной войны».

Вышгород представлял собой также крупный ремесленный центр, продукция которого удовлетворяла нужды значительной округи. Развитию торговли способствовало географическое положение города. Его роль в международной торговле отмечал уже Константин VII Багрянородный.

Вышгород принадлежал к значительным феодальным центрам, под его властью находились окружающие земли. Письменные источники неоднократно упоминают вышгородских бояр, игравших заметную роль в политической жизни Киевской земли и Руси. В частности, в 1015 г. киевский князь Святополк использовал их в преступном сговоре против Бориса. «Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: «Прияете ли ми всѣмь сердцемъ?» ...Онъ же рече имъ: «Убийте брата моего Бориса». Под 1164 г. летопись говорит о сожжении дворов боярина Радила и семи других бояр. Упоминаемый в связи с событиями 1146 г. вышгородский тиун Тудор происходил из знатного рода, первый представитель которого входил еще в состав посольства князя Игоря в Константинополь.

Будучи важным военно-стратегическим, экономическим и церковно-религиозным центром Киевской земли, Вышгород не представлял собой какой-то самостоятельной политической единицы. На протяжении всей древнерусской истории он выступал как пригород Киева, даже когда в нем появились свои князья. Последние, как правило, назначались великим князем из числа младших родственников, не претендовавших на киевский стол. В Вышгороде сидели ставленники князей Ярополка Владими-

ровича, Юрия Долгорукого, Ростислава Мстиславича и других. Они находились, по существу, на положении киевского воеводы. О незначительной роли вышгородских князей свидетельствует тот факт, что в 1155 г. сын Юрия Андрей, даже не поставив в известность отца, оставил Вышгород и пошел в Суздаль. Очевидно, и во второй половине XII в. Вышгород продолжал играть роль загородной великокняжеской резиденции и находиться под непосредственным главенством Киева (в Вышгороде находились дворы Ольги, Владимира, Святополка Владимировича, Ярослава Мудрого, Всеволода Ольговича). Позже по образцу Вышгорода подобные княжеские резиденции были основаны владимирскими и смоленскими князьями (Боголюбово и Смядинь).

В 25 км к юго-западу от Киева, на правом берегу Ирпеня, находился еще один важный пригород — Белгород (современное с. Белгородка). Он был расположен в очень удобном для обороны месте — на части плато, возвышавшейся над поймой Ирпеня на 40—45 м. С запада и юга Белгород имел природные оборонительные рубежи, с востока и севера был окружен земляными валами и рвами. Общая площадь крепости составляла 100 га, так что при непосредственной опасности за ее мощными стенами могло спрятаться население всей округи.

Киевские князья понимали значение Белгорода—важного военно-стратегического пункта — и всячески способствовали его процветанию. Как и в Вышгороде, тут находился двор киевских князей. В XII в., во время обострения борьбы за Киев, Белгород получил статус княжеского города, князья которого, однако, находились под постоянной опекой киевских. Последние старались посадить в Белгород такого князя, который помогал бы отстаивать интересы Киева. В 1117 г. Владимир Мономах передал Белгород старшему сыну Мстиславу, а в 1149 г. Юрий Долгорукий — Борису. Потеря Белгорода киевским князем, по существу, означала потерю Киева. Так, в 1150 г., узнав о взятии Белгорода войсками Изяслава Мстиславича, Юрий Долгорукий без боя отдал ему Киев. О зависимости Белгорода от Киева свидетельствует также летописная статья 1151 г. В ответ на требование Юрия Долгорукого открыть ему ворота белгородцы заявили: «А Киев ты ся кое отворилъ».

Только в последней четверти XII в. в Белгороде утвердился соперник великого князя Рюрик Ростиславич, однако это не привело к отделению Белгорода от Киева. Достаточно быстро Рюрик добился от Святослава согласия на соправление, и Белгород стал одной из великокняжеских резиденций. В 1197 г. тут, на месте деревянной церкви, по распоряжению Рюрика соорудили каменный храм св. Апостолов, украшенный фресковой и золотой росписью, разноцветными майоликовыми плитками.

На протяжении нескольких столетий Белгород находился на положении крупного епископского центра, основание которого историки объясняют, как правило, личными симпатиями к этому городу киевских князей. Очевидно, у великих князей на это были и более серьезные причины. Епископский Белгород, расположенный на границе с Древлянской землей, видимо, должен был распространять на нее вслед за княжеской и церковную власть Киева. Как свидетельствуют летописи, белгородские священники играли весьма заметную роль и в политической жизни города. Значительный процент белгородского населения составляла дружина и земельная знать, в руках которой находились многочисленные замки и села. Ее дворы размещались в центральной части города и наряду с княжескими и епископскими представляли собой отдельные феодальные гнезда.

С юга оборонительная система вокруг Киева замыкалась Пересечеком (Китаевское городище), расположенным на обрывистом и высоком выступе коренного днепровского берега, в 6 км от Выдубицкого монастыря. Город занимал площадь около 8 га и имел мощные укрепления, состоявшие из трех линий земляных валов и рвов. Вблизи детинца и окольного града находились значительных размеров посад и курганный могильник.

Центральным и самым большим городом в оборонительной системе вдоль Стугны был Василев (современный г. Васильков), основанный еще Владимиром Святославичем в X в. В беспокойные времена феодальной раздробленности Василев занимал значительное место в жизни Киевской земли. Около середины XII в. он получил статус княжеского города. Как и Белгород, Василев имел первоклассную крепость: вал окружал не только детинец, но и посад. Наивысшего расцвета город достиг в XII — первой половине XIII в. Судя по летописным сообщениям, Василев, как и вся Стугнинская оборонительная линия, в XII в. потерял военно-стратегическое значение, но играл довольно важную роль в торговой жизни Киевской земли. Он стоял на известном торговом пути из Киева через Рось в Днепровское Понизовье, Подунавье и Галичину.

От устья Стугны и до Роси проходила Днепровская оборонительная линия, в системе которой находились Треполь, Халеп, Новгород-Святополч, Иван, Чучин, Заруб, Канев. Большинство этих пунктов представляло собой не только крепости, но хозяйственные и административные центры отдельных феодальных владений. Строились они по определенному плану и имели целый ряд общих конструктивных черт.

Крайним южным городом Киевской земли на Днепре был Канев. Его исключительная роль в истории Древнерусского государства определялась уже самим расположением. Канев впервые упоминается летописью под 1149 г., когда он превратился в крупный военно-феодальный центр и имел статус княжеского города. С усилением натиска Руси на Степь значение Канева возрастало. Со второй половины XII в. русские князья вели переговоры с половцами, как правило, не вблизи Киева и даже не в Сакове, а в городах южного пограничья, среди которых чаще других фигурирует Канев. Несомненно, город имел и важное торговое значение, если русские князья именно тут в 1168, 1170 и 1189 гг. охраняли пути Греческий и Залозный. До наших дней хорошо сохранился Георгиевский (Успенский) собор в Каневе, построенный около 1144 г. при великом киевском князе Всеволоде Ольговиче.

Поросская оборонительная линия фактически являлась продолжением Днепровской. На Роси от ее истока до устья известно 13 древнерусских городищ, расположенных вдоль левого ее берега. Преобладающее большинство их — Товаров, Дверен, Богуслав, Володарев, Ростовец, Боровой и Чурнаев — представляло собой крепости со смешанным (славяно-тюркским) населением, некоторые — Корсунь, Торческ, Юрьев и др.— значительные городские центры.

Юрьев (современный г. Белая Церковь) основал Ярослав Мудрый и назвал его своим христианским именем. Тогда же в нем появилась и епископская кафедра, впервые упомянутая в летописи под 1089 г. Ее наличие в южнорусском пограничье, населенном в значительной мере тюркскими племенами, можно объяснить, очевидно, миссионерскими соображениями. Просуществовала юрьевская епархия до монголо-татарского нашествия. На протяжении XII в. Юрьев принимал самое активное участие в борьбе с половцами и не раз бывал разрушен и опустошен. После страшного раз-

грома в 1095 г. половцами город был снова отстроен в 1103 г. Во второй половине XII в. под стенами Юрьева половцы дважды потерпели сокрушительное поражение.

Вблизи Юрьева находился город Торческ — центр берендеев, торков, печенегов и других тюркских племен Поросья. В летописных сообщениях Торческ упоминается и как важная крепость, на протяжении полутора веков находившаяся на переднем крае борьбы с половцами. С середины XII в. этот город стал княжеским административным центром Поросья. В нем, как правило, сидели ставленники Киева, на которых в конце XII в. великие князья почти полностью переложили заботу об обороне южнорусской границы. Время великих походов древнерусских князей в Степь миновало, половцы больше не представляли серьезной опасности для Руси. Их набеги успешно отражали полки тюркских племен — печенегов, торков, берендеев, известных из летописи под общим названием черных клобуков, а также русские гарнизоны, расположенные в городах и крепостях вдоль Роси.

Юго-западные и западные районы Киевской земли, как свидетельствует летопись, уже в конце X в. были покрыты густой сетью городов, феодальных замков и селений, расположенных по берегам Тетерева, Здвижа, Ирши, Ужа, Случи, Уборти, а также более мелких речек. Летопись называет тут Искоростень, Овруч, Вздвижен, Мильск, Мичск, Полонный, Семоч, Заречск, Ушеск, Чернобыль, Городск, Колодяжин и другие населенные пункты.

Еще до того как киевские князья покорили древлян, их административно-политическим центром был Искоростень (современный г. Коростень). По историческим преданиям, на одном из четырех искоростенских городищ стоял замок знаменитого древлянского князя Мала. Однако обнаруженное на р. Ирше вблизи современного городка Малина сильно укрепленное городище VIII—XIII вв. дает основание считать именно его местом, где находился замок князя. На протяжении периода феодальной раздробленности Искоростень оставался значительным городским центром Киевской земли.

Со второй половины X в. политическим центром Древлянской земли стал Вручий (современный г. Овруч), возникший на правом берегу Норина, на обрывистой, окруженной глубокими оврагами горе. С потерей автономии Древлянской землей упоминания об Овруче надолго исчезают со страниц летописи и появляются только в последней четверти XII в., когда он стал уделом князя Рюрика Ростиславича. Став соправителем Святослава, Рюрик не забыл и вторую свою резиденцию — Овруч, в котором около 1190 г. построил церковь св. Василия, дошедшую до наших дней в реконструкции О. В. Щусева.

Ряд населенных пунктов западных районов Киевской земли представлял собой небольшие, но сильно укрепленные военно-феодальные замки типа Райковецкого городища на Гнилопяти или Колодяжина на Случе. Некоторые из них, как Пересопница, Дорогобуж, Дубровица, в конце XII — начале XIII в. превратились в настоящие города. В них время от времени сидели посадники и князья — вассалы великих киевских князей.

Политическая история. На протяжении XII — первой четверти XIII в. Киевская земля неоднократно становилась объектом особого внимания древнерусских князей. Одни из них ограничивались претензиями на какую-то часть общего родового наследства, другие, боровшиеся за восстановление единства русских земель, вплоть до 60-х годов XII в. связывали успехи этой борьбы с владением древней столицей Руси как символом такого

единства. В этой притягательной силе Киева, безусловно, сказывалась традиция — его бывшее политическое значение, а не то реальное место, которое он занимал среди других древнерусских центров в XII в. Междоусобная борьба за Киев, которую вели черниговские, волынские, ростово-суздальские, смоленские и другие князья, какими бы причинами она ни вызывалась, объективно приводила к углублению процессов феодального дробления, к дальнейшему политическому ослаблению Киева.

Постепенно стало ослабевать традиционное стремление князей занять киевский стол. Сильные удельные владетели пытались возглавить борьбу за восстановление общерусского единства уже не при помощи овладения киевским столом, а путем утверждения в роли объединительного центра стольного города своего княжества. Одновременно они внимательно следили за ситуацией, складывавшейся на юге Руси, постоянно добиваясь там доли собственности. Развитие разных форм соправительства на киевском столе привело в конце концов к тому, что Киев и Киевская земля стали объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей Руси.

После смерти Мстислава киевский стол перешел к его брату Ярополку Владимировичу (1132—1139). Время его правления характеризовалось переходом от прежнего единовластия при Мономахе и Мстиславе к полицентризму, окончательно утвердившемуся после 30-х годов XII в. Как государственный деятель Ярополк стоял ближе к своим предшественникам, но достойно продолжить их дело не смог. Стараясь примирить черниговских Ольговичей и устранить от участия в решении противоречий среди многочисленных потомков Мономаха, Ярополк проводил политику братолюбия и миролюбия, которая в условиях жестокой борьбы за перераспределение феодальных владений не могла иметь положительных результатов. Несмотря на то что летописец не жалеет хвалебных эпитетов при характеристике действий киевского князя, вряд ли его политика находила поддержку среди широких народных масс. Слова летописи, что Ярополк «хулу и укоръ прия на ся отъ братъ своея и отъ всихъ», свидетельствуют о его нерешительности и неприятии такого его поведения не только братьями и племянниками, но и населением Киевской и Переяславской земель, страдавшим от постоянных военных нападений Всеволода Ольговича.

В исторической литературе нерешительность Ярополка Владимировича иногда объясняется его малодушием, в действительности же она вызывалась другим. Известный призыв — «любите враги ваша» — шел не от христианского смирения, а от убеждения, что внутренние противоречия нужно и можно решать мирным путем. По отношению к врагам Руси — половцам — Ярополк придерживался совсем других взглядов. Тут он действовал смело и решительно и справедливо заслужил славу победителя «поганых».

На внутреннюю политику Ярополка, безусловно, наложили отпечаток его обязательства по отношению к Мстиславичам, что, естественно, вызывало сильное противодействие со стороны Ольговичей и младших Мономаховичей. Стремление закрепить за одним из сыновей Мстислава Великого переяславский стол, который расценивался как переходный к киевскому, явилось причиной резкого обострения отношений Ярополка со своими братьями, в частности с Юрием Долгоруким. Последний предложил Ярополку обменять Переяславскую землю, бывшую тогда, по сути, частью Киевской, на ряд суздальских владений.

Осуществление такого обмена означало бы, что именно Юрий Долгору-

кий получал права на унаследование киевского стола. Это вовсе не входило в расчеты Мстиславичей и Ольговичей. Заключив между собой союз, они несколько раз нападали на Переяславскую и Киевскую земли, что заставило Ярополка отказаться от предложения Юрия Долгорукого. В конце концов Переяслав достался младшему Мономаховичу —Андрею, который не считался претендентом на киевский стол. Только перед смертью Ярополку удалось объединить силы для борьбы с Ольговичами и несколько стабилизировать внутреннее положение Южной Руси.

В конце правления Ярополка Владимировича в число реальных претендентов на киевский стол выдвинулся черниговский князь Всеволод Ольгович. После смерти Ярополка он, воспользовавшись разногласиями между Мономаховичами и Мстиславичами, с небольшой дружиной вступил в Киев.

Киевский стол перешел к Всеволоду (1139—1146). Появилась необходимость установления новых контактов и связей. Вчерашний сепаратист Всеволод на киевском столе пытался проводить политику восстановления единства русских земель. Летопись отмечает, что он «самъ хотяще землю всю держати, искаше подъ Ростиславомъ Смоленьска, а подъ Изяславомъ Володимира». Отстаивая свои притязания на старшинство среди русских князей, Всеволод встретился с откровенным противодействием не только Мономаховичей, но и своих братьев. Они пытались вытеснить киевского князя с Черниговской земли, где он удерживал за собой Вятичскую волость, а также получить долю в Киевской земле. Претензии братьев были удовлетворены передачей им городов Рогачева, Берестья, Дорогочина, Клечска, Вщижа, Черторийска и Юрмина. На протяжении всего периода своего киевского княжения Всеволод Ольгович встречал сильную оппозицию со стороны Юрия Долгорукого, а также Владимира Галицкого. Борьба Киева с Галичем в 1144—1146 гг. не принесла реальных успехов ни одной из сторон. Неудачей окончилась и попытка Всеволода распространить свое влияние на Новгород. Его брат Святослав не смог удержаться на княжеском столе этой боярской республики; за притеснения и насилие новгородцы прогнали его.

Таким образом, широкие планы возрождения политического единства древнерусских земель Всеволод не сумел воплотить в жизнь. Ему только удалось стать первым среди князей и расширить свои феодальные владения, включив в них земли всей Южной Руси.

Среди населения Киева и Киевской земли Всеволод не пользовался популярностью. Его не любили за постоянные связи с половцами, а также за усиление феодальной эксплуатации. Не случайно после его смерти в Киеве против Ольговичей и их администрации вспыхнуло народное восстание (1147 г.).

События 1146—1147 гг. со всей очевидностью показали, что основной политической силой в Киеве и Киевской земле стало боярство. Именно оно решило вопрос о киевском князе после смерти Всеволода. Несмотря на присягу, принесенную Игорю Ольговичу на Ярославовом дворе, старшие среди киевских бояр Глеб тысяцкий и Иван Воитишич направили в Переяслав посольство с приглашением на киевский стол Изяслава Мстиславича. Когда же переяславский князь появился со своим войском под стенами Киева, они, как и было условлено, открыто перешли на его сторону. Игоря Ольговича постригли в монахи и выслали в Переяслав.

Время княжения Изяслава (1146—1154) прошло в постоянных походах и битвах. Дважды он вынужден был уступать Киев Юрию Долгорукому, но оба раза отвоевывал его. Как и его

предшественники, Изяслав стремился укрепить политические позиции Киева. С этой целью он отобрал у Святослава Всеволодовича Владимир (Волынский) и отдал ему небольшую пограничную волость с Божском и Межибожьем; дядю Вячеслава, который номинально считался великим киевским князем, Изяслав лишил туровского стола и посадил на нем своего сына Ярослава. Переяславский стол занял другой сын Изяслава — Мстислав, в Смоленске уже давно правил его брат Ростислав.

Успешные походы против черниговских Ольговичей и в первую очередь против новгород-северского князя Святослава Ольговича привели к тому, что в Путивле сел киевский посадник.

В проведении политики объединения древнерусских земель Изяслав Мстиславич достиг заметных успехов, но подобно прежним князьям не мог полностью реализовать свою программу. Ни Юрий Долгорукий, ни Святослав Ольгович, ни Владимирко Галицкий, вынужденные смириться с княжением Изяслава в Киеве, не признавали его главенство. Как и раньше, независимую от Киева политику проводили Новгород и Полоцк.

Объединительная деятельность Изяслава Мстиславича положительно воспринималась населением всех древнерусских земель. Именно с ней связывались все чаяния на успешную борьбу с половцами. Однако для ее реализации еще не сложились необходимые исторические условия.

На годы правления Изяслава Мстиславича приходится попытка освободиться от вмешательства Византии в дела Руси, осуществляемого через митрополитов-греков. В 1147 г., воспользовавшись тем, что митрополичья кафедра осталась вакантной, Изяслав вопреки всем церковным канонам поставил митрополитом Клима Смолятича. Исследователи по-разному оценивают это событие в церковно-политической жизни Киевской Руси. Одни усматривают в ней (как и в назначении митрополита Илариона Ярославом) стремление к большей самостоятельности русской церкви, другие, ссылаясь на единичность подобных случаев, отрицают это.

Речь Изяслава, произнесенная на соборе русских епископов, не оставляет сомнений в действительных его намерениях. В ней князь отметил, что от митрополитов-греков «чинятся напрасно великие убытки, а паче всего через сию патриархов в Руси власть цари греческие исчут над нами властвовать и повелевать, что противно нашей чести и пользе». Акцию Изяслава поддержали не все епископы и удельные князья; митрополит Клим Смолятич держался благодаря покровительству великого князя, а после его смерти оставил кафедру.

Заметную роль в жизни Киевской земли при Изяславе Мстиславиче, как и на протяжении всего периода феодальной раздробленности, играли тюркские племена — черные клобуки. Их расселение на юге Древнерусского государства приходится на конец XI — начало XII в. Со временем тут возникли кроме Торческа и Корсуня города Дверен, Боровой, Чурнаев и др. Черноклобукское население Поросья и юго-восточных районов Переяславской земли, постепенно воспринявшее древнерусский язык, культуру, былинный эпос, но долго сохранявшее пастуший образ жизни и языческую религию, в летописи нередко именовалось «своими погаными».

Политика киевских князей относительно черных клобуков имела общерусское значение. Речь идет не только об обороне южных рубежей Руси от половцев, но и о внутренних социально-политических делах. Киевские князья очень часто использовали отряды черных клобуков в борьбе с непокорными подданными. Особенно активно выступали черные клобуки на

стороне великого киевского князя Изяслава Мстиславича.

В 1154 г. Киев третий раз занял суздальский князь Юрий Долгорукий, с деятельностью которого на северо-востоке Руси связывается основание и расширение многих городов, в том числе и Москвы (первое упоминание о ней относится к 1147 г.). На киевском столе Юрий надеялся достичь положения старейшины русских князей. На короткое время это ему удалось. Но уже в 1157 г. против него сложилась коалиция во главе со смоленским князем Ростиславом Мстиславичем. В Киеве, очевидно, также имел место заговор против великого князя, результатом которого стала загадочная смерть Юрия Долгорукого после банкета у киевского боярина Петрила.

Сообщение о смерти Юрия Долгорукого и приглашение на великокняжеский стол пришли к Изяславу Давидовичу в Чернигов в разгар его подготовки к походу на Киев. Занятию им великокняжеского стола, как ни странно, не противились вначале даже Мономаховичи.

Овладев киевским столом, Изяслав, как некогда Всеволод, оставил за собой часть Черниговской земли, чем вызвал неудовольствие всех Ольговичей. Наиболее решительными противниками Изяслава Давидовича были волынский князь Мстислав Изяславич и галицкий Ярослав Осмомысл. Все это, а также безуспешные походы на Галич и Туров стоили Изяславу Давидовичу киевского стола.

После победы над Изяславом Давидовичем под стенами Белгорода в конце 1158 г. в Киев вступили Мстислав Изяславич и Ярослав Галицкий. На великокняжеский стол они пригласили Ростислава Смоленского. Последний прежде чем согласиться поставил условие: «Оже мя въ правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити».

Ростислава пригласили в Киев волынский и галицкий князья, но сделали это не без согласия киевских бояр, которые со смоленским князем связывали надежды на прекращение борьбы за киевский стол.

Следует отметить, что Смоленское княжество, расположенное в центре древнерусских земель, всегда поддерживало тесные контакты с Киевом. Почти все его князья побывали на киевском столе. Одной из основных причин этого была стратегическая близость Смоленска к Киеву. Находясь на важной торговой магистрали Руси — Днепре — и фактически контролируя ее, Киев и Смоленск не могли вступать в противоборство. Их объединяли общие экономические интересы, и не случайно эти центры острее других чувствовали необходимость восстановления единства русских земель. Смоленск, которому не угрожали половцы, регулярно посылал военные отряды для помощи в борьбе с ними.

Постепенно Ростислав установил добрососедские отношения с большинством удельных князей. В Смоленске, Новгороде и на Волыни сидели сыновья и племянники великого князя, города Киевской земли также были в руках его ближайших родственников. Ростислав имел влияние на полоцкие дела, по его призыву присылали свои дружины Ярослав Галицкий и Ольговичи. Киевский князь, как и раньше, выступал полководцем объединенных дружин в борьбе с половецкими ордами.

В 1166 г. Ростислав возглавил большой военный поход на юг Руси для охраны ее торговых путей. Под свои знамена он призвал почти всех южнорусских князей: «Посла Ростиславъ к братьи своеи и к сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвъкупитися у себе съ всѣми полкы своими; и приде Мьстиславъ из Володимиря,

Ярославъ братъ его из Лучьска, Ярополкъ из Бужська, Володимиръ Андрѣевич, Володимиръ Мьстиславичъ, Глѣбъ Гюргевичь, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, Глѣбъ Городеньский, Иванъ Ярославичь сын и Галичьская помочь; и стояша у Канева долго время, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ».

После смерти Ростислава (1167), несмотря на наличие кандидатов с большими правами (по родовому принципу), Киев занял Мстислав Изяславич. Силой оружия он заставил старших родственников отказаться от своих претензий на стол. Став киевским князем, Мстислав развернул энергичную деятельность, направленную на организацию защиты южнорусских земель и торговых путей от половцев. Около 1168 г. он созвал в Киев князей, чтобы вместе обсудить меры по обузданию кочевников. В летописи читаем о том, что «отцину и дѣдину несуть хрестьяны (половцы) на всяко дѣло у вежѣ свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Гречьский путь изъотымають, и Солоный и Залозный». Даже непокорным Ольговичам Мстислав приказал прислать войска для участия в походе. «Посла же Чернигову къ Ольговичемъ всимъ и къ Всеволодичема, веля имъ быти всимъ у себе: бяху бо тогда Ольговичи въ Мьстиславли воли». В походе приняли участие дружины всех южнорусских князей, а также смоленских.

На протяжении 60-х годов XII в. киевские князья несколько раз созывали удельных князей, чтобы общими усилиями защитить южные рубежи Руси и ее торговые пути. Победные походы русских дружин на половцев способствовали временной консолидации южнорусских земель, но не могли прекратить междоусобной борьбы князей. Мечты о захвате киевского стола не давали покоя Ольговичам и Ростиславичам, а особенно Андрею Боголюбскому, сыну Юрия Долгорукого.

Укрепив свои позиции во Владимиро-Суздальском княжестве, он стал вынашивать планы похода на Новгород и Киев. В 1169 г. войска Боголюбского взяли Киев. На протяжении длительного времени этому факту придавалось неоправданно большое значение. На основании свидетельств летописи Печерского монастыря (подожженного победителями) об ограблении Киева делались выводы, что древняя столица Руси потерпела катастрофу. В действительности же и после 1169 г. Киев продолжал жить полнокровной жизнью большого экономического и культурного центра Руси.

Буржуазно-националистические и современные буржуазные историки пытаются на этом примере иллюстрировать свой тезис о «традиционном антагонизме между русскими и украинцами». Несостоятельность его слишком очевидна, ведь ни тех, ни других в то время еще не было. Следует подчеркнуть и тот факт, что в походе на Киев принимали участие не только и даже не столько суздальские силы, сколько южнорусские. Подобные акции относительно Киева имели место и со стороны других князей, в частности Всеволода Ольговича, Романа Мстиславича и Рюрика Ростиславича, занимавших соответственно черниговский, волынский и киевский столы. Это была борьба за власть, за перераспределение феодальных владений между князьями — представителями единой древнерусской народности. Рассматривать ее иначе — значит сознательно фальсифицировать историю.

70-е годы XII в., характеризовавшиеся новым обострением междукняжеских отношений, прошли под знаком политического соперничества и борьбы за Киев между Андреем Боголюбским, Ольговичами и Ростиславичами. Ни одна из сторон не добилась

решающего преимущества. Неоднократные попытки Боголюбского посадить в Киеве своего ставленника не имели успеха; Глеба Юрьевича в 1171 г. убили киевские бояре, а его братьев Всеволода и Михаила изгнали из Киева Ростиславичи. Столкновение интересов Ростиславичей и Ольговичей привело к тому, что киевскими князьями стали Святослав Всеволодович (1177—1194) и Рюрик Ростиславич (1180—1202). Их соправление положительно отразилось на экономической и политической жизни русских княжеств. Почти 15 лет Русь не знала изнуряющей борьбы за Киев. Формально соправители находились в одинаковом положении, но жизнь требовала, чтобы один из них был старшим. Им стал Святослав Всеволодович. Именно он организовывал антиполовецкие походы и был полководцем объединенных русских дружин, чем заслужил высокую оценку автора «Слова о полку Игореве». На защиту южных границ Руси сообща выступали киевские, волынские, галицкие, черниговские, смоленские, переяславские, пинские полки. Походы 1183, 1185 и 1187 гг. окончились блестящими победами. Половцы были отброшены за Северский Донец.

Годы княжения дуумвиров Святослава и Рюрика характеризовались подъемом экономической и культурной жизни Киева. Летописец Моисей, восхваляя Рюрика за строительство подпорной стены под Михайловской церковью на Выдубичах, называл великого князя киевского царем, а княжество — «державой самовластной... известной не только в русских пределах, но и в далеких заморских странах, до конца вселенной». Подъему политического значения Киева способствовало и то, что в 1183—1184 гг. началось сближение Святослава с одним из сильнейших князей Руси — владимиро-суздальским Всеволодом Юрьевичем.

После смерти Святослава Рюрик пригласил в Киев брата Давида в соправители. Намерения Ростиславичей наделить многочисленных потомков Мономаха волостями на юге Руси обернулись новым обострением междукняжеских отношений. Дуумвират представителей одной княжеской линии на киевском столе не признавал Всеволод Юрьевич, считавший себя, а не Давида Смоленского фактическим соправителем Рюрика. Суздальские летописцы отмечают даже, что Рюрик стал киевским князем по милости Всеволода. «Посла (Всеволод.— *Ред.*)... мужъ своь в Кыев и посади в Кыевѣ Рюрика Ростиславича». Конечно, это сообщение следует отнести на счет летописца Всеволода, последовательно проводившего идею старшинства своего князя, но в нем отразились и некоторые реалии.

Всеволод Большое Гнездо, преодолевший к этому времени оппозицию ростовского боярства и удельных князей, стал одним из наиболее сильных и авторитетных князей Руси. Не случайно автор «Слова о полку Игореве» обращался к нему с такими словами: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти». Пребывая на столе большого княжества, возглавившего процесс политической консолидации на северо-востоке Руси, Всеволод, несомненно, влиял и на общерусские дела.

В конце XII в. обстановка на юге Руси опять обострилась. В 1199 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и Галич перешел к волынскому князю Роману Мстиславичу. В 1202 г. он с войском появился под стенами Киева, овладел городом и изгнал из него своего тестя Рюрика. Объединение Волыни, Галичины и Киевской земли было важным событием в политической жизни южнорусских княжеств, но не представляло собой конечной цели широкой программы Романа.

В. Татищев, использовав неизвест-

ный нам летописный список, привел интересные свидетельства о планах Романа Мстиславича. После пострижения Рюрика в монахи Роман объявил всем русским князьям, что его тесть нарушил условие и за это был лишен киевского стола. Дальше он изложил свои взгляды на политический строй Руси XIII в. Так, киевский князь должен был «землю рускую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских, добрый порядок содержать, дабы един другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять». Великий киевский князь должен был избираться шестью князьями: суздальским, черниговским, галицким, смоленским, полоцким и рязанским: «младших же князей к тому избранию непотребно». Во всех шести княжествах стол должен был передаваться в наследство старшему сыну, но не дробиться на уделы, «чтобы русская земля в силе не умалялась». Роман предлагал созвать княжеский съезд для утверждения такого порядка. Широкая программа государственного устройства Руси в тех социально-экономических условиях не была да и не могла быть реализована.

После смерти Романа в Киев возвратился Рюрик Ростиславич. Уже в 1206 г. против него выступил черниговский князь Всеволод Чермный. Длительная борьба между ними, которая продолжалась с переменным успехом до 1210 г., окончилась победой Всеволода. Он перевел Рюрика в Чернигов, а сам занял киевский стол. Спустя некоторое время, после смерти Всеволода Суздальского (1212) и Рюрика Ростиславича (1212), Всеволод Чермный стал наиболее заметной фигурой среди всех древнерусских князей.

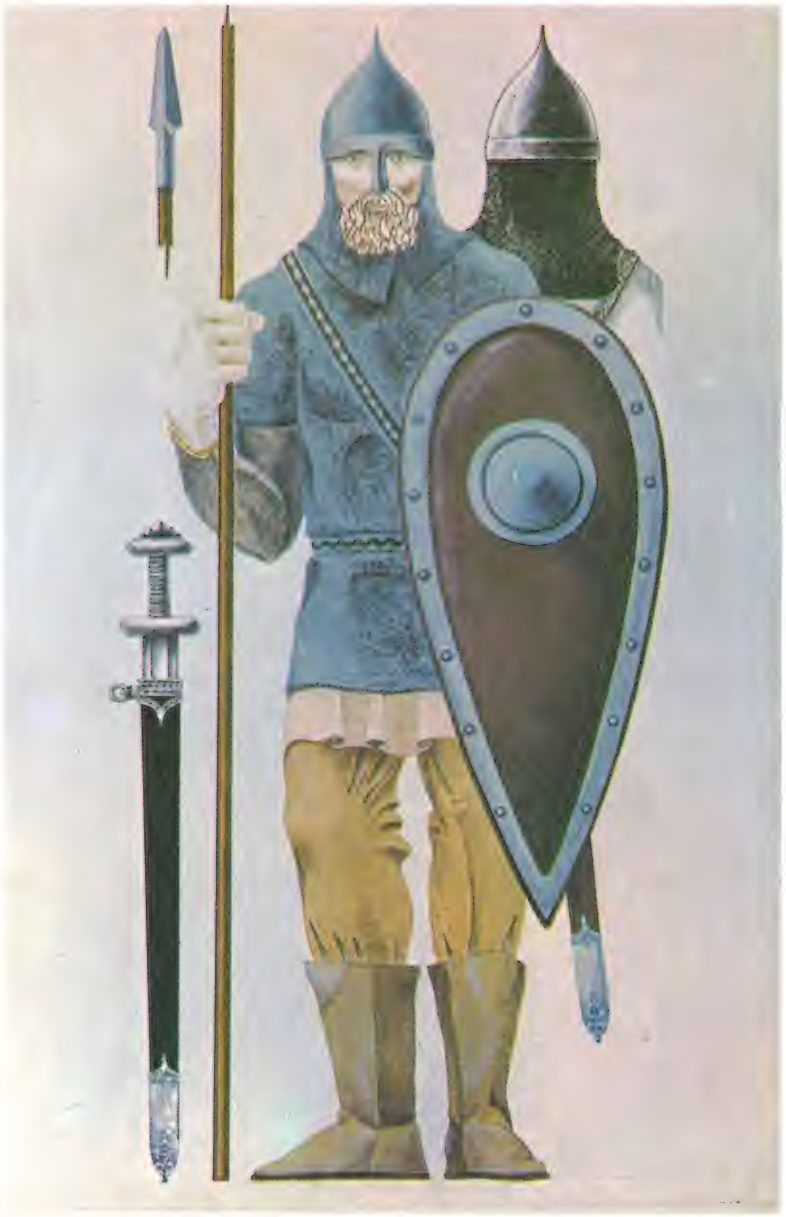
С 1214 г. Киев снова перешел в руки Ростиславичей. На его столе утвердился Мстислав Романович (1214—1223), время правления которого совпало с некоторой стабилизацией политического положения не только Киевской земли, но и всей Южной Руси.

Поступательное историческое развитие Среднего Поднепровья первых десятилетий XIII в. прервали монголо-татары. На р. Калке в 1223 г. произошла битва между монголо-татарскими и русскими войсками. Несмотря на то что Мстиславу Романовичу, Мстиславу Мстиславичу (Удалому), Мстиславу Святославичу (Черниговскому) удалось привести киевские, черниговские, смоленские, галицкие, волынские и владимиро-суздальские полки — огромное войско против врага, битву они проиграли. В ней погиб и киевский князь Мстислав Романович.

Поражение на Калке стало переломным моментом в жизни Киевского княжества. Князья уже не так рьяно стремились получить киевский стол. В первое десятилетие после неудачной битвы в Киеве княжил Владимир Рюрикович, фактическим соправителем которого был Даниил Галицкий. В Киевской земле он держал Поросскую волость.

С 1235 г. на киевском столе сидели князья, не оставившие сколько-нибудь заметного следа в истории. Последний из них, Михаил Всеволодович, узнав о приближении монголо-татарских полчищ, бежал в Венгрию. Киевом овладел Даниил Галицкий и посадил там своего боярина Дмитрия.

Таким образом, накануне монголо-татарского нашествия Киев — «мать городам русским» — остался без князя, а подвластный ему домен раздробился на небольшие уделы.



Древнерусский воин. *Реконструкция П. П. Толочко, Рис. Л. И. Андриевского, В. А. Буйновского*

Парадный (праздничный) убор женщины княжеско-боярского круга. XII—XIII вв. *Реконструкция П. П. Толочко. Рис. Л. И. Андриевского, В. А. Буйновского*

3. ЧЕРНИГОВСКОЕ И НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ КНЯЖЕСТВА

Территория. Черниговское, а позже и Новгород-Северское княжества наряду с Киевским и Переяславским были составными частями древней Русской земли, того государственного и территориального ядра Руси, которое сложилось еще в IX в. Процесс формирования Черниговского удельного княжества окончился в XI в., когда Ярослав Мудрый, отдав Чернигову бывшие земли радимичей, вятичей, а также Муромскую волость и Тмутаракань (современная Тамань), посадил там сына Святослава. Род последнего довольно быстро пустил глубокие корни в Чернигове и считал его своим городом. Не случайно Святослав Ярославич завещал похоронить его в Чернигове, в Спасском соборе.

Черниговская земля уже в первой четверти XII в. включала территорию, расположенную в бассейнах Десны и Сейма, Сожа и Верхней Оки. Границей между Черниговской и Киевской землями считался Днепр, но в действительности, как уже отмечалось, в районе Киева она проходила на некотором расстоянии от него. Выше Десны и Припяти черниговские владения переходили на правый берег. Тут Чернигову принадлежала Речица и «иные городѣ мнози». Северные границы Черниговской земли достигали верховьев Сожа, Ипути, Десны, где находились города Чичерск и Вщиж. Северо-восточная граница княжества доходила почти до Москвы, но в связи с продолжавшимся колонизационным потоком не была стабильной. Позже, с укреплением Рязанского княжества, за приокское пограничье возникали споры между черниговскими и рязанскими князьями. Крайней черниговской волостью тут была, по всей вероятности, Лопасня, расположенная на одноименной речке, правом притоке Оки. Южнее черниго-рязанская граница проходила по водоразделам Дона и его притоков Прони, Сосны, Упы и Зуши.

Посеймье занимало промежуточное положение между Черниговской и Переяславской землями. Сначала оно принадлежало Олегу Святославичу, затем, во время борьбы Всеволода Ольговича с ним за Чернигов, Посеймье захватил великий князь Мстислав; в конце 30-х годов XII в. оно снова вошло в состав Черниговской земли. Главным городом Посеймья был Курск, который находился на пограничье со Степью и нередко подвергался нападениям половцев. Постоянная опасность воспитывала тут смелых и сообразительных воинов-«кметей». В «Слове о полку Игореве» Буй Тур Всеволод, обращаясь к Игорю, славит своих бойцов:

А мои ти куряни свѣдоми къмети:
Подъ трубами повити,
Под шеломы възлѣлѣяни,
Конец копия въскорьмлени,
Пути имъ вѣдоми,
Яругы имъ знаеми.
Луци у нихъ напряжени,
Тули отворени,
Сабли изъострени;
Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ
Ищучи себе чти, а князю славѣ.

Курское княжество было своеобразными воротами Черниговской земли в Степь, а также звеном, соединяющим Чернигов с Тмутараканью; тут строились пограничные оборонительные линии, оседали побежденные тюркские кочевые племена — черниговские «поганые», отсюда шла дальше в Степь славянская колонизация.

В бассейнах Десны, Сейма и Снова известны города Новгород-Северский, Глухов, Путивль, Трубецк, Сновск, Рыльск, Стародуб. На юге между Десной и Днепром граница Черниговщины проходила по водоразделу Остра, верховьев Трубежа и Супоя. Летопись упоминает тут Бахмач, Белую

Вежу, Лутаву, Моровийск и другие населенные пункты.

Черниговским князьям начиная с XI в. (со времени правления Мстислава Владимировича) и до второй половины XII в. принадлежала Тмутаракань — большой город и международный порт в Керченском проливе, в котором жило разноэтническое население: русские, греки, хазары, армяне, евреи, адыгейцы. Во второй половине XI в. Тмутаракань выступает как пристанище князей-изгоев, причем не только черниговских.

Позже упоминания о Тмутаракани исчезли со страниц древнерусских летописей, но, как считают исследователи, в сфере политического влияния Руси она находилась приблизительно до третьей четверти XII в. Об этом свидетельствуют многочисленные брачные связи русских князей того времени с грузинскими, абхазскими и осетинскими княжнами и царевнами. В 1153 г. великий киевский князь Изяслав Мстиславич высватал себе «изъ Обезъ цареву дщерь», а Андрей Боголюбский женил своего сына Юрия на грузинской царице Тамаре. О потерянной Тмутаракани намекает и «Слово о полку Игореве», говоря о двух Святославичах, как двух соколах, которые полетели

Поискати град Тьмутороканя,
А любо испити шеломомъ Дону.

Географическое положение Черниговской земли содействовало тому, что здесь еще со времени образования Киевской Руси оседало ираноязычное и тюркоязычное население, в частности предшественники половцев, с которыми черниговские князья поддерживали тесные отношения. Заискивание Ольговичей перед степняками в XII—XIII вв. дорого стоило как Черниговской земле, так и Руси в целом. «Дружеские визиты» половецких ханов к своим черниговским союзникам, по сути, не отличались от их военных нападений на Переяславскую или Киевскую землю. Интересны в связи с этим слова Святослава Ольговича, сказанные в ответ на угрозу Изяслава Давидовича лишить его Чернигова: «Господи! вижь мое смирение, колико на ся поступахъ, не хотя крови пролити хрестьянский, отцины своея погубити, взяти Черниговъ с 7-ю городъ пустыхъ, Моровиескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а в нѣхъ сѣдять псареве же и Половци». Именно за общение черниговских князей Олега Святославича и его сыновей Всеволода и Святослава с половцами народ не любил их.

Города. Черниговская земля была покрыта густой сетью населенных пунктов. Большинство из них представляло собой небольшие поселения, феодальные замки, крепости. Среди городов своими размерами выделялись Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Курск, Брянск, Стародуб, расположенные на Десне и ее притоках. Они играли важную роль в историко-культурной, экономической и политической жизни не только Черниговской земли, но и всей Руси.

Стольный город Черниговской земли — Чернигов, расположенный на важной водной магистрали — Десне, уже с конца IX — начала X в. выступал как важный политический и экономический центр Руси, и это свое значение он сохранял до монголо-татарского нашествия. В XII в. город состоял из кремля, занимавшего высокий выступ между Десной и Стрижнем, окольного града, прилегающего с севера к кремлю и укрепленного вторым поясом валов, а также предместья с острогом. Общая длина его укреплений составляла около 6,5 км. Кроме того, вокруг Чернигова находились пригородные села, боярские и княжеские усадьбы, феодальные замки, монастыри, тесно связанные с городом. Летопись называет такие пригородные пункты, как Гюричев,

Свенковичи, Гостиничи, Крирев, Семинь.

Чернигов связывали дороги с наиболее отдаленными уголками Черниговской земли, а также с Киевом. К последнему вели две дороги: одна — вдоль правого берега Десны через Гущино, Шестовицу, Моровийск, Лутаву, Вышгород, вторая — по левому берегу Десны через Остерский городок. Важное значение имели пути на Любеч — северный форпост Черниговщины (в Чернигове одни из ворот имели название Любечских), а также на Новгород-Северский, Стародуб, Вщиж и в землю вятичей. И, наконец, от Чернигова отходил еще один, возможно, такой же древний, как и киевский, юго-восточный (условно хазарский, или тмутараканский) путь, ведущий в донские степи к Саркелу и Тмутаракани.

На протяжении XII—XIII вв. Чернигов расширялся территориально, застраивался монументальными зданиями, укреплялся дополнительными линиями валов. В это время он стал центром высокоразвитого ремесла. В XII в. на территории кремля был сооружен один из лучших соборов Руси — Борисоглебский; в 1174 г. в пределах княжеского двора Святослав Всеволодович построил Михайловскую церковь; под 1186 г. летопись сообщает об окончании строительства Благовещенской церкви; в конце XII или в начале XIII в. на черниговском торге была возведена Пятницкая церковь. К строениям XII в. относится и Успенская церковь Елецкого монастыря. Появление такого количества монументальных сооружений в Чернигове объясняется соперничеством черниговских князей с киевскими и в ратных делах, и во всех других сферах.

Многочисленные разноцветные глазурованные плитки, мозаика, фрагменты резного белого камня, фигурная плинфа, которыми украшались архитектурные сооружения Чернигова XII—XIII вв., свидетельствуют о высоком уровне развития этих отраслей ремесла. Черниговские ремесленники изготовляли также оружие, ювелирные украшения, предметы быта, орудия труда.

Чернигов был крупным феодальным центром. За его крепкими стенами сосредоточивались дворы представителей знати — князей, бояр, воевод, владения которых находились не только вблизи стольного города, но и на значительном удалении от него. Села и замки тянулись от Ольгового поля под Черниговом до Сновска, Боловоса и Любеча. Об их значении в экономической жизни свидетельствуют слова черниговских князей, которые, жалуясь на великого киевского князя Изяслава Мстиславича, говорили: «А се пакы Изяславъ пришедъ опять к Чернигову, ставъ на Ольговѣ полѣ, ту села наша пожгли оли до Любча, и всю жизнь нашю повоевали». О размерах богатства, добытого руками смердов и холопов и сосредоточенных в таких княжеских и боярских селах, дает наглядное представление летописная статья 1146 г., повествующая о разграблении села Игоря Ольговича под Путивлем.

В конце XI в. по решению княжеского съезда в Любече на базе старой Сновской тысячи было образовано Новгород-Северское княжество. Главным его городом стал Новгород-Северский на Среднем Подесенье, который возник еще в X в., а в середине XII в. превратился в один из значительных городов Черниговской земли. Летописное известие 1152 г. об осаде Новгорода-Северского войсками Изяслава Мстиславича характеризует город как большую и сильную крепость, которую так и не удалось взять великому князю: «Мѣсяца февраля,— говорится в летописи,— поидоша полкы своими к городу и ту начаша ся бити в города у острожныхъ воротъ, и тако вбодоша ѣ въ градъ и острогъ

Пятницкая церковь в Чернигове. Конец XII в. *Реконструкция П. Г. Барановского*

в нихъ изътяша и яко же выидоша изъ острога, и отступяче отъ града, идоша в товары своя».

Формально новгород-северские князья подчинялись Чернигову, но фактически проводили самостоятельную, независимую политику, которая очень часто шла вразрез с интересами черниговских князей. Это иногда приводило к тому, что Новгород-Северское княжество попадало в зависимость от князей суздальских, а еще чаще — киевских. В 1159 г. Святослав Черниговский в ответ на угрозу киевского князя Изяслава Давидовича отнять Чернигов упрекает его, что тот и так «всю волость Черниговскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ: и то ему не досыти, но велить ми изъ Чернигова пойти».

Наибольшими городами Посеймья были Курск и Путивль, получившие свои названия от небольших притоков Сейма — Путивльки и Кур. Курск как центр Посеймья упоминается в летописи в конце XI в., но возник город значительно раньше. Как свидетельствует «Житие Феодосия Печерского», в Курске еще во времена Ярослава Мудрого сидел киевский посадник. Как пограничный город Черниговской земли Курск постоянно подвергался нападениям кочевников. Когда Андрею Владимировичу вместо Переяслава предложили Курск, он ответил: «Лучше того мне смерть на своей отчине и на дедине, нежели Курское княженье».

Со второй половины XII в., с усилением нападений кочевников, Курск утратил значение главного города восточной части Северской земли. Таким городом, возможно, стал Путивль, расположенный в нижнем течении Сейма. Летописная статья 1146 г. (первое письменное упоминание о Путивле) описывает его как большой город с многочисленным населением, мощной крепостью. Дружина великого киевского князя Изяслава Мстиславича длительное время безуспешно штурмовала укрепления Путивля. «И тако приступиша къ граду не вдашася имъ Путивлечи, дондеже приде Изяславъ съ силою Киевьскою. О немъ же кръпко бющимъся съ града». Только получив от Изяслава обещание не разрушать города, путивляне прекратили сопротивление. Киевский князь, однако, не сдержал слова. Из Путивля был выведен посадник черниговского князя Святослава, а город подвергнут разграблению. «И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части... и церковь святого Вознесения всю облупиша, съсуды серебреныя, и индитьбъ и платы служебныя, а все шито золотомъ, двѣ, и кадѣлницѣ и кацьи, и уангелие ковано, и книгы, и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все раздѣлиша, и челеди 7 сотъ». Во второй

Серебряная чаша из Чернигова. Византийская работа. XII в.

половине XII в. Путивль стал стольным городом одной из линий черниговских Ольговичей. В 1185 г. в ранге путивльского князя упоминается Владимир Игоревич.

С середины XII в. в связи с натиском на юго-восточные рубежи Черниговской земли кочевников быстрыми темпами проходил процесс заселения и освоения земель вятичей. Тут возникали новые и расширялись старые города и феодальные замки Вщиж, Вятич, Брянск, Ормин, Карачев, Козельск, Мценск, Дедославль и др. В 1142 г. за владение Вятичской землей возникли споры между великим князем Всеволодом и его братьями. Как свидетельствует летопись, великие киевские князья из династии Ольговичей рассматривали Вятичскую землю как свою вотчину. Главным городом Верхнего Подесенья в это время стал Вщиж. В 1156 г. племянник черниговского князя Изяслава Давидовича Святослав Владимирович бежал из Березного «во Вщижь, и зая у него все городы Подесенскыя». В 1167 г., после смерти Святослава Владимировича, вщижским князем стал сын Изяслава Всеволодовича.

Археологические исследования Вщижа (Б. А. Рыбаков) показывают, что значительное расширение его территории произошло в середине XII в. В это время не только детинец, но и посад был окружен мощными валами и крепкими деревянными стенами. На посаде была построена каменная церковь. Найденные здесь топоры, кирки, зубила и долота, сковородки, многочисленные керамические, стеклянные и ювелирные изделия свидетельствуют об интенсивном развитии вщижского ремесла, продукция которого, очевидно, удовлетворяла потребности значительной округи. Наличие во Вщиже таких высокохудожествен-

ных изделий, как бронзовые арки работы мастера Константина, бронзовый водолей, украшенный лиможскими эмалями подсвечник, указывает на большое торговое значение этого города.

Любеч — один из древнейших городов Руси — в конце XI в. стал княжеским замком. Город окружали мощные стены из глины и дубовых срубов, а замок, который играл роль кремля, имел еще и свою сложную систему укреплений. Расположенный на обособленной горе площадью 35×100 м, которая отделялась от города глубоким рвом, замок имел довольно густую многоэтажную застройку. Кроме высокой четырехъярусной рубленой башни-донжона, где жил воевода или посадник Любеча, большого княжеского двора с двухэтажным дворцом, небольшой церкви в замке располагался хозяйственный комплекс, помещения которого имели многочисленные погреба и амбары для продовольственных запасов. По подсчетам Б. А. Рыбакова, в Любечском замке могло разместиться от 200 до 250 человек, и он мог выдержать осаду на протяжении года.

Любеч сохранял также значение городского центра, где развивались ремесло и торговля. На его посаде трудились гончары, стеклоделы, кузнецы, резчики по камню и кости, продукция которых обеспечивала потребности значительного района Черниговского княжества.

На берегу Днепровского залива в Любече была расположена пристань, где останавливались торговые суда, постоянно проходившие днепровским водным путем.

Политическая история. Политическое развитие Черниговского и Нов-

Серебряная чаша из Чернигова (фрагмент). Византийская работа. XII в.

город-Северского княжеств XII — первой половины XIII в. связано с деятельностью княжеских династий Ольговичей и Давидовичей, родоначальниками которых были сыновья Святослава Ярославича — Олег и Давид. Первый после неудачной попытки овладеть старшим столом земли сел в Новгороде-Северском, второй закрепился в Чернигове. Третий Святославич — Ярослав — получил, Муромо-Рязанскую волость, которая со временем попала в зависимость от Ростово-Суздальского княжества. В политической жизни Черниговщины и Новгород-Северщины с утверждением в них названных князей наметились два пути: Давид находился под влиянием Мономаха и не проявлял сепаратистских тенденций, а Олег, наоборот, стремился к обособлению от Киева.

После смерти Олега (1115) и Давида (1123) Черниговским князем стал Ярослав Святославич. Через пять лет его выгнал из Чернигова племянник Всеволод Ольгович, сидевший до того на далеком тмутараканском столе. Ярослав возвратился в свою Муромо-Рязанскую волость, где вскоре умер. Новгород-Северское княжество стало уделом Давидовичей.

Закрепившись на черниговском столе, Всеволод начал создавать коалицию Ольговичей против великого киевского князи Ярополка. Летом 1134 г., призвав на помощь половцев, Ольговичи осуществили опустошительный поход на Переяславскую землю. Ярополк поспешил ей на выручку, но в битве на Супое потерпел поражение и возвратился в Киев. В 1138 г. Ольговичи вместе с половцами опять напали на Переяславскую землю и даже готовились выступить на Киев, но, узнав, что Ярополк собрал большие силы, отступили к Чернигову. Притязания Всеволода Ольговича привели к тому, что по условиям Моровийского договора Черниговское княжество вновь лишилось Посеймья.

С 1139 г. черниговскими князьями стали сыновья Давида Владимир и Изяслав; в Новгороде-Северском сел сын Олега Святослав. Двоюродные братья не преодолели тех тенденций в политической жизни княжеств, которые определились еще при жизни их отцов. Давидовичи продолжали поддерживать Киев и почти постоянно выступали союзниками великого князя, Святослав Ольгович не рвал союзнических связей с его политическими противниками. Это неизбежно должно было привести к столкновению князей Черниговской и Новгород-Северской земель. Давидовичи, пытаясь восстановить единство своей земли, в союзе с великим князем Изяславом Мстиславичем двинулись на Новгород-Северский и обложили его. Не имея сил овладеть хорошо укрепленной крепостью, они начали грабить пригородные села, где сосредоточивались продовольственные запасы Ольговичей. Захватив около 4 тыс. лошадей, много хлеба, железа, меда, Давидовичи пошли к Путивлю, куда вскоре прибыл и Изяслав Мстиславич. Путивляне сдались, после чего Святослав Ольгович по совету бояр оставил Новгород-Северский и бежал в Карачев.

Около 1147—1148 гг. Давидовичи и Святослав Ольгович восстановили нарушенные отношения, и черниговская феодальная междоусобица прекратилась. Святослав Ольгович вернулся в Новгород-Северский. Его позиции еще больше окрепли, когда в 1149 г. Киевом овладел его союзник Юрий Долгорукий, высоко ценивший помощь новгород-северского князя. Святослав Ольгович опять получил Курск с Посеймьем, а также Сновскую тысячу, которую ему вынужден был уступить Изяслав Давидович. Увеличение владений Новгород-Северского княжества за счет земель одного из Давидовичей вызвало трения меж-

ду братьями, и они в дальнейшей борьбе между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким заняли разные позиции. Изяслав Давидович со своей дружиной воевал на стороне Изяслава Мстиславича, а Владимир Давидович поддерживал Юрия Долгорукого.

В битве на Руте в 1151 г. старший Давидович погиб. К Чернигову поспешил Изяслав Давидович, а Святослав Ольгович с племянником Святославом Всеволодовичем бежали в Новгород-Северский.

В 1152 г. Юрий Долгорукий решил наказать Изяслава Давидовича за его союз с великим киевским князем и за сожжение Остерского городка. Союзником его в новой кампании снова выступил Святослав Ольгович. Заняв Вятичскую волость и городки Мценск, Спаш и Глухов, Юрий Долгорукий со Святославом Ольговичем подошли к Чернигову, но, узнав о приближении значительных сил великого князя, вынуждены были отступить. Вскоре двоюродные братья заключили в г. Хоробре договор быть «за одинъ муж», но фактически не изменили своей политической ориентации: Святослав Ольгович, как и раньше, держался в стороне от киевских событий, Изяслав Давидович, принимал в них самое активное участие. Наверное, уже тогда у него возник замысел овладеть киевским столом.

В Черниговском княжестве временно воцарилось спокойствие, но после смерти Святослава Ольговича (1163) в нем опять начались междоусобицы. За Чернигов долгое время боролись двоюродные братья Олег Святославич и Святослав Всеволодович. Победил Святослав. Не сдержав обещания наделить волостями многочисленных родственников, Святослав Всеволодович вызвал этим против себя сильное недовольство. Свидетельства летописи о междоусобной борьбе Святослава Всеволодовича со своими двоюродными братьями интересны тем, что показывают, как Черниговское княжество постепенно дробилось на все более мелкие уделы.

До 1169 г. Святослав Всеволодович, занятый внутренними делами Черниговского княжества, не вмешивался в киевские дела. На какое-то время ему удалось примирить всех Ольговичей и даже осуществить вместе с Мстиславом Киевским несколько удачных походов на половцев. Но уже в 1169 г. в борьбе Андрея Боголюбского за старшинство Ольговичи выступили на стороне суздальского князя. Святослав Всеволодович направил в помощь войскам Боголюбского дружины своих двоюродных братьев Олега и Игоря. Во втором походе Боголюбского на Киев принял участие и сам Святослав, имея намерение овладеть великокняжеским столом. Однако осуществление своих планов Святославу пришлось отложить, поскольку в Черниговском княжестве разгорелась новая междоусобица. Новгород-Северский князь Олег Святославич на протяжении 1175—1176 гг. несколько раз нападал на Черниговскую землю, сжег Лутаву и Моровийск, ограбил села и замки вокруг Стародуба. Поход Святослава Всеволодовича, в свою очередь, на Новгород-Северский окончился его победой, и между князьями был заключен мир.

После убийства в 1174 г. боярами Андрея Боголюбского Святослав Всеволодович помог Михаилу и Всеволоду, которые жили в Чернигове, получить вотчину. Распространив таким образом свое влияние на Суздальскую землю, Святослав стал искать случая захватить Киев.

В 1178 г. Новгород-Северское княжество перешло к Игорю Святославичу, в Чернигове сел брат Святослава Всеволодовича Ярослав. 80-е годы XII в. характеризовались усилением борьбы русских дружин, возглавляемых киевским князем Свято-

славом, с половцами. Активное участие в ней приняли новгород-северские полки во главе с Игорем Святославичем. В 1183 г. в битве на р. Хирие они вместе с отрядами черных клобуков нанесли поражение недавним союзникам новгород-северского князя Кончаку и Кобяку. Эта первая самостоятельная победа Игоря над половцами окрылила его, и он больше не хотел делить славу со Святославом. Вместе с братом Всеволодом, племянником Святославом и сыном Владимиром Игорь осуществил еще один победный поход черниговских и новгород-северских дружин против половецких станов, оставшихся, по существу, беззащитными, поскольку главные силы половцев в это время вели борьбу со Святославом Всеволодовичем.

После победы войск Святослава Всеволодовича над половцами (1185) в поход против последних решил выступить и Игорь. Не сообщив о своих намерениях киевскому князю, Игорь с одной северской дружиной двинулся в Степь. По дороге к нему присоединились полки сына Владимира, княжившего в Путивле, а также племянника Святослава из Рыльска. Небольшой отряд «поганых» прислал ему и Черниговский князь Ярослав Всеволодович. Конечно, этих сил было мало для борьбы с таким сильным врагом, как половцы, и войско Игоря потерпело жестокое поражение, а сам он попал в плен. Летописец нарисовал ужасную картину: «Возмятошася городи Посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала во всемъ Посемьи, и в Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита». Трагедия на берегах Каялы открыла кочевникам «ворота на Русьскую землю». Больше других земель от половецких набегов того времени пострадало Черниговское княжество, которое практически некому было защищать. Энергичные меры великого киевского князя Святослава не давали желаемых результатов. Ярослав Всеволодович, хоть и собрал войско, выступать на половцев не решался. Давид Ростиславич привел свои полки до Триполя, но идти дальше также отказался. Тем временем Кончак опустошил Переяславскую землю и взял г. Рымов, хан Кза ограбил Путивльщину и сжег предместье Путивля.

После побега из половецкого плена Игорь на протяжении нескольких лет вел безуспешную борьбу с половецкими ханами. После смерти Ярослава Всеволодовича, наступившей около 1198 г., он получил черниговский стол и занимал его четыре года.

С 1204 г. черниговским князем стал Всеволод Чермный, открыто начавший борьбу с Мономаховичами за Киев. Одновременно Ольговичи вели борьбу за галицкий стол, где Игоревичи — сыновья Игоря Святославича — вступили в конфликт с боярской оппозицией, поддерживавшей малолетних Романовичей — Даниила и Василька. Последующие четыре года прошли в борьбе Всеволода Чермного с Рюриком Ростиславичем, закончившейся тем, что князья «обменялися» столами.

С 1214 по 1224 г. в Черниговской земле сидели князья, не претендовавшие на киевский стол. Размеренное и относительно мирное течение жизни способствовало развитию экономики и культуры края. Поражение русских полков на р. Калке и гибель черниговского князя Мстислава Святославича фактически не отразились на политическом развитии княжества. Ольговичи, как и раньше, вели междоусобную борьбу; процесс дальнейшего дробления Черниговского княжества уже нельзя было остановить. Летопись называет такие уделы, как Черниговский, Козельский, Брянский, Карачевский, Стародубский, Вщижский, Сновский, Новгород-Се-

верский, Курский, Путивльский, Рыльский, Трубчевский, Липовецкий, Лопастенский, зависимость которых от черниговского князя все больше слабела. Накануне монголо-татарского нашествия на Русь Черниговское княжество окончательно распалось на мелкие уделы.

4. ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Территория. Города. Переяславское княжество как одна из трех частей древней Русской земли сложилось еще до раздела ее между сыновьями Ярослава Мудрого. В отличие от большинства других княжеств оно в XII — первой половине XIII в. фактически не имело политической самостоятельности и находилось в полной зависимости от Киева. Как правило, в Переяславе сидели князья, которые были первыми кандидатами на киевский стол или же получали этот город в виде компенсации за отказ от претензий на Киев. Поэтому в отдельные периоды, по воле великих князей, переяславские князья менялись чаще, чем посадники какого-нибудь пограничного городка.

Зависимость Переяславского княжества от Киева обусловливалась главным образом его географическим положением. На западе и севере границы Переяславской земли проходили по Днепру, Корани, Десне, Остру, на северо-востоке — по верховьям Удая, Сулы, Хорола и Псла. Крайний пункт на северо-западе — Остерский городок — стоял при впадении в Десну Остра. На востоке переяславские земли граничили со Степью, где полновластными хозяевами были кочевые народы. Киевские князья заселяли и укрепляли южные и восточные рубежи Киевской и Переяславской земель, в результате чего возник целый ряд оборонительных рубежей, в частности Посульский. От верховья Сулы до ее устья известно 18 древнерусских городищ, расположенных вдоль ее правого берега на расстоянии приблизительно 10 км друг от друга. Восемь из них отождествляются с городами, упоминающимися в летописях и других письменных источниках. К ним относятся: Ромны, Глинск, Синец, Кснятин, Лубны, Лукомль, Жовнин, Воинь.

Отдельные славянские поселения находились и за Сулой: Переволочна — в устье Ворсклы, Лтава — на Ворскле, Хорол — на одноименной речке, Донец — на Северском Донце. Они были основаны уже в XII в., когда русские дружины достигли значительных успехов в борьбе с половцами. Следует отметить, что ни одна из древнерусских земель не испытывала столько нападений и опустошений, как Переяславская.

Как и на юге Киевской земли, на переяславском степном пограничье оседали тюркоязычные племена: торки, берендеи, турпеи. До наших дней на Переяславщине сохранились названия, свидетельствующие о проживании тут черных клобуков. Это наименования сел Большая и Малая Каратуль (то же самое, что и каракалпаки — черные шапки), р. Корань и др. На Днепровском побережье Переяславщины жили турпеи, а в городках на Трубеже — Бронькняже и Баруче — торки. Бронькняж был расположен на северо-западной окраине современного с. Пристромы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области, на правом берегу Трубежа. Сохранились остатки городища и большого посада на высоком коренном берегу. Баруч находился на месте современной Барышевки Киевской области. Остатки городища существуют и сейчас.

Центр княжества — Переяслав был выгодно расположен недалеко от

Днепра, при впадении р. Альты в Трубеж. Город упоминается уже на первых страницах летописи. В XII — первой половине XIII в. Переяслав превратился в один из крупнейших южнорусских городов, стал первоклассной крепостью, игравшей выдающуюся роль в борьбе Руси с кочевниками. Кроме небольшого, но сильно укрепленного замка, занимавшего возвышение между речками Альтой и Трубежом, Переяслав имел огромный посад, обнесенный мощной оборонительной стеной длиной около 3,5 км. Половцы, часто нападавшие на Переяславскую землю, ни разу не смогли овладеть ее стольным городом.

К востоку и юго-востоку от Переяслава, начиная от поймы Днепра, были сооружены высокие земляные валы. Первый — «большой вал» — перерезал дорогу на современную Золотоношу и тянулся до современного с. Строкова, а дальше — до р. Супоя, второй — «малый вал» — проходил параллельно первому на расстоянии около 10 км и также поворачивал в направлении р. Супоя. Эти валы упоминаются в летописи под 1095 г., когда половецкие ханы Итларь и Китан пришли к Владимиру Мономаху просить мира, а также под 1149 г., когда Юрий Долгорукий выступил на Киев. «И стоя 3 дни у Стрякве, а четвертый день поиде от Стрякве мимо городъ, по зори, исполцився, и ста межи валома».

Переяслав был также крупным церковным центром, на что указывают не только летописные сообщения, но и остатки фундаментов многочисленных культовых сооружений. В первой половине XII в. юрисдикция переяславской епископии распространилась также и на Смоленскую землю. Епископский замок — дворец рядом с Михайловской церковью — свидетельствует о значительном богатстве переяславской епархии. Археологические исследования в соединении с летописными данными показывают, что Переяслав был крупным экономическим центром с высокоразвитым ремеслом и торговлей.

Вокруг Переяслава располагались княжеские феодальные дворы, села и замки. Летопись называет среди них княжеский красный двор, села Стряков, Кудново, Мажево, Янчино, г. Устье. Последний находился при впадении Трубежа в Днепр и занимал небольшое возвышение на его правом берегу. Город Устье был днепровской пристанью Переяслава, а также сторожевой заставой на Зарубском броде через Днепр.

На северо-западном рубеже Переяславской земли стояла известная крепость — Остерский городок, одинаково важная как для Киева, так и для Чернигова. В XII в. Остерский городок играл заметную роль в борьбе претендентов за Киев. В 1152 г. Изяслав Мстиславич, чтобы оставить своих противников без сильной крепости, разрушил укрепления Остерского городка, лишив его этим стратегического значения. В конце XII в. (1195 г.) укрепления и церковь Остерского городка были восстановлены Всеволодом Суздальским, который направил туда своего тиуна Гюрю.

На Трубеже летопись упоминает городки-крепости Баруч и Бронькняж, на Удае — города Прилуки, Переволока, Полкостень. Больше всего городов Переяславской земли располагалось на Суле, служившей юго-восточной границей древней Руси. По своему характеру это были прежде всего крепости, но некоторые из них (Лубны, Жовнин, Воинь и др.) имели важное значение и как крупные торгово-ремесленные центры.

Воинь, расположенный в устье Сулы, на протяжении почти трех столетий стоял на страже южных рубежей Руси. Город, площадь которого составляла 28 га, делился на замок и посад. Замок был обнесен мощной

стеной, состоявшей из поставленных в ряд срубов, засыпанных землей. Над городнями находились заборола, а под валом проходил глубокий ров. Воинь имел укрепленную гавань, куда заходили торговые суда, идущие по Днепру. Значительную часть жителей города составляли воины. Население занималось также ремеслом (тут найдены кузнечные, слесарные, деревообрабатывающие и другие инструменты), торговлей (во время раскопок обнаружено много привозных предметов) и сельским хозяйством (об этом свидетельствуют сельскохозяйственные орудия и остеологические остатки). Очевидно, и все остальные города Посульской оборонительной линии имели аналогичную структуру и отличались только деталями.

О характере городов таких, как Лутава, Голтав, Хорол, возникших в XII в., сказать что-нибудь определенное трудно, поскольку они недостаточно исследованы археологами. Можно только утверждать, что их появление связывалось с успехом наступательной антиполовецкой борьбы.

Политическая история. Пограничное положение Переяславской земли вынуждало ее князей быть активными участниками, а нередко и инициаторами борьбы с половцами. Среди них особенно выделялись Владимир Мономах, его сын Ярополк и Владимир Глебович.

Сын Владимира Мономаха Ярополк занимал переяславский стол с 1113 по 1132 г. Главным в его деятельности в Переяславе было укрепление границ своей земли. В 1116 г. он захватил смоленский город Друцк, взял в плен его жителей и переселил их на пограничную Сулу, где построил для них крепость Жовнин. По приказу Мономаха Ярополк осуществил победный поход в степь и захватил три половецких города — Сугров, Шарукань и Балин. Из похода Ярополк привез пленницу, дочь ясского князя, ставшую его женой.

В 1125 г., узнав о смерти грозного Мономаха, на Переяславскую землю снова напали половцы. Они дошли до Баруча и Бронькняжа, надеясь на предательство переяславских «поганых», но потерпели неудачу. В битве на Суле переяславские полки, руководимые Ярополком, одержали блестящую победу: «часть их (половцев.— *Ред.*) избиша, а часть ихъ истопе в рѣкѣ».

Ярополк вместе с братом Мстиславом, великим киевским князем, принял также участие в ликвидации конфликта между Ольговичами. Летописная статья 1128 г. свидетельствует, что Ярополку удалось в это время расширить свои владения за счет Черниговского Посеймья. Когда семитысячный отряд половцев, спешивший на помощь Всеволоду, остановился вблизи Выря, то на р. Локне ему пришлось столкнуться с посадниками Ярополка: «Изоимавше Ярополци посадници на Локнь».

В 1132 г. Ярополк по завещанию Мономаха занял великокняжеский стол. Переяслав он отдал старшему сыну Мстислава Всеволоду. Переход Всеволода из Новгорода должен был означать, что именно он будет преемником Ярополка на киевском столе. Мономаховичей такая перспектива не устраивала, и они начали борьбу за Переяслав. Сам по себе город не слишком интересовал князей, но он давал реальную возможность овладеть Киевом.

Своим завещанием Мономах хотел установить твердый порядок унаследования великокняжеского стола, исключив из борьбы за него своих младших сыновей, но в действительности внес еще больше путаницы в это дело. Ни Вячеслав, ни Юрий, ни другие младшие Мономаховичи не желали добровольно уступить Киев Мстиславичам.

Пробыв в Переяславе с утра до обеда, Всеволод Мстиславич был изгнан оттуда своим дядей Юрием Долгоруким. Но сам Юрий также не смог задержаться на переяславском столе; через восемь дней его выгнал Ярополк и передал Переяслав сыну Мстислава Изяславу. Боясь укрепления позиций Мстиславича, который вынашивал планы относительно Киева, Ярополк в том же году силой («с нужею») вывел его из Переяслава, куда посадил своего брата Вячеслава. Этот князь, несмотря на уговоры Ярополка, сам оставил Переяслав и возвратился в Туров.

Так весной 1134 г. переяславский стол оказался свободным. Этим воспользовался Юрий Долгорукий. Он обратился к Ярополку с просьбой отдать Переяслав ему, а взамен предложил Суздаль и Ростов и некоторые другие земли. Ярополк согласился, чем вызвал сильное неудовольствие племянника Изяслава и Ольговичей, заключивших с ним мирное соглашение. Походы Ярополка с Юрием на Чернигов и Ольговичей с Изяславом Мстиславичем на Переяславскую землю привели к взаимным опустошениям земель и окончились переходом Переяслава к младшему Мономаховичу — Андрею. Это должно было примирить Мономаховичей с Мстиславичами. Недовольными остались только Ольговичи. Они напали на Посулье и подступили к Переяславу. В Лаврентьевской летописи читаем: «В то же лѣто почаша с Ольговичи рать имѣти и начаша воевати села и городы по Сулѣ, и придоша к Переяславлю, и многы пакости сотвориша и Устье пожгша». Осада Переяслава и его штурм оказались безрезультатными, и Ольговичи отступили в верховья Супоя. Через два года, призвав на помощь половцев, они снова напали на Посулье. «И быша области Переяславльской отъ Половцевъ и отъ своихъ вельможъ великая тягость».

В 1140 г. Всеволод Ольгович решил перевести Андрея Владимировича из Переяслава в Курск, а переяславский стол передать своему брату Святославу. Андрей, поддержанный местными жителями, не согласился на предложение Всеволода. Направленный против Переяслава Святослав Ольгович потерпел поражение, и Всеволод вынужден был заключить с Андреем мирное соглашение, по которому великий киевский князь отказался от своих претензий, однако Переяславская земля осталась в подчинении Киева.

После смерти Андрея Владимировича (1141) Всеволод снова посадил в Переяславе Вячеслава, чем вызвал неудовольствие братьев, особенно Игоря, который претендовал на переяславский стол. Совместно с братом Святославом он напал на Переяславскую землю и даже обложил ее стольный город, но вынужден был отступить. Ольговичи не оставляли своих притязаний на переяславский стол, и Вячеслав искал случая, чтобы оставить его. В 1142 г. он вторично возвратился в Туров, а в Переяславе, по согласию Всеволода, утвердился Изяслав Мстиславич.

Став переяславским князем, Изяслав начал активную подготовку к борьбе за Киев. Для этого он в 1143 г. осуществил поездку к Юрию в Суздаль, а потом — к брату Святополку в Новгород. Переговоры с суздальским князем не дали желаемых результатов, поскольку Юрий сам лелеял мечту о Киеве; братья Святополк и Ростислав Смоленский обещали помощь. Со Всеволодом Изяслав поддерживал добрососедские отношения, хотя они и не были искренними. Всеволод тайно от Изяслава обещал киевский стол брату Игорю, а Изяслав, осуществляя совместно с великим князем походы на Галич, вел переговоры с его воеводами и боярами, склоняя их к отступничеству.

Укрепление позиций Изяслава Мстиславича и утверждение его на

великокняжеском столе вызвали решительное противодействие со стороны Юрия Долгорукого. Заручившись поддержкой Ольговичей, он начал борьбу за Киев. Снова, как и раньше, в центре внимания князей-соперников оказался Переяслав, служивший ключом к Киеву. На протяжении 1149—1150 гг. Юрию Долгорукому несколько раз удавалось овладевать Переяславом и даже посадить там своего сына Ростислава.

Через некоторое время Переяслав перешел к другому сыну Долгорукого — Глебу, который еще при жизни брата добивался этого стола, но уже в 1151 г. переяславским князем стал Мстислав Изяславич. Будучи решительным противником любых союзов с половцами, в том же году Мстислав осуществил против них успешный поход, во время которого нанес поражение их войску в битвах на речках Угле и Самаре. Половецкие станы были разрушены и уничтожены; дружинники Мстислава захватили много пленных и, кроме того, освободили из половецкой неволи русских пленников. В 1158 г. половцы напали на Посулье, но, узнав, что против них выступил Мстислав Изяславич, быстро отошли в Степь. Кроме борьбы с половцами Мстислав принимал активное участие в походах своего отца против галицких князей. Переяславский полк Мстислава был одной из ударных боевых единиц в известной битве в 1154 г. на Серете.

После смерти Изяслава Мстиславича Переяславская земля снова стала театром военных действий, поскольку путь в Киев, как и раньше, лежал через Переяслав. Дружина Глеба Юрьевича в союзе с многочисленными половцами обложила город, но переяславцы под руководством князя Мстислава Изяславича отбили все атаки. Потеряв надежду на успех, Глеб Юрьевич отступил к верховьям Сулы и Удая. Тем временем между Ростиславом и Мстиславом Изяславичем возникли серьезные споры о владении Киевом. Узнав, что Ростислав уступил великокняжеский стол в пользу Изяслава Давидовича, Мстислав прекратил борьбу с Юрием Долгоруким и его союзниками и добровольно оставил переяславский стол.

Переяславским князем снова стал Глеб Юрьевич, правивший тут до 1169 г. Он являлся, по существу, подручным киевских князей. Изменилась его политика и по отношению к половцам. Поняв, что Переяславская земля стала его вотчиной надолго, Глеб Юрьевич стал активным участником всех походов русских князей против половцев. В 1165, 1168, 1169 гг. переяславский полк под его водительством в составе войск киевского князя охранял торговые караваны русских купцов. В 1169 г. Глеб Юрьевич принял участие в походе на Киев, а вскоре стал великим киевским князем. Переяслав он отдал сыну Владимиру.

О первых годах деятельности юного князя в летописи нет никаких упоминаний. В 1173 г. он с переяславским полком принимал участие во втором походе войск Андрея Боголюбского на Киев. Позже, когда в Киеве окрепли позиции Ростиславичей, Владимир Глебович стал их верным союзником. Одновременно он помогал суздальскому князю Всеволоду в его борьбе с Глебом Рязанским.

В последней четверти XII в. половцы усилили натиск на Русь. Остановить его можно было только объединенными усилиями всех русских княжеств. Организатором антиполовецкой борьбы, как уже отмечалось, выступил Святослав Всеволодович; его поддержали и все южнорусские князья. Они осуществляли военные походы в Степь как под руководством киевского князя, так и самостоятельно. В 1183 г. в поход против половцев выступили дружины новгород-северского князя Игоря и переяславского князя Владимира, но до конца дове-

сти его не сумели. В походе князья рассорились, и Владимир Глебович вернулся обратно. В следующем году переяславский князь принял участие в новом военном походе против половцев, организованном Святославом Всеволодовичем. Он возглавил передовой полк, состоявший из 2100 переяславцев и берендеев, и в первом же бою нанес сокрушительное поражение половцам. На р. Орели Святослав довершил разгром кочевников; в руки победителей попало более 7 тыс. пленных, среди них — грозный половецкий хан Кобяк.

В ответ на это половцы, объединив свои силы и собрав огромное войско во главе с ханом Кончаком, в 1184 г. напали на Посулье. Навстречу половцам выступили киевские князья Святослав и Рюрик, а также переяславский князь Владимир Глебович, который уже успел зарекомендовать себя в походах против половцев осторожным и опытным полководцем. На р. Хороле отряд Владимира Глебовича неожиданно напал на половецкий лагерь и заставил Кончака отступить.

После неудачного похода новгород-северского князя Игоря опасность для Переяславской земли значительно усилилась. В 1185 г. Кончак напал на Посулье, захватил все пограничные города и подошел к Переяславу. Владимир Глебович организовал оборону города. Бой длился целый день. Под вечер половцы прорвали укрепление посада, угрожая непосредственно острогу. Тогда небольшой отряд переяславцев осуществил отчаянную вылазку и вместе с переяславским ополчением завязал бой под стенами города. Удар защитников города оказался настолько неожиданным и сильным, что половцы вынуждены были снять осаду Переяслава и отойти в Степь. На обратном пути они захватили переяславский город Рымов и подвергли его страшному опустошению. «Се у Римъ кричать подъ саблями половецкыми, а Володимиръ под ранами»,— говорит об этих трагических событиях автор «Слова о полку Игореве».

В 1187 г. половцы снова подступили к южнорусской границе, но были встречены войсками князей Святослава, Рюрика и Владимира Глебовича, шедшего в авангарде русских дружин, и отогнаны в Степь. В этом походе переяславский князь простудился и вскоре умер.

Владимир Глебович — последний переяславский князь, оставивший довольно заметный след в истории. В последнее десятилетие XII — и в первой половине XIII в. Переяслав или вообще не имел своего князя и находился под властью великого киевского князя, или переходил к Всеволоду Юрьевичу. В 1193 г., когда Святослав Всеволодович вел переговоры с левобережными половцами в интересах Переяславской земли и когда половцы осуществили опустошительный набег до самого Переяслава, летопись не упоминает об участии в этих событиях переяславского князя. Очевидно, Переяслав в то время своего князя и не имел. Переяславская земля рассматривалась Святославом Всеволодовичем как часть великокняжеских владений. После его смерти положение изменилось. Рюрик Ростиславич по просьбе Всеволода Суздальского отдал Переяславскую землю, как, кстати, и некоторые другие киевские уделы, его сыну Константину. В 1198 г. Константин Всеволодович вместе с отцом осуществил военный поход против половцев, во время которого они дошли до Северского Донца, но так и не встретили противника. Неспокойная жизнь в Переяславе не пришлась Константину по нраву, и в 1199 г. сюда прибыл новый князь Ярослав Мстиславич, племянник Всеволода, но в том же году он умер. Более двух лет Переяслав оставался без князя, и только в 1202 г. его отдали еще одному сыну Всеволода Ярославу.

Между 1210 и 1214 гг. Переяслав находился в руках киевского князя Всеволода Чермного, а в 1215 г. переяславским князем стал Владимир Всеволодович. Правление его совпало по времени с новым походом половецких орд на Переяславскую землю. В битве на Ворскле дружина Владимира Всеволодовича одержала блестящую победу. Вскоре половцы снова неожиданно напали на Переяславскую землю, и Владимир вынужден был без должной подготовки выступить против них. В бою на Хоро́ле переяславские полки потерпели поражение, часть войск погибла, остальные вместе с князем попали в плен. Только в 1218 г. Владимир Всеволодович был выкуплен из половецкой неволи.

После битвы на Калке, в которой переяславские полки принимали активное участие, в Переяславе сел Олег Святославич, в руках которого находился еще и Курск. В 1227 г. Олег возвратился в Чернигов, а Переяслав отдал Всеволоду Константиновичу. Однако, как и отец, Всеволод мало подходил для роли переяславского князя. В 1228 г. им стал Святослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого. Это был последний князь, о котором упоминает летопись. Дальнейшая судьба княжеского стола Переяславской земли остается неизвестной. Не исключено, что Переяслав больше вообще не имел князя, а управлялся епископом. Накануне монголо-татарского нашествия такая ситуация не могла не иметь губительных последствий.

5. ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Территория. Волынь была сравнительно небольшой западной окраиной Древнерусского государства. Зависимость ее от Киева, а позже и от Галича привела к тому, что определить более или менее стабильные границы этой земли очень трудно. На востоке рубеж между Киевской и Волынской землями проходил по среднему течению рек Стыри, Горыни и Случи. В конце XII — начале XIII в. вокруг этой пограничной линии между киевскими, галицкими и волынскими князьями возникали довольно частые недоразумения, а приблизительно с 30-х годов XIII в. Погорынье окончательно отошло к Волыни. В 1227 г. князь Даниил Романович выгнал Ярослава из Луцка и передал город своему брату Василько, а также выделил ему Пересопницу, Берестье, Черторыйск, Ярослав получил Перемышль и Межибожье.

Северная граница волынских земель проходила от впадения р. Турии в Припять до водораздела Пины и Муховца. Тут летопись называет такие волынские города, как Турийск, Любомиль, Мельница, Камень, Кобрин.

На западе граница Волыни была одновременно и государственной границей Руси с Польшей. Проходила она от устья р. Нуры дальше на юг через верхнюю Кросну, вдоль Тисменицы и Вепра. Конечно, границы эти до некоторой степени условны, поскольку и на запад от очерченной линии находились древнерусские населенные пункты. Земли между Бугом и Вислой можно считать русско-польским этническим пограничьем, из-за которых тогда не раз возникали конфликты. В 1213 г. Даниил Романович отобрал у польского князя Лешка «Берестии и Угоровескъ и Верщинъ, и Столпъе, Комовъ и всю Украину», захваченные Польшей.

Несмотря на возникавшие столкновения, волынские и польские князья

неоднократно заключали между собой соглашения, которые нередко закреплялись брачными связями. Польской помощью пользовались Давид Игоревич в борьбе со Святополком и Ярослав Святополкович в борьбе с Мономахом. В свою очередь, польские княжичи находили поддержку на Волыни. Так, Ярослав Святополкович предоставил убежище сыну польского короля Владислава — Герману Збигневу, когда тот поссорился с братом Болеславом. Когда в Польше после смерти Болеслава Кривоустого началась борьба между сыновьями, Мстиславичи поддержали Болеслава Кудрявого, а великий князь Всеволод Ольгович — его старшего брата Владислава. Изяславу Мстиславичу оказывал помощь Болеслав Кудрявый, с которым киевский князь породнился, женив сына Мстислава на сестре польского князя. Роман Мстиславич также неоднократно обращался к своим западным соседям за помощью, а со своей стороны поддерживал польских князей.

Граница между Волынью и Галичиной до их объединения проходила от р. Сана по р. Любачевке до верховья Северного Буга и дальше до верховья Горыни и Серета. Крайними волынскими городами тут были Броды, Кременец. Южные рубежи Волыни не были стабильными. Они то опускались до линии Любачева, Божска и Плиснеска, то поднимались к Белзу и Перемышлю. Кстати, волынские князья из династии Изяславичей вообще мало заботились об этих землях. Они рассматривали Волынь как резерв в борьбе за Киев, а став великими князьями, считали ее своей далекой вотчиной. Конечно, при таких обстоятельствах Волынь и не могла иметь определенных стабильных границ. Только после Романа Мстиславича волынские князья занялись собиранием своей земли и начали интересоваться больше делами своих соседей, чем далеким Киевом.

Города. Волынская земля получила свое название от древнего ее центра — г. Волыня на Буге. Уже в начале XI в. он сошел с исторической арены и уступил место новому стольному городу Владимиру, основанному киевскими князьями на р. Луге почти в центре Волынской земли, недалеко от Волыня. Это было сделано с намерением подорвать власть местных волынских князей. На протяжении XI—XIII вв. Владимир был главным городом Волынской земли, а в начале XIV в. стал даже центром Галицко-Волынского княжества.

Владимир представлял собой большой город и хорошо укрепленную крепость. Когда в 1231 г. венгерский король подступил к нему, он, пораженный увиденным, воскликнул, что такого города нет даже в немецких краях. На стенах крепости стояли воины, у которых «блистахуся щити и оружници подобни солнцю». В 1260 г., когда хан Бурундай приказал разрушить ряд крепостей Галицко-Волынской земли, Владимир держался дольше, чем другие города. Василько, исполнявший распоряжение Бурундая, отмечал, что «зане немощно бысть разметати вборзѣ его величествомъ, повелѣ зажечи». Целую ночь горели укрепления столицы Волыни. Бурундаю этого показалось мало, и он приказал раскопать еще и валы города. Через укрепления в город вело несколько въездных ворот, среди них — Киевские и Гвидшины. Город занимал не только треугольник между речками Сточей и Лугом, но и тянулся вдоль левого берега Луга. Тут находились монастырские усадьбы, дворы князей и бояр. Летопись называет среди них Пятыдни, Хвалимичи, Житмань, Бужковичи.

О внутренней жизни г. Владимира, археологически почти не изученного, известно немного. Это был большой торгово-ремесленный центр Волынской земли. Как свидетельствует летопись, в нем в XIII в. размещались

торговые колонии немцев, сурожцев, новгородцев и евреев. Довольно высокого развития достигли тут такие отрасли ремесла, как оружейная, ювелирная, камнеобрабатывающая, гончарная.

Со времени своего основания Владимир стал епископским центром. В XII в. Мстислав Изяславич построил кафедральный собор св. Богородицы, который оставался до конца XVIII в. главным собором Владимира. Кроме того, летописи называют еще ряд храмов и монастырей, сооруженных в городе на протяжении XI—XIII вв.— церковь св. Димитрия, монастыри Святогорский, св. Михаила, св. Апостолов и т. д. Таким образом, Владимир представлял собой важный центр православия, что в условиях польско-католического соседства имело большое значение.

Из городов, расположенных вблизи Владимира и относящихся к Владимирскому княжеству XII в., следует назвать Любомль, Каменец, Червень — древнюю столицу Забужья, которую Даниил Романович перенес сперва в Угровск (где основал и епископскую кафедру), а затем в Холм.

Холм, основанный Даниилом Романовичем на высокой горе между р. Угоркой и небольшим ручейком около 1237 г., должен был играть роль волынского форпоста в борьбе с литовцами и ятвягами. Позже Холм настолько окреп и вырос, что, когда холмский посадник Даниил отказался по требованию Бурундая разрушить крепостные стены, последний не решился брать город силой.

Значительным городом Волыни был Белз. Он находился на р. Солокии, недалеко от впадения ее в Западный Буг, и был укреплен земляными валами. В XII в. город неоднократно упоминается в летописи в связи с княжескими междоусобицами. Начиная с последних десятилетий XII в. до первых десятилетий XIII в. Белз служил княжеской резиденцией, правда, младших волынских князей.

Много городов Волыни стояло по берегам Стыри и Горыни — Луцк, Божск, Пересопница, Дорогобуж, Перемышль, Кременец. Луцк был древним политическим центром славянского племенного объединения лучан. Это обстоятельство сыграло определенную роль и в середине XII в., когда с обострением междоусобной борьбы он снова стал центром значительной округи. Свое значение стольного города Луцкого княжества он сохранял до второй четверти XIII в. Из летописных сообщений XII—XIII вв. можно составить представление о городе как о значительном военно-стратегическом центре Волынской земли. Окруженный со всех сторон природными рубежами — водами рек Стыри и Глушца, Луцк был неприступной крепостью. Галицко-Волынская летопись свидетельствует, что еще во времена княжения в нем Ярослава Изяславича или его сыновей тут была основана епископская кафедра. В связи с этим в городе началось строительство каменных соборов и монастырей, среди которых выделялись церковь св. Дмитрия и Жидичинский монастырь с церковью св. Николая. В окрестностях Луцка располагались княжеские и боярские феодальные дворы и села. В летописи упоминается княжеский двор «У гаю».

Пересопница и Дорогобуж имели значение княжеских столов Волынской земли и представляли собой значительные центры Погорынья, которое до второй половины XII в. входило в состав Киевской земли, а в конце XII — начале XIII в.— Волынской.

Политическая история. Юго-западные княжества Руси — Волынское и Галицкое — возникли не в результате распада Киевской Руси. В то время, когда на эту территорию распространилась власть Киева, тут уже суще-

ствовали многочисленные города с господствующим классом феодалов, которые сумели объединить земли, населенные дулебами, тиверцами, хорватами, бужанами и другими племенами.

Волынская земля традиционно имела тесные связи с Киевом. Со времен Ярославичей великие киевские князья смотрели на эту окраинную древнерусскую землю как на свою вотчину и не хотели отдавать ее в наследственное владение. Волынь поэтому вплоть до середины XII в. не имела собственной династии князей; ею, как правило, непосредственно управляли из Киева или временами на владимирском столе сидели киевские ставленники.

Ярослав Мудрый послал в г. Владимир своего сына Игоря, а после того как Игорь в 1057 г. был переведен в Смоленск, Волынь длительное время вообще не имела князя. В 1078 г. Всеволод Ярославич передал Владимир Ярополку, но, прибавив к этому столу еще и Туров, по сути, подчеркнул одинаковый их статус подчиненности Киеву. В Ярополке Всеволод видел не самостоятельного князя, а своего наместника в далекой киевской вотчине.

Политика великих киевских князей относительно Волыни и Галичины, естественно, не находила поддержки среди местной земельной знати, и уже с конца XI в. началась ее борьба за обособление этих земель от Киева. Особенно сильную оппозицию киевскому князю составили младшие сыновья Ростислава Владимировича, которые в 90-х годах XI в. при помощи местного боярства начали объединение Галицкой земли. Раздел юго-западных волостей Руси на Галичину, где сидели Ростиславичи, и Волынь, которая попала в руки Давида Игоревича, утвержденный решением Любечского съезда князей, обусловил определенную специфику их дальнейшего политического развития. Галицкие князья проявляли тенденцию к формированию независимости княжества, волынские же считали свою вотчину временным владением на пути к киевскому столу.

Только со времени княжения Изяслава Мстиславича Волынь получила статус наследственной вотчины и надолго закрепилась за его родом. Характер отношений Волыни и Киева несколько изменился, но тесные связи сохранялись и дальше. Об этом свидетельствовало активное участие волынских князей в борьбе за киевский стол, их стремление объединить Волынскую и Киевскую земли.

Наряду с центростремительными тенденциями в политической жизни Волынского княжества имели место и центробежные. Они определились уже при первых Изяславичах. В 1156 г. в результате усиления Луцкого стола и претензий его князей на равенство с владимирскими на Волыни возникла внутренняя междоусобица. До перехода в Киев Мстиславу Изяславичу удавалось сохранять звание старшего князя земли, но позже, когда под натиском союзников Андрея Боголюбского он вынужден был оставить киевский стол и возвратиться на Волынь, его положение изменилось. По соглашению с братом Ярославом, заключенному около 1171 г., Владимирское и Луцкое княжества признавались равноправными и независимыми друг от друга.

Известие о смерти Мстислава Изяславича быстро дошло до Новгорода, где сидел его старший сын Роман. На совещании с волынской дружиной и новгородскими боярами он принял решение немедленно выступить на Владимир. «И сгадавше дружина, и рѣкоша ему: «не можемъ, княже, уже здѣ быти; а поиди къ братьи къ Володимирю». Роман занял владимирский стол. Его младшие братья в это время уже сидели в Белзе, Червене и Бресте. Вскоре Владимирское княжество

разделилось на Владимирскую и Белзско-Червенскую волости. Луцкое княжество после смерти Ярослава Изяславича перешло к его сыну Всеволоду, но также разделилось на две волости: Дорогобужскую и Пересопницкую.

Таким образом, в последней четверти XII в. Волынь как определенная политическая единица стояла на пороге нового дробления. Процесс обособления все меньших уделов, казалось, нельзя было остановить, поскольку многочисленным потомкам Изяслава Мстиславича нужны были княжеские столы.

Но произошло наоборот. На протяжении первых десятилетий XIII в. наблюдается обратный процесс: Луцкое и Владимирское княжества сначала восстановили свое внутреннее политическое единство, а затем объединились под властью потомков Романа Мстиславича.

6. ГАЛИЦКОЕ КНЯЖЕСТВО

Территория. Формирование Галицкого княжества происходило приблизительно в тех же условиях, что и всего Древнерусского государства. В его истории имели место неудержимое стремление галицких князей к укреплению своей власти и сепаратистские тенденции удельных князей и боярства, бесконечная борьба претендентов за Галич и народные движения, взлеты и спады могущества Галичины. На протяжении XII — первой половины XIII в. на исторической арене выступали такие государственные деятели Галицкой земли, как Владимирко Володаревич и Ярослав Осмомысл, Роман Мстиславич и Даниил Романович, которые в сложных условиях политической раздробленности древней Руси высоко держали авторитет своего княжества.

На северо-востоке Галицкое княжество граничило с Волынью, на востоке — с Киевской землей. Рубеж между ними проходил верховьями Горыни, Случи и Южного Буга. Колонизация южных земель началась еще в конце XI в. Сначала была освоена территория по верхнему и среднему течению Днестра, где летопись называет такие пункты, как Галич, Тысмяничи, Онут, Кучельмин, Кобин, Бакота, Ушица. Позже в состав Галицкой земли вошли земли, расположенные в верховьях Прута, а со второй четверти XII в. в политическую и экономическую зависимость от Галича попали земли Днестро-Дунайского низовья. Тут возникло оригинальное по своей политической структуре Берладское княжество с многоязычным торгово-промышленным населением, сосредоточенным в городах: Берлади, Белгороде, Черне, Ясском торгу на Пруте, Романовом на Молдове, Сочаве, Серете, Галаче, Бане и др. Вначале в них сидели посадники Василька Ростиславича, а потом и Владимира Мономаха. Об этом свидетельствует летопись: «В се же лѣто (1116.— *Ред.*) князь великий Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю». Во второй четверти XII в. Берладь получила статус княжеского города, и там время от времени сидел Иван Ростиславич. В борьбе за галицкий стол этот князь не раз пользовался поддержкой берладской вольницы.

Соседями Галицкой земли (Червенщины) на западе были Польша и Венгрия. Граница между ними проходила от устья Сана по водоразделу рек Вислока и Вислоки, дальше — по Карпатскому хребту до Семиградья и по Серету до Низовья. Карпатские горы были тем русско-венгерским пограничьем, которое периодически принадлежало то одной, то другой стороне. Характерно, что древнерус-

ские летописцы называют их горами «Угорськими», а венгерские — «Руськими». В состав Галицкого княжества входила также Закарпатская Русь. Юго-западные рубежи Галичины нашли чрезвычайно образное определение в «Слове о полку Игореве», где говорится, что полки Ярослава Осмомысла «подпирают горы Угорские», а сам он «закрыл ворота Дунаеви».

Города. Основными центрами Галицкой земли были Перемышль, Звенигород, Теребовль и Галич. В разные периоды истории Галичины значение их было неодинаковым.

Перемышль — один из древнейших городов Галицкой земли — возник на правом берегу Сана при впадении в него Вагры. Тут издавна проходил торговый путь из Регенсбурга через Прагу и Краков на Русь, на котором и вырос этот пограничный город. Имея достаточно сильную крепость, Перемышль служил западным форпостом земли, в окрестностях которого не раз происходили битвы галичан с врагами, в частности с венгерскими феодалами. После смерти Ростислава Звенигородского Перемышль, в котором сидел младший брат Ростислава Владимирко, фактически стал столицей Галицкой земли и оставался ею до 1141 г. В последующие годы город был столом младших членов галицкой княжеской династии и значительным церковным центром. Первое упоминание о перемышльском епископе встречается в летописи под 1220 г., хотя основание епископства относится, вероятно, к более древним временам. В 1240 г. перемышльский владыка вместе с воеводой рязанским Константином принимал участие в заговоре против Даниила Романовича, за что понес жестокое наказание.

Летопись, рассказывая о разгроме и разграблении двора епископа, рисует его как крупного феодала: «Владыку и слуги его разъграби гордые, и тулы ихъ бобровые раздра, и прилбичѣ ихъ волъчье и боръсуковые раздраны быша: словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвщу служити князю Данилу, раздраного акы связаного приведоша, сирѣчь, яко же рече приточникъ».

Вокруг Перемышля располагались города-крепости Любачев, Ярослав, Сан, занимавшие важные стратегические позиции на западных рубежах Галицкой земли.

Звенигород стоял на том же торговом пути, что и Перемышль, и занимал чрезвычайно выгодную позицию на водоразделе двух бассейнов — Бужского и Днепровского. На невысоком возвышении, со всех сторон окруженном болотистой поймой р. Белки, находился замок, который ни разу не был взят врагами. В 1144 г. от Звенигорода вынужден был отступить киевский князь Всеволод Ольгович, еще раньше в аналогичной ситуации оказался брат Владимира Галицкого Ростислав, который хотел лишить мятежного князя стола. В XI—XII вв. Звенигород был значительным торгово-ремесленным и культурным центром Галицкой земли. В его окрестностях летопись называет Городок, игравший роль крепости на пути к Галичу, а также Львов, быстрый рост которого вскоре лишил Звенигород его значения.

Теребовль впервые упоминается в летописи в конце XI в., когда там сел младший из Ростиславичей — Василько. Расположенный на притоке Днестра Серете, Теребовль служил тем галицким форпостом, откуда осуществлялась колонизация Днестро-Дунайского низовья. В первой половине XII в., когда возвысился Галич, Теребовль стал уделом младших галицких князей. В начале XIII в. в нем сидел сын Владимира Игоревича Изяслав.

Главным городом Галицкой земли с 40-х годов XII в. стал Галич. Быстрый рост и развитие города обусловливалось выгодным географическим

положением. Река Днестр была важным торговым путем; кроме того, в окрестностях Галича находились значительные залежи соли. «Киево-Печерский патерик» рассказывает, что во время войны киевского князя Святополка Изяславича с Володарем и Васильком в Киев прекратился подвоз соли из Галича. «И не пустиша гостий из Галича, лодий с Перемышля, и соли не бысть во всей Руськой земли».

Галич имел мощную крепость, расположенную на обрывистом возвышении между реками Луквой и Мозолевым Потоком. С юга ее окружали две системы двойных и тройных земляных валов и рвов. Город представлял собой также крупный торгово-ремесленный и феодальный центр, монастырские и боярские усадьбы которого простирались вдоль левого берега Луквы до самого Днестра. Тут, наверно, находилась и галицкая торговая пристань. На посаде и «подгородье» располагались ювелирные, гончарные, кузнечные и стеклодельные мастерские, жилища простых галичан, десятки храмов. Будучи крупным епископским центром, Галич быстро приобрел также значение культурного центра. В нем создавалась известная Галицко-Волынская летопись и другие письменные памятники XII—XIII вв. По свидетельству летописи в Галиче жили и творили хитрый резчик по камню Авдий, мудрый книжник Тимофей и гордый певец Митус.

Город с белокаменными храмами, украшенными резьбой и декоративной керамикой, с каменными и деревянными дворцами, мощными валами и деревянными стенами вокруг центральной части вызывал восхищение современников.

Политическая история. Формирование Галицкого княжества началось во второй половине XI в. Этот процесс связан с деятельностью основателя галицкой династии князей Ростислава Владимировича, внука Ярослава Мудрого. Правда, попытки Ростислава проводить независимую политику не увенчались успехом (под нажимом великого князя Изяслава он вынужден был оставить Галицкую землю), но дела отца продолжили три его сына — Рюрик, Василько и Володарь. Занимая княжеские столы, соответственно перемышльский, теребовльский и звенигородский, братья сообща противостояли намерениям великих киевских князей превратить Галичину в домен Киева. За тридцатилетие своего княжения в Галичине Василько и Володарь Ростиславичи заложили фундамент будущего могущества этой окраинной древнерусской земли. Около 1124 г. галицкими князьями стали сыновья Василька и Володаря: Юрий и Иван Васильковичи сели соответственно в Галиче и Теребовле, Ростислав и Владимирко Володаревичи заняли Перемышль и Звенигород. Раздел Галицкой земли на четыре части угрожал ей княжеской междоусобицей.

Начал ее Владимирко. Главный удар он направил против брата Ростислава, считавшегося старшим князем земли. Оба заручились поддержкой своих союзников: первый — венгров, второй — Васильковичей и киевского князя Мстислава. Съезд в Щирке, где бояре обоих князей старались достичь мирного соглашения, не дал желаемых результатов, и Ростислав выступил на Звенигород. Овладеть сильной крепостью ему не удалось, и он вынужден был прекратить осаду. Внезапная смерть Ростислава в следующем году разрешила конфликт. После его смерти Владимирко объединил Перемышльскую и Звенигородскую волости, а когда в 1141 г. не стало и обоих Васильковичей, перенес столицу княжества в Галич. Он фактически стал единым правителем Галицкого княжества. Правда, на пути к единовластию Вла-

димирка неожиданно стал его племянник Иван Ростиславич, наделенный от галицкого стола Берладским княжеством. В 1144 г. он потребовал и получил Звенигород. Около 17 лет Иван Ростиславич, называемый в летописи Берладником, вел с Владимирком, а затем и его сыном Ярославом безуспешную борьбу за галицкий стол.

В 1144 г. киевский князь Всеволод Ольгович с многочисленным войском, куда вошли и полки польского князя Владислава, выступил в поход против Владимирка. Не имея возможности взять хорошо укрепленную звенигородскую крепость, где находился князь, Всеволод повернул войска на Галич и Перемышль, чем вынудил Владимирка пойти на примирение и уплатить большую контрибуцию. Владимирко прилагал все усилия, чтобы отвратить угрозу от Галичины, а тем временем галицкие бояре, воспользовавшись его отсутствием, вели переговоры о приглашении на княжеский стол Ивана Ростиславича. Иван занял Галич, но продержался там только три недели. Осуществив неудачную вылазку из осажденного Владимирком Галича, он бежал на Дунай, а потом в центральные земли Руси. В Киеве Иван снискал благосклонность Всеволода и получил от него Вятичскую землю. Решением киевского князя был недоволен Владимирко, и между ними началась новая война.

Анализируя конфликт Владимирка и великого князя Всеволода, нетрудно заметить, что, хотя непосредственным поводом к нему служил Иван Берладник, причины его лежали значительно глубже. Всеволод Ольгович, проводя политику объединения древнерусских земель, стремился прибрать к рукам и Галицкую землю, против чего решительно выступал Владимирко. Киевские князья и в дальнейшем использовали изгойство Ивана Ростиславича в борьбе с сепаратизмом Галича, но без особого успеха.

В 1146 г. Иван Берладник получил вятичский удел и служил (за 12 гривен золота и 200 гривен серебра) Святославу Ольговичу. Затем он перешел на службу к Ростиславу Смоленскому, очевидно, надеясь на помощь его брата Изяслава, тогда киевского князя, в борьбе за Галич. Однако чаяния его не сбылись, и Берладник в 1149 г. перешел на сторону Юрия Долгорукого. По требованию Владимирка, женившего своего сына Ярослава на дочери Юрия, последний подверг Ивана заключению и держал его в суздальской тюрьме. Вскоре Берладника отбил Изяслав Давидович, пытавшийся в борьбе за великокняжеский стол нейтрализовать Ярослава Осмомысла. В 1158 г. из-за Берладника возник чуть ли не общеевропейский конфликт; его выдачи у Изяслава Давидовича требовали Ярослав Осмомысл, Ростислав Смоленский, Мстислав и Ярослав Изяславичи, Святослав Всеволодович, венгерский король и даже польские князья. Иван Ростиславич оставил Киев и пошел на Дунай, откуда во главе шеститысячного войска выступил на Галич. Под Ушицей на его сторону начали переходить смерды и холопы, и только измена половцев, которым Берладник запретил грабить и убивать русских, не дала возможности овладеть этой галицкой крепостью. Поход Изяслава Давидовича на Галич окончился тем, что он потерял великий стол и вместе с Берладником бежал в Вырь. В 1161 г. оба изгоя — киевский и галицкий — сошли с исторической арены; Изяслав Давидович погиб в бою под Белгородом, а Иван Ростиславич умер от яда в далеком византийском городе Салониках.

После смерти Всеволода Владимирко продолжал борьбу с его преемником Изяславом Мстиславичем, для чего заключил военный союз с

Юрием Долгоруким. За годы княжения (1141—1152) Владимирку удалось преодолеть сопротивление не только князей-претендентов на галицкий стол, но и местного боярства, в частности галицкого, издавна имевшего сильные позиции.

Расцвет Галицкого княжества приходится на время правления Ярослава Осмомысла (1152—1187). На пути к своему признанию ему пришлось столкнуться со значительными трудностями. Главная из них — борьба с боярством, не хотевшим смириться с потерей своего преимущественного влияния на дела княжества. В 1153 г., не сдержав слова, данного великому князю, Ярослав вынужден был вступить в военный конфликт с Изяславом. В битве под Теребовлем галицкие войска потерпели поражение. Князь Ярослав в ней участия не принимал, поскольку бояре под предлогом молодости запретили ему являться на поле боя. Как считают исследователи, действительной причиной было то, что бояре не очень доверяли Ярославу, недавно клявшемуся в верности Киеву. Серьезный конфликт между галицким боярством и Ярославом Владимировичем возник около 1159 г. Недовольные крутым нравом князя, бояре решили пригласить на княжеский стол его двоюродного брата Ивана Берладника, который находился в Киеве и вместе со своим покровителем Изяславом Давидовичем готовился к походу на Галич. Летопись так рассказывает об этих событиях: «Том же лѣтѣ поча рать Изяславъ Давыдовичъ на Ярослава на Галичьского, ища волости Иванови Ростиславичю, рекшему Берладнику: слахуть бо ся к нему Галичане, веляче, ему всѣсти на конѣ и тѣмъ словомъ поущивають его к собѣ, рекуче: «толику явишу стягы, и мы отступимъ от Ярослава».

В 1187 г. Ярослав Осмомысл умер, оставив галицким князем не сына Владимира, а внебрачного сына Олега «Настасьича». Такое решение Осмомысла положило начало новой междоусобице, которая чуть не привела к полному политическому упадку Галицкой земли. Главным действующим лицом последующих событий вновь выступило галицкое боярство. Несмотря на клятву Ярославу, бояре выгнали Олега из Галича и пригласили другого его сына Владимира, очевидно, надеясь, что, получив от них галицкий стол, он послушно будет исполнять их волю. Владимир, однако, повел себя иначе. Как замечает летопись, он «любезнивъ питию многому, и думы не любяшеть с мужми своими». Это довольно быстро привело к конфликту его с боярами, которые после переговоров с Романом Мстиславичем совместно выступили против Владимира. «Мужи же Галичкые приимше съвѣть Романовъ, совокупивше полкы своя и утвердившеся крестомъ, и восташа на князь свои». Владимир, «поимавъ злато и сребро много с дружиною, и жену свою поимя, и два сына», бежал в Венгрию. При помощи венгерского короля он пытался вернуть стол, но цели своей не достиг. Король Бэла III, захватив Галич, отдал его своему сыну Андрею, а Владимира вывез в Венгрию и посадил в тюрьму.

В 1189 г. Владимир Ярославич бежал из венгерского плена, «из Угоръ, из вежѣ каменое», и обратился за помощью к Фридриху I Барбароссе. Император согласился помочь бывшему галицкому князю, за что тот должен был ежегодно платить контрибуцию 2 тыс. гривен серебром. Поддержка императора, а также польского короля Казимира, обеспечила Владимиру возвращение Галича, в котором он просидел еще десять лет.

Со смертью Владимира (1199) династия Ростиславичей прекратила свое существование, а западные земли Руси окончательно потеряли свою политическую независимость. При

княжении Романа Мстиславича Галицкая земля объединилась с Волынской и Киевской. В его руках оказалась огромная территория древнерусских земель.

Победные походы дружин Романа на Литву, Польшу, Венгрию и половцев создали ему и княжеству высокий международный авторитет. В Галицкой земле нашел радушный приют византийский император Алексей Ангел, изгнанный в 1201 г. племянником Алексеем Исаковичем. В 1204 г. папа римский Иннокентий III предложил Роману Мстиславичу королевскую корону. После смерти Романа (1205) западные земли Руси вновь вступили в полосу смут и княжеско-боярских междоусобиц.

Старая земельная знать, пытаясь ограничить права своих князей, вела с ними постоянную борьбу, чем способствовала усилению междоусобиц, а нередко — и иностранной оккупации. Наибольшей остроты борьба феодальных группировок западных земель Руси достигла при малолетних сыновьях Романа Мстиславича — Данииле и Васильке. По воле галицких бояр Даниил унаследовал отцовский стол в четырехлетнем возрасте, но оставался на нем недолго. Поняв, что под давлением Рюрика и Ольговичей галицкие бояре готовы отступиться от Даниила, вдова Романа вместе с детьми бежала во Владимир — свою вотчину.

Через некоторое время над малолетними Романовичами и в отчем Владимире собрались тучи. Княгиня снова вынуждена была бежать. На этот раз она с детьми нашла убежище в Польше. Владимирский стол занял Святослав Игоревич.

Галицко-Волынское княжество распалось на уделы — Галицкий, Звенигородский и Владимирский. Это дало возможность Венгрии, где при дворе короля Андрея II воспитывался юный Даниил, постоянно вмешиваться в галицко-волынские дела, а вскоре и оккупировать западнорусские земли. Произошло это в 1209 г., когда галицкие и волынские бояре отступились от Игоревичей и лишили их столов. Приглашенные же в Галич венгры вели себя не как союзники галицких бояр, а как завоеватели: они совершали насилие и над простолюдинами, и над боярами. Это вынудило бояр теперь уже просить помощи у Игоревичей. В 1210 г. венгры были изгнаны из Галицкой земли, а князья Владимир, Роман и Святослав заняли соответственно галицкий, звенигородский и перемышльский столы.

Убедившись, что сильные и своевольные галицкие бояре, несмотря на все их обещания и клятвы, никогда не смирятся с второстепенной ролью в управлении княжеством, Игоревичи прибегли к жестоким репрессиям. За короткое время они уничтожили около 500 знатных бояр, остальные бежали в Венгрию. Террор не дал желаемых результатов, а наоборот, привел к новой иностранной интервенции.

В 1211 г. галицкие бояре в сопровождении венгерских и польских войск вторглись в Галичину, казнили Игоревичей, а на галицкий стол второй раз торжественно посадили Даниила Романовича. Чтобы иметь неограниченное влияние на малолетнего князя, группа бояр во главе с боярином Владиславом выслала из Галича его мать. Этой ситуацией решил воспользоваться венгерский король Андрей II, который около 1212 г. вступил в Галич, заковал Владислава и всех его сообщников в кандалы и отправил в Венгрию. Не успели венгры отойти в свою землю, как галицкие бояре, возглавляемые братьями Владислава Яволодом и Ярополком, снова подняли мятеж против Даниила и его матери. Получив от своих приверженцев белзских бояр Глеба Потковича и братьев Ивана и

Сбислава Станиславичей сообщение, что в Галич спешит приглашенный боярами Мстислав Пересопницкий, княгиня с детьми бежала в Венгрию, а затем — вновь в Польшу. Через некоторое время с помощью польского князя Лешка она вернулась на Русь, но получила не Галич и Владимир, на что имели право ее сыновья, а Каменец, Тихомль и Перемышль.

В 1212 г. при загадочных обстоятельствах освободился из венгерского плена мятежный боярин Владислав и занял Галицкий стол. Впервые за многовековую историю Руси боярин присвоил себе княжеский титул: «Володиславь же воѣха в Галичъ и вокняжися и сѣде на столѣ». Это вызвало возмущение не только князей, но и феодальной верхушки. Против самозванца выступили Мстислав Пересопницкий, Александр Владимирский, Всеволод Белзский, Даниил Романович, под знамена которого собрались все бояре его отца, а также Лешко Краковский. В битве на р. Бобрке Владислав со своими союзниками чехами и венграми был разгромлен и отступил в Галич. Попытка князей выбить его оттуда окончилась неудачей. Правда, в том же году Галич захватили поляки и венгры, посадившие Владислава в тюрьму, где он и умер.

Под предлогом того, что на княжеском столе не может сидеть боярин — «не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи», Лешко Краковский предложил венгерскому королю Андрею II посадить в Галиче королевича Коломана. Условием была женитьба его сына на дочери Лешка. Андрей II дал согласие. Пятилетний венгерский королевич, который по просьбе отца получил от папы римского королевский титул, стал галицким князем. Перемышль отошел к владениям Лешка Краковского, а Даниил Романович взамен Галича получил Владимир-Волынский.

Так волей феодалов Галицкое княжество было втянуто в глубокий кризис, из которого не могло выйти на протяжении многих десятилетий. Его землями расплачивались бояре со своими иностранными союзниками за помощь в борьбе с князьями, оно стало ареной, где сводили между собой счеты правители соседних стран, а также предметом политических спекуляций римской церкви. Даже под угрозой полной потери Галичиной политической независимости и превращения ее в придаток Венгрии и Польши земельные магнаты не могли изменить свою политику. Боярство то приглашало на галицкий стол древнерусских князей, в частности Мстислава Удалого и Даниила Романовича, то организовывало против них заговоры и отдавало Галич в руки венгерского короля Андрея и его сына Коломана.

В 1219 г. восставшие народные массы изгнали Коломана из Галича. В нем до 1228 г. княжил Мстислав Удалой. После его смерти Галич на некоторое время вновь попал под власть венгерского короля, но в 1229 г. Даниил Романович при поддержке галичан освободил город. Правда, и на этот раз он встретил сильную боярскую оппозицию. Во время заседания думы бояре решили поджечь дворец и убить князя. Когда же брату Василько случайно удалось помешать осуществлению этого коварного плана, бояре прибегли к другому. Они пригласили Даниила на обед в Вишню, чтобы там убить его. Посол тысяцкого Дамьяна предупредил князя: «яко пиръ ти золъ есть, яко свѣщано есть безбожнымъ твоим бояриномъ Филипомъ и брату чадомъ твоимъ Олександромъ, яко убьену ти быти». Разгневанный Даниил приказал схватить 28 бояр, но казнить их не решился. Вероятно, еще свежей была в памяти печальная участь князей Игоревичей.

И все же покончить с независимым и сильным земским боярством, сепа-

ратистские тенденции которого приносили столько горя Галицкой земле, можно было только путем установления сильной княжеской власти. На вече в Галиче, которое Даниил созвал после раскрытия боярского заговора, сотник Микула дал князю совет, определивший всю его дальнейшую политику: «Господине! Не погнетши пчелъ меду не ѣдать». Но до монголо-татарского нашествия Даниил так и не преодолел боярской оппозиции, которая не была такой организованной и зрелой, чтобы превратить Галицкую землю в боярскую республику, но имела достаточно сил, чтобы организовывать бесконечные заговоры и бунты против князей.

7. ДРЕВНЯЯ РУСЬ И КОЧЕВНИКИ

«Поле Половецкое». Одним из существенных факторов исторического развития южнорусских княжеств XI — начала XIII в. являлось их пограничное положение. К югу и юго-востоку от них раскинулась половецкая степь. Здесь на протяжении почти двух веков обитали кочевые тюркоязычные племена половцев, вступавшие в различные отношения с Русью. Иногда они были мирными, сопровождавшимися браками и военными союзами, но чаще, о чем шла речь выше, враждебными. Не случайно перед Русью так остро стояла задача укрепления южных и юго-восточных границ. Знаменитый призыв автора «Слова о полку Игореве» — «Загородите полю ворота», обращенный к русским князьям в 1185 г., был злободневным на протяжении всей истории русско-половецких отношений. Чтобы читатель мог себе яснее представить, с каким врагом «лицом к лицу» стояла Южная Русь в XI — начале XIII в., целесообразно дать хотя бы краткий очерк истории половцев.

Впервые русские столкнулись с половцами в 1055 г., когда орда хана Балуша подошла к южным рубежам Руси. К этому времени половцы заняли все пространство степей, вытеснив оттуда печенегов, торков, берендеев. Стабильных границ Половецкая земля не имела. Кочевой уклад хозяйства вынуждал половцев занимать все удобные для кочевий земли, вторгаться в пределы соседних государств и захватывать (пусть временно) их окраинные территории. В большей мере от половцев терпело южно-русское порубежье, но грабительские их походы достигали и северных границ Византийской империи. Как и их предшественники, половцы делились на отдельные ханства или объединения, каждое из которых занимало «свою» территорию.

С. А. Плетнева на основании картографирования ранних типов половецких каменных изваяний установила, что в XI в. наиболее устойчивыми половецкими землями были берега среднего и нижнего течения Северского Донца.

Для конца XI — начала XII в. известна локализация двух половецких орд. Одна из них, возглавляемая Тугорканом, кочевала в днепровском Левобережье, владения другой, ханом которой был «шелудивый» Боняк, располагались на правом и левом берегах Днепра. Исследователи полагают, что эти орды представляли собой части единого, хотя и неустойчивого, объединения половцев, кочевавшего в Поднепровье и являвшегося непосредственным соседом Киевской и Переяславской земель.

В Приазовье, в начале XII в., находился центр еще одного объединения половцев во главе с ханом Урусобой. Оно было слабым и развалилось под ударом войск Мономаха в 1103 г.

Известен также половецкий союз в Предкавказье, ядром которого были орды донецких половцев во главе с ханом Отроком.

Около середины XII в. Половецкая земля представляла собой конкретную географическую область с вполне определившимися границами. Их хорошо знали на Руси. Летописец под 1152 г. пишет: «Вся Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром». Изучение исторической географии Половецкой земли, осуществленное в советское время, позволяет несколько уточнить ее летописную локализацию. Северная граница «Поля Половецкого» проходила на Левобережье — в междуречье Ворсклы и Орели, на Правобережье — в междуречье Роси и Тясмина, западная — по линии Ингульца. На юге оно включало северокавказские, приазовские и крымские степи.

Этнически эта огромная страна не была только половецкой. Здесь жили и другие народы: аланы, яссы, хазары, гузы, косоги. Они, вероятно, являлись основным населением городов Шаруканя, Сугрова, Балина на Донце, Саксина на Волге, Корсуня и Сурожа в Крыму, Тмутаракани на Тамани. В различных письменных источниках эти центры названы половецкими, или кипчакскими, но это не от того, что они были населены половцами, а потому, что находились в пределах Половецкой земли или пребывали в даннической зависимости от половцев. Некоторые из существовавших ранее городов (например, Белая Вежа) были разгромлены и превращены в половецкие зимовники.

История половцев после заселения ими восточноевропейских степей разделена исследователями на четыре периода. Первый — середина XI — начало XII в., второй — 20—60-е годы XII в., третий — вторая половина XII в., четвертый — конец XII — первые десятилетия XIII в. Каждый из этих периодов имеет свои особенности как в области внутреннего развития половцев, так и в области их взаимоотношений с русскими и другими соседями.

В целом первый период характеризуется необычайной агрессивностью половцев. Они устремлялись к границам богатых земледельческих стран, вторгались в их пределы, грабили местное население. Страсть к наживе толкала отдельных представителей половецкой верхушки к участию в войнах русских князей друг с другом или же с западными соседями. За эту помощь они получали двойную цену: богатые дары от союзников и контрибуцию с побежденных. В этот период своей истории половцы находились на начальной, таборной стадии кочевания, характеризовавшейся постоянным передвижением их орд по степи. Это обстоятельство затрудняло организацию серьезных военных экспедиций русских военных дружин против них.

Начало XII в. ознаменовалось значительными изменениями в жизни половцев. К этому времени все степное пространство было разделено между отдельными ордами, и каждая из них кочевала в пределах вполне определенной территории. Теперь половцы, оказавшиеся непосредственными соседями Руси, не могли безнаказанно вторгаться в ее пределы. Их ожидали ответные удары. В течение первых двух десятилетий объединенные силы южнорусских княжеств нанесли половцам несколько серьезных поражений. В 1103 г. они были разгромлены в районе р. Молочной, впадающей в Азовское море, в 1109, 1111 и 1116 гг. такая же участь постигла и донецких половцев. Во время этих походов русские дружины овладели городами Шаруканом, Сугровом и Балином. Летопись сообщает, что половцы в результате военных походов русских в Степь были угнаны «за Дон, за Волгу, за Яик». Именно

тогда, как полагают исследователи, хан Отрок ушел со своей ордой из района Северского Донца «в Обезы» — на Кавказ.

Второй период половецкой истории совпал по времени с начальным этапом феодальной раздробленности на Руси, ознаменовавшейся обострением междукняжеских отношений, частыми междоусобными войнами, соперничеством претендентов за великокняжеский стол. В этих условиях борьба с половцами отошла на второй план. Отдельные походы немногочисленных русских дружин в степь не могли достичь ощутимых побед. Князья, особенно представители черниговских Ольговичей, больше думали о том, как использовать половцев в борьбе за Киев, чем о безопасности границ. Установление союзнических отношений с половцами (дикими), привлечение их к участию в решении внутренних дел Руси способствовало сравнительно быстрому возрождению могущества кочевников.

В это время они переживают высший этап своего развития. Завершился переход ко второму способу кочевания, характеризовавшемуся появлением устойчивых границ каждой орды и наличием постоянных зимовников. Вместо крупных, но неустойчивых объединений, появились небольшие орды, состоявшие как из кровнородственных, так и некровнородственных семей и родов. В половецком обществе военно-демократические отношения сменялись раннефеодальными.

Третий период половецкой истории отмечается, с одной стороны, усилением давления кочевников на южнорусское пограничье, с другой — консолидацией русских сил для ответных антиполовецких походов. Чаще всего русские дружины направлялись в район Поднепровья, где хозяйничали поднепровские и лукоморские половецкие орды, угрожавшие безопасности днепровского (греческого) торгового пути, особенно его южного отрезка. Разумеется, путь этот не находился, как это иногда утверждается, в руках поднепровских половцев, но, чтобы он мог выполнять свое назначение, требовалась постоянная его охрана, посылка в наиболее опасные участки (Канев, район порогов) русских войск. Летопись говорит о таких походах под 1167, 1168, 1169 и другими годами. Русские князья ходили и в глубинные районы половецких кочевий. В 1184 г. полки князей Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича нанесли поражение половцам в устье Орели. В плен была захвачена почти вся половецкая верхушка: Кобяк Кареневич с сыновьями, Изай Билюкович, Товлый, Осолук и др. Аналогичный поход русские полки осуществили и в 1187 г., в результате которого были разгромлены половецкие зимовища на р. Самаре.

В отличие от поднепровских половцев, не представлявших во второй половине XII в. сколько-нибудь значительной угрозы для Руси, донские, возглавляемые энергичным ханом Кончаком, постоянно вторгались в русские земли, грабили население. О Кончаке, сыне хана Отрока и грузинской царевны Гурандухт, русские летописцы отзываются то как о могучем богатыре «иже снесе Сулу», то как об окаянном и безбожном разорителе Руси. Разгром русских полков Игоря Святославича в 1185 г. показал, что для успешной борьбы с «Донским союзом» Кончака сил одного княжества было недостаточно. Поражение на Каяле «открыло» юго-восточную границу Руси со Степью. Донские половцы получили возможность не только безнаказанно грабить пограничные районы Новгород-Северского и Переяславского княжеств, но и вторгаться в пределы Киевской земли.

Четвертый период половецкой истории характеризуется некоторым

улучшением русско-половецких отношений. Летописи отмечают для этого времени преимущественно участие половцев в княжеских междоусобицах, главным театром которых стали Галицкое и Волынское княжества. Разумеется, это не значит, что половцы вообще отказались от своей традиционной политики грабежа. Даже и после их поражения в двух битвах с монголо-татарами (в 1222 и 1223 гг.) половцы осуществляли нападения на русские земли. В 1234 г. они разорили Поросье и окрестности Киева. Это была их последняя акция. Власти половцев в южнорусских степях пришел конец. Источники свидетельствуют, что в 30-х — начале 40-х годов половцы вели упорную борьбу с монголо-татарами, но были покорены ими и вошли в состав Золотой Орды. Таким образом, половцы, занявшие огромные пространства южнорусских степей, за 200 лет своей истории прошли путь от таборных кочевий до создания кочевнического государственного объединения в социально-экономической области и от военной демократии до феодализма в области общественных отношений. Огромная роль в этом принадлежит Древнерусскому государству, находившемуся на неизмеримо более высокой (по сравнению с половцами) ступени своего исторического развития.

Борьба Руси против монголо-татарского нашествия. Русь и половцы продолжали вести изнурительную взаимную борьбу, а тем временем над ними уже нависла новая волна кочевников, более могущественная, чем все предыдущие. Путь монголо-татарских орд на запад начался от Амура. На первых порах они не представляли грозной силы.

До начала XII в. территорию, где живут современные монголы, населяли собственно монголы, кереиты, теркиты, ойраты, найманы, татары и многие другие племена, ведшие между собой постоянные войны. Степень развития социальных отношений и культуры этих союзов племен была разной. В то время как найманы и кереиты создавали государственные объединения (ханства), другие племена еще находились на стадии распада родовых отношений. Во второй половине XII в. борьба за объединение монгольских племен и создание единого Монгольского государства особенно обострилась.

Первым монгольским вождем, объединившим большинство союзов племен, был Есугей-Боатур. После его смерти собранный им улус распался. Вдова Есугея с малыми детьми, из которых старшим был Темучин (родился приблизительно в 1155 г.), лишилась поддержки большинства монгольских ханов. Приблизительно в 1185 г. совместно с ханом сильного кереитского союза племен Ван-ханом Темучин разгромил теркитский союз и выдвинулся в один ряд с известными монгольскими ханами. Одно за другим под его власть переходили монгольские племена — джалаиры, тархуды, чаншиуты, бояды, баруласы, танхуды, арулады. В 1189 г. монгольская степная аристократия этих племен избрала Темучина ханом и дала ему титул Чингисхана (великого хана). В 1206 г. после победы над кереитским и найманским союзами племен Чингисхан на всемонгольском курултае был провозглашен ханом всей Монголии. Единое Монгольское государство представляло собой абсолютную военно-феодальную монархию, организованную по десятичной системе. Вся территория страны была разделена на два больших округа, которые в свою очередь делились на «тьмы» (с населением по 10 тыс. человек каждая), «тысячи», «сотни» и «десятки». Во главе этих военно-административных подразделений стояли преданные Чингисхану нукеры. Кроме того, в своем распоряжении он

имел личную 10-тысячную гвардию.

С 1206 г. монголы стали проводить по отношению к соседним землям и государствам экспансионистскую политику. В 1207 и 1209 гг. они осуществили опустошительные набеги на тунгусское государство Си Ся, тогда же были завоеваны киргизы, окончательно покорены найманы и теркиты. Приблизительно в 1219 г. монгольские войска вторглись в Среднюю Азию. Этот поход стал начальным этапом завоевания монголами стран Западной Азии и Восточной Европы. На протяжении нескольких месяцев они разгромили силы хорезмского хана Мухамеда, и феодальное раздробленное государство хорезм-шахов фактически перестало существовать. Один за другим были покорены Бухара, Самарканд, Ходжент, Мерв, Тус, Нишанур, Балх и другие города. Завоеванием Хорезма в 1221 г. завершились военные походы Чингисхана в Среднюю Азию, где орды монгольских варваров превратили цветущие государства и города в руины. По выражению К. Маркса, искусство, богатые библиотеки, прекрасное сельское

хозяйство, дворы, мечети — все полетело к черту.[1] Перед завоевателями открылся путь к Закавказью и причерноморским степям.

Исследователи считают, что непосредственным поводом к походу монголов в кипчакские степи было то, что кипчаки помогали хорезм-шаху Магомету в борьбе с Чингисханом. Однако причины этого похода были более глубокими. Они заключались в самом характере Монгольского государства, которое не могло существовать без завоеваний.

В 1220 г. Чингисхан направил 25-тысячное войско во главе с опытными полководцами Джебе и Субедеем в район южного побережья Каспия и Северного Кавказа. Разбив грузинское войско и захватив г. Тбилиси, монголы через Дербент вышли в степи Северного Кавказа. Тут их встретили объединенные полки половцев, яссов, черкесов и других племен. Первая битва не дала преимущества ни одной из сторон, и монголы решили разъединить силы противника — уговорить половцев оставить своих союзников. Богатые подарки и лукавые слова об общности происхождения сделали свое дело — половцы отошли в причерноморские степи. Разгромив племена Северного Кавказа, монгольские войска догнали половцев. В битве, происшедшей в 1222 г. на Дону, половецкие орды были разбиты; много половцев погибло, в том числе и ханы Юрий Кончакович и Даниил Кобякович. Хан Кобяк с остатками войска отступил к Днепру, надеясь на помощь русских войск.

В 1223 г. в Киеве состоялся съезд южнорусских князей. В нем приняли участие Мстислав Романович — князь киевский, Мстислав Святославич — князь черниговский и козельский, Мстислав Мстиславич — князь галицкий, которые по летописи «бѣаху ста-рѣйшины в Руской земли». Князья решили помочь половцам. «Луче ны бы есть прияти я на чюжой землѣ, нежели на своей». На Нижнем Днепре, в районе с. Хортица, начали собираться половецкие полки, дружины князей галицкого и волынского, черниговского и киевского, смоленского и курского, трубчевского и путивльского. Как отмечает летописец, тут собрались «невиданьная рати, и сущии с ними коньници».

По договоренности с половецкими ханами русские князья решили выступить навстречу монголо-татарам в половецкие степи. Перейдя Днепр, русско-половецкие передовые отряды встретились с авангардом монгольского войска. В коротком бою монголы потерпели поражение и отступили в глубь степей. Русским достались табуны лошадей и другие трофеи. На восьмой день объединенные силы русских и половцев подошли к р. Калке, где их уже ждали монголо-татарские полки. Настал день решающей битвы, а русские князья еще не достигли полной согласованности в действиях. В то время как Мстислав Галицкий (Удалой) отдавал приказ своим полкам выступать против врага, другой Мстислав, очевидно Киевский, спокойно отсиживался в своем шатре. Русские полки вступили в бой неодновременно, и это имело губительные последствия.

Несмотря на храбрость и героизм русских воинов и князей (особенно отличился восемнадцатилетний Даниил Романович), победили монголо-татары. Поражение русских войск было на сей раз особенно ощутимым, и летописец вынужден был признать, что «такоже не бывало никогда же». В битве на Калке погибло шесть князей; по летописным данным из простых воинов вернулся только каждый десятый, а количество убитых киевлян достигло 10 тыс.

Большие потери понесли в этой битве и монголы. Дойдя до Новгорода

[1] См.: Архив Маркса и Энгельса, т. 5, с. 221.

Святополча на Днепре, они не отважились продолжать поход и повернули назад. На обратном пути монголы разгромили Волжскую Болгарию, опустошили северное побережье Каспия и Туркестан.

После смерти Чингисхана власть перешла к его сыновьям. Великий хан Угедей и его ближайшие советники разработали план новых завоеваний. Возглавить поход на Запад должен был внук Чингисхана Батый, улус которого граничил с Русью.

В конце 1237 г. началось наступление монгольских орд (около 140 тыс. воинов) под руководством Батыя на древнерусские земли. Безуспешно рязанский князь Юрий Игоревич обращался за помощью к Владимиру и Чернигову. В битве на р. Воронеже рязанские войска были разгромлены, а монголы один за другим взяли и разрушили города Пронск, Белгород, Ижеславец, Рязань. От Рязани вражеские полчища выступили на Коломну, разбили войско Всеволода Юрьевича и подошли к Москве, которую после пятидневной осады захватили и сожгли.

В феврале 1238 г. монголы обложили Владимир на Клязьме; часть их войск устремилась к Суздалю. Жестокая битва за столицу северо-восточных земель Руси, в которой монголы применили стенобитные машины, окончилась поражением владимирцев. Город был взят 7 февраля, в пламени пожара погибли его героические защитники. Вслед за Владимиром пали Ростов, Углич, Ярославль, Юрьев-Польский, Переяслав, Кашин, Тверь, Торжок, Городец, Кострома.

В верховьях Оки монголы встретили сильное сопротивление небольшой крепости Козельска. Несмотря на малолетство своего князя Василька и требование монголов сдать город, козельчане решили защищаться. Летописец расценивает это решение как проявление «крепкодушного ума». Семь недель продолжалась героическая оборона Козельска. День и ночь вражеские пороки (машины для метания камней) разбивали стены крепости, которые в конце концов были проломаны, и монголы захватили вал. Козельчане уничтожили около 4 тыс. монголов, но отстоять город не смогли. Батый приказал убить всех его жителей, «не пощадѣ отъ отрочатъ до сосущихъ молоко». Князь Василько, по преданию, утопился в крови. Город Козельск Батый назвал «злым городом».

В 1238 г. истощенные монгольские полчища отошли в половецкие степи, чтобы восстановить силы и отдохнуть. Весной 1239 г. они выступили на юго-запад. Первым на пути продвижения Батыевой орды стоял Переяслав, население которого на протяжении нескольких столетий успешно боролось с кочевниками. На этот раз его защитникам не удалось отстоять город. Монголы захватили Переяслав, разрушили и сожгли его. Организатор обороны епископ Семен был убит. В том же году печальная участь Переяслава постигла и Чернигов. «Объступиша градъ в силѣ тяжцѣ; слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичъ нападение на градъ иноплеменьныхъ, приде на нѣ со всими вои». Овладев Черниговом, Менгухан жестоко расправился с его непокорными жителями. «Побѣженъ бысть Мьстиславъ и множество отъ вой его избиено бысть, и градъ взяша и запалиша огньмь». От Чернигова монголы повернули на Киев. Из городка Песочного Менгухан послал к князю Михаилу послов с ультиматумом сдать город. Михаил велел убить послов, а сам, очевидно, испугавшись своего поступка, бежал в Венгрию. В Киев прибыл Даниил Галицкий и оставил там воеводу, который должен был организовать и возглавить оборону города.

Менгухан не решился брать Киев приступом; захватив добычу и пленных в окрестных селах и городах, он пошел на соединение с главными си-

лами Батыя. В 1240 г. монголы «многомъ множьствомъ силы своей» снова подступили к Киеву и осадили его. Летописец, свидетель, а возможно, и участник этих событий, замечает, что от скрипа возов, рева верблюдов, ржания коней монголо-татарского войска не слышно было человеческого голоса. Под Киевом собрались все воеводы Батыя. Такой большой армии для овладения одним городом Батыю не приходилось сосредоточивать ни до, ни после взятия Киева.

Настал день штурма. Основной удар Батый направил с юга, в районе Лядских ворот. Беспрерывно, днем и ночью тараны монголов били ворота и стены, пока им не удалось захватить часть вала и проникнуть в пределы Города Ярослава. Сопротивление киевлян было настолько отчаянным, а потери захватчиков такими большими, что Батый вынужден был отдать приказ о прекращении боя и дал передышку своему войску. Этим воспользовались защитники Киева. Отойдя в пределы Города Владимира, они за одну ночь укрепились на новых позициях. На следующий день битва разгорелась с новой силой. Киевляне отстаивали каждую улицу, каждый дом, но силы были слишком неравны. Прорвав укрепление в районе Софийских ворот (от чего в народе они получили название Батыевых), монголо-татары ворвались в Киевский детинец и подступили к Десятинной церкви. От ударов камнеметов стены первого каменного храма Руси разрушились, похоронив под руинами горстку оставшихся героических защитников Киева. «Того же лета взяша Киевъ татарове и святую Софью розграбиша, и монастыри все, и иконы, и кресты, и все узорчье церковные взяша, а люди от мала и до велика все убиша мечем»,— так описывает трагическую судьбу Киева суздальский летописец. Не менее ужасные картины, свидетельствующие о героической борьбе киевского населения с монголами, открылись и во время археологических раскопок. В разных местах Киева обнаружены братские могилы защитников города. В некоторых из них насчитывалось по нескольку тысяч человеческих скелетов. Их нередко находили прямо на улицах, под руинами домов и соборов. Почти все жилищные и хозяйственные строения, дворцы и соборы Киева превратились в пепелища.

О длительности осады Киева, а также точной дате его падения в письменных источниках сохранились разные сведения. Ипатьевская летопись, наиболее полно повествующая об этом событии, вообще не приводит точных дат. Лаврентьевская сообщает, что Киев был взят монголами на Николин день, или 6 декабря 1240 г. По Псковской летописи город держался 10 недель и четыре дня. Трудно сказать, насколько эти данные соответствуют действительности, но, если учесть, что небольшой городок Суздальской земли Козельск смог задержать под своими стенами монголов на семь недель, то сообщения о длительной обороне Киева, имевшего первоклассную на то время крепость, не должны казаться сомнительными.

Из Киева основные силы Батыя выступили на Владимир и Галич, тогда как другие монгольские отряды вторглись в юго-западные районы Руси. Огнем и мечом прошли они по Киевской, Волынской и Галицкой землям. Раскопки Вышгорода и Белгорода, городищ по Тетереву, Случи, Горыни, Южному Бугу и другим рекам воспроизводят картины героической обороны и гибели этих городов. Везде археологи обнаружили мощные слои пепелищ; под крепостными стенами, сожженными домами, а часто и просто на улицах и площадях обнаружены сотни человеческих скелетов, большое количество орудий производства, предметов вооружения.

Особенно ярким примером трагической гибели небольших южнорусских городов и феодальных замков является городище Райки на Житомирщине. Все его жители погибли в битве с монголо-татарами; дети и женщины сгорели в своих домах или были вырезаны врагом. Битва за Владимир была продолжительной и жестокой, враг с большим трудом овладел городом. Обнаруженные во Владимире черепа с вбитыми в них железными гвоздями свидетельствуют о жестокой расправе монголов над его защитниками. Под Галич монголо-татарские орды подошли объединенными силами и после трехдневной осады взяли его штурмом.

В 1241 г. монголы вышли на западные рубежи Руси и вторглись на территорию Польши и Венгрии. В то время как 10-тысячное войско монголо-татар под руководством Батыя, Байдара и Кайду разрушало польские города Люблин, Завихост, Сандомир и Краков, основные монгольские силы через «Русские ворота» (Варецкий перевал) и Трансильванию вступили в пределы Венгрии. После битвы на р. Шайо Батый занял всю страну и пошел па Словакию и Чехию. Как и на Руси народы этих стран везде отстаивали свою независимость. Монгольские завоеватели несли большие потери.

В 1242 г. Батый прекратил поход на Запад и через Боснию, Сербию, Болгарию и Русь вывел свои войска в низовье Волги. (Здесь монголо-татары основали свое государство — Золотую Орду). Поводом к этому послужила смерть главного монгольского хана Угедея, хотя причины были значительно серьезнее: Батый не имел сил держать в повиновении все завоеванные страны Восточной и Центральной Европы.

Древняя Русь, страны Центральной Европы, отстаивая свою независимость от монгольских завоевателей, спасли Западную Европу, ее культуру от разрушений. В этом их огромная историческая заслуга перед европейской цивилизацией.

В 30-х годах XII—30-х годах XIII в. Русь переживала период развитого феодализма, который характеризовался бурным ростом феодального землевладения, дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений. Изменения базиса повлекли за собой и изменения надстройки; приобрела новые политические формы древнерусская государственность. На смену относительно единой Киевской Руси пришли полусамостоятельные государственные образования меньших размеров. Сначала феодальные княжества представляли собой более монолитные по сравнению со всей Киевской Русью политические объединения, но со временем процесс дробления охватил и их.

С монголо-татарским нашествием окончился большой и яркий период отечественной истории, период поступательного и полнокровного развития одной из наиболее крупных и могущественных стран средневековой Европы — Древней Руси. На высокой ноте оборвалась «песня» древнерусских зодчих и художников, летописцев и былинников, в огне пожаров погибли огромные материальные и духовные ценности древнерусского народа. От многих городов, замков и поселений остались только пепелища. Значительная часть населения была уничтожена или захвачена врагом в плен. Пришло в упадок высокоразвитое древнерусское ремесло, сельское хозяйство.

Особенно пострадали от монголо-татарских завоевателей земли Южной Руси, находившиеся ближе всех к золотоордынским кочевьям. Постоянная опасность, убийства и угроза попасть в рабство вынуждали население бросать насиженные места и пе-

реселяться в более безопасные районы — в Полесье, Галичину и Юго-Восточную Русь.

И все же, несмотря на жертвы и разрушения, которые причинили Древней Руси монголо-татары, они не смогли уничтожить все исторические традиции. Русь была завоевана, но не покорена.

Летописные сообщения и народные предания свидетельствуют, что население всех древнерусских земель вело героическую борьбу за свою независимость. В тылу монголов создавались своеобразные партизанские отряды, которые наносили врагу ощутимые удары. Об одном из них, возглавляемом рязанским богатырем Евпатием Коловратом, в народе ходили легенды. Воины Коловрата неожиданно нападали на превосходящие силы монголов и уничтожали их. Подобные отряды вели борьбу с монголами в Галичине, на Волыни, Черниговщине и даже на землях Золотой Орды, где они формировались из захваченных монголами в рабство русских, венгров, аланов и др.

В тяжелые времена монгольского завоевания древнерусский народ вел героическую борьбу и с другими врагами, которые угрожали Юго-Западной и Северо-Западной Руси. Блестящие победы над шведами на Неве (1240), немецкими рыцарями на Чудском озере (1242), венгерскими и польскими феодалами под Ярославом (1245) имели большое значение для исторических судеб народов Восточной Европы.

Глава IX

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Накануне образования Древнерусского государства славянские племена, населявшие территорию Восточной Европы, достигли значительного социально-экономического и культурного развития. Наследие восточнославянских племен, объединившихся в едином государстве, достижения самой древнерусской народности и культурные влияния соседних народов стали составными частями культуры Древней Руси.

Какую бы отрасль культуры Древней Руси мы не рассматривали, в ней видны многовековые традиции. Это хорошо заметно в постройке жилищ, строительстве оборонительных сооружений, прикладном искусстве, литературе и музыке.

Развитие древнерусской культуры проходило в сложных исторических условиях, однако за сравнительно короткое время она достигла значительных успехов. По своему идейному богатству и высоким художественным качествам культура Руси не уступала, а в некоторых областях даже превосходила культуру народов Европы раннего средневековья.

1. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В Древней Руси издавна существовало богатое устное народное творчество — фольклор, уходивший своими корнями в далекое прошлое. Особое распространение на Руси получили праздничные и будничные песни, сказки, загадки, предания и былины, легенды, магические заклинания и заговоры. Много традиционного было в свадебном и похоронном обрядах, которые сопровождались песнями и плачами-причитаниями. Древние обычаи, традиции и народное творчество оказали огромное влияние на древнерусскую культуру, в частности на литературу. Отголоски языческих верований нашли свое отражение в выдающемся литературном произведении XII в. «Слове о полку Игореве». В нем упоминаются языческие боги Велес (Волос), Дажбог, русские люди называются «даждьбожими» внуками. Знаменитый плач Ярославны, в котором она обращается к солнцу, ветру, Днепру-Славутичу, во многом напоминает языческие причитания. Легенды, пословицы и предания занимают важное место в летописи. С их помощью древнерусские летописцы пытались восполнить отсутствие письменных источников. В летопись вошли предания об основании Кием, Щеком, Хоривом и их сестрой Лыбедью Киева, о военных походах на Царьград, о вещем Олеге и мести княгини Ольги древлянам за убийство Игоря, о посещении ею Царьграда и др.

Правовые нормы восточных славян вначале также существовали в виде неписанных племенных обычаев. Возможно, именно о них упоминается в договоре с греками 911 г., где гово-

рится о том, что воины Олега клялись «по закону и покону» русскому. Через некоторое время на основе обычного права сложились феодальные юридические нормы, зафиксированные в своде русских законов — «Русской правде».

При Владимире Святославиче в 988 г. на Руси в качестве государственной религии было введено христианство. Оно способствовало укреплению и дальнейшему развитию более прогрессивного, феодального способа производства, открыло широкие возможности для развития древнерусской культуры и приобщило Русь к передовой в то время культуре Византии. Вместе с тем христианство в руках феодалов стало мощной силой идеологического воздействия на народные массы и культурную жизнь общества. «Средние века,— писал Ф. Энгельс,— присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию» [1]. Главным следствием введения христианства — религии классового общества — было укрепление на Руси феодального строя. Древнерусская культура развивалась преимущественно в рамках суровых канонов, выработанных церковью. Этому способствовало и то, что земля — основное средство материального производства — принадлежала феодалам. Феодалы во главе с князем и церковниками выступали главными заказчиками больших культовых сооружений, монументальных росписей, художественных изделий прикладного искусства. Именно поэтому вкусы и идеология господствующего класса в первую очередь нашли отражение в древнерусской культуре X—XIII вв. Но мотивы народного аграрного мировоззрения — свадебная, новогодняя и русальная обрядность с ее жизнеутверждающим пониманием красоты — также проникали в произведения искусства феодальной культуры и оказывали на них большое влияние.

Формирование и развитие древнерусской культуры проходило в условиях острой классовой и идеологической борьбы, суть которой заключалась в противоборстве двух укладов: остатков старого, родоплеменного с новым — феодальным. Одним из проявлений этой борьбы было упорное сопротивление народных масс введению феодальной эксплуатации и христианства. Писатель-публицист XI в. Иларион, говоря о введении христианства, вынужден был признать отрицательное отношение к нему части населения Руси. Он писал: «Да аще кто и не любовію, нъ страхомъ повелевавшааго (т. е. Владимира.— *Ред.*) крьщаахуся понеже бѣ благовѣріе его сь властію съпряжено». Древние языческие верования на Руси оказались очень стойкими и продолжали существовать рядом с новой христианской религией. Поэтому в древнерусских литературных произведениях нередко встречаются упоминания о тех, кто «молиться под овином или в рощении у воды», «жрут (т. е. поклоняются.— *Ред.*) бесом и кладезем».

Яркие проявления языческих влияний и верований в древнерусской культуре наблюдаются в произведениях прикладного искусства. На Руси значительное распространение получили так называемые змеевики — гривны, на которых рядом уживались христианские изображения святых с языческой Медузой Горгоной со змеями.

В качестве примера может служить известная золотая «Черниговская гривна» Владимира Мономаха, обнаруженная в 1821 г. на р. Белоусе вблизи Чернигова.

Важное значение для развития древнерусской культуры имели экономические и политические связи с соседними народами. Водный путь «от Грек» соединял Киевскую Русь с цен-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 314.

трами эллино-византийских культур на юге и странами Западной Европы на севере. Население Руси, особенно западных земель, поддерживало тесные экономические и культурные контакты с Венгрией, Польшей и Чехией. В произведениях искусства можно наблюдать черты, указывающие на связи с Кавказом, Средней Азией, хазарами и арабами. Особое значение для культуры Руси имело тесное общение с Византийской империей. С введением христианства в Киевской Руси значительно усилилось византийское влияние. Этому способствовало распространение в быту феодальной знати византийских изделий: тканей-паволок, ювелирных украшений и произведений искусства, заморских вин, пряностей и т. д.

Представители буржуазной историографии, пытаясь принизить древнерусскую культуру, сводили и сводят ее развитие к механическому подражанию тем или иным, в частности, византийским образцам. Искусство Руси они рассматривали и рассматривают как почти целиком «византийское на русской почве» или «провинциальное византийское», т. е. такое, которое не имело своих собственных самобытных черт. Характерными в этом отношении являются взгляды на развитие древнерусского зодчества. Большое каменное строительство в Киеве, развернувшееся при Владимире Святославиче и особенно Ярославе Владимировиче, без всяких на то оснований полностью связывалось с приезжими мастерами — греками. Безусловно, передовая в то время византийская строительная культура оказала большое влияние на развитие каменного зодчества на Руси, в частности на культовую и частично дворцовую архитектуру. Но в оборонительных сооружениях, жилищах массовой застройки, мемориальных памятниках — курганах пирамидальной формы — нашли свое отражение эстетические вкусы восточных славян, сыгравшие в дальнейшем значительную роль в становлении древнерусской архитектуры.

Возведение монументальных архитектурных построек в конце X — начале XI в. требовало наличия ремесленников разных профессий, и такие мастера уже были на Руси. Об этом свидетельствуют письменные и археологические источники. Так, когда в 50-х годах XI в. Ярослав Мудрый начал в Киеве строительство церкви в честь своего патрона Георгия и при этом обнаружилась нехватка рабочих, князь приказал: «...возвестиша на торгу людем, да возьмут кождо по ногате на день. И бысть множество делающих. И тако вскоре конча церковь».

Важную роль местных мастеров в древнерусском строительстве подтверждают и славянские надписи, довольно часто встречающиеся на плинфе — древнем кирпиче и на голосниках — керамических сосудах, которые применялись при возведении зданий для облегчения сводов и улучшения акустики.

Исследование мозаик в Софийском соборе в Киеве показало, что часть их (композиция «Сорок мучеников») выполнена местными мастерами.

В «Киево-Печерском патерике» сохранились сведения об украшении мозаиками Успенского собора Печерского монастыря. В выполнении мозаик вместе с мастерами-греками принимал участие выдающийся художник киевлянин Алипий (Алимпий).

Последнее время стали известны имена русских мастеров Георгия, Сежира, Алисея, Стефана, Микулы и Радка, расписывавших фресками Софийский собор в Новгороде в XI—XII вв.

Древнерусская архитектура формировалась под влиянием византийского и частично романского искусства. Однако древнерусские мастера не просто копировали византийские образцы, в ходе творческого процесса они

вносили в них новые черты, соответствовавшие местным культурным запросам, традициям и вкусам.

Письменные источники и археологические исследования опровергают утверждения о внезапном появлении письменности на Руси одновременно с введением христианства в 988 г. Подобный взгляд не способен объяснить многих явлений культурной жизни Руси, в частности слишком быстрого появления уже в первой половине XI в. таких выдающихся оригинальных литературных произведений, как «Слово о законе и благодати» Илариона и мастерски выполненных книг, таких, как Остромирово евангелие 1056—1057 гг., в котором заметны давние традиции в изготовлении книг. Письменность, бесспорно, знали на Руси еще в языческое время. Об этом свидетельствуют договоры Руси с греками 911 и 944 гг., вошедшие в «Повесть временных лет», и некоторые археологические находки.

Длительное время в науке бытовало мнение, что письменность на Руси имела исключительно церковный характер и была привилегией лишь узкого круга людей — представителей феодальной верхушки и духовенства. Подобные утверждения опровергаются находками берестяных грамот, написанных в своем большинстве простыми людьми, и граффити — надписями на стенах архитектурных сооружений, надписями на ремесленных изделиях.

Появление на Руси с введением христианства болгарских так называемых кирилло-мефодиевских переводов оказало положительное влияние на развитие древнерусской письменности, литературы и языка.

Одной из важных особенностей культуры Древней Руси являлось развитие ее на родном древнерусском языке, носителем которого была древнерусская народность, сложившаяся из восточнославянских племен в процессе образования Киевской Руси.

Заметное влияние на древнерусскую культуру, особенно ее литературу и искусство, а также общественную мысль имела идеологическая борьба с Византией в XI—XII вв. Обострение отношений обусловил правовой статус древнерусской церкви, попавшей со времени принятия христианства в зависимость от константинопольского патриархата. Византия, используя подчиненность церкви, пыталась превратить Русь в свою культурную провинцию. Эти притязания привели к острой идеологической борьбе, продолжавшейся почти полтора века. Особой остроты она достигла в XI в., при княжении Ярослава Мудрого, и привела к военному конфликту в 1043 г. Идеологом и вдохновителем борьбы выступил упоминавшийся выше первый митрополит из русских, писатель и общественный деятель Иларион. В своем «Слове о законе и благодати» он сформулировал политические и некоторые культурные требования своего времени.

Заметную роль в развитии общественной мысли в конце XI и в XII в. сыграл Печерский монастырь в Киеве, который некоторое время являлся центром консолидации патриотических сил Руси. Он вступал в конфликты с представителями официальной власти, особенно с митрополитами-греками, пытавшимися проводить враждебную Руси церковную политику. Печерский монастырь в XI — первой половине XII в. был крупным центром культуры Руси. В нем творили выдающиеся летописцы — Никон и знаменитый Нестор. Тут сформировались оригинальные части древнерусского летописания: его публицистическое направление, принципиальность, поучительный характер. В стенах монастыря были написаны выдающиеся литературные произведения — «Повесть временных лет» и «Киево-Печерский патерик». В монастыре трудились известные древне-

русские писатели: Иаков Мних, Феодосий Печерский, Поликарп. Воспитанниками монастыря были: художник Алипий, врач Агопит и много других прогрессивных деятелей Руси.

В XII — первой половине XIII в. развитие древнерусской культуры происходило в трудных условиях феодальной раздробленности Руси. Но это не был упадок-регресс. Несмотря на княжеские усобицы и постоянную половецкую угрозу, в древнерусской культуре этого времени наблюдаются все новые достижения и успехи. По своему содержанию она становится более демократичной: к культурной жизни приобщаются новые территории, города и общественные силы. Среди заказчиков культовых зданий, монументальных росписей и драгоценных ювелирных изделий появляются зажиточные представители посадского люда со своими взглядами и вкусами.

В это время на Руси творили многие известные зодчие; имена некоторых из них сохранились до наших дней. Это киевлянин Петр Милонег, строитель городов на Волыни Алекса, новгородский мастер Петр, резчик по камню холмский «хитрец» Авдий, мастер Иван из Смоленска и др.

Развитие древнерусского зодчества в XII в.— яркий пример того, как под влиянием местных условий постепенно изменялись и переосмысливались византийские схемы и возникали новые оригинальные архитектурные формы и решения.

К особенностям культуры XII в. относится появление местных черт в летописании, архитектуре и живописи. Но главным, как и прежде, было осознание деятелями культуры общерусского единства. Это объясняется тем, что культура удельных княжеств развивалась на общей культурной основе Киевской Руси. Несмотря на феодальную раздробленность, стремление к единству и сплоченности нашло отражение в литературных произведениях XII в. В частности, автор «Слова о полку Игореве» выразил глубокую озабоченность о судьбе Руси, выступил с горячим призывом к князьям прекратить раздоры, объединиться и организовать отпор кочевникам.

К важным центрам древнерусской культуры на юге относились города: Киев, Чернигов, Переяслав, Галич, Холм и др. Киев еще в период княжения Ярослава Мудрого превратился в крупный центр культуры, ремесла и торговли. Он поражал современников своими размерами, многолюдностью, величественными сооружениями, такими, как Десятинная церковь, Софийский собор, торжественные Золотые ворота с надвратной церковью, патрональные монастыри и княжеские дворцы. В период наивысшего расцвета Киев по количеству населения и размерам не только не уступал крупным западноевропейским городам, но и во многом превосходил их. Не удивительно, что современникам он казался: «величьством сіающ», а путешественник Адам Бременский называл его «украшением Востока».

В крупных древнерусских городах — центрах культуры — творили выдающиеся писатели и переписчики книг, переводчики, художники-миниатюристы, архитекторы, мозаисты и мастера фресок, работали искусные ювелиры — «златокузнецы», резчики по кости, кузнецы, оружейники и гончары. Художественные изделия древнерусских ремесленников были хорошо известны далеко за пределами Руси.

Большие культурные достижения и политические успехи Древней Руси уже в 50-е годы XI в. дали возможность писателю Илариону с гордостью сказать: «Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычьствоваша, не въ Русьскѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». И действительно, как свидетельствуют источники, Русь кроме Византии была

хорошо известна в Германии, Венгрии, Польше, Норвегии, Чехии, Франции и др. Со многими из этих стран она была связана торговыми и дипломатическими отношениями. Широкое распространение получили династические связи с дворами западноевропейских стран, что также указывает на большой политический авторитет Киевской Руси.

В Чехии, Армении, Византии и южнославянских странах распространился культ русских святых Бориса и Глеба, их жития и «Житие Феодосия Печерского». В XIII в. в Сербии были известны произведения Илариона, что нашло отражение в житиях, написанных монахом Дементианом, в Болгарии — «Повесть временных лет», проповеди Кирилла Туровского, русские переводы сборника под названием «Пчела», «Повесть об Акире Премудром» и др.

Много сведений о Руси содержится в скандинавском эпосе, древнерусских летописях, в трудах немецкого хрониста Титмара Мерзебургского и польского — Галла Анонима, византийского императора — писателя Константина VII Багрянородного.

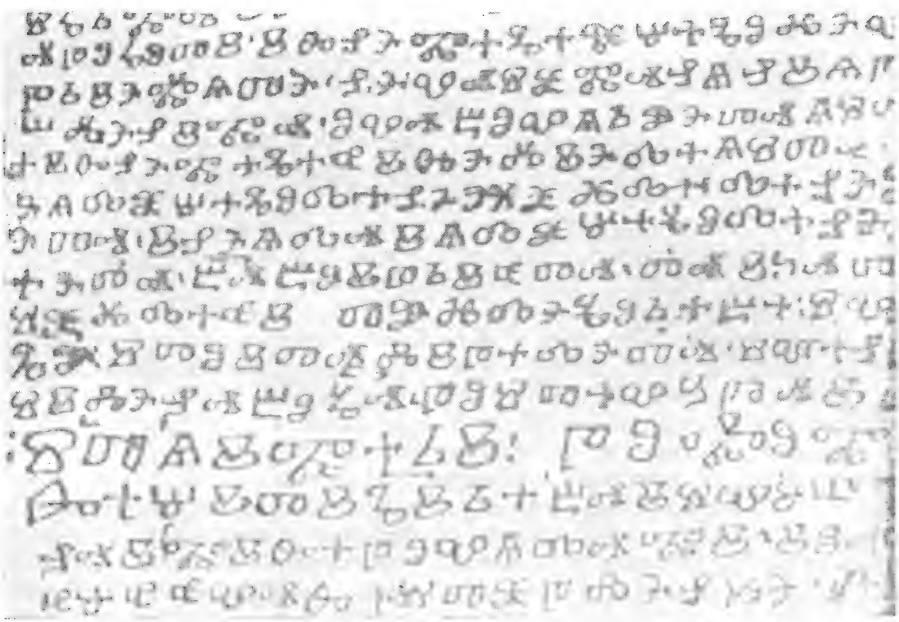
2. ПИСЬМЕННОСТЬ. БИБЛИОТЕКИ И ШКОЛЫ. ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ. ЛИТЕРАТУРА. МУЗЫКА

Письменность. Происхождение славянской письменности до сих пор еще не полностью выяснено. Сложность заключается в том, что до нашего времени сохранились две славянские азбуки — глаголица и кириллица. Вопрос о том, какая из них более древняя и какую создал славянский просветитель Кирилл, остается предметом исследований отечественных и зарубежных ученых.

В начале X в. болгарский писатель Черноризец Храбр так представлял себе возникновение славянской письменности: «Прежде оубо словяне не имеху книгъ, ноу чрьтами и резами чьтехоу и гатаахоу, погани суще, крьстивше же ся, римскими и грѣчьскыми письмены ноуждаахоуся (писать.— *Ред.*) словенскоу речь безъ оустроения... и тако бешоу многа лѣта». Согласно Храбру, славяне вначале не имели письменности, а считали и гадали с помощью черточек и зарубок. Затем, с появлением христианства, они стали пользоваться греческими и латинскими буквами. Дальнейшее развитие славянской письменности он связывает с изобретением азбуки Кириллом. Большинство ученых считает, что это была глаголица.

Начертания букв кириллицы, вероятнее всего, взяты из византийского устава VI—VIII вв. Эту мысль высказал русский ученый И. И. Срезневский. Кириллица постепенно возникла из греческого устава, буквами которого славяне пользовались для своего письма, в соответствии с сообщением Храбра. В наше время эту гипотезу углубил и подкрепил новыми материалами болгарский ученый Е. Георгиев. Славяне, по его мнению, пользуясь греческим алфавитом, постепенно дополнили его некоторыми специальными буквами. Такая протокирилловская письменность существовала довольно долго. В 60-х годах IX в. Кирилл изобрел глаголицу, но она не получила широкого распространения, поскольку начертания ее букв были слишком сложны. В начале X в. в г. Преславе при болгарском царе Симеоне (893—927) официальным стало протокирилловское письмо; усовершенствованное, оно получило название «кириллицы».

Кириллица, таким образом, представляла собой сложную, творческую переработку греческого алфавита. В ее состав вошла почти половина букв, неизвестных греческой письмен-



Образец глаголического письма. X в.

ности (19 из 43). Буквы эти необходимы были для более точной передачи фонетических особенностей славянской речи. Это обстоятельство дает возможность считать кириллицу, как и глаголицу, вполне оригинальной славянской системой письменности.

Появление письменности у восточных славян связано с их политическим и социально-экономическим развитием в середине IX в. Именно в это время сформировалось Древнерусское государство — Киевская Русь, складывались и крепли феодальные отношения. Письменные источники убедительно свидетельствуют о знакомстве с письменностью на Руси задолго до официального введения христианства в 988 г. На это, возможно, указывает находка философом Константином (Кириллом) в Корсуне евангелия и псалтыри — книг, написанных «русьскыми письмены». О знакомстве с письменностью на Руси в X в. можно судить и по договорам с греками, тексты которых приведены в «Повести временных лет». Доказано, что договоры составлялись в двух экземплярах. Один из экземпляров, предназначавшийся для Руси, еще в древности был переведен на славянский язык. В договоре 911 г. упоминается обычай русских писать духовные завещания на случай смерти. Один из пунктов договора 944 г. требовал, чтобы послы или купцы, ехавшие в Царьград, имели при себе специальные грамоты, подписанные князем, а не золотые и серебряные печати, как раньше. Все это является подтверждением тому, что письменность на Руси даже в X в. не была уже привилегией государственных учреждений, а и проникала в быт.

На существование письменности до 988 г. указывают и отдельные археологические находки. Во время раскопок гнездовских курганов вблизи Смоленска была обнаружена корчага второй четверти X в.— большой керамический сосуд для хранения жидких или сыпучих веществ. На ней есть

надпись: «гороухща» или «гароушна». Это, очевидно, название содержимого сосуда, возможно, горчицы или горючего.

Загадочная находка обнаружена также в Софийском соборе в Киеве. Граффито, нацарапанное на стене, представляет собой азбуку, которая состоит из 23 греческих и четырех (Б, Ж, Ш, Щ) славянских букв, вероятно, предназначавшихся для улучшения передачи особенностей фонетики славянской речи. Начертания букв граффито аналогичны кириллице. Но это не кириллица из 43 букв и не азбука из 38 букв, которую упоминал Храбр, и не греческий алфавит из 24 букв. Если это не какая-то случайная надпись, то находка отражает один из переходных этапов славянской письменности, когда к греческому алфавиту стали прибавлять первые славянские буквы. Дальнейшие эпиграфические исследования дадут возможность проверить это предположение.

Приведенные памятники свидетельствуют также, что в IX—X вв. на Руси была более известна не глаголическая письменность, а по графике сходная с кириллицей.

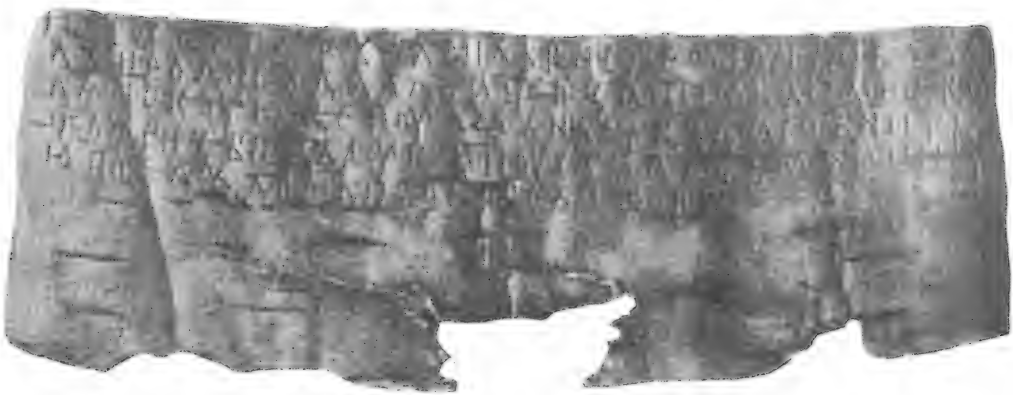
Первое знакомство с письменностью на Руси, вероятно, относится к 60—70-м годам IX в. В некоторой мере об этом можно судить по упоминанию в Никоновой летописи под 864—867 гг. о походе киевского князя Аскольда на Царьград, соглашении с греками и частичной христианизации Руси. Это сообщение подтверждается греческими источниками, в частности «Окружным посланием» Фотия.

С введением христианства на Руси в 988 г. вместе с писцами и богослужебными книгами из Болгарии пришло совершенное славянское письмо — кириллица. Ею написаны сохранившиеся до наших дней книжные памятники XI в.: Остромирово евангелие, Изборники 1073 и 1076 гг. и др.

До недавнего времени единственным источником, на основании которого можно было судить о древнерусской письменности, были упомянутые выше книжные памятники. В последнее время в ходе археологических исследований обнаружены новые материалы, имеющие большую ценность для изучения древнерусской письменности и распространения ее среди разных слоев населения. Речь идет о надписях на различных изделиях: пряслицах, литейных формочках, хозяйственных сосудах — корчагах, голосниках и кирпиче, металле, дереве и т. д.

Надписи на пряслицах чаще всего указывают на владельца вещи: «Потворин пряслень», «Княжо есть», «Молодило», «Невесточ», «Янка вдала пряслень Жирце» и др. Надписи на корчагах делались для обозначения содержимого этих больших сосудов, например, «Ярополче вино», «Гороухща», но иногда на них встречаются имена или пожелания мастеров, их изготовлявших. Довольно много их и на металлических изделиях. Интересна надпись мастера на рукоятке меча (X—XI вв.), обнаруженного в с. Хвощево на Полтавщине, на лезвии которого инкрустировано проволокой: «Кузнец Людота».

Выдающимися памятниками письменности являются найденные в Новгороде и некоторых других древнерусских городах берестяные грамоты. Это в большинстве случаев переписка горожан о хозяйственных делах: покупке земли, готовности к севу, а также долговые обязательства ростовщикам, духовные на случай смерти и т. д. Берестяные грамоты писались мужчинами, женщинами и даже детьми (найдены школьные упражнения мальчика Онфима). Новгородские берестяные грамоты — яркое свидетельство того, что письменность играла большую роль в экономической и культурной жизни средневекового города и его окраин.



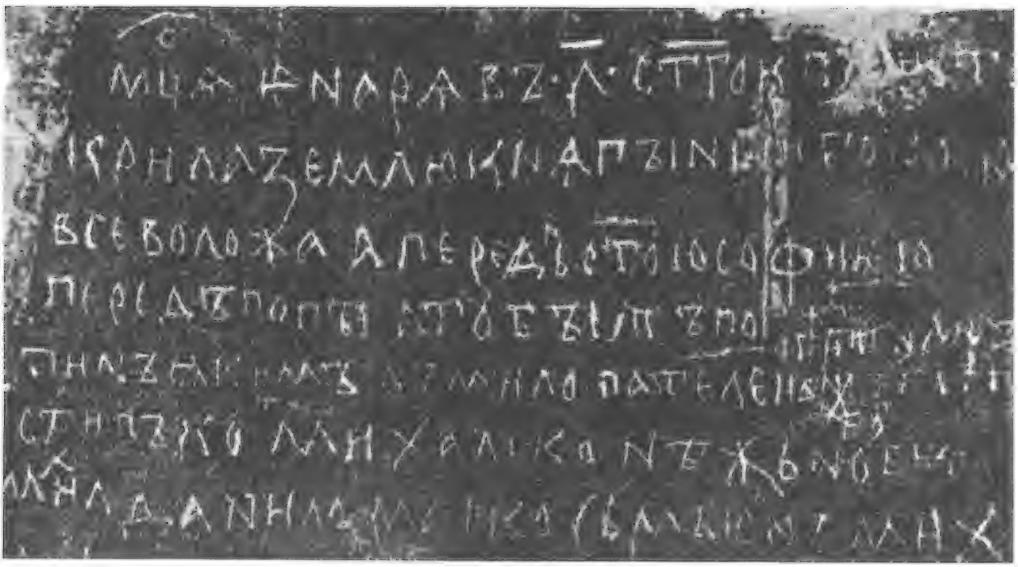
Новгородская берестяная грамота. XI в.

Важное значение имеет также исследование древнерусских надписей (XI—XIV вв.), сделанных прихожанами на стенах древнерусских архитектурных построек, в частности Софийского собора в Киеве. Тут обнаружены надписи: о смерти в 1054 г. «царя нашего» Ярослава Мудрого, о четырехлетнем княжении в Киеве Святослава Ярославича, о мире, заключенном под Киевом на Желяни Святополком Изяславичем, Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем, и др. Большая надпись сделана по поводу внесения в Софию десятины от продажи Бояновой земли, которая, возможно, имела какое-то отношение к знаменитому Бояну из «Слова о полку Игореве».

Среди авторов граффити — представители разных слоев городского населения. Тут и лица княжеской администрации: сотский — боярин Ставр Городятинич, известный по древнерусским былинам под именем Ставра Годиновича, княжеский мечник Василий, отроки и писцы-профессионалы — Иван, дьяк Давидов и Лука, дьяк из г. Турова, зависимые люди — прощенник Михаль. Много надписей сделано монахами, попами, купцами. Среди них, безусловно, были и такие, которые имели отношение к переписыванию книг и летописанию. Авторами граффити были не только киевляне, но и жители древнерусских городов Белгорода, Белой Вежи (Остерской), Турова, Полоцка, Чернигова. В соборе открыты фрагменты глаголических надписей, что свидетельствует о знакомстве на Руси и с этим славянским письмом, и, наконец, древняя азбука, о чем упоминалось выше. Граффити обнаружены также в Новгороде, Старой Ладоге, Смоленске, Чернигове.

Больших успехов достигло в Древней Руси развитие книжного дела. При Ярославе Мудром в Киеве при Софийском соборе была основана специальная мастерская с книгохранилищем, где переписывали книги и делали переводы с греческих оригиналов. Об этом так рассказывается в «Повести временных лет» под 1037 г.: «И собра (Ярослав.— *Ред.*) писцѣ многы и перекладаше от Грекъ на словѣньское писмо. И списаша книгы многи... написавъ положи в святѣй Софьи церкви, юже созда самъ».

Одним из старейших книжных памятников является Остромирово евангелие 1056—1057 гг. Это большая литургическая книга, сделанная с большим художественным вкусом. Текст ее написан на пергамене крупным уставом (торжественным письмом) в два столбца. На трех страницах



Настенная надпись— граффито из Софийского собора в Киеве о продаже Бояновой земли. XI—XII вв.

помещены миниатюры, по технике выполнения напоминающие древнерусские эмали. Они изображают евангелистов Иоанна, Луку и Марка. Текст украшен художественными заставками, напоминающими фресковую орнаментацию в Киевском Софийском соборе, и большими цветными заглавными буквами — инициалами. Названо евангелие по имени новгородского посадника Остромира— заказчика книги. Переписал евангелие, как видно из приписки на последней странице, дяк Григорий с помощниками.

В XI в. появились книги для светского чтения с текстами поучительного характера, так называемые Изборники; два из них сохранились до наших дней. Первый изготовлен по заказу киевского князя Святослава Ярославича в 1073 г. Это сборник произведений разных греческих авторов богословско-философского содержания. Бо́льшую часть книги занимают так называемые Анастасьевы ответы. Интересны также статьи Евсевия о названиях месяцев у разных народов, Георгия Хировоска «О образех» — размышления о поэтических тропах и фигурах: аллегориях, метафорах и т. д. В Изборник входят, кроме того, отрывки из греческого «Летописца вскоре» Никифора.

Рисунок на втором листе Изборника, так называемая выходная миниатюра, дает яркое представление об искусстве книжной миниатюры XI в. Он изображает заказчика книги Святослава Ярославича с семьей. Князь в синем плаще-корзно, отороченном золотой каймой и застегнутом фибулой возле правого плеча. На голове княжеская полусферическая шапка с меховой опушкой. Княгиня в длинном белом платье с широкими рукавами, перехваченном золотым поясом. На голове — плат. Сыновья князя в красных кафтанах, тоже с поясами. В сборнике имеются и другие красочные миниатюры. Интересны рисунки на полях книги. Это знаки зодиака: Дева, Стрелец, Рак, Единорог и др. Текст украшен замеча-

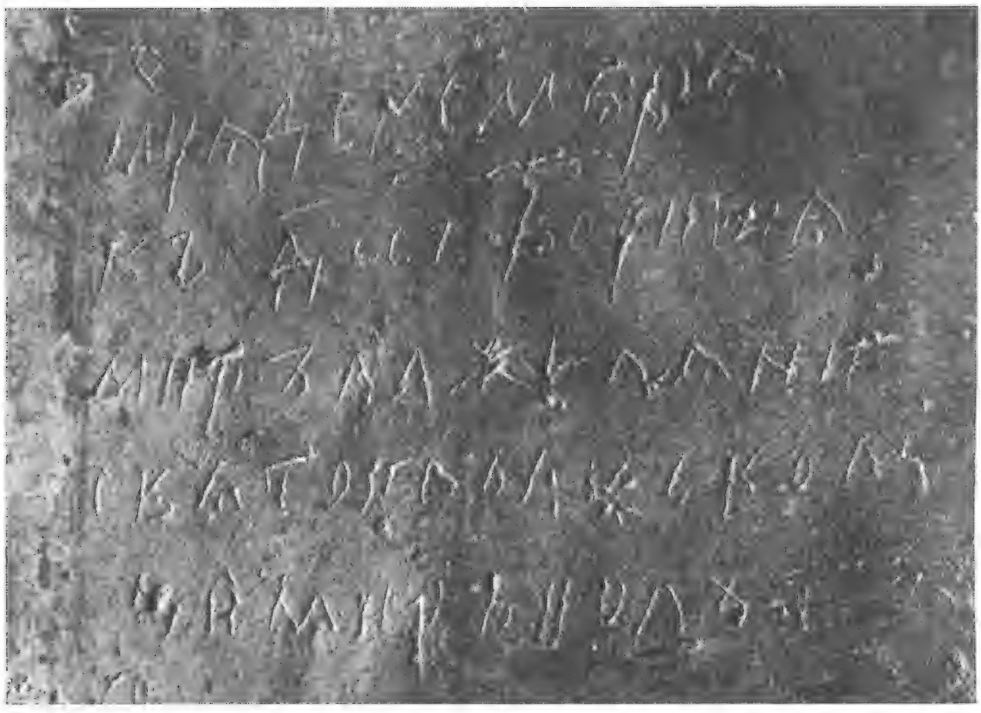
тельными заставками, концовками, инициалами, писанными золотом и красками.

Второй Изборник 1076 г. открывается «Словом некоего калугера (монаха.— *Ред.*) о четьи книг», в котором говорится о пользе чтения книг: «Добро есть, братие, почитанье книжное...».

Изборник содержит в себе ряд дидактических статей, в которых отражены этические взгляды господствующей феодальной верхушки. Среди них кроме указанного «Слова некоего калугера» есть еще: «Наказание богатым», «Слово некоего отца к сыну своему» и др. Существует мнение, что Изборник 1076 г. был составлен киевскими книжниками.

Из памятников книжного письма XI в., дошедших до нас, можно назвать еще Архангельское евангелие 1092 г., а также так называемые служебные минеи 1095, 1096, 1097 гг.— книги, предназначавшиеся для церковной службы.

Значительно больше сохранилось письменных книжных памятников XII в. Среди них главное место занимает роскошное Мстиславово евангелие (около 1115 г.). Книга написана в два столбца красивым уставом на 213 листах. Начальные строки текста писаны творенным золотом. Они украшены большими инициалами и художественными заставками, расписаны красками и золотом. На отдельных листах изображены традиционные евангелисты. Книга оправлена в драгоценный переплет из серебра филигранной работы, украшенный золотыми бляшками с изображениями святых, выполненными в технике перегородчатой эмали. В приписке к



Настенная надпись — граффито из Софийского собора в Киеве о мире на Желяни. Конец XI — начало XII в.

Переписывание книг в библиотеке при Софийском соборе в Киеве. *Миниатюра Радзивилловской летописи*

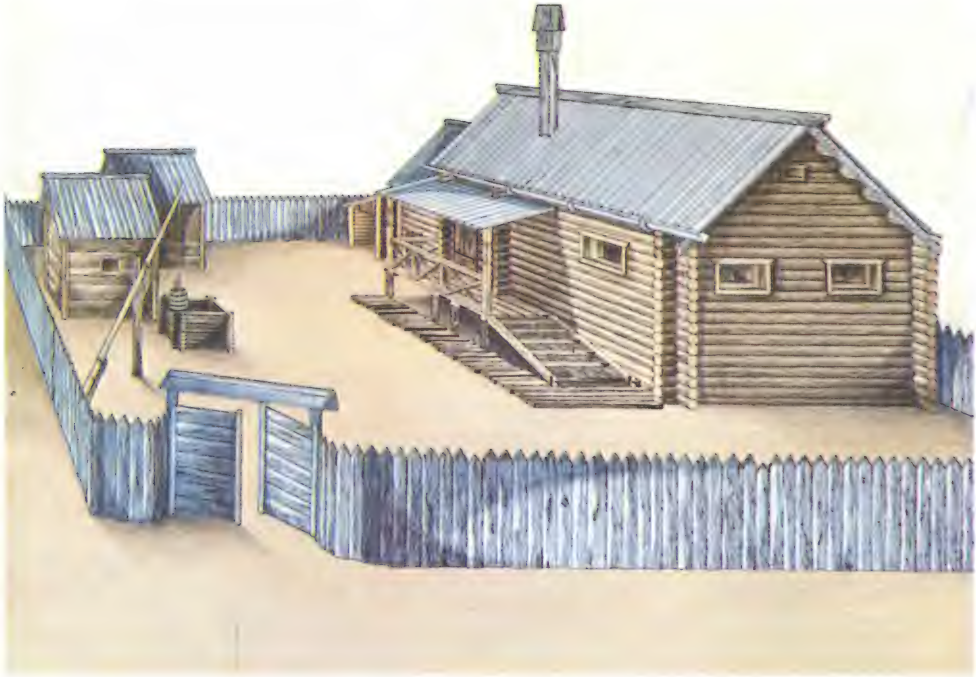
книге сообщается, что текст евангелия переписан поповичем Алексой, а писал золотом другой мастер — Жаден. Драгоценная оправа евангелия из серебра, золота и драгоценных камней частично выполнялась в Царьграде, куда возил книгу княжий тиун Наслав, а вся работа над нею завершена в Киеве.

Юрьево евангелие (1119—1128) является образцом сравнительно скромно украшенной книги. В ней также много заставок, сделанных с большой художественной фантазией и мастерством, инициалов в виде изображений зверей, птиц, человеческих фигур, плетений растительного орнамента. Рисунки имеют непосредственную связь с древнерусским фольклором. Художественное оформление книги хотя и отличается большим вкусом и высоким профессионализмом, однако скромно и лаконично, с использованием только одной карминовой краски. Название евангелия происходит от Юрьевского монастыря в Новгороде, для которого оно было переписано, возможно, в Киеве.

Богослужебные книги не принадлежали к оригинальной древнерусской литературе, поскольку они переписывались и переводились с болгарских и греческих рукописей, но высокий уровень их исполнения, художественные качества заставок и миниатюр указывают на древние устойчивые традиции в деле переписывания и украшения книг на Руси.

Быстрое распространение письменности было тесно связано с общим подъемом экономики и культуры, возросшими духовными потребностями древнерусского общества, практическими задачами, стоявшими перед государством, нуждавшемся в обученных кадрах — в церковных и служилых людях. В XI — первой половине XIII в. письменность обслуживала

Строительство города Белгорода. *Миниатюра Радзивилловской летописи*



Усадьба XII в. Киев (Подол). *Реконструкция П. П. Толочко. Рис. Л. И. Андриевского, В. А. Буйновского*

почти все сферы жизни феодального общества Руси. Торжественным уставом переписывались церковные и богословско-философские книги, писались княжеские грамоты, договоры и другие официальные документы. Купцы, горожане и ремесленники писали берестяные грамоты, делали надписи на различных изделиях и на стенах построек. Все это свидетельствует о распространении письменности не только среди господствующей верхушки и служителей церкви, но и среди прочих слоев населения. По подсчетам советских ученых, книжный фонд домонгольской Руси состоял по меньшей мере из 130—140 тыс. томов, что указывает на исключительное богатство древнерусской книжной культуры. Центрами переписывания книг на Руси кроме Киева были еще: Новгород, Ростов, Рязань, Псков, Галич, Чернигов, Владимир-Волынский и др.

Библиотеки, школы, просвещение и научные знания. Переписка и переводы иностранных книг, поставленные Ярославом Мудрым на уровень важного государственного дела, вскоре привели к основанию при митрополии в Киеве первой известной на Руси библиотеки, вернее — книгохранилища, о котором упоминает летопись под 1037 г. Создание библиотеки при Софийском соборе — важное культурно-историческое событие, свидетельствующее о накоплении в то время значительного количества книг. В книгохранилище собирались главным образом литургические книги, необходимые при открытии новых епископий и строительстве храмов. В библиотеке, безусловно, были и книги для светского чтения, подобные упомянутым Изборникам 1073 и 1076 гг.; тут также сохранялись разные государственные документы: договоры, княжеские грамоты и т. д.

Кроме книгохранилища при Софийском соборе, несколько позже возникла библиотека при Киево-Печерском монастыре, в состав которой вошло много книг, собранных Николой Святошей — одним из монахов монастыря. Среди книг были написанные на иностранных языках. Об этом свидетельствует сообщение «Киево-Печерского патерика» о монахе Никите, который читал латинские, греческие и древнееврейские тексты. Вскоре появились библиотеки и в Новгороде, Чернигове, Переяславе, Белгороде, Турове, Галиче и других древнерусских городах.

В летописи под 988 г. впервые упоминается о введении Владимиром Святославичем школьного обучения на Руси, к которому в первую очередь были привлечены дети «нарочитой чади», т. е. преимущественно состоятельных слоев населения. Ярослав Мудрый во время своего княжения в Новгороде приказал создать школы и учить грамоте триста детей. Кроме снециальных начальных школ, где готовились главным образом кадры — низшего духовенства и служилых людей, существовало и частное обучение. Так, Феодосий Печерский учился у одного из учителей в г. Курске.

Об обучении грамоте свидетельствуют некоторые граффити на стенах Софийского собора в Киеве. В разных частях здания учениками или служками сделано немало надписей и рисунков. Один из них, например, написал: «Пищанъ писалъ в дяки ходил ученикомъ». Начальные школы существовали при крупных монастырях. Так, Анна (Янка) Всеволодовна, с 1086 г. монахиня Андреевского монастыря в Киеве (по данным В. Н. Татищева, который пользовался неизвестными нам древними источниками), основала при нем школу для девочек, где обучали грамоте, пению, шитью и другому рукоделию, что для средневековой Европы было необычным явлением.

Среди новгородских берестяных грамот, найденных во время археоло-

гических раскопок, есть азбука XII—XIII вв., вырезанная на дощечке, а также школьные упражнения уже упоминавшегося выше мальчика Онфима. Часто встречаются так называемые писала — металлические и костяные заостренные стержни для письма на воске и, возможно, на бересте. Кроме бересты во время исследований обнаружены и специальные дощечки с углублениями для воска, по которому писали свои грамматические упражнения ученики.

Письменные источники различают обычную грамотность и «книжное учение». Под книжным обучением подразумевалось прохождение специального курса средневековых наук, который состоял главным образом из богословско-философских дисциплин — богословия, философии, а также грамматики, риторики и некоторых сведений по истории. Знания ученики получали не только от учителей, но и из переводной литературы, рано появившейся на Руси. В это время получили распространение произведения Иоанна Дамаскина, Козьмы Индикоплова, Епифания Кипрского. Отдельные выходцы из имущих слоев населения Руси, возможно, дополняли свое образование за границей.

Среди деятелей культуры Древней Руси можно назвать много выдающихся, высокообразованных людей: летописцев Никона Великого, Нестора, Сильвестра, писателя-публициста Илариона, а также писателей: автора «Слова о полку Игореве», Луку Жидяту, Кирилла Туровского, Климента Смолятича, Даниила Заточника и др. Они владели иностранными языками, знали античную, византийскую и западноевропейскую историческую, богословскую и художественную литературу.

Немало образованных людей было среди князей. Это Ярослав Мудрый, которого летописец особо отличает за его большую любовь к чтению: «Книгамъ прилежа, и початая е часто в нощи и въ дне». Хорошее образование получила и его дочь Анна Ярославна, бывшая замужем за Генрихом I Капетингом. Ее подписи известны на государственных документах Франции. Пятью иностранными языками владел Всеволод Ярославич. Владимир Мономах знал греческий и английский языки, занимался литературной деятельностью. «Книжником» и «философом» называет летописец владимиро-волынского князя Владимира Васильковича.

Важное значение для распространения просвещения на Руси имели переводы книг с иностранных языков. В XI в. сделано значительное количество переводов с греческого языка на древнерусский. К ним принадлежали произведения по всемирной истории и развлекательная литература: Хроника Георгия Амартола, Хроника Синкелла, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Житие Василия Нового», «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Александрия», «Повесть об Акире Премудром» и др. Читая эти книги, русские люди знакомились с мировой историей, странами, окружавшими Русь. На Руси знали также произведения античных авторов: Аристотеля, Платона, Сократа, Демокрита, Эпикура, Плутарха, Софокла, Геродота и др. Отрывки из их трудов входили в распространенные на Руси сборники, носившие название «Пчела».

Научно-естественные знания на Руси, как и в других странах Европы, находились под влиянием средневековых трактатов Козьмы Индикоплова, «Физиолога» неизвестного автора, «Шестоднева» Иоанна, экзарха болгарского. Эти книги отличались характерным для средневековья богословско-схоластическим толкованием явлений природы и мира, в них содержалось много выдумок и фантазии. Так, космогонические представления о мире и его устройстве, по

Индикоплову, сводились к следующему: земля представляет собой четырехугольник, омываемый со всех сторон океаном; внутри земли два моря: Средиземное и Каспийское и заливы Персидский и Аравийский; за океаном находится твердая земля, но там не живут люди, она окружена стеной, которая, закругляясь, образует небосвод.

Наряду с этими далекими от действительности взглядами на Руси существовали и реалистические знания, появившиеся в результате производственной деятельности людей. Металлургия, кузнечное и ювелирное дело требовало знаний в области металловедения, а строительство монументальных сооружений —элементарных знаний по математике. Арифметические знания необходимы были в торговле. С давних времен на Русь проникла ионийская система счета, при которой буквы греческого алфавита с разными дополнительными знаками (титлами) употреблялись как цифры.

Изготовление стекла, мозаик, разноцветных эмалей, черни, глазури для керамических изделий и т. п. было невозможно без знания химических свойств материалов.

Значительного развития на Руси достигли географические знания. Судить о них в достаточно полной мере можно на основании летописных известий. Так, «Повесть временных лет» много внимания уделяет географическим описаниям. Особенно ярко географические познания в XII в. видны при перечислении стран и земель, доставшихся трем сыновьям легендарного Ноя. Главнейшие из них на востоке: Персия, Бактрия, Индия, Сирия, Вавилон, Месопотамия, Аравия, Финикия; на юге: Египет, Эфиопия, Кириния, Мармария, Нумидия, Мавритания, Киликия, Фригия, Ликия, Вифиния; острова: Сардиния, Крит, Кипр; реки: Ефрат, Нил; на севере: Мидия, Албания, Армения, Каподокия, Пафлагония, Босфор, Меотий, Сарматия, Таврида, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Пелопонес, Аркадия, Адриатическое море; острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Ионией; народы: русские, чудь, меря, мурома, весь, мордва, емь, угра, литва и др.

Летопись подробно рассказывает о расселении славянских племен, место их проживания часто связывается с реками: Дунаем, Днепром, Моравой, Припятью, Двиной, Десной, Сулой и др. Поляне, по словам летописца, жили на горах у Днепра, где проходил путь из «Варягъ въ Греки» и «от Грек» по Днепру. Он хорошо знает этот путь по Днепру, Ловати, Ильменскому озеру, Волхову и далее в море Варяжское. Он замечает также, что из Варяжского моря можно «ити до Рима, а от Рима прити в Понт море, въ не же втечет Днѣпрь рѣка». Летописец знает и то, что из Оковского леса берут свое начало реки: Днепр, Двина и Волга. По Волге, пишет он, идет торговый путь на Восток, по нему можно достичь Хвалисы (т. е. Хорезма) и Хвалынского (Каспийского) моря. Географические познания Древней Руси, таким образом, охватывали всю Европу, южную часть Азии и Северную Африку.

На Руси известны и начальные медицинские знания. С языческих времен получило распространение лечение при помощи растений, сопровождавшееся магическими «заговорами», «шептаниями», «заклинаниями» и т. п. Письменные источники упоминают врачей-профессионалов — «лечьцов» (один из них — Агопит — монах Киево-Печерского монастыря), а также случаи хирургического лечения, в частности «рѣзанье желве» — опухоли, сделанное в 1076 г. Святославу Ярославичу.

Литература. Одним из свидетельств высокого уровня развития древнерусской культуры было появление

оригинальных литературных произведений: исторических, философско-публицистических, юридических, художественных и церковных.

Возникновение и расцвет древнерусской литературы тесно связаны с социально-экономическим развитием страны, распространением письменности и устным народным творчеством — фольклором. В древнерусском фольклоре, отражавшем народную идеологию, много внимания уделялось возвеличиванию простого человека. Еще задолго до проникновения письменности у восточных славян существовало богатое устное творчество: обрядовые песни, легенды, загадки, поговорки, заговоры, заклинания, эпические и лирические песни. Позже получили распространение эпические песни-былины, посвящавшиеся важным событиям из жизни народа, борьбе Руси с врагами, разным социально-бытовым явлениям. Известны былины так называемых киевского и новгородского циклов. Самые ранние из них — о богатыре Святогоре. Любимыми героями былин киевского цикла, относящимися по содержанию ко времени Владимира Святославича, были воины-богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Наиболее популярный герой среди них — Илья Муромец, крестьянский сын, обобщенный образ русского воина-патриота, бескорыстного защитника Русской земли, «вдов и сирот».

Популярный герой народного эпоса — крестьянин-пахарь Микула Селянинович, в образе которого воспевалось величие крестьянского труда. К наиболее известным и распространенным былинам относились: «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище», «Добрыня и Змей», «Добрыня Никитич и Алеша Попович», «Илья Муромец и Калин-царь» и др.

Устное народное творчество оказало большое влияние на древнерусскую литературу, ее форму, язык и стиль. Особенно это заметно в исторических произведениях. Возникновение исторической литературы тесно связано с развитием общественного сознания, появлением интереса к прошлому родной земли, стремлением определить место Руси среди других стран мира. Важным событием древнерусской действительности стало появление летописания.

Одной из проблем изучения древнерусского летописания является установление времени появления первого исторического произведения. Весомый вклад в изучение древнерусского летописания внесен советскими учеными. Возникновение первого исторического произведения на Руси относится ими к очень раннему времени. Так, Б. А. Рыбаков считает, что отдельные записи исторического характера велись в Киеве еще во времена князя Аскольда (Осколда), т. е. со второй половины IX в. Это была так называемая «Летопись Осколда», отголоски которой сохранились в позднейшей Никоновской летописи.

По мнению Д. С. Лихачева, появлению древнерусского летописания предшествовало «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси» — произведение, еще не имевшее хронологической канвы и касавшееся только церковной истории Руси.

Написание первого летописного свода на Руси, согласно последним исследованиям, относится к 966—977 гг. Это было историческое произведение, подводившее итог деяниям Владимира Святославича и его предшественников. Свод, как считает Б. А. Рыбаков, оканчивался словами: «И живяше Володимер по устроенью отьню и дедню».

В 1037—1039 гг. при Софийском соборе в Киеве была написана летопись, которая исследователями условно названа Древнейшим киевским сводом. Его автором, возможно, был упоминавшийся выше писатель и по-

литический деятель Иларион. Оканчивался свод большой статьей, содержавшей похвалу строительной и просветительной деятельности Ярослава Мудрого.

Со второй половины XI в. летописание продолжалось в Киево-Печерском монастыре. Здесь в 1072—1073 гг. игумен монастыря Никон составил летописный свод. Он уделил много внимания литературной обработке текста, уточнению хронологии, привлечению новых материалов. Он внес в летопись сказания о походах на греков киевских князей: Аскольда, Олега, Игоря и Святослава. Существует также мнение, что именно Никон — автор основного текста летописи 1037—1073 гг.

В 1093—1095 гг. игумен Иоанн написал свод, названный исследователями Начальным. В нем нашло свое отражение усиление княжеских междоусобиц и борьба Руси с половцами.

В 1113 г. написана «Повесть временных лет» — наиболее выдающееся историческое произведение Руси. Ее автором был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. «Повесть временных лет», которой начинаются почти все древнерусские летописи, дошедшие до нашего времени, лучше сохранилась в двух поздних списках. Более ранний из них — Лаврентьевский список — входит в состав Владимиро-Суздальской летописи, которую в 1377 г. переписал монах Лаврентий. Во второй, Ипатьевский список начала XV в. кроме «Повести временных лет» вошли еще Киевская (XII в.) и Галицко-Волынская (XIII в.) летописи.

«Повесть временных лет» по содержанию — сложное произведение. В него вошли все предыдущие своды и разные дополнения, сделанные как самим Нестором, так и его продолжателями и редакторами. Главная цель Нестора — выяснить происхождение Руси. «Повесть» начинается историко-этнографическим обзором. Автор много внимания уделяет рассказу о расселении славянских племен и географическому описанию Руси. Он называет реки и пути, связывающие Русь с другими странами, описывает путь «от Грек», а также по Волге до Каспийского моря, упоминает части света — Европу, Азию, Африку (Северную). В летописи даются подробные сведения об обычаях славянских племен и народов, которые их окружают. В ней помещены такие литературные произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха детям и его письмо к Олегу Святославичу, рассказ об ослеплении Василька Теребовльского; отрывки переводов из византийских авторов: Хроники Георгия Амартола, «Жития Василия Нового», «Летописца вскоре» Никифора; официальные государственные документы — договоры Руси с греками и т. д. «Повесть временных лет» — это общерусский летописный свод и литературно-энциклопедическое произведение, в котором читатели могли найти ответы на интересовавшие их вопросы отечественной истории. «Повесть» отражает идеологию господствующей верхушки Руси — княжескую и дружинно-боярскую. В ней впервые сделана попытка установить место Руси в общеисторическом процессе, связать русскую историю с мировой. В произведении последовательно проводится идея сохранения и защиты Русской земли, осуждаются княжеские распри.

«Повесть временных лет» доведена до 1110 г. В 1113 г., после народного восстания в Киеве, князем стал Владимир Мономах. По его заказу в 1116 г. «Повесть» редактировал игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, а в 1118 г.— сын Мономаха Мстислав или близкий к нему человек. Цель переработки заключалась в том, чтобы выдвинуть на первый план Владимира Мономаха и показать его мудрым князем, защитником Русской земли от половцев. «Повесть временных лет» в редакции

Сильвестра дошла до нашего времени в Лаврентьевском списке летописи. Оканчивается она авторской припиской 1116 г.

В период феодальной раздробленности характер древнерусского летописания значительно изменяется. Возникают новые летописные центры в Чернигове, Переяславе, Холме, Владимире-Волынском, Переяславе-Залесском, Владимире на Клязьме, продолжается летописание в Новгороде и других городах. Появляются новые оригинальные формы исторических произведений: семейные и родовые княжеские летописи, жизнеописания князей, повести о княжеских преступлениях.

В XII в. киевское летописание продолжалось в Выдубицком монастыре. Здесь при князе Рюрике Ростиславиче игумен Моисей составил Киевский летописный свод — интересное историческое и литературное произведение периода феодальной раздробленности Руси. В него вошли: жизнеописание киевского князя Изяслава Мстиславича, выдержки из княжеских летописей Игоря Святославича и Святослава Ольговича, родовая летопись смоленских Ростиславичей, повесть Кузьмищи Кыянина об убийстве Андрея Боголюбского и др.

В середине XIII в. важным центром летописания стал галицкий город Холм. В нем написана начальная часть Галицко-Волынской летописи — свод Даниила Галицкого, доведенный до 1260 г. Главное внимание летописец уделил описанию борьбы с крамолой бояр, возвеличению князя и дружины. В летопись вошли: перечень киевских князей, начиная от Аскольда и до воеводы Даниила Галицкого — Дмитра, документы канцелярии и княжеского архива. Галицкая летопись — связный рассказ, но начальная часть его не имеет хронологической канвы. Значительное место в нем занимают народные поговорки и пословицы. Волынская часть летописи писалась в последние годы жизни владимиро-волынского князя Владимира Васильковича, а продолжена она была при его преемниках.

Оригинальных литературных памятников XI—XII вв. сохранилось сравнительно немного. Это отдельные произведения, случайно уцелевшие от пожаров, вражеских погромов и времени. Некоторые из них, очень распространенные в свое время, дошли до наших дней в отдельных, часто поврежденных экземплярах, к тому же в составе более поздних, много раз переписанных рукописей. Наиболее выдающиеся среди них «Слово о законе и благодати» Илариона, «Поучение» детям Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Хождения Даниила» и др.

Одним из наиболее ранних оригинальных древнерусских произведений XI в., дошедших до нашего времени, является «Слово о законе и благодати» Илариона, написанное между 1037 и 1051 гг. Оно состоит из трех частей. Вначале автор касается вопросов так называемой вселенской церковной истории. Далее он развивает основную идею произведения — мысль о равноправии народов в духовной и политической жизни. Он доказывает, что народу Руси не нужна опека Византии, это — новый народ, которому принадлежит будущее.

Завершающая часть «Слова», написанная с большим подъемом, пафосом и воодушевлением, посвящена Владимиру Святославичу. Иларион сравнивает дела Владимира и княгини Ольги на Руси с деяниями византийского императора Константина и его матери Елены, при которых христианство стало государственной религией в Византии. Иларион полностью отвергает мысль о норманском происхождении Руси и призыве варягов, он вовсе не упоминает Рюрика. Говоря о князьях — предшественниках Владимира, автор высоко ставит авторитет Русской земли, которая

«вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». Иларион упоминает и продолжателя «добрых дел» Владимира — его сына Ярослава, перечисляет и возвеличивает его заслуги: расширение территории Киева и особенно сооружение Софийского собора.

Выдающимся памятником древнерусской юридической литературы является «Русская правда» — сборник законов, составленный в XI—XII вв. на основе обычного права восточных славян. Известны две основные редакции «Русской правды» — «Краткая правда» и «Пространная правда». «Краткая правда» состоит из «Древнейшей правды», или «Правды Ярослава», и законов его сыновей — «Правды Ярославичей». В «Русской правде» нашло свое отображение развитие феодальных отношений на Руси, обострение классовой борьбы. Многие статьи в ней посвящены защите феодальной собственности. «Русская правда» — важный памятник феодального права Древней Руси.

Нестор, позже автор «Повести временных лет», в конце XI в. написал «Чтение о жизни и погублении... Бориса и Глеба». Это агиографическое произведение, в котором рассказывается о жизни князей Бориса и Глеба, убитых по указанию Святополка во время борьбы за киевский стол. Прославляя Бориса и Глеба, автор в то же время осуждает непокорность молодых князей старшим и тем самым подчеркивает незыблемость принципа старшинства на Руси. В другом своем произведении — «Житии Феодосия Печерского» — Нестор нарисовал яркую картину древнерусской жизни, изобилующую многими бытовыми подробностями.

В начале XII в. на Руси появляются произведения путешественников-паломников. Путешествия в Палестину приобрели в XII в. значительное распространение. О «хождениях» не раз упоминается в летописи. Одним из таких паломников был игумен Даниил, возможно, выходец из Черниговской земли. В начале XII в. он посетил «святые места», прожил там два года и оставил подробное описание всего увиденного. Сочинение «Хождения Даниила» проникнуто идеей патриотизма. Это произведение-справочник, или, вернее, дорожные заметки, написанные простым языком, без ораторских прикрас. «Аз написах не хитро, но просто»,— говорит он. Благодаря этому произведение Даниила было доступно широким слоям населения Руси и быстро получило значительное распространение и популярность.

В 1115 г. исполнилось сто лет со дня смерти Бориса и Глеба. В связи с этим, вероятно, появилось произведение «Сказание о Борисе и Глебе», автором которого мог быть Лазарь из г. Вышгорода или печерский монах Иаков Мних. Вопрос об авторстве еще окончательно не решен. В «Сказании» содержится много разных сведений исторического характера, отсутствующих в других источниках.

В Лаврентьевскую летопись под 1096 г. вошли литературные произведения Владимира Мономаха — «Поучение» детям и письмо к Олегу Святославичу. Литературная форма «Поучения» в виде обращения отца к детям не нова. Она характерна для средневековой литературы и получила распространение на Руси. В Изборнике 1076 г. помещено, например, упомянутое «Слово некоего отца к сыну своему».

Идейная основа «Поучения» Владимира Мономаха — тревога о судьбе Руси. Мономах, очевидец больших социальных конфликтов (восстание в 1113 г. в Киеве), в своем произведении стремился затушевать классовые противоречия и пытался доказать необходимость укрепления внутреннего мира на Руси. Героем произведения является идеальный князь — защитник родной земли. Ему противопо-

ставляются князья, которые стремятся лишь к личному обогащению и власти.

К церковной литературе XII в. принадлежат произведения Климента Смолятича — второго после Илариона митрополита из русских, поставленного при Изяславе Мстиславиче. Климент был образованным человеком, летопись называет его «книжником» и «философом». Он написал много произведений, но до нашего времени сохранилось лишь его «Послание пресвитеру Фоме» — лицу, близкому к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу. «Послание» Климента свидетельствует о его большой эрудиции и знакомстве образованных людей Руси с произведениями выдающихся античных авторов.

Известный писатель XII в. Кирилл Туровский — автор многих произведений, главным образом поучений, проповедей («Слов»), молитв. Кирилл Туровский имел ораторский и поэтический талант, знал греческий язык и литературу. На его творчестве отразились характерные черты греческой литературы — драматизм, символизм, противопоставление положительного отрицательному и т. д. В произведениях Кирилла Туровского есть немало реалистических черт. Судя по его «Притче о человеческой душе и телесах», Кирилл Туровский принимал участие в политической жизни Руси, в частности в борьбе против Андрея Боголюбского.

Шедевром древнерусской художественной литературы XII в. является «Слово о полку Игореве». «Слово» написано в тяжелое время для Руси, ознаменовавшееся усилением натиска кочевников. В нем рассказывается об одном из трагических эпизодов борьбы с кочевниками — неудачном походе против половцев новгород-северского князя Игоря Святославича в 1185 г. Цель похода — разгромить кочевников и «поискати града Тьмутороканя либо испить шеломом Дону». Этот смелый план заранее был обречен на неудачу из-за неравенства сил. Первый день похода принес русичам победу. На второй — половцы, собравшись с силами, окружили войско Игоря. Три дня продолжалась неравная кровопролитная битва. Русское войско потерпело поражение. Игорь и три других князя попали в плен. Разгром войска Игоря глубоко опечалил Русь. Поражение автор «Слова» видит не в наказании божьем за грехи, как летописец, а в отсутствии единства и в сепаратистских стремлениях князей.

Поэт понимает, что несогласие между князьями губит Русскую землю. Обращаясь к далекому прошлому, он припоминает княжеские распри при Олеге Святославиче. В его словах — предостережение. Минувшие битвы принесли много бед, но такой кровопролитной поэт не припоминает. Так автор сравнивает современные события с прошлыми. В уста Святослава Всеволодовича, великого киевского князя, он вкладывает «золотое слово» — призыв к объединению князей. «Не прилетел бы ты издалека, чтобы позаботиться об отцовском столе?» — обращается поэт к Всеволоду Суздальскому. На помощь Игорю он призывает Рюрика Ростиславича, Ярослава Осмомысла Галицкого, волынского князя Романа Мстиславича и др.

Тонкого лиризма преисполнен плач Ярославны — супруги Игоря. Ярославна предчувствует беду, она хочет полететь к своему любимому кукушкой, обращается к солнцу, ветру, Днепру с просьбой помочь Игорю:

Ярославна рано плачет в Путивле
на забороле, причитая:
О Ветер-Ветрило!
Зачем, господин, силой встречною веешь,
зачем мчишь половецкие стрелы на своих
легких крыльях на моего лады воинов?
Мало ли тебе было высоко под облаками
веять, лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселие по ковылю
развеял?

Поэтический перевод В. И. Стеллецкого.

«Слово о полку Игореве» — талантливое художественное и страстное публицистическое произведение, выдвигавшее актуальную идею времени — объединение всех сил Русской земли для борьбы с врагом. «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» [1],— писал К. Маркс. Автор «Слова» выразил мысли, чувства и чаяния народа. На примере поражения Игоря он показал, к чему приводят княжеские разногласия и междоусобицы.

Кто автор «Слова» неизвестно. В последнее время наиболее обоснованное мнение по этому вопросу высказал Б. А. Рыбаков. Он считает, что автором «Слова» был киевский боярин Петр Бориславич.

Много литературных произведений вошло в «Киево-Печерский патерик», составленный в конце XII — начале XIII в. Сборник содержит жития святых, поучения, рассказы и т. д. «Патерик» создан монахами Киево-Печерского монастыря. В нем имеется ряд произведений, написанных значительно раньше известными древнерусскими писателями. Феодосию Печерскому принадлежат десять поучений («Слов») братии. В него входят упомянутые произведения Нестора «Чтения о житии и о погублении... Бориса и Глеба» и «Житие Феодосия Печерского». Больше всего места в «Патерике» занимают послания суздальского епископа Симона к печерскому монаху Поликарпу и Поликарпа к игумену Акиндину. Последнее произведение заключает в себе особенно интересные сведения. В нем в виде преданий рассказываются подробности строительства главной Печерской церкви Богородицы. Среди них: «О Симоне, князе варяжском», «О зодчих», «О живописцах», в частности о киевском художнике Алипии.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 29, с. 16.

В XI—XII вв. древнерусская литература достигла значительных успехов в своем развитии. На Руси творили выдающиеся писатели, создавшие талантливые исторические, публицистические и художественные литературные произведения. «Слово о законе и благодати» Илариона, «Повесть временных лет» Нестора, «Слово о полку Игореве» — шедевры древнерусского литературного наследия, дошедшие до нашего времени.

Музыка. Все наиболее важные события древнерусской жизни тесно связаны с музыкой. Праздники — семейные (рождение, свадьба) или общественные — земледельческие — сопровождались обрядовыми песнями, музыкой, танцами и зрелищами. С песнями выступали в военный поход. В сопровождении ритмических ударов в бубны и звуков труб-зурн вступали в бой с врагом, с песнями праздновали победы. Песнями-плачами и песнями-причитаниями сопровождался древнерусский погребальный обряд.

На Руси издавна существовали профессиональные исполнители. Среди них особое место занимали певцы былин и преданий, которые в речитативно-декламаторской форме «славили» — пели героическо-эпические песни. Наиболее ярким представителем таких исполнителей был Боян — певец XI в., живший при дворе Святослава Ярославича и упомянутый в «Слове о полку Игореве». Боян в своих песнях прославлял дела и подвиги Ярослава Мудрого, Мстислава Владимировича, Романа Святославича, аккомпанируя себе на древнем музыкальном инструменте — гуслях. Подобные певцы-профессионалы известны и в более позднее время. Так, в летописи под 1241 г. упоминается галицкий «славутный певец» Митус.

Среди профессиональных музыкантов и актеров важное место занимали скоморохи-затейники. Путешествуя по городам и селам, они выступали на

праздниках и торгах. Скоморохи мастерски владели разнообразными музыкально-исполнительскими жанрами: были танцорами, фокусниками, актерами, водили медведей, играли на гуслях, трубах, флейтах, гудках и бубнах. Некоторые постоянно жили при княжеском дворе или при дворах крупных феодалов, услаждая и развлекая своих покровителей. Именно такие скоморохи, видимо, изображены на известной фреске в Софийском соборе в Киеве. На фреске зафиксирован оркестр из семи музыкантов. Трое из них играют на флейте и трубах, двое — на щипковых многострунных инструментах — лютне и псалтыри, один — на тарелках (кимвалах) и последний — на пневматическом органе. В центре фрески два танцора, справа от них акробаты исполняют упражнения с шестом, слева — два служителя мехами нагнетают воздух в орган.

В северной башне собора имеется также изображение музыканта со смычковым инструментом, подобным скрипке (виоле), но еще с малоразвитым грифом. Эта деталь сближает его с древнерусскими музыкальными инструментами — гудками, обнаруженными во время археологических раскопок в Новгороде.

Прямой параллелью к сюжету софийской фрески является эпизод из повседневного быта князя Святослава Ярославича, описанный Нестором в «Житии Феодосия Печерского»: «...И яко вниде в храм, идеже князь седяй, и се виде многы играюще пред ним; овы гуслепые гласы испущающим, и инем мусикейскыя пискы гласящим, иныя же органныя, и тако всем играющим и веселящимся, якоже обычай есть пред князем». Автор говорит о придворном музыкальном ансамбле не как о каком-то чуде, необычном для Руси, а, наоборот, подчеркивает, что скоморохи играли и веселились, «якоже обычай есть перед князем».

Известна была на Руси и военная музыка. Летописные источники неоднократно упоминают трубы-зурны, или сурны, ударные инструменты: бубны-барабаны, накры, арганы. Так, в 968 г. русский воевода Претич громкими звуками труб-зурн напугал печенегов, осадивших Киев. Они бежали, думая, что это возвратился из Болгарии Святослав Игоревич с войском. Трубы и бубны упоминает летописец и в описании Липецкой битвы в 1216 г.

О большой популярности музыкального искусства на Руси свидетельствуют музыкально-танцевальные сюжеты в книжной миниатюре и произведениях прикладного искусства. Изображения гусляров и танцоров встречаются не только в фресках Софийского собора, но и на пластинчатых браслетах из Киева и других городов, они имеются на серебряной чаше XII в. из Чернигова, среди миниатюр Радзивилловской летописи.

В Новгороде обнаружены древнерусские смычковые инструменты — гудки. Эти находки имеют большое значение для изучения музыкальной культуры Руси. Корпус гудка сделан из дерева в виде овального продолговатого корытца с треугольной головкой, где помещались три колышка для натягивания струн. Сверху корпус инструмента закрывался декой с вырезами. Играли на гудке смычком из конского волоса.

Таким образом, в древнерусский музыкальный инструментарий входили разнообразные инструменты: духовые — зурны, свирели (сопели), разные флейты, орган; щипковые — гусли, арфа, лютня, псалтырь; смычковые — гудок, смык; ударные — бубны, накры, тарелки, арганы. Наиболее сложными из названных инструментов — пневматическим органом, арфой, лютней — пользовались, видимо, преимущественно придворные музыканты, как об этом свидетельству-

ет софийская фреска, а гусли, гудки, свирели и т. п. были распространены среди скоморохов.

Важное место в развитии древнерусской музыкальной культуры занимало церковное пение — составная часть театрализованной церковной службы. Церковное хоровое пение, как и другие древнерусские музыкальные жанры, развивалось и совершенствовалось под влиянием народного творчества. На Руси получил распространение профессиональный стиль хорового пения, называвшийся «знаменным распевом».

Известна была и система нотных знаков — крюковая нотация. Нотные знаки в виде крючков писали над строчками текста. Другой системой, которой пользовались на Руси в XII—XIII вв. для записи мелодий была кондокарная нотация. До нашего времени сохранились памятники, написанные обеими указанными нотными системами, что свидетельствует о высоком уровне развития древнерусской музыкальной культуры.

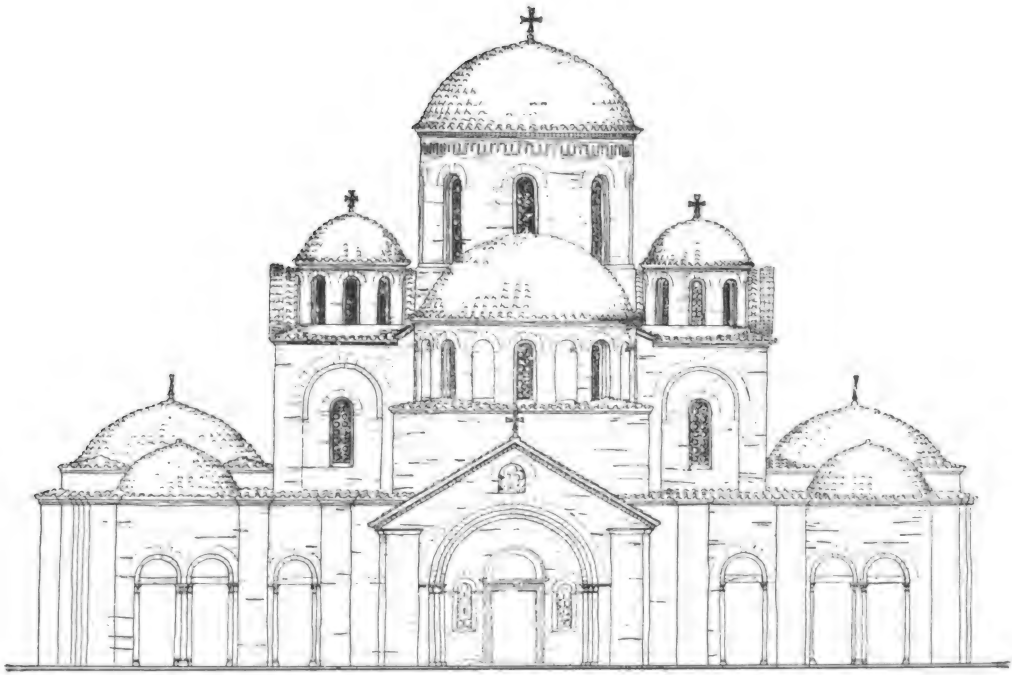
Как считают исследователи, еще до монголо-татарского нашествия на Руси на основе одноголосого «знаменного распева» возникло многоголосие — «строчное пение», но дальнейшее развитие и распространение оно получило в более позднее время.

3. АРХИТЕКТУРА, ЖИВОПИСЬ, ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Архитектура. С образованием Древнерусского государства одной из главных проблем была защита страны от нападений внешних врагов. Постоянная угроза со стороны кочевых народов Степи — печенегов, а позже — половцев требовала принятия срочных мер по обороне страны. Особенно это касалось южных границ Руси. Под 988 г. в летописи рассказывается о строительстве оборонительных линий с городами-крепостями по речкам Суле, Трубежу, Стугне и Ирпеню, которые должны были защищать подступы к Киевской земле.

Традиционные восточнославянские оборонительные сооружения Поднепровья строились главным образом из земли и дерева. Издавна на Руси получили распространение земляные валы с частоколом и рвом, которые умело сочетались с рельефом местности. Но такие довольно примитивные укрепления уже не могли удовлетворить возросших требований обороны, и поэтому конструкция земляных оборонительных сооружений в период Киевской Руси была значительно усовершенствована. Основу древнерусского вала составляли деревянные срубы-городни, засыпанные в середине землей. Часть срубов выступала над валом и образовывала стену, поверх которой находились заборола — брустверы с боевыми площадками и бойницами для стрелков.

Отдельные клети срубов имели размеры приблизительно 3×3 м и ставились в несколько рядов по ширине вала. Больше всего клетей — девять — известно в валу Города Ярослава в Киеве. Высота вала с заборолами в больших древнерусских городах достигала 10—16 м. Перед валом со стороны поля выкапывался глубокий ров, который часто наполнялся водой. Городские ворота обычно строились из дерева или камня, а над парадными воротами возводилась надвратная церковь. Такую конструкцию представляли собой Золотые ворота в Киеве и Владимире на Клязьме, Епископские ворота в Переяславе. Обязательным инженерным сооружением, входившим в оборонительный комплекс городских ворот, был подъемный мост через ров.



Десятинная церковь в Киеве, западный фасад. 989—996 гг. *Реконструкция Н. В. Холостенко*

Древнерусские города состояли из двух основных частей: детинца (кремля) и окольного града. Детинец — первоначальная, наиболее старая часть города, которая хорошо укреплялась и играла роль цитадели. В пределах оборонительных укреплений детинца размещался княжеский двор, дворец, епископская резиденция, кафедральный собор. Основная масса городского населения, состоявшая преимущественно из ремесленников, жила в окольном граде. Там же находились торговая площадь, дворы бояр, дружинников и купцов. Размеры окольного града в больших древнерусских городах достигали 50—120 га, детинца — от 0,2 до 10 га.

В больших городах, за пределами оборонительных укреплений окольного града, нередко возникали поселения, имевшие название: «концы» (слободы). В Киеве известен Копырев конец, в Новгороде — Неревский, Плотницкий, Славенский, Людин и Загородный концы. В концах жили ремесленники: кузнецы, гончары, кожемяки, а также мелкий торговый люд.

Жилищная застройка древнерусских городов и сел состояла преимущественно из распространенных у восточных славян, особенно у бедного люда, однокамерных жилищ площадью около 20 м². Для сохранения тепла жилище углублялось в землю на 20—70 см. Зимой оно отапливалось небольшой полусферической печью, которая топилась «по-черному», но иногда имела дымоход. Крыша чаще всего покрывалась тесом, а стены, имеющие столбовую конструкцию, обмазывались глиной и белились.

Распространенными были и срубные жилища, известные по археоло-

гическим исследованиям в Новгороде, Бресте и обнаруженных в последнее время в большом количестве в Киеве, на Подоле. В срубных жилищах жило, как правило, торгово-ремесленное население города. Большинство срубных жилищ имело два помещения, в одном из которых находилась печь.

У имущих слоев городского населения срубные жилища известны из письменных источников под названием «хоромы». Такое жилище состояло из трех срубов, которые образовывали помещения: среднее — «сени» и два боковых — «истба», с одной стороны, и «клеть» — с другой. «Сени» иногда находились на втором этаже и имели вид крытой галереи. Верхняя часть такого жилища называлась «терем»; крыша обычно покрывалась тесом, черепицей или свинцовыми листами.

Большие древнерусские города застраивались по радиально-кольцевой системе. Улицы, главные из которых мостились бревнами, со всех сторон сходились к кафедральному собору, торговой площади или к городским воротам. Застройка городов имела усадебный характер, а ее плотность была значительно меньшей, чем в современных им городах Западной Европы.

С введением христианства Русь приобщалась к передовой в то время византийской строительной культуре, сложившейся под влиянием богатых традиций античного искусства. Христианская церковь хорошо понимала и учитывала воздействие на народные массы монументального искусства, в частности величественных архитектурных сооружений, украшенных, по словам летописца, всяческой красотой. Для строительства каменных культовых сооружений, которые и ранее изредка возводились на Руси, к концу X в. сложились уже необходимые условия. Древнерусское ремесло достигло высокой степени развития и дифференциации. Среди ремесленников были известны специалисты многих профессий, в том числе плотники, кузнецы, гончары, древоделы, гвоздочники, плинфотворители и др. Они быстро овладели приемами византийского строительного искусства, творчески приспособили их к местным условиям.

В основу культовых сооружений на Руси был взят так называемый крестовокупольный тип храма, широко известный в Византии. Основной чертой таких храмов являлось то, что их внутреннее пространство, перекрытое сводами, в плане имело форму креста, над средней частью которого возвышался главный купол, опиравшийся при помощи подпружных арок и парусов (специальных строительных конструкций) на четыре столба. С восточной стороны находились алтарные апсиды. Более сложные варианты крестовокупольных храмов имели шесть, восемь, а иногда даже двенадцать столбов.

При возведении монументальных сооружений в X—XII вв. применялся кирпич-плинфа и камень: гранит, кварцит, шифер. В качестве связующего раствора применялась цемянка — известь с примесью толченой керамики, которая придавала древнерусским сооружениям розоватый цвет. В X—XI вв. на Руси распространилась система смешанной кладки из кирпича и камня, так называемый opus mixtum. Крыши зданий покрывались листовым свинцом или черепицей, в оконные проемы вставлялись деревянные оконницы с круглыми стеклами.

Первые каменные сооружения на Руси известны еще с языческих времен. Одной из таких построек, упоминаемых летописью, был княжеский дворец-терем Святослава Игоревича в Киеве. Начало большого каменного культового строительства связывается с возведением в Киеве в 989—996

Золотые ворота в Киеве. XI в. *Реконструкция С. А. Высоцкого*

гг. церкви Богородицы, или, как ее называли в народе, Десятинной.

До нашего времени Десятинная церковь не сохранилась, уцелели частично только фундаменты. 6 декабря 1240 г. ее разрушили монголо-татары. Об архитектуре Десятинной церкви можно судить на основании скудных данных письменных источников и археологических исследований. Это был большой шестистолпный, трехнефный, многоглавый крестово-купольный храм размером 16×26 м, окруженный с трех сторон галереями. Церковь имела исключительно богатую внутреннюю отделку. Во время

археологических раскопок обнаружено большое количество остатков внутреннего декора здания: мраморные капители колонн и обломки карнизов, куски штукатурки с фрагментами фресковой живописи, разноцветные кубики смальты от настенных мозаик, шиферные плиты, замечательные мозаичные полы, несколько саркофагов с княжескими захоронениями.

Вблизи Десятинной церкви открыты остатки княжеских дворцов X—XII вв. Первый из них, средних размеров, длиной 21 м, находился на северо-востоке от храма. Это — наиболее раннее дворцовое сооружение Города Владимира, упомянутое в летописи. Второй, самый большой из открытых дворцов, находился перед западным фасадом церкви. Длина его достигала 75 м, а ширина 12 м. Третий дворец, длиной 45 м и шириной 11,5 м, обнаружен на юге от Десятинной церкви. В этом же районе известны остатки еще двух дворцовых сооружений.

Названные постройки дворцового типа — трехкамерные, т. е. они состояли из трех помещений. По мнению исследователей, это были двухэтажные каменные здания с двумя башнями по сторонам или с одной посередине. Нижний этаж имел вид аркады.

Десятинная церковь, окруженная княжескими дворцами, являлась композиционным центром архитектурного ансамбля Города Владимира, занимавшего около 10 га. Недалеко от нее находилась торговая площадь — Бабин торжок, украшенная военными трофеями, привезенными Владимиром Святославичем из Корсуня. На площади, по словам летописца, еще в XII в. стояли «двѣ капищи и 4 кони мѣдяны» — античные скульптуры — четверка (квадрига) лошадей и две статуи, видимо, греческих богинь.

Древнерусская художественная культура, в частности архитектура и строительство, достигли большого расцвета в первой половине XI в. О развернувшемся строительстве в Киеве летопись под 1037 г. сообщает так: «В лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святыя Богородица Благовѣщенье, посемь святаго Георгия монастырь и святыя Ирины». В записи перечисляются наиболее выдающиеся сооружения, построенные Ярославом Мудрым во время его княжения в Киеве.

При Ярославе Мудром территория города значительно увеличилась, ее обнесли огромным земляным валом высотой 11 м, сверху возвели крепкие дубовые стены. Это гигантское оборонительное сооружение длиной 3,5 км, окружавшее территорию площадью около 80 га, летопись называет «город великий».

С южной стороны вал прорезал главный въезд в Киев — Золотые ворота, сохранившиеся в руинах до нашего времени. Это величественное каменное здание соединяло в себе функции оборонительного сооружения и парадных городских ворот. В первоначальном виде ворота представляли собой прямоугольную в плане башню, к которой с обеих сторон примыкали земляные валы. Высота проезда достигала 12 м, ширина — 6,4 м. Над проездом возвышалась церковь Благовещения, близкая по архитектурным формам к надвратной церкви Золотых ворот во Владимире на Клязьме, известной в наше время по обмерам XVIII в. Н. фон Берка и А. Гусева.

С восточной стороны Города Ярослава находились Лядские ворота, а с западной — Львовские. Сведений об их внешнем виде и конструкции не сохранилось.

Наиболее выдающимся архитектурным сооружением Южной Руси первой половины XI в. является Софий-

ский собор в Киеве, «русская митрополия», построенный в 1037 г. в центре верхнего города. Собор сравнительно хорошо сохранился до нашего времени, правда, снаружи в результате позднейших достроек он получил черты украинской барочной архитектуры XVIII в.

Софийский собор — большой пятинефный крестовокупольный храм, окруженный с севера, юга и запада двумя рядами открытых галерей. Первоначально он имел 13 куполов. К северо-западному и юго-западному углам здания примыкают две башни, которые в древности были покрыты шатровыми верхами. Винтовые лестницы в башнях ведут на второй этаж собора — хоры, или, как их называли в старину, «полати».

Двенадцать кресчатых в плане столбов расчленяют внутреннее пространство собора на пять продольных нефов-коридоров, завершающихся с востока алтарными апсидами. Внутреннее пространство храма в плане имеет форму креста, над средней частью которого возвышается главный купол. С юга и севера находятся трехпролетные двухъярусные аркады, а с востока — главная алтарная апсида. На втором этаже, с трех сторон вокруг центрального и поперечного нефов, расположены хоры — большие помещения, предназначавшиеся для князя, его семьи и наиболее приближенных лиц.

Софийский собор имел богатое внутреннее убранство. До нашего времени в некоторых местах сохранились мраморные пороги, резные шиферные плиты парапетов на хорах, мозаичные полы. Храм украшен фресковой живописью и мозаиками.

Некоторые черты Софийского собора в Киеве, как считается, сближают его с древнерусской деревянной архитектурой. К ним, по мнению исследователей, относятся: многоглавие храмов (13 куполов), подчеркнутая пирамидальность композиции, открытые галереи, а также украшение интерьера кроме мозаик фресковой живописью — прием, неизвестный в византийском монументальном искусстве.

По величию художественного образа, совершенству архитектурных форм, внутреннему убранству Софийский собор в Киеве принадлежит к выдающимся памятникам средневекового искусства эпохи феодализма.

Уже вскоре после окончания строительства Софийского собора слухи о его красоте распространились в соседних странах. Современники с восхищением говорили о нем: «Церкви дивна и славна всѣмь округъниим странамъ, яко же ина не обращается въ всемъ полупощи земнѣмъ от въстока до запада».

Архитектура Софийского собора имела исключительно большое влияние на дальнейшее развитие древнерусского зодчества.

Вблизи Софийского собора в честь святых патронов Ярослава и его жены Ингигерды были построены монастырские церкви Георгия и Ирины, которые не сохранились до наших дней.

В первой половине XI в. большое строительство развернулось и в других городах. По приказу Мстислава Владимировича в Чернигове в 30-х годах был построен Спасский собор, сравнительно неплохо сохранившийся до нашего времени. По конструктивному типу это большой трехнефный, восьмистолпный храм, увенчанный пятью главами. Как и в киевских соборах, к его северо-западной стороне примыкала башня. С противоположной стороны находилась крещальня. Особенностью сооружения является отсутствие галерей и вытянутость его плана по линии восток—запад. Подкупольный квадрат храма отделен от боковых нефов двухъярусными трехпролетными аркадами на мраморных колоннах, украшенных капителями ионического ордера. Средний неф с двух сторон окружали хоры, ко-

Фрагмент мозаичного пола Софии киевской

Киевская ротонда. XII—XIII вв. *Реконструкция П. П. Толочко, В. Е. Боровского. Рис. Л. И. Андриевского, В. А. Буйновского*

Софийский собор в Киеве. 1037 г. Макет. *Реконструкция Ю. С. Асеева, В. П. Волкова, Н. И. Кресального*

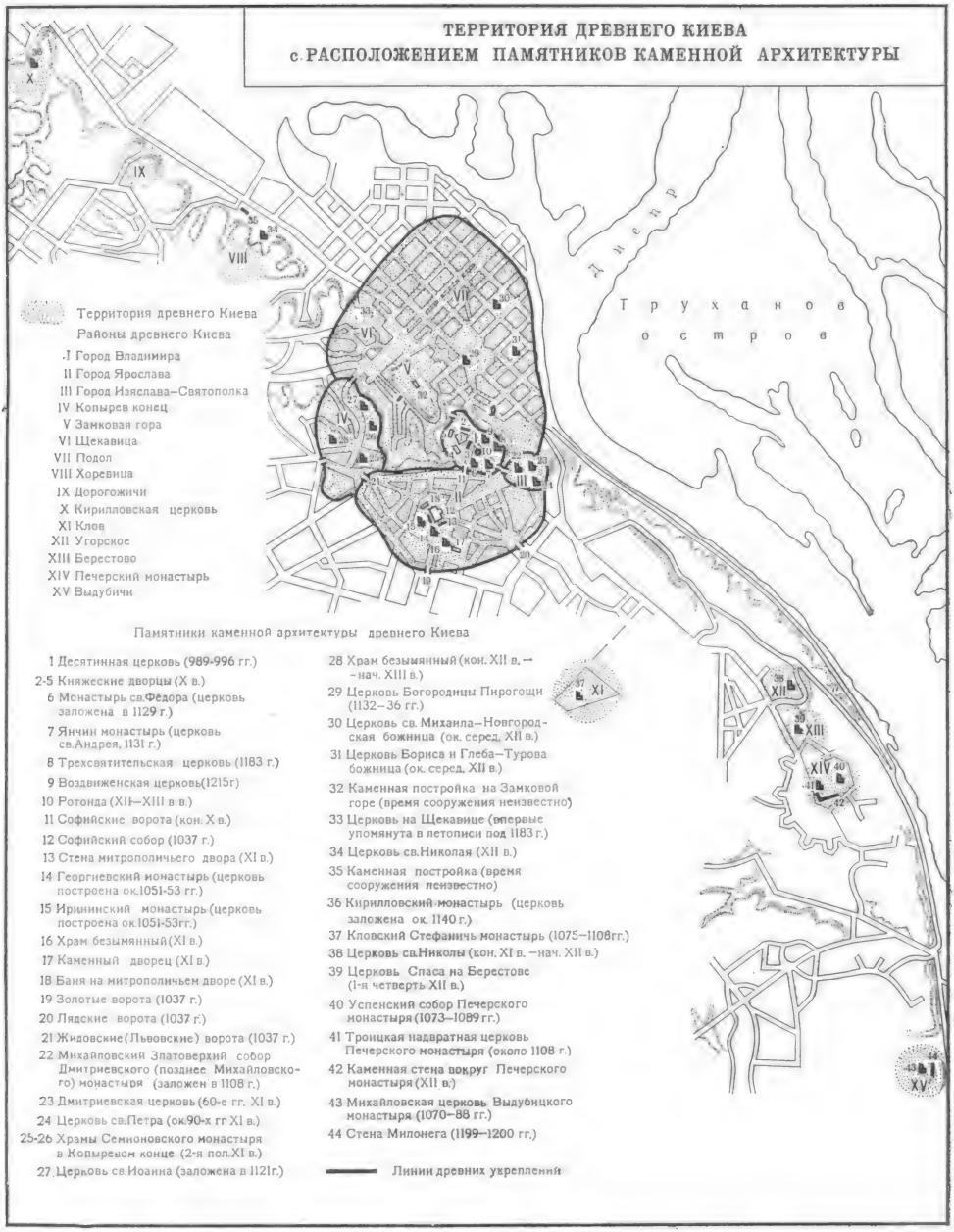
торые с южной и северной стороны опирались на деревянные конструкции. Внутри собор был расписан фресками. Вблизи Спасского собора обнаружены остатки светских построек: княжеских теремов, ворот и т. д.

Киевское строительство первой половины XI в. оказывало большое влияние на развитие архитектуры на севере Руси. Софийский собор в Киеве стал образцом для сооружения одноименных храмов в Новгороде и Полоцке.

Ранней архитектуре Древней Руси присущи были такие главнейшие черты: смешанная кладка из камня и кирпича с так называемыми утопленными рядами, пятинефные планы культовых сооружений, многокупольные завершения, башни с винтовыми лестницами, открытые галереи и богатая внутренняя отделка мозаиками, фресками, резными шиферными плитами и мраморными украшениями.

Во второй половине XI в. культовое строительство продолжалось преимущественно в монастырях. Изяслав Ярославич построил собор Дмитриевского монастыря в Киеве, а Всеволод Ярославич в 1070—1088 гг. соорудил вблизи своей летней резиденции — «Красного двора» — в Выдубицком монастыре церковь Михаила, которая частично сохранилась до наших дней. Первоначально это был одноглавый трехнефный и, как установлено последними исследованиями, шестистолпный храм без галерей. В здании уже наметились некоторые черты, распространившиеся впоследствии в архитектуре XII в., а именно—одноглавие и отсутствие галерей.

Новое направление в развитии киевской архитектуры нашло свое



завершение в Успенском соборе Печерского монастыря, построенном в 1073—1089 гг.* Церковь по своему типу — шестистолпный крестовокупольный храм с одной большой главой. Здание имело три нефа, завершавшихся с востока гранеными апсидами. В западной части находился нартекс — притвор, а над ним — хо-

* Собор разрушен немецко-фашистскими оккупантами в 1941 г.

ры, продолжавшиеся на восток только на одно членение постройки. Храм не имел галерей. Внутренний декор его состоял из мозаик, фресок, резных шиферных плит. Успенский собор в XII в. стал образцом для княжеско-монастырского строительства в Ростове, Суздале, Новгороде и многих других городах Руси.

В 1108 г. в Киеве по заказу князя Святополка Изяславича построен собор Михайловского Златоглавого монастыря. По типу это шестистолпный крестовокупольный одноглавый храм. С северной стороны, в западном притворе — нартексе, находилась башня с лестницей на второй этаж, а с южной — к зданию примыкала крещальня. Фасады собора украшали меандровые фризы из кирпича, тройные декоративные ниши, пилястры. Внутри собор по старой традиции имел мозаичную и фресковую живопись. Но в его архитектуре заметны и новые черты, в частности башня с лестницей уже почти полностью вошла в западный притвор постройки.

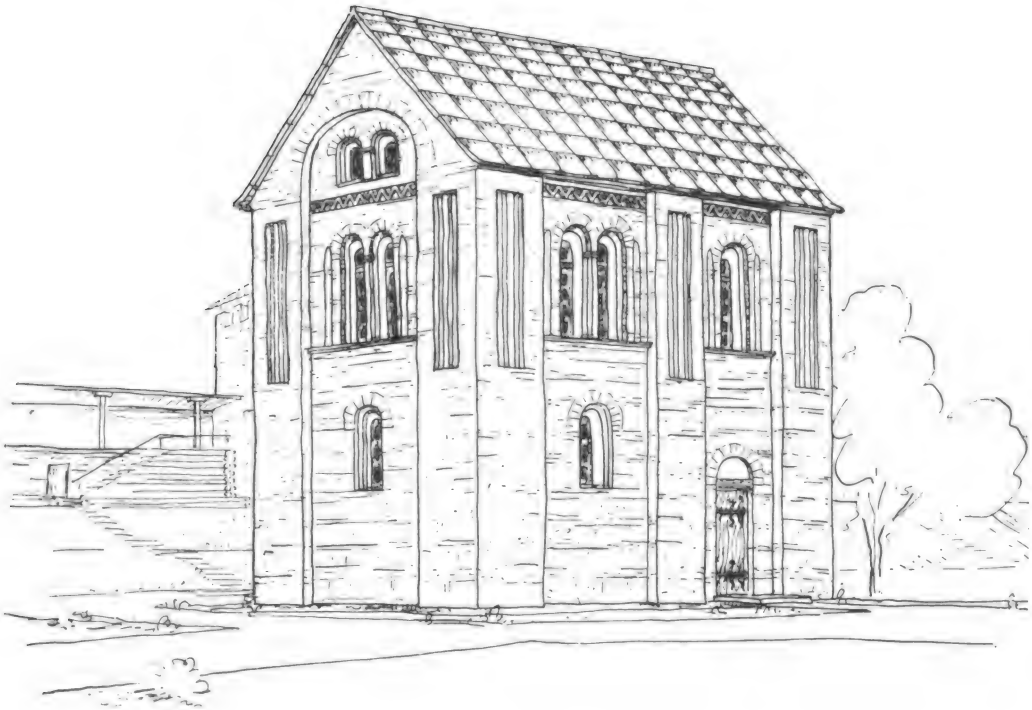
По сообщениям летописи в 1089 г. в Переяславе при епископе Ефреме построен большой каменный комплекс епископского двора. Архитектурным центром ансамбля служил роскошный собор Михаила с настенными мозаиками, фресками, майоликовыми и мозаичными полами. Рядом находился каменный дворец епископа. Дворец был украшен высокохудожественными мозаиками, мраморными архитектурными деталями, шиферными полами с инкрустациями и т. п. Двор окружала стена с воротами и надвратной церковью Федора. Летописец с восхищением писал еще о каком-то сооружении, названном им «строенье баньное каменно», вероятно, каменной бани.

Памятником архитектуры Переяславской земли конца XI в. является Михайловская «божница» в Остре, построенная в 1098 г. и частично сохранившаяся до наших дней. Это была замковая часовня Владимира Мономаха.

Большое строительство велось в Новгороде, где в начале XII в. сооружены Николо-Дворищенский собор (1113) и соборы Антониевского (1117) и Юрьевского (1119) монастырей, на которых заметно влияние киевской архитектуры. В плане это шестистолпные храмы, близкие к Успенскому собору Киево-Печерского монастыря, но в них уже прослеживаются черты, характерные для новгородской архитектуры более позднего времени.

В XII в. развитие феодального способа производства на Руси привело к экономическому и политическому росту городов, наибольшие из которых стали столицами удельных княжеств. Новые политические условия отразились и на развитии архитектуры. Заметно увеличилось количество построек, но размеры храмов уменьшились, упростилась их конструкция, наружная и внутренняя отделка, что можно объяснить недостаточностью средств у заказчиков.

Значительного размаха достигло в это время строительство в Киеве, Новгороде, Чернигове, Переяславе, Галиче, Смоленске, Полоцке, Владимире на Клязьме. В удельных княжествах возникли архитектурные школы со своими местными особенностями. На Руси распространился тип шестистолпного, а со второй половины XII в.— четырехстолпного одноглавого, а иногда четырехглавого храма. Постепенно исчезают лестничные башни, а вместо них лестницы строятся в толще стен зданий. Хоры становятся меньших размеров и занимают место в основном под нартексом (западным притвором). Изменилась и техника кладки стен. Вместо смешанной кладки из кирпича и камня и кладки с утопленными рядами, употреблявшейся на Руси ранее, с 20-х годов XII в. получила распространение порядовая техника



Терем на детинце г. Чернигова. XI в. *Реконструкция Н. В. Холостенко*

кладки из кирпича — в Поднепровье, белого камня — в Галицкой и Владимиро-Суздальской земле, камня-плитняка — в Новгороде. Стала применяться новая декорация фасадов: пилястрами с полуколонками, аркатурными поясами и так называемым поребриком. В XII в. в Поднепровье развиваются киевская, черниговская и переяславская архитектурные школы, связанные между собой едиными стилистическими особенностями.

Наиболее известными памятниками киевской архитектурной школы XII в. являются церковь Богородицы Пирогощи (1132) на Подоле, Кирилловская (после 1146), Василевская (1183) в Киеве и Юрьевская в Каневе (1144). Выдающееся место среди этих сооружений занимает Кирилловская церковь, построенная женой Всеволода Ольговича Марией Мстиславной в Кирилловском вотчем монастыре черниговских князей Ольговичей. Она сохранилась до нашего времени в барочном убранстве XVIII в. Первоначально это был большой шестистолпный трехнефный храм с одной большой главой. Фасады здания расчленяли пилястры с полуколонками и украшали аркатурные пояса. Внутри церковь расписана фресковой живописью.

Многочисленными постройками в XII в. обогатился Чернигов. К памятникам местной архитектурной школы, дошедшим до нашего времени, относится Борисоглебский собор и Успенский собор Елецкого монастыря, Ильинская церковь. Основным типом культовых зданий Чернигова в это время оставался шестистолпный храм, близкий по архитектуре к Кирилловской церкви в Киеве.

При Давиде Святославиче в пределах детинца (кремля) Чернигова око-

ло 1128 г. был построен Борисоглебский собор*. Это большой шестистолпный одноглавый храм, украшенный аркатурными поясами и резными архитектурными деталями: капителями, венчавшими полуколонны фасадов, и угловыми камнями порталов. Капители изготовлены из белого известняка. Они имеют интересную орнаментацию, мастерски выполненную в виде переплетающихся стеблей растений и фантастических животных.

В конце XII в. в связи с укреплением экономического положения торгово-ремесленных посадов древнерусских городов в архитектуре Поднепровья появляются новые черты, видимо, отражавшие вкусы демократических слоев населения. Возникает новый тип храма, в котором центральная часть здания приобретает башнеобразную форму, много внимания уделяется внешней отделке. Эта особенность древнерусской архитектуры XII в., как считают исследователи, возможно, сложилась под влиянием русского деревянного зодчества или мотивов готической архитектуры. Новое направление в архитектуре Поднепровья впервые нашло свое отражение в творчестве полоцкого мастера Ивана.

В Киеве, при дворе Рюрика Ростиславича, в это время творил выдающийся зодчий Петр Милонег. В 1199 г. он создал замечательное инженерное сооружение — подпорную стену церкви Михаила Выдубицкого монастыря. Возможно, он причастен и к другим постройкам Рюрика Ростиславича, в частности церквей Василия в Овруче (1190) и Двенадцати апостолов в Белгороде под Киевом (1197).

Новые тенденции в архитектуре Поднепровья наиболее ярко проявились в Пятницкой церкви в Чернигове, точная дата возведения которой неизвестна. Этот выдающийся памятник древнерусской архитектуры начала XIII в. по типу — четырехстолпный храм с башнеподобным верхом и трехлопастными завершениями фасадов. В Пятницкой церкви, построенной на «торгу» в торгово-ремесленном центре города, много внимания уделено внешней отделке. Поверхность фасадов здания расчленена пилястрами сложного профиля, украшена орнаментами из кирпича, аркатурными поясами и «поребриком», сетчатым орнаментом и нишами. Внутри церковь была расписана фресковой живописью*.

В середине XII в. важным культурным центром на западе Руси стала Галицкая земля. В Галиче и на его окраинах возводятся богато украшенные каменные сооружения. Так, при князе Ярославе Осмомысле на галицком детинце построен княжеский двор — большой архитектурный ансамбль, в состав которого входили дворец, белокаменный Успенский собор (1157) и другие многочисленные постройки. На берегу Днестра до нашего времени частично сохранилась церковь Пантелеймона (около 1200 г.). Это трехнефный четырехстолпный одноглавый храм, сооруженный из хорошо подогнанных блоков белого известняка. Апсиды храма украшены полуколонками с капителями коринфского ордера, на которые опирается аркатурный пояс. С большим вкусом сделаны так называемые перспективные порталы, углубленные в толщу стен, особенно главный — западный. Он украшен колонками на пьедесталах с мастерски выполненными коринфскими ка-

* Собор, разрушенный немецко-фашистскими оккупантами, восстановлен в первоначальном виде по проекту-реконструкции Н. В. Холостенко.

* В 1941 г., во время Великой Отечественной войны, Пятницкая церковь была разрушена немецко-фашистскими оккупантами. После войны восстановлена в первоначальном виде по проекту реконструкции П. Д. Барановского.

Резная капитель и угловой камень портала с изображением фантастических зверей из Борисоглебского собора в Чернигове. XII в.

пителями и резьбой в виде стилизованных листьев аканта.

Белокаменная строительная техника известна не только в сооружениях Галича, но и других городов — Василева на Буковине и Холма. Летопись сообщает о церкви Иоанна, построенной в Холме местным мастером Авдием. Фасады белокаменного здания украшали скульптурные маски, разноцветный камень, росписи красками и позолота. В окна были вставлены «римские стекла» — витражи.

Галицкая архитектура имела свои особенности: к ним относится постройка кроме традиционных крестовокупольных храмов, круглых в плане сооружений — ротонд, белокаменная техника кладки, часто сочетавшаяся с искусной резьбой по камню. В архитектуре западных земель более заметно влияние романского искусства.

Таким образом, архитектура Древней Руси до монголо-татарского нашествия достигла высокого уровня развития. В X—XIII вв. построено много замечательных архитектурных сооружений, являющихся шедеврами мирового искусства, которые в более позднее время оказали большое влияние на развитие зодчества трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Монументальная живопись. Монументальная живопись — важнейшая составная часть убранства интерьера древнерусских дворцов и храмов, украшавшихся замечательными настенными мозаиками, фресками, мозаичными полами и разнообразными произведениями прикладного искусства.

Живопись на стенах храмов размещалась по так называемым иконографическим схемам, разработанным средневековыми теологами. Одним из главных требований, предъявлявшихся мастерам, было расположение живописи соответственно значению и весомости композиций того или иного персонажа в церковной иерархии. Для творческой фантазии художника, особенно в X—XI вв., не оставалось места.

О монументальной живописи X в. можно судить лишь на основании археологических находок, обнаруженных во время раскопок Десятинной церкви в Киеве. Здесь найдены разноцветные кубики от настенных мозаик, обломки шкутатурки с остатками фресок, части мозаичного пола. Особый интерес вызывает фресковый фрагмент, изображающий верхнюю часть лица неизвестного святого. Живопись его отличается совершенной передачей форм и большой архаикой даже по сравнению с византийскими произведениями монументального искусства X в. Техника фрески напоминает живопись восковыми красками (энкаустику).

Сравнительно хорошо сохранился ансамбль прекрасных росписей XI в. в Софийском соборе в Киеве. Стены, столбы, и своды огромного здания покрыты мозаиками и фресками. Наиболее освещенные, парадные части собора украшены мозаиками, остальные — фресковой живописью. Значительная часть этих росписей уцелела и сейчас освобождена от позднейших наслоений масляных красок и копоти.

В главном куполе находится погрудное мозаичное изображение Христа-Пантократора (Вседержителя) в окружении четырех архангелов. Ниже, в простенках между окнами барабана купола, были изображены двенадцать апостолов, а еще ниже, в парусах,— четыре евангелиста. На северной и южной подпружных арках сохранились пятнадцать мозаичных медальонов, входящих в композицию «Сорок мучеников», а несколько ниже — мозаика «Благовещение». Всю верхнюю часть главной апсиды собора занимает прекрасно выполненное мозаичное изображение богоматери — Оранты во весь рост с молитвенно поднятыми вверх руками, которую в народе называли «Нерушимой стеной». В представлении киевлянина эпохи средневековья Оранта была защитницей города и Руси. Под изображением Оранты сохранилась многофигурная символическая композиция «Евхаристия» — причащение апостолов.

Наиболее совершенные в художественном отношении мозаики находятся в нижней части алтарной апсиды. Композиция «Отцы церкви» изображает деятелей раннего христианства. С большим мастерством на южной стене выполнены фигуры Лаврентия, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др. Каждая из этих мозаик — шедевр большого мастера-колориста, портреты, в которых ощущаются отголоски традиций эллинистического портретного искусства.

Особое внимание привлекает реалистический портрет Иоанна Златоуста, поражающий зрителя своей индивидуальностью и духовной силой. На нем пурпурного цвета одежда с белым омофором, украшенным большими черными крестами. В левой руке, закрытой верхней одеждой, он держит книгу с красным обрезом. Обложка книги украшена драгоценными камнями синего, зеленого и красного цветов.

Суховатое изможденное лицо, черные глаза, высокий лоб, небольшая раздвоенная бородка и запавшие щеки хорошо передают индивидуальные черты персонажа, его аскетизм и фанатизм. Чтобы еще больше подчеркнуть эти черты характера, мастер прибегает в мозаичном наборе к ломанному ритму, используя острые углы, линии, треугольники и т. д.

Тональные соотношения красок мозаичных композиций собора отличаются большим разнообразием: они насчитывают 177 различных цветовых оттенков. Стилистически мозаики Софийского собора характеризуются плоскостными построениями композиций, приземистостью фигур, тяжеловесным ритмом и статичностью.

Не менее важное место в украшении интерьера Софийского собора занимает фресковая живопись. В центральной части храма сохранились многофигурные фресковые композиции на евангельские и библейские темы, на столбах — многочисленные изображения мучеников, святителей и т. д.

В среднем нефе уцелели остатки большой торжественной композиции светского содержания. Фреска изображала основателя собора Ярослава Мудрого с семьей. Средняя часть этой фрески утрачена в конце XVII в. На северной стене сохранились только две фигуры, а на южной — четыре. О первоначальном содержании композиции в какой-то мере можно судить на основании рисунка 1651 г. голландского художника А. ван Вестерфельда. В композицию входило не менее 13 фигур. В центре — Христос, справа от него — Ярослав с моделью храма Софии в руках и его сыновья, вероятнее всего, Владимир, Изяслав, Святослав и Всеволод. Слева — княгиня Ирина и дочери. По обе стороны от центральной фигуры фрески находились изображения князя Владимира Святославича и княгини Ольги — лиц, с именами которых связано принятие христианства на Руси. Цель фрески заключалась не только в том, чтобы прославить строителя собора, но и подчеркнуть право Руси на церковную самостоятельность.

Башни Софийского собора с винтовыми лестницами не имели богослужебного назначения и поэтому украшены росписями светского содержания. Кроме высоких художественных качеств ценность этой живописи заключается еще и в том, что она дает представление о внутреннем убранстве дворцовых сооружений, не сохранившихся до нашего времени. По сюжетам живопись в башнях можно разделить на две группы: сцены охоты и игры на ипподроме. Наиболее интересны изображения в юго-западной башне: охота на вепря, на диких коней-тарпанов с помощью дрессированных гепардов. Далее изображен константинопольский ипподром во время состязаний на колесницах. Император и зрители изображены в ложах дворца «Кафисмы», описание и рисунки которого известны из византийских источников.

Рядом находится известная фреска «Скоморохи» с танцорами, музыкантами, акробатами, что, возможно, отражает одну из сторон быта киевского князя. В северо-западной башне сохранились фрески: охота на медведя, человек с верблюдом, стрелок из

Скоморохи. Фреска на стене юго-западной башни Софийского собора в Киеве. XI в.

лука, музыкант, играющий на смычковом инструменте, охота на оленя, в медальонах — грифоны, соколы, кречеты. Большая композиция на втором этаже башни изображает торжественный прием византийским императором Константином VII Багрянородным княгини Ольги в Царьграде — сюжет, судя по литературным произведениям, получивший большое распространение на Руси.

Значительное место в росписях собора занимают орнаменты. Орнаментальными узорами, как большим красочным ковром, покрыты почти все стены и своды собора. Преобладают растительные орнаменты, имеющие близкие аналогии в памятниках древнерусской книжной миниатюры.

По своим художественным качествам и совершенству мозаики и фрески Софийского собора в Киеве относятся к лучшим произведениям мирового монументального искусства средних веков.

Мозаиками и фресками был украшен интерьер Успенского собора Киево-Печерского монастыря. К сожалению, о его художественном убранстве известно мало. Сюжеты главных композиций собора обычны для XI в.: в куполе — Христос, в главном алтаре — богоматерь Оранта, ниже — сцена причащения апостолов и святители. В исполнении мозаик алтарной части храма принимал участие известный древнерусский художник киевлянин Алипий.

В соответствии с ранней древнерусской традицией был украшен собор Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, построенный в начале XII в. Росписи его частично сохранились. В главном алтаре собора мозаики выполнены по схеме, которая напоминала софийскую: вверху — Оранта, ниже — сцена причащения и святители. Представление о художественных особенностях михайловских мозаик даст большая компо-

зиция «Евхаристия» и уцелевшие однофигурные изображения Дмитрия Солунского, Стефана, Фадея. Сравнение мозаичной сцены причащения апостолов с «Евхаристией» из Софийского собора указывает на появление в начале XII в. новых стилистических особенностей. На смену размеренному тяжеловесному ритму приходит другой, новый. Позы фигур приобретают разнообразие и динамичность. Художники удачно передали взаимоотношения персонажей и их психологическое состояние. Над композицией сделана большая пояснительная надпись славянскими буквами. Привлекает внимание искусно выполненное изображение Дмитрия Солунского в виде молодого античного воина. Михайловские мозаики отличаются ярким колоритом.

В фрагментах сохранилась фресковая живопись собора Михайловского Златоверхого монастыря, в частности «Благовещение» и фреска «Захария». Стилистические черты мозаик и фресок собора, славянские надписи при некоторых композициях указывают на то, что в их исполнении принимали участие местные мастера, возможно, упоминавшийся художник Алипий.

Новые стилистические и иконографические особенности, происшедшие на Руси в XII в., четко прослеживаются в росписях Кирилловской церкви в Киеве. Все большее значение в это время приобретает графическая манера письма, что особенно заметно в передаче драпировок одежды. В главном алтаре Кирилловской церкви находилось изображение Оранты, ниже — сцена причащения и святители в медальонах; в куполе — Христос; между окнами в барабане — двенадцать апостолов, ниже — евангелисты. Лучше всего сохранились фрески южной апсиды, посвященные Кириллу Александрийскому.

Важной особенностью тематики росписей церкви является появление нового иконографического сюжета «Страшный суд», что было тесно связано с обострением социальных противоречий на Руси в XII в.

Станковая живопись. Как и многие другие произведения средневекового искусства, станковая живопись Древней Руси ограничивалась преимущественно религиозной тематикой. Во внутреннем убранстве древнерусских храмов кроме монументальных росписей важное место занимали произведения станкового искусства — иконы. Они писались минеральными красками на деревянных досках, оклеенных полотном и покрытых слоем специального грунта — левкаса.

Иконами украшались не только храмы, но и княжеские и боярские дворцы, а также жилища простых людей. Это был один из наиболее распространенных видов изобразительного искусства на Руси. Но до нашего времени дошло очень небольшое количество древних икон. О ранних произведениях древнерусского станкового искусства можно судить лишь на основании единичных экземпляров икон и по упоминаниям письменных источников.

Одна из наиболее известных на Руси иконописных мастерских XI—XII вв. находилась в Печерском монастыре в Киеве. Тут творил известный художник Алимпий, о котором в «Киево-Печерском патерике» сказано: «...Иконы писати хитръ бе зело...».

Представление о высокохудожественных произведениях, попадавших на Русь из других стран, дает икона известной «Владимирской богоматери», привезенная из Византии в Вышгород в начале XII в. Она изображает богоматерь с младенцем на руках. Икона отличается большим мастерством исполнения. Это произведение выдающегося мастера, несомненно оказавшее определенное влияние на формирование художественных вку-

сов и мастерства древнерусских иконописцев.

Икон, которые бы бесспорно принадлежали к киевской художественной школе, уцелело до наших дней совсем мало. В Третьяковской галерее в Москве сохраняется так называемая «Ярославская Оранта» — большая икона, изображающая богоматерь в молитвенной позе с младенцем и двумя архангелами в медальонах. Икона по своим стилистическим признакам (монументальности, удлиненности пропорций, рисунку глаз и бровей) напоминает мозаики собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, в частности изображения Дмитрия Солунского и Стефана. Некоторые исследователи датируют икону началом XII в. и связывают ее создание с именем Алипия.

В киевской художественной школе сложилась иконография русских святых Бориса и Глеба, изображения которых получили распространение в произведениях станковой живописи. Икона «Борис и Глеб» конца XIII — начала XIV в., например, сохраняется в Киевском государственном музее русского искусства.

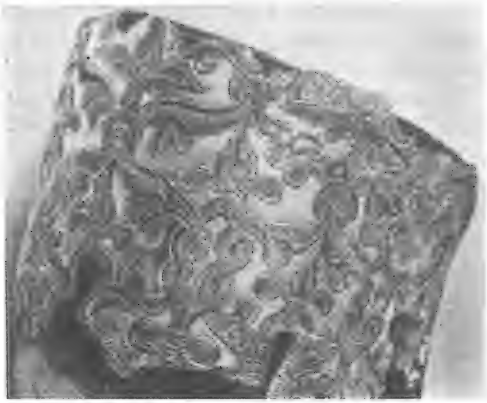
К произведениям, в которых чувствуется художественная и иконографическая манера южнорусских мастеров (правда, с этими выводами соглашаются не все исследователи), относится икона из Владимиро-Суздальской Руси «Дмитрий Солунский», найденная в г. Дмитрове. Святой изображен в виде античного воина на троне с мечом на коленях. Вся его фигура, решительное выражение лица, воинственность является олицетворением власти. Именно эти черты пытался подчеркнуть художник, изобразив Дмитрия на троне в царском венце на голове и с полуобнаженным мечом. Исследователи считают, что икона выполнена по заказу Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, патроном которого был св. Дмитрий.

В Юрьевском монастыре в Новгороде сохранилась икона XII в. «Устюжское благовещение». Из Новгорода происходит также икона «Архангел» конца XI в. Близкие по стилю, они напоминают фресковые и мозаичные изображения собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве.

Бесспорным произведением киевских мастеров XIII в. является икона так называемой «Свенской богоматери». Рядом с фигурой богоматери изображены Антоний и Феодосий — основатели Киево-Печерского монастыря.

Галицкое происхождение имеет икона XIII в. «Покрова», хранящаяся в Киевском государственном музее украинского искусства. Популярность ее в старину объяснялась тем, что изображенная на ней богородица рассматривалась как заступница от внешних врагов. Галицкая икона отличается интересной цветовой гаммой и необычной иконографией. Она не находит себе аналогий среди других подобных памятников Древней Руси. Существует мнение, что это копия из переработанного оригинала иконы Влахернского храма в Константинополе.

Прикладное искусство. Высокого уровня развития и большого распространения на Руси достигло прикладное искусство, произведения которого часто содержат ценные сведения не только об истории развития художественного ремесла, но и о культурных связях и влияниях, мировоззрении, традициях, вкусах исполнителей и заказчиков. Изучение произведений прикладного искусства показывает, что они часто служили не только украшениями, но и, как амулеты-обереги, должны были защищать владельцев от злых сил природы. Такое же назначение имели магические орнаменты на многих изделиях ювелирного искусства и быта. Широкое



Серебряная оправа турьего рога. Черная Могила. Чернигов. IX—X вв.

распространение получили стилизованные изображения солнца в виде круга с пересекающимися в середине линиями, месяца-лунницы и воды — волнистой полосой. Изображения разнообразных фантастических зверей и птиц сочетались с рисунками, отражающими реальный окружающий мир, а также с растительным орнаментом в виде сложного переплетения из стеблей, листьев, цветов и т. д. В орнаментах ювелирных изделий XI—XIII вв. встречаются сюжеты разных эпох и времен. Изображения птице-собаки Симаргла и сиринов (вил-русалок) языческих времен уживаются в них с геральдическими грифонами, львами, орлами и фигурами христианских святых средневековья.

О древнерусском декоративно-прикладном искусстве наиболее полное представление дают ювелирные изделия из драгоценных металлов. Древнерусские мастера знали разнообразные технические приемы обработки цветных металлов — зернь, скань, чеканку, чернь, художественное литье и инкрустацию и, наконец, перегородчатые эмали. Все они широко применялись при изготовлении различных украшений.

Мастера-ювелиры при помощи скани (тонкой проволоки) особенно любили украшать узорами иконы и драгоценные оклады церковных книг. Так, в частности, украшено Мстиславово евангелие XII в.

Большое распространение на Руси получили серебряные изделия с чернью — черной пастой, напоминающей эмали. В этой технике в сочетании с другими приемами изготовлялись многие ювелирные изделия: свадебные сережки-колты, перстни, запястья, кресты, чары, кубки и др. В изделиях более раннего времени фон изображений целиком покрывался чернью, позже, в XII в., получила распространение так называемая техника контурной черни, при которой рисунок наводился черной линией, а серебряный фон оставался открытым или золотился.

Замечательным образцом ювелирного искусства IX—X в. являются серебряные оправы турьих роговритонов, открытые во время археологических раскопок Черной Могилы в Чернигове. Один из них украшен сочным растительным орнаментом. Оправа второго рога имеет сюжетную орнаментацию. На ней в технике чеканки изображены фантастические звери с крыльями. Слева от них два дракона сплелись в единоборстве. По обеим сторонам от них — орлы или грифоны, а внизу — две маленькие собаки. Справа от крылатых зверей изображены волк и петух. Далее размещается композиция, состоящая из мужской и женской фигур с луками и большого орла. Сюжет, как считают исследователи, иллюстрирует смерть Кащея Бессмертного из былины об Иване Годиновиче.

Среди изделий с чернью следует особо отметить широкие пластинчатые браслеты из серебра, которые довольно часто украшались сценками древнерусского быта. На одном из таких браслетов из Киева, например, отчеканены геральдический орел, гусляр с гуслями и женщина, танцующая с молодым вооруженным воином.

Эти изображения на произведениях прикладного искусства очень напоминают рассмотренные выше сюжеты монументальной живописи лестничных башен Софийского собора в Киеве. Как и на браслетах, здесь изображены геральдические звери, скоморохи, играющие на музыкальных инструментах, и танцоры. Подобная тематика относилась к придворно-развлекательному жанру, который в значительной степени отображал средневековые представления о «славе», «чести» представителей господствующего класса.

Высокого мастерства достигли древнерусские мастера в изготовлении изделий, украшенных разноцветными эмалями. О больших достоинствах именно в этой области художественного ремесла писал в X в. монах Теофил из Падеборна. На Руси знали выемчатую и более совершенную перегородчатую эмали. Техника перегородчатой эмали была исключительно сложной, но древнерусские мастера хорошо владели ею. Древнерусские перегородчатые эмали существенно отличаются от византийских своей цветовой гаммой, в которой преобладают синий, бордовый и белый цвета, некоторыми особенностями изображений и техническими приемами исполнения. Ныне известны четыре центра эмальерного искусства Древней Руси: Киев, Новгород, Рязань, Владимир на Клязьме.

Перегородчатой эмалью украшались обычно дорогие изделия из золота: диадемы, колты, цепочки в виде медальонов — рясны, бляшки, которые нашивались на одежду, кресты, иконы, оклады книг и т. д. Наиболее известны сюжетные эмали на колтах, чаще всего с изображениями вил-русалок и «древа жизни», разнообразных птиц, женских головок, стилизованных растительных орнаментов, реже — фигур святых.

Уникальным изделием, украшенным перегородчатой эмалью, является

Литейная формочка из Киева. X в.

золотая диадема XII в. из с. Сахновка Черкасской области. Она состоит из семи киотцев, на среднем из которых изображено «Вознесение» Александра Македонского — средневековый сюжет, воплощавший идею возвеличивания власти императора. Сюжет импонировал честолюбию феодалов и князя и поэтому часто использовался в произведениях древнерусского искусства, предназначавшихся для знати. Остальные киотцы диадемы украшены стилизованным растительным орнаментом. Другая диадема XII в. из Киева также составляет семь киотцев, на которых изображены святые (так называемый «Деисус»). В более расширенном виде подобная композиция в той же технике перегородчатой эмали встречена на золотой гривне XII—XIII вв., найденной вблизи с. Каменный Брод на Житомирщине.

Большого совершенства на Руси достигло искусство художественного литья. Древнерусским мастерам была хорошо известна техника литья в каменных формах и по восковой модели. По восковой модели изготовлялись

колокола, подсвечники, кресты, паникадила-хоросы и другие разнообразные изделия. Особенно сложной была техника отливки объемных предметов по восковой модели с потерей формы. Плоские предметы отливались по восковой модели в глиняных формах из двух частей. Таким способом, например, делали распространенные на Руси амулеты — змеевики, такие, как упоминавшаяся выше «Черниговская гривна». По восковым моделям в глиняных формах изготовлялись части паникадил-хоросов, обнаруженных во время археологических раскопок в Киеве, Переяславе, в с. Сахновка Черкасской области и других местах.

Уникальными изделиями, отлитыми русским мастером Константином по восковой модели, являются две бронзовые арки XII в. неизвестного назначения из древнерусского города Вщижа на Брянщине. С потерей формы отлит бронзовый водолей из Переяслава-Хмельницкого. Это полый сосуд в виде льва, на спине которого сидит дракон, или аспид, служащий ручкой водолея.

Широкое распространение получило литье в каменных формах. Этот технический прием, видимо, был связан с тем, что на Руси в XI—XII вв. в результате социально-экономического развития появился повышенный спрос на ювелирные изделия для продажи. Ремесленники-ювелиры городских посадов, работавшие на рынок, начали применять имитацию зерни и перегородчатой эмали при помощи литья. Для многократного литья использовались каменные формы.

Среди других художественных промыслов из области декоративно-прикладного искусства можно назвать стеклянное и керамическое производство, художественную резьбу по камню и дереву. В древнерусских городах и на городищах во время археологических раскопок довольно часто встречаются фрагменты изделий из стекла. Главное место среди них занимают браслеты и бусы. Реже встречаются перстни и предметы бытового назначения — кубки, чары и т. д. Умение изготовлять разнообразные стеклянные изделия, видимо, можно объяснить тем, что древнерусские ремесленники были знакомы с процессом варки разноцветных смальт, из которых набирались мозаичные изображения.

Когда в Киевской Руси развернулось большое каменное строительство, ремесленники-гончары кроме кирпича-плинфы и черепицы начали изготовлять керамические плитки с цветной глазурью, использовавшиеся для внутреннего убранства зданий. Керамические плитки известны из раскопок княжеских дворцов в Киеве, ими были выложены полы в некоторых помещениях Софийского собора. Интересные полихромные плитки со сложной орнаментацией обнаружены в древнем Белгороде под Киевом. Для них характерен рисунок, напоминающий стебли растений из желтых, белых и зеленых полос на красноватом фоне. Подобным орнаментом украшались и глазурованные яйца-писанки из того же города.

Очень искусно выполнены керамические рельефные плитки из Галича. Они имеют квадратную форму с вписанным кругом, в котором изображены грифоны, орлы, соколы, павлины. Рисунки на плитках напоминают фрески на стенах башен Софийского собора, изображения на византийских тканях-паволоках и на пластинчатых серебряных браслетах.

Народное художественное творчество наиболее ярко, видимо, проявилось в резьбе по дереву, потому что из этого материала было сделано большинство предметов хозяйства и домашнего обихода. Сочной резьбой по дереву украшались фасады древнерусских срубных жилищ, лодки, сани и др. Но из-за плохой сохранности дерева изделия древнерусских масте-

ров дошли до нас в очень малом количестве. Изредка они встречаются во время раскопок в Новгороде, Старой Русе, Киеве. На Руси получила распространение плоская резьба по дереву, при которой изображения, в большинстве случаев геометрические орнаменты, в виде неглубокого рельефа вырезались на поверхности предмета.

Славились изделия древнерусских резчиков по кости — небольшие, украшенные резьбой шкатулки, гребешки, пуговицы, образки, ручки для ножей, ложек и т. п. Излюбленным орнаментом на изделиях из кости являются концентрические круги с точкой в центре и так называемая плетенка, реже встречаются сюжетные изображения. Большой интерес представляют шахматные и шашечные фигурки из кости, свидетельствующие об интеллектуальных занятиях их владельцев — жителей древнерусских городов.

Изделия древнерусского прикладного искусства благодаря высоким художественным качествам и совершенству изготовления пользовались большим спросом далеко за пределами Руси. Особенно славились перегородчатые эмали, которые с большим вкусом и мастерством изготовлялись русскими мастерами.

В X — первой половине XIII в. культура Древней Руси достигла высокого уровня развития, не уступавшего передовым странам своего времени. Ее быстрый подъем был обусловлен социально-экономическим прогрессом страны и прямыми генетическими связями с культурными достижениями восточнославянских племен. Расцвет городов, ремесленного производства и сельского хозяйства стал экономической основой, обеспечившей развитие культуры Древней Руси, творцом которой была древнерусская народность. По своему содержанию культура Руси — феодальная, но огромный вклад в нее вносили представители народных низов, которые в своей производственной деятельности создавали высокохудожественные произведения искусства.

Высокоразвитая культура Древней Руси оказала значительное влияние на культуру других славянских народов.

Древнерусские литературные произведения, переводные книги, высокохудожественные изделия прикладного искусства хорошо были известны далеко за пределами Руси: в Чехии, Армении, Византии, многих южнославянских странах.

Развитие древнерусской культуры прервало монголо-татарское нашествие. Но культурные достижения Руси не погибли, они стали тем неиссякаемым источником, который впоследствии послужил основой культуры трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

Древнерусское культурное наследие заслуженно занимает выдающееся место в сокровищнице мировой культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С древнейших времен до середины XIII в. человечество прошло долгий и сложный путь экономического и культурного развития; в его среде происходили значительные социальные преобразования.

На протяжении тысячелетий человек вел борьбу за существование, шаг за шагом овладевая тайнами сил природы, покоряя их своей воле. Еще в раннем палеолите он научился использовать, а немного позднее и добывать огонь, что явилось огромной победой над природой. Основным занятием населения сотни тысяч лет оставалась охота, собирательство и рыболовство, т. е. присвоение готовых продуктов природы. Только в конце мезолитической эпохи — в начале эпохи неолита, т. е. где-то в VI—V тысячелетиях до н. э. (на территории Украинской ССР) жизнь племен претерпевает кардинальные изменения. Они переходят к производящему хозяйству — земледелию и скотоводству. Эти прогрессивные формы становятся экономической основой существования человечества до наших дней включительно. На протяжении веков происходило их усовершенствование.

Уже в эпоху меди — бронзы в отдельных районах стала складываться специализация хозяйства, в результате чего возникло первое крупное общественное разделение труда, когда пастушьи племена отделились от остальных, преимущественно земледельческих племен. В медном веке возникло ральное земледелие с использованием быка как тягловой силы, а в раннем железном веке изобретен плуг. Первым домашним животным, приручeнным еще в мезолите, была собака. В неолите и в эпоху меди — бронзы приручаются все основные домашние животные, в том числе и лошадь, которую приспособили к верховой езде. В первобытную эпоху скотоводство было приселищным, или отгонным, а в раннем железном веке возникло кочевое скотоводческое хозяйство. Из поколения в поколение люди улучшали орудия труда и технологию их изготовления. На смену почти исключительно каменным орудиям труда и предметам вооружения каменного века появляются изделия из металла, сначала меди, затем бронзы, наконец, в начале I тысячелетия до н. э.— из железа. Производство орудий труда из железа совершило целую революцию в экономике и социальных отношениях тогдашнего общества. Произошло второе общественное разделение труда — ремесло отделилось от земледелия и скотоводства. С появлением орудий труда из железа значительно увеличилась производительность труда, сложились условия для эксплуатации человека человеком, возникли классы и аппарат насилия — государство.

Каменный век был эпохой, когда в рамках еще первобытного стада людей стали складываться (около 35 тыс. лет тому назад) родовые отношения и возник матриархальный род как основная социальная ячейка общества. В эпоху мезолита — неолита возникли племена, сложилась родоплеменная организация общества. В неолите род еще оставался матри-

архальным, и только в эпоху меди — бронзы произошел переход к патриархальной системе родства. Отцовское право в семье и обществе еще более усилилось с возникновением классов в обществе раннего железного века.

В эпоху неолита на современной территории Украинской ССР, по археологическим данным, выделяется около десяти групп населения — племен или племенных групп. В эпоху меди — бронзы количество племенных образований увеличивается, они становятся стабильными. В конце эпохи бронзы — в начале раннего железного века возникают племенные объединения, на основе которых складывались народности. Процесс этот неразрывно связан со становлением раннеклассового общества и с зарождением феодального государства.

Археологические материалы дают возможность проследить этногенетические процессы многих современных народов, уже начиная с древнейших времен эпохи меди — бронзы или даже поздних этапов неолитической эпохи.

Левобережье Украины и Степное Причерноморье с эпохи бронзы заселялись ираноязычными племенами. Территория Правобережной Украины входила в область формирования культуры праславянских племен.

Первым народом, название которого сохранилось в письменных источниках в пределах УССР и, в частности, в Северном Причерноморье, были киммерийцы, которые занимали южные степи Украины в конце II — в начале I тысячелетия до н. э. Это был оседлый народ, со временем перешедший к кочевому скотоводческому хозяйству. Киммерийцы осуществляли дальние завоевательные походы в Малую Азию, страны Переднего Востока. По этнической принадлежности они относятся к западной группе ираноязычного населения. С ними связаны археологические памятники позднего этапа срубной культуры.

Киммерийцев из степей Северного Причерноморья вытеснили скифы, также ираноязычное население, пришедшее с востока, из Азии. Преследуя киммерийцев, скифы вторглись в страны Передней Азии, где продолжительное время вели войны со многими народами, затем возвратились в Северное Причерноморье. Скифы имели военное раннеклассовое государство рабовладельческого типа, возглавляемое одним или несколькими царями, просуществовавшее в Причерноморье с VII в. до н. э. до первых веков нашей эры.

Одновременно со скифским государством в степях Причерноморья возникли в Северном Причерноморье греческие города-колонии, также являвшиеся рабовладельческими государствами. В низовье Днестра возникает Тира, на Днепро-Бугском лимане — Ольвия, в Юго-Западном Крыму — Херсонес, на Керченском полуострове — Пантикапей и другие города. Эти колонии основали в конце VII — в V в. до н. э. греки, переселившиеся в Северное Причерноморье и Приазовье из Малой Азии, преимущественно из города Милета и островной Греции.

Античные города в Северном Причерноморье достигли значительного развития в материальном производстве — сельском хозяйстве и ремеслах, а также в торговле как со Средиземноморьем, так и с соседними северными племенами. Активно развивалось строительство городов, культура, искусство. Между греками, колонизовавшими Северное Причерноморье, и местными племенами скифов, меотов Приазовья, фракийцев Прикарпатья и другими племенами установились тесные всесторонние связи.

С конца IV в. до н. э. могущество Скифии уменьшается, и ее территория постепенно сокращается. Большая часть населения под натиском сарматов отходит на Крымский полуостров. Здесь, в долине Салгира, возникает скифский город с греческим названием Неаполь, ставший столицей Скифского царства в Крыму.

Во II—III вв. н. э. Скифское царство значительно ослабевает. Начинается период его упадка. В конце III в. Неаполь и другие поселения скифов прекращают свое существование. Их население во время «великого переселения народов» отступает в горы, где смешивается с местными горными племенами — таврами.

Начиная с III в. до н. э. появляются племена сарматов, с которыми связан значительный период в истории Северного Причерноморья. Сарматы (древнее название «савроматы») были этнически родственны со скифами и также принадлежали к ираноязычному населению. Важная роль сарматов в истории нашла отражение в том, что в начале нашей эры древние историки название «Скифия» заменили названием «Сарматия», которое они распространяли на территорию от Вислы до Волги. Название «сарматы» было общим для ряда племен — аорсов, роксоланов, язигов, аланов. Во II в. н. э. союз сарматских племен возглавили аланы. Сарматы принимали активное участие в политических событиях, вместе с другими племенами они включились в наступление «варваров» на Римскую империю.

По лингвистическим данным часть Трансильвании, Припрутскую Румынию и лесостепную Молдавию заселяли фракийские племена. Частично эти племена занимали и территорию современной Украины, в частности Поднестровье. Согласно археологическим данным на этой же территории в разное время жили племена трипольской культуры (IV—III тысячелетия до н. э.), культуры Ноа и сабатиновской культуры эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.), которых некоторые исследователи связывают в этническом плане с фракийской этнической общностью.

Часть современной территории Украины, от Днепра до Днестра, рассматривается учеными как прародина восточных славян. По лингвистическим данным сложение первых индоевропейских общностей следует отнести еще к IV тысячелетию до н. э., территория расселения которых связывается с широкими просторами междуречья Днепра и Вислы. Более зримо этот процесс прослеживается в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.), когда в среде племен так называемых культур шнуровой керамики, расселившихся от Волги до Рейна, складываются крупные общности индоевропейцев, с которыми многие исследователи связывают происхождение праславян, прабалтов и прагерманцев. Еще больше имеется данных для отождествления праславян с носителями некоторых культур эпохи средней бронзы и раннего железного века междуречья Днепра и Одера.

Впервые славяне упоминаются в исторических источниках под именем венедов в трудах римских историков I в. н. э. Плиния Старшего и Тацита, а также греческого автора II в. н. э. Клавдия Птолемея. По сообщениям этих авторов, земли венедов ограничивались степями Северного Причерноморья, Вислой и Балтийским морем. Правда, в Прибалтике пока что не найдены археологические материалы, которые можно было бы связать со славянами. Наверное, на этой территории в венедскую общность входили и какие-то другие, возможно, балтские племена. Примерно в середине I тысячелетия н. э. славяне проникли и на Дунай. Территория

древних славянских племен постепенно расширялась. На протяжении длительного времени славяне принимали участие в значительном перемещении населения, начавшемся в Европе в первые века нашей эры, расселяясь в различных направлениях. На конечном этапе первобытно-общинного строя у них увеличилась численность населения, повысился уровень экономического развития, в частности, в области земледелия и обработки металла, что давало возможность осваивать новые земли.

В восточной части древнеславянских земель археологической культурой периода первых исторических сведений о венедах была зарубинецкая культура (конец III в. до н. э. — II в. н. э.). Она распространялась в Среднем и южной части Верхнего Поднепровья, включая бассейн Припяти и Десны. В западной части древнеславянских земель, в Повисленье, в это время существовала пшеворская культура, принадлежавшая западной части древних славян.

Период II—VII вв. в Европе отличался бурными событиями. Усилилось передвижение населения, происходило так называемое «великое переселение народов», охватившее и Юго-Восточную Европу: из Прибалтики переселились в Подунавье и Причерноморье германские (готские) племена, через Северное Причерноморье продвинулись на запад кочевые племена гуннов и т. д. Причиной далеких миграций племен было увеличение численности населения, появление его избытка при общем низком уровне развития производительных сил.

В это время в Среднем Поднепровье и в южной части Верхнего Поднепровья продолжают жить древние славяне, что подтверждается чертами преемственности в развитии материальной культуры. Между Средним Днепром и Верхним Днестром во II—V вв. существовала черняховская культура, в формировании которой кроме славян приняли участие позднескифские и другие племена. Эта культура возникла под непосредственным влиянием римских провинций и городов Северного Причерноморья. В Верхнем Поднепровье в этот же период продолжает существовать позднезарубинецкая культура, племена которой были тесно связаны с балтскими племенами, на землях которых они расселились, постепенно ассимилировав их. Осев на землях по Десне, позднезарубинецкие племена стали соседями угро-финских племен, занимавших Волго-Окский бассейн.

Начиная с VI в., славянские племена выступают уже под своим собственным именем «славяне», или «склавины». Восточная часть славян известна в это время в письменных источниках под именем «анты». Славяне начинают играть значительную роль в европейской истории, вместе с другими племенами ведут в VI—VII вв. длительную борьбу с Византийской империей. События славянской истории нашли отражение в произведениях многих современников — историков Прокопия, Маврикия, Иордана и др.

В этот период происходит интенсивное расселение славян. Во время войн с Византией они заселяют почти весь Балканский полуостров. Славяне живут на землях по обоим берегам р. Эльбы и ее притока Заале, на севере достигают оз. Ильмень, на северо-востоке осваивают Волго-Окское междуречье.

С расселением славянских племен связан процесс разделения общеславянского языка, дифференциации отдельных языков, образования восточных, западных и южных славян. Славянская культура, сложившаяся в VI—VII вв. на обширной территории, отличалась в целом единством, на-

личием многих общих черт, проявлявшихся в характере поселений, особенностях домостроительства, погребального обряда, в вещевом материале.

I тысячелетие н. э. было периодом окончательного распада первобытнообщинного строя и создания у восточнославянских племен классового феодального общества. Этот процесс особенно усилился в период VII—VIII вв., являвшимся переходным от первобытнообщинного строя к феодальному.

Общественное развитие базировалось на экономическом прогрессе. Значительных успехов достигли у восточных славян различные виды хозяйства — пашенное земледелие, скотоводство, ремесла. Наиболее развитые отрасли отделяются, что приводит к развитию общественного разделения труда, внутреннего обмена и внешней торговли. Возникают предшественники городов — укрепленные городища, центры ремесла и торговли, племенные, а затем и политические центры.

Складывается общественная территориальная община, в которую входят индивидуальные хозяйства отдельных семей. Углубляется имущественная и социальная дифференциация общества, укрепляется власть социальной верхушки, опиравшейся на вооруженную дружину.

У славянских племен на основе развития классовых феодальных отношений происходил процесс образования государства. Возникновение первых славянских государств начинается в VII—IX вв. К этому времени относится формирование у восточных славян ряда больших племенных союзов, в состав которых входило по нескольку отдельных племен. Эти союзы постепенно перерастали в феодальные княжения. Процесс образования государства у восточных славян завершился возникновением на рубеже VIII—IX вв. Древнерусского государства — Киевской Руси со столицей Киевом, ставшего одним из могущественнейших государств средневековой Европы.

С образованием Древнерусского государства неразрывно связано формирование у восточных славян древнерусской народности, объединившей все восточнославянские племена, а также некоторые неславянские племена Восточной Европы.

Важное место в истории восточных славян принадлежит защите от нападений степных кочевников. Начиная с гуннского нашествия в конце IV в., степями Северного Причерноморья проходили на запад многочисленные кочевые племена — авары, аланы, болгары, мадьяры, затем печенеги, торки, половцы. Восточные славяне первыми принимали на себя первые удары этих племен, тем самым защищая от них европейские страны и их народы.

В VIII—IX вв. в бассейне Дона, Донца и в Приазовье поселяются болгарские и частично аланские племена, известные по археологическим материалам салтовской культуры, представленной многочисленными поселениями, городищами и отдельными городами. Болгаро-аланские племена салтовской культуры находились в политической зависимости от Хазарского каганата — государства кочевых племен хазаров и тюрков, возникшего в VII в. в Прикаспии и Приазовье и затем распространившего свою власть на народы Северного Причерноморья. Восточные славяне вели с хазарами длительную борьбу, окончившуюся в 965 г. разгромом каганата.

Разноэтничным по составу было население средневекового Крыма. Здесь жили потомки древнего скифо-сарматского населения, греков,

готов, сюда проникали хазары, аланские и болгарские племена, а также славяне. В период средневековья в Крыму господствовал феодальный строй, существовали большие города, периодически признававшие власть Византийской империи. Юго-восточная часть Крыма вошла в состав древнерусского Тмутараканского княжества.

С образованием Киевской Руси у восточных славян происходит процесс развития классового феодального общества. Все более углубляется закабаление свободных общинников, усиливается эксплуатация сельского населения. Обостряется классовая борьба, приводящая к массовым восстаниям крестьян и городской бедноты. Развивается сословная иерархия общества, укрепляется государственный аппарат, появляется постоянная военная дружина — надежная опора княжеской власти.

В результате дальнейшего развития феодальных отношений во второй половине XI — начале XII в. на Руси значительно возрастает роль отдельных княжеств, ставших самостоятельными экономическими и политическими центрами. Приблизительно в 30-х годах XII в. раннефеодальный период в истории Руси сменился периодом феодальной раздробленности. В XII—XIII вв. укрепляется вотчинное хозяйство князей и бояр. Бурно развиваются города — центры ремесла и торговли, значительные политические и культурные центры.

Высокоразвитой и яркой была культура Киевской Руси. Строятся большие города, многочисленные крепости и феодальные замки. Распространяется письменность, летописание, создаются высокохудожественные литературные произведения, возникают архитектурные школы. Культура Руси не уступала культуре передовых европейских стран.

Поступательное развитие Руси было прервано в середине XIII в. нашествием монголо-татар, уничтоживших массу людей, материальных и культурных ценностей. Однако древнерусская народность и ее культура не погибли. В новых исторических условиях из единой древнерусской народности образовались три братских восточнославянских народа — русский, украинский и белорусский.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

400—300 тыс. лет назад	Ранний палеолит. Начало заселения современной территории Украинской ССР
100—40 тыс. лет назад	Средний палеолит
40—10 тыс. лет назад	Поздний палеолит
10—8 тыс. лет назад	Мезолит
VII—VI тысячелетия до н. э.	Начало приручения животных на территории Украины
Вторая половина VI—V тысячелетие до н. э.	Начало земледелия на территории Украины
VI—III тысячелетия до н. э.	Неолит
Вторая половина VI—начало IV тысячелетия до н. э.	Племена буго-днестровской культуры
Вторая половина V тысячелетия до н. э.	Племена культуры линейно-ленточной керамики
V — начало IV тысячелетия до н. э.	Племена сурско-днепровской культуры
Вторая половина V — вторая половина III тысячелетия до н. э.	Племена днепро-донецкой культуры
Вторая половина IV—III тысячелетие до н. э.	Племена культуры ямочно-гребенчатой керамики
IV—III тысячелетия до н. э.	Энеолит
IV—III тысячелетия до н. э.	Племена трипольской культуры
Середина IV тысячелетия до н. э.	Племена гумельницкой культуры
Вторая половина IV — середина III тысячелетия до н. э.	Племена среднестоговской культуры
III — первая половина II тысячелетия до н. э.	Племена кеми-обинской культуры
III тысячелетие до н. э.	Племена культуры воронковидных кубков
Конец III тысячелетия до н. э.	Племена культуры шаровидных амфор
Вторая половина III—начало I тысячелетия до н. э.	Эпоха бронзы
Середина III — начало II тысячелетия до н. э.	Племена ямной культуры
Вторая половина III — первая половина II тысячелетия до н. э.	Племена культур шнуровой керамики (подкарпатской, среднеднепровской, городоцко-здовбыцкой, стжижовской)
Первая половина II тысячелетия до н. э.	Племена катакомбной культуры
XVII—XV вв. до н. э.	Племена культуры многоваликовой керамики
XV—VIII вв. до н. э.	Племена бондарихинской культуры
XV—IX вв. до н. э.	Племена срубной культуры

XV—XI вв. до н. э.	Племена тшинецко-комаровской культуры
XIV—XII вв. до н. э.	Племена становской культуры
XIII—XI вв. до н. э.	Племена культуры Ноа
XI—IX вв. до н. э.	Племена белогрудовской культуры
X—VIII вв. до н. э.	Племена чернолесской культуры
IX — первая половина VII в. до н. э.	Позднейший киммерийский период в Северном Причерноморье
700—650 до н. э.	Вторжение скифов в Северное Причерноморье
	Переселение киммерийцев в Малую Азию
680—600 до н. э.	Переднеазиатские походы скифов
Вторая половина VII в. до н. э.	Начало греческой колонизации Северного Причерноморья
	Возникновение греческого поселения на о. Березань
Рубеж VII—VI в. до н. э.	Складывание Скифии как политического объединения в Северном Причерноморье
VI в. до н. в.	Основание Тиры, Ольвии, Гераклеи Понтийской
514 до н. э.	Поход Дария I Гистаспа в Скифию
480—438 (7) до н. э.	Династия Археанактидов в Боспоре
438 (7)—107 до н. э.	Династия Спартокидов в Боспоре
422 (1) до н. э.	Основание Херсонеса
IV в. до н. э.	Правление в Скифии царя Атея (погиб в 339 г. до н. э.)
331 до н. э.	Поход войск Александра Македонского (во главе с Зопирионом) в Скифию. Осада Ольвии
Вторая половина III в. до н. э.	Вторжение сарматов в Северное Причерноморье. Распад Большой Скифии и складывание Малой Скифии
II в. до н. э.—III в. н. э.	Сарматы в Северном Причерноморье
Конец III в. до н. э.— III в. н. э.	Скифское царство в Крыму и на Нижнем Днепре
III в. до н. е.— II в. н. э.	Племена зарубинецкой культуры
II в. до н. э.—IV в. н. э.	Племена пшеворской культуры
121—63 до н. э.	Правление царя Понтийского государства Митридата VI Евпатора
110—108 до н. э.	Походы Диофанта на скифов
107 до н. э.	Восстание Савмака в Боспоре
Конец II — начало I в. до н. э.	Присоединение Тиры, Ольвии, Херсонеса, Боспора к Понтийскому царству
Середина I в. до н. э.	Разрушение Ольвии гетами
89 (8)—85 (4), 83—82, 74—64 (3) до н. э.	Войны Понтийского царства с Римом
63 до н. э.	Восстания в Фанагории, Нимфее, Феодосии, Херсонесе и Пантикапее против Понтийского царства
47 до н. э.	Поражение войск понтийского царя Фарнака в битве с войсками Юлия Цезаря
63 н. э.	Поход Плавтия Сильвана на скифов
Около 77 н. э.	Первое упоминание с славянах под именем «венедов» в «Естественной истории» Плиния Старшего
98 н. э.	Упоминание о славянах у Корнелия Тацита
161—182	Упоминание о славянах в «Географии» Клавдия Птолемея
II—IV вв.	Борьба восточноевропейских племен против Римской империи
I—V вв.	Племена культуры карпатских курганов
II—V вв.	Племена черняховской культуры
III в.	Вторжение готов в Северное Причерноморье
375	Вторжение гуннов в Юго-Восточную Европу, разгром Боспорского царства и готского союза племен
Конец IV в.	Борьба славянского союза племен антов с готами
451	Битва на Каталаунских полях. Разгром гуннов римлянами и везеготами
VI—VII вв.	Продвижение антов и склавинов на Дунай. Заселение славянскими племенами Балканского полуострова
550—551	Наступление славян на Византию
558	Вторжение аваров в Северное Причерноморье
VI в.	Деятельность князя Кия
Вторая половина VI— первая половина VII в.	Существование Аварского каганата

VI—VII вв.	Возникновение в Среднем Поднепровье политического объединения «Русь»
602	Поход аваров на антов. Последнее упоминание об антах
Начало VII в.	Возникновение в Приазовье Большой Болгарии
Середина VII в.	Возникновение Хазарского каганата
679	Переселение болгарской орды Аспаруха на Дунай
VII—VIII вв.	Проникновение в Крым хазар и болгарских племен
VIII—IX вв.	Поселение аланских и болгарских племен в бассейне Дона и в Приазовье
рубеж VIII—IX вв.	Возникновение Древнерусского государства — Киевской Руси
860—866 (7)	Походы Аскольда и Дира на Византию
880	Поход войск Руси на западное побережье Каспийского моря
882—912	Княжение Олега
907	Первый поход войск князя Олега на Константинополь. Договор Руси с Византией
911	Новый договор Руси в Византией
912—945	Княжение Игоря
941	Первый поход войск Игоря на Византию
943	Поход войск Руси на западное побережье Каспийского моря и взятие Бердаа и Дербента
944	Второй поход войск князя Игоря на Византию. Договор Руси с Византией
945	Восстание древлян и гибель князя Игоря
945—969	Регентство княгини Ольги
956	Визит княгини Ольги в Константинополь
959	Посольство княгини Ольги к германскому императору Отону
961	Посольство германского императора Отона в Киев
965	Разгром князем Святославом Хазарского каганата
969—972	Княжение Святослава Игоревича
968—971	Походы войск Руси на Балканы
980—1015	Княжение Владимира Святославича
988	Введение христианства на Руси
	Первые упоминания о школах на Руси
989—996	Строительство Десятинной церкви в Киеве
992	Разгром печенегов на Суле
993	Поход войск князя Владимира на хорватов
996—997	Осада Белгорода печенегами
997	Первый летописный свод
1019—1054	Княжение Ярослава Владимировича (Мудрого)
1015	Устав Ярослава Мудрого
1017—1037	Строительство Софийского собора в Киеве
1024	Народное восстание в Суздальской земле
1037	Основание библиотеки при Софийском соборе в Киеве
1037—1039	«Древнейший Киевский свод»
1043	Поход русских войск на Византию
1045—1052	Строительство Софийского собора в Новгороде
1054—1073	Княжение Изяслава Ярославича
1056—1057	Остромирово евангелие
1060	Поход войск князей Ярославичей против торков
1068	Первое нападение половцев на Русь
	Народное восстание в Киеве
1070—1088	Строительство церкви Михаила в Выдубицком монастыре
1072	Княжеский совет и уложение «Правды Ярославичей»
1072—1073	Летописный свод Никона
1073—1076	Княжение Святослава Ярославича
1073	Изборник Святослава
1076	Изборник
1078—1093	Княжение Всеволода Ярославича
1093—1113	Княжение Святослава Изяславича
1093—1095	Летописный свод Иоанна
1097	Любечский съезд князей Киевской Руси

1099	«Поучение» Владимира Мономаха своим детям
1103	Долобский съезд князей Киевской Руси
	Поход войск князей Святослава Изяславича и Владимира Мономаха против половцев
1113	«Повесть временных лет» Нестора
	Народное восстание в Киеве
1113—1125	Княжение Владимира Мономаха
1116	«Повесть временных лет» в редакции Сильвестра
1118	«Повесть временных лет» в редакции Мстислава
1119—1128	Юрьевское евангелие
1123	Строительство Борисоглебского собора в Чернигове
1125—1132	Княжение Мстислава Владимировича
1125—1154	Княжение Юрия Долгорукого в Суздале
1136	Народное восстание в Новгороде
1139—1146	Княжение Всеволода Ольговича в Киеве
1144—1146	Походы войск Всеволода Ольговича в Галицкую землю
1146—1154	Княжение в Киеве Изяслава Мстиславича
1147	Основание Москвы
	Народное восстание в Киеве
1149	Поход Юрия Долгорукого на Киев и взятие его
1153—1187	Княжение Ярослава Владимировича (Осмомысла) в Галицкой земле
1154—1157	Княжение в Киеве Юрия Долгорукого
1157	Народное восстание в Киеве
1157—1174	Княжение Андрея Боголюбского во Владимире
1159—1167	Княжение в Киеве Ростислава Мстиславича
1166	Поход войск князя Ростислава Мстиславича на юг Руси для охраны ее торговых путей
1167—1169	Княжение в Киеве Мстислава Изяславича
1175	Народное восстание в Суздали
1176—1212	Княжение Всеволода Большое Гнездо во Владимире
1180—1202	Княжение в Киеве Святослава Всеволодовича (1180—1194) и Рюрика Ростиславича (1180—1202)
1183, 1185, 1187	Походы войск Руси против половцев во главе с киевским князем Святославом Всеволодовичем
1185	Поход новгород-северского князя Игоря Святославича против половцев
	Создание «Слова о полку Игореве»
1187	Поход войск князей Святослава Всеволодовича, Рюрика Ростиславича, Владимира Глебовича против половцев
1198	Поход войск суздальского князя Всеволода и его сына Константина против половцев
1199	Образование Галицко-Волынского княжества
Конец XII — начало XIII в.	Создание «Киево-Печерского патерика»
1205	Поход войск русских князей против половцев
1210—1214	Княжение в Киеве Всеволода Чермного
1214—1223	Княжение в Киеве Мстислава Романовича
1223	Съезд южнорусских князей в Киеве
	Битва русских войск с монголо-татарами на р. Калке
1234	Утверждение Даниила Романовича на Галицком столе
1237	Поход Батыя на Северо-Восточную Русь
1239	Начало походов монголов на Южную Русь
1240	Героическая оборона Киева от монголо-татарских захватчиков
	Разгром войсками Александра Невского шведских войск на Неве
1242	Разгром войсками Александра Невского немецких рыцарей на Чудском озере
1245	Победа русских войск над польско-венгерскими захватчиками под Ярославом

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Август 198
Авдий 406, 425, 454
Агопит 425, 435
Агриппа 190
Адам Бременский 320, 425
Адельберт 345
Акиндин 441
Алекса (зодчий) 425
Александр (владимирский князь) 410
Александр Македонский 146, 147, 210, 223, 315, 461
Алексей Ангел 409
Алексей Исакович 409
Алипий (Алимпий) 423, 425, 441, 457—459
Алисей 423
Алтунопа 360
Амага 181, 190, 198
Аммиан Марцелин 194, 195, 199, 274
Анастасий I 280, 326
Анна 353, 354
Анна Всеволодовна 433
Анна Ярославна 356, 434
Андрей (венгерский королевич) 408
Андрей II 409, 410
Андрей Боголюбский 339, 340, 370, 375, 379, 383, 386, 392, 398, 403, 438, 440
Андрей Владимирович 388, 397
Антоний 459
Антоний Пий 184, 234, 236, 239, 270
Аппиан 191
Аппий Клавдий Пульхр 191
Апсих 281
Ариант 175
Ариапейт 146
Аристей 133
Аристотель 434
Арифарн 223
Аристоник 225
Арриан 152, 184, 194
Арсений 340
Артамонов М. И. 145
Археанактиды 220
Асандр 183, 229, 230
Асаргаддон 132, 134
Аскольд 305, 428, 436—438
Аспург I (Рескупорид) 184, 230, 231, 243, 247
Атей 146, 147, 168, 172, 173, 180, 215
Аттила 277

Байдар 419
Балуш 411
аль-Балхи 298
Бартатуа 134
Батый 417—419
Баян 281
Бела III 408
Бернштейн С. Б. 255
ибн-Бибн 350
Бион Борисфенит 241—243
аль-Бируни 315
Богша Лазарь 315
Болеслав 401
Болеслав Кривоустый 401
Болеслав Кудрявый 401
Болеслав I 328, 355
Болеслав II 359, 363
Боняк 411
Борис (болгарский царь) 347
Борис (князь) 330, 355, 374, 439, 459
Борис Юрьевич 375, 383
Борислав 373
Боян 429, 441
Буребиста 213
Бурундай 401, 402
Бус (Бож) 270, 272, 280

Ван Хан 414
Варда Фока 353
Василий I 341
Василий II 353
Василий 429
Василько (князь) 373
Василько (князь козельский) 417
Василько Романович 393, 400, 401, 405, 409, 410
Василько Ростиславич (теребовльский князь) 366, 437
Василько Ростиславич (галицкий князь) 404, 406
Веспасиан 193
Вестерфельд 456
Винитарий 272
Владимир Василькович 434, 438
Владимир Володаревич 370, 379, 380, 383, 404—408
Владимир Всеволодович 400
Владимир Давидович 391 392
Владимир Глебович 396, 398, 399
Владимир Игоревич (галицкий князь) 405, 409
Владимир Игоревич (путивльский князь) 389, 393
Владимир Мономах 305, 322, 336, 338, 339, 357, 360—362, 367, 369, 373, 375, 378, 391, 395, 396, 401, 404, 411 422, 429, 434, 437—439, 451
Владимир Рюрикович 384
Владимир Святославич 319, 330, 334, 338, 339, 347—357, 359, 375, 376, 422, 423, 433, 436, 438, 439, 447, 456
Владимир Ярославич (галицкий князь) 408
Владимир Ярославич (новгородский князь) 357, 456
Владислав (польский король) 401
Владислав 409, 410
Володарь Ростиславич 406
Воротислав 373
Всеволод Андреевич 392
Всеволод Белзский 410
Всеволод «Большое Гнездо» 383, 384, 395, 398, 399, 440, 459
Всеволод Константинович 400
Всеволод Мстиславич 339, 396, 397
Всеволод Ольгович 339, 369, 375, 376, 378, 379, 382, 385, 386, 389, 391, 392, 397, 400, 401, 405, 407, 452
Всеволод Святославич 393
Всеволод Чермный 384, 393, 400

Всеволод Юрьевич 383, 399, 417
Всеволод Ярославич 338, 357—360, 373, 403, 404, 434, 449, 456
Всегорд 280
Всеслав Брячиславич 358, 359
Вышата 357, 373
Вятко 297
Вячеслав 340
Вячеслав Владимирович 370, 380, 397
Вячеслав Мономахович 396
Вячеслав Юрьевич

Гай Юлий Феоген 233
Галл Анопим 426
Гардизи 308
Гарнунг Б. 255
Гарольд 362
Гатал 190, 219
Галлиен 238
Генрих I Капетинг 356
Генрих III 356
Георгиев В. 255
Георгиев Э. 426
Георгий 423
Георгий Амартол 434, 437
Георгий Херовоск 430
Геральд Смелый 356
Герман 281
Германарих 195, 272, 276
Герман Збигнев 401
Геродот 131, 133, 134, 141—143, 145, 146, 148, 149, 157, 172, 175, 189, 200, 209, 213, 250, 255—257, 434
Гесиод 131
псевдо-Гиппократ 170
Гита 362
Глеб (боярин) 373, 374, 379
Глеб (муромский князь) 330, 355, 374, 439, 459
Глеб Поткович (белзский боярин) 409
Глеб (рязанский князь) 398
Глеб Юрьевич 383, 398, 399
Гомер 130. 131, 241
Горнунг Б. В. 255
Граков Б. Н. 145, 255
Греков Б. Д. 307
Григорий (дьяк) 430
Григорий (поп) 344
Гурандухт 413
Гюря 395

Давид Игоревич 360, 401, 403
Давидов 429
Давид Ростиславич 383, 393
Давид Святославич (смоленский князь) 360
Давид Святославич (черниговский князь) 391, 452
Даврит 280
Дамьян 410
Даниил (игумен) 439
Даниил (посадник) 402
Даниил Заточник 337, 365
Даниил Кобякович 416
Даниил Романович 384, 393, 400, 402, 404, 405, 409—411. 416, 417, 438
Дарий I Гистасп 145, 146, 168, 189, 201
Дементиан 426
Демокрит 434
Демосфен 147, 222
Джебе 416
Диаком Лев 347
Динамия 229, 230, 249
Диодор Сицилийский 133, 142, 189, 190, 220, 223
Дион Хрисостом 184, 193, 213, 241
Диофант 183, 192, 219, 225, 226, 233
Дир 305
Дифил 243
Дмитр 438
Дмитр Мирошкинич 340
Доброгаст 280
Добрыня 354, 357
Домициан 234

Евмел 223
Евмен 190
Евпатий Коловрат 420
Евсевий 430
Елена 438
Елизавета 356
Есугей-Боатур 414
Епифаний Кипрский 434
Ефрем 451

Жаден 432

Зеноб Глак 326
Зенон 235
Зопирион 147, 210

Иаков Мних 425, 439
Иван (писец) 429
Иван (мастер из Полоцка) 453
Иван (мастер из Смоленска) 425
Иван Василькович 406
Иван Войтишич 379, 404
Иван Ростиславич (Берладник) 337, 404, 407, 408
Иван Станиславич 409
Игорь 305, 342—344, 353, 374, 421, 437
Игорь Ольгович 332, 339, 340, 379, 385, 387, 397
Игорь Святославич 392, 393, 398, 399, 413, 438, 440, 441
Игорь Ярославич 358, 403
Иданфирс 145, 168
Идаризий 280
Изай Билюкович 413
Изяслав Давидович 340, 369, 381, 386, 388, 389, 391, 392, 398, 407, 408
Изяслав Владимирович 362, 405
Изяслав Всеволодович 389
Изяслав Мстиславич 307, 339, 340, 369, 370, 375, 379—381, 386—388, 391, 392, 395, 397, 401, 403, 404, 406, 408, 438, 440
Изяслав Ярославич 338, 356, 358—360, 373, 449, 456
Иларион 358, 380, 422, 424—426, 434, 437—441
Ингигерда (Ирина) 356, 448, 456
Инисмей 183, 236
Иннокентий III 409
Иоан (игумен) 437
Иоан (эзарх болгарский) 434
Иоан (евангелист) 434
Иоан Дамаскин 434
Иоан Златоуст 455, 456
Иоан II Комнен 363
Иоан I Цимисхий 347, 348
Иоан Эфесский 281
Иордан 265, 270, 272, 274, 276, 278, 468
Иосиф Флавий 194, 434
Ирак 194
Ираклий 282
Исил 241
аль-Истархи 298
Итларь 395
Ифигения 178
Ишпака 134

Кадм 251
Казимир 356, 408
Кайду 419
Каламан 362
Каллимах 131
Калисфен 237
Кальпурий Элий 239
Каракалла 237
Келагаст 280
Кза 393
Киаксар 134
Кий 296, 298, 304, 305, 326, 421
Кирилл 301, 426, 427
Кирилл Туровский 426, 434, 440
Китан 395
Клавдий 230
Клавдий II 275
Клавдий Птолемей 467

Клеарх Солийский 168
Климент Смолятич 380, 434, 440
Кобяк 393, 399, 416
Кобяк Кареневич 413
Кожемяка 350
Коломан 362, 410
Константин (византийский император) 438
Константин (воевода рязанский) 405
Константин (мастер) 462
Константин (Кирилл) 427
Константин VII Багрянородный 278, 295, 341, 344, 346, 353, 374, 426, 457
Константин Всеволодович 399
Кончак 393, 399, 413
Коснячка 373
Костшевский Ю. 255
Котис I 230, 231
Котис II 184, 231, 234
Кузьма Индикоплов 434, 435
Кузьмища Кыянин 438

Лаврентий 437
Лазарь 439
Левкон I 221
Левкон II 224
Ленин В. И. 26, 33, 41, 204, 318, 335
Леон Диогенович 362
Лер-Сплавинский Т. 255
Лешка Краковский 394, 400, 410
Лигдамис 134
Ликург 242
Лисимах 147
Лихачев Д. С. 436
Ловмянский Г. 256
Лука (дьяк) 429
Лука Жидята 434
Лукиан Самосатский 147, 168, 190
Лукулл 215
Лыбедь 304, 326, 421
Людота 315, 428
Лют 348

Маврикий 278—281, 468
Мавродин В. В. 307
Магомет 415, 416
Мадий 134
Макробий 210
Мал 305, 377
Малуша 349
Мария-Добронега 356
Мария Мстиславна 452
Марк Аврелий 270
Маркс К. 22, 203, 265, 334, 337, 415, 441
аль-Масуди 278, 295, 305, 342
Махар 227
Медосакк 181
Мезамир 280
Мела 189
Мелюкова А. И. 255
Мемнон 241
Менандр 278, 280, 281
Менгухан 417
Микула (сотник) 411
Микула (живописец) 423
Митридат III 226, 230, 231
Митридат VI Евпатор 183, 191, 192, 206, 207, 213, 215, 219, 223, 225—229, 233
Митус 406, 441
Михаил 337
Михаил Андреевич 392
Михаил Всеволодович 384, 387, 417
Михаил Юрьевич 383
Михаль 429
Моисей (игумен) 438
Моисей (летописец) 383
Мономах (византийский император) 357
Мстислав Владимирович 355, 356, 386, 441, 448
Мстислав Владимирович Мономахович 362, 363, 375, 378, 385, 392, 396, 406, 437
Мстислав Глебович 417
Мстислав Изяславич 380—382, 398, 401—403, 407
Мстислав Мстиславич (Удалой) 384, 410, 416
Мстислав Пересопницкий 410
Мстислав Романович 384, 416
Мстислав Святославич 384, 393, 416

Нерон 184, 193, 230
Неоптелем 192, 227
Нестор 304, 305, 326, 424, 434, 437, 439, 441, 442
Нидерле Л. 254, 255
Никерат 192, 213
Никита 433
Никита Хониат 304
Никифор 430, 437
Никифор Фока 346
Никола Святоша 433
Никон 424, 434, 437

Овидий 191
Октамасад 146
Олаф 356
Олег 305, 307, 330, 341, 342, 421, 437
Олег Святославович (древлянский князь) 347, 348
Олег Святославович (черниговский князь) 360, 385, 386, 391, 392, 429, 437, 439, 400, 440
Олег Ярославич (Настасьич) 408
Ольга 305, 335, 338, 344, 345, 349, 353, 375, 421, 438, 456, 457
Онфим 428
Ороптон 238
Осолук 413
Остромир 431
Отрок 412, 413
Оттон 345

Палак 181, 183, 193, 213, 234
Пелонид 191
Перикл 206, 207
Перисад I 147, 223
Перисад II 223
Перисад V 225
Петр 425
Петр Бориславич 441
Петрила 381
Петр Милонег 425, 453
Пиндар 169
Пиотровский Б. Б. 135
Плавтий Сельван 184, 234
Платон 434
Плетнева С. А. 415
Плиний Старший 183, 189, 191, 192, 196, 257—259, 467
Плутарх 173, 434
Плутон 248
Покровская Е. Ф. 255
Полемон I 230, 233
Полибий 190, 166, 190
Полиен 190, 241
Поликарп 425, 441
Помпей 227
Посидей 181
Посидоний 243
Пракситель 245
Претич 347, 442
Прокопий Кесарийский 278, 279, 280, 281, 293, 300, 301, 468
Протоген 190, 212, 213, 233
Псамметих 134
Птолемей 145, 182, 190, 259
Путята 338, 354

Радим 297
Радич 374
Радка 423
Ратибор 373
Ратша 339, 373
Реметалк 231
Рескупорид III 188
Рескупорид II 231
Рескупорид IV 232

Рескупорид VI 233
Роман Игоревич 409
Роман Мстиславич 382—384, 401, 403, 404, 408, 440
Роман Святославич 441
Ростислав 369, 405
Ростислав Владимирович 358, 403, 406
Ростислав Володаревич 405, 406
Ростислав Изяславич 380—382, 398
Ростислав Мстиславич 336, 370, 375, 379—381, 397, 407, 440
Ростислав Юрьевич 370, 398
Руса 132
ибн-Русте 278, 308
Руф Валерий 239
Рюрик 342
Рюрик Ростиславич (киевский князь) 375, 377, 382—384, 411, 438, 440, 453
Рюрик Ростиславич (галицкий князь) 406, 409, 413
Рыбаков Б. А. 144, 145, 255—257, 271, 326, 364, 367, 389, 390, 436, 441

Сабазий 251
Савмак 225, 226, 227
Савромат II 184, 231
Сайтафарн 147, 212
Саковский Лазарь 369
Сасаниды 289
Саргон II 132
Сатир 223, 233, 237—239
Сатир I 221
Сбислав Станиславич 410
Свенельдь 348
Святополк Владимирович 330, 355, 356, 374, 375, 439
Святополк Изяславич 322, 338, 360, 362, 369, 401, 406, 429, 451
Святополк Мстиславич 397
Святослав Владимирович (вщижский князь) 389
Святослав Владимирович (древлянский князь) 355
Святослав Всеволодович 370, 375, 377, 380, 383, 387, 392 393, 398, 399, 406, 413, 440
Святослав Всеволодович (переяславский князь) 400, 407
Святослав Игоревич 300, 334, 344—347, 350, 437, 442, 445, 446
Святослав Игоревич (перемышльский князь) 409
Святослав Ольгович (рыльский князь) 393, 397
Святослав Ольгович (новгород-северский князь) 332, 370, 379, 380, 386, 388, 391, 392, 397, 406, 407, 438
Святослав Ярославич 338, 356, 358, 360, 385, 391, 429, 431, 435, 441, 443, 456
Седов В. В. 256
Сежир 423
Семен 417
Септимий Север 184, 237
Симеон 426
Симон 441
Синкел 434
Сильвестр 434, 437, 438
Сириск 242
Си Ся 415
Ситалк 146
Скил 146, 209
псевдо-Скилак 213
Скилур 181, 183, 186, 213, 218, 234
псевдо-Скимн 213
Скиф 141
Скопас 245
Скопасис 145
Смикр 243
Сократ 434
Софокл 434
Спартокиды 220, 221, 225, 232
Спарток I 220, 221
Спарток III 221—224
Срезневский И. И. 426
Ставр Городятинич 429
Стефан 423
Стефан Сурожский 301
Страбон 133, 168, 174, 180, 190—192, 196—198, 224, 227, 229
Стратоник 243
Субедей 416
Сфер 242, 243

Таксакис 145
Тамара 386
Тасий 192
Татищев В. Н. 362, 383, 433
Тацит 192, 197, 258, 259, 467
Теокл 237—239
Теофил 461
Тереножкин А. И. 255
Теушпа 134
Тимофей 406
Тирей 146
Тихомиров М. Н. 307
Титмар Мерзебургский 328, 426
Товлый 413
Томирис 198
Траян 236, 239
Третьяков П. Н. 255
Трубачев О. Н. 255
Тугоркан 411
Тудор 339, 374

Угедей 417, 419
Урособой 411

Фагимасад 175
Фадей 458
ибн-Фадлан 278
Фарзой 183, 184, 236
Фарнак I 190, 219, 226, 228, 229
Фарсана 232
Феодосий Печерский 425, 433, 441, 459
Феофан 295
Феофил Евхаитский 348
Феофилакт Симокатта 278, 281, 294
Филин Ф. П. 255
Филипп I (французский король) 356
Филипп II Македонский 146, 147, 172, 173
Филип Я. 255
Флор 191
Фотий 341, 352, 428
Фридрих I Барбаросса 408

Хань 194
ибн-Хардадбег 308
ибн-Хасан 342
ибн-Хаукаль 346
Хвойко В. В. 316
Хильбудий 280
Ходот 305
Хорив 296, 303, 304, 326, 421

Чекановский Я. 255
Черноризец Храбр 426, 428
Чингисхан (Темучин) 414—417
Чудин Иван 371
Чудин Никула 371
Чудин Туки 373

Шафарир II 254
Шрамко Б. А. 145

Щек 296, 303, 304, 326, 421
Щусев О. В. 377

Энгельс Ф. 18, 21, 48, 55, 98, 128, 129, 202, 288, 308, 309, 324, 352, 368, 422

Эпикрат 192
Эпикур 434

Юлий Капитолин 184
Юлий Цезарь 229, 233
Юрий Андреевич 386
Юрий Василькович 406
Юрий Долгорукий 307, 339, 340, 369, 370, 375, 378—382, 391, 392, 395, 397, 398, 400, 407, 408
Юрий Игоревич 417
Юрий Кончакович 416
Юрий Мономахович 396
Юстин 280
Юстиниан I 233, 281, 289, 301, 326

Яволод 409
Ян Вышата 373
Ярополк (галицкий боярин) 409
Ярополк (князь) 403
Ярополк Святославич 347—349, 352
Ярополк Владимирович (Мономахович) 374, 378, 379, 391, 396, 397
Ярослав Владимирович 407, 408
Ярослав Всеволодович (переяславский князь) 399
Ярослав Всеволодович (черниговский князь) 392, 393
Ярослав Изяславич 380, 400, 402—404, 407
Ярослав Мстиславич 399
Ярослав Мудрый 327, 338, 355—358, 371, 374—376, 385, 388, 394, 403, 406, 423—425, 429, 433, 434, 437, 439, 441, 448, 456
Ярослав Осмомысл 381, 404, 405, 407, 408, 440, 453
Ярослав Святополкович 401
Ярослав Святославич 391
Ярославна 421, 440

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аварское гос-во 281
Австралия 52, 53
Австрия 140
Агриппия, г. 230
Адриатическое море 435
Азия 13, 131, 133, 145, 190, 200, 201, 227, 264, 265, 435, 437, 466
Азия Восточная 44
Азия Западная 415
Азия Малая 134, 167, 206, 226—229, 232, 234, 239, 275, 277, 282, 353, 416, 466
Азия Передняя 109, 133—136, 166, 168, 300, 466
Азия Северо-Восточная 33, 34
Азия Средняя 45, 98, 101, 129, 190, 198, 276, 303, 415, 423
Азия Центральная 276
Азия Юго-Восточная 22, 45
Азовское море (древнее название: Меотида, Меотийское озеро, Меотий) 133, 142—145, 189—191, 194, 196, 209, 220, 228, 259, 274, 319, 412, 435
Албания 435
Александрия Египетская 211
Алтай 98, 153
Алустун (ныне Алушта), г. 301
Альма, р. 184
Альпы 227
Альта, р. 355, 356, 359, 395
Амастрия, г. 235, 238
Амвросиевка, г. 23, 33
Америка Северная 52
Амис, г. 214, 224, 235
Амур, р. 414
Анапа, г. 244
Анатольевка, с. 115
Англия 38, 303
Антоновка, с. 28, 110
Апамея, г. 238
Аппениский п-о 202
Аполония, г. 204
Арабский халифат 340, 342
Аравийский залив 435
Аравия 435
Аральское море 194
Аркадиополь, г. 347
Аркадия 435
Армения 135, 194, 303, 426, 435, 463
Армены, г. 213
Артемовск, г. 113
Ассирия 128, 132—136
Аттика 206—208, 224, 241—243, 282
Афины, г. 146, 206—208, 214, 220—222, 224, 225, 229
Африка 22, 45, 52, 195, 264, 437
Африка Северная 202, 227, 435, 437

Бабино, с. 111
Баев, с. 64
Базавлук, с. 192
Байдарская долина 52
Бакота, с. 404
Бактрия 435
Балия, г. 396, 412
Балканский п-о (Балканы) 24, 60, 63, 77, 78. 83, 94, 100, 101, 105, 117, 277, 279, 280, 282, 346, 347, 357, 468
Балки, с. 99, 150
Балтийское море (древнее название: Венедский залив) 214, 259, 435, 467
Балтийское побережье 259
Балтика 259, 304
Балх 415
Баня, г. 404
Баратовка, с. 109
Баруч, г. 394—396
Барышевка, с. 394
Басовка, с. 162
Бахмач, г. 385
Бахчисарай, г. 26
Белая Вежа, г. 346, 386, 412
Белая Вежа (Остерская), г. 429
Белгород (ныне с. Белгородка), г. 325, 327, 328, 331, 350, 351, 359, 373, 375, 376, 381, 404, 418, 429, 433, 453, 462
Белгород, г. 417
Белгород-Днестровский, г. 213, 229, 404, 407
Белз, г. 327, 355, 401—403
Белзско-Червенская волость 404
Белка, р. 405
Белогорск, г. 26, 88
Белогорский р-н 271
Белое озеро 298
Белолесье, с. 46, 47
Белоруссия (Белорусская ССР) 15, 45, 67, 75, 121, 179, 275, 323
Белоруссия Юго-Восточная 75
Белоруссия Южная 129, 144
Белоус, р. 422
Бельбек, р. 34
Бердая, г. 343
Березанский лиман 204, 207
Березанский р-н 115
Березань, о. 204, 207, 241
Березина, р. 370, 263, 266, 370
Берладское княжество 404
Берладь, г. 337, 404
Берестейская область 370
Берестов, г. 331, 373
Берестье, г. 379, 400
Бобрка, р. 410
Боголюбово, г. 340, 375
Богуслав, г. 327, 376
Божск, г. 380, 401, 402
Болгария (Болгарское гос-во) 140, 192, 277, 278, 303, 346—348, 419, 426, 428
Болгария Великая 299
Болгария Волжская 299, 319, 345, 417
Болгария Дунайская 299
Боловос, с. 387
Большая Каратуль, с. 394
Бориславский р-н 114
Боровой, г. 376, 380
Боровский р-н 113
Бородино, с. 11
Босния 419
Боспор (Боспорское гос-во) 147, 166, 178, 181, 183, 184, 187, 188, 194, 195, 197—

199, 204—206, 209, 213, 214, 217, 219—236, 238, 242—251, 273, 276, 289, 301
Босфор 435
Бравлина, г. 301
Брест, г. 275, 317, 403, 445
Британия (Британские острова) 195, 435
Броды, г. 401
Бронькняж, г. 394—396
Брягин, г. 370
Брянск, г. 386, 389
Брянская обл. (Брянщина) 261, 462
Брянский удел 393
Бугский лиман 207
Бужск, г. 297, 327, 370
Бузки, с. 55, 67
Булгар, г. 346
Бутенки, с. 140
Бухара, г. 415

Вавилон 435
Вавилония 135
Вагра, р. 405
Варецкий перевал 419
Василев (на Буковине), г. 454
Василевка, с. 113
Васильев (ныне г. Васильков), г. 327, 328, 351, 354, 373, 376
Васильевка, г. 53
Великоморавское гос-во 277
Венгрия 38, 61, 89, 90, 140, 192, 347, 372, 384, 404, 408—410, 417—419, 423, 426
Венгрия Северо-Восточная 125
Вепр, р. 400
Верхнерогачикский р-н 111
Верхний Салтов, с. 299
Верхняя Мануйловка, с. 264
Вздвижен, г. 377
Византий, г. 238
Византия (Византийская империя, Восточная Римская империя) 200, 229, 233, 235, 238, 277, 280—282, 289, 300, 301, 303—305, 316, 319, 320, 327, 330, 340—343, 345—347, 349, 350, 352, 353, 356, 357, 362, 363, 372, 380, 411, 422—426, 438, 445, 456, 458, 463, 468—470
Викторовка, с. 274
Вилия, р. 370
Винница, г. 160
Винницкая обл. (Винничина) 63, 158, 286—288
Виноградорский р-н 23
Висла, г. 128, 190, 255, 256, 258—260, 267, 275, 278, 400, 467
Висла Верхняя, р. 267, 468
Висла Нижняя, р. 274, 275
Вислока, р. 404
Висло-Одерское междуречье 258
Витачев, г. 327, 360
Виффиния 435
Владимир-Волынский, г. 284, 297, 327, 329, 370, 380, 381, 401—403, 409, 410, 418, 419, 433, 438
Владимир на Клязьме, г. 310, 315, 317, 350, 364, 367, 368, 371, 379, 417, 438, 443, 447, 451, 461
Владимиро-Волынская земля 327, 358, 367, 400—404, 409, 419
Владимиро-Волынское княжество 368, 400, 402—404, 414
Владимировка, с. 84, 85
Владимиро-Суздальская земля 365, 452
Владимиро-Суздальская Русь 368, 371, 382, 459
Владимирская волость 404
Владимирский удел, 409
Вознесенка, с. 289, 292
Вопнь, г. 327, 394—396
Волга (Волга Нижняя; древнее название: Итиль), р. 101, 107, 117, 145, 276, 290, 297, 300, 304, 306, 310, 342, 346, 349, 412, 419, 435, 437, 467
Волго-Окское междуречье 69, 119, 259, 263, 277, 282, 298, 468
Волковцы, с. 146
Володарев, г. 376
Волхов, р. 285, 289, 290, 306
Волчья, р. 28
Волошское, с. 53, 104, 116, 268, 284, 286
Волхов, р. 285, 289, 290, 306, 435
Волчья, р. 28
Волыно-Подольская возвышенность 31
Волынская земля 327, 358, 365, 367, 400, 403, 409, 418
Волынская обл. 312, 325
Волынцево, с. 69, 122, 295
Волынь 58, 61, 70, 77, 83, 89—91, 94—95, 119, 160, 254, 275, 297, 307, 367, 310, 381, 383, 400, 401, 403, 404, 420, 425
Волынь, г. 401
Волынь Восточная 67, 91, 297
Волынь Западная 59, 63, 74, 94, 95, 140
Воронеж, г. 101, 129
Воронеж, р. 417
Воронежская обл. 44
Ворошиловград, г. 107
Ворошиловградская обл. 107
Ворскла, р. 58, 69, 127, 139, 140, 145, 157, 163, 260, 361, 394, 400, 412
Восток Ближний 26, 60, 99
Восток Передний 129, 130, 134, 136, 145, 200, 466
Вщиж, г. 379, 385, 387, 389, 462
Вщижский удел 393
Вырь, г. 396, 407
Вышгород, г. 314, 325, 327, 328, 330, 331, 339, 344, 355, 373—375, 387, 418, 439, 458
Вятич, г. 389
Вятичская волость 379, 392
Вятичская земля 369, 389, 407

Гавриловка, с. 182
Гайворон, с. 285, 287
Гайсинский р-н 63
Галицкая земля 318, 319, 327, 331, 358, 401, 403—407, 409, 411, 418, 442—454
Галицкий удел 409
Галицко-Волынское княжество 401, 409
Галицкое княжество 368, 404—406, 408, 414
Галич (НРБ), с. 192
Галич, г. 310, 314, 315, 317, 327—329, 331, 364, 367, 368, 370, 371, 379, 381, 383, 397, 400, 404—411, 418, 419, 425, 433, 451—454, 462
Галичина 370, 376, 383, 401, 403, 404—406, 409, 420
Галичский р-н 120
Галлия 277, 195, 277
Гераклея Понтийская 206—208, 211, 214—217, 221, 224, 225, 229, 234, 235, 238, 241
Германия 366, 372, 426
Германская Демократическая Республика (ГДР) 278
Германская империя 345, 356
Гермонакта, г. 213
Гермонасса 204, 219, 220
Гибралтар 22
Гиржево, с. 47
Глинск, г. 394
Глухов, г. 385, 392
Глущец, р. 402
Гнездово, с. 307

Гнилопять, р. 293, 377
Голландия 64
Голопристанский р-н 116
Голтав, г. 396
Гомельская обл. 261
Горгипия, г. 204, 221, 222, 248, 249
Горзувит (ныне Гурзуф), г. 301
Городенковский р-н 56
Городец, г. 355, 369, 370, 417
Городище, с. 333
Городищенский р-н 269
Городок (Ровенская обл.), с. 119
Городок (Хмельницкая обл.), с. 283, 291
Городок, г. 405
Городск, с. 313, 377
Горынь, р. 64, 370, 400, 401, 402, 404, 418
Гостиничи, г. 387
Гремячский р-н 44
Греция 202—204, 206, 214, 227, 228, 234, 242—247, 275, 350, 466
Григорьевпа, с. 286, 287
Грозинцы, с. 284
Грузия (Грузинская ССР) 105, 303
Грушевка, с. 192
Губин, г. 370
Гущино, с. 387
Гюричев, г. 386

Дакия 259, 260, 275
Далматия 435
Дверен, г. 370, 376, 380
Дедово, с. 127
Дедославль, г. 389
Делос, г. 224. 225
Дербепт, г. 343, 416
Деревич, г. 370
Деревская земля 358
Деспа (Десна Верхняя, Десна Средняя, Десна Нижняя), р. 24, 42, 58, 69, 70, 93. 112, 139, 144, 145, 163, 178, 179, 255, 259, 263, 266, 283, 296, 297, 327, 351, 355, 369. 385—387, 394, 435, 468
Джанкой, г. 133
Дзержинский р-н 333
Дитиничи, с. 275
Дмитриевка, с. 237
Дмитров, г. 459
Днепр (древпее назпание: Борпсфен; Днепр Верхний, Днепр Средний, Днепр Нижний), р. 58, 61, 65, 67, 69, 77, 84, 87, 88, 90, 93. 97. 111. 114, 117, 121, 123, 128, 137, 139—141, 143, 145, 147, 148, 155, 157, 160, 163, 175, 178, 180—182, 190—193, 195, 196, 207, 208, 255—258, 263—266, 270, 273, 274, 277—279, 282, 283, 289, 290, 296, 297, 299, 300, 305, 322, 327, 332, 338, 339, 344, 346—348, 351, 354, 355, 359—362, 369, 371, 373, 376, 381, 385, 394—396, 404, 411, 412, 416, 417, 421, 435, 440, 467, 468
Днепро-Бугский лиман 193, 204, 466
Днепровский залив 390
Днепровский лиман 207
Днепровское Левобережье 60, 83, 87, 88, 90, 93, 101, 112, 139, 157, 163, 164, 192, 195, 260, 263, 284, 327, 358, 411
Днепровское побережье 394, 396, 412
Днепровское Правобережье 92, 96, 108, 112, 123, 139, 157, 162, 163, 178, 255, 260, 270, 297, 327, 356, 369
Днепро-Днестровское междуречье 279
Днепропетровск, г. 56, 65, 104
Днепропетровская обл. 65, 106, 116, 149—153, 155, 166, 167, 191, 192, 268, 286
Днестр (древпее назпание: Тирас; Днестр Верхний, Днестр Средний), р. 23, 30, 38, 42, 44, 58, 61, 63—65, 71, 78, 91, 112, 125, 128, 129, 131, 133, 137, 139, 140, 143, 144, 147, 157, 160, 191—193, 214, 258, 260, 265, 273, 274, 276, 278, 282—284, 296, 297, 327, 342, 349, 405, 406, 453, 454, 466
Днестровский лиман 204, 213
Днестровское Правобережье 274, 284
Днестро-Дунайское междуречье 140, 159, 213, 404, 405
Днестро-Прутское междуречье 260
Добраничевка, с. 44
Доброводы, с. 91
Добруджа 24, 148, 180, 201
Добрыневцы, с. 284
Долинка, с. 120
Долобское озеро 322, 360
Дон (древпее назпание: Тинаис; Дон Нижний, Дон Средний), р. 41, 44, 107. 133, 141—145, 147, 166, 189—192, 194, 195, 197, 201, 221, 229, 232, 233, 258, 259, 276, 285, 286, 290, 297, 299, 300, 306, 310, 346, 349, 362, 385, 396, 412, 416, 469
Донбасс 23, 24, 28, 33, 99, 109
Донецкая обл. 107—109, 113
Дорогобуж, г. 377, 402
Дорогобужская волость 404
Дорогочин, г. 379
Доростол (ныне Силистрия, БНР), г. 347
Друцк, 396
Дубровица, г. 370, 377
Дунай (древпее назпание: Истр; Дунай Средний, Дунай Нижний), р. 77, 93, 101, 133, 142—146, 180, 191—195, 214, 215, 227, 258, 270, 273—275, 277—279, 280, 281, 295—297, 305, 306, 326, 342, 347, 348, 404, 407, 435, 467
Дядьков, г. 370
Дяченков, с. 264

Евразия 24, 130, 132, 200
Европа 24, 26, 27, 31, 33—35, 42, 44—46, 49, 50, 56, 64, 98, 101, 106, 117, 130, 190, 195, 202, 254, 257, 258, 260, 264, 265, 275, 277, 282, 283, 289, 300, 303, 309, 318, 349, 363—365, 371, 419, 434, 435, 437, 468, 469
Европа Восточная 22, 24, 32, 40, 41, 45, 46, 52, 54, 55—57, 60, 65, 69, 71, 72, 74, 77, 91, 97, 98, 101, 102, 107, 111, 112, 116—118. 125, 126, 128, 129, 132, 165, 188, 196, 200. 202, 208, 209, 253—260, 264, 265, 269, 276, 282, 289, 301, 308, 415, 419—421, 467
Европа Западная 23, 24, 31, 38, 41, 45, 117, 164, 199, 303, 306, 308, 320, 332, 366. 372, 419, 423, 445
Европа Северная 259, 260
Европа Северо-Восточная 45, 258
Европа Средняя 45, 99, 117, 132, 161, 253
Европа Центральная 31, 63, 77, 84, 94, 116, 120, 125, 126, 140, 258, 277, 304, 419, 467
Европа Юго-Восточная 31, 46, 265, 269, 270, 272, 275, 281, 468
Европа Южная 45, 227
Европейская часть СССР 22, 24. 28. 36, 45, 46, 54, 130, 131, 201

Египет 98, 134, 198, 224, 225, 239, 435
Ереван, г. 135
Ефрат, р. 435

Жванец, с. 81
Житомир, г. 293
Житомирская обл. (Житомирщина) 44, 96, 124, 158, 313, 333, 419, 461
Жовнин, с. 394—396
Журавка, с. 269

Заале, р. 277, 468
Заветное, с. 187
Завихост, г. 419
Зазимье, с. 122
Закавказье 71, 98, 227, 416
Закарпатская Русь 405
Закарпатье 23, 30, 59, 61, 65, 84,89, 90, 98, 125—127, 178, 260, 304, 310, 467
Залещицкий р-н 56
Западная Двина, р. 297, 349, 435
Западная Римская империя 264
Западный Буг, р. 94, 95, 141, 276, 283, 286, 288, 297, 327, 349, 370, 400—402
Запорожская обл. 99, 108, 142, 154. 157, 169, 170. 171, 176, 177, 289
Запорожье, г. 87, 105, 150, 191, 289, 292
Зареческ, г. 370, 377
Заруб, г. 327, 371, 376
Зарубинцы, с. 261
Збруч, р. 123, 293
Звенигород, г. 317, 327, 405—407
Звенигородская волость 406
Звенигородский удел 409
Здвиж, р. 371, 377
Здвижка, с. 124
Здолбица, с. 119
Зелы, г. 229
Зимнее (Зимно), с. 284, 288, 290, 297, 325
Змеевка, с. 114
Знаменка, с. 182
Зозев, с. 119
Золотая балка, с. 182
Золотая Орда 414, 419, 420
Золотоноша, г. 395
Зуша, р. 385
Зуя, пгт. 30

Иван, г. 327, 371, 376
Иванковцы, с. 271
Ивано-Франковская обл. 56, 64, 120, 125, 140
Ижеславец, г. 417
Измаильщина 82
Изюм, г. 69, 127
Изюмский р-н (Изюмщина) 69, 107, 127
Илурат, г. 184, 231, 247
Ильинецкий р-н 288
Ильичевка, с. 113
Ильмень, оз. 277, 282, 289, 298, 306, 435, 468
Ильская, ст. 30
Ингул, р. 107, 193
Ингулец, р. 137, 138, 193, 412
Индия 198, 435
Иония 203, 204, 206, 207, 242, 243, 435
Ипуть, р. 263, 263, 385
Ирап 167, 198, 201, 289
Ирклеевский р-н 55
Иркутская обл. 44
Ирпень, р. 261, 307, 350, 351, 371, 375, 443
Ирша, р. 377
Искоростень, г. 297, 330, 350, 377
Испания 52, 195
Истрия, г. 192, 204, 214, 238
Итака, о. 435
Италия 225, 227, 235, 269, 309, 342
Итиль, г. 300, 306, 346
Ишкузу 201

Кавказ 22—24, 36, 45, 68, 88, 92, 94, 99, 105, 112, 116, 117, 133, 135, 136, 166, 178, 198, 200, 227, 230, 319, 413, 423
Кавказ Северный 28, 30, 99, 105, 107, 109, 113, 117, 136, 190, 299, 416
Кавказ Средний 98
Кавское, с. 119
Кагарлыкский р-н 265
Казаровичи, с. 266
Казахстан (Каз. ССР) 45, 98
Калиновка, с. 133
Калка, р. 369, 384, 393, 400, 416
Каллатис, г. 204, 238
Калос Лемен, г. 181, 184, 216, 218
Кама, р. 112
Каменец, г. 401, 410
Каменец-Подольский, г. 23
Каменная Балка, с. 116
Каменный Брод, с. 461
Камень, г. 400
Канев, г. 118, 160, 261, 285, 286, 327, 330, 371, **376**, 413, 452
Каневщина 37, 40, 285
Кантемировка, с. 274
Капитаново, с. 113
Каппадокия 435, 453
Карачев, г. 389, 391
Карачевский удел 393
Кардашинка, с. 116
Карелия 69
Карпаты 23, 24, 257, 260, 264, 273, 303, 394, 404
Карпаты Западные 258
Каспий 342, 416, 417
Каспийское море (древнее название: Хвалынское море) 133, 230, 342, 435, 437
Каспийское побережье 133. 230, 342, 346
Каховка, 128
Кача, р. 34
Кашин, г. 417
Каяла, р. 393, 413
Квиты, с. 139
Келермесская, ст. 135, 149, 172
Кельменецкий, р-н 30, 44
Кения 21
Кепы, г. 220
Керкенетида, г. 181, 184, 215, 218
Керносовка, с. 106
Керченский п-о (древнее название: Боспор Киммерийский) 131, 141, 150, 153, 178, 204, 219, 221, 349, 466
Керченский пролив 88, 191, 228, 386, 466
Керчь, г. 156, 248, 250, 251
Кессария, г. 230
Киев, г. 20, 67, 69, 94. 101, 118, 119, 137, 147, 150, 261, 266, 273, 284, 290, 296, 297, 303—308, 310, 312, 314—318, 320—322, 325—330, 338, 339, 342, 344—360, 362, 364, 365, 367—387, 391—398, 400—403, 406—408, 413, 414, 416—418, 421, 423—425, 428—433, 436—439, 442—449, 451—455, 457—463, 469
Киевская земля 298, 355, 368—371, 374, 376—380, 383—386, 394, 400. 402, 403, 411—413, 418, 443
Киевская обл. (Киевщина) 44, 78, 86, 91, 122, 158, 265, 266, 272, 274, 322, 394
Киевская Русь 252, 254—278, 291, 293, 295, 298, 300, 302—305, 307—313, 317, 318, 324, 327, 331, 333—338, 340—342, 344—346, 348—351, 353—358, 361—364, 368, 368, 372, 386, 402,

413, 419, 422—427, 443, 462, 469—470
Киевское княжество 368, 384, 385
Кизик, г. 214, 229, 238
Киликия 435
Киммерик, г. 219
Киммерия 131
Кипр, о. 435
Кириния 435
Кировоградская обл. (Кировоградщина) 63, 85, 137, 158
Китай 129, 198
Китей, г. 219
Кичкас, с. 322
Клаземоны, г. 220
Клеческ, г. 370, 379
Книд, г. 183, 211, 235, 239
Кобелякский р-н 140
Кобин, г. 404
Коблево, с. 274
Кобрин, г. 400
Кобуд, г. 370
Ковалевка, с. 107, 193, 196, 197, 249
Козельск, г. 389, 417, 418
Козельский удел 393
Козырка, с. 237
Колодяжное (древний Колодяжин), с. 96, 333, 377
Коломна, г. 417
Колонтаев, с. 113
Колхида 131, 227
Комаров, с. 120, 121, 123, 269
Комаровка, с. 322
Конка, р. 111
Константинополь (славянское название Царьград) 305, 313, 326, 340—344, 346, 354, 362, 374, 421, 427, 428, 432, 457, 459
Корань, р. 394
Коринф, г. 208, 220, 229
Корокондама, г. 220
Королево, с. 23, 30, 31
Коростышевский р-н 313
Корсика, о. 435
Корсунь, г. 327, 353, 354, 371, 376, 380, 412, 427
Корсунь-Шевченковский, г. 139, 322
Корчев, г. 301, 349
Корчевск, г. 370
Корчин, р. 370
Кос, г. 183, 211, 224, 235
Костенки, с. 41, 44
Кострома, г. 417
Костромская, ст. 173
Котельница, г. 370
Крэков, г. 405, 418, 419
Краматорск, г. 109
Краснодар, г. 146
Краснокутский р-н 113
Красноперекопск, г. 106
Красный Маяк, с. 182
Кременец, г. 123, 401, 402
Кременчугский р-н 268
Кирев, г. 387
Крит, о. 435
Кросна, с. 400
Крым (Крымская обл., древнее название: Таврида, Таврический п-ов), п-ов 24—31, 34, 36, 38, 45—47, 51, 52, 61, 83, 88, 89, 106, 107, 112, 114, 133, 143, 144, 166, 167, 174, 178, 181—185, 187, 188, 190—195, 201, 213, 215, 218—220, 231, 233—236, 247, 249, 265, 275, 276, 281, 300—302, 343, 348—350, 412, 435, 467, 469, 470
Крым Восточный 26, 30, 34, 301
Крым Горный 144, 167, 178
Крым Западный 182, 204
Крым Северный 67
Крым Северо-Западный 215, 219, 233—235
Крым Степной 180
Крым Юго-Восточный 301
Крым Юго-Западный 34, 61, 186, 234, 235, 301, 302, 466
Кснятин, г. 394
Кубань 135, 149, 172, 173, 219
Кудин, г. 370
Кудново, с. 395
Кура, р. 343
Курдистан Иранский 135
Курск, г. 385, 386, 388, 391, 397, 400, 433
Курский удел 394
Курячьи Лозы, с. 115
Кут, с. 192
Кучелмин, г. 337, 404
Куяба, г. 298

Ладога, г. 330, 362
Ладожское озеро 289, 349
Лебединский р-н 285
Ледовитый океан 32
Ленин, с. 182
Лепесовка, с. 271
Лесбос, с. 435
Леськи, с. 267, 268
Лидия 134, 435
Ливенцовка, с. 107
Лиманцы, с. 109
Липа, с. 119
Липовецкий удел 394
Листвен, с. 355, 356
Литва 409
Ловать, р. 289, 435
Локпа, р. 396
Ломачинцы, с. 284
Лопасня, р. 385
Лопасня, волость 385
Лопастенский удел 394
Лтава, р. 394
Лубны, г. 264, 394, 395
Луга, р. 401
Лука Врублевецкая, с. 23, 78
Лукашевка, с. 93
Луква, р. 328, 406
Лукомль, г. 394
Лукьяновка, с. 114
Лутава, г. 369, 3, 387, 392, 396
Луцк, г. 64, 400, 402
Луцкое княжество 402, 403
Львов, г. 405
Львово, с. 132
Львовская обл. (Львовщина), 119, 140, 141
Любачев, г. 401, 405
Любачевка, р. 401
Любеч, г. 325, 327, 355, 356, 360, 387, 390
Любимовка, с. 182
Люблин, г. 419
Люблинская возвышенность 119
Любомиль, г. 400, 402
Лютеж, г. 261, 362

Мавритания 435
Мажево, г. 395
Мазовия 275
Майданецкое, с. 91
Македония 435
Максимовка, с. 268
Малая Каратуль, с. 394
Малин, г. 377
Малые Копани, с. 116
Малые Скоморохи, с. 120
Мармария 435
Марош, р. 144
Мартыновка, с. 284, 286
Маслово, с. 274
Матвеявка, с. 107
Маячный п-о 215
Мегары, г. 217
Межибожье, г. 370, 380, 400
Межирич, с. 37, 40, 41
Мезин, с. 37, 38, 40, 44
Мезия 193, 194, 274, 275
Мелитополь, г. 72, 74
Мелитопольщина 104
Мельница, г. 400
Мерв, г. 415
Месопотамия 435
Метрополь, г. 182
Мидия 133, 134, 189, 194, 200, 435
Микены, г. 112
Милет, г. 203, 204, 207, 210, 213, 238, 466

Мильск, г. 377
Мирмекий, г. 220
Мирное, с. 47
Михайловка, с. 83, 102—104, 116
Михалково, с. 140
Мичск, г. 377
Мпёво, с. 121, 122
Могилев-Подольский, г. 286
Могилев-Подольский р-н 287
Мозолевый Поток, р. 406
Молдавия (Молдавская ССР) 56, 63, 64, 77, 125, 140, 143, 266, 297
Молодово, с. 38
Молочная, р. 192, 412
Монголия (Монгольское гос-во) 129, 414, 416
Морава, р. 435
Моравия 320, 363
Моровийск, г. 369, 386, 387, 392
Москва, г. 381, 385, 417, 459
Муром, г. 350
Муромская волость 385
Муромско-Рязанская волость 391
Муховец, р. 400
Мценск, г. 389, 392

Надпорожье 46, 53, 56, 59, 65, 67, 68, 70, 71, 74, 104
Навкратис, г. 220
Нансс, г. 275
Напит, г. 181
Неаполь скифский 180—184, 186, 188, 219, 247, 274, 467
Нева, р. 420
Недао, р. 277
Незвисько, с. 56, 64, 71
Неман, р. 349, 370
Нижнегорский р-н 249
Нижняя Мезия 184, 234, 236, 237, 239
Никея 238
Николаев, г. 207
Николаевка, с. 182
Николаевская обл. 104, 105, 107—110, 115, 116, 148, 193, 196, 197, 204, 237, 249, 274
Никомидия 238
Никопий, г. 213
Нил, р. 435
Нишапур, г. 415
Нимфей, г. 220, 221, 228
Ниневия, г. 134
Ниос, г. 182
Нобелевка, с. 91
Новая Одесса, с. 104
Новгород, г. 298, 304, 310, 314, 315, 317, 318, 320, 321, 325, 328, 329, 339, 340, 347, 348, 350, 355, 358, 362, 364, 365, 368, 379—382, 396, 397, 423, 428, 429, 432, 433, 438, 442, 444, 445, 449, 451, 452, 459, 461, 463
Новгород-Святополч, г. 371, 376, 417
Новгород-Северская земля 365
Новгородская земля 319, 337,
Новгород-Северский, г. 139, 266, 310, 327, 385—388, 391, 392, 413
Новгород-Северский удел 393
Новгород-Северское княжество 385, 388, 390, 391, 413
Новобугский лиман 104
Новоодесский р-н 115
Новоразановка, с. 148
Новоушицкий р-н 271
Новофилипповка, с. 192
Норвегия 426
Норин, р. 377
Носачево, с. 138
Нумидия 435
Нура, р. 400

Обь, р. 133
Овруч (древнее название: Вручий), г. 297, 330, 348, 377, 453, 454
Одер, р. 128, 255—258, 260, 275, 277
Одерское Правобережье 275
Одес, г. 238
Одесса, г. 92
Одесская обл. (Одесчина) 46, 47, 56, 63, 111, 213, 274
Ока (Ока Верхняя, Ока Средняя, Ока Нижняя), р. 112, 258, 273, 282, 283, 290, 297, 298, 346, 349, 385, 417
Оксютинцы, с. 146
Олица, р. 370
Ольвия, г. 143, 144, 147, 151, 159, 166, 181—184, 190, 192—195, 197, 204, 207—216, 227, 228, 235—239, 241—251, 273, 274, 466
Ольжичи, г. 369, 370
Ольшаница, с. 64
Онежское озеро 349
Онут, г. 404
Орджоникидзе, г. 150
Орель, р. 65, 67, 69, 139, 192, 195, 399, 412, 413
Ормин, г. 389
Осиповка, с. 67
Оскол, р. 57
Осокоровка, с. 46
Остер, р. 351, 385, 392, 394, 451
Островцы, с. 125
Очаковский р-н 204, 237

Палестина 134, 135, 439
Паннония 235, 277, 281
Пантикапей, г. 151, 204, 219—222, 225—233, 241, 243—246, 251, 274, 466
Парутино, с. 204, 207
Пастырское, с. 284, 286, 325
Пафлагония 435
Пелопонес, г. 282, 435
Пеньковка, с. 287, 288, 291
Пергам, г. 184, 211, 224, 225, 235, 239
Переволока, г. 395
Переволочная, с. 394, 395
Перекоп, г. 230
Перекопский перешеек 180, 183, 191
Перемышль, г. 400—402, 405—407, 410
Пересечен, г. 342, 376
Пересопница, г. 327, 370, 377, 400, 402, 404
Пересопницкая волость 404
Перещепино, с. 65
Переяслав, г. 296, 305, 308, 310, 317, 325, 327—330, 338, 350, 351, 358, 362, 369, 379, 394—400, 417, 425, 433, 438, 443, 451, 462
Переяславец, г. 347
Переяслав-Залесский, г. 438
Переяславская земля 327, 350, 359, 368, 378—380, 385, 386, 391, 393—399, 400, 411, 451
Переяславское княжество 368, 385, 394, 413
Переяслав-Хмельницкий, г. 462
Переяслав-Хмельницкий р-н 322, 394
Переяславщина 261, 394
Персидский залив 435
Персия 435
Пески, с. 107
Песочный, г. 417
Печера, с. 63
Пина, р. 400
Пинск, г. 370
Плисненск, г. 327, 328, 330, 401
Пловдив, г. 347
Побужье 60, 77, 84, 94, 160, 252, 264, 370
Побужье Нижнее 143
Побужье Южное 84, 86, 91, 92, 94
Повисленье 261, 277, 468
Поволжье 112, 113, 117, 167, 192, 195, 199
Поволжье Нижнее 129
Поволжье Среднее 47, 112, 129
Поволжье Степное 189

Погорынье 370, 400, 402
Погребы, с. 263
Подесенье 75, 121, 127, 259, 261, 263, 266
Подесенье Верхнее 307, 389
Подесенье Нижнее 263
Подесенье Среднее 387
Подлиман, с. 113, 116
Поднепровье 24, 51, 58—61, 63—65, 67—74, 83, 84, 86, 88, 93, 104, 106, 117, 119, 141, 150, 160, 252, 262, 274, 287—289, 298, 319, 333, 342, 346, 351, 411, 413, 443, 452—454
Поднепровье Верхнее 118, 139, 255, 263, 266, 273, 279, 282, 283, 468
Поднепровье Киевское 74, 75
Поднепровье Лесостепное 116
Поднепровье Нижнее 66, 88, 104, 106, 238
Поднепровье Среднее 45, 67, 75, 85, 86, 90, 91, 93, 97, 106, 118, 139, 157, 160, 206, 209, 255, 263, 265, 266, 270, 274, 279, 291, 298, 303, 305, 307, 327, 372, 384, 468
Поднепровье Степное 107, 114, 115, 117, 128, 150, 274
Поднепровье Южное 296, 299
Поднестровье 24, 32, 59, 60, 74, 80, 82, 85—87, 92, 101, 116, 120—123, 140, 143, 213, 229, 252, 260, 264, 270, 275, 279, 289, 467
Поднестровье Верхнее 63, 84, 89—92, 94, 95, 160, 265, 270, 273, 275
Поднестровье Среднее 63, 77, 78, 80, 84, 91—93, 125, 260, 264, 265, 275
Подолия 96, 120, 254
Подолия Восточная 160
Подолия Западная 119, 179
Подольская возвышенность 119
Подонье 108, 110, 112, 113, 224, 231, 276, 296, 299
Подонье Среднее 144
Подпольная, р. 103
Подунавье 63, 84, 100, 101, 117, 129, 234, 258, 260, 263, 277, 280, 376, 468
Подунавье Нижнее 63, 125, 260, 273, 279, 467
Полесье 55, 56, 59, 67, 69, 73, 101, 119, 121—123, 139, 158, 167, 175, 178, 255, 275, 323, 369, 420
Полесье Белорусское 261
Полесье Киевское 87
Полесье Левобережное 91, 144, 179
Полесье Припятское 160, 259, 261, 371
Полкостень, г. 395
Половецкая земля 411, 412
Полонный, г. 377
Полоцк, г. 297, 305, 310, 330, 348, 350, 359, 364, 380, 429, 449, 451
Полоцкая земля 358, 365
Полтава, г. 69
Полтавская обл. (Полтавщина) 140, 268, 274, 292, 315, 428
Польша (Польское гос-во) 45, 75, 84, 94, 96, 119, 120, 303, 320, 349, 351, 355, 356, 359, 360, 372, 400, 401, 404, 409, 410, 419, 423, 426
Польша Восточная 120
Полянское княжество 304, 305, 326
Поморье 298
Понт (древнее название Черного моря) 191, 198, 205, 208, 214, 219, 223, 226—230
Понт Западный 214
Понт Южный 214
Поросье 346, 377, 380, 414
Посеймье 279, 369, 385, 388, 391
Посеймье Курское 179, 180
Посеймье Черниговское 396
Посулье 346, 397, 398, 399
Потисье Верхнее 126
Почет, с. 261
Прага 405
Предкавказье 110, 259, 412
Преслав, г. 347, 426
Приазовье 31, 45, 47, 61, 65—68, 71, 72, 88, 106—108, 112, 113, 129, 190, 219, 224, 231, 265, 272, 278, 279, 281, 298—300, 349, 411, 466, 469
Приазовье Восточное 221
Прибалтика 45, 69, 167, 201, 259, 272, 274, 278, 289, 467, 468
Прибалтика Восточная 298, 308, 320
Прибалтика Северо-Восточная 258, 283
Прибалтика Южная 283
Приднепровская возвышенность 31, 342, 346, 351
Прикамье 47, 112, 167
Прикарпатье 32, 74, 89, 90, 94, 119—123, 260, 273, 284, 297, 466
Прикаспий 194, 300, 469
Прикубанье 114, 144, 147, 167, 169, 194, 195, 221, 231
Прилуки, г. 395
Принцевы острова 340
Припятское Левобережье 256, 258, 369
Припять, р. 58, 70, 93, 137, 139, 144, 178, 179, 255, 261, 297, 369, 370, 385, 400, 435, 468
Пристромы, с. 394
Приуралье 167, 189, 192, 199, 209, 259
Приуралье Южное 129, 195
Причерноморье 46, 47, 60, 61, 129, 131, 133, 134—137, 141, 181, 188—190, 204, 222, 265, 277, 279, 280, 298, 303, 466, 468
Причерноморье Западное 214, 226, 238
Причерноморье Северное 31, 45, 46, 92, 98, 114—117, 119, 125, 127, 128, 131, 133, 140, 147, 158, 159, 161, 166, 175, 180, 185, 187, 188, 190, 191, 194—197, 199, 200, 202, 204—206, 210, 212—217, 219, 223, 225—231, 234, 236, 238—247, 250—252, 262, 265, 266, 269, 270, 272—278, 281, 289, 296, 299, 300, 349, 350, 466—469
Причерноморье Северо-Восточное 219, 221
Причерноморье Северо-Западное 45, 91, 107, 207, 250, 264, 266, 274
Причерноморье Степное 112, 257, 466
Причерноморье Юго-Восточное 214
Причерноморье Южное 238
Пропск, г. 417
Пропя, р. 385
Пропонтида 238
Прусы, г. 238
Прут, р. 84, 96, 143, 273, 297, 337, 404
Прутско-Днестровское междуречье 274
Псел, р. 58, 69, 127, 157, 162, 260, 264, 394
Псков, г. 325, 350, 433
Псковское озеро 282
Пустынка, с. 121, 122
Путивль, г. 327, 332, 336, 380, 385—389, 391, 393
Путивлька 388
Путивльский удел 394
Путивльщина 393
Пуховцы, с. 263
Пушкари, с. 44

Радомышль, 44
Ражичи, с. 47
Раздольное, с. 113
Ранжево, с. 274
Рациборовица, с. 120
Рашков, с. 286, 287
Регенсбург, г. 372, 405
Рейн, р. 117, 118, 195, 320
Речица, г. 385
Рим (Римская империя) 183, 184, 193, 194, 202, 203, 205, 206, 213, 215, 226—231, 233—239, 257, 260, 264, 270—277, 280—282, 289, 350, 435, 467
Рион, р. 131
Риппев, с. 286, 288
Ровно, г. 40, 120
Ровенская обл. 119, 124, 158, 275
Рогачев, г. 379
Родень, г. 296, 327, 349
Родос, о. 181, 183, 206—208, 211, 214, 220, 224, 435
Роксоланы, с. 213
Рокитнянский р-н 272
Романов, г. 404
Ромашки, с. 272
Ромны, г. 162, 394
Росава, р. 307, 412
Россия 41, 323
Роставица, с. 307, 371
Ростов, г. 310, 329, 350, 397, 417, 433, 451
Ростов-на-Дону, г. 108
Ростовец, г. 376
Ростово-Суздальская земля 307, 391
Ростовская земля 333, 338, 354
Рось, р. 84, 137, 150, 159, 193, 296, 307, 332, 349, 356, 361, 371, 376, 377, 412
Рубцово, с. 113
Рудичи, с. 369
Румынпя (СРР) 77, 82, 92, 125, 140, 148, 273, 278, 351
Румыния Восточная 265, 266
Русь 293, 298, 300, 301, 304—311, 313, 315 —320, 324, 325, 327—330, 334—336, 341—374, 376—387, 390, 394, 395, 398, 400—405, 407—414, 417—429, 432—446, 449, 451, 454—463, 469, 470
Русь Северная 341
Русь Северо-Западная 420
Русь Юго-Восточная 420
Русь Юго-Западная 420
Русь Южная 327, 338, 341, 367, 379, 384, 411, 419, 447
Рута, р. 308, 392
Рыльск, г. 385, 393
Рыльский удел 394
Рымов, г. 393, 399
Рязань, г. 310, 315, 417, 433, 461
Рязанское княжество 385

Сабатиновка, с. 63
Саврань, пгт. 56, 63
Саков, г. 369, 376
Саксин, г. 412
Саккыз, г. 135
Салгир, р. 180, 467
Самара, р. 139, 192, 195, 398, 413
Самарканд, г. 415
Самос, о. 184, 206—208, 211, 220, 235
Сан, г. 405
Сан, р. 401, 404, 405
Сандомир, г. 418, 419
Сарата, р. 46
Сардиния, о. 435
Сарды, г. 134
Саркел, г. 300, 346, 387
Сарматия 190, 259, 435, 467
Сарматия Европейская 190
Сасицко-Березанский лиман 274
Сахновка, с. 285, 322, 461, 462
Свенковичи, с. 387
Свинолужка, р. 23
Севастополь, г. 204, 215
Северская земля 358, 388
Северский Донец, р. 45, 58, 61, 67, 70, 74, 87, 106—109, 112, 113, 127, 143, 147, 157, 162, 176, 195, 279, 290, 299, 300, 361, 383, 394, 411, 413
Северское княжество 327
Сейм (Сейм Средний, Сейм Нижний), р. 69, 111, 121, 139, 144, 145, 157, 162, 163, 259, 263, 292, 297, 307, 385, 388
Семиградье 404
Семинь, г. 387
Семоч, г. 377
Сенная, ст. 204
Сербия 419, 426
Серет, р. 96, 143, 258, 337, 398, 401, 404, 405
Серим, г. 182
Сибирь Восточная 44
Сибирь Западная 112
Сибирь Южная 45, 101, 117
Симферополь, г. 30
Синец, г. 394
Синопа, г. 183, 204, 208, 211, 213, 214, 216, 224, 226, 227, 229, 231, 235, 238
Синюха, р. 143
Сирия 134, 135, 237, 435
Сицилия, о. 225, 435
Скандинавия 117, 274, 289, 303, 306, 372
Скибинцы, с. 63
Скифия 20, 131, 137, 141—151, 157—162, 164—168, 170—174, 176—178, 180, 190, 201, 202, 210, 255, 256, 259, 270, 274, 435, 467
Скифия Малая 180—183, 187, 201
Скифское царство (в Крыму) 182—184, 186—188, 213, 215, 219, 225, 247, 467
Словакия 89, 419
Словакия Восточная 12, 125, 273
Случеск, г. 370
Случь, р. 327, 333, 370, 377, 400, 404, 418
Смела, г. 138
Смелянский р-н 286, 287
Смоленск, г. 297, 307, 310, 314, 317, 321, 325, 329, 330, 350, 362, 367, 368, 379—381, 403, 425, 427, 429, 451
Смоленская земля 365—367, 395
Смоленское княжество 367, 381
Смоленщина 263
Смядинь, г. 375
Снов, р. 385
Сновск, г. 385, 387
Сновский удел 393
Сож, р. 263, 297, 385
Сокольцы, с. 63
Солокия, р. 402
Соломоник, г. 407
Сосна, р. 385
Сосница, г. 266
Софиевка, с. (Киевская обл.) 94
Софиевка, с. (Одесская обл.) 104
Сочава, г. 404
СССР (Советский Союз) 26, 28, 31, 36, 38, 40
Спаш, г. 392
Средиземное море 435
Средиземноморье 45, 52, 60, 98, 99, 105, 110, 112, 181, 208, 219, 223, 247, 466
Средиземноморье Восточное 22, 78, 83, 131, 180, 200, 202, 238
Среднерусская возвышенность 31
Средний Стог, о. 87
Ставчаны, с. 271
Старая Ладога, г. 285, 298, 317, 429
Старая Русса, г. 463
Старобешевский р-н 111
Старогорожепо, с. 105, 108

Стародуб, г. 385—387, 392
Стародубский удел 393
Стеблевка, с. 119
Сточ, р. 401
Стрижен, р. 386
Строков, с. 395
Стубла, р. 370
Стугна, р. 93, 179, 351, 371, 376, 443
Студенцы, с. 80
Студенок, с. 107
Стырь, р. 64, 400, 402
Субботово, с. 138
Сугдея (Сурож; ныне Судак), г. 301, 349, 350
Сугров, г. 361, 396, 412
Суздаль, г. 310, 317, 354, 375, 397, 417, 451
Суздальская земля 338, 339, 354, 418
Сула, р. 58, 69, 127, 146, 157, 162, 260, 264, 297, 307, 327, 349, 351, 394, 396, 398, 413, 435, 443
Сумская обл. 122, 285, 287, 288, 295
Супой, р. 44, 385, 391, 395
Сурский, о. 56, 65
Сухая Грунь, р. 163
Сухие Ялы 28

Табористан 342
Таврика 183, 229
Тальянка, с. 91
Таманская, ст. 204
Тамань (Таманский п-о) 144, 166, 167, 178, 191, 194, 219, 221, 243—246, 276, 301, 412
Танзания 21
Танаис, г. 166, 195, 197, 198, 221, 222, 224, 231—233
Тарутинский р-н 111
Тафры, г. 183
Таповичи, с. 47
Тбилиси, г. 416
Тверь, г. 417
Теребовль, г. 405, 406, 408
Тернопольская обл. 56, 123, 140, 158
Тернопольский р-н 56
Тетерев, р. 67, 283, 313, 370, 377, 418
Тий, г. 238
Тилигульский лиман 274
Тира, г. 180, 204, 213—215, 227—229, 237—239, 250, 273, 274, 466
Тиритака, г. 219, 220, 245, 246
Тисменица, р. 400
Тисса, р. 23, 195, 277
Тихомль, г. 370, 410
Тмутараканская земля 355
Тмутараканское княжество 301, 349, 470
Тмутаракань (древняя Таматарха), г. 349, 350, 373, 385—387, 412
Товаров, г. 376
Томы, г. 192, 204, 214, 238
Торжок, г. 417
Торское, с. 56, 64
Торческ, г. 327, 371, 376, 377, 380
Трансильвания 125, 127, 144, 419
Трансильвания Северная 125
Трансильвания Северо-Восточная 125
Трапезунд 204
Треполь, г. 327, 371, 376, 393
Триполье, с. 78
Тростянецкий р-н 63
Троя, г. 131
Трубеж, р. 93, 350, 351, 369, 385, 394, 395, 443
Трубецк, г. 385
Трубчевский удел 394
Тульчинский р-н 63
Турийск, г. 400
Турия 400
Туркестан 417
Туров, г. 350, 370, 381, 397, 403, 429, 433
Турово-Пинская земля 358, 370
Туровская волость 369
Тус, г. 415
Тысмяничи, г. 404
Тюркский каганат 300
Тясмин, р. 137, 138, 159—161, 193, 260, 283, 296, 307, 371, 412

Уборть, р. 377
Угла, р. 398
Углич, г. 417
Угорка, р. 402
Угровск, г. 402
Удай, г. 394, 395, 398
Уж, р. 377
Узбекистан 26
Украина (Украинская ССР) 22, 24, 28, 31, 32, 35, 36, 38, 41, 45, 46, 50, 52, 55—61, 63—78, 80, 82—84, 88—90, 96—99, 101—106, 110, 112, 114—118, 121, 125, 127—130, 137, 139—141, 178, 179, 195, 196, 200, 254, 255, 264, 265, 270, 273, 275, 276, 294, 323, 351, 368, 465—467
Украина Восточная 87
Украина Левобережная 67, 73, 107, 112, 466
Украина Правобережная 77, 97, 123, 257, 258
Украина Степная 195
Ульский аул 149
Уманский р-н 267
Умань, г. 123
Упа, р. 385
Урал (Уральские горы) 45, 98, 112, 133, 144, 167, 258
Урал (древнее название: Яик), р. 362, 412
Урал Южный 36
Урарту 134, 136
Урмия, оз. 134
Усатово, с. 92
Устье, г. 395
Усть-Каменка, с. 192
Ушеск, г. 377
Ушица, г. 337, 404, 407

Фанагория, г. 204, 219, 220, 222, 227—230, 233
Фасис, г. 197
Фасос, г. 214, 216
Феодосия, г. 194, 204, 217, 221, 224—226, 228—230, 241
Фессалоника, г. 281
Филиппополь (ныне Пловдив), г. 275
Финикия 435
Финский залив 349
Фракия 145—147, 213, 237, 274, 280, 282, 347, 435
Франция 38, 40, 52, 53, 64, 303, 356, 426, 434
Фригия 134, 435

Хабен, г. 181, 183, 219
Хазарский каганат 300, 306, 319, 345, 346, 469
Халеп, г. 376
Харакс, г. 234
Харьковская обл. 107, 113, 114, 116, 162
Хвощево, с. 315, 428
Хиос, о. 206—208, 220, 435
Хирея, р. 393
Хмельницкая обл. 81, 82, 158, 271, 281, 283, 291, 294, 333
Хмельницкий, хут. 192
Херсонес, г. 178, 180, 181, 183, 184, 190, 204, 206, 211, 213—219, 224—230, 233—238, 241—251, 273, 274, 289, 301, 349, 466
Херсонская обл. (Херсонщина) 102, 103, 111, 113, 114, 116, 132
Хиос, о. 435
Ходжент, г. 415
Холм, г. 402, 425, 438, 454

Хорезм, г. 415, 435
Хоробр, г. 392
Хорол, г. 396
Хорол, р. 394, 396, 399, 400
Хортица, с. 360, 416
Хреновка, с. 288
Чемерин, г. 370
Червень, г. 327, 402, 403
Черевковское, с. 108
Черкасская обл. (Черкасчина) 55, 68, 86, 120, 138, 158, 176, 267—269, 274, 284—288, 322, 325, 461, 462
Черкассы, г. 67
Черн, г. 404
Черная, р. 52
Чернигов, г. 69, 263, 266, 296, 305, 307, 308, 310, 325, 327—331, 355, 356, 358, 364, 367—370, 381, 384—392, 395, 397, 400, 417, 422, 425, 429, 433, 438, 442, 448, 451—454, 460
Черниговская земля 327, 365, 368, 379, 381, 385—387, 389, 392, 393, 439
Черниговская обл. (Черниговщина) 37, 44, 67, 121, 122, 369, 385, 391, 420
Черниговский удел 393
Черниговское княжество 368, 385, 390, 392—394
Чернобыль, г. 377
Черновицкая обл. 30, 37, 44, 140, 158, 269, 286, 287
Черное море 133, 142, 166, 178, 197, 202, 204, 206, 214, 217, 220, 226, 228, 265, 273, 274, 278, 279, 304, 343
Черняхов, с. 265, 271, 274
Черторыйск, г. 370, 379, 400
Чехия (Чешское гос-во) 277, 303, 320, 347, 372, 419, 423, 426, 463
Чехословакия 38, 41, 47, 61, 120, 278, 351
Чигирин, г. 138
Чигиринский р-н 132
Чичерск, г. 370, 385
Чудское озеро 349, 420
Чурнаев, г. 376, 380
Чучин, г. 327, 371, 376

Шайо, р. 419
Шарукань, г. 361, 396, 412
Шевченко, с. 113
Шепетовский р-н 333
Шестовицы, с. 307, 387
Шулаев, о. 65
Шумейко, хут. 162
Шумск, г. 370

Эвбея, о. 435
Эгейское море 227
Эллада 281
Эльба, р. 255, 277, 468
Эмба, р. 101
Эфес, о. 229, 235
Эфиопия 21, 435
Эя, р. 131

Югославия 140, 278
Южный Буг, р. 58, 61, 63, 78, 82, 84, 91, 107, 114, 117, 143, 158, 159, 175, 179, 185, 193, 199, 208, 263, 283, 285, 287, 288, 292, 296, 342, 349, 369, 370, 404, 418
Юрмин, г. 379
Юрьев (ныне Белая Церковь) 327, 355, 371, 376, 377
Юрьев-Польский, г. 417
Ютландия 117
Юхново, с. 139

Яблоня, с. 110
Янчино, с. 395
Ярослав, г. 405, 420
Ярославль, г. 417
Ясиноватский р-н 107

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Каменные орудия труда 25
Древнее жилище из костей мамонта. 20—18 тыс. лет до н. э. . . . . 32—33
Палеолитические музыкальные инструменты. 20—18 тыс. лет до н. э. . . . 32—33
Костяные предметы 37
Глиняная модель жилья трипольской культуры. III тысячелетие до н. э. . 48—49
Киноклеподобный сосуд из трипольского поселения. III тысячелетие до н. э. 48—49
Деталь украшения скифского убранства — головка богини Деметры. IV в. до н. э. . . . . 48—49
Орудия труда из мезолитических стоянок Украины 50
Внешний вид людей эпохи неолита и энеолита. Надпорожье 58
Глиняная посуда из поселений культуры линейно-ленточной керамики . . 64
Остродонный и плоскодонный сосуды населения днепро-донецкой культуры 68
Каменные навершия булав — символов власти и подчинения 71
Украшения днепро-донецких племен 72
Изображение быка на плите Каменной Могилы 73
Гончарная печь 81
Зооморфная и антропоморфная пластика трипольской культуры 82
Глиняная посуда. Трипольское поселение 85
Глиняные изделия из трипольских поселений 86
Остатки оборонительной стены 102
Кромлех вместе с каменной гробницей 105
Антропоморфная стела, так называемый керносовский идол 106
Посуда из погребений племен катакомбной культуры 107
Каменные топоры-молоты 109
Посуда из погребений катакомбной культуры племен Степного Правобережья 110
Керамика раннего этапа срубной культуры 113
Бронзовые серпы 115
Оружие племен срубной культуры 116
Металлические украшения племен средневековой культуры 118
Жилище из поселения Пустынка. XII—XI вв. до н. э. 122
Посуда племен тшинецко-комаровской культуры 124
Реконструкция серпов 125
Орудия труда среднего и позднего периодов эпохи бронзы 126
Бронзовая секира. IV в. до н. э. 132
Киммерийская стела. IX в. до н. э. 133
Золотые украшения тронных ассирийских табуретов. Конец VII в. до н. э. 135
Сцена боя старых конных скифов с молодыми воинами. IV в. до н. э. . . . 142
Золотая пектораль. IV в. до н. э. . . . . 144—145
Литая бронзовая монета с изображением Медузы. Ольвия. IV в. до н. э. . 144—145
Хиосский кубок. Березань. VI в. до н. э. . . . . 144—145
Военное снаряжение и убранство конных скифских воинов 146
Скифский воин в полном боевом снаряжении 148
Снаряжение скифского царя. IV в. до н. э. 149
Уздечные уборы. IV—III вв. до н. э. 150
Гегелина (Нечаева) Могила — один из самых больших курганов Степной Скифии 151
Скифы. IV в. до н. э. 152
Головной убор скифской царицы. IV в. до н. э. 153
Бой скифов. IV в. до н. э. 154
Сцена из скифской жизни. Фриз чертомлыкской вазы. IV в. до н. э. . . . 155
Сцены из военного быта скифов. IV в. до н. э. 156

Утварь. IV в. до н. э. 157
Глиняный кувшин из могильника черняховской культуры. III—IV вв. . . 160—161
Серебряные пряжки и фибулы. VI—VII вв. . . . . 160—161
Золотое нагрудное украшение. VII в. . . . . 160—161
Шейный золотой обруч (гривна). IV в. до н. э. 166
Золотые ножны меча. IV в. до н. э. 167
Золотая оковка горита (футляра для лука). IV в. до н. э. 169
Золотая и серебряная посуда. IV в. до н. э. 170
Скифы. IV в. до н. э. 171
Золотое украшение щита — «келермесская пантера». VI в. до н. э. 172
Золотое украшение щита — «костромской олень». VI в. до н. э. 173
Бронзовая бляха с изображением свернувшегося хищника. V в. до н. э. . . 174
Изображение сирены на пластинке из кости. IV в. до н. э. 176
Сцена из скифской мифологии. IV в. до н. э. 177
Рельеф с изображением Скилура и Палака. II в. до н. э. 182
Каменная стела с изображением сарматского воина. Начало нашей эры . . 187
Сарматский катафрактарий — конный воин в полном боевом снаряжении . 189
Золотые браслеты с цветными вставками из захоронения знатной сарматки. Начало нашей эры 193
Зеркало из захоронения знатной сарматки. Начало нашей эры 196
Мраморный сосуд из захоронения знатной сарматки. Начало нашей эры . 197
Рельеф с изображением Трифона из Танаиса. Начало III в. н. э. 198
План Ольвии эллинистической эпохи. Первые века нашей эры 208
Квартал жилых домов III—II вв. до н. э. в Верхнем городе Ольвии 211
Уличная сцена в Ольвии 212
План Херсонеса 216
Херсонесский театр 218
Боспорские воины. III—II вв. до н. э. 223
Портрет юноши на стеле Херсонесского некрополя. IV в. до н. э. 240
Письмо Ахиллодора на свинцовой пластинке. Березань. Конец VI в. до н. э. 241
Фасад храма, посвященного царю Аспургу. Пантикапей. 23 г. н. э. 242
Каменный склеп Золотого кургана. Пантикапей. Начало IV в. до н. э. . . . 243
Мозаичный пол с изображением сцены умывания. Херсонес. III—II вв. до н. э. 244
Боспорская надгробная стела. II в. до н. э. 245
Артемида Ольвийская. III—II вв. до н. э. 246
Терракота Кибелы. Ольвия. Первая половина III в. до н. э. 247
Мраморная головка. Ольвия. III в. до н. э. 248
Мраморный посвятительный барельеф. Ольвия. Первая половина III в. до н. э. 249
Терракота коры Персефоны. Ольвия. Первая половина III в. до н. э. . . . 250
Мастерская живописца. Роспись каменного саркофага. Керчь. Конец I в. н. э. 251
План двора на черняховском поселении. IV в. 267
Железный наральник черняховской культуры. III—IV вв. 268
Диорама древнерусского города Воиня. XI—XIII вв. . . . . 272—273
Диорама древнерусского города Чучина. XI—XIII вв. . . . . 272—273
Жилище славянского поселения. Схематическая реконструкция 283
1, 3 — металлические застежки. VII в. 284
Серебряные фигурки. VII в. 285
Глиняная посуда. VII—VIII вв. 286
Клад железных предметов. VIII—IX вв. 287
Оклад книги. XII—XIII вв. . . . . 288—289
Змеевики. XII в. . . . . 288—289
Серебряный орел — навершие (военный знак). VII в. 289
Збручский идол. VIII—X вв. 294
Урновое захоронение. VII—VIII вв. 295
Пахота и строительство на Руси 311
Земледельческие орудия труда. XII—XIII вв. 312
Изделия из железа. XI—XIII вв. 314
Рукоять меча с надписью-клеймом: «Коваль Людота». X—XI вв. 315
Остатки срубной постройки. Киев. X в. 316
Угол сруба. Киев, X в. 317
Древнерусские монетные гривны. XI—XIII вв. 320
Княжеская диадема из золота с перегородчатой эмалью. XII в. . . . . 320—321
Золотые трехбусинные серьги киевского типа. XII—XIII вв. . . . . 320—321

Оборонительный вал г. Белгорода (ныне с. Белгородка под Киевом). X в. . 325
Колты из золота с перегородчатой эмалью. XII—XIII вв. . . . . 336—337
Бронзовые с позолотой черепахоподобные фибулы. IX—X вв. . . . . 336—337
Восстание в Киеве в 1068 г. 339
Поход Олега в Царьград 341
Полюдье 343
Ольга у византийского императора 345
Крещение Владимира в Корсуне 353
Строительство города Киева 357
Победа русских дружин над половцами 361
Интерьер Софийского собора в Киеве. 1037 г. . . . . 368—369
Древний Киев — Город Владимира. XII—XIII вв. . . . . 368—369
Серебряный черненый браслет. Киев. XII—XIII вв. 372
Трехбусспнная сережка киевского типа. Киев. XII—XIII вв. 373
Серебряный звездчатый колт. Киев. XII—XIII вв. 374
Древнерусский воин . . . . . 384—385
Парадный (праздничный) убор женщины княжеско-боярского круга. XII—XIII вв. . . . . 384—385
Пятницкая церковь в Чернигове. Конец XII в. 388
Серебряная чаша из Чернигова. XII в. 389
Серебряная чаша из Чернигова (фрагмент). XII в. 390
Образец глаголического письма. X в. 427
Новгородская берестяная грамота. XI в. 429
Настенная надпись-граффито из Софийского собора в Киеве. XI—XII вв. . 430
Настенная надпись-граффито из Софийского собора в Киеве. Конец XI—начало XII в. 431
Переписывание книг в библиотеке при Софийском соборе в Киеве 432
Строительство города Белгорода . . . . . 432—433
Усадьба XII в. Киев (Подол) . . . . . 432—433
Десятинная церковь в Киеве, западный фасад. 989—996 гг. 444
Золотые ворота в Киеве. XI в. 446
Фрагмент мозаичного пола Софии киевской . . . . . 448—449
Киевская ротонда. XII—XIII вв. . . . . 448—449
Софийский собор в Киеве. 1037 г. Макет 449
Терем на детинце г. Чернигова. XI в. 452
Резная капитель и угловой камень портала. XII в. 454
Скоморохи. Фреска на стене юго-западной башни Софийского собора в Киеве. XI в. 457
Серебряная оправа турьего рога. Чернигов. IX—X вв. 460
Литейная формочка из Киева. X в. 461

СПИСОК КАРТ И СХЕМ

Основные памятники эпох палеолита и мезолита 43
Племена неолитической эпохи 62
Племена медного века 79
Племена бронзового века . . . . . 112—113
Скифия. Сарматы. Античные города Северного Причерноморья . . . . . 112—113
Славянские племена и их соседи на рубеже н. э. и в первой половине I тыс. н. э. (на современной территории Украинской ССР) . . . . . 304—305
Киевская Русь (Древнерусское государство) в IX — начале XII в. . . . . 304—305
Русские княжества в XII—XIII вв. Борьба против монголо-татарских завоевателей 415
Территория древнего Киева с расположением памятников каменной архитектуры 450

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Предисловие к тому 17

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ

ГЛАВА I. ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ УКРАИНСКОЙ ССР 21

1. Эпоха палеолита 22

Ранний палеолит (22). Средний палеолит (24). Поздний палеолит (31). Искусство, духовный мир и социальная организация человека позднего палеолита (36).

2. Эпоха мезолита (эпипалеолита) 45

Природная среда и расселение человека в эпоху мезолита (45). Поселения и хозяйство человека эпохи мезолита (46). Социальная организация, духовный и культурный мир человека эпохи мезолита (51).

3. Племена неолитической эпохи 55

Природная среда. Прогресс экономики (55). Культурно-хозяйственные районы и основные периоды развития неолитических племен (59).

4. Ранненеолитический период 61

Племена буго-днестровской культуры (63). Дунайские племена культуры линейно-ленточной керамики (63). Племена сурско-днепровской культуры (65).

5. Средний и поздний периоды неолита 67

Племена днепро-донецкой культуры (67). Племена культуры ямочно-гребенчатой керамики (69).

6. Социальный строй и духовная культура неолитического населения 70

ГЛАВА II. ПЛЕМЕНА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ (МЕДНЫЙ ВЕК) 76

1. Ранний период энеолитической эпохи 77

Раннетрипольские племена (78). Племена гумельницкой культуры (82).

2. Средний период энеолитической эпохи 83

Среднетрипольские племена (84). Среднестоговские племена (87). Кеми-обинские племена (88). Энеолитические племена на современной территории западных областей УССР (89).

3. Поздний период энеолитической эпохи 90

Позднетрипольские племена (91). Племена культуры воронковидных кубков (94). Племена культуры шаровидных амфор (96).

ГЛАВА III. ПЛЕМЕНА БРОНЗОВОГО ВЕКА 98

1. Скотоводческо-земледельческие племена степной зоны 101

Племена ямной культуры (101). Племена катакомбной культуры (106). Племена культуры многоваликовой керамики (111). Племена срубной культуры (112).

2. Земледельческо-скотоводческие племена лесостепной зоны и Полесья 117

Племена культур шнуровой керамики (117). Племена тшинецко-комаровской культуры (120). Племена белогрудовской культуры (123). Племена культуры Ноа (125). Племена становской культуры (125). Племена бондарихинской культуры (127).

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ СТРОЙ.

ГЛАВА IV. КИММЕРИЙЦЫ. СКИФЫ. САРМАТЫ 129

1. Киммерийцы 130

Древнейшие известия о киммерийцах (130). Письменные источники о взаимоотношениях киммерийцев и скифов (133). Племена Правобережной Лесостепи IX—VII вв. до н. э. (137). Племена Левобережной Лесостепи и западных территорий Украины IX—VII вв. до н. э. (139).

2. Скифия VI—III вв. до н. э. 141
Этногеография Скифии (141). Поход Дария I Гистаспа в Скифию (145). Скифия в VI—IV вв. до н. э. (146). Быт и обычаи скифов (148). Хозяйство кочевых скифов (151). Земледельческие племена Скифии (157). Племена Правобережной Лесостепи (158). Племена Левобережной Лесостепи (162). Хозяйство племен Лесостепной Скифии (164). Торговля у племен Скифии (165). Общественный строй Скифии (168). Религия (175). Соседи скифов (178).

3. Малая Скифия 180
Занятия и материальная культура (185). Военное дело (185). Общественный строй и верования (186).

4. Сарматские племена 188
Этническая принадлежность. Язык (189). Раннесарматский период (190). Среднесарматский период (192). Позднесарматский период (194). Хозяйство, быт и культура сарматских племен (196).

ГЛАВА V. АНТИЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ . . 202

1. Греческая колонизация Северного Причерноморья 202
Причины греческой колонизации (202). Политическая организация античных городов-государств (204).

2. Античные города-государства в период с VI по II в. до н. э. 206
Основные этапы развития городов-государств (206). Ольвия (207). Тира (213). Херсонес (215). Боспор (219).

3. Античные города-государства в I в. до н. э.—IV в. н. э. 226
Северное Причерноморье в конце II в. до н. э.—I в. н. э. (226). Боспор (229). Херсонес (233). Ольвия (236). Тира (238).

4. Культура, искусство и религия античных городов-государств Северного Причерноморья 240
Культура (240). Искусство (243). Религия (250).

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛАВА VI. ДРЕВНИЕ ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ (II В. ДО Н. Э.— IX В. Н. Э.) 253

1. Население современной территории Украинской ССР во II в. до н. э.—II в. н. э. Древнейшие сведения о славянах 254
Историография проблемы происхождения славян (254). Древнейшие письменные известия о славянах (257). Зарубинецкая культура (260). Расселение древних славян (262).

2. Древние славяне и их соседи во II—V вв. 264
Основные группы населения на современной территории Украины во II—V вв. (264). Племена черняховской культуры (267). Племена Прикарпатья и Северного Причерноморья (273).

3. Восточные славяне в VI—IX вв. 277
Особенности развития славянского общества в VI—IX вв. (277). Славянские племена и их роль в исторических событиях времен Балканских войн (VI—VII вв.) (278). Социально-экономическое развитие восточных славян в VI—IX вв. (283). Союзы племен накануне образования Древнерусского государства (294). Соседи восточнославянских племен (298).

ГЛАВА VII. ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО — КИЕВСКАЯ РУСЬ 303

1. Образование Древнерусского государства 304
Летописные сведения о начале Древнерусского государства (304). Сложение древнерусской народности (308).

2. Социально-экономическое развитие Киевской Руси 310
Сельское хозяйство (310). Ремесло (313). Торговля (318). Древнерусское село (321). Древнерусский город (324). Феодальное землевладение (330). Феодальная вотчина (331). Феодальные повинности (334). Классовая борьба (337).

3. Политическая история Киевской Руси 340
Киевская Русь IX — первой половины X в. (340). Киевская Русь во второй половине X в. (345). Киевская Русь на рубеже I и II тысячелетий (348). Введение христианства на Руси (351). Киевская Русь в первой половине XI в. (355). Киевская Русь во второй половине XI — в начале XII в. Борьба Руси с половцами (358).

ГЛАВА VIII. РУСЬ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XII—ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.) 364

1. Основные тенденции исторического развития Руси 364
Новый этап развития феодализма на Руси (364). Общественно-политическая жизнь Руси XII — первой половины XIII в. (367).

2. Киевская земля 368
Территория (368). Города (371). Политическая история (377).

3. Черниговское и Новгород-Северское княжества 385
Территория (385). Города (386). Политическая история (390).

4. Переяславское княжество 394
Территория. Города (394). Политическая история (396).

5. Волынское княжество 400
Территория (400). Города (401). Политическая история (402).

6. Галицкое княжество 404
Территория (404). Города (405). Политическая история (406).

7. Древняя Русь и кочевники 411
«Поле Половецкое» (411). Борьба Руси против монголо-татарского нашествия (414).

ГЛАВА IX. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ 421

1. Пути формирования и развития древнерусской культуры 421

2. Письменность. Библиотеки и школы. Просвещение и научные знания. Литература. Музыка 426
Письменность (426). Библиотеки, школы, просвещение и научные знания (433). Литература (435). Музыка (441).

3. Архитектура, живопись, прикладное искусство 443
Архитектура (443). Монументальная живопись (455). Станковая живопись (458). Прикладное искусство (459).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 465

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 471

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 475

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 480

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 490

СПИСОК КАРТ И СХЕМ 492

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

**Первобытнообщинный строй
и зарождение классового общества.
Киевская Русь**
(До второй половины XIII в.)

Печатается по постановлению Президиума
Академии наук Украинской ССР

Редактор А. М. Терлецкая
Литературный редактор М. М. Друченко
Оформление художника В. М. Флакса
Художественный редактор С. П. Квитка
Технический редактор М. А. Притыкина
Корректоры С. А. Евецкая, Н. А. Луцкая,
Л. Ф. Стеценко, А. С. Улезко

Информ. бланк № 4374

Сдано в набор 16.03.81.
Подп. в печ. 07.12.81.
БФ 01194. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1.
Обыкн. нов. гарн. Выс. печ.
Усл. печ. л. 42,58. Усл. кр.-отт. 51,34.
Уч.-изд. л. 40,79. Тираж 58 000 экз.
Заказ 1-95. Цена 3 руб. 20 коп.

Издательство «Наукова думка»
252601, Киев, МСП, Репина, 3.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, Донец-Захаржевская, 6/8.

ИСТОРИЯ
УССР

1